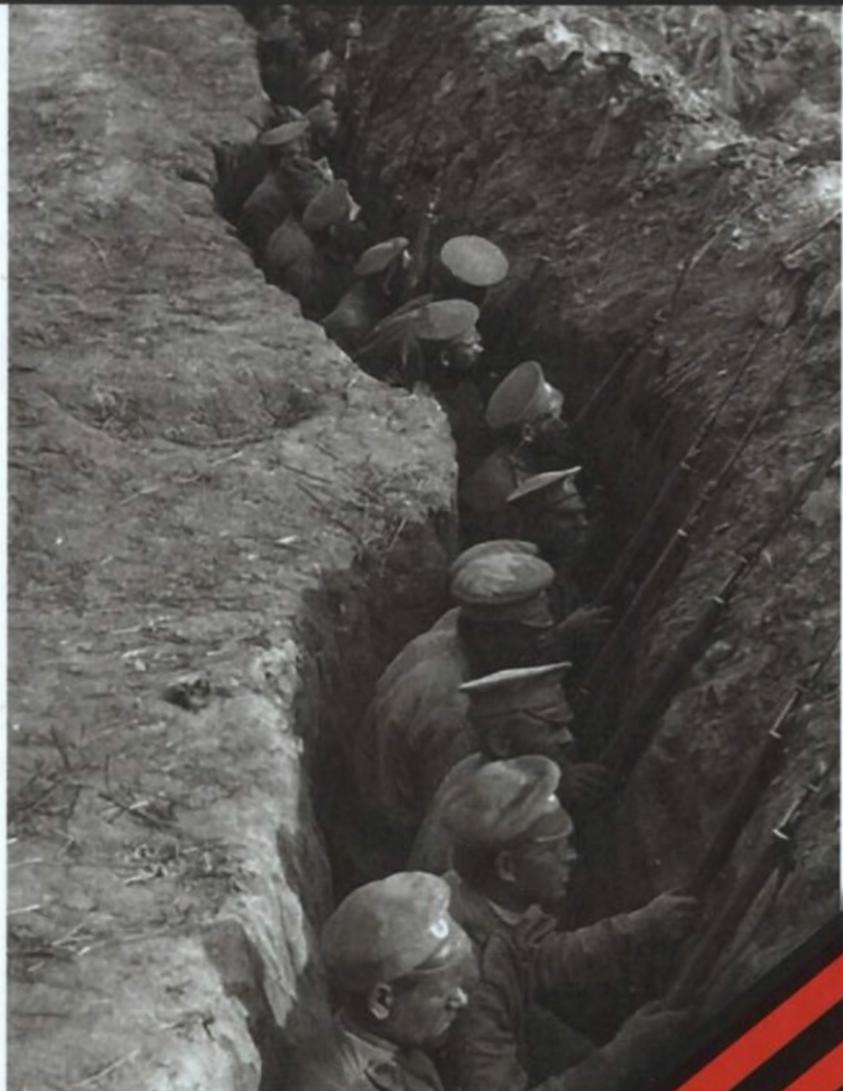

ЕВРОПА И РОССИЯ В ОГНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

Российская академия наук
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный военно-исторический совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под редакцией
действительного государственного советника
Российской Федерации I класса *В.А. Золотарева*

МОСКВА • ИНЭС • РУБИН • 2014

ЕВРОПА И РОССИЯ В ОГНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К 100-летию начала войны

Москва
Институт экономических стратегий
2014

УДК 355/359
ББК 63.3(0)53-6
Е241

Серия основана в 2009 году

Рецензенты:

*Ганелин Рафаил Шоломович — член-корреспондент РАН;
Медведко Леонид Иванович — доктор исторических наук, профессор;
Филипповых Дмитрий Николаевич — доктор исторических наук, профессор.*

Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию
Е241 начала войны/В.Р. Мединский, вступ. слово — (Военная история
Российского государства/под ред. В.А. Золотарева) — М.: ИНЭС,
РУБИН, 2014. — 880 с.

ISBN 978-5-93618-211-2

28 июля 1914 г. — один из самых трагических дней мировой истории. В этот день 100 лет назад началась Первая мировая война, названная еще и Великой. Тогда никто и предположить не мог, что именно эта трагедия станет некоей точкой отчета для всех последующих мировых событий XX в., а ее отголоски будут слышны и сегодня, в веке XXI.

В России эта война из империалистической стала гражданской, а после — забытой. Бурный характер последовавшей эпохи (революции, иностранная интервенция и Гражданская война) привел к утрате многих источников и свидетельств.

В данной книге Великая война рассматривается в логической последовательности: геополитические построения — оформление военных блоков — война — ее восприятие обществом и влияние ее результатов на судьбы Европы.

При этом особое внимание уделено новым государствам, возникшим после распада Российской империи. На основе анализа общественных настроений и последствий войны в заключительной части труда рассмотрена взаимосвязь Первой и Второй мировых войн. При подготовке издания были использованы редчайшие документы из российских, европейских и японских архивов.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)53-6

Исследовательско-издательский проект «Военная история
Российского государства» реализуется в рамках программы
Клуба православных предпринимателей, одобренной
Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в декабре 2009 года

РПП ИНЭС Р1401
ISBN 978-5-93618-211-2

© Авторский коллектив, 2014
© Главная редакционная коллегия, 2014
© Институт экономических стратегий, 2014
© Русский биографический институт, 2014

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

- Агеев А.И.* — пролог
- Артамошин С. В.* — часть I, гл. 1; часть III, гл. 1, разд. 1.1; часть IV, гл. 1.
- Буранок С. О.* — часть III, гл. 1, разд. 1.2; гл. 2, разд. 2.2.; гл. 3, разд. 3.2; гл. 4, разд. 4.2; часть IV, гл. 9.
- Буранок А. О.* — часть IV, гл. 4.
- Глухарев Н.Н.* — часть III, гл. 2, разд. 2.1.; гл. 3, разд. 3.1.
- Зотова А.В.* — часть II, гл. 1.
- Кудрина Ю. В.* — часть IV, гл. 10, разд. 10.1.
- Лавренов С. Я.* — часть IV, гл. 5, разд. 5.3.
- Литвин А. М.* — часть IV, гл. 5 разд. 5.4.
- Матвеева А.М.* — часть I, гл. 3.
- Мединский В.Р.* — вступительное слово
- Медников И. Ю.* — часть IV, гл. 10, разд. 10.4.
- Назария С. М.* — часть IV, гл. 5, разд. 5.5.
- Новикова И. Н.* — часть IV, гл. 5, разд. 5.1.
- Полторац С.Н.* — часть III, гл. 4, разд. 4.1; гл. 5.
- Саксонов С.И.* — часть II, гл. 4.
- Селиверстов Д.* — часть I, гл. 2; часть IV, гл. 6.
- Симиндей В. В.* — часть IV, гл. 5, разд. 5.2.
- Смирнов В. П.* — часть IV, гл. 7.
- Смольянинов М. М.* — часть IV, гл. 4 разд. 5.4.
- Суржик Д. В.* — часть IV, гл. 2; часть 4, гл. 8; эпилог.
- Шевель А.А.* — часть II, гл. 2.
- Шкундин Г. Д.* — часть I, гл. 4; часть II, гл. 3; часть IV, гл. 3; часть IV, гл. 10, разд. 10.2, 10.3.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ПРОЕКТА «ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

А.И. Агеев — д.э.н., профессор, академик РАЕН, генеральный директор Института экономических стратегий РАН;

В.А. Золотарев — председатель Главной редакционной коллегии проекта «Военная история Российского государства», действительный государственный советник РФ I класса, д.и.н., д.ю.н., профессор, вице-президент РАЕН, член-корреспондент РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны;

А.М. Соколов — заместитель председателя Главной редакционной коллегии проекта «Военная история Российского государства», почетный доктор истории Международного университета «PRO DEO» (Италия), академик РАЕН, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны;

А.Г. Бах — лауреат РАЕН, общественный деятель, организатор шахматного движения в России;

Л.А. Буланов — член-корреспондент РАЕН, академик МААНОИ, ЕАЕН;

О.П. Ермилина — член-корреспондент МАНПО;

Г.И. Загорский — д.ю.н., профессор, академик РАЕН;

В.П. Зимонин — д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, академик РАЕН;

А.Е. Карпов — президент Ассоциации фондов мира;

А.В. Кирилин — к.и.н., действительный член МАНПО;

М.Н. Кожевников — д.ю.н., профессор, академик РАЕН;
В.Г. Кикнадзе — к.в.н.;
Г.Э. Кучков — член-корреспондент МАНПО;
И.И. Максимов;
Марк — архиепископ Егорьевский;
Н.М. Москаленко — почетный профессор ЕАЕН,
член-корреспондент МАНПО;
А.К. Никонов — к.и.н., член-корреспондент РАЕН;
Н.А. Петухов — д.ю.н., профессор;
С.Н. Полтораки — д.и.н.; профессор, академик РАЕН,
ЕАЕН;
Б.Г. Путилин — д.и.н., профессор, академик РАЕН;
О.А. Ржешевский — д.и.н., профессор, почетный доктор
истории, академик РАЕН, почетный президент
Ассоциации историков Второй мировой войны;
А.А. Саркисов — академик РАН;
Д.В. Суржик — к.и.н., доктор философии (исторические
науки) Европейского Университета (Германия);
С.Л. Тихвинский — академик РАН;
В.Г. Тыминский — профессор, президент ЕАЕН;
С.А. Тюшкевич — д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, академик РАЕН;
В.С. Христофоров — д.ю.н., профессор, академик РАЕН;
Е.П. Чельшев — академик РАН;
В.Е. Чуров — председатель Научного совета Российского
военно-исторического общества;
П.А. Шашкин — к.ф.н.

Главный военно-исторический совет, Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства» и Клуб православных предпринимателей выражают искреннюю благодарность за неоценимую помощь в подготовке и издании книги

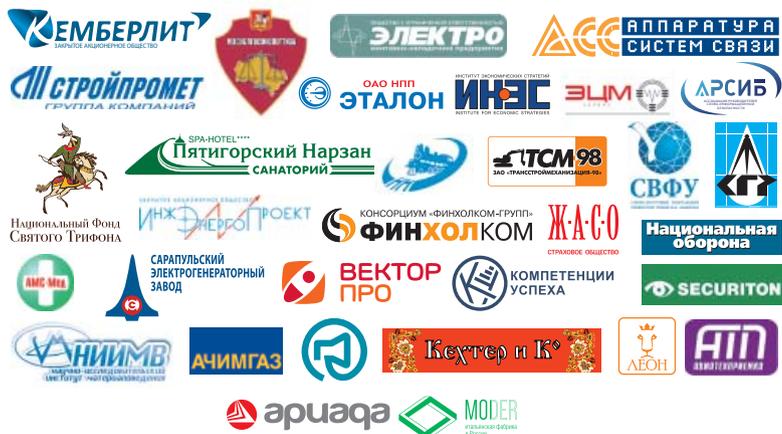
Бабанину Павлу Юрьевичу, Барсукову Александру Михайловичу, Бурматову Сергею Владимировичу, Васильеву Виктору Григорьевичу, Горячеву Игорю Евгеньевичу, Зубченко Владимиру Васильевичу, Ищенко Василию Витальевичу, Кехтеру Владимиру Эриковичу, Ковригину Валерию Евгеньевичу, Коновалову Алексею Анатольевичу, Коротченко Игорю Юрьевичу, Кудрявцевой Елене Леонидовне, Мальчевскому Анджею Рышардовичу, Махаеву Владимиру Александровичу, Минину Виктору Владимировичу, Михайловой Евгении Исаевне, Мусинову Сергею Васильевичу, Недовиченко Александру Андреевичу, Осиповичу Олегу Валерьевичу, Рябикову Алексею Евгеньевичу, Симоновой Ольге Геннадьевне, Сомову Александру Викторовичу, Уваровскому Владимиру Юрьевичу, Чумаковой Татьяне Арсентьевне,

а также руководству и сотрудникам компаний, при участии и поддержке которых было выпущено данное издание:

НП «ИНЭС», ООО «Кехтер и К», ЗАО «Аппаратура систем связи», ООО «Компания “ЛЕОН”», ЗАО «НИИ Материаловедения», Консорциум «ФИНХОЛКОМ-ГРУПП», Фонд возрождения народных традиций «Национальный Фонд Святого Трифона», ОАО «Муромский радиозавод», ЗАО «Трансстроймеханизация-98», ГАУМО «Мособлгосэкспертиза», ОАО «Научно-производственное предприятие «Эталон», ГК «Стройпроект», ЗАО «Кемберлит», ОАО «Сарапульский электрогенераторный завод», Межрегио-

нальная общественная организация «Ассоциация руководителей служб информационной безопасности», ЗАО «Ариада», ЗАО «ИнжЭнергоПроект», ООО «МНП “Электро”», ООО «Спецгеологоразведка», ООО «АМС — Мед», ООО «Машук», ЗАО «ЭЦМ-Сервис», ООО «ВекторПро», ООО «ИД “Национальная оборона”», ОАО «Авиатехприемка», ОАО «Страховое общество ЖАСО», ЗАО «Ачимгаз», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ООО «Модер Индастри», ООО «Транспортно-экспедиторская компания Нижегородский экспресс».

Кроме того, хотим выразить благодарность тем лицам и организациям, которые по тем или иным причинам предпочли оказать нам поддержку анонимно.

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ РФ В.Р. МЕДИНСКОГО	13
ПРОЛОГ. РАСПЛАТА ЗА МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ.	15
ЧАСТЬ I. ГЕОПОЛИТИКА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
Глава 1. Возникновение и императивы немецкой школы геополитики на пути к мировому господству.	31
Глава 2. Цели Великобритании и Франции в будущем конфликте	54
Глава 3. Державные интересы России в Первой мировой войне (из опыта отечественной геополитической мысли).	81
Глава 4. Балканский узел противоречий великих держав	106
ЧАСТЬ II. ПОДГОТОВКА ОСНОВНЫХ СТРАН-УЧАСТНИЦ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИБЛОКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
Глава 1. Модернизация оборонно- промышленного комплекса России накануне и его развитие в ходе войны.	127
Глава 2. Рождение Антанты и организация взаимодействия ее вооруженных сил	147
Глава 3. Борьба за союзников на Балканах	182
Глава 4. «Все немцы — под властью кайзера»: вопросы политического союза и военного взаимодействия Германии и Австро-Венгрии.	194

ЧАСТЬ III. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Глава 1. Кампания 1914 года	229
1.1. Боевые действия на европейском континенте: «бег к морю», формирование основных фронтов.	229
1.2. Боевые действия на море: начало битвы за Атлантику и блокады флота Германии. Успехи немецких подводных лодок. Сражение в Гельголандской бухте. Набег на Ярмут. Итоги морской кампании 1914 года на Западе	254
Глава 2. Кампания 1915 года	264
2.1. Боевые действия на европейском континенте: позиционная война на Западе, попытки вывести Россию из войны и бои на Кавказском фронте.	264
2.2. Боевые действия на море: планы на 1915 год. Сражение у Доггер-банки. Попытка захвата проливов Дарданеллы и Босфор. Итоги 1915 года	289
Глава 3. Кампания 1916 года	299
3.1. Боевые действия на европейском континенте: Западный фронт остался не сокрушен, успехи России на Кавказе	299
3.2. Боевые действия на море: планы на 1916 год. Ютландское сражение: ход и итоги	325
Глава 4. Кампания 1917 года	334
4.1. Боевые действия на европейском континенте: падение российского исполина, американцы на европейской земле.	334
4.2. Боевые действия на море: планы на 1917–1918 годы. Итоги морской войны. Успехи союзников в борьбе с подводными лодками. Подготовка и реализация США операций 1917–1918 годов.	354
Глава 5. Кампания 1918 года. Победа Антанты и капитуляция стран Тройственного (Четверного) союза	364

ЧАСТЬ IV. ОБЩЕСТВО И ВОЙНА

Глава 1. Лояльная Германия и рефлексия войны германским обществом	391
Глава 2. Противоречивая Австро-Венгрия	415
Глава 3. Армянский вопрос в политике Османской империи и великих держав	432
Глава 4. Непредсказуемая Россия	446
Глава 5. Новые европейские государства в годы Первой мировой войны	470
5.1. Финляндия	470
5.2. Первая мировая война и общество в Прибалтике	506
5.3. Украина накануне и в годы Первой мировой войны	528
5.4. Беларусь в годы Первой мировой войны	546
5.5. Молдавия	586
Глава 6. Патриотичная Великобритания	603
Глава 7. Французское общество в годы Первой мировой войны	623
Глава 8. Распропагандированная Америка	654
Глава 9. Таинственная Япония	686
Глава 10. Нейтралитет стран в годы Первой мировой войны	714
10.1. Скандинавские страны	716
10.2. Швейцария	740
10.3. Албания	753
10.4. Нейтральная Испания	767
ЭПИЛОГ. Мир, который не дал мира	787
Литература	790

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Первая мировая война — вначале вторая отечественная, затем империалистическая. Забытая на протяжении десятилетий история геополитической борьбы и военных союзов, история подвигов наших прадедов, история народов и краха империй. Важнейшее событие XX века, без которого не было бы ни Советской России, ни Второй мировой, — эта война возвращается на страницы научных трудов. Разными авторскими коллективами готовятся многотомные издания, посвященные боевым действиям, дипломатии, рисующие образы союзников и противников, то есть освещающие основные аспекты любой войны.

Что же отличает эту работу? Читателю предстоит вслед за авторами проделать путь из кабинетов императоров, канцлеров, военачальников от самого начала войны, от ее рождения в головах политиков — к дипломатической и экономической подготовке, через опутанные пороховой гарью и боевыми газами поля сражений и океанские волны — и посетить основные страны, вовлеченные в эти события. Перед ним предстанет и энергичная Великобритания, и усталая Франция, и противоречивая Австро-Венгрия, и измотанная Германия, и загадочная Япония, и непредсказуемая Россия, и целый ряд новых госу-

дарств, образовавшихся в Восточной Европе. Читатель узнает о подготовке войск, о миротворческих усилиях нейтральных стран, об искусственно созданном в Вене движении украинофилов, о геополитических размышлениях российских мыслителей, ныне незаслуженно забытых.

Многие другие аспекты событий столетней давности раскроются на страницах этой книги. Книги о прошлом ради будущего.

*Мединский Владимир
Ростиславович, министр
культуры РФ, председатель
Российского военно-
исторического общества*

ПРОЛОГ

Расплата за место под солнцем

*К столетию начала
Первой мировой войны*

Первая мировая война началась для России не с выстрела Г. Принципа. Ее объявил германский посол в Российской империи Ф. фон Пурталес, пришедший к С.Д. Сазонову. Объявил и разрыдался. Посол был настолько спутан своей обязанностью, что оставил российскому министру в папке два варианта ноты: жесткий и более мягкий, а затем обнял министра и вышел вон. Через 27 лет другой немецкий посол, граф В. фон Шуленбург, признается наркому В.М. Молотову, что также не хотел войны, о которой ему надлежало уведомить Советский Союз. Совпадения. Случайные ли?

Теперь, спустя многие десятилетия, мы можем оценить искренность чувств обоих дипломатов. Зная перспективы развития отношений с Россией, видя ее каждый день, они, безусловно, понимали ее намного глубже, чем берлинские стратеги. И наверняка, они глубже воспринимали трагедию кровопролития между двумя соседними государствами. Но если чувства и подвели двух дипломатов, то интуиция их не обманула. Хотя в обоих случаях посланники лишь анонсировали объявление великих трагедий.

Подготовка к ним во всех сферах жизни наших противников велась уже длительное время, и отлаженный механизм войны

уже работал, опережая слова. В 7 часов вечера 1 августа, когда расстроенный Пурталес находился у Сазонова, немецкие войска уже вошли в Люксембург. Когда вручалась нота Молотову, немецкая авиация и артиллерия уже в течение нескольких часов бомбила советские города, а вермахт пересек государственную границу.

И в 1914, и в 1941 г. агрессор стремился завоевать свое место под солнцем.

Любые войны ведутся за исход, последствия, которые будут после них, а определяются причинами, которые возникли накануне конфликта. Между причинами и исходом — собственно война, крайний способ разрешения международных противоречий. При этом определяющими факторами войны являются не только причины — набор реальных фактов, явлений, анализ перспектив развития текущей ситуации. К причинам тесно примыкает совокупность интерпретаций — и настоящего, и будущего. А там, где есть толкование разными людьми, есть риск ошибки.

Представляя ход и итоги будущей войны, каждая из сторон рассчитывает на свое превосходство. Франция полагалась исключительно на «элан виталь» — массовый порыв воодушевленных войск, который сотрет память об «ампутации, контрибуции и оккупации» в 1871 г. Несколько поколений французов со школьной скамьи воспитывались с идеей вернуть Эльзас и Лотарингию, с чувством ненависти к своему мрачному соседу, который, поигрывая мускулами, не раз подвергал республику унижительным «военным опасностям».

Для Германии превосходство над противниками подкреплялось технологическим рывком и идеей единства немецкого народа, который может развиваться, только обеспечив страну стабильным импортом сырья из колоний. Если немецкая философия признана всем миром, а промышленность и тем более военный флот уже конкурируют с английской «кузницей мира» и «владычицей морей», кайзеровскому руководству казалось, что настало время для рывка к мировому господству.

Реалистичнее и изощреннее рассматривала обстановку Великобритания, которая стремилась избежать участи морской блокады и, продолжая политику «блестящей изоляции»,

исподволь влиять на европейские дела, не допуская усиления какой-либо державы.

Сложнее и противоречивее было обретение смысла и реализация своих национальных интересов Россией, где, как показано ниже, существовало не менее трех основных направлений внешнеполитической мысли.

В отличие от мирного времени, допускающего стратегии «победитель — победитель», окончание войны оперирует только двумя альтернативами: «победитель — проигравший» и «проигравший — проигравший». В Первой мировой войне победу одержала Антанта, Германия и ее союзники проиграли, а России судьба уготовила особую роль — «проигравший победитель». В то же время для всех европейских держав победа далась неимоверным напряжением сил, крахом не только физическим, но и нравственным. Длительная позиционная война с отдельными кровавыми прорывами, которые также не несли облегчения, новые виды оружия, крах империй и демобилизация общественных настроений на длительное время обесценили прежние этические идеалы и ценности, создали хаос на несколько лет вперед и заложили мину, которая детонирует через два десятилетия. Но этот «человеческий фактор» не идет в учет, когда «реаль-политик» подводит свой холодный баланс. В категориях интересов влияния, мощи и потенциалов людские жертвы и разрушения выглядят холодно, арифметично. Кто-то, воспользовавшись крахом соперника, увеличил свой потенциал. Другие, сменив политические режимы и даже способ государственного устройства, обрели опыт жестких, прагматичных оценок и опоры на свои силы. Третьи же, де-юре сохранив государственный суверенитет, де-факто стали сильно зависимыми в экономическом плане.

Германии потребовалось всего лишь 15 лет, чтобы при попустительстве Лиги Наций начать экономический демонтаж своего международного статуса. А затем, основываясь на лживых и преступных иллюзиях, привлечь для этой цели свои восстановленные вооруженные силы, СС и даже подростков из гитлерюгенда.

Россия, изойдя реками крови в ходе Первой мировой и Гражданской войн, спустя 20 лет после своего исключения из числа

победителей обрела такую силу, которую после краха династии Романовых мало кто мог себе представить. Вместе с тем были заново выстраданны концепции, воспроизводящие неизменные интересы и целеполагания, вектора приложения энергии и развития нашей страны.

Надо признать — и об этом будет сказано ниже, — что не всегда геополитические интересы России в должной мере осознавались и реализовывались отечественными дипломатами. Если российские мыслители конца XIX в. сосредотачивали свое внимание на Средней Азии, то для окружения Николая II главенствующей идеей было сохранение влияния на Балканы, а министр иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюков видел Россию на Проливах, хотя и не учитывал мощного, исторически и геополитически обусловленного здесь противодействия Великобритании. И здесь англо-французским дипломатам удалось переиграть молодых российских дипломатов. Уже 13 марта 1914 г. английский посол Дж. Бьюкенен подтвердил, что «британское правительство соглашается на исполнение вековых притязаний России на Константинополь и Проливы на условиях, которые ему нетрудно будет принять»¹, а 8 марта 1915 г. французский посланник М. Палеолог, получив соответствующую телеграмму от Делькассе, заявил С.Д. Сазонову, что тот «может рассчитывать на искреннее желание французского правительства, чтобы константинопольский вопрос и вопрос о Проливах были решены сообразно с желанием России»². Однако британские дипломаты и их французские коллеги были настроены против «чрезмерно пророссийской» позиции Э. Грея. Так, английский посол в Париже Ф. Берти писал в дневнике: «... в случае ухода турок из Константинополя создается положение, совершенно отличное от того, при котором давались все эти обещания; что в правах и привилегиях, предоставляемых России, нельзя отказать Румынии, имеющей границу по Черному морю, или Болгарии. Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превра-

---

¹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991. С. 147–148.

² Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. С. 169.

щается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разрушаются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала...» — и далее: «Здесь <в Париже> все больше возрастает подозрительность касательно намерений России в отношении Константинополя. Считают целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвитин не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов — Дарданелл и Босфора»¹. И эти слова подтверждают современные исследователи: «Франция стала противником заключения соглашения по признанию за Россией прав на Константинополь и Проливы...»²

Преимущество стремления России обладать Проливами подтвердил в мае 1917 г. и министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Миллюков. Однако его преемник, 30-летний М. И. Терещенко, обратив внимание Бьюкенена на картину И. Е. Репина «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану», подчеркнул свое происхождение, но не державные задачи России на Проливах. И подобное явление — снижать внешнеполитические амбиции быстрее и значительнее, чем происходит реальное падение мощи страны, — увы, было характерно для динамики стратегической субъектности России³.

Спустя 22 года после крушения той империи, на XVIII съезде ВКП (б), глава Советского государства выступит со своей программной речью, в которой определит сложившееся положение и место в нем нашей страны. Прежде всего он подчеркнет, что уже идет «новая империалистическая война, разыгравшаяся на громадной территории от Шанхая до Гибралтара и захватившая более 500 миллионов населения. Насильственно пере-

¹ Цит. по: *Шацкило В. К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 280.

² *Гришина В. Ю.* Позиции Великобритании и России по вопросу военных целей в период Первой мировой войны, август 1914 — декабрь 1916 г. Дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. С. 205.

³ См.: *Азеев А. И., Куредов Б. В.* Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств (на примере России и Китая). М.: ИНЭС, 2008.

краивается карта Европы, Африки, Азии. Потрясена в корне вся система послевоенного так называемого мирного режима... экономический кризис... приводит к дальнейшему обострению империалистической борьбы. Речь идет уже не о конкуренции на рынках, не о торговой войне, не о демпинге. Эти средства борьбы давно уже признаны недостаточными. Речь идет теперь о новом переделе мира, сфер влияния, колоний путем военных действий... В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира»¹.

Перечень событий, которые втягивали мир в новый мировой конфликт, снова повторяет предысторию Первой мировой войны. Случайно ли, что снова полыхает Северная Африка (Абиссиния, Марокко), Балканы, Восточная Европа? Снова общественное мнение и шумиха в прессе, скрывающие реальные причины войны. Снова разрушение системы договоров, сумасбродное перекраивание государственных границ и втягивание России (СССР) в пожар войны. Снова наше отставание по размеру промышленного производства на душу населения, а значит — и в военно-экономической мощи... В любом случае «запаса прочности» Версальско-Вашингтонской системы хватило чуть более чем на 10 лет. Неизбежность новой мировой войны была «родовым пятном» этого договора девяти держав.

Тем не менее решения о начале, продолжении и конце войны принимаются сторонами и лицами, которые находятся под властью не только стереотипов, но и своей среды, информационной и человеческой, которая также может исказить реалии. Эта среда зачастую может препятствовать вертикальной связи между высшим и низовым уровнями управления, становиться препятствием для объективного контроля решений «верхов» и их реализации «низами». Так, исключительную ценность для российского верховного командования, как можно судить из настоящей книги, имели стратегические представления офицеров Генерального штаба, равно как и альтернативные прогнозы будущей войны, рожденные французским и германским военным аппаратом — для Парижа и Берлина.

---

¹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. XIV. М.: Писатель, 1997. С. 290, 294, 300.

То, что сама оценка обстановки всеми заинтересованными сторонами накануне, в ходе и после войны зачастую может быть недостоверной, на примере Первой мировой войны вскрыл русский военный мыслитель, создавший в эмиграции своеобразную «академию Генштаба» Н.Н. Головин. Например, весной 1916 г. командиры и солдаты воспринимали позиционные бои как вполне нормальную боевую ситуацию. Заметно улучшилось снабжение войск, армия готовилась наступать и успешно наступала на некоторых фронтах и участках. Далее складывается следующая схема: от низового командира вверх уходит вполне достоверная информация. Но когда такие сведения сводятся воедино в штабе армии или фронта, как правило, возникает искажающий эффект. Дело не в заговоре против вышестоящего командования, о котором не без оснований порой говорят исследователи¹. Причина здесь — желание высокого начальства перестраховаться, тем более в памяти живы воспоминания о гибели армии А.В. Самсонова, несогласованность действий, шапкозакидательство, «снарядный голод». В Петрограде на эту сводку накладывается столичное восприятие политической и околополитической публики, уничижительные стереотипы, переплетение клановых интересов и интриг. Положение на фронте рисуется этими «салонными стратегами» уже намного страшнее, чем в действительности. Кулуарная среда также хаотично возбуждена частыми перестановками в правительстве, а Государственная дума остается лояльной только союзникам России, но не ее верховному военно-политическому руководству. Вполне штатные события, препарированные прессой из этих кругов, резонируют на руководящие инстанции. Вирус искаженной картины «захватывает частоту» и подчиняет себе другие информационные сюжеты, влияет на процессы принятия или неприятия решений, исполнения или неисполнения пришедших сверху распоряжений. Вспомним сказанные в сердцах слова Николая II французскому послу Палеологу: «Эти петербургские миазмы чувствуются даже здесь, на расстоянии двадцати двух верст. И наихудшие

---

¹ См., например, *Мультатули П.В.* «Господь да благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Сатись, 2002.

запахи исходят не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какое ничтожество! Можно ли быть настолько лишенным совести, патриотизма и веры?»¹

Тот же вирус провоцирует болезненные, неадекватные реакции столичной публики и их коалиций, которые различными способами подрывали авторитет императорской четы. Отметим, что сложные отношения между двумя императрицами, Марией Федоровной и Александрой Федоровной, понятны. Возможно даже, здесь стоит искать корни неприятия двором, а затем и народом последней российской императрицы. Но противоречия матери и невестки не могли служить основанием для обвинений последней в тайных переговорах с Германией. Как писал в дневнике упомянутый М. Палеолог, «основа ее <Александры Федоровны> натуры стала вполне русской. Прежде всего и несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью»².

Из столицы отправляется ответный сигнал, явно неадекватный содержанию первоначального сообщения. Легко обозреть всего лишь несколько раундов такой переписки, когда буквально «песчинка обретает силу пули». На выходе же формируется синтетическая реальность, которая постепенно становится действительностью. Сходные метаморфозы происходят и сегодня накануне «цветных революций». Подробнее это описано в теории катастроф³. В предреволюционной России это усиливалось наличием официальной и вполне свободной в своих суждениях оппозиции, которая не стеснялась открытой клеветы на власть из опасений, что победа в войне произойдет без и даже против участия этих «либеральных» партий.

Объективное восприятие войны осложнялось известными транспортными проблемами, когда Москва была крупнейшим железнодорожным транспортным узлом, через который на фронт уходили войска, а военные лазареты, раненые и демобилизованные прибывали с фронта. Нельзя также сбрасы-

---

¹ Палеолог М. Указ. соч. С. 221.

² Палеолог М. Указ. соч. С. 145.

³ Арнольд В.И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990.

вать со счетов и антивоенную немецкую пропаганду, которая обретала весьма изощренные формы. Так, о публикациях одного такого автора руководитель контрразведки Петроградского военного округа полковник Б. В. Никитин записал следующее: «Внешним образом статьи эти... удовлетворяли всем условиям для напечатания: темы интересны и в высшей степени патриотичны, а форма изложения не оставляла желать лучшего. Однако после прочтения у вас остается какой-то неприятный осадок... вы лишены возможности обличить автора, ибо все его выводы одинаково патриотичны, как и все содержание. Но на его статью у вас самого вывод напрашивается совершенно иной, а в результате мысли, им затронутые, оказываются для вас отравлены»¹. Эта подрывная пропаганда легла на благодатную почву, ибо «в русском общественном мнении все более выкристаллизовываются два течения: одно — уносящееся к светлым горизонтам, к волшебным победам, к Константинополю... другое — останавливающееся перед непреодолимым препятствием германской скалы и возвращающееся к мрачным перспективам, достигая пессимизма, чувства бессилия и покорности Провидению. Что чрезвычайно любопытно, это — то, что оба течения часто сосуществуют или по крайней мере сменяются у одного и того же лица, как если бы они оба удовлетворяли двум наиболее заметным склонностям русской души: к мечте и разочарованию»². Неуравновешенность национального характера, его порой оторванная от реальной жизни мечтательность и неожиданный пессимизм — на этих чувствах играли пропагандисты той великой войны.

Все эти зафронтовые перипетии сознания также необходимо учитывать верховному главнокомандующему при принятии решений. И как показали события вековой давности, разведданные о своих войсках или противнике при всей своей важности не могут заменить знание воли своего народа. Государственные лидеры не всегда чувствуют ее надлежащим образом. Нередко лучше их это удается писателям и мыслителям. Когда в августе

---

¹ Никитин Б. В. Роковые годы. М.: Айрис-пресс, 2007. С. 100.

² Палеолог М. Указ. соч. С. 141.

1914 г. и столичную, и провинциальную Россию захлестнула патриотическая волна, малоизвестный писатель М. М. Пришвин записал в дневнике: «Россия вздулась пузырем — вообще стала в войну как пузырь, надувается и вот-вот лопнет <...> если разобьют, то революция ужасающая... Последствием этой войны, быть может, явится какая-нибудь земная религия»¹. Нельзя не поражаться и глубине известной записки П. Н. Дурново от февраля 1914 г., пророчествам Иоанна Кронштадтского. И как показали дальнейшие события, энергии народа бывает достаточно, чтобы смешать, спутать или вовсе разрушить расчеты руководителей, стратегов и командиров.

«Черные лебеди» Первой мировой войны вызвали колоссальные изменения, ожидать которые вряд ли мог кто-либо из современников. «Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог», — признавался Людендорф². Так желаемое для некоторых ключевых игроков той войны сплелось с непредсказуемыми «черными лебедями».

Новое, не скрывавшее своего временного характера российское военно-политическое руководство пыталось утвердиться через очернение и клевету на своих предшественников, а общение с подчиненными приобрело либерально-попустительский стиль. Вирусный «приказ № 1», изданный 1 марта 1917 г., стал детонатором социального протеста в рядах вооруженных сил. Если все описанные негативные факторы сами по себе были слабы и не представляли серьезной угрозы, то, собранные воедино и канализованные в войска названным приказом, они взломали империю накануне победы.

Но раскрытый ящик Пандоры таил гораздо больше из того, о чем не мог и подумать Людендорф. Соучастие Германии в провоцировании внутренней смуты в России дало импульс попыткам ряда игроков воспользоваться историческим шан-

¹ Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. М.: Московский рабочий, 1991. С. 86.

² Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 188.

сом. В декабре 1917 г. подписывается тайное соглашение между Великобританией и Францией, отдавшее в сферу интересов Великобритании Кавказ и казачьи территории на Кубани и Дону, а в сферу интересов Франции — Бессарабию, Украину и Крым. США вскоре заявили о своих интересах на севере России и на Дальнем Востоке и отправили экспедиционные войска. Разваливающаяся империя быстро наполнялась активно действующим по своему усмотрению вооруженным контингентом: возвращающимися с фронта частями и тысячами разрозненных военнослужащих, красногвардейцами, пленными чехами, словаками, австрийцами, китайцами, латышами, анархистами и т.д. Через год революция смела империю, которой служил мечтавший о революции для России Э. Людендорф. Исторический бумеранг действует безукоризненно. В хаос вверглись все. Даже США, позже всех вступившие в войну, в апреле 1917-го, в 1920 г. с трудом справлялись с нормализацией внутреннего положения в стране.

Германия, внешне потерпевшая весьма скромные изменения в ходе поражения, внутри напоминала бурлящий котел. Акт капитуляции Германии, подписанный в компъенском вагоне, был не только ее геополитической и экономической, но и экзистенциальной катастрофой. Ведь всего лишь за 60 лет германское национальное самосознание совершило невероятный прыжок вверх и оземь, плашмя. Когда в России состоялась коронация нового императора Николая Александровича, кайзер подвел первые итоги стремительного развития: «Германская империя превратилась в мировую империю». Означало это не только сдвиг самооощущения, но вполне реальную промышленную политику — «мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент». Прошло немногим более года, как новый российский император осваивался со своими обязанностями, а фон Бюлов в рейхстаге уже заявил: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, — эти времена миновали... мы требуем и для себя места под солнцем».

Однако стратегические цели империи, возникшей, по словам Макса Вебера, как следствие «мальчишеской выходки»,

выкристаллизовывались более трети века и определялись жаждой самореализации империи в форме мирового господства в экономике и политике как продолжении триумфа нации в области духа. В конфигурировании союзников для нового, имперского этапа своего подъема, у Германии был стратегический выбор. Прежде всего он предполагал определение линии в отношении России.

В 1890 г. эпоха Бисмарка закончилась. Страна, наливавшаяся экономической мощью, подстегиваемая кайзером и новым канцлером Л. фон Каприви, ощутила в себе готовность вырвать себе новые трофеи не только в Европе, но и на просторах Африки, Азии, Южной и даже Северной Америки. В 1900 г. Германия захватывает в формате 99-летней аренды полуостров Циндао и соучаствует в подавлении, вместе с Великобританией, Францией, Россией и Японией, «боксерского восстания». В 1900 г. Вильгельм посещает Иерусалим, налаживая тесные связи Германии с Османской империей.

Колониальный азарт всячески пропагандировался, опирался на сеть общественных организаций и прежде всего — на многочисленный Всегерманский союз, включивший в себя первоклассных промышленников и ученых, раскинувший сеть по всей стране и сыгравший огромную роль в теоретическом обосновании необходимости расширения жизненного пространства и раздувании националистической эйфории. Ее, эту эйфорию, заряжают памятью об Аттиле, гуннах и всерьез, устами кайзера, воинственно заклинаят: «Вы должны сделать так, чтобы слово «Германия» запомнили в Китае на тысячу лет вперед». Обращаясь к Китаю, кайзер, очевидно, имел в виду более широкую аудиторию.

Россия практически весь XIX в. благоволила Германии. Несмотря на это и теплые строки многочисленных посланий, у «дяди Вилли» были планы в отношении «кузена Никки». Конфигурация противников оформилась задолго до сараевского покушения — и предшественниками тех, кто отдал приказы о всеобщей мобилизации. Начал плести паутину антироссийского союза Германии с Австро-Венгрией еще Бисмарк, в 1879 г. Спустя три года в него вошла Италия. Истоки русско-французского союза восходят к началу 1890-х гг.

К началу XX в. мир был уже поделен на колонии между ведущими метрополиями. Но вкус к экспансии, вскормленный на чужой крови и легких трофеях, предопределял дальнейшую неумолимую логику действий — борьба за передел колониальных сфер влияния. В Китае Германия наткнулась на интересы Великобритании, Франции, Японии, России. На Ближнем Востоке — Великобритании и Франции, в Африке — Франции, Португалии, Великобритании. В Латинской Америке — Испании и Португалии. На Среднем Востоке — Англии и России. Сближение со Стамбулом вело к германскому контролю над Проливами, что было неприемлемо ни для России, ни для Великобритании. Строительство немцами железной дороги задевало интересы англичан в Персидском заливе и грозило подрывом влияния в Иране и Индии.

Подготовка военных планов и боевые действия Первой мировой войны разворачивались вокруг двух осей, определивших интересы и мотивы, военную и экономическую стратегию и тактику сторон.

Первая ось — доступ к рынкам сбыта и источникам поставок минеральных ресурсов для стремительно накапливавшихся экономической и технологической мощью ведущих стран мира. Как следствие, повышались внешнеполитические амбиции их руководящих кругов. Люди и территории — особый вид ресурсов, хотя в начале XX в. акцент делался в основном на территориях с ресурсами, население рассматривалось только как источник мобилизации. Россия своему военно-политическому руководству представлялась страной с неисчерпаемыми людскими ресурсами (вспомним слова из царского рескрипта от 27 июня 1915 г. о созыве Государственного совета и Государственной думы: «С твердой верой в неиссякаемые силы России я ожидаю от правительственных и общественных учреждений, от русской промышленности и от всех верных сынов родины, без различия взглядов и положений, сплоченной, дружной работы для нужд нашей доблестной армии. На этой, единой отныне, всенародной задаче должны быть сосредоточены все помыслы объединенной и неодолимой в своем единстве России»). Миф о неисчерпаемости людских ресурсов России отрицательно сказывался при планировании военных операций.

Лишь немногие эксперты реалистично оценивали положение с кадрами. А они не были такими бездонными, как было принято думать тогда.

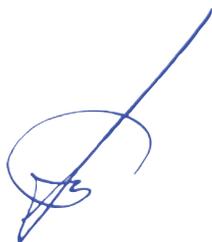
Вторая ось — борьба за пути доступа к этим ресурсам, за транспортные магистрали на суше и на море. В некотором смысле контроль над транспортными артериями нередко являлся самоцелью (вспомним КВЖД и железную дорогу Берлин — Багдад, канал кайзера Вильгельма, поперечные дороги между Восточным и Западным побережьем Африки, Босфор и Дарданеллы).

Черноморские проливы — особый сюжет и мировых войн, и евразийской геополитики. Установление контроля над ними было важнейшей геополитической задачей Российской империи после Крымской войны. Но свои интересы были здесь и у Парижа, увязавшего свою поддержку притязаний России на Проливы с возвращением Франции Страсбурга и Лотарингии, и у Лондона, стремившегося не выпустить Россию из Черного моря на просторы Средиземноморья. В зоне своих интересов видел Проливы и Берлин, готовый вытеснить отсюда не только Россию, но и Англию с Францией. Не случайно «водворение Германии на Босфоре и Дарданеллах» Сазонов, которому вручил ноту Пурталес, считал «смертным приговором России». До 70% российского экспорта хлеба и треть всего экспорта шло именно через эту артерию. Прагматично эту тему обозначал фон Бюлов, будущий канцлер Германии: «В будущей войне мы должны оттеснить Россию от Понта Евксинского и Балтийского моря... которые дали ей положение великой державы. Мы должны на 30 лет, как минимум, уничтожить ее экономические позиции, разбомбить ее побережья». Разбомбить и уничтожить прибрежную российскую инфраструктуру не удалось, и был взят курс на блокирование российского прохода через Проливы.

* * *

Война, подогреваемая геополитическими и экономическими амбициями, была неотвратима. Но почти никто не предполагал, что мировой пожар закончится тяжелейшими последствиями для всех, даже для его формальных победителей. Причина тому — не только мощный военно-экономический

потенциал двух противостоящих друг другу блоков. Они вошли в действие, предопределив переплетения военных союзов и результаты боев, когда сыграли свою роль другие, информационные асимметрии. Эти сознательные и неконтролируемые искажения были общим свойством как Первой мировой, так и любой другой войны. При ее анализе, как видим, необходимо учитывать не только полноту и достоверность информационных потоков, на основе которых принимались решения, но и рамки восприятия, предпочтения, стратегическую и мировоззренческую картину мира у лиц, принимающих решение, а также их зависимость от явлений, которые представлялись им непреложными императивами выбора. Так, для российского руководства накануне войны ключевую роль играли два обстоятельства: понимание державных своих интересов и внешняя зависимость (дипломатическая, военно-техническая, династическая, религиозная). Оба они предопределили вступление нашей страны в войну. Уроки ее еще извлечены не все.

*Агеев Александр Иванович,
академик РАН, профессор,
доктор экономических наук,
генеральный директор
Института экономических
стратегий РАН*

ЧАСТЬ I
ГЕОПОЛИТИКА ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ГЛАВА 1

Возникновение и императивы немецкой школы геополитики на пути к мировому господству

Провозглашение в январе 1871 г. в Зеркальном зале Версальского дворца образования Германской империи знаменовало собой завершение сложного процесса объединения германских земель в единое германское государство, осуществленное путем серии войн, проводимых Пруссией и Северогерманским союзом. Возникновение нового государства привело к изменению политической расстановки сил на европейской арене с учетом динамической активности нового Германского государства. Изменились и внешнеполитические задачи, которыми руководствовалась германская политическая элита и прежде всего новый имперский канцлер О. фон Бисмарк. Подчинение внешнеполитических действий единой цели образования Германского государства было в полной мере реализовано, поэтому в новых условиях требовалось выработать новые внешнеполитические ориентиры. Германская империя превратилась в общеевропейский фактор, играющий важную роль в европейской внешней политике, и теперь ей следовало утвердить свое право участвовать в мировой политике.

Конечно же внешнеполитическая активность при канцлерстве Бисмарка во многом носила европоцентричный характер, хотя уже начинали проступать всемирно-политические черты, направленные на преодоление узости европейского пространства и выход на планетарный уровень. Фигура канцлера и его

мировосприятие затрудняли колониальную активность Германской империи, но не исключали ее полностью. Для Бисмарка имело важность прежде всего то, что происходило в Европе. Действительно, пока еще основные столкновения между ведущими европейскими государствами локализовались в рамках европейского пространства. Политическая игра с европейскими государствами за реализацию германских интересов происходила вокруг проблем европейской политики, что можно назвать отличительной чертой германской внешней политики канцлерства Бисмарка. Этим она разительно отличалась от деятельности последующих канцлеров Германии, сменивших «железного канцлера», направлявших свои устремления за пределы европейского континента.

После победы над Францией Германия получила мощный экономический толчок, позволивший ей совершить экономический рывок. В результате заключения мирного договора с Францией немецкая тяжелая промышленность получила доступ к важнейшему источнику железной руды в Лотарингии, что позволило обеспечить необходимыми природными ресурсами бурно развивающуюся тяжелую индустрию рейнско-рурской металлургии. Образование единого государства привело к введению единой валюты — марки, которая в 1873 г. была обеспечена золотым стандартом. Полученная от Франции контрибуция на сумму 5 млрд золотых франков вместе с тем не была использована для финансирования стратегических проектов, а во многом пошла на погашение различной задолженности. Поэтому несмотря на внушительность полученной суммы, экономическая отдача от нее была незначительной. Началось лихорадочное образование различных акционерных обществ: к 1873 г. было создано 726 акционерных обществ с капиталом в 2 млрд марок. Однако экономический кризис 1873 г. привел к краху вновь образованных предприятий и поставил под сомнение правильность либеральной экономической стратегии, способствуя переходу к протекционизму [1].

Внешнеполитические представления Бисмарка носили противоречивый характер. В них четко просматривалась антифранцузская направленность как определяющий вектор европейской политики Германии, нацеленный на ослабление

позиций Франции на континенте, что должно было способствовать политическому доминированию германского рейха. Восточная направленность политики канцлера предполагала сохранение хороших отношений и с Российской, и с Австро-Венгерской империями. К тому же это должно было удержать Россию от сближения с Францией. Такой подход поддерживал сложный клубок противоречий, который, по образному выражению графа П.А. Шувалова, получил название «кошмара коалиций». Свое оформление этот подход получил в 1873 г. с образованием Союза трех императоров, направленного на применение совместных усилий по поддержанию европейского мира. Размытость обязательств и декларативный характер делали это соглашение непрочным. Это понимал и сам канцлер, но важнейшим элементом для Бисмарка выступала сама возможность сохранения в его рамках отношений с Российской и Австро-Венгерской империями на основе консервативной солидарности [2].

Трещина в отношениях трех императоров наступила достаточно рано и была связана с «военной тревогой 1875 года» в отношении Франции, когда Бисмарк постарался устрасить Французскую республику угрозой военного конфликта. Однако эти действия вызвали неожиданную реакцию европейских государств, прежде всего Великобритании и Российской империи. Королева Великобритании Виктория в личном письме к германскому императору Вильгельму I высказала опасение в том, что напряженность германо-французских отношений могла привести к вооруженному конфликту, от которого она предостерегала Германию, особенно от применения силы в отношении Франции. Российский император Александр II в ходе визита в Берлин имел встречу с Бисмарком, в ходе которой отметил, что Россия выступает против войны Германии с Францией, тем самым указав на дипломатическую поддержку Парижа. Эта встреча и позиция России в конфликте послужили отправной точкой начала охлаждения германо-русских отношений. В ходе Балканского кризиса и итогов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. напряженность в отношениях между двумя странами только возросла. Ревизия Сан-Стефанского мирного договора на Берлинском конгрессе в 1878 г. заставила Россию

отказаться от создания крупного болгарского государства и существенно уменьшить территорию Сербии, Черногории и Румынии. Как отмечал российский исследователь В.В. Чубинский, «роль Бисмарка на конгрессе была очень значительна. <...> Цепь крупных дипломатических и военных побед создала Бисмарку большой личный авторитет, репутация человека, которому все удастся, придала особый вес его суждениям. При переговорах с ним мало кто мог устоять перед обаянием его сильной личности, особенно потому, что за постоянно выставляемой им искренностью и откровенностью суждений скрывались точный расчет, иногда тонкая мистификация и прямой обман» [3]. Бисмарк стремился балансировать между интересами Австро-Венгрии и Российской империи, заявляя о себе как о «честном маклере» [4], однако поддержка на конгрессе интересов Австро-Венгрии означала противодействие российским интересам, и наоборот. Поэтому германскому канцлеру пришлось сделать выбор, и именно этот выбор, состоявший в поддержке Австро-Венгрии против России, способствовал окончательному охлаждению отношений между странами. Завершая Берлинский конгресс, Бисмарк сказал: «История справедливо отнесется к нашим добрым намерениям и к нашему творению. Участники могут сознавать, что в границах возможного они оказали службу Европе, сохранив и обеспечив мир, которому угрожала серьезная опасность» [5].

Итоги Берлинского конгресса изменили расстановку сил в Европе и способствовали не только охлаждению германорусских отношений, но и сближению и усилению германо-австрийских взаимоотношений. 7 октября 1879 г. при активной роли Бисмарка был подписан секретный германо-австрийский союзный и оборонительный договор. В соответствии с его положениями он носил антирусский характер. Первая статья договора предполагала оказание военной помощи всеми имеющимися средствами в случае нападения Российской империи на одно из государств, и состояние благожелательного нейтралитета в случае нападения иного государства. Однако если данное государство получит поддержку России, то в силу вступают положения статьи 1 данного договора. Значение данного соглашения для последующей расстановки сил в Европе

Отто фон Бисмарк

оказалось значительным. Можно с уверенностью сказать, что это был самый долговременный союз, который заложил основу Тройственного соглашения, оформившего первую коалицию стран, противостоящих в рамках последующей Первой мировой войны.

Окончательное оформление Тройственного союза произошло только 20 мая 1882 г. в ходе длительных переговоров и урегулирования противоречий между Германией, Австро-Венгрией и Италией. В соответствии с соглашением Германия и Австро-Венгрия должны оказать помощь Италии в случае «неспровоцированной агрессии» на нее со стороны Франции, а та, в свою очередь, должна будет оказать помощь всеми средствами в случае агрессии Франции против Германской империи. Таким образом, тональность договора носила антифранцузское звучание и должна была обеспечить совместное антифранцузское наступление в случае войны. При этом не упускался из виду фактор Великобритании, который определял степень эф-

фективности соглашения. Договор указывал на то, что Италия сохранит свое участие в альянсе при условии, что в случае военного конфликта с Францией Великобритания не окажется на французской стороне. В противном случае дислоцированный в Средиземном море британский военно-морской флот сделал бы невозможным участие итальянских войск в войне. Как справедливо указывал германский исследователь А. Хильгрубер, Тройственный союз имел ценность в качестве альянса только при условии, «если Великобритания, по меньшей мере, займет позицию молчаливого партнера договора» [6].

Призрак Великобритании, как и Российской империи, никогда не исчезал во внешнеполитических расчетах Бисмарка, но в последней четверти XIX в. он получил иное значение. Позиция Великобритании как арбитра европейских столкновений стала отходить на второй план, уступая место начинавшимся столкновениям между странами в колониальных территориях. Конечно же для политики Бисмарка колониальная доминанта уступала место европейской, но время узкоевропейской политики уходило в прошлое вместе с ее игроками. Кончина в марте 1888 г. германского императора Вильгельма I, перешагнувшего девяностолетний рубеж, и стремительное кратковременное правление Фридриха III, который, вступив на престол, через 99 дней скончался от рака горла, выдвинула на первый план нового императора — Вильгельма II.

Имя последнего германского кайзера связано с движением Германской империи к мировому господству. Его правление ассоциируется с обращением германской внешней политики к колониальной проблеме. Однако началу целенаправленной колониальной политики германской империи предшествовала активность германских торговцев и искателей приключений в Африке. Расширение германской торговли требовало создания рынков сбыта, что, в свою очередь, подталкивало власти к приобретению колоний и включению Германии в битву за Африку, в которой на тот момент уже принимали участие Великобритания и Франция. В 1882 г. в Германии был образован Германский колониальный союз, а в 1884 г. возникло Общество германской колонизации. Данные объединения ставили перед собой целью активизацию колониальной политики, экономи-

ческое и политическое проникновение на африканские территории, стимулирование и направление германской переселенческой политики в колониях. Можно сказать, что 1884 г. стал годом манифеста колониальной политики Германской империи. Программный манифест германского колониализма был озвучен Карлом Петерсом (1856–1918), сыном евангелического пастора из Неухауса на Эльбе, который своей личностью являл пример истинного искателя приключений, торговца, политика, публициста и африканиста, ратовавшего за активное участие Германии в дележе африканского континента. Человек сильной воли с вождистскими чертами, он весной 1884 г. выступил с обращением к германскому обществу, в котором отмечал, что германская империя является великой державой Европы и активность германских поселенцев способствует усилению мощи империи. Он призывал Германию действовать быстро и мощно с тем, чтобы «исправить упущения столетий» и нагнать европейские державы в стремлении обрести колониальные территории. Подобное заявление вызвало удивленную реакцию германского правительства. Бисмарк спрашивал: «Кто такой Петерс?» Несмотря на некоторое удивление, Бисмарк усмотрел в действиях Петерса позитивное начало и обратил свой взор на колонии. В 1884 г. было создано германское министерство колоний. В том же году Бисмарк провозгласил протекторат Германии над прибрежной территорией в Юго-Западной Африке в районе бухты Ангра-Пекена, приобретенной бременским торговцем Альфредом Людерицем. В июле 1884 г. был установлен контроль империи над Камеруном и территорией Того. В 1885 г. Германия установила протекторат над Восточной Африкой, где большая часть территории уже была собственностью Общества германской колонизации К. Петерса. Далее последовало установление контроля над северной частью Новой Гвинеи. Территории в Новой Гвинее стали называть «Землей кайзера Вильгельма», а прилегающую группу островов — «Архипелагом Бисмарка» [7]. Несмотря на это, правительство Германии в конце 1880-х гг. было еще далеко от развертывания широкомасштабной колониальной активности. Хрестоматийными были слова Бисмарка, сказанные О. Вольфу, одному из активистов колониальной политики: «Ваша карта Африки очень

хороша, но моя карта Африки находится в Европе. Здесь находится Россия, а здесь... Франция, а мы находимся в центре; такова моя карта Африки» [8].

Произошедшие в 1890 г. отставка О. фон Бисмарка и назначение канцлером Л. фон Каприви означали, что теперь внешнеполитическая деятельность правительства ставится под контроль самого кайзера, который начинает определять и направлять вектор германской политики. Провозглашенный Каприви «новый курс» означал переход Германской империи на новую ступень мировой политики, отход от континентальной замкнутости и переход на уровень мировой державы, бросающей вызов Великобритании. Данный поворот должен был сопровождаться активностью и динамизмом, что подкреплялось возрастающей экономической мощью Германии. Однако это не означало, что европейская политика германского правительства снижала свои темпы. Напротив, Каприви придавал большое значение сплочению экономического пространства Европы вокруг Германии через систему торговых договоров, что должно было создать экономическую «Срединную Европу». Таким образом, в начале 1890-х гг. внешняя политика Германии представляла собой сочетание европейской и колониальной стратегии.

Конец XIX в. знаменовал собой окончание эпохи освоения европейскими государствами пространств земного шара. Существовавший во второй половине XIX в. вакуум власти в Латинской Америке, Черной Африке и Китае к началу XX в. был заполнен. Пространство Индии находилось под контролем Великобритании, и оборона его во многом определяла мировую политику Британского государства. К началу XX в. раздел африканского и азиатского регионов в целом был завершен, но существовала возможность его передела между ведущими европейскими государствами. Этот передел был возможен только при переходе германской политики от *Realpolitik* к *Weltpolitik* [9]. Поворот в сторону мировой политики означал стремительный рывок Германского государства не только в экономической, но и во внешнеполитической сфере, столкновение его с французскими и британскими интересами.

Существенную роль в активизации колониальной политики сыграл образованный К. Петерсом в 1891 г. и преобразован-

ный в 1894 г. Всегерманский союз. Созданный как реакция на заключение Германии с Великобританией Гельголанд-Занзибарского договора 1890 г., Всегерманский союз должен был играть роль усилителя националистических тенденций в германском обществе и пропагандиста активной колониальной экспансии. Численность его членов к началу Первой мировой войны составляла около 40 тыс. человек. Социальный состав союза был неоднороден и включал в себя как чиновников, так и бизнесменов, профессоров германских университетов, журналистов, школьных учителей и др. Союз выражал интересы промышленно-финансовых групп и прежде всего тяжелой и военной индустрии. Большую роль в поддержке союза играл рурский промышленник Э. Кирдорф. Отделения союза были почти при всех университетах Германии, а в главный комитет в 1904 г. входило 19 профессоров. Первым председателем союза, занимавшим этот пост с 1893 по 1908 г., был Э. Хассе, известный в научных кругах экономист [10]. Симптоматичным является членство во Всегерманском союзе крупного географа и основателя немецкой школы геополитики Фридриха Ратцеля (1844–1904). Его взгляды отражали ожидания и потребности германского общества, воспроизводили германскую политику вильгельмской эпохи.

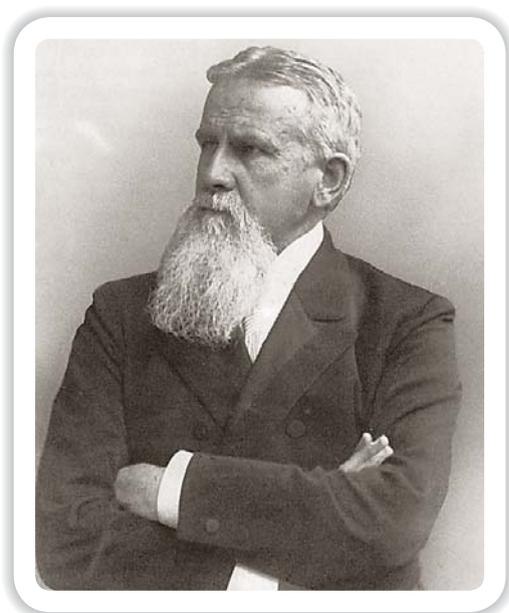
Ф. Ратцель окончил Политехнический университет в Карлсруе, затем продолжил образование в Хайдельберге и являлся учеником профессора Эрнста Геккеля. Он участвовал в германо-французской войне 1870 г. и был награжден Железным крестом за храбрость. По политическим пристрастиям его взгляды были близки к националистическому лагерю. С 1891 г. он являлся членом «Всегерманского союза», совмещая политическую деятельность с преподаванием географии сначала в Техническом институте Мюнхена, а с 1886 г. — в Лейпцигском университете. Среди его работ наибольшей известностью пользовались «Антропогеография» (1882) и «Политическая география» (1897).

Своим сочинением «Политическая география» Ф. Ратцель заложил основу геополитической науки. Его научные размышления гармонично сочетались с политическими взглядами члена «Всегерманского союза». Он полагал, что интересы народов и государств детерминированы почвой, и их развитие опреде-

ляется размером территории и географическим местоположением, которые оказывают непосредственное воздействие на движение истории. Государство выступало как «живой организм... произрастающий из почвы» и представляющий собой образование, обеспечивающее духовную связь с землей. «Государства на всех стадиях своего развития рассматриваются как организмы, которые с необходимостью сохраняют связь со своей почвой и поэтому должны изучаться с географической точки зрения» [11]. Государству «как организму, как единому целому присущи движение и рост», которые выражаются в приращении территории, расширении политических и географических границ. Каждое государство в период своего существования проходит стадии рождения, формирования, роста и гибели. Оно обладает собственной «пространственной концепцией», включающей в себя механизм развития и пределы роста государства. «Государства развиваются на пространственной базе, все более и более сопрягаясь и сливаясь с ней, извлекая из нее все больше и больше энергии». Таким образом, государства представляются «пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми этим пространством» [12].

Ф. Ратцель вводит понятие «пространство». Связывая пространство в его географическом понимании с социально-политической жизнью общества как социума и государства как политического института, немецкий географ приходил к заключению о существовании устойчивой взаимосвязи между этими явлениями. Он полагал, что взаимозависимость пространства и социальной среды способна передать понимание пространства не просто как пространства, а как «жизненного пространства». Оно переходило из количественно-материальной категории в новое качество, сублимирующее в себе географические и биологические компоненты, выступая как «геобиосреда». «Пространство — решающий фактор в мировой политике... Необитаемое пространство, не способное вскормить государство, — это историческое поле под паром. Обитаемое пространство, напротив, способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни

*Фридрих Ратцель,
немецкий географ
и этнолог, социолог,
основатель
антропогеографии,
геополитики*

и те же характеристики, которые, исходя из почвы, будут вписаны в нее» [13]. Ф. Ратцель считал, что «государство должно жить за счет земли», и только увеличивая свою территорию, оно способно наращивать собственную политическую мощь и занимать весомое положение в международной сфере. «Народ растет, увеличиваясь в числе, страна — увеличивая свою территорию. Так как растущий народ нуждается в новых землях для увеличения своей численности, то он выходит за пределы страны. Первоначально он ставит себе и государству на службу те земли внутри страны, которые до сих пор были не заняты: внутренняя колонизация. Если последней становится недостаточно, народ устремляется вовне, и тогда появляются все те формы пространственного роста... которые в конце концов неизбежно ведут к приобретению земли: внешняя колонизация. С ней часто связано военное продвижение, завоевание» [14]. Таким образом, пространственная экспансия государства является естественным живым процессом, подобным росту биологических организмов.

Ф. Ратцель сформулировал семь законов пространственного роста государства или семь законов экспансии. Они включают следующие положения:

1) протяженность государств увеличивается по мере развития их культуры;

2) пространственный рост сопровождается иными проявлениями его развития в области идеологии, производства, торговли;

3) расширяясь, государство поглощает политические образования меньшего размера;

4) граница является органом, расположенным на периферии государства;

5) по мере своего роста государство стремится к контролю побережья, бассейнов рек, долин, богатых сырьевых регионов;

6) импульс экспансии государству приходит извне, так как оно провоцируется на расширение территории существующей рядом низшей цивилизацией;

7) тенденция к ассимиляции малых наций подталкивает государство к еще большему увеличению территорий [15].

Обязанность государства состоит в том, чтобы «народ был воспитан на концепциях развития малых стран в большие... Разложение каждого государства происходит при его отказе от концепции большого пространства» [16]. Таким образом, упадок государства является следствием ослабевающей пространственной программы и пространственного чувства. «В драме власти люди — герои до тех пор, пока они думают с позиций пространства. Как только они перестают обращать внимание на фактор пространства, они уходят в тень» [17].

Созданная Ф. Ратцелем геополитическая концепция получила дальнейшее развитие в работах английского географа Х. Маккиндера и шведского географа Р. Челлена и нашла свое отражение во внешнеполитической стратегии европейских государств накануне Первой мировой войны. Взгляды немецкого географа соединяли в себе ведущие тенденции времени. Он объединил методы и понятийный аппарат биологии, этнографии и географии и был первым, кто ввел понятие «жизненного пространства», соединив идею пространства с дарвинизмом [18].

В 1909 г. произошли изменения в руководстве Всегерманского союза в связи с приходом на пост председателя союза лейпцигского адвоката и талантливого публициста Генриха Класса (1868–1953). Его руководство придало союзу решительный, воинственный характер, сочетавший в себе требования неограниченной колониальной экспансии с расистским подходом во внешнеполитической сфере и антисемитской линией во внутренней политике¹. Именно он ввел в политическую практику пангерманистов конфронтационный антисемитизм [20]. Программное значение имела изданная Классом под псевдонимом Даниэль Фрюманн книга «Если бы я был кайзером», сочетавшая в себе внешнеполитическую программу экспансии с антисемитизмом. Автор призывал к расширению территории империи за счет крупных аннексий в Европе. Им предлагалась трансформация либеральной монархии в сторону авторитарного государства, с отменой всеобщего избирательного права и высылкой из страны членов Социал-демократической партии. Класс отмечал проникновение евреев во все сферы жизни германского общества, что привело, по его мнению, к кризису германской духовности. Еврейской американизации он противопоставлял реформу Германии под лозунгом «Германия для немцев» [21]. Таким образом, данная книга Г. Класса выступала в качестве программного документа Всегерманского союза накануне Первой мировой войны.

Провозглашение изменения германской внешней политики и наступление эры «мировой политики» осуществил германский кайзер Вильгельм II 18 января 1896 г. в день 25-летия провозглашения Кайзеровской империи. Он заявил, что «Германская империя превратилась в мировую империю». Лозунгом германского государства в новых условиях выступили положения: «мировая политика как задача, мировая держава как цель, строительство военно-морского флота как инструмент» [22]. Четкую формулировку германская мировая политика получила в устах статс-секретаря германского ведомства иностранных дел Б. фон Бюлова, заявившего на заседании рейхстага 6 де-

---

¹ Подробнее о развитии расистской и германской фёлькишеской мысли см.: [19].

кабря 1897 г.: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо, где царит чистая теория, — эти времена миновали... мы требуем и для себя места под солнцем»¹. Подобные настроения были характерны и для интеллектуальной элиты Германии, которая придерживалась империалистических воззрений. Так, в речи при вступлении на должность профессора кафедры политической экономии Фрайбургского университета в мае 1895 г. видный интеллектуал кайзеровской империи Макс Вебер сказал: «Мы обязаны понимать, что объединение Германии было мальчишеской выходкой, которая постигла дряхлую нацию и которая столь разорительна, что лучше бы ее не было — если этому объединению суждено стать завершением, а не исходной точкой политики Германии как мировой державы. <...> Нашему поколению не суждено увидеть, принесет ли плоды борьба, которую мы ведем; признает ли потомство в нас своих предков. Если нам не удастся избежать проклятия, во власти которого мы находимся, — быть рожденными после политически великой эпохи, то тогда мы должны суметь стать чем-то другим — предшественниками еще более великой. Будет ли таким наше место в истории? Не знаю и только скажу: право молодых — отстаивать самих себя и свои идеалы. А в старца человека превращают не годы: он молод до тех пор, пока способен воспринимать мир с теми великими страстями, которые в нас вложила природа»² [24].

Вслед за яркими и громкими заявлениями последовали политические действия, стремящиеся продемонстрировать вступление Германской империи в новую систему отношений. Это выразилось в том, что, в отличие от стратегии Бисмарка, рассматривавшего исключительно европейские реалии, был продемонстрирован новый взгляд, сместивший фокус в сторону азиатского региона. Местом действия стал Китай. Вос-

---

¹ Цит. по: [23].

² Исследование политических взглядов М. Вебера подробнее см.: *Motmsen W. Max Weber und die deutsche Politik. 1890–1920. Tübingen, 1959. О взглядах интеллектуальной элиты Германии подробнее см.: Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М., 2009.*

пользовавшись тем, что в китайской провинции Шаньдунь были убиты два немецких миссионера, германская империя оккупировала бухту Киао-Чао и заключила с китайским правительством договор об аренде полуострова Циндао на 99 лет. Тем самым Германия предприняла шаги, направленные на закрепление германских интересов в Китае и создание морской базы, которая позволяла не только осуществлять торговлю, но и сохранять морское присутствие в регионе. Вспыхнувшее в 1900 г. антиевропейское «боксерское восстание» в Китае привело к тому, что 20 июня в Китае в ходе беспорядков был убит германский консул фон Кеттелер. Германия приняла участие в действиях коалиционных сил Великобритании, Франции, Российской империи и Японии по подавлению беспорядков и защите собственности и жизни европейцев в Пекине. Отправляя в Китай экспедиционный отряд, кайзер Вильгельм II 27 июля выступил перед войсками с «гуннской речью». Он сказал: «Покажите, что вы — христиане, готовые достойно принять вызов язычников! Да осенит честь и слава ваши знамена и ваше оружие! Дайте миру пример энергии и дисциплины! Пусть ваш меч поразит любого, кто попадет к вам в руки! Так же гунны при короле Аттиле тысячу лет заставили говорить о себе так, что их имя до сих пор внушает уважение; вы должны сделать так, чтобы слово «Германия» запомнили в Китае на тысячу лет вперед, чтобы ни один китаец, какие бы там у него ни были глаза, не посмел косо посмотреть на христианина!» [25].

Одновременно с действиями Германии в Китае существенный интерес вызвала поездка Вильгельма II в Османскую империю. 29 октября 1900 г. кайзер с супругой торжественно въехал в Иерусалим. Это было уже не первое посещение Святой земли. Ранее, в 1898 г., Германия добилась концессии на строительство железной дороги Берлин — Багдад. С этого началось проникновение германского капитала в Османскую империю, которое сопровождалось тогда громким заявлением кайзера о готовности Германской империи защищать мусульман. Это отразилось, в том числе, в создании в 1903 г. дополнительной железнодорожной ветки Багдад — Басра, а также в начавшейся серии поставок германского вооружения Османской империи, что только сильнее сплачивало два государства друг с дру-

гом [26]. Таким образом, Багдадский проект Германии приводил к столкновению германских интересов с русской позицией, так как вслед за экономическим сотрудничеством последует и политический союз, который будет означать утверждение германского контроля над Проливами. Германский контроль Проливов был невозможен для России и заставлял ее искать противовес германской экспансии в регион. Также существенное значение приобретал дисбаланс, который наметился в германо-английских отношениях. Строительство немцами железной дороги в Османской империи нарушало британскую монопольную позицию в районе Персидского залива. Угроза создания Германской империей опорного пункта на побережье залива могла привести к подрыву британского доминирования в Аравийском море и на Аравийском полуострове, что, в свою очередь, начинало угрожать британским позициям в Иране и приближало Германскую империю к Индии.

Одним из раздражающих факторов германо-английских отношений стало военно-морское строительство Германской империи. В конце XIX в. германский военно-морской флот занимал 5-е место в мире по количеству кораблей. Его силы использовались только для обороны морского побережья и не могли соревноваться с господствовавшим на море британским флотом. Кайзер Вильгельм II, увлеченный идеями американского военного теоретика А.Т. Мэхена о влиянии морской силы на историю и полагавший, что атрибутом мировой державы являлся сильный военно-морской флот, придавал вопросу флота особое значение. Поэтому в период его правления произошли революционные изменения в области военно-морской политики. Реализация военно-морской программы связана с именем немецкого адмирала Альфреда фон Тирпица. Назначение его в 1897 г. на пост статс-секретаря военно-морского ведомства привело к началу противостояния с рейхстагом по вопросу принятия и финансирования военно-морской программы. Благодаря его энергичной деятельности и поддержке кайзера рейхстаг в 1898 г. принял программу строительства флота, предполагавшую создание 19 линкоров, 8 броненосцев береговой обороны, 12 тяжелых и 30 легких крейсеров. В 1900 г. финансирование военно-морской программы было существенно изменено, что

позволило вдвое увеличить предполагавшуюся численность флота, в результате чего количество линкоров должно было увеличиться до 38 вместо 19 [27].

Германская военно-морская программа вызвала британскую реакцию, выразившуюся в проведении адмиралом Джоном Фишером военно-морской реформы¹. Им была произведена перемещение и создана мощная британская военно-морская группировка в Северном море в составе четырех эскадр. Революционное изменение произошло в 1906 г., когда со стапелей в Великобритании был спущен на воду первый сверхтяжелый линейный корабль «Дредноут» («Неустрасимый»), оснащенный крупнокалиберной артиллерией, давший имя целому классу судов данного типа. Новый корабль по боевым характеристикам значительно превосходил любой броненосец любой другой страны. Его строительство вызвало определенный шок в военно-морских кругах. Имя «Дредноут» стало нарицательным для нового класса строившихся кораблей. Военные суда по тактико-техническим характеристикам стали делиться на дредноуты и суда, спущенные ранее. Силы флотов стали измеряться количеством дредноутов в составе эскадры, так как старые линкоры уступали дредноутам по огневой мощи и не имели шансов выстоять в морском бою против них. Это повлекло за собой новый виток гонки вооружений. Была пересмотрена германская кораблестроительная программа. Если раньше Германия находилась в роли догоняющей стороны, то теперь она получила шанс начать с нового листа и построить флот, который мог бы помериться силами с британским. В 1906 г. было принято дополнение к закону о флоте, по которому было предусмотрено строительство первых германских дредноутов. Вскоре Германия спустила на воду свой первый дредноут «Нассау». К 1908 г. она имела 9 дредноутов против 12 британских. К началу Первой мировой войны германские военно-морские силы смогли подняться с 5-го места на 2-е [29]. Можно согласиться с утверждением Г. Хальгартена о том, что причиной англо-германского соперничества в начале XX в. был

---

¹ Подробнее об английской военно-морской программе и деятельности адмирала Д. Фишера см.: [28].

Линейный корабль «Нассау»

«страх англичан перед германским колониальным и континентальным империализмом», создававшим военно-морской флот для защиты своей деятельности, что позволило бы диктовать Великобритании свои условия [30].

Гонка морских вооружений, которую проводила Германия, сталкивала ее с позициями Великобритании, а активное проникновение в Африку обостряло германо-французские отношения. Формально независимый султанат Марокко в начале XX в. попал в сферу интересов европейских государств. Франция, которая после захвата Алжира территориально приблизилась к границе Марокко, стремилась к утверждению экономического господства в стране. Германия выступила в качестве активного конкурента, заняв в 1900 г. 3-е место в торговле с Марокко, уступая Великобритании и Франции. Своими действиями в отношении Марокко Германия фактически способствовала сближению Великобритании и Франции и преодолению существующих между ними противоречий. Подписанные 8 апреля 1904 г. три конвенции привели к заключению англо-французского «Сердечного соглашения». Вторая конвенция пред-

полагала разделение интересов между странами путем отказа Франции от претензий в Египте в обмен на предоставление ей «свободы рук» в Марокко.

Стремление Франции в 1904 г. получить от марокканского султана ряда преференций привело к агрессивным действиям Германской империи, спровоцировавших Первый Марокканский кризис. В ходе средиземноморского путешествия на пароходе «Гамбург» 31 марта 1905 г. в марокканском порту Танжер сошел на берег кайзер Вильгельм II. В ходе официальной встречи с представителями немецкой колонии в стране кайзер заявил о том, что Германия требует свободы торговли в Марокко и полного равноправия с другими европейскими странами. К тому же германский император объявил себя «защитником независимости» султаната [31]. Эта речь бросила вызов Великобритании и Франции, но Германия возлагала надежды на международную конференцию в испанском городе Альхесирасе, проходившую с января по апрель 1906 г. Однако эти ожидания быстро рассеялись, так как Германия оказалась в изоляции. Конференция заявила о независимости и целостности Марокко. Франция получила ряд преимуществ в области финансов и полиции страны. На Альхесирасской конференции претензии Германии поддержала только Австро-Венгрия, которую Вильгельм II в благодарственной телеграмме назвал «блистательным секундантом» Германии [32]. Первый Марокканский кризис привел к окончательному оформлению военных блоков и являлся важным этапом на пути к Первой мировой войне. Он продемонстрировал не только франко-британскую солидарность, но и показал наличие проблем в Тройственном блоке, так как Италия поддержала французские притязания, заставив немцев задуматься о том, что итальянское королевство дало дрейф в сторону отхода от Тройственного соглашения. Заключенное в Петербурге англо-русское соглашение включало Российскую империю в систему англо-французской Антанты.

Боснийский кризис октября 1908 г. продемонстрировал готовность Германии поддержать своего союзника по Тройственному соглашению. Воспользовавшись младотурецким переворотом, правительство Австро-Венгрии заявило об оккупации территории Боснии и Герцеговины. Россия не смогла

противодействовать австрийским притязаниям и убедила Сербию согласиться на аннексию территории Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Германский канцлер Б. фон Бюлов поддержал территориальные требования австрийского министра Эренталя и аннексию территорий. В письме к Вильгельму II от 5 октября 1908 г. Бюлов писал: «Наше положение стало бы действительно рискованным, если бы Австро-Венгрия утратила к нам доверие и отошла от нас. Пока обе [державы] вместе, мы образуем... блок, к которому никто так легко не рискнет приблизиться. Именно в больших восточных вопросах мы не должны вступать в противоречие с Австро-Венгрией, которая имеет на Балканском полуострове более близкие и важные интересы, чем мы. Австро-Венгрия нам никогда не простила бы отрицательной или даже робкой и мелочной позиции в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины» [33]. Позиция Германии по отношению к союзнику представляла собой «нибелунгову верность» [34], так как Австро-Венгрия являлась единственным государством в Европе, на которое мог опереться Берлин. Поэтому стремление поддержать действия Вены преобладали над необходимостью сдерживать ее агрессивные устремления.

Внешнеполитические интересы Германии все больше уходили от европейского континента к африканскому. В апреле 1911 г. в районе столицы Марокко г. Феса вспыхнуло восстание берберских племен. Обращение султана за помощью к Франции привело к «маршу на Фес», в ходе которого были оккупированы столица и ряд крупных городов. В северную часть Марокко вступили испанские войска. Эти действия знаменовали начало Второго Марокканского кризиса. Статс-секретарь по иностранным делам Германии А. фон Кидерлен-Вехтер выступил с инициативой отправить к берегам Марокко канонерную лодку «Пантера». 1 июля германский корабль вошел в марокканский порт Агадир. Этот «прыжок Пантеры» должен был воспрепятствовать установлению французского протектората над Марокко и заставить Францию пойти на уступки. Германия требовала от Франции компенсации в виде всей территории французского Конго, в противном случае возникала угроза военного столкновения между странами. Однако такое столкновение не состоялось. Значительную роль в этом сыграла

позиция Великобритании. Министр финансов Д. Ллойд Джордж заявил, что в случае конфликта с Францией британская монархия поддержит французские притязания. Для большей убедительности англичане привели флот в состояние повышенной готовности. Это охладило пыл Германии. Кайзер Вильгельм II, действовавший на грани войны и мира, был вынужден отступить. Не последнюю роль в этом сыграли и технические препятствия: завершение строительства канала кайзера Вильгельма, соединяющего Северное и Балтийское моря, сооружение на острове Гельголанд гавани подводных лодок и их военная безопасность. По мнению германского исследователя Б. Ф. Шульте, эти факторы привели к переносу сроков начала вооруженного конфликта. По заявлениям А. фон Тирпица, наиболее реальным сроком войны с Англией был бы 1915 г., к которому все технические препятствия были бы уже устранены [35].

Реакция Великобритании заставила Германскую империю занять более примирительную позицию. В результате франко-германского соглашения 1911 г. Германия признала преимущественные права Франции в Марокко в обмен на две полосы территории французского Конго, которые отошли к германской колонии Камерун, и политику «открытых дверей» в Марокко на 30 лет. Второй Марокканский кризис закончился установлением в 1912 г. французского протектората над Марокко. Германская колониальная стратегия после марокканского кризиса выразилась в стремлении к созданию «Срединной Африки», простирающейся от Камеруна до германской Восточной и Юго-Западной Африки, что предполагало включение португальских владений в Анголе и Мозамбике, а также Бельгийского Конго. Новая территория должна была быть усилена за счет строительства поперечных железных дорог, соединявших восточноафриканское и западноафриканское побережье [36]. Основным итогом Второго Марокканского кризиса стало обострение отношений между Антантой и Германией.

В 1912–1913 гг. огонь войны разгорелся на Балканах. В ходе Первой Балканской войны Турция потерпела сокрушительное поражение от балканской коалиции. Болгарские войска находились на подступах к Стамбулу, а сербские устремились к побережью Адриатического моря. Российская империя среагировала

Болгарские войска в ожидании начала наступления на Адрианополь. Первая Балканская война

на действия Болгарии, так как они могли привести к установлению «болгарского контроля» Проливов, что не соответствовало русским интересам, оставившим Проливы в зоне своих интересов. Сербский прорыв к адриатическому побережью мог привести к образованию сербского порта, что не устраивало Австро-Венгрию. В итоге возник «кризис мобилизаций» со стороны Австро-Венгрии и Российской империи. Германская позиция выразилась в том, что рейхсканцлер Бетман-Гольвег убедил кайзера в том, что поддержка Австро-Венгрии в конфликте необходима, так как без нее Германия утратит всяческий кредит Австро-Венгрии, что приведет к гибели Тройственного союза. 22 ноября 1912 г. Вильгельм II в беседе с начальником австро-венгерского Генерального штаба Б. фон Шемуа заявил, что Австро-Венгрия «при всех обстоятельствах может полностью рассчитывать на поддержку Германии». На встрече в тот же день с эрцгерцогом Францем Фердинандом кайзер подтвердил, что Германия поддержит австрийцев, если дело дойдет до военного конфликта с Российской империей [37].

Младотурецкий переворот в январе 1913 г. привел к активизации войны и сокрушительному разгрому Турции. 30 мая 1913 г. Турция подписала мир, потеряв всю территорию к западу от линии Энез — Мидье, кроме Албании. Начавшаяся 29 июня 1913 г. Вторая Балканская война привела к разгрому Болгарии балканской коалицией и Турцией и заключению 10 августа 1913 г. Бухарестского мирного договора, в ходе которого Болгария утратила ряд территорий.

Балканские войны продемонстрировали зависимость Германии от своего союзника по Тройственному соглашению. Стремление Германской империи сохранить союз приводило к необходимости оказания поддержки Австро-Венгрии в ее действиях на Балканах. Убийство 28 июня 1914 г. в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда открыло новую страницу европейской истории, получившую название Первая мировая война. В условиях сараевского кризиса Германия решила поддержать Австро-Венгрию в конфликте и примерно наказать Сербию. Выступая под лозунгом «Теперь или никогда!», германский император дал указание военному ведомству, министерству иностранных дел на подготовку к войне. Объявление Российской империей всеобщей мобилизации запустило германский механизм войны в действие. 31 июля последовал германский ультиматум с требованием немедленного прекращения всеобщей мобилизации, в противном случае Германская империя угрожала России войной. 1 августа 1914 г. германский посол в Российской империи Пурталес прибыл в особняк министра иностранных дел Российской империи Сазонова. Германский посол трижды спросил российского министра иностранных дел о том, прекратит ли Россия проведение всеобщей мобилизации, и трижды Сазонов отвечал: «Нет». Тогда посол вручил ему ноту об объявлении войны. В папке посла лежали два варианта ноты — более жесткий и более мягкий. В условиях нервного напряжения германский посол вручил оба варианта и, отойдя к окну, разрыдался. Но взяв себя в руки, он обнял Сазонова и вышел из кабинета.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну Российской империи. Так началась Первая мировая война, в огне которой сгорели обе великие державы.

ГЛАВА 2

Цели Великобритании и Франции в будущем конфликте

Возраставшие экономические и политические противоречия между великими державами и их военно-политические блоки видоизменили сложившуюся в Европе систему государств, получившую название «система вооруженного мира». Созданный Бисмарком в 1879 г. австро-германский союз, направленный против России, стал первым звеном в цепи международных договоров, приведших к разделению Европы на два враждебных лагеря. В 1882 г. он превратился в Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии. Ему противостоял русско-французский союз, сложившийся в 1891–1893 гг. [38]. Великобритания — самая крупная колониальная и промышленная империя, обладавшая мощным военно-морским флотом, на рубеже веков продолжала некоторое время пребывать в состоянии «блестящей изоляции», предпочитая оставаться вне рамок военно-политических группировок. «Система вооруженного мира» прикрывала углублявшиеся противоречия между капиталистическими странами, порожденные их торгово-экономической конкуренцией, колониальным соперничеством и гонкой вооружений [39].

К началу XX в. особенно обострились все свойственные империализму противоречия, прежде всего противоречия между различными финансовыми группами и между империалистическими державами в связи с усилением борьбы за передел

мира; противоречия между горстью господствующих «цивилизированных» наций и сотнями миллионов колониальных и зависимых народов.

Эти противоречия между ведущими европейскими державами, такими как Пруссия, Австрия, Франция, Россия, Англия, зародились еще в XIX в., а события начала XX в. стали лишь верхушкой айсберга. Ниже мы рассмотрим непростые отношения Франции и России, и те события, которые повлияли на заключение союзнических договоров 1891–1893 гг.

Франко-русский союз начал оформляться уже в середине XIX в., сразу по окончании непростой для Российской империи Крымской войны 1853–1856 гг.¹ В отчете МИД за 1856 г. А.М. Горчаков² писал: «Ни Англия, ни Австрия, ни Пруссия не представляют реальной возможности для серьезного и постоянного соглашения с Россией. Остается одна Франция, которая как континентальная и морская держава может стать союзницей России». Хотя императору Александру II привычнее были традиционные связи с Пруссией, в которой он видел противовес государствам «Крымской системы», он все же поддавался убеждению своего министра [40].

В первые годы после Крымской войны Франция и Россия имели общие интересы в Европе. В двух вопросах обе империи находили общий язык в борьбе с Австрией и отчасти на Балканах (в вопросе о дунайских княжествах Молдавии и Валахии, где русско-французская дипломатия противостояла Англии и Австрии, которые поддерживали Турцию). Для России после 1856 г. Франция представлялась сильнейшей в Европе державой. Между Францией и Россией не было принципиальных разногласий и столкновений в Европе. Российский император Александр II и министр иностранных дел Горчаков были

---

¹ Крымская война 1853–1856 гг., также Восточная война — война между Российской империей и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Итогом войны было заключение Парижского мирного договора 1856 г., очень неудачного для Российской империи.

² Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков (4 (15) июня 1798 г., Гапсаль — 27 февраля (11 марта) 1883 г., Баден-Баден) — глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи (с 1867 г.).

единодушны в желании достичь с французским императором Наполеоном III политического союза. Ради этой генеральной цели российской политики русская дипломатия готова была поддерживать Францию там, где Франция нуждалась в такой поддержке со стороны Петербурга. В сентябре 1857 г. в Штутгарте состоялось свидание Александра II и Наполеона III. Оба императора выясняли точки зрения обеих сторон на итальянские и балканские дела. Свидание положило начало согласованной политике России и Франции в итальянских и балканских делах в 1857–1862 гг. [41]. Однако от благожелательного нейтралитета по отношению к Франции в вопросах о Северной Италии и французской экспедиции в Сирию Россия не получила главного для себя — согласия Франции на пересмотр Парижского мирного договора. Международная изоляция России до известной степени была нарушена самим фактом франко-русских переговоров и консультаций. Расчеты на союз с Францией окончательно были оставлены после восстания в Польше в 1863 г., когда выяснилась антирусская позиция Франции, общая с Англией в польском вопросе. После 1863 г. Россия отказывается от идеи союза с Францией и все больше внимания обращает на Пруссию, с которой ищет сближения и быстро его находит [42].

В 70-е гг. XIX в. Россия вела двойственную политику: с одной стороны, был заключен «союз трех императоров»¹, а с другой — после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и последовавшего за ней Берлинского конгресса² 1878 г., на котором Германия заняла явно антирусскую позицию, Российская империя нахо-

---

¹ «Союз трех императоров» — совокупность соглашений между Россией, Германией и Австро-Венгрией, заключенных в 1873, 1881 и 1884 гг. 25 мая (6 июня) 1873 г. во время визита царя и министра иностранных дел России А. М. Горчакова в Вену Александр II и Франц Иосиф I подписали в Шенбруннском дворце (под Веной) соглашение. 11 (23) октября 1873 г. к этому соглашению присоединилась и Германия во главе с кайзером Вильгельмом I. Этим было положено начало «Союзу трех императоров». Когда «Союз трех императоров» окончательно распался, в 1887 г. был заключен русско-германский договор перестраховки.

² Берлинский конгресс 1878 г. (1 (13) июня — 1 (13) июля) — международный конгресс, созванный для пересмотра условий Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., завершившего Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Завершился подписанием Берлинского трактата.

дилась между «двух огней». Перед ней стоял непростой выбор: идти на поводу Германии или искать себе нового союзника в Европе, коим могла стать Франция. Итогом внешней политики России в 70–80 гг. XIX в. стал резкий поворот в сторону Франции как основного союзника на европейском континенте.

Сближение с Францией созревало постепенно и довольно медленно. Пойти на союз с республикой царь совсем не спешил. МИД России во главе с Н.К. Гирсом¹ убеждал царя в рискованности менять отношения с Германией: и потому, что для России есть немало выгоды от добрых отношений с Германией (военная безопасность, торговые отношения, политические принципы). И потому, что опасность открытого поворота к Франции, по мнению Гирса, состояла в том, что реваншистские устремления Французской республики, после неудачной для Франции Рранко-прусской войны², могут втянуть Россию в прямую конфронтацию с Германией. Гирс был искренне убежден, что монархам России и Германии суждено быть вместе (консервативность режимов), им нечего делить между собой. Во всяком случае надо поддерживать традиционные отношения, не ухудшая их более, даже наоборот, восстанавливать. Франция же, напротив, все настойчивее добивалась именно союза, военного и политического с Россией. Инициатива в союзном соглашении принадлежала французской стороне. Александр III продолжал выжидательную политику, не проявляя антигерманской политики в своих заявлениях. Новый немецкий император Вильгельм II сразу пришелся не по душе русскому императору. Заключение с Францией военной конвенции, на которую Александр III пошел без колебаний,

---

¹ Николай Карлович Гирс (9 (21) мая 1820 г., близ м. Радзивилова — 14 (26) января 1895 г., Петербург) — русский дипломат, министр иностранных дел России в 1882–1895 гг.; действительный тайный советник (16 апреля 1878 г.), статс-секретарь (1879), почетный член Петербургской Академии наук (1876).

² Франко-прусская война 1870–1871 гг. — военный конфликт между империей Наполеона III и германскими государствами во главе с добывавшейся европейской гегемонии Пруссией. Война, спровоцированная прусским канцлером О. Бисмарком и формально начатая Наполеоном III, закончилась поражением и крахом Франции, в результате чего Пруссия сумела преобразовать Северогерманский союз в единую Германскую империю.

говорит о его решимости к более самостоятельной политике России, невзирая на последствия в русско-германских отношениях. Однако важнейшим условием согласия между Францией и Россией было то, чтобы военная конвенция сохранялась в строжайшей тайне. Это условие было предъявлено русской стороной [43].

Большую роль в русско-французских отношениях играли российские займы во Франции. Первые из них были заключены еще в конце 1880-х гг. — в 1888, 1889 и 1891 гг. Затем последовали займы 1894, 1896, 1901 и 1904 гг., достигшие нескольких миллиардов рублей. Индустриализация царской России была прямо связана с финансированием французских банков и инвестициями французской промышленности. Русские долги стали важным внешнеполитическим и экономическим фактором франко-русского союза [44].

Франция, опиравшаяся на союз с Россией, сумела овладеть огромной колониальной империей и, обладая мощным финансовым капиталом, вновь заняла свое место в ряду великих держав. Союзный договор, заключенный между державами еще в 1891 г., был видоизменен в 1899 г., когда министр иностранных дел Франции Т. Делькассе¹ приехал в Петербург с официальным визитом (поблагодарить за награждение орденом Александра Невского и отдать визит министру иностранных дел России Муравьеву). Однако это была лишь маскировка настоящих целей Делькассе, его визит имел важное политическое значение. Было заключено новое соглашение, которое подтверждало союзные обязательства договоров 1891–1893 гг., а также целью новой договоренности являлось поддержание мира и «равновесия европейских сил», которое зиждилось на противостоянии двух блоков.

После подтверждения союза его участники активизировали усилия по уточнению военных обязательств. Летом 1900 г. и в феврале 1901 г. состоялись совещания начальников гене-

---

¹ Теофиль Делькассе (1852–1923) — французский дипломат, государственный деятель. Министр колоний (1894–1895), министр иностранных дел Франции (1898–1905). Морской министр (1911–1913). Посол в Петербурге (февраль 1913 г. — март 1914 г.). Министр иностранных дел (август 1914 г. — октябрь 1915 г.).

Александр III

ральных штабов двух сторон. Подтвердив основные условия конвенции 90-х гг., военные лидеры предусмотрели вариант одновременной мобилизации своих армий, «чтобы воспрепятствовать, если нужно — силой, расширению монархии» [45]. Обязательство мобилизации без предварительного соглашения было сохранено для случаев мобилизации всего Тройственного союза или одной Германии, но не распространялось более на мобилизацию одной Австрии или одной Италии. Это уменьшало опасность общего конфликта по частному поводу, исходя из предложения, что каждая из сторон способна с успехом противостоят союзникам Германии один на один [46].

Не менее важное уточнение касалось Англии. В протокол совещания 1900 г. были внесены и протоколом 1901 г. подтверждены конкретные обязательства взаимной помощи в случае войны с Британией. При нападении на Францию одной Англии Россия должна была сосредоточить на афганской границе 300–500 тыс. человек для наступления на Индию (колонию

Англии). Если бы Англия объявила войну России, то Франция была бы обязана сосредоточить у Ла-Манша 100–150 тыс. человек и угрожать первой высадить десант [47]. Правда, эти обязательства носили скорее демонстративный характер, так как и поход на Индию, и десант в Англию представлялись с военной точки зрения весьма проблематичными, а кооперация военно-морских сил союзниц против владычицы морей вообще не предусматривалась [46].

Еще одним важным аспектом во франко-русских отношениях был вопрос о Черноморских проливах. Российская империя еще с середины XIX в. стремилась захватить Босфор и Дарданеллы, нужен был лишь повод. Свои интересы были и у Франции.

В 1896 г. в связи с погромами армян в Турции корабли нескольких держав крейсировали у ее побережья, включая подходы к Дарданеллам. Тогда же российский Черноморский флот получил приказ подготовиться к походу на Босфор. Прошло совещание между Францией и Россией, Париж сообщил, что окажет Петербургу действенную поддержку, только если одновременно с вопросами о Константинополе встанет вопрос о Страсбурге (то есть о Лотарингии), а это означало общеевропейскую войну [48].

С политикой России в отношении Проливов были тесно связаны французские интересы. За последние предвоенные годы Антанта сумела одолеть Германию на рынке русских займов. К началу Первой мировой войны из контролируемой за границей части российского банковского капитала во французских руках находилось около 53,2%, в английских — 10,4% и во владении немецких банков — 36,4% [49]. Французские банки напрямую финансировали российскую и особенно южнорусскую промышленность. Осложнения с Германией использовались в России для интенсификации морских вооружений, опиравшихся на южнорусскую индустрию и создававших угрозу Проливам, в которых успела обосноваться Германия. Французские банки ждали, когда Россия начнет реализовывать свои морские программы, тем самым они будут контролировать часть русской промышленности. Франция также боялась участия Германии в строительстве железных дорог в России. Французы

предоставили русским новые займы для сооружения железных дорог и значительного увеличения российской армии.

Безусловно, важными были встречи генштабов, происходившие в предвоенные годы между Францией, Англией и Россией. Очередное совещание французской и русской армий 1908 г. проходило под знаком развивающихся связей между Францией, Англией и Россией. На нем затрагивался вопрос о применении двухсторонней военной конвенции в случае мобилизации в Германии, направленной против Великобритании. В то же время, испытывая угрозу со стороны Австро-Венгрии, которая могла развязать войну по собственной инициативе, Россия не могла быть уверена в своевременной военной поддержке со стороны Франции. Это объяснялось в значительной мере тем обстоятельством, что, заключив ряд зарубежных займов, Россия имела долг в 8,5 млрд рублей, из которых 5,5 млрд приходилось на Францию. Таким образом, Франция имела право «востребовать» с России долг, а уже каким способом — решать было только ей.

В сентябре 1910 г. в Париже состоялось новое совещание начальников генштабов Франции и России. Полагая, что Германия бросит основные силы против Франции, оставив на Восточном фронте только три-пять корпусов с резервными дивизиями, французы придавали особое значение одновременным действиям своих и русских войск. По мнению французской стороны, уже мероприятия мирного времени должны были создать в Германии представление о высокой вероятности перехода российской армии в наступление. В этом случае французы гарантировали «немедленное и быстрое наступление» своих войск [50].

На фоне активной политики Франции по отношению к России ее противоречия с Германией лишь набирали обороты. Французское командование со времени Франко-прусской войны ориентировалось на оборону страны. Для этого на границе с Германией длиной около 2700 км была построена мощная система укреплений, опиравшаяся на крепости Эпиналь, Туль и Верден. Французы оставили лишь одну возможную лазейку между Эпиналем и Тулем — Шармский проход, который являлся стратегической ловушкой против немцев [51].

В самой Франции увеличение германской агрессии вызвало подъем патриотических и националистических настроений. Чем была вызвана такая позиция французского общества?

В последние предвоенные годы значительный подъем германской промышленности вызвал ухудшение и без того не самых лучших франко-немецких отношений. Этот экономический подъем неустанно создавал для растущего немецкого милитаризма средства, которыми он никак не мог бы располагать во времена депрессии, одновременно этот подъем вызвал усиленный спрос на сырье и тем самым повел к усиленному проникновению германской тяжелой промышленности в обе Лотарингии (французскую и немецкую) [52]. Во Франции рудные богатства оказались во власти крупных немецких концернов, например таких, как «Крупп», Тиссена, «Хеш» и др.

Вследствие своей заинтересованности в вооружениях как французская, так и немецкая тяжелая индустрия являлись сильнейшими подстрекателями национализма в обеих странах. Пока оставались в силе германо-французские противоречия, даже «мирная» экспансия во Францию таила в себе для обеих сторон серьезные опасности, которым обе стороны могли противопоставить лишь укрепление своей военной силы [53].

Перед французской промышленностью стояла двойная задача: необходимо было противостоять германскому проникновению к источникам сырья и бороться с опасным в военном отношении подрывом французской обрабатывающей промышленности. Неуклонный рост немецкой мощи за последние предвоенные годы угрожал главным центрам важнейших отраслей французской промышленности [54].

Таким образом, конфликт между Германией и Францией неуклонно возрастал. Его решение виделось лишь в военном конфликте.

Уместным будет вопрос: какую позицию занимала Великобритания? И какие отношения складывались у «владычицы морей» с европейскими державами накануне большой войны?

Определенное напряжение царило в отношениях Франции и Англии. Однако пик обострения франко-английских отношений быстро сошел на нет. Более того, в начале XX в. наметились пути сближения Франции и Англии. На наш взгляд, таких

путей для объединения Франции и Великобритании против Тройственного союза было несколько.

Первым импульсом к этому послужило соперничество ряда европейских стран в Марокко — формально независимом султанате, являвшимся одним из последних значительных, еще никем не захваченных вакуумов власти [55]. Первыми о своих «правах» в Марокко заявили французские колонизаторы, оказавшиеся после захвата Алжира у марокканской границы. Их основными конкурентами в «мирном проникновении» выступали англичане, а также испанцы, итальянцы и, что более значимо, немцы. Германия в торговле с Марокко уже занимала третье место после Великобритании и Франции. Особую активность в отношении Марокко проявлял концерн Круппа¹, действовавший в тесном контакте с немецким правительством. Его заинтересованность Марокко была связана со сбытом вооружения в этой стране и с марокканской железной рудой. Пангерманцы в конце 1903 г. открыто выдвинули аннексионистские притязания на Атлантическое побережье Марокко от Рабата до Суса, где и находились рудные месторождения [56]. Германия спровоцировала 1-й Марокканский кризис.

Германские действия в Марокко столкнулись с совместным противодействием Франции и Англии, что оказалось неожиданным для немцев, считавших англо-французские противоречия непримиримыми. Однако именно все возраставший германский экспансионизм, проявлявшийся, в частности, в Марокко, подтолкнул британские и французские правящие круги к преодолению существовавших между ними противоречий [57]. Таким образом, немцы сами создали себе «союзников» в будущем конфликте в Европе.

Но не только немецкий экспансионизм сыграл решающую роль в этом объединении. Вторым путем объединения Англии и Франции был франко-немецкий антагонизм, который с годами только усиливался. Еще во время осуществленного Бисмарком объединения Германии, которое сопровождалось присое-

---

¹ «Фридрих Крупп АГ», или «АГ Крупп», — крупнейший промышленный концерн в истории Германии, официально созданный в 1860 г.

динением Эльзас — Лотарингии, Г. К. фон Мольтке — старшие и высшие прусские военные круги настаивали на том, чтобы обе эти провинции, расположенные между Вогезами и Рейном, принадлежали Германии. Это должно было обезопасить империю от возможного нападения Франции. И хотя большинство полутораmillionного населения Эльзас — Лотарингии говорило по-немецки, оно в значительной части было настроено против отделения от Франции и пыталось протестовать, но безрезультатно. Аннексия Эльзас — Лотарингии и вытекающие из этого последствия стали непреодолимой преградой на пути к коренному улучшению франко-германских отношений, превратившись в одну из основных причин возникновения мировой войны. Чтобы укрепить вновь созданную Германскую империю и не допустить французского реванша, Бисмарк стремился держать Париж в состоянии международной изоляции [58].

Третьим путем сближения Франции и Англии стала Русско-японская война. В начале XX в. на Дальнем Востоке резко обострилась борьба империалистических держав за сферы влияния, особенно за влияние в Китае, где вспыхнуло мощное антиимпериалистическое движение. Политика России в это время была направлена на сближение с Китаем, чтобы приобрести там руководящее положение. Но подписанное Россией соглашение с местными властями Мукденской провинции о протекторате над Маньчжурией встретило решительное сопротивление Японии, Англии и США. Япония, давно готовившаяся к войне с Россией, заключила 30 января 1902 г. договор с Англией, что обеспечивало ей финансовую помощь и создавало благоприятные условия в случае вооруженного конфликта на Дальнем Востоке.

Франция и Россия были обеспокоены англо-японским договором, но он затрагивал прежде всего Россию, а Франция не была расположена чем-либо жертвовать для защиты русских интересов. Все же 16 марта была опубликована совместная франко-русская декларация по этому поводу, которая, в сущности, ни к чему не обязывала Францию [59].

Япония была готова к войне. Заключив союз с Англией, она в октябре 1903 г. получила заверения Германии о нейтралитете. 8 февраля 1904 г. Япония напала на Порт-Артур. Началась

Плакат времен Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Русско-японская война. Франция в этот период не оказала России существенной помощи, а Германия была откровенно заинтересована в ее продолжении.

Агрессия Японии показала техническую отсталость России. Обеспокоенной этим французской дипломатии необходимо было теперь изыскивать дополнительные возможности, чтобы противостоять усиливающейся Германии. Русско-японская война ускорила создание англо-французской Антанты и оказала значительное влияние на перегруппировку сил вокруг двух враждебных центров — Германии и Англии [60].

Для Франции вопрос о сближении с Англией приобретал все большую остроту. С возникновением Русско-японской войны Франция оказывалась наедине лицом к лицу со своим опаснейшим восточным соседом.

По мнению видного российского историка Б.М. Туполева, главную роль в переходе Великобритании на антигерманские позиции сыграло англо-германское морское соперничество. И единственным выходом для Лондона было заключение союза

с Францией и Россией, который основательно сковал бы свободу действий Германской империи [57].

К тому же британские правящие круги пришли к выводу, что политика «блестящей изоляции» утратила перспективы на успех из-за резкого обострения межимпериалистических противоречий, и сделали ставку на образование военных и политических альянсов [61].

В создании англо-французского союза значительную роль сыграл уже знакомый нам Теофиль Делькассе. Французское правительство понимало, что для расширения своих колониальных владений и возвращения в будущем Эльзас — Лотарингии оно должно положить конец многовековому противостоянию с Великобританией. 21 марта 1899 г. Делькассе достиг соглашения с Англией. Франция и Великобритания разграничили сферы своего влияния между Верхним Нилом и Конго. Однако последовавшая за этим соглашением Англо-бурская война показала, что взаимные антипатии в обеих странах не уменьшились [62].

Улучшением отношений с Францией активно занялся английский король Эдуард VII и его министр иностранных дел лорд Г. Лэнсдаун. Англо-французские переговоры начались в июле 1902 г.

Эдуард VII посетил Париж с официальным визитом весной 1903 г. В одном из своих выступлений он заявил: «Я уверен, что времена враждебных отношений между обеими странами, к счастью, миновали. Я не знаю двух других стран, процветание которых бы так зависело друг от друга, чем у Англии и Франции». Спустя три месяца президент Франции Э. Лубе нанес ответный визит Эдуарду VII. Вместе с ним в Лондон прибыл Делькассе, прошедший переговоры с Лэнсдауном. Они завершились 8 апреля 1904 г. подписанием трех конвенций, означавших установление англо-французского «Сердечного согласия» («Entente cordiale») [63].

Впервые термин Антанта¹ стал использоваться в начале 40-х гг. XIX в., когда произошло непродолжительное англо-

---

¹ Антанта — военно-политический блок России, Англии и Франции, создан в качестве противовеса Тройственному союзу; сложился в основном в 1904–1907 гг. и завершил размежевание великих держав накануне Первой мировой войны.

французское сближение. Соглашение 1904 г. несколько позже стали называть просто Антантой. Подлинными ее творцами были Эдуард VII и Делькассе. Оно, по словам Тарле, «улаживало все спорные вопросы во всех частях земного шара», существовавшие между Великобританией и Францией [64].

Соглашение состояло из трех основных конвенций. Первая конвенция определила компенсации Франции за отказ от притязаний на побережье и прибрежные воды Ньюфаундленда. Она получила в Западной Африке различные территории общей площадью около 14 тыс. кв. миль. Наиболее важной была вторая конвенция — о Египте и Марокко, в которой Франция обязалась не ставить больше вопроса об уходе англичан из Египта и не препятствовать их действиям в этой стране. Великобритания со своей стороны предоставляла Франции свободу действий в Марокко. Конвенция имела и секретную часть, опубликованную лишь в 1911 г. В ней говорилось о возможности изменения «политического положения» в Египте и Марокко, если обе страны сочтут это необходимым. По существу эта статья закрепляла британские притязания на Египет и французские на Марокко. В третьей конвенции Англия признавала право собственности Франции на остров Мадагаскар, в ней были сняты взаимные претензии в отношении Новых Гебридов, Сиам был разделен на британскую и французскую сферы влияния. Таким образом, «Сердечное согласие» урегулировало главную проблему, разделявшую Великобританию и Францию — колониальную [65].

Известный немецкий историк и социолог Г. Хальгартен считал, что британская внешняя политика при короле Эдуарде VII «вполне соответствовала настроениям и интересам финансового капитала», а само соглашение «из-за несоблюдения интересов Германии в Марокко» приобрело как в экономическом, так и в политическом отношении «провокационно антигерманский характер». Важной предпосылкой подобного соглашения было прогрессирующее ухудшение англо-германских отношений и связанная с этим возрастающая готовность правящих кругов Англии пойти на серьезные уступки Франции. Весомой составной частью системы англо-французских отношений являлись и интересы обороны обеих держав [66].

Безусловно, соглашение 1904 г. определило позицию одной из ведущих империалистических держав в Европе — Великобритании. Стало понятным, какую сторону займет Англия в будущей войне. Для англичан этот выбор был достаточно серьезным, пожалуй, главной причиной стал нарастающий англо-германский антагонизм, в первую очередь в военно-морской отрасли. Уместно будет теперь сконцентрировать наше внимание на внешней политике Великобритании, ее подготовке к будущей войне, тем более что после заключения «Сердечного согласия» политика Франции и Великобритании по многим важным внешнеполитическим вопросам стала совместной и ее направленность приобрела ярко выраженный антигерманский характер. Активность британской внешней политики на рубеже XIX–XX вв. стала ответом на колониальную и военно-морскую политику кайзеровской Германии.

По мнению Г. Хальгартена, сущность англо-германского антагонизма заключалась в том, что в отличие от Англии в Германии центральной отраслью оказалась сталелитейная промышленность [67]. Картелирование и концентрация производства отличали ход событий в Германии от развития соответствующего процесса в Англии. Они «сделали Германию более могущественной в промышленном отношении, а вместе с тем и более империалистически-агрессивной, чем было островное государство» [68]. С другой стороны, тенденция к концентрации породила в качестве предпосылки ускоренного развития промышленности «необходимость и государственно-политическую основу того стремления к экспансии, той постоянно возраставшей алчности в отношении насильственно-политического контроля над рынками сбыта и сырьем, которая стала одной из наиболее существенных причин англо-германского столкновения» [68].

На рубеже XIX–XX вв. Англия уже была вынуждена считаться с нарастающим соперничеством Германии в борьбе за рынки сбыта и источники сырья, за сферы приложения капитала в Китае и Океании, в Латинской Америке и Африке, на Балканах и Ближнем Востоке. Рассматривая положение страны в мире, правящие круги Германии принимали в расчет прежде всего Британскую империю и Россию, обладавших — каждая

по-своему — соответствующими атрибутами подлинно мировых держав, а также своего «наследственного» врага Францию [69].

Продолжая увеличивать свои сухопутные вооруженные силы, Германия приступила к строительству грандиозного военно-морского флота, что «владычица морей» Великобритания не могла оставить без ответа. В гонке морских вооружений были заинтересованы магнаты тяжелой индустрии и связанные с ними финансовые круги в Англии и Германии [70].

Российский историк Д. В. Лихарев считает, что гонка морских вооружений, где состязались Англия и Германия в начале XX в., превратилась в один из главных узлов противоречий, который наряду с франко-германскими и русско-германскими противоречиями привел в конечном итоге к глобальному конфликту [71].

В середине 90-х гг. XIX в. военно-морское ведомство Великобритании располагало уже мощной пропагандистской машиной для воздействия на общественное мнение и законодательную власть. В 80–90-е гг. принимались дорогостоящие морские программы, предусматривавшие строительство целых серий мощных однотипных броненосцев. Именно в этот период была сформулирована доктрина «двухдержавного стандарта», гласившая, что Англия должна иметь флот сильнее, чем объединенные флоты двух других крупнейших морских держав (России и Франции), и надолго определившая морскую политику Великобритании [72].

26 июня 1897 г. англичане пышно праздновали юбилей царствования королевы Виктории. По этому случаю на рейд Спитхэда прибыло 165 военных кораблей. В их числе были 21 эскадренный броненосец 1-го класса и 25 броненосных кораблей [73]. «Наш флот, — с гордостью вещала «Таймс», — без сомнения, представляет собой самую неодолимую силу, какая когда-либо создавалась, и любая комбинация флотов других держав не сможет с ней тягаться. Одновременно он является наиболее мощным и универсальным орудием, какое когда-либо видел мир» [74].

В то же время опорой, на которой зиждился английский флот, была развернутая морская торговля и самая стабильная

финансовая система в мире. Великобритания продолжала оставаться богатейшей страной за счет своих обширных колониальных владений. Англия имела важные военно-морские базы на всем земном шаре. «Пять стратегических ключей, на которых замыкается земной шар, — говорил адмирал Фишер, — Дувр, Гибралтар, мыс Доброй Надежды, Александрия и Сингапур — все в английских руках!» [75].

Такое благополучное и спокойное положение Великобритании было подорвано. Во время правления в Германии Вильгельма II¹ германское правительство взяло курс на борьбу против великой колониальной империи Великобритании и расширение своих колониальных владений в мире. Среди инициаторов противоборства с Англией выделялся адмирал Альфред фон Тирпиц², к концу 80-х гг. XIX в. уже хорошо известный не только в правительственных кругах и на флоте, но и среди крупных промышленников — сторонников колониальной экспансии. Концепции Тирпица, беспрерывно занимавшего пост морского министра с 1897 по 1916 г., оказали глубокое воздействие на весь курс внешней политики кайзеровского рейха начала XX в. [76].

Для Германии содержать большой морской флот экономически не представлялось возможным. Тирпиц понимал, что германское правительство не сможет ассигновать на военный флот такие же средства, как Великобритания. Исходя из этого Тирпиц разработал свою знаменитую «теорию риска». Адмирал полагал, что если Германии удастся создать мощное, сбалансированное соединение эскадренных броненосцев в Северном море, то они смогут составить серьезную угрозу Англии, особенно в условиях разбросанности британского военного флота по всему земному шару. И тогда Великобритания не рискнет начать войну против Германии, поскольку даже в случае победы ее морская мощь окажется настолько подорванной, что ситуацией поспешит воспользоваться какая-либо третья дер-

---

¹ Вильгельм II (27 января 1859 г., Берлин — 4 июня 1941 г., поместье Дорн, провинция Утрехт, Нидерланды) — германский император и король Пруссии с 15 июня 1888 г. по 9 ноября 1918 г.

² Альфред фон Тирпиц (19 марта 1849 г., Кюстрин, провинция Бранденбург — 6 марта 1930 г., Эбенхаузен) — германский военно-морской деятель, гросс-адмирал (27 января 1911 г.), командующий флотом.

жава. С другой стороны, обладание первоклассным военным флотом должно было, по мнению Тирпица, превратить Германию в ценного союзника для всякого, кто рискнет поколебать могущество «владычицы морей» [77].

К концу 90-х гг. Англия обладала 34 броненосными крейсерами и 38 эскадренными броненосцами 1-го класса, а Германия только 7 и 2 соответственно. Однако всего через год после вступления Тирпица на должность морского министра была принята первая из так называемых новелл — законов о строительстве флота. Предусматривалось, что всего через пять лет Германия будет иметь 10 броненосных крейсеров и 19 эскадренных броненосцев, не считая кораблей других классов [78].

Первыми кораблями, строившимися по программе Тирпица, стали пять броненосцев типа «Виттельсбах». После их выпуска сразу же последовала закладка пять броненосцев типа «Брауншвейг». В результате всех усилий германский военный флот к 1906 г. составлял четыре пятерки броненосцев. Как отмечает Д. В. Лихарев, столь однородными линейными силами не обладала ни одна держава в мире [79].

Германские морские программы 1898 и 1900 гг. не вызвали особой тревоги в британском правительстве и Адмиралтействе. Однако уже в 1902 г. морской министр лорд Уильям Селборн и правительственный кабинет, изучив имеющуюся в их распоряжении информацию, пришли к выводу, что германские морские программы, не в пример русским и французским, выполняются быстро и пунктуально и нацелены скорее всего против Англии [80]. В течение последующих двух лет тревога в Англии по поводу растущей германской морской мощи только продолжала увеличиваться.

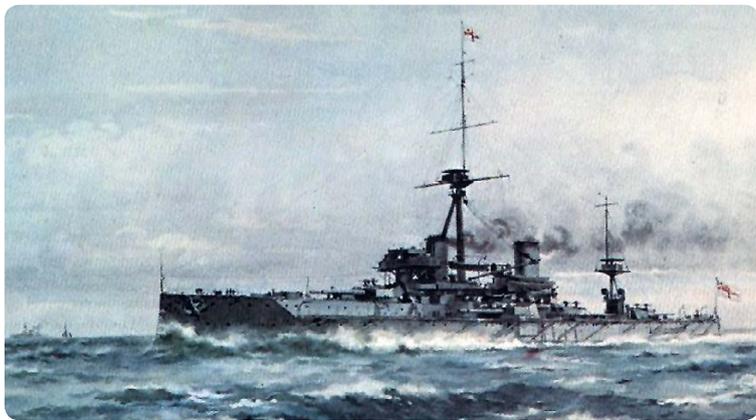
Выход из сложившейся ситуации британское правительство видело в смене руководства морской политикой империи. 21 октября 1904 г. адмирал Дж. А. Фишер вошел в состав британского Адмиралтейства на посту руководителя морской политики империи, и именно им были предприняты первые шаги, направленные на то, чтобы встретить германскую угрозу во всеоружии. Одной из первых реформ, осуществленных Фишером на посту первого морского лорда, стала концентрация

основных сил британского флота в водах метрополии. До этого на протяжении многих лет новейшие броненосцы английского флота были сосредоточены в Средиземном море. Теперь их число на этом театре сократилось с 12 до 8. К 1905 г. все пять современных броненосцев, составляющих главную ударную силу английской эскадры в водах Китая, были отозваны в Англию и из них сформировано отдельное соединение [81]. Количество эскадренных миноносцев и броненосных крейсеров, базировавшихся в гаванях метрополии, изменилось следующим образом: 1902 г. — 19; 1903 г. — 20; 1907 г. — 64 [82]. Таким образом, к 1907 г. три четвертых от общего числа всех тяжелых кораблей Великобритании были сосредоточены именно против Германии.

Английское военно-морское ведомство умело начало вести пропаганду антигерманских настроений в обществе. Фишер лично снабжал журналистов из дружелюбной прессы информацией для поддержки своей политики. Дж. А. Спендер дал яркое описание того, как адмирал «лелеял» прессу: «Он оделял обеими руками каждого из нас по очереди, и мы воздавали сторицей такой рекламой его самого и его идей, какую никогда ни один военный моряк не получал от прессы и наверное не получит» [83].

Такая яркая реклама политики Фишера самым пагубным образом сказалась на англо-германских отношениях. Первый морской лорд как минимум дважды, в конце 1904 и начале 1908 г., обращался к Эдуарду VII с предложением напасть без объявления войны с целью уничтожения германского флота, пока его мощь не достигла критических для Британии размеров. Всякий раз это предложение отвергалось, хотя во втором случае план адмирала не показался Эдуарду VII «таким уж безумным» [84]. Фишер открыто показывал свою антигерманскую позицию и искал поддержки у всех, у кого только было возможно ее приобрести.

Важнейшим мероприятием Фишера было строительство и ввод в действие быстроходного сверхтяжелого линейного корабля «Дредноут», оснащенного крупнокалиберной артиллерией. «Дредноут» был построен в беспрецедентно короткий срок. Его киль был заложен 2 октября 1905 г., а 3 октября 1906 г.

Линейный корабль «Дредноут»

корабль отправился на ходовые испытания и в декабре вступил в состав флота. Строительство дредноутов выводило британский флот на качественно новый уровень.

«Дредноут» был оснащен принципиально новой системой централизованного управления артиллерийским огнем. Он стал также первым крупным кораблем, на котором в качестве главной силовой установки была использована паровая турбина. Преимущество в скорости позволяло «Дредноуту» занимать выгодную для него артиллерийскую позицию и навязывать свою инициативу в сражении [85].

Появление «Дредноута» в Европе привело к тому, что в течение года не было заложено ни одного линейного корабля, так как планы многих иностранных адмиралтейств сошли на нет. Вот как сам Фишер оценивал свой успех: «Тирпиц подготовил секретную бумагу, в которой говорится, что английский флот в 4 раза сильнее германского! И мы собираемся поддерживать британский флот на этом уровне. У нас 10 дредноутов, готовых и строящихся, и ни одного германского не заложено до марта!» [86]. Однако уже в июне 1906 г. на верфи в Вильгельмсгафене был заложен «Нассау» — головной корабль первой серии

германских дредноутов. Теперь все немецкие корабли будут дредноутного типа. А к 1920 г. новая программа даст Германии вместо 33 эскадренных броненосцев и 20 броненосных крейсеров, как предусматривалось ранее, 58 дредноутов и линейных крейсеров [87].

Как только все эти факты стали известны в Англии, в стране разразился политический кризис, получивший название «морской паники» 1909 г. До появления «Дредноута» Англия обладала подавляющим превосходством своего линейного флота. Теперь гонка морских вооружений начиналась с новой точки отсчета, в результате чего Германия получила дополнительные преимущества. Ведь средние темпы строительства линейного корабля на германских верфях были такими же, как на английских. Теперь отставание германского флота станет исчисляться не десятилетиями, как до 1905 г., а в лучшем случае годами. Получалось, будто Англия добровольно пожертвовала своим господством на морях. Таким образом, кризис ударил и по создателю «Дредноута». 25 января 1910 г. Фишер получил пэрство и титул барона, но был вынужден уйти в отставку [88].

Самые мощные британские дредноуты Первой мировой войны, вооруженные 381 мм (15-дюймовыми) орудиями, были созданы уже при сэре Уинстоне Черчилле¹, занявшем пост морского министра в октябре 1911 г. «Я немедленно решил пойти на порядок выше, — вспоминал впоследствии Черчилль. — Во время регаты я намекнул на это лорду Фишеру, и он с жаром принялся доказывать: «Не менее чем 15 дюймов для линкоров и линейных крейсеров новой серии» [89]. Так родилась идея создания знаменитого «быстроходного дивизиона» линейных кораблей типа «Куин Элизабет», закладка которых предусматривалась программой 1913 г. Эти корабли имели выдающиеся по тем временам тактико-технические данные. При водоизмещении 27 500 т и основательном бронировании они имели необычайно высокую для таких больших кораблей скорость

---

¹ Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (30 ноября 1874 г., Бленхеймский дворец — 24 января 1965 г., Лондон) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.; военный, журналист, писатель, почетный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

хода — 25 узлов. Их главная артиллерия состояла из восьми 381 мм орудий, размещенных в четырех двухорудийных башнях [90]. Ни один дредноут того времени не имел такого мощного вооружения. Их орудия были способны поражать цель своими 800 кг снарядами на расстоянии до 30 км.

В отличие от Черчилля, его немецкий коллега Тирпиц решил не рисковать, и строительство аналогичных германских дредноутов началось только после тщательного испытания 381 мм орудий. Германский «Байерн» получился на 2350 т тяжелее и имел бортовую броню на несколько дюймов толще. Из-за нерасторопности германского статс-секретаря по морским делам они вошли в состав флота только к 1917 г. [91].

Итак, в основе англо-германского антагонизма, по мнению Д.В. Лихарева, лежат три причины. Во-первых, геостратегическое положение двух держав. Германия, расположенная в непосредственной близости от Англии, создала не просто «большой флот», а второй в мире флот, уступающий только английскому и угрожающий непосредственно морским рубежам метрополии. Более того, Германия своей военной мощью грозила опрокинуть баланс сил на европейском континенте, что составляло дополнительную опасность для Великобритании [92]. Того же мнения придерживается и Хальгартен, полагавший, что «глубочайшей» причиной англо-германского антагонизма являлся «страх англичан перед германским колониальным и континентальным империализмом», строившим флот для своего прикрытия, обладая которым он приобретал возможность диктовать «океанской Венеции» свои условия [93].

Вторым обстоятельством, осложнившим достижение компромисса, было ожесточенное торговое и экономическое соперничество на европейских и колониальных рынках. Дымные громады индустриальных гигантов Германии, грохот ее портов, ее неудержимая промышленная и торговая экспансия вселяли все большую тревогу в сердца англичан [92].

В-третьих, существовало идеологическое или политико-культурное противоречие. Англия на рубеже веков являлась либеральной парламентской демократией, основанной на разделении властей, избирательном праве и свободной прессе. Противостоявший ей кайзеровский рейх представлял собой

бюрократическое авторитарное государство, удивительный феномен современной индустриальной державы, в которой политическая власть принадлежала полуфеодальной прослойке юнкеров, практически утратившей свои экономические позиции. Британская пресса предвоенных лет свидетельствует о полном неприятии англичанами германской политической системы, немецкой философии, прусского милитаризма, безвластия рейхстага и недемократического избирательного права [94].

Можно выделить и четвертую причину, колониальную. Накануне Великой войны вопрос о колониальных проблемах между Англией и Германией занимал особое место в дипломатических контактах. Целью Берлина было приложить все усилия для того, чтобы добиться нейтралитета Лондона в будущей войне, а также оторвать «владычицу морей» от союзников по Антанте. Но все предложенные англичанами варианты по вопросу колониальных преобразований были отвергнуты немцами. Более того, Германия, имея хорошую возможность «убрать» Великобританию с поля военных действий накануне надвигавшейся войны, не воспользовалась этим, чем осложнила свое и так не вполне устойчивое положение на европейской арене.

Непосредственная причинная связь англо-германского антагонизма с возникновением мировой войны заключается в том, что в предшествующий период к германскому экономическому подъему присоединилось «несокрушимое военное могущество Германии». Это побуждало англичан предполагать, что, разгромив Францию, немцы смогут обосноваться где-нибудь в Булони. Оттуда с помощью своего мощного военно-морского флота они будут угрожать английскому судоходству и связям страны с доминионами и с другими заморскими территориями [95]. Британия усиливала не только морской флот, но и продолжала укреплять сухопутные войска. К началу 1914 г. английская армия была хорошо укомплектована и готова вести военные действия.

Таким образом, на фоне англо-германских и франко-германских противоречий союз Англии и Франции 1904 г. был продиктован внешнеполитическим усилением Германии. Как Великобритания, так и Франция понимали, что поодиночке,

без достижения соглашения, противоборствовать росту мощи Германии на европейском континенте они не смогут.

Антанта уже с первых лет своего существования стала выступать единым фронтом. Примером того могут служить 1-й (1905–1906) и 2-й (1911) Марокканские кризисы, когда Великобритания и Франция выступали единым «кулаком» против кайзеровской Германии.

Так называемый Танжерский кризис — острый международный конфликт, продолжавшийся с марта 1905 по май 1906 г., возник на почве спора Франции с Германией относительно контроля над султанатом Марокко.

В ходе империалистической «драки за Африку» французам удалось овладеть Алжиром (1830) и Тунисом (1881). Следующей североафриканской колонией Франции должно было стать Марокко.

В начале 1905 г., когда Франция пыталась понудить марокканского султана к допуску в страну французских советников и предоставлению крупных концессий французским компаниям, в Танжер неожиданно прибыл немецкий кайзер Вильгельм II. Он выступил с пламенной речью, в которой пообещал султану свою поддержку и предложил заключить оборонительный союз. Этот шаг вполне соответствовал германской линии на коммерческое и военное проникновение в такие исламские государства, как Османская империя. Обостряя ситуацию в Марокко, немецкие дипломаты рассчитывали проверить на прочность франко-русский союз, тем более что все силы России были в то время брошены на завершение тяжелой Русско-японской войны [96].

В Париже прекрасно понимали намерения Германии, и поэтому французское правительство запаниковало. Французы предлагали немецкой стороне деньги в качестве компенсации за Марокко вкупе с уступкой нескольких небольших колоний в экваториальной Африке. Но немцы отвергли все французские предложения.

Поначалу действия Германии вызвали в Париже оцепенение, а в середине июня подал в отставку воинственно настроенный Делькассе. По требованию Германии была созвана Альхесирасская конференция в Испании. На конференции, про-

Французская артиллерия в Рабате. 1911 г.

должавшейся с 15 января по 7 апреля 1906 г., присутствовало 13 государств, немецкая делегация оказалась в изоляции. Падение Делькассе настолько драматически продемонстрировало слабость Франции, что предпринятая Германией попытка добиться осуждения Парижа за его действия в Марокко провалилась, так как остальные участники конференции испытали недоверие к намерениям Германии в отношении Франции. Конференция заявила о независимости и целостности Марокко, а также «свободе и полном равенстве» граждан всех стран в Марокко в экономическом отношении. Был учрежден Марокканский государственный банк, руководство которым фактически осуществлял Парижский и Нидерландский банк [97].

1-й Марокканский кризис ускорил формирование военных блоков и явился важным этапом на пути к мировой войне. Опасаясь немецкой агрессии, Генштабы Британии и Франции вступили в секретные переговоры, на которых, в частности, уже обсуждался вопрос о сохранении бельгийского нейтралитета. Таким образом, союзники исходили из возможности большой

европейской войны. На Альхесирасской конференции Германия осталась в одиночестве. Ее поддержала только Австро-Венгрия, которую в благодарственной телеграмме в Вену Вильгельм II назвал «блистательным секундантом» Германской империи.

В 1907 г. французские войска оккупировали Уджду (в Восточном Марокко) и Касабланку, а затем еще пять портов на Атлантическом побережье. Эти действия вновь обострили франко-германские отношения. Однако по достигнутому в 1909 г. соглашению Франция обеспечивала германским подданным «экономическое равенство» в коммерческой и промышленной деятельности в Марокко, а Германия, в свою очередь, признавала «особые политические интересы» Франции в этой стране.

В ходе всех этих событий не заставил себя долго ждать и 2-й Марокканский, или Агадирский, кризис 1911 г. Весной 1911 г. вспыхнуло восстание берберских племен в окрестностях столицы Марокко — Феса. Воспользовавшись этим, французы под предлогом восстановления порядка и защиты французских граждан в мае 1911 г. оккупировали Фес и ряд других городов, среди которых были Марракеш и Мекнес. Стало ясно, что Марокко переходит под власть Франции.

Германия, потерпевшая поражение во время Танжерского кризиса 1905–1906 гг., отправила в марокканский порт Агадир канонерскую лодку «Пантера», а 1 июля 1911 г. объявила о своем намерении обустроить там военно-морскую базу. Бросок «Пантеры» вызвал переполох во Франции, поставив ее на грань войны с Германией. В качестве компенсации за захват Францией Марокко Германия требовала все Французское Конго. Однако своевременное вмешательство Лондона, решительно вставшего на сторону Парижа, заставило Германию пойти на переговоры. Ллойд Джордж довольно витиевато выразил свою поддержку Франции — союзнику по Антанте.

В этих условиях Германия была вынуждена отойти от политики «пушечной дипломатии» и заключить соглашение 4 ноября 1911 г. Берлин признавал преимущественные права Франции на Марокко, получил за это две полосы территории Французского Конго, которые перешли к германской колонии Камерун, и режим «открытых дверей» в Марокко на 30 лет. Однако французы отказались уступить Германии свое исключи-

тельное право на Бельгийское Конго. В соответствии с Фесским договором 1912 г. Марокко стало французским протекторатом. 2-й Марокканский кризис еще больше обострил отношения между Антантой и Германией [98]. Уже в ходе 2-го Марокканского кризиса стало понятно, что война с Германией и ее союзниками для Антанты неизбежна.

Таким образом, сложившаяся в Европе политическая обстановка (борьба Антанты и Тройственного союза), безусловно, способствовала скорому началу Первой мировой войны. Каждая из стран-участниц преследовала свои цели в войне. Франция хотела вернуть свои исконные территории Эльзас — Лотарингию, Англия желала поставить на место Германию и вернуть себе звание «владычицы морей». Однако никто не догадывался, что война продлится долгие четыре года. Война, которая унесла миллионы жизней, воспитала новое поколение людей, заставила вздрогнуть весь мир от той жестокости, на которую оказались способны люди.

ГЛАВА 3

Державные интересы России в Первой мировой войне (из опыта отечественной геополитической мысли)

Первая мировая война до сих пор является одной из самых дискуссионных тем в отечественной и мировой историографии. Установки советской исторической науки, расценивавшей войну, «развязанную царизмом», как «империалистическую», «захватническую», сегодня сменили эпитеты начала XX в. о «Великой войне», «Второй Отечественной», «подлинно народной» и т.д.

Для выявления политической сущности войны, которую вела Российская империя, необходимо определить геополитические императивы и державные задачи нашего государства накануне этого глобального конфликта. Этими вопросами занималась отечественная геополитическая школа. Говоря о ней, о методах ее научного анализа, необходимо провести жесткую демаркационную черту с западной геополитикой.

Империалистическая эпоха породила два судьбоносных явления в мировой истории — Первую мировую войну и классическую западную геополитику как ее идеологическое обоснование. В сфере задач последней входило доказательство необходимости экспансионистской политики, территориаль-

ных захватов, претензий на мировое господство; познание же механизмов мироустройства было во многом производным от этой цели.

Отечественная геополитическая традиция — явление качественно другого порядка. В России геополитическая мысль зародилась на полвека раньше, вне связи с империализмом. Свои истоки она брала в недрах научного знания, отечественной антропогеографии и экономической географии, военной стратегии и истории. Российская геополитика (или если использовать не этот термин западной политологии, а понятия отечественной военно-географической науки — военная статистика (Д.А. Милютин), высшая стратегия (А.Е. Вандам), стратегия (А.А. Свечин) исходила из свойств континентальной Российской империи, основной ее задачей являлось обеспечение безопасности государства, и исходя из этого — поиск адекватной геостратегии на мировой арене. В рамках отечественной геополитики можно выделить два научных направления — военно-стратегическое (А.Е. Снесарев, А.А. Свечин, А.Е. Вандам, А.Н. Куропаткин, Н.Н. Головин, Н.П. Михневич, А.Х. Елчанинов, В.Л. Черемисов и др.) и экономико-географическое (Д.И. Менделеев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Н. Савицкий и др.).

Куда же устремлялись взоры отечественных геополитиков и военных стратегов накануне войны?

Прежде всего на восток! Российская научная геополитическая мысль не была всецело сконцентрирована на европейских делах. Восточный вектор политической активности России, по мнению отечественных геополитиков, накануне войны также играл важное значение для укрепления ее обороноспособности. В этом отношении показательны слова И.И. Дусинского, отмечавшего в 1910 г., что «славянство — щит России на Западе. Но кроме Запада у нас есть Север, Юг и Восток, являющиеся исключительно сферой нашей политики национальной» [99]. «Для нашей национальной политики, — продолжал он, — азиатские части восточного вопроса представляются еще более существенными, чем дела европейские» [100]. Отсюда важнейшей геополитической задачей считалось обезопасить Россию от «исторической неизбежности натиска Китая»:

1) с помощью интенсивного промышленного освоения всего Зауралья (создания культурно-экономических колонизационных баз на Урале, Алтае, в горном Туркестане с Семиречьем и на «Кругобайкалье»), выравнивания по плотности населения центра и периферии (Д.И. Менделеев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Н. Савицкий);

2) с помощью интенсивной колонизации в глубь Азии [101].

О естественноисторической обусловленности русской колонизации на Восток с целью обретения «удобной и прочной границы» писал еще славянофил И.С. Аксаков в 80-е гг. XIX в. Он считал, что продвижение России в сторону Средней Азии «законно, естественно и неизбежно» [102]. Еще дальше эту идею развил генерал А.Е. Снесарев, указав на необходимость укрепления наших государственных позиций в Афганистане в противовес британской Индии [103].

Геополитики двух разных школ — П.Н. Савицкий и А.Е. Вандам рассматривали Русское государство как геополитического преемника Монгольской державы. Это подразумевало включение в состав Российской империи остатков территории бывшей Золотой Орды.

Наследие «монголосферы» касалось прежде всего исторического «степного» мира, центральной области «старого материка» — Монголии и Восточного Туркестана, а также среднеазиатского, сопряженного геополитически с «иранской сферой» [104].

Географическая принадлежность Внешней Монголии к пространству России определялась близостью почвенно-ботанической и климатической. Она подчеркивалась ярким географическим контрастом с Китаем, где не было ничего сходного с монгольскими явлениями [105]. Так же дело обстояло и с Синьцзяном (Восточный Туркестан).

П.Н. Савицкий и А.Е. Снесарев утверждали, что Синьцзян и Монголия составляли «монгольское ядро континента», обладание которым являлось геостратегической и геоэкономической необходимостью. Геополитическое значение этой территории было связано с созданием самодостаточной экономической системы. Отсюда делался вывод, что только ориентацией в сторону Востока может быть осуществлено «великопромышленное развитие России».

В ряде насущных стратегических задач России в начале XX в. отечественными геополитиками (Д.И. Менделеевым, С.О. Макаровым, И.И. Дусинским, П.Н. Савицким) выделялась и проблема охраны северных «территориальных вод» и земель. В частности, Новой Земли от поползновений норвежцев, Шпицбергена не столько от Норвегии и Швеции, сколько от попыток проникнуть сюда «развязных янки, желающих соединить доктрину Монро с колониальной политикой во всем Тихом океане» [106] (имелись в виду стремления американцев захватить в свои руки угледобычу на Шпицбергене). Так, И.И. Дусинский пророчески предвидел еще в 1910 г. перерастание панамериканской доктрины Монро в планетарную стратегию.

Таким образом, определение и проведение удобных и надежных восточной, юго-восточной и северной границ, по мнению отечественных политгеографов и военных стратегов, являлось важнейшей задачей для Российской империи начала XX в.

В этой связи вступление России в Первую мировую войну расценивалось как ненужный и крайне нежелательный шаг, противоречащий экономическим и геополитическим, державным интересам России. А.Е. Снесарев полагал, что Россия должна сохранить позицию «третьего радующегося», жить «международным балансом», то есть не примыкать ни к одной из противоборствующих стран, заниматься внутренними реформами, укреплять свою экономическую, военную мощь и обороноспособность. На похожих позициях стояли и другие военные ученые — участники Первой мировой, оказавшиеся в эмиграции: бывший профессор Академии Генерального штаба А.К. Байов и бывший полковник русского Генерального штаба И.Ф. Патронов.

Война — это не только вооруженное противоборство, это и борьба идей, военных стратегий, геополитических школ и их прогнозов. Досадным недоразумением в преддверии Первой мировой войны являлась недооценка научных выводов отечественных геополитиков, в то время как, по верному замечанию историка Н. Яковлева, «живя на вулкане революции, российские буржуа с тоской взирали за кордон, находя тамошние страны, не имевшие непосредственно такой перспективы, невыразимо прекрасными. Отсюда разговоры, скажем, о высоком

развитии военно-теоретической мысли на Западе — Шлиффене, Мольтке, Фоше, и стенания по поводу бедности талантами русской земли, где, дескать, не произрастают военные теоретики» [107]. Однако историческая практика показала цену этим «столпам», допустившим ряд фатальных стратегических ошибок. В то же время отечественные военные стратеги и геополитики, многие из которых незаслуженно забыты сегодня, сумели проанализировать опыт современной войны и дать взвешенный научный прогноз о затяжном характере грядущей Первой мировой войны¹.

Приоритетной геополитической задачей, которая выдвигалась Российской империей, вступавшей в Первую мировую войну, являлась защита своей сферы влияния на Балканах (конкретнее, в царском Высочайшем манифесте от 20 июля 1914 г. говорилось о защите Сербии).

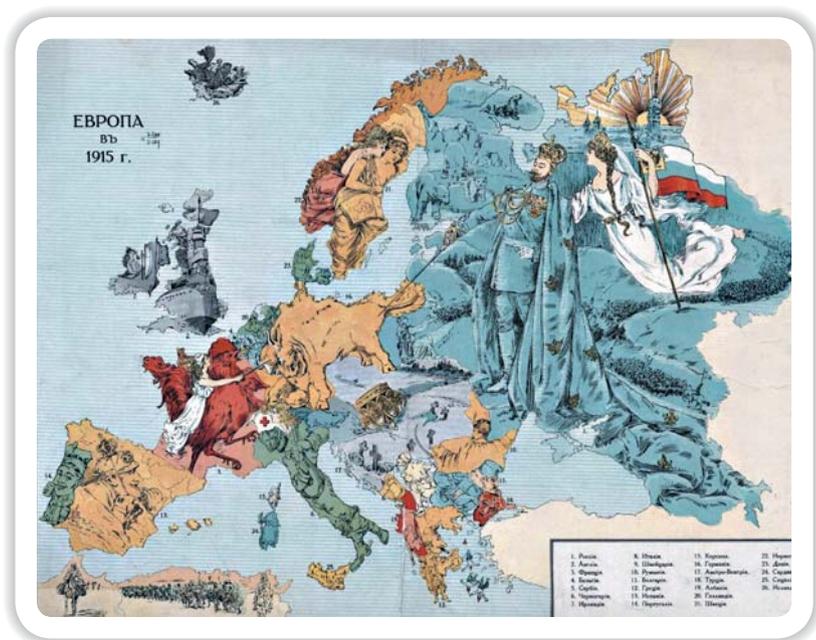
Балканский полуостров как ключевое стратегическое звено Черноморско-Средиземноморского бассейна представлял для Российской империи важнейшее геоэкономическое значение, обеспечивая выход к мировым торговым путям. В геостратегическом плане Балканы являются плацдармом для ведения наступательных военных действий в восточном направлении, в том числе для кампаний против России вроде «Drang nach Osten»². В геополитическом плане балканская зона включена в сферу, в которой исторически сосредоточены важнейшие стратегические и национальные интересы России. Сюда входят Малая Азия, Кавказ, Закавказье и Средняя Азия. Неслучайно в проектах западных держав по установлению мирового господства важнейшим направлением военной политики являлось и по сей день является создание на Балканском полуострове военно-стратегического плацдарма для установления контроля в Юго-Восточной Европе и последующего закрепления в Черноморском и Прикаспийском бассейнах.

Безусловно, вторжение на Балканы враждебной страны в преддверии Первой мировой войны представляло угрозу для национальной безопасности Российской империи. Поэто-

---

¹ В частности, об этом писали генералы Н.Н. Головин, Н.П. Михневич, А.Х. Елчанинов, В.Л. Черемисов.

² В пер. с нем. «Натиск на Восток».

Российская символическая карта мира. 1915 г.

му в Высочайшем манифесте о вступлении в войну говорилось об оборонительных целях нашей страны: «Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди Великих держав» [108].

Русская геополитическая школа признавала стратегическую целесообразность укрепления России на Балканах. Однако к идее Балканского союза наши ученые-геостратеги относились настороженно¹. По мнению генерала А.Е. Вандама, она была взята на вооружение англичанами: Балканский союз был брошен на слабеющую Турцию, не могущую более представлять собой надежный заслон для русских и немцев на пути

¹Учитывалось влияние Англии в Греции, проводником которого был первый министр Греции Венизелос.

к Средиземному морю [109]. Усиливая Сербию, Черногорию и Грецию после размежевания отнятых у Турции земель, Англия «двойным барьером заградила первый Балканский путь» [110]. А после второй Балканской войны Британия, дав возможность Турции вернуть некоторые потерянные земли, еще более усилила оборону Проливов.

Балканы рассматривались как форпост для продвижения к важнейшим стратегическим точкам — черноморским Проливам Босфору и Дарданеллам. Овладение Проливами рассматривалось в качестве необходимого условия для обороны Черноморского побережья. В этой связи российскими военными стратегами разрабатывались планы по укреплению защитного геополитического пояса Российской империи. Это подразумевало усиление влияния на Балканах, прежде всего в Болгарии. Адмирал А.Д. Бубнов приводил в своих воспоминаниях беседу с Николаем II по поводу болгарского Бургаса осенью 1915 г.: «Болгарский порт этот имел значение огромной важности для Босфорской операции, горячим сторонником которой был Государь. Дело в том, что Бургас был единственным портом вблизи Босфора, где можно было высадить крупный десантный отряд, без коего наш Генеральный Штаб и в частности ген. Алексеев категорически не считал возможным предпринять операцию для завладения Босфором. Об этом порте давно уже велись секретные переговоры с Болгарией, которые, однако, были безуспешными, ибо Болгария требовала себе за выступление на нашей стороне и представление нам Бургаса Македонию, на что Сербия своего согласия ни за что давать не хотела, закрывая глаза на то, что мы именно во имя ее спасения вступили в эту тяжелую для нас войну. Эта черная неблагодарность, угрожающая лишить нас не только возможности решить нашу национальную проблему, но даже выиграть войну, глубоко опечалила и поразила Государя, заступничеству коего Сербия была обязана всем, и Государь теперь искал возможности обойтись без Бургаса для решения Босфорского вопроса» [111]. Это наглядно иллюстрировало взаимосвязь проблемы Проливов и контроля на Балканах.

Определяя круг стратегических интересов Российской империи к началу Первой мировой, выдающийся представитель

*Петр Николаевич
Савицкий*

экономико-географического направления русской геополитической школы П. Савицкий исходил из того, что все главные ее сырьевые области (Донецкий и Керченский бассейны, Кутаисская губерния, Апшеронский полуостров и т.д.) расположены «амфитеатром» вокруг Черного моря. Отсюда прослеживалось экономическое и стратегическое тяготение к ним Константинополя, который Савицкий считал «крупнейшим русским портом», поскольку в его гавань ежегодно заходило русских торговых судов гораздо больше, чем в любой русский порт [112].

Здесь вполне определенно прослеживалось влияние славянофильской традиции, которая рассматривала черноморское направление и борьбу за Проливы как стратегически приоритетное для России. Как отмечал эпигон позднего славянофильства Н.Я. Данилевский: «Одно Черное море в состоянии дать России силу и влияние на морях» [113]. Подразумевалось, что это даст и определенное влияние на страны Востока. А защитить уязвимую южную границу, с точки зрения этого направления отечественной геополитики, могло одно — присоединение

Константинополя с последующим превращением его в столицу Всеславянской Федерации или же, как предлагал неославянофил К. Н. Леонтьев, — в административную столицу Российской империи. Стратегически это значительно сократило бы пограничную линию, обезопасив наше южное направление.

Такой подход не был лишен и вполне практических оснований. Одной из официальных целей Российской империи в Первой мировой войне ставилось «водружение креста на Святую Софию». А в меморандуме российского МИД от 4 марта 1915 г. в числе изложенных официальных требований в связи с Османским наследством указывался, наряду с прочими европейскими владениями Турции, и Константинополь [114]. Овладение им обеспечило бы навсегда свободный проход через Проливы.

Некоторые исследователи полагают, что от этой идеи необходимо было отказаться, чтобы удержать Турцию от вступления в войну на стороне врагов России, а также что «обладание Проливами было нужно для увеличения прибылей экспорта зерна и других видов сырья, то есть компрадорской прослойке русской буржуазии» [115]. На основании этого делаются выводы об империалистических, то есть выходящих за пределы самообороны и защиты собственных геополитических интересов, целях Российской империи в Первой мировой войне. При этом не учитывается то обстоятельство, что у Турции в преддверии войны разыгрались империалистические реваншистские аппетиты: она хотела заполучить Закавказье, Кавказ и вовлечь в сферу своего влияния мусульманские регионы Поволжья.

Геополитическое и военно-стратегическое значение Проливов для России сложно переоценить. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов по этому поводу отмечал: «Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству... Тот, кто владеет Проливами, получит в свои руки не только ключи от морей Средиземного и Черного, — он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах» [116]. Таким образом, обладатели этих «ключей» могли открыть двери врагам Рос-

сии или же запереть ее флот! Особенно ярко это будет проиллюстрировано в годы Второй мировой войны, когда история повторится, и снова прогерманская Турция закроет Проливы для Советского Союза. Да и сегодня турецкие «ключи» от Черного, а когда-то Русского моря открывают вход в Черное море американским кораблям.

Таким образом, нельзя не учитывать и важнейший военнополитический фактор: обладание Проливами входило и входит в сферу интересов стран — геополитических противников России.

Накануне Первой мировой войны эти территории входили в сферы интересов главных ее застрельщиков — Англии и Германии. Главную угрозу в этом направлении для России, по мнению П.Н. Савицкого, представляла Германия, которая, угрожая из Константинополя, могла бы «повторить попытку Крымской войны» [117]. «Окончательное водворение Германии на Босфоре и Дарданеллах было бы равнозначно смертному приговору России», — отмечал С. Сазонов [118].

Англия же со времен «Большой игры»¹ не могла допустить закрепления России на Проливах, поскольку это превратило бы ее не только в крупнейшую средиземноморскую, но и мировую державу. Кроме того, в планетарных проектах британской геополитической школы, душой которой был Х. Маккиндер, Россия представляла «сердце мира», «осевое государство», «срединную землю», по которой проходила «географическая ось истории» [119]. В этой связи им была выведена знаменитая формула: «Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [120]. А подступиться к этому миру можно было и со стороны Черного моря и Кавказа.

Англия сумела использовать Балканский вопрос для решения одной из главных своих задач в войне: ослабления своих геополитических конкурентов — Германии и России — через стравливание их друг с другом. Ловко воспользовавшись фактом пребывания немецкого генерала О. Лимана фон Сандерса

---

¹ Геополитическое соперничество между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии и шире — в восточном вопросе.

Отто Лиман фон Сандерс и Мустафа Кемаль

в Константинополе, британская дипломатия помогала Германии упрочить свои позиции в Турции, одновременно подталкивая Россию к решительным действиям, намекая на свою поддержку [121]. По этому поводу Сазонов отмечал в «Воспоминаниях»: «Все практическое значение военной миссии генерала Лимана фон Сандерса сводилось для нас к тому, что если у кого-либо в России еще были сомнения относительно истинных целей германской политики на Ближнем Востоке, то обстановка, в которой была задумана и приведена в исполнение означенная миссия, положила конец всяким неясностям и недоразумениям» [122]. А в 1915 г. Англия по инициативе У. Черчилля сама предприняла попытку захватить Дарданеллы.

Говоря о стратегическом значении Проливов, стоит подчеркнуть, что овладение ими обеспечило бы более эффективное

*Николай II и король
Великобритании Георг V*

транспортное сообщение участников Антанты через черноморские порты, что подняло бы боеспособность русской армии и способствовало бы скорейшей победе над Германией.

Кроме того, понятие «стратегические интересы» страны включает в себя и экономические цели. В свое время выдающийся российский геополитик А.А. Свечин подчеркивал, что экономические задачи — часть стратегии государства в войне, «каждое государство, чтобы не быть застигнутым врасплох, уже в мирное время стремится установить у себя известное согласование между своим хозяйственным развитием и экономическими предпосылками успешного ведения войны» [123]. Экономическое значение Проливов накануне войны сложно переоценить. В отчете вице-директора канцелярии МИД России Н. Базили «О целях наших на Проливах», составленном им накануне войны, указывалось, что через Проливы шло 60–70% экспорта российского хлеба и порядка 34% всего вывоза из России [124].

Таким образом, овладение Проливами имело решающее стратегическое влияние на исход всей войны. Нахождение Проливов под контролем «Четверного союза» представляло серьезную опасность для национальной безопасности Российской империи.

Анализируя стратегическую целесообразность войны России в блоке с Англией против Германии, российские геополитики подробно изучали опыт своих западных коллег (работы Ф. Ратцеля, Р. Челлена, А.Т. Мэхэна, Дж. Стронга, В. Уайта). Им было известно, что главным противником на пути к мировому господству Англия считает Российскую империю [125]. Об этом красноречиво свидетельствовало стремление первой заблокировать подступы России к Черному морю со стороны Кавказа. Наши военные стратеги были осведомлены о планах американского геополитика А.Т. Мэхэна по созданию на территории Малой Азии и Месопотамии зависимого от Англии буферного государства, которое плотно бы закрыло выход России к Средиземному морю и Индийскому океану [126]. Не могла пройти незамеченной и истерическая кампания английских СМИ, которая велась с момента достижения Российской империей своих естественных границ и усилилась накануне Первой мировой войны, по поводу казаков, которые норовят пересечь Памир и покуситься на жемчужину британской короны — Индию. Помнили наши геополитики и о позиции Англии в преддверии и в ходе Русско-японской войны. Когда по итогам подписания договора с Пекином в 1898 г. Россия получила выход к теплым тихоокеанским морям, англичане восприняли это как непосредственную угрозу своим интересам в юго-восточном Китае и с моря — Индии. Тогда британские СМИ ввели в оборот образ «русского медведя, сползающего к Желтому морю со своих сибирских ледников».

Накал англо-русских геополитических противоречий был столь высок, что многие аналитики говорили о возможности столкновения [127].

Отечественным геополитикам была хорошо знакома стратегия англосаксов — не допускать преобладания на европейском континенте какой-либо державы. Российские геостратеги были осведомлены и о политике «колец Анаконды», сводящей-

ся к уничтожению морских сил континентальных соперников и запираанию их на материке. Поэтому адекватно оценивали роль Англии, которая стремилась как можно плотнее забаррикадировать наш государственный фронт от устья Дуная до устья Амура.

Определяя причиной войны империалистическое соперничество Англии и Германии, А.К. Байов подчеркивал, что наиболее заинтересованной в войне являлась Англия, для которой был очень важен русский рынок: «Экономическое соперничество Англии и Франции, с одной стороны, и Германии — с другой, соперничество, на пути которого все преимущества были на стороне Германии, неминуемо должно было привести к войне, и эта война была наиболее необходима, а поэтому и наиболее желательна для Англии» [128]. Военный стратег выявлял геоисторические корни английской политики противодействия сильным конкурентам, ведь в ходе Первой мировой войны она делала все, чтобы помешать России войти в число государств-победителей и стать самой сильной державой Евразии, а возможно, и мира [129]. Многие геополитики подчеркивали, что антироссийские действия англичан проявлялись не только в нажиме на союзнические обязательства России, которые та свято исполняла, но и в оказании финансовой помощи российским либералам в организации Февральского переворота, повлекшего за собой развал империи. В частности, такие позиции разделял выдающийся военный ученый, бывший профессор Академии Генштаба Н. Головин.

Таким образом, именно на Англию российские геополитики возлагали ответственность за развязывание Первой мировой войны, целью которой являлось подавление Германии как главного конкурента в Европейском регионе и на Атлантике, как в свое время являлось подавление активности России на Тихом океане [130]. Впоследствии анализируя итоги войны, А.К. Байов верно указал, что, стравив мощные державы, Германию и Россию, Англия, следуя вековой геополитической тактике загребать жар другими руками, пострадала от иницированной ею войны меньше остальных участников, при этом выиграв значительно больше [131].

Русская конница с копьями. Восточный фронт, 1915 г.

Включение остальных государств Европы в этот конфликт обеспечило бы Англии скорейший желаемый результат при меньших экономических потерях. Известна была и «директива» английского Генштаба, согласно которой три четверти всей тяжести войны на суше против Германии возлагались на Россию [132]. Как заметил министр иностранных дел Британии сэр Эдуард Грэй, для континентальных стран, таких как Россия и Германия, поражение на море не является катастрофическим. А для того, чтобы поражение было серьезным, нужна континентальная война между континентальными противниками [133].

В феврале 1914 г., перед самым началом катастрофы, бывший министр внутренних дел в правительстве С.Ю. Витте, член Государственного совета П.Н. Дурново в записке на имя Государя представил свой военно-стратегический прогноз перспектив участия России в войне в блоке с Англией, прогноз, которому суждено сбыться: «Любые жертвы и основное бремя войны, которое падет на нас, и уготованная России роль тара-

на, пробивающего брешь в толще немецкой обороны, будут напрасными. Ибо мы воюем на стороне нашего геополитического противника — Великобритании, которая не допустит никаких серьезных обретений» [134].

Итак, вывод отечественной научной геополитической мысли накануне Первой мировой войны был однозначен — «английский способ» решения германского вопроса губителен для России.

Немаловажным аспектом при анализе державных задач России в войне, нашедшим отклик в исследованиях отечественных геополитиков, являлась оценка соотношения интересов Российского государства и принятых им союзнических обязательств. Большинство аналитиков полагало, что, выполняя свой долг перед союзниками, истекая кровью, Россия сама приносила себя в жертву игре своих империалистических друзей по Антанте. Так, спасая Францию от разгрома, Россия уже в 1914 г. в Восточной Пруссии потеряла убитыми и ранеными около 500 тыс. солдат и офицеров.

В отчете Кружка по изучению Первой мировой войны при историко-философском отделении Русского народного университета в Праге были приведены следующие сведения: «Бросая в Восточную Пруссию в трагический для Франции момент две русские армии, до их окончательного сосредоточения и готовности к бою, Верховное русское командование исходило из интересов общих, жертвуя интересами русскими во имя спасения Франции. Русские армии терпели страшные поражения, тем не менее варшавская операция считается образцом маневренного искусства русских полководцев, на котором, несомненно, будут воспитываться будущие военные деятели. Лодзинская операция стоила немцам колоссальных жертв, не дав реальных результатов. Наконец, германцы, сосредоточив против нас 2/3 своих сил, хотели нам устроить севернее Полесья «Седан», но эта операция им не удалась» [135].

Не могло пройти незамеченным от взгляда военных геополитиков, что, требуя от России выполнения союзнического долга, бросая ее армию на самые опасные участки фронта, друзья по Антанте не спешили выполнять свои обязательства, а то и вовсе отказывались. В 1915 г., когда России как никогда

*Кайзер Вильгельм II
и император Николай II
обменялись мундирами*

нужна была помощь, союзники отказались начать наступление на Западном фронте, дав противнику занять Галицию, Польшу, Литву, часть Белоруссии и Латвии. Пока русская армия несла колоссальные потери, Англия и Франция перестраивали свою промышленность на военный лад и копили силы. В итоге территориальные потери в 1915 г. стали поводом для расшатывания общественного мнения в стране, для подготовки идеологической почвы к последующему Февральскому перевороту.

Геополитический анализ потенциала пространственно-силовых взаимоотношений России и Германии показывал стратегическую целесообразность союза этих двух крупнейших государств Евразии. Многие военные геополитики в начале XX в. в качестве альтернативы предлагали создание конфедерации континентальной России и Германии с подключением

Франции, возможно, Австрии и Италии с целью вытеснения англосаксов из Старого Света¹.

Ради сохранения русско-германской дружбы многие геополитики славянофильской направленности призывали частично отречься от панславянских интересов, если Германия откажется от политики продвижения на восток и юго-запад [136]. Такой союз считался возможным, поскольку учитывалась двойственная геополитическая природа Германии, которая имеет «как бы два лика: один смотрит на океан, другой — на континент» [137]. Этим обуславливалась двойственность ее геостратегии: «Drang nach Osten» или «Zukunft liegt an der See»². Таким образом, устремление геополитической активности Германии на колониально-заморское расширение делало ее естественным союзником России против Океанической империи.

В 1916 г. П.Н. Савицкий отмечал, что даже «направленность войны против России не уничтожает того обстоятельства, что, при известных условиях, идея империалистической Германии гораздо более совместима в мире с идеей империалистической России, чем с идеей империалистической Англии» [138]. Именно на таких позициях изначально стоял Вильгельм II. Анализируя причины войны, многие русские военные стратеги считали, что у России и Германии не было геополитических и геоэкономических противоречий, которые могли бы объективно стать предпосылками войны: в странах Дальнего Востока, Средней Азии, Персии и на Ближнем Востоке главным конкурентом России была не Германия, а Англия. «Очевидно, что России, с точки зрения материальных интересов, война с Германией была не нужна», — делал вывод генерал Байов [139].

А.Е. Вандам верно отмечал: «Едва только закончена была тихоокеанская трагедия наша, как с быстротой фокусника, надев на себя маску приветливости и дружелюбия, Англия сейчас же подхватила нас под руку и повлекла из Портсмута в Алхезирас,

---

¹ На высшем политическом уровне кроме Н. Дурново такие позиции разделяли бывший военный министр А.Н. Куропаткин, товарищ министра иностранных дел Н.В. Чарыков.

² В пер. с нем. «Натиск на Восток» или «Будущее — на море».

чтобы, начав с этого пункта, общими усилиями теснить Германию из Атлантического океана и постепенно отбрасывать ее к востоку, в сферу интересов России» [140].

Договор с Англией 1907 г. и последующая интеграция России в Антанту рассматривались российскими военными стратегами как путь к предательству национальных и государственных интересов. В 1907 г. А. Е. Снесарев публично заявил, что, подписав конвенцию с Англией, Россия «окончательно признала Афганистан находящимся вне сферы русского влияния» [141].

До сих пор многие аналитики полагают, если бы Россия в свое время, в 90-е гг. XIX в., заключила бы стратегический союз с Германией, то «к 1914 году Британской империи, вполне возможно, уже могло бы не существовать», вся британская геополитическая конструкция рухнула бы [142].

Однако еще во времена прорусски ориентированного Отто фон Бисмарка, полагавшего, что «на Востоке у нас (Германии. — Прим. А. М.) врагов нет», в Германии имелось мощное шовинистическое пангерманистское лобби, настроенное против России, выступавшее за ее расчленение. Ярким выразителем подобных идей был немецкий философ Эдуард Гартман, который в конце 80-х гг. позапрошлого столетия опубликовал статью «Россия в Европе» в журнале «Die Gegenwart», в которой изложил свое видение геополитической судьбы для России: «Финляндия была бы отдана Швеции, Бессарабия — Румынии, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия вместе с Ковенской и Виленской губерниями преобразованы были бы в самостоятельное Балтийское королевство, а речная область Днепра и Прута — в королевство Киевское. Швеция и Балтийское королевство получили бы гарантию их существования от Германии, а Румыния и королевство Киевское — от Австрии и вступили бы с этими государствами в военный союз, при котором их армии были бы в случае войны подчинены командованию стран-гарантов. В Польше снова вступили бы в силу права собственности раздела 1795 г. с использованием стратегически целесообразных границ. На Балканском полуострове у Австрии были бы развязаны руки» [143]. Надо отметить, что подобные настроения бытовали еще в Пруссии во времена Крымской войны среди господствующих кругов.

*Бернгард фон Бюлов,
рейхсканцлер Германской
империи с 1900 по 1909 г.*

В 1899 г. известный политический деятель кайзеровской Германии Б. фон Бюлов (впоследствии ставший канцлером) в своих записках четко выразил эти настроения и аппетиты зарвавшейся немецкой буржуазии: «В будущей войне мы должны отеснить Россию от Понта Евксинского и Балтийского моря. От двух морей, которые дали ей положение великой державы. Мы должны на 30 лет, как минимум, уничтожить ее экономические позиции, разбомбить ее побережья» [144].

Наконец в 1914 г. кайзеру Вильгельму II был предоставлен меморандум Класа-Гутенберга, в котором содержались предложения по зачистке от русского, туземного населения Прибалтики, Польши, Белоруссии и Великороссии к западу от линии Петроград — Смоленск, а «освобожденные» территории заселить немцами [145]. В этом же году в заявлении Пангерманского союза — идеологического центра немецкого шовинизма предлагалось отбросить Россию к границам допетровской Московии, а профессор Кенигсбергского университета Ф. Лациус писал о «немецких городах» Новгороде и Могилеве и помещал Петроград в глубину «восточного пространства» рейха. Шло

полным ходом создание планов «заселения, колонизации и германизации Восточной Германии» [146].

В это время в кругах немецкой пангерманистской интеллигенции разрабатывались геополитические проекты «Mitteleuropa» — Срединной Европы, или Срединной Империи, которая должна воссоздать контуры империи Карла Великого, объединившись под началом Германии, а затем развиться до «естественных границ». Известный немецкий геополитик и по совместительству депутат рейхстага Ф. Науманн, развивая идеи шведского пангерманиста Р. Челлена, раздвинул границы «Mitteleuropa» от Балтики до Черного моря, включив в их пределы Прибалтику и Балканы [147]. Эту геополитическую химеру, прототип современного ЕС, С.Д. Сазонов метко окрестил «стремящимся к мировому господству» «Берлинским халифатом» [148].

Немецкой военщиной были взяты на вооружение старые идеи географа и геополитика Ф. Ратцеля, согласно которым естественная граница великой державы должна замыкать пространство в 5 млн кв. км [149]. Политическая же граница Германии к началу XX в. опоясывала 1 млн кв. км, не считая колоний. Это «биологически ненормальное» проведение границы ущемляло «жизненные функции» государства. Поэтому тяга вращающегося в естественные пространства, по мнению немецких геополитиков, была закономерна, но «удовлетворена она может быть лишь в рамках континента» [149]. Используя понятие «естественные границы» Германии, немецкие геополитики в 1915 г. прочерчивали их по Уралу [150].

В этой связи русская зарубежная военная историография полностью возлагала ответственность за развязывание войны на Германию.

Итак, в нашей Высшей Стратегии накануне общеевропейской трагедии было отчетливое понимание того, что грядущая Первая мировая «несвоевременная и ненужная», «усердно навязываемая нам англичанами» и развязанная Германией война может поставить Россию в крайне невыгодное положение в дальнейшем. При этом подчеркивалось, что характер войны со стороны России был вынужденный, оборонительный. Расценивая Первую мировую войну как империалистическую,

в основе которой лежат противоречия между Англией и Германией, представители русской геополитической школы подчеркивали, что наша страна и ее сферы влияния (Балканы, Причерноморье, регион Проливов, Балтика) как объект геополитических интересов основных застрельщиков была втянута в зону их интересов. Цели империалистических держав по обе стороны баррикад — и «союзников», и противников — в отношении нашей страны парадоксальным образом совпадали: оттеснение России от Балтийского и Черного морей и Проливов, отторжение Кавказа. Сегодня эти силовые линии, выстраиваемые США и их друзьями, вновь пытаются оттеснить Россию вглубь континента — в тундру.

При этом державные задачи нашей страны в оценке военных аналитиков и геополитиков того времени в Первой мировой войне были оборонительными. Империалистических целей у Российской империи того времени большинство геополитиков не усматривало.

О научной обоснованности выводов отечественной геополитики свидетельствует их соответствие дальнейшей политической практике.

Пророческими оказались предсказания Дурново в той самой записке на имя Николая II. Анализируя последствия возможных военных неудач, он обрисовал сценарий поэтапного крушения империи: сначала начнется критика правительства и министров со стороны Государственной Думы, это вызовет в обществе революционные выступления, а «всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое»; армия будет деморализована, а законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдержать ими же поднятые народные массы. В итоге, «по глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция» [151].

Еще одним страшным последствием этой войны для России, по мнению наших геополитиков, могло быть ее возобновление. Так, А.Е. Вандам в 1913, П.Н. Савицкий в 1919 г. предвидели Вторую мировую войну.

Как отмечал А.Е. Вандам, «потеряв колонии, не имея возможности существовать средствами собственной территории, немцы проведут наступление против России» [152]. В случае победы над Германией на континенте усилится Россия, тогда Англия будет реализовывать принцип «баланса сил» против России, «приступит к образованию против нас коалиции с целью постепенного оттеснения нас не только от Балтийского и Черного морей, но и со стороны Кавказа и насыщаемого сейчас ярым ненавистником России, доктором Морисом, англосаксонскими идеями Китая» [153]. Как четко в этом научном военно-стратегическом прогнозе обрисованы планы антантовских интервентов в годы Гражданской войны!

По окончании Первой мировой войны, исследуя феномен Российской империи в складывающихся условиях нового Версальского миропорядка, российские геополитики не могли не обратить внимания на Германию, выброшенную, как и Россия, за борт с корабля мировых держав решениями Парижской мирной конференции. Критикуя такой вердикт, П.Н. Савицкий пророчески заметил, что страны — участники этого «международного судилища» «горестно ошибутся в своих ожиданиях и в исторической перспективе уготовят себе несколько смешное положение» [154]. Кроме похожего униженного состояния эти две страны сближало такое историческое свойство государственности, как великодержавность, существо которого заключается, по мнению Петра Николаевича, в том, «что они остаются великодержавными при всех поворотах своей истории» [155]. А это означало, что центростремительные силы снова проявятся в государственном организме и возродят империю.

В 1919 г., предвидя угрозу расширения Германии в восточном направлении за счет территории России, П.Н. Савицкий разработал превентивный геостратегический план «континентальных гарантий и океанического равновесия», в соответствии с которым, во-первых, Россия (при этом не имело значения — со стороны белых или красных) должна заключить с Германией «соглашение расчета», по которому первая получает гарантии от покушения на нее Германией, заключающиеся в возможности «полного осуществления славянской идеи», а именно: «в укреплении западных и юго-западных славянских государств

и союзе с ними России, усилении ее влияния на Балканах и в немецких областях бывшей Австро-Венгрии» [156]. Взамен Россия должна отказаться от интересов в Европе западнее линии Познань — Богемские горы — Триест, в результате чего Германия «бескровно добьется преобладания» в Западной Европе [157]. Савицкий полагал, что в этом случае Германия может обойтись без войны, создав под своей эгидой вместе с «континентальными странами крайнего Запада и их колониями» (фактически навязав) «западноевропейский таможенный союз», в рамках которого протекционистская политика Франции и Италии была бы ликвидирована, а Германия получила бы доступ к «линии океана, более близкой ко многим центрам ее хозяйственной жизни, чем Любек и Гамбург» [157].

Во-вторых, для устойчивости системы «континентальных гарантий» необходимо ее подкрепить «океаническим равновесием», а именно поддержкой России Англией, ибо «одоление Германии над одной из этих сторон грозило бы повлечь установление всевропейской, если не всемирной гегемонии Германии» [158].

Такой утопичный проект по реализации континентальных панславянской и пангерманской идей именно при посредничестве «океанической» Британии в основе своей имел очень важное рациональное практическое военно-стратегическое начало. Это идея о необходимости заключения соглашения между двумя аутсайдерами мировой политики. Савицкий был уверен, что «народы российский и германский совместно оказались побежденными, весьма вероятно, только для того, чтобы в следующий момент совместно же оказаться победителями» [158].

Значение этой концепции наиболее четко проявляется в сравнении с геополитическими планами англосаксонских и немецких геополитиков межвоенного периода.

Так, в 1919 г. классик англосаксонской геополитики Х. Маккиндер указывал на то, что возможный союз Германии и России может парализовать англосаксонскую политику «Анаконды» [159]. Интересно, что к аналогичным выводам позже придут представители немецкой геополитической школы. Идея о военно-стратегической целесообразности континентального единства СССР и Германии была очевидна и для

известнейшего геополитика третьего рейха К. Хаусхофера, который даже в 1940 г. выступал за создание континентально-го блока по оси «Берлин — Москва — Токио», охватывающего пространство от Балтийского и Черного морей до Тихого океана. К. Хаусхофер считал, что «обширнейшее германо-русско-восточноазиатское единство — то, против чего бессильны любые, даже объединенные британские и американские блокирующие акции...» [160].

Контрстратегия данной геополитической линии должна была заключаться в создании между Россией и Германией разделительного «срединного пояса» из государств Восточной Европы. Как известно, такой подход нашел отражение и в «14 пунктах» В. Вильсона, и в политической практике — в принципах организации Версальско-Вашингтонского миропорядка.

Как показывает исторический опыт, научная геополитика (или военная статистика, высшая стратегия) должна лежать в основе государственной внешней и внутренней политики. Пренебрежение выводами первой может привести к катастрофическим результатам.

ГЛАВА 4

Балканский узел противоречий великих держав

В начале XX в. Балканы продолжали оставаться ареной ожесточенной борьбы великих держав за сферы влияния. Здесь происходила фундаментальная перестройка прежней политической конструкции вследствие кризиса двух полиэтничных империй (Османской и Габсбургской), на границах которых усиливались малые национальные государства. Это не только усложняло международные отношения в регионе и придавало им многогранность, но и свидетельствовало о возникновении новых тенденций в мире: в частности, фактор малых стран начинал играть все большую роль в калькуляциях великих держав.

Три взаимосвязанных события 1908 г. вызвали острый кризис в международных отношениях на Балканах. Речь идет о младотурецкой революции, аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и провозглашении независимости Болгарии¹. Первое событие сыграло роль катализатора. Опасаясь укрепления позиций младотурецкого режима и видя некоторые симптомы восстановления британского влияния в Стамбуле, правительство Габсбургской монархии поспешило осуществить свое давнее намерение — провести аннексию как односторонний акт и поставить весь мир перед свершившимся фактом. Такое решение

---

¹ О последнем событии подробно см.: [161].

прямо противоречило постановлениям Берлинского конгресса 1878 г., но министр иностранных дел дуалистической монархии барон А. Эренталь полагал, что эта смелая инициатива наглядно продемонстрирует всей Европе, что Австро-Венгрия достаточно сильна, чтобы проводить активную внешнюю политику. Разговоры же о ее скором распаде и зависимости от Германии, дескать, не более чем злонамеренные слухи. Еще О. фон Бисмарк называл Австро-Венгрию «часовым Германией на Балканах». Однако политическое руководство Габсбургской монархии не стало обсуждать вопрос со своим старшим союзником — Германией. Как впоследствии оказалось, напрасно — в Берлине были возмущены таким неожиданным актом. Кайзер Вильгельм II недовольно заявлял о том, что он узнал об аннексии «позже всех в Европе... из газет» [162].

Зондаж же Эренталем намерений России выявил, что российский МИД в целом «готов с пониманием отнестись к действиям» Австро-Венгрии. Правительство России осознавало, что до тех пор пока страна не восстановит свои вооруженные силы после неудачной Русско-японской войны, она не будет в состоянии предпринять эффективные действия в случае нарушения статус-кво на Балканах. Поэтому в Санкт-Петербурге решили пойти навстречу притязаниям Вены с условием компенсации для России. За свой нейтралитет она потребовала поддержки от Австро-Венгрии в вопросе о пересмотре в пользу России условий международных договоров, касающихся режима Черноморских проливов: они должны были стать открытыми для прохода российских военных кораблей.

Эренталь и глава российской дипломатии А.П. Извольский достигли по этому поводу устного «джентльменского соглашения». Но Эренталь обманул своего партнера, поспешив объявить на весь мир об аннексии, которая произошла не только с ведома, но и с согласия России. Отношения Австро-Венгрии и России после этого резко ухудшились, а престиж последней среди православных югославян пошатнулся. Ведь эта аннексия была расценена в Белграде как тяжелейший удар по национальным устремлениям Сербии. Габсбургская монархия начала сосредоточивать свои вооруженные силы — более миллиона штыков — у сербских границ. Очень важна была позиция гер-

манского руководства. Однако в начале боснийского кризиса берлинский кабинет не обнаруживал своей подлинной позиции. Он извлекал выгоду, разжигая противоречия двух соперников на Балканах, каждый из которых был заинтересован в его поддержке против другого. Но затем Германия твердо заявила о поддержке своей союзницы: аннексия должна быть признана всеми великими державами. Специально для России Берлин повторил это требование в ультимативной форме: требуем признать аннексию и ждем незамедлительного ответа. Если ответ будет отрицательным, то Австро-Венгрия немедленно нанесет удар по Сербии [163].

Россия, не готовая к войне, уступила и 24 марта 1909 г. признала аннексию. Через неделю то же самое сделало и сербское правительство, временно отказавшись от своих планов в отношении Боснии и Герцеговины. Современники называли этот провал Извольского «дипломатической Цусимой» [164]. Prestиж России на Балканах был временно подорван. Полная неудача попытки обеспечить проход для своих военных кораблей через Черноморские проливы при сотрудничестве с Австро-Венгрией и опоре на Антанту показала ослабление международных позиций России. Правящие круги в Санкт-Петербурге стали наконец понимать, что надежды на помощь Германии во имя многолетней дружбы правящих династий Романовых и Гогенцоллернов иллюзорны, что Габсбургская монархия в своей балканской политике полностью опирается на Германию. Усиление германской экспансии на Балканы и в Османскую империю [165] заметно влияло на взаимное отчуждение России и Германии, которое быстро прогрессировало [166].

Агрессивность Центральных держав на Ближнем Востоке способствовала решению петербургского кабинета укреплять свои связи с Францией и Великобританией. Германскому правительству не удалось достигнуть поставленной цели — оторвать Россию от Антанты. Одним из реальных последствий Боснийского кризиса 1908–1909 гг., бесспорно, явилось укрепление итало-русских контактов в стремлении противодействовать экспансии Австро-Венгрии на Балканах [167]. До военного конфликта дело не дошло, поскольку ни одна из вовлеченных в кризис держав еще не была достаточно подготовлена к боль-

шой войне. Но фактически этим событием начался период подготовки Европы к мировой войне. Оно показало возросшую роль Балкан в международных отношениях. В 1908–1912 гг. происходила интеграция региона в систему межблокового противостояния великих держав. Здесь был завязан такой узел, который можно было разрубить только с помощью войны...

Аннексия Боснии и Герцеговины усилила стремления югославянских народов к объединению для борьбы против Центральных держав. Боснийский кризис ускорил создание Балканского союза, направленного против Австро-Венгрии и Турции. Еще в начале сентября 1908 г., то есть даже до Боснийского кризиса, австро-венгерский посол в Стамбуле Я. Паллавичини констатировал: «Балканские государства объединены одним чувством — ненавистью к Австро-Венгрии, которую они боятся даже больше, чем Турцию» [168]. Все это свидетельствовало о сомнительности успеха Эренталя в долгосрочной перспективе. Толчком к быстрой кристаллизации Балканского союза стала вспыхнувшая в октябре 1911 г. итало-турецкая война, наглядно выявившая военную слабость Османской империи. С осени 1911 г. при посредничестве российской дипломатии начались интенсивные сербско-болгарские переговоры. 13 марта 1912 г. была создана первая «ось» Балканского союза — подписан договор о дружбе и союзе между двумя странами. Он предусматривал взаимопомощь в случае военного нападения Турции на одну из сторон и совместные действия Сербии и Болгарии в случае, если некая «великая держава» попытается захватить балканские владения турок [169]. Под «великой державой» понималась Габсбургская монархия.

Тайное приложение к договору разграничивало сферы влияния сторон в Македонии. Болгарии предназначались все территории, расположенные к востоку от нижнего течения реки Струмы и Родопских гор, а Сербии — земли к северу и северо-западу от горного хребта Шар планина. Территории же, расположенные между этими двумя линиями, предполагалось включить в автономную Македонию. Однако идея автономии была воспринята лишь половинчато. Документ пояснял, что в случае взаимного несогласия Сербии и Болгарии с таким статусом Македонии она будет разделена. Болгарии полностью пере-

давались земли к югу и юго-востоку от линии Крива Паланка — Охридское озеро, а принадлежность территорий к северу и северо-востоку от нее должен был определить российский император. И если он признает указанную линию «в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон», то они обязуются принять ее как окончательную [170]. Тем самым в договоре оформились две зоны: бесспорная, принадлежавшая Болгарии, и спорная, чья судьба подлежала «арбитражу». 12 мая в дополнение к договору представители Сербии и Болгарии подписали военную конвенцию, разработанную Генеральными штабами их армий [171].

Сближение между Болгарией и Грецией началось еще с октября 1911 г., но затягивалось опять же из-за македонских проблем. София настаивала на реформах и на автономии Македонии, а Афины выступали за ее раздел. Так и не преодолев этих противоречий, 29 мая 1912 г. Болгария и Греция заключили оборонительный договор, который, в сущности, носил наступательный характер. Вопрос о судьбе балканских территорий Турции договор обходил молчанием [172]. Позднее эта недоговоренность привела к углублению болгаро-греческих противоречий.

Посредником в болгаро-греческом сближении неофициально выступила британская дипломатия [173]. Ее отношение к Балканскому союзу вообще было двойственным. С одной стороны, оно определялось остротой англо-германского антагонизма на Ближнем Востоке (отсюда благожелательное отношение к сербско-болгарскому сближению), а с другой — боязнью усиления России на Балканах. Именно для того, чтобы предотвратить последнее и укрепить свои позиции в данном регионе, британцы и развернули свою посредническую деятельность. В Лондоне считали необходимым ослабить влияние российского царизма в Балканском союзе включением в него Греции, где экономические и политические позиции Великобритании были достаточно прочными¹. Ведь присоединение Греции к блоку

---

¹ Британия оставалась главным торговым партнером Греции, руководила реорганизацией ее флота. См.: [174].

балканских монархий создавало дополнительные трудности при разделе Македонии и осложняло роль России как арбитра. В конечном итоге все это должно было помешать укреплению России на подступах к Черноморским проливам [175].

Французские правящие круги, со своей стороны, также содействовали созданию Балканского союза, пустив в ход свои финансовые рычаги [176]. Одобряя в целом создание такого союза, который усиливал позиции Антанты в приближающейся войне с Германией, правительство Р. Пуанкаре вместе с тем не желало, чтобы Балканский блок был использован Россией против Турции. Еще во время сербско-болгарских переговоров о союзе Пуанкаре неоднократно давал понять в Петербурге, что Франция не вмешается в войну из-за местных балканских и ближневосточных вопросов и выполнит лежащие на ней обязательства только тогда, когда будут затронуты ее общие национальные интересы. Узнав же о заключении сербско-болгарского договора, Пуанкаре прежде всего потребовал от России подтверждения обязательств относительно сохранения статус-кво, то есть турецкого присутствия на Балканах [177]. Дав французскому союзнику успокоительный ответ [178], глава российской дипломатии и преемник Извольского на этом посту С.Д. Сазонов укрепился в своем решении принять все меры для предотвращения преждевременного конфликта Балканских государств с Османской империей.

Тем временем к осени 1912 г. контуры Балканского союза окончательно оформились. 3 октября к нему примкнула Черногория. Ее представители подписали в Люцерне две секретные конвенции с Сербией — политическую и военную. Предусматривалось развертывание операций не только против Турции, но и против Австро-Венгрии в случае агрессии с ее стороны. В политической конвенции говорилось: если Австро-Венгрия попытается оккупировать хотя бы даже временно «какую-то часть европейской Турции, а одна из договаривающихся сторон будет расценивать это как противоречащее своим жизненным интересам», то другая сторона придет ей на помощь [179].

Сазонов писал в воспоминаниях, что Балканский союз был создан «если не по почину российского правительства, то с его ведома и согласия». Российская правящая элита не могла отно-

ситься безразлично к сближению славянских народов, «не сделать ничего для достижения Сербией и Болгарией их целей» [180]. Однако Сазонов явно преувеличивал возможности России контролировать действия балканских союзников и предотвращать таковые, если бы они противоречили российским интересам. Заключенный Балканский союз получился совсем не таким, каким его предполагала Россия: своего оплота на Балканах против опасной активности Австро-Венгрии в этом регионе и при сохранении нерушимости положения Турции ей создать не удалось [181]. Стимулируя образование Балканского союза, российская дипломатия собиралась вести за собой славянские государства, преследовавшие при этом свои собственные цели. Например, для болгарского царя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского союз с Сербией был всего лишь тактическим ходом: война против Габсбургской монархии не входила в его намерения. Вскоре после подписания договора Фердинанд отправился в Вену, чтобы рассеять возникшие там подозрения. Преемник Эренталя граф Л. Берхтольд, который тоже являлся заклятым врагом освободительного движения югославян, свою ближайшую задачу усматривал в том, чтобы не допустить выхода Сербии к Адриатическому морю, ибо это дало бы ей возможность освободиться от австро-венгерской экономической зависимости. В переговорах с Берхтольдом Фердинанд признал особые интересы Габсбургской монархии в Албании [182], заранее предав свою сербскую союзницу, так как хорошо знал о ее стремлении укрепиться на Адриатике.

Несмотря на предостережения, исходившие из Петербурга, правительства Балканских стран торопились с войной. Видя это, Сазонов стремился всячески избежать войны на Балканах. Россия не могла быть втянута в войну, не будучи к ней готова. Кроме того, война с Османской империей могла выдвинуть вопрос о Черноморских проливах, что в данное время было для России совершенно нежелательным. Эти соображения и обусловили усилия российского правительства в деле сохранения мира. 4 октября 1912 г. оно предложило пяти великим державам выступить посредниками между Балканскими государствами и Турцией, предупредив их, что в случае войны державы не согласятся на изменение территориального статус-

*Царь Болгарии,
Фердинанд I
Максимилиан Карл
Мария Саксен-
Кобург-Готский*

кво на Балканах [183]. Затем по предложению Пуанкаре Россия и Австро-Венгрия, как наиболее заинтересованные государства, выступили с совместным демаршем в балканских столицах и в Стамбуле [184]. Но тщетно... 9 октября Черногория, 17 октября Сербия и Болгария, а на следующий день и Греция объявили войну Османской империи.

За исключением России, связанной с Черногорией военной конвенцией 1910 г., ни одна другая европейская держава поначалу не проявила особого беспокойства по поводу уже начавшейся войны, получившей впоследствии название Первой Балканской. В европейских столицах преобладало мнение о быстром окончании этого конфликта или победе Турции над слабыми противниками [185]. Совершенно неожиданно для европейских правительств Османская империя потерпела сокрушительное поражение, будучи почти полностью изгнанной из Европы [186]. «Германия поступила бы совсем иначе, если бы предвидела победу Балканского союза», — уже после войны признавался германский рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег [187]. Продвижение болгарской армии к Стамбулу совершенно не соответ-

ствовало и замыслам официального Санкт-Петербурга, который желал видеть этот город «русским», а не «болгарским». Кроме того, претензии царя Фердинанда на обладание Стамбулом могли привести к международному вмешательству, которое вновь отодвинуло бы благоприятное для России решение проблемы Проливов [188]. Ведь установление режима их нейтрализации (а именно с таким проектом 7 ноября 1912 г. выступил глава Форин-офис Э. Грей), международной охраны и, возможно, демилитаризации в условиях превосходства британского флота неизбежно привело бы к господству Великобритании в Восточном Средиземноморье [189]. Поэтому официальный Лондон тайно поощрял Фердинанда занять Стамбул, что внесло бы раздоры в Балканский союз и предотвратило столь нежелательное для британцев воцарение России в Проливах [190]. В свою очередь, такое полуприкрытое намерение англичан изменить в свою пользу статус Проливов сильно встревожило Пуанкаре. Французский премьер хотел избежать «серьезного разногласия» между Россией и Британией, «особенно опасного накануне серьезной дипломатической борьбы против балканской политики Тройственного союза»¹.

Действительно, в Вене и Берлине были очень встревожены образованием Балканского союза и успехами союзников в борьбе с Турцией — ведь они рушили всю политику Центральных держав на Балканах и явно склоняли баланс сил в пользу России. Наиболее резкое неприятие в Вене вызвал факт выхода в ноябре 1912 г. сербских войск на побережье Адриатики и взятия ими Эльбасана и Дурреса (Дураццо). Вполне реальной стала перспектива создания крупного югославянского государства. Воспользовавшись тем, что 28 ноября всеалбанский конгресс во Влере провозгласил независимость Албании [191], Австро-Венгрия и Италия выступили в ее поддержку. Соперничая друг с другом, обе державы стремились утвердиться в Албании и превратить ее в орудие своих геополитических интересов в борьбе против югославянских народов [192].

---

¹ Материалы по истории франко-русских отношений... С. 294. Вопрос о Проливах утратил остроту к концу ноября 1912 г., когда миновала угроза падения Стамбула. 3 декабря Турция и страны Балканского союза заключили перемирие.

Начальник Генштаба Австро-Венгрии Конрад фон Гетцендорф откровенно писал, что вопрос о предоставлении сербам гавани на Адриатике имеет для империи второстепенный характер. Главной же является югославянская проблема, принявшая актуальное значение после сербских военных успехов. «Корнем всех зол австро-венгерской монархии, — утверждал он, — были ее взаимоотношения с Сербией и стоящей за ней Россией... Все остальное имело второстепенное значение» [193]. В Габсбургской монархии начались антисербские мобилизационные приготовления, поддержанные Германией [194]. При этом германский кайзер заявлял своим дипломатам: «Если последуют ответные русские мероприятия и представления, которые заставят императора Франца Иосифа начать войну, то право будет на его стороне. И я готов считать это *casus foederis* и в полной мере выполнить вытекающие отсюда обязательства» [195]. В то же время для руководителей Центральных держав чрезвычайно важно было создать впечатление, что провоцирующей стороной в австро-сербском конфликте из-за Адриатики являются Сербия и Россия. Вильгельм II так инструктировал руководителей своей дипломатии: «Поведение Австро-Венгрии не должно выглядеть как провокация войны с Россией. Австро-Венгрия должна выдвинуть предложения о будущей Албании и предоставить России возможность отклонить их, толкнув сербов на все. И тогда русские будут выглядеть провокаторами, которые не хотят оставить Вену в покое. Это даст нашему правительству хороший повод для мобилизации» [196]. А тем временем австро-венгерские войска сосредотачивались и на границе с Россией. Последняя же в ответ задержала демобилизацию 350 тыс. военнослужащих срочной службы. Из Берлина сразу же запросили Петербург: что означает этот шаг? Если Россия собирается произвести «пробу сил» (*Kraftprobe*), тогда ей придется меряться с силами и с Германией, которая своего союзника не оставит [197]. Таким образом, в Берлине и в Вене намеревались использовать попытку Сербии решить адриатическую проблему как предлог к войне.

Сазонов же, соглашаясь с неизбежностью создания независимого албанского государства и зная о сербских намерениях получить выход в Адриатику, не хотел осложнять отношения

*Франц Иосиф I, император
Австрийской империи*

с другими державами и «обострять конфликт до опасности общеевропейской войны из-за этого вопроса». В ноябре 1912 г. на протяжении мобилизационного кризиса глава российской дипломатии шесть раз предпринимал попытки убедить сербское правительство в необходимости самых осторожных действий, чтобы не выглядеть перед лицом Европы возбудителем конфликта [198]. Обращает на себя внимание твердость и последовательность его позиции: «Мы категорически предупреждаем Сербию, чтобы она не рассчитывала увлечь нас за собой. На вооруженное столкновение с державами Тройственного союза из-за вопроса о сербском порте мы не пойдем». «Сербь не должны ставить нас перед необходимостью публично отречься от солидарности с ними, поддерживая то, что мы считаем излишним». «Если вы и дальше будете требовать Дураццо, останетесь без Белграда. Внимание! В Вене совсем потеряли голову». По убеждению российского министра, Белград должен официально заявить о стремлении Сербии «установить свободное общение с морем в целях своего экономического и государственного развития», но ни в коем случае не посягать

на албанские земли [199]. 10 декабря Сазонов, заручившись поддержкой руководителей Франции и Великобритании, предложил передать решение вопроса об адриатическом порте мирной конференции, созываемой в Лондоне. При этом он заверил сербов в неизменной поддержке России. Это был единственный выход, чтобы предотвратить войну. Сербское правительство, с нараставшей тревогой ежедневно ожидавшее ультиматума из Вены, 14 декабря было вынуждено отступить...

Кризис в австро-сербских отношениях достиг кульминации 15 декабря. В этот день коронный совет в Вене, заседавший под председательством императора Франца Иосифа, отклонил предложение милитаристов в лице Конрада фон Гетцендорфа начать военный поход против Сербии «несмотря ни на что». «Я не хочу войны с Россией. Это было бы началом конца Австрии», — заявил престарелый монарх [200]. Руководители Габсбургской монархии не решились на войну по совокупности причин, главная из которых заключалась в том, что официальный Берлин изменил свою первоначальную позицию и санкцию на войну не дал. Не имея ничего против локальной австро-сербской войны или вооруженного столкновения с каким-либо одним государством Антанты (в данном случае, Россией), германское руководство испытывало известные опасения перед перспективой одновременной войны с тремя державами Согласия. Австро-германский же блок, напротив, в случае возникновения войны не мог рассчитывать на действенную поддержку со стороны Италии. Поэтому после заключения 3 декабря перемирия между Османской империей и странами Балканского союза в Берлине отказались от подталкивания Австро-Венгрии к войне. Германское правительство надеялось использовать открывающуюся 17 декабря Лондонскую мирную конференцию для достижения своих целей мирными средствами или, как минимум, выиграть время, чтобы завершить программу реорганизации армии, срок окончания которой планировался на 1913 г.

Конференция послов шести великих держав (Германии, Австро-Венгрии, Италии, Великобритании, России и Франции) под председательством Грея проходила в Лондоне одновременно с переговорами между балканскими союзниками и Турцией.

Фактическая роль конференции заключалась в том, чтобы направлять и контролировать ход мирных переговоров в интересах великих держав. Грей преднамеренно отделил Балканские страны от великих держав, отказавшись от предложения Сазонова допустить представителей Балканского союза и Румынии на совещание послов [201].

Дипломатическая борьба здесь продолжалась почти полгода и отличалась необыкновенной ожесточенностью. Ведь Европа уже стояла на пороге мировой войны, и противоречия между державами были обострены до предела. В этих условиях российской дипломатии предстояло решить две группы задач. Во-первых, закрепить результаты военных побед Балканского союза. «Нам важно, — писал Сазонов, — добиться укрепления самостоятельности и независимости вызванных нами к жизни народов, которые являются естественными союзниками нашими в Европе». Вторая группа задач состояла в том, чтобы возможно больше ограничить вмешательство великих держав в разработку условий мирного договора, противодействовать стремлению Австро-Венгрии обеспечить себе исключительное влияние на Балканах. Сазонов считал необходимым, чтобы союзники сами договорились о разделе освобожденной территории, и полагал, что России надо уклониться от роли посредника в случае разногласий между ними [202].

В первый же день работы конференция послов приняла решение о создании автономной Албании под верховной властью османского султана, под контролем шести европейских держав и с учетом особых интересов Австро-Венгрии и Италии [203]. Здесь же оговаривалось предоставление Сербии экономического выхода в Адриатику через албанскую территорию, что впоследствии оказалось пустым звуком [204]. Появление этого нового субъекта международного права еще больше осложнило политическую ситуацию на Балканах. Определение границ Албании вызвало острые дискуссии. В Вене желали их максимального расширения, рассчитывая, что это государство станет противовесом Сербии. Такую позицию поддерживала и итальянская дипломатия, но по другим соображениям. Албания рассматривалась в Риме как неоспоримая сфера влияния Италии. Это наталкивалось на сопротивление официального

Петербурга, желавшего максимально усилить своих потенциальных союзников — Сербию и Черногорию. После ожесточенных споров Лондонская конференция установила северную и северо-восточную границы Албании. Габсбургская монархия сначала 19 февраля 1913 г. «уступила» Сербии Дибру [205], а 21 марта Джяковицу, Призрен и Печ [206], отказавшись тем самым от своего же первоначального проекта, предложенного конференции послов 20 декабря 1912 г. Таким образом, обширные территории с преобладающим албанским населением отторгались от Албании. При этом не принимались во внимание ни этнический принцип, ни интересы самих албанцев, а только лишь желание предотвратить столкновение между Австро-Венгрией и Россией. Тем самым были заложены предпосылки разгоревшегося в конце XX в. и тлеющего до сих пор косовского конфликта [207].

Взамен на эти уступки Вены Петербург обязался не поддерживать притязания черногорского короля Николы на Шкодру (Скутари), в которую после длительной осады 22 апреля 1913 г. вступили черногорские войска. Попытки Сазонова воздействовать на черногорского монарха, в том числе лично через императора Николая II, с целью убедить его отказаться от Шкодры и согласиться на вхождение этого города в состав Албании, не дали результата [208]. Известно выражение Сазонова, что черногорский король готов был «разжечь пожар мировой войны, чтобы на нем зажарить для себя яичницу» [209]. Понадобилось срочное вмешательство Берхтольда, пригрозившего односторонним применением военных санкций — вплоть до бомбардировки черногорского побережья, чтобы 4 мая наконец Никола отступил. 14 мая Шкодра была занята международным отрядом, высаженным с соединенной эскадры, которая блокировала Черногорию. Окончательное урегулирование данной проблемы рассматривалось как большой успех Берхтольда. Оценку германским послом в Вене Г. фон Чиршки политики Германии с начала Балканской войны, особенно в связи с кризисом из-за Шкодры, Берхтольд изложил 5 мая в своем дневнике: «Все последующие войны были выиграны теми, кто к ним годами готовился... Мы (то есть Австрия) должны готовиться к войне, которая должна принести нам Сербию, Черногорию

и Северную Албанию, Италии — Валону, Германии — победу над панславизмом»¹ [210].

Тем временем на ход межбалканского мирного урегулирования, и без того крайне сложного и запутанного, все большее влияние оказывал новый фактор — румынский. Румыния требовала вознаграждения за свой нейтралитет в Балканской войне и компенсаций за предполагаемое увеличение Болгарии в территориальном и демографическом отношении [211]. Видя это, Сазонов стремился отвлечь Румынию от Тройственного союза и сблизить ее с Балканским блоком. Именно поэтому он настаивал в Софии, чтобы болгары отказались в пользу румын от Силистры [212]. Неуступчивая же позиция болгарского правительства в значительной степени объяснялась воздействием на него австро-венгерской дипломатии, у которой была своя цель. Она тоже хотела болгаро-румынского примирения, но при этом (совместно с итальянцами) поощряла притязания болгарских правящих кругов на Салоники вместо Силистры, а это неминуемо столкнуло бы Болгарию с ее союзниками². В Вене усиленно трудились над созданием нового политического союза в составе Румынии, Болгарии и Турции, чтобы вытеснить российское влияние с Балкан [213]. Болгария и Румыния согласились передать свой спор на решение конференции великих держав в Петербурге в соответствии с принципами Гаагской конвенции 1907 г. Во время конференции представители Франции и Великобритании поддерживали, с некоторыми нюансами, российскую позицию [214]. Французская дипломатия играла активную роль в привлечении Румынии на сторону Антанты. Она имела свой план создания союза Румынии, Сербии, Черногории и Греции, в котором Румынии отводилась ключевая роль. Этот союз должен был нейтрализовать славянские элементы, которые традиционно ориентировались на Россию [215]. По Петербургскому протоколу 9 мая Румыния получила Силистру [216]. Это решение не удовлетворило ни ту, ни другую сторону. Бухарестский кабинет обвинял Австро-Венгрию в слабой

---

¹ Валона — итальянская транскрипция названия города Влера.

² Предложение Вены о передаче Салоник Болгарии, а не Греции, не нашло понимания в Берлине, где зорко защищали греческие интересы. См.: ОУА. Vd. 5. S. 874–875, 877–939.

Сергей Дмитриевич Сазонов, министр иностранных дел Российской империи

поддержке его интересов и не отказался от мысли получить от болгар всю Южную Добруджу. В Софии же политические деятели, в том числе и лидеры русофильских партий, возмущались позицией России. Менее чем через два месяца этот протокол превратился в мертвую букву...

А тем временем завершала свою работу Лондонская конференция. 30 мая был подписан мирный договор с Османской империей. Почти вся территория Европейской Турции до линии Энез — Мидье переходила в распоряжение стран победившего Балканского союза. Вопросы о межбалканских границах, о внутреннем устройстве Албании и об участии Эгейских островов передавались на рассмотрение великих держав [217]. Однако отношения между союзниками все более обострялись. «Яблоком раздора» стала Македония. 1 июня, то есть уже через день после подписания Лондонского договора, Сербия и Греция подписали военную конвенцию антиболгарской направленности [218]. Российская дипломатия, видя, как гибнет созданное ею

детище — Балканский союз, предпринимала все меры к тому, чтобы предотвратить надвигающуюся войну между Сербией и Болгарией и сохранить Балканский блок, нацеленный против Габсбургской монархии. В попытке сохранить равновесие между союзниками Сазонов советовал Болгарии и Греции для решения их спора избрать арбитром Францию. Важно было не допустить перехода любого из союзников в лагерь Тройственного союза. Великобритания же и Франция, хотя и осознали с неудовольствием, что Балканский союз объективно способствует усилению влияния России, все же были заинтересованы в нем как в барьере против экспансии Германии на Балканах. Политика Австро-Венгрии и Германии, наоборот, была прямо направлена на разрушение Балканского союза, и рычаги влияния на ситуацию в Белграде, Софии и Афинах у них имелись. Вильгельм II сформулировал свое кредо так: «Со славянами нужно обходиться по принципу *divide et impera* (разделяй и властвуй! — Прим. Г.Ш.). А тем более с Болгарией» [219]. Венская дипломатия систематически и настойчиво внушала царю Фердинанду и софийскому правительству, что она желает сильной Болгарии на Балканах, что между Габсбургской монархией и Болгарией нет и не может быть конфликтов [220]. Подлинную цель австро-венгерской политики на Балканах подметил Сазонов. Затаенная мысль Вены, писал он, «войти в сделку с Болгарией, чтобы одновременно разрушить единство блока Балканских государств, обеспечить свои интересы в направлении к Салоникам и отторгнуть Болгарию от тяготения к России» [221].

Подстрекаемые из Вены, Фердинанд и болгарское военное руководство приняли решение напасть на сербского и греческого союзников. Это и было осуществлено 29 июня. Так началась Вторая Балканская война. Сербия, Греция, а затем и Черногория без колебаний официально объявили Болгарии войну. 11 июля Румыния начала военные действия против болгар. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, в нарушение условий Лондонского договора войска Турции 16 июля начали наступать к востоку от линии Энез — Мидье и к 20 июля заняли Адрианополь и почти всю Восточную Фракию. Поражения болгарской армии серьезно встревожили правящие круги Австро-Венгрии. Считая настав-

ший момент наиболее подходящим, они намеревались немедленно напасть на Сербию. Однако Германия, в тот момент еще не закончившая своих военных приготовлений и недостаточно подготовленная к большой схватке, недвусмысленно одернула младшего союзника. Из Берлина заявили, что выступление Габсбургской монархии несвоевременно; оно может привести к развязыванию мировой войны, которая в данный момент для Германии нежелательна. А поэтому, если Австро-Венгрия вяжется в конфликт, она не должна рассчитывать на поддержку Германии. Примерно такой же ответ Берхтольд получил и из Рима [222]. Этот факт заставил Вену временно отказаться от осуществления задуманных планов.

Тем временем разбитая Болгария запросила мира и обратилась к России с просьбой о посредничестве в ведении мирных переговоров. Открывшаяся 30 июля 1913 г. конференция в Бухаресте стала новым этапом борьбы великих держав за господство на Балканах. Линия российского царизма сводилась к тому, чтобы обеспечить «равновесие сил» в регионе, то есть не допустить усиления какой-либо одной из Балканских стран. Серьезную тревогу в Петербурге вызывали территориальные притязания Румынии и Греции. Российская дипломатия поддерживала требование Болгарии в отношении морского порта Кавалы. Ведь приобретение Кавалы Грецией могло привести к преобладанию этого государства в Эгейском море и быть опасным для интересов ближневосточной политики России [223]. Руководители Австро-Венгрии, стремившиеся укрепить свое политическое влияние в Софии, также выступили за передачу Кавалы болгарам. Таким образом, парадоксально, но на мирной конференции два основных противника на Балканах поддерживали одну точку зрения. Французское же правительство, по словам посла в Париже Извольского, в вопросе о Кавале «открыто отделилось» от России и «активно содействовало решению его в пользу Греции» [224]. Позиция Парижа диктовалась значительными экономическими интересами Франции, имевшей инструкторов в греческой армии, большие вложения в греческие займы и в табачную монополию в Кавальском округе, а также намерением Франции заполучить стратегическую поддержку кораблей и военно-морских баз Греции против сре-

диземноморского флота Италии, которая в 1912 г. захватила Додеканесские острова. На Бухарестской конференции в вопросе о Кавале итальянцы заняли резкую антигреческую позицию. В то же время германская дипломатия из этого вопроса сделала средство привлечения Греции к Тройственному союзу и поэтому (удивительно, но факт!) солидаризировалась с французской точкой зрения. Британцы, менее заинтересованные в Кавале, после некоторых колебаний тоже примкнули к ней. Все это предопределило окончательный исход дипломатической борьбы за Кавалу в пользу Греции [225].

10 августа 1913 г. в Бухаресте Болгария подписала мирный договор с Грецией, Сербией, Черногорией и Румынией, утратив при этом почти все свои приобретения в Македонии. В дополнение к Силистре Румыния присоединила всю отторгнутую у Болгарии Южную Добруджу¹. Отрыв Румынии от Тройственного союза, который Извольский назвал «дипломатическим шедевром» Сазонова [226], был одним из важных положительных для России последствий Балканских войн. Правящие круги Румынии убедились, что Германия не склонна поддерживать их территориальные вождедения в связи с желанием иметь на своей стороне Болгарию. Румыния стала потенциальным союзником Антанты, в сторону которой медленно, но неуклонно «дрейфовала» на протяжении года, остававшегося до начала мировой войны [227].

Другим положительным для России итогом Балканских войн стало усиление Сербии (ее территория увеличилась почти вдвое) и установление ею общей границы с Черногорией и Грецией. Тем самым был создан барьер на пути австро-венгерской экспансии на Балканы. Что же касается негативных для России последствий Балканских войн, то к ним следует отнести распад Балканского союза и утрату российского влияния в Болгарии. Побежденный, но не смирившийся с поражением царь Фердинанд взял твердый курс на сближение с Габсбургской монархией и в начале ноября 1913 г. лично сделал Францу Иосифу и Берхтольду предложение об установлении

---

¹ Текст договора см.: The Foundation of the Modern Greek State: Major Treaties and Conventions (1830–1947). Athens, 1999. P. 83–91.

тесных отношений между двумя странами [228]. Одновременно при деятельном содействии венской дипломатии начались и до января 1914 г. длились переговоры о болгаро-османском сближении, а затем и о союзе, направленном против Сербии, Греции и России¹ [229].

Таким образом, в результате Балканских войн противоречия между Россией и австро-германским блоком еще больше обострились. Вместе с тем обнаружилось, что Россия не может полностью рассчитывать на помощь Франции и Британии в решении балканских проблем. Что же касается межбалканских противоречий, то самую четкую и меткую характеристику Бухарестскому миру дал Сазонов, уподобив договор пластырю, наклепленному на незажившие балканские язвы и сочтя его лишь кратковременным зыбким перемирием [230]. Румынский король Кароль I назвал этот договор «военным миром» [231]. Начавшаяся менее чем через год европейская война доказала правоту этих слов...

---

¹ Мир между Болгарией и Османской империей был заключен в Стамбуле 29 сентября 1913 г. Болгария утратила большую часть Восточной Фракии с Адрианополем. Текст договора см.: *Кесяков Б.* Указ. соч. № 24. С. 58–69.

ЧАСТЬ II
ПОДГОТОВКА ОСНОВНЫХ
СТРАН-УЧАСТНИЦ
И ОРГАНИЗАЦИЯ
ВНУТРИБЛОКОВОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 1

Модернизация оборонно-промышленного комплекса России накануне и его развитие в ходе войны

По мнению одного из крупнейших знатоков истории Первой мировой войны А.А. Маниковского, «Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения» [1]. Таковым было не только мнение этого известного военного историка. Так считали многие образованные россияне, ставшие свидетелями и участниками тех военных событий [1].

Во втором десятилетии XX в. для большинства политиков было ясно, что крупномасштабная война в Европе и за ее пределами — это лишь вопрос времени. Понимали это и в России. Преимуществом нашей страны было то, что она обладала колоссальными ресурсами. К числу главных недостатков относилось отсутствие передовых технологий создания различных видов оружия и боевой техники. Этот недостаток государство по мере сил пыталось восполнить до начала войны.

Опыт Русско-японской войны показал, что в новых условиях колоссальную роль играют пути сообщения и различные виды транспорта, от которых зависела своевременная передислокация личного состава, боевой техники, оружия и различного другого военного имущества, обеспечивавшего повседневную деятельность войск.

В связи с этим необходимо было дать новый импульс развитию железнодорожного транспорта, железнодорожных путей

сообщения, а также совершенно нового по тем временам вида транспорта — автомобильного.

По сравнению со странами Западной Европы Россия заметно отставала в развитии автомобильного дела. Осознавая это, Главный Штаб Русской армии 14 марта 1910 г. в документе, направленном в Военный Совет, впервые поставил вопрос о снабжении вооруженных сил автомобильной техникой. В документе отмечалось: «...малое распространение автомобилей среди нашего населения и, вследствие этого, отсутствие подготовленных лиц для управления механическими двигателями побуждает военное ведомство озаботиться не только заведением казенных автомобилей, но и созданием в мирное время особых автомобильных частей для подготовки кадра опытных шофферов... С этой целью решено создать при железнодорожных частях особые автомобильные роты, которые должны иметь своим назначением испытания различных систем автомобилей и изыскание типов их, наиболее подходящих для потребностей войск, подготовку шофферов и механиков и выработку той организации, которую должны иметь автомобильные обозы. По установлении типа войсковых автомобилей и в случае утвердительного разрешения вопроса о введении их в состав армии взамен колесного обоза автомобильные роты, естественно, должны будут отколоться от железнодорожных батальонов и образуют тогда самостоятельные автомобильные войска» [2].

Вскоре в том же году в железнодорожных батальонах, насчитывавших четыре роты, были созданы пятые — автомобильные роты. В их штат входило 4 офицера и 150 солдат. Поскольку введение автомобильных подразделений было делом новым, возникла потребность в создании специального учебного центра, в котором готовились бы шоферы и автомеханики. С этой целью в Петербурге была сформирована учебная автомобильная рота.

На протяжении 1911–1912 гг. в Русской армии было проведено испытание грузовых и легковых автомобилей, приобретенных за границей Главным управлением Генерального Штаба. Пробеги осуществлялись из Петербурга в Москву и из Петербурга в Нарву. Осенью 1912 г. был организован пробег

46 грузовиков из Петербурга в Орел и обратно, в результате которого только один грузовик выбыл из строя.

Пробеги позволили расставить приоритеты при выборе грузовых и легковых автомобилей. Комиссия российских военнослужащих-автомобилистов была направлена в Германию, Францию, Италию и Швейцарию, что позволило в результате приобрести 354 грузовых и 42 легковых автомобиля, направленных позже на комплектование автомобильных рот железнодорожных батальонов [3].

Однако потребности Русской армии в автомобильном транспорте продолжали возрастать. Военное министерство в январе 1914 г. обратилось в Государственную Думу с законопроектом о введении во всех местностях империи (за исключением великого княжества Финляндского) военно-автомобильной повинности, но Дума рассматривать законопроект не спешила. Чтобы ускорить реализацию проекта, военное министерство обратилось с этим же вопросом в правительство, которое 17 июля 1914 г. приняло постановление «О введении военно-автомобильной повинности во всех местностях империи, за исключением великого княжества Финляндского». Согласно принятому документу, одобренному Николаем II, все автомобили, находившиеся в России, за исключением небольшого числа, оговоренного в документе, привлекались на нужды армии [4].

В результате у населения было мобилизовано в качестве военно-автомобильной повинности 475 грузовых и 3562 легковых автомобиля. Только в Петрограде было мобилизовано от различных организаций и частных лиц 1500 автомобилей [5].

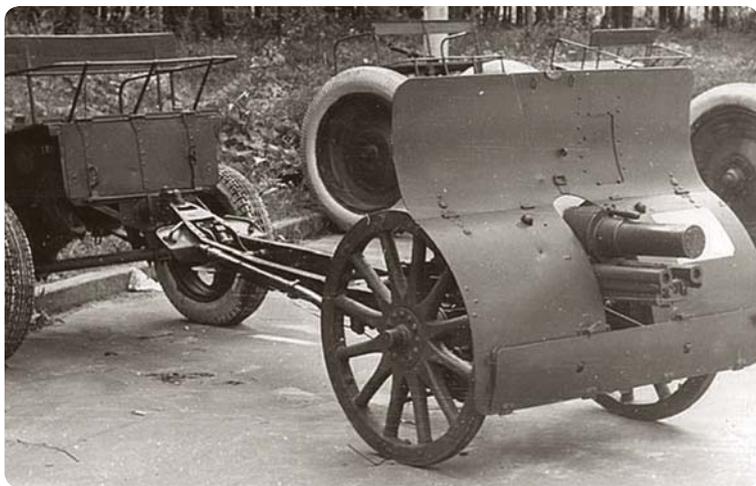
Предпринимавшиеся для развития транспорта меры подтолкнули руководство страны к осуществлению важных решений, нацеленных на обеспечение топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работавших в интересах государственной обороны [6]. Одним из результатов той деятельности стало то, что к началу Первой мировой войны добыча нефти в Российской империи существенно возросла, составив более 10 млн т. Причем на протяжении всей войны, вплоть до 1918 г., уровень добычи нефти не снижался [7]. Во многом стабильность добычи нефти объ-

яснялась установленными государством твердыми ценами на нефть и нефтепродукты, которые действовали на протяжении всей войны [8].

В предвоенные годы стало очевидным, что без развития артиллерии невозможно претендовать на успех в ведении боевых действий. Исходя из этого 23 октября 1911 г. Департамент государственного казначейства министерства финансов обратился в военное министерство с предложениями по реорганизации технических артиллерийских заведений — заводов и арсеналов первого разряда, делая акцент на необходимость улучшения материального положения штатных сотрудников. В документе отмечалось: «В настоящее время в артиллерийском ведомстве, не считая 3 окружных арсеналов второго разряда с ограниченным кругом деятельности (главное назначение их — обслуживать войска и склады своего округа), содержатся для изготовления предметов артиллерийского довольствия для всей армии и крепостей 16 технических артиллерийских заведений (включая 2 новых самарских завода): орудийный завод, 3 местных арсенала (первого разряда), 3 оружейных завода, 2 патронных, 2 трубочных, 3 пороховых и 2 взрывчатых веществ» [9].

Успех развития военной промышленности перед началом Первой мировой войны во многом зависел от развития только зарождавшейся в ту пору электротехнической отрасли. Сложность состояла в том, что, как и в случае с автомобильным транспортом, Россия не успела к тому моменту развить собственных технологий производства электротехнического оборудования. Во многом это было связано с тем, что основное сырье для электротехнической отрасли Россия получала из Германии [10].

Похожая ситуация складывалась и в развитии химической отрасли, без которой было невозможно производство пороха и многих других химических продуктов, использовавшихся в оборонных целях. Из-за нехватки сырья, завозимого из-за границы, на основе которого в России осуществлялось производство химических продуктов для военной сферы, к началу войны резко повысились цены на селитру, анилиновую соль и азотную кислоту [11].

76-мм (3-дм) горная пушка образца 1909г. с передком

Кроме того, многие крупнейшие предприятия страны, особенно предприятия металлургической и металлообрабатывающей промышленности, работали на оборудовании, приобретенном за границей. В процессе предстоявших боевых действий получение запасных частей к станкам и агрегатам становилось невозможным, что вело к тяжелейшим последствиям в развитии отрасли, непосредственно влиявшей на производство боевой техники и оружия [12].

Осознавая, что в случае начала войны многие ресурсы других государств станут недоступными, в России в довоенные годы осуществлялись отдельные попытки запастись сырьем впрок. Например, в июне-октябре 1910 г. были выделены ассигнования на закупку за рубежом материалов, необходимых для обеспечения работы артиллерийских заводов [13].

В том же году государство выделило 3 млн рублей на подготовку запаса «материалов заграничного происхождения для безостановочного действия технических артиллерийских заведений на случай закрытия западной границы» [14].

Военное министерство, осознавая приближение войны, стремилось не упустить случая, чтобы заранее приобрести за границей станки для технических артиллерийских заводов. Их закупка усложнялась ограничениями, которые вводило государство на покупку станков. Противоречия в действиях исполнительной власти и военного министерства существенно тормозили целесообразную деятельность по своевременному обеспечению военных предприятий всем необходимым [15].

Однако часто целесообразность одерживала верх над чиновничьими проволочками. Пример тому — заказ Российским военным ведомством французским заводам крупной партии броневых башен для крепостей, осуществленный в июне 1913 г. [16].

Среди перспективных видов вооружений до начала войны медленнее, чем необходимо, в России развивалась авиация. К 1913 г. производством аэропланов в стране занимались четыре завода и две мастерские. Понимая возрастающую потребность в аэропланах, военное министерство в мае 1914 г. заказало этим предприятиям выпуск 292 летательных аппаратов.

На вооружение армии в 1908–1913 гг. государство выделило более 380 млн рублей, на развитие военного флота в 1908–1914 гг. — свыше 350 млн рублей [17].

Одной из крупных проблем развития оборонных предприятий в предвоенный период была координация действий предприятий разного профиля, находившихся к тому же в разных регионах страны. Координация их действий нередко заставляла организаторов военного производства размещать на различных предприятиях сверхнормативные заказы, от выполнения которых зависела деятельность других предприятий. Руководители государства старались стимулировать всех производителей на разных этапах производства, чтобы военная продукция выходила своевременно и высокого качества. Среди форм стимулирования предприятий были, например, меры по разрешению казенным горным заводам выдавать авансы при выполнении сверхнормативных заказов военного ведомства [18]. Это позволяло в дальнейшем обеспечивать бесперебойную работу металлургических предприятий, готовивших конечную продукцию.

Совершенно катастрофическая ситуация складывалась накануне войны с обеспечением личного состава стрелковым оружием. Как известно, в то время основным видом стрелкового оружия в Русской армии была трехлинейная винтовка. Важную роль играли и трехлинейные карабины, которые особенно применялись в артиллерийских частях и подразделениях. Казалось бы, к началу войны ситуация была неплохой: на вооружении Русской армии винтовок и карабинов было 4290 тыс., в то время как потребность была на 70 тыс. меньше. Но не следует забывать, что после мобилизации численный состав Русской армии возрос до 5500 тыс. человек. Стало быть, более 1 млн военнослужащих Русской армии не обеспечивалось личным оружием. Правда, на вооружении было еще 362 тыс. берданок, но они, как говорится, погоды не делали [19].

Как известно, в России до войны стрелковое оружие для армии производили только три оружейных завода: Тульский, Ижевский и Сестрорецкий. Частных заводов по производству оружия не существовало. Однако производительность имевшихся трех заводов была невелика. В год Тульский завод мог производить 250 тыс. винтовок, Ижевский — 200 тыс., Сестрорецкий — 75 тыс. То есть в России в год могло выпускаться немногим более полумиллиона винтовок. Но это — потенциальные возможности. На практике же в силу различных технических, организационных и других причин винтовок выпускалось недопустимо мало. Так, в 1911 г. российские оружейные заводы выпускали винтовок, используя лишь 7% своих мощностей, в 1912 г. — 9%, в 1913 г. — 12% [20].

Эта ситуация в 1914 г. усугубилась тем, что перед самым началом войны многие рабочие были отпущены в отпуск, или, как тогда говорили, «в летнюю уволку». Только с Ижевского завода летом 1914 г. в отпуск были отпущены 3 тыс. человек [21].

Накануне войны достижения ученых и инженеров в военной области приобрели особую ценность. Государство стремилось не только их контролировать, но и использовать с максимальной эффективностью для военного дела. Вероятно, именно этим стремлением объясняются попытки властей осенью 1911 — летом 1912 г. осуществить ряд мероприятий, направленных на принудительное отчуждение в пользу госу-

Разрез механизма «трехлинейки» (в варианте образца 1891–1930 гг.)

дарства «привилегий на изобретения и усовершенствования в области военной промышленности» [22].

Военно-политическое руководство страны накануне войны совершило ряд стратегических ошибок, одна из которых состояла в том, что во многих отраслях военной промышленности ставка делалась на частный капитал. Однако владельцы заводов и фабрик, работавших на оборону, заботились исключительно о личной прибыли, а не об интересах государства. В результате частная военная промышленность нередко давала сбой.

Известный военный аналитик инженер П.И. Балинский, изучая причины неудач Русской армии в начале войны, писал в 1915 г. в официальной докладной записке руководству о том, что накануне войны казенные заводы были не способны изготавливать снаряды для пушек. По этой причине задача была переложена на частную промышленность. При этом «теоретики» военной промышленности предполагали, что конкурентная борьба между предприятиями вызовет снижение цен на снаряды и другую «родственную» им продукцию, включая гранаты и мины. На деле же, как отмечал П.И. Балинский, все произошло иначе. Многочисленные частные предприятия оборонной промышленности получили ничтожные по объему заказы, которые не представляли для них коммерческого инте-

реса. Тем более что расценки на производство снарядов, мин и гранат были крайне низкими. В результате многие частные предприятия свернули свое военное производство и не занимались им до конца войны [23].

Эти сведения подтверждаются и данными А.А. Маниковского, подчеркивавшего, что работники частных предприятий, не имея подготовленных специалистов, не могли долго организовать выпуск военной продукции «вследствие незнакомства с подробностями этих производств и отсутствия специального руководства» [24].

С другой стороны, по мнению ряда ученых, российские власти далеко не до конца использовали потенциал частных военно-промышленных предприятий, что вызывало недовольство местной буржуазии [25].

Нельзя сказать, что до начала войны государство не видело сложности во взаимоотношении с частными военно-промышленными предприятиями. Неслучайно еще 9 февраля 1914 г. был высочайше утвержден закон, предусматривавший переоборудование к нуждам государственной обороны частных заводов, специализировавшихся в изготовлении артиллерийского вооружения [26]. Это было особенно важно еще и потому, что к началу войны у артиллерийского ведомства не оказалось ни одного артиллерийского завода, способного своевременно и в нужном количестве снабжать армию пушками различных калибров и систем [27]. Таким образом, оборонная промышленность Российской империи накануне войны была слабо готова к началу ведения широкомасштабных боевых действий, что сказалось на действиях Русской армии в первые недели войны.

С началом войны оборонные предприятия сразу же начали ощущать недостаток в квалифицированных кадрах. Давала о себе знать и их текучесть. Практически все предприятия оборонного значения чувствовали нехватку топлива и сырья. Некоторые заводы и фабрики в результате возникших сложностей были вынуждены остановиться. К 1 октября 1914 г. более 500 промышленных предприятий, на которых в общей сложности работало около 50 тыс. рабочих, остановило свое производство.

Пытаясь противостоять такому положению дел, российское руководство осенью 1914 г. опубликовало два указа: «О заготовлении в военное время необходимых для армии и флота предметов и материалов» и «Об установлении надзора за деятельностью промышленных заведений, исполняющих заказы военного и морского ведомств» [28].

Пытаясь взять под контроль хаотичное военное производство в России, Совет министров установил ряд правил, которые, по его мнению, могли бы сделать процесс военного производства в стране подконтрольным государству. В частности, правительство потребовало:

«1) управляющие фабриками, заводами и иными промышленными заведениями, выполняющими заказы военного и морского ведомств, обязаны немедленно сообщать уполномоченным сих ведомств сведения о каждом принятом названными предприятиями заказе, как казенном, так и частном;

2) по требованию означенных в предшедшей (1) статье уполномоченных, упомянутые в той же статье заведения должны во всякое время предъявлять этим лицам на просмотр рабочие журналы всех мастерских и следовать указаниям уполномоченных относительно очереди работ в целях своевременного исполнения заказов военного и морского ведомств. В том случае, если заказы этих ведомств выполняются в промышленном заведении одновременно, установление очереди работ зависит от соглашения подлежащих уполномоченных, и 3) управляющие предусмотренными в статье 1 заведениями обязываются, по указаниям уполномоченных военного и морского ведомств, принимать все необходимые меры к устранению задержек в исполнении заказов сих ведомств» [29].

В связи с принятием этих документов представляет интерес оценка, данная Т.М. Китаниной. Она, в частности, отмечала: «В исторической литературе первые правительственные регулирующие акты расцениваются как полумеры, коснувшиеся ужесточения режима труда лишь отдельных категорий рабочего состава оборонных заводов. Но они не достигли главного — не закрепили рабочих и служащих за предприятиями, текучесть рабочей силы продолжалась, определяя низкую производительность труда. Между тем закрепление рабочих

являлось важнейшим шагом на пути милитаризации экономики, осуществленным в самом начале войны во всех воюющих странах.

Известно, например, что Франция в течение двух-трех первых месяцев войны отозвала с фронта квалифицированных рабочих и инженерный состав для заполнения вакантных мест в расширявшемся военном производстве. Аналогичные шаги предпринимали и другие страны, втянутые в водоворот войны.

Русское правительство в первый год войны пошло не по пути мобилизации отечественной промышленности и экономики в целом, а по пути раздачи за рубеж военных заказов» [30]. В этом, как представляется, была еще одна стратегическая ошибка российского военно-политического руководства.

В сентябре 1914 г. представители российской оборонной промышленности и дипломатические работники стали изучать возможности союзных и нейтральных держав по продаже нашему государству стрелкового оружия и в первую очередь винтовок.

Поиски подрядчиков были очень нелегки. В условиях начавшейся войны оборонные предприятия старались в первую очередь обеспечить собственные государства. Это было не только патриотично, но и сулило коммерческие выгоды, поскольку, производя и продавая оружие в собственной стране, оборот средств был значительно выше, чем при торговле с другими государствами. Все же удалось достичь договоренности о поставках оружия в Россию из Японии и США. Япония взяла на себя обязательство поставить в Российскую империю 335 тыс. единиц оружия, среди которых 35 тыс. были изготовлены по заказу Мексики. Американский завод Винчестера принял от России два заказа на 300 тыс. ружей его системы, но изготовленных под российский патрон. Была попытка заключения третьего договора с этим американским предприятием, но он был сорван, в чем российские военные специалисты усматривали влияние германской разведки [31].

В результате титанических усилий российским агентам удалось закупить для Русской армии винтовки Краг-Юргенсона, Маузера, Ветерли, Росса, Спрингфильда.

Важно отметить, что структура военно-промышленных предприятий в начале войны претерпела ряд изменений, вызванных в основном тем, что в ходе боевых действий ряд фабрик и заводов военного профиля были эвакуированы из районов, занятых противником. Так, из Польши были эвакуированы 237 предприятий, из Риги — 395, из Вильны — 49. Например, в Москву были вывезены заводы из Слонима, Белостока, Ковно, Митавы, Вильны, Минска и ряда других промышленных центров. Именно в результате передислокации из Прибалтики в Москву таких заводов, как «Каучук» и «Проводник», Москва стала крупнейшим центром резиновой промышленности [32].

В начальный период войны российское военно-политическое руководство в целом рассчитывало на то, что основное бремя поставок в армию боевой техники, боеприпасов и оружия вынесут государственные военно-промышленные предприятия. Неудачи на фронте, обусловленные во многом слабой технической оснащённостью Русской армии, наглядно показали несостоятельность таких расчетов.

Возникла необходимость уже в процессе войны пересматривать алгоритм деятельности оборонных предприятий, пытаясь более эффективно сочетать деятельность государственных и частных заводов и фабрик, производивших все необходимое для нужд армии и флота.

После военных неудач первой половины 1915 г. в Галиции стало ясно, что их причины во многом заключались в слабом материально-техническом обеспечении русских частей и соединений. Для исправления ситуации была создана Верховная комиссия для всестороннего обследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии, в состав которой вошли как члены Госсовета, так и члены Госдумы.

К началу 1915 г. на российских казенных оборонных предприятиях участились случаи перехода высококвалифицированных специалистов на частные фабрики и заводы, владельцы которых переманивали лучших работников государственных предприятий, предлагая им более высокую заработную плату. Случаи перехода высокопрофессиональных рабочих и масте-

ров к 1915 г. стали настолько массовыми, что вызвали обеспокоенность на уровне Совета министров. Генерал-адъютант Сухомлинов даже предложил объявить казенные оборонные заводы воинскими частями, а их сотрудников — военными служащими. После обсуждения вопроса 27 февраля 1915 г. члены правительства все же не решились на «милитаризацию» оборонных предприятий, посчитав, что такая мера будет неэффективной, а лишь подтолкнет рабочих к беспорядкам. Было решено оставить ситуацию без изменений. Такую позицию поддержал и государь император [33].

1915 г. стал важным годом в развитии отечественной военной авиации. Заведующим воздухоплаванием в действующей армии великим князем Александром Михайловичем было проведено несколько совещаний в разных городах России, на которых ставилась задача выпуска аэропланов для нужд вооруженных сил. 6 января 1915 г. было решено выпустить 270 аэропланов. 18 марта речь шла о выпуске 335 аэропланов, а 5 августа — уже о 900 воздушных боевых машинах. В связи с этим были сделаны заказы на их изготовление петроградским предприятиям «Лебедев» и «Щетинин», московским заводам «Дукс», «Терещенко» и «Слюсаренко», а также одесскому предприятию «Анатра» [34].

21–22 ноября 1915 г. в Смоленске было проведено совещание, участники которого сделали вывод: в России необходимо начать выпуск таких летательных аппаратов, которые превосходили бы по своим тактико-техническим характеристикам зарубежные аналоги [35].

В результате последовательной деятельности политиков, военных и производителей военной техники в России в 1914–1915 гг. было заказано и приобретено 1970 аэропланов. За первые 16 месяцев войны был изготовлен 851 летательный аппарат. В среднем ежемесячно на предприятиях России выпускалось по 55 аэропланов. Казалось бы, темпы оснащения Русской армии аэропланами были неплохими. На самом же деле это было не так, поскольку в условиях боевых действий ежемесячная убыль летательных аппаратов составляла 37% [36].

Очень важным вопросом был вопрос о вооружении аэропланов. Ему была отведена большая роль на совещании, прошед-

Самолет «Илья Муромец»

шем 17 сентября 1915 г. в Петрограде. Совещание сделало три важных вывода, сыгравших свою роль в развитии вооружения для авиации:

— необходимо обеспечить авиационные отряды разрывными патронами для стрельбы по дирижаблям и змейковым аэростатам противника и принять необходимые меры для снабжения авиационных рот пулеметами или автоматическими ружьями;

— находившиеся в армии пулеметы Мадсена признавались непригодными для вооружения аэропланов;

— желательно спроектировать и построить для аэропланов легкую пушку для стрельбы картечью [37].

Широкое применение в войне авиации, автомобильной техники и особенно железнодорожного транспорта требовало масштабного использования для нужд вооруженных сил различных видов топлива. К 1915 г. в стране в целом и в частности в армии и на флоте сложилась катастрофическая ситуация с обеспечением энергетическими ресурсами. 17 марта 1915 г. Совет министров обсудил вопрос «О некоторых мерах к обе-

спечению топливом учреждений армии и флота и путей сообщения, а равно частных предприятий, работающих для целей государственной обороны». В документе отмечалось: «...страна переживает в настоящее время чрезвычайные в отношении удовлетворения требований на топливо затруднения, причем они испытываются прежде всего потребителями каменного угля. Ввиду войны привоз его из-за границы, выражавшийся за последнее время для Европейской России в количестве около 500 миллионов пудов ежегодно, почти совершенно прекратился. Равным образом недопоступает на рынок примерно 355 миллионов пудов угля из находящихся в руках неприятеля копей Домбровского района. Что же касается угля Донецкого бассейна, то хотя вывоз его и удастся пока удержать приблизительно в размерах минувшего, 1914 года (за весь год — около 1275 милл. пуд.), но его одного далеко не хватает, конечно, для всех потребностей страны, и за снабжением им учреждений армии и флота и путей сообщения, а также работающих для целей государственной обороны частных предприятий для остальных нуждающихся в угольном топливе потребителей почти ничего уже не остается. При таких условиях, само собой разумеется, возникает в первую очередь вопрос об увеличении вывоза угля из Донецкого бассейна. В этом направлении Правительством и принимается уже ряд мер как к увеличению собственной производительности местных копей, так и к усилению подвижного состава и пропускной способности железных дорог. Но эти меры по обстоятельствам, коренящимся в самой техническо-эксплуатационной стороне дела, вполне достаточных практических результатов в ближайшем же времени дать не могут. Нельзя ожидать их также и от перехода отопляющихся ныне углем предприятий на другие виды топлива, как то нефть, дрова и торф» [38]. К сожалению, Совет министров не смог выработать каких-либо эффективных рекомендаций по улучшению ситуации, сумев лишь в качестве необходимой меры наделить министра путей сообщений чрезвычайными полномочиями по заготовке топлива, вплоть до его экспроприации у производителей [39].

Эта проблема оставалась актуальной и в мае того же года: принципиальных сдвигов в ее разрешении не произошло [40].

Как известно, Первая мировая война во многом носила позиционный характер. От качества обустройства позиций зависела надежность укрепления обороны. В инженерном обеспечении обороны важную роль, в частности, играл такой материал, как металлическая проволока. Просчет организаторов российской военной промышленности состоял в том, что до войны предприятия, изготавливавшие проволоку, находились лишь в западной части страны — в Варшаве, Риге и Новорадомске. Хотя оборудование с этих заводов удалось эвакуировать до занятия западных российских территорий противником, монтаж заводов на новых местах дислокации отрицательно сказался на обеспечении армии этим материалом. В результате, например, всем российским оборонным предприятиям в 1915 г. удалось выработать стальной проволоки лишь столько, сколько позволяло обеспечить месячные потребности Русской армии [41].

К делу укрепления технической оснащённости армии и флота привлекались различные государственные и общественные организации, а также частные лица.

В 1915 г. большую активность проявлял Комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций. Эта организация имела своей целью «объединение русских научных и технических сил для подъема и развития производительности страны и облегчения тем победы над врагом» [42]. К числу ближайших задач комитета были отнесены: «1) Исследование существующих технических предприятий и устройств и определение возможного участия их в снабжении армии и флота, а также в удовлетворении насущных нужд населения в обстановке, созданной войной. 2) Согласование работ отдельных предприятий, недостаточно оборудованных для самостоятельного выполнения требуемых изделий. 3) Фактическая мобилизация мастерских высших и средних учебных заведений и учащихся и объединение работы этих мастерских» [42].

26–29 мая 1915 г. по инициативе промышленников Москвы состоялся IX Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли. На нем выступил П. П. Рябушинский, заявивший о создании Военно-промышленных комитетов (ВПК). Они стали важным фактором объединения капиталистических сил. Их тактической задачей было усиление военно-промышленного

комплекса страны. На этой основе они стремились решить стратегическую задачу — занять лидирующие позиции в политических кругах государства. По мнению многих ученых, первая задача в ходе Первой мировой войны в целом была решена. Одно из подтверждений тому — тот факт, что к концу 1916 г. выпуск снарядов на частных предприятиях в 9 раз превышал производительность государственных оборонных заводов. В то же время ВПК не справились со своей стратегической задачей: до самой революции они продолжали зависеть от деятельности государственных структур, которые всячески стремились обуздать властолюбивые порывы лидеров военно-промышленных комитетов [43].

19 июля 1915 г. Государственная Дума начала обсуждение вопроса о создании высшего органа регулирования экономики — Особого совещания по обороне государства. Законопроект по этому вопросу после долгих дискуссий был одобрен Госдумой и утвержден императором только 17 августа 1915 г. [44]. На Особое совещание возлагались обязанности высшего надзора за всеми правительственными заводами, арсеналами и мастерскими, а также над частными предприятиями, специализировавшимися в сфере обороны. Особое совещание было призвано содействовать созданию новых оборонных предприятий и развитию уже имевшихся заводов и фабрик военного назначения. На Особые совещания возлагались задачи размещения военных заказов на российских и зарубежных предприятиях и контроля над их своевременным выполнением [45].

Крупные российские ученые нередко выступали в роли аналитиков, дававших хорошо обоснованные рекомендации по развитию оборонной промышленности. Так, в 1915 г. профессора П.Б. Струве и В.Э. Денэ подготовили и передали в военное министерство аналитическую записку «О необходимости скорейшего создания военной промышленности вне Петрограда» [46], в которой обосновали необходимость развития военно-промышленного комплекса в других регионах империи, перенеся центр тяжести укрепления военпрома из столицы в провинцию.

На март 1915 г. в России заказы военного ведомства выполняли 127 казенных и частных предприятий, среди которых

были такие известные заводы, как Петроградское общество химической продукции, «Нобель», «Вулкан», Путиловский завод, завод Вейдемюллера в Риге и др. На артиллерийское ведомство активно работало 71 казенное и частное предприятие. Заметный вклад в выполнение заказов артиллерийского ведомства вносили такие заводы, как машиностроительный завод «Прогресс», Азовско-Черноморский завод, Брянский завод, Невский завод и др. [47].

Одна из проблем состояла в том, что многие предприятия, создание которых началось только в ходе войны, не могли в короткие сроки наладить свое производство, хотя в перспективе выгода от их деятельности была бы значительной. Пример тому — Пушечный завод в Царицыне, построенный во время войны на средства Русского общества артиллерийских заводов. Для технического руководства строительством завода были приглашены специалисты английской фирмы «Виккерс», которая еще задолго до войны поставляла для российских крепостей и флота большие орудия с затворами системы этой фирмы. Именно эта английская фирма на практике доказала свое умение изготавливать прочные орудия больших калибров. Завод полностью обеспечивал себя всем необходимым, включая топливо и сырье. К сожалению, до конца 1915 г. он так и не был введен в строй [48].

Осознавая, что создание новых предприятий носит затяжной характер, правительство страны в том же году приняло решение о переоборудовании казенных горных заводов для изготовления артиллерийского вооружения [49].

В 1916 г. число фабрик и заводов, работавших исключительно на оборону, резко возросло. Если в феврале их было 419, в мае — 445, то в декабре их число уже составляло 578 предприятий. На них трудилось около 100 тыс. человек [50].

К концу первой половины 1916 г. в России удалось наладить производство аэропланов таким образом, что большая часть из них выпускалась в России, а не за рубежом. По официальным данным, с 1 августа 1914 г. по 1 мая 1916 г. на вооружение Русской армии поступило 1455 аэропланов. Из них 961 был изготовлен в России и 494 — во Франции [51].

Укрепление военного потенциала тыла страны дало свои результаты. К январю 1916 г. в составе авиачастей на фронте

Переброска войск на автомобилях. 1915 г.

было 42 корпусных авиационных отряда, 8 армейских авиационных отрядов, 1 полевой авиационный отряд, 1 авиаотряд для охраны резиденции императора, 7 авиационных рот, а также 2 авиационных дивизиона [52].

К лету 1916 г. войска Русской армии значительно усилились автомобильными войсковыми частями. За короткий период времени 55 автомобильных частей были направлены на фронт [53]. Тогда же в Ярославле, Рыбинске, Нахичевани и Москве было начато строительство автомобильных заводов, продукция которых была предназначена для нужд фронта [54].

В 1916–1917 гг. процесс развития оборонной промышленности развивался противоречиво. На фоне увеличения числа предприятий, выпускавших военную продукцию, была очевидна неспособность властей обеспечивать воинские части и соединения необходимой боевой техникой, снарядами и различными видами военного имущества. Например, если в ноябре 1916 г. в России было 539 994 железнодорожных вагона, то через год их осталось всего лишь 256 617. Каждый третий

паровоз был неисправен. Заводы страны были способны удовлетворять потребности государства лишь на 35% [55].

За период Первой мировой войны отечественные производители выпустили 3300 тыс. винтовок, 28 тыс. пулеметов, 11,7 тыс. артиллерийских орудий, 3,5 тыс. аэропланов, 20 тыс. грузовых автомобилей, 67 млн штук снарядов, 13,5 млрд штук патронов [56].

Справедливо будет заметить, что в процессе Первой мировой войны Российская империя пережила настоящий бум в развитии военной промышленности. Явно отставая от мировых лидеров по производству боевой техники, оружия и боеприпасов, к 1917–1918 гг. наша страна достигла мирового уровня развития оборонной промышленности. Эти достижения имели и негативные последствия. Историк И.А. Сосунова справедливо заметила, что именно во время Первой мировой войны зародились опаснейшие технологические идеи массового уничтожения, в том числе идеи бактериологической и геофизической войн. Она подчеркнула, что именно в ходе той войны сложился принцип безусловного приоритета военных нужд при полном пренебрежении любыми последствиями деятельности оборонной промышленности. В качестве примера она отмечала, что одно из основных производств по созданию для Русской армии боевого отравляющего вещества фосген находилось на заводе, который располагался возле Триумфальной площади в Москве [57].

Динамика развития оборонной промышленности России в период Первой мировой войны, безусловно, носила положительный характер. Однако она была недостаточной для того, чтобы сохранить баланс между обеспечением действующей армии всем необходимым и социальным обеспечением населения страны в целом. В результате это привело к крупным общественным потрясениям — революционным событиям февраля и октября 1917 г.

ГЛАВА 2

Рождение Антанты и организация взаимодействия ее вооруженных сил

В конце XIX — начале XX в. внешняя политика большинства европейских держав претерпела серьезные изменения. Мощное развитие Германии не могло не вызывать обеспокоенность со стороны Англии, Франции и России. У каждой из них были свои отношения с Германией, но напористая агрессивная политика Вильгельма II заставляла их искать союзников в Европе, чтобы сделать агрессию Германии невозможной. Англия, придерживающаяся к началу XX в. политики «блестящей изоляции», видела в Германии потенциального союзника, правда, до того момента, как Германия начала реализовывать свою морскую программу. Германия стремилась проводить самостоятельную внешнюю политику, а не находиться в качестве защитника интересов англичан. Для того чтобы доминировать не только на континенте, но и в мире, было недостаточно иметь только сильную армию, которой Германия, безусловно, располагала, но требовалось господствовать и на море. Желание построить флот, равный по силам английскому, делало Германию прямым конкурентом Великобритании, что практически исключало возможность союза между этими странами.

Франция, оказавшаяся во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. в изоляции и потерпевшая сокрушительное поражение, стремилась всеми силами избежать повторения произошедших событий и отомстить Германии, вернув себе Эльзас

и Лотарингию. Единолично противостоять Германии французы не могли, поэтому сближение с Россией стало единственной возможностью противостоять германской агрессии, поставив ее перед необходимостью вести войну на два фронта. Германия, долгое время ориентировавшаяся на сотрудничество с Россией, в правление Вильгельма II пересмотрела свою внешнюю политику. Сделав ставку на союз с Австро-Венгрией, которая конкурировала с Россией на Балканах, Берлин способствовал постепенному русско-французскому сближению. Соглашение 1892 г. оформило создание военно-политического союза между Парижем и Петербургом, которые брали на себя взаимные обязательства прийти на помощь союзнику в случае начала войны. Тем не менее русская зависимость от германских кредитов и прочные торговые связи между государствами оставались важным фактором во внешней политике России. Несмотря на заключение союза с Парижем, Петербург старался не портить отношения с Берлином, однако лавировать между Германией и Францией с каждым годом становилось все труднее.

Отдельно стоит отметить фактор династических связей во внешней политике начала XX в. Немецкий кайзер Вильгельм II, английский король Эдуард VII и русский император Николай II были родственниками, что зачастую находило отражение во внешней политике государств. Прежде всего это касается императора Николая II, который совершенно не мог противостоять напористой манере поведения Вильгельма II. Николай II был ярким англофобом, считавшим коварных англичан основными противниками России. Он был уверен, что Россия, являясь одним из сильнейших государств, должна являться арбитром в европейских делах. На этих чувствах своего кузена играл Вильгельм II. Самым ярким примером этого служит подписание Бьеркского соглашения, которое вызвало настоящий ужас у министра иностранных дел России В.Н. Ламздорфа. Вильгельм II был очень прямолинейным, а зачастую и откровенно грубым человеком. Германскому МИД неоднократно приходилось извиняться за его весьма жесткие высказывания, причиной которых была любовь кайзера выступать на публике экспромтом. Особенностью внешней политики Англии при Эдуарде VII был тот факт, что монарх стремился принимать активное участие в ее реализа-

*Вильгельм II,
германский император
и король Пруссии*

ции. Визиты Эдуарда VII в европейские столицы были обычным явлением, монарх охотно принимал участие в обсуждении важных внешнеполитических вопросов. Эдуард VII был убежден, что основным противником Англии является Германия, поэтому англичанам просто необходимо установить дружественные отношения с Францией и Россией. Все три монарха сильно отличались своими характерами и взглядами, что находило отражение во внешней политике их стран.

Англичане, осознавая, что сближение с Германией практически невозможно, стали раздумывать над поиском союзника, но сделать это оказалось непросто. Активная английская политика во всех уголках мира задевала интересы других государств, при этом действовал Лондон зачастую не по-джентльменски. Англо-русские трения по вопросам Проливов, Персии, Афганистана, англо-французский конфликт в Египте делали возможность союза с Россией и Францией весьма маловероятным. Заключение англо-японского союза в 1902 г. носило явно анти-русский характер, было направлено на то, чтобы препятствовать усилению России на Дальнем Востоке. Первые попытки установления дружественных англо-русских отношений отно-

сятся к ноябрю 1903 г., когда англичане подняли вопрос о разделе сфер влияния между странами. Англичане готовы были рассмотреть все спорные вопросы в англо-русских отношениях, но русский МИД предпочел основное внимание уделить персидскому вопросу. Русский посол в Лондоне граф Бенкендорф не имел полномочий для подписания каких-либо соглашений, предложив англичанам лишь обсудить интересующие их вопросы [58]. Далее обмена мнениями дело так и не пошло, Россия считала всю Персию сферой своих интересов, признавая права Англии лишь на побережье Персидского залива. Контроль над северной частью Персии и ее столицей Тегераном давал ей серьезное преимущество в данном вопросе, делая позицию России весьма непримиримой. Переговоры с Англией были интересны из-за возможности с помощью английского вмешательства предотвратить надвигающуюся войну с Японией. В итоге переговоры завершились ничем, а Россия была втянута в войну с японцами.

Формирование Антанты начинается с заключения соглашения между Францией и Англией в 1904 г. Соглашение, вошедшее в историю как «Сердечное согласие»¹, привело к разграничению сфер влияния между Англией и Францией в колониальных вопросах и способствовало снижению напряженности в отношениях между ними. Франция была обеспокоена активизацией политики России на Дальнем Востоке и начавшейся Русско-японской войной. Она опасалась остаться без военной поддержки в случае агрессии Германии, поэтому сближение с Лондоном выглядело весьма заманчивой перспективой. Статьи соглашения предусматривали переход Египта в сферу влияния Англии, в обмен на это Франция получала исключительные права в Марокко. Заключенное соглашение было направлено против Германии, хотя никаких обязательств о военной поддержке друг друга между Англией и Францией не было. Тем не менее одной из основных задач для германской внешней политики стало стремление внести разлад между новыми союзниками и разрушить Антанту. Важнейшую роль

---

¹ Название союза *Антанта* произошло от франц. *Entente cordiale* (Сердечное согласие).

в создании Антанты сыграл французский министр иностранных дел Делькассе, который принял активное участие в англо-французском соглашении, а затем активно занялся включением России в союз.

Тем временем Россия втянулась в войну с Японией. Отношение к Стране восходящего солнца в довоенное время в ближайшем окружении Николая II было крайне пренебрежительным, считалось, что русская армия одержит легкую победу исключительно силами дальневосточных войск. На предостережения военного агента в Токио об усилении японской армии и флота не обращали должного внимания [59]. Русский МИД выступал против войны, однако усилий Ламздорфа оказалось недостаточно, чтобы предотвратить конфликт. В мае 1904 г. англичане предприняли еще одну попытку наладить отношения с Петербургом, на этот раз инициатива исходила от английского короля Эдуарда VII, который встретился в Копенгагене с послом Извольским [60]. Россия вновь отказалась от разграничения сфер влияния, сославшись на несвоевременность решения данного вопроса из-за войны с Японией. Нежелание Петербурга идти на сближение привело к более жесткой английской позиции в Русско-японской войне. Англичане оказывали помощь своему союзнику, препятствуя проходу русских военных судов через черноморские проливы, а эскадра Рожественского не была пропущена через Суэцкий канал, что значительно затянуло и без того длительное ее путешествие к своей бесславной гибели в Цусимском сражении. Русско-японская война стала настоящей катастрофой для Российской империи. Русская армия потерпела чувствительные поражения как на суше, так и на море, состояние финансов оказалось плачевным, а начало революции в России еще более усугубило тяжесть положения в стране. Гульский инцидент и попытки русского флота вести крейсерскую войну против торговых судов, направлявшихся в Японию, чуть не привели к войне между Россией и Англией. Лишь активное вмешательство французов в лице Делькассе способствовало мирному решению конфликта. Была создана англо-русская комиссия по расследованию Гульского инцидента, которая старалась действовать предельно осторожно, не провоцируя эскалацию конфликта между странами. Россия

принесла официальные извинения и выплатила англичанам компенсацию [61]. На протяжении всей Русско-японской войны отношения с англичанами оставались натянутыми, Англия рассматривалась как потенциальный противник России и ни о каком налаживании дружеских отношений в Петербурге слышать не хотели. Тем не менее войну нужно было заканчивать, так как средств на ее ведение в России не было, а революция в стране была в самом разгаре. Поражение в войне сильно ударило по престижу России, показав несостоятельность русских вооруженных сил. Для наведения порядка в стране и реформирования армии России требовались значительные финансовые субсидии из-за границы. Вариантов было не так много, решить возникшие трудности было можно с помощью французских или немецких кредитов. Однако происходившие в это время на внешнеполитической арене события привели к серьезному изменению внешнеполитического курса России и окончательно сформировали Антанту.

В 1905 г. разгорелся спор между Германией и Францией по вопросу Марокко. Немцы были недовольны условиями англо-французского соглашения, предоставлявшего Франции право вмешательства во внутренние дела Марокко и проведение там реформ. 3 января 1906 г.¹ в испанском порте Альхесирас открылась конференция для урегулирования возникших противоречий. И Франция, и Германия рассчитывали на поддержку России в ходе конференции, что ставило ее перед окончательным выбором — с какой из держав ей придется строить союзнические отношения. Германия была основным торговым партнером России в Европе, приобретавшим русское сырье и промышленные товары [62]. Однако экономика и родственные связи между монархами были единственными сближающими страны обстоятельствами, внешняя политика Германии шла вразрез с русскими интересами. Пытаясь получить новые займы во Франции, русский министр финансов Кокцов столкнулся с требованием Франции о поддержке ее позиции на конференции. России предстояло сделать трудный выбор, отказавшись от роли арбитра и окончательно перейдя

---

¹ Здесь и далее даты даны по новому стилю.

в один из враждующих лагерей. В итоге Россия решила связать свою внешнюю политику с Францией и Англией. Поддержка французов на Альхесирасской конференции привела к ухудшению русско-германских отношений и способствовала постепенному русско-английскому сближению. Тем не менее русский МИД прилагал все усилия, чтобы не обострять отношения с Германией. Эта позиция русской дипломатии будет четко просматриваться при подготовке англо-русской конвенции в 1906–1907 гг.

Изменения во внешней политике России и Англии произошли на фоне перестановок в министерствах иностранных дел обоих государств. Ламсдорф, который всячески старался избегать союзнических соглашений с Лондоном и Берлином, был отправлен в отставку, а его место занял А.П. Извольский. Родственные связи способствовали его быстрому карьерному росту, в апреле 1906 г. он получил назначение на пост министра иностранных дел¹. Извольский был сторонником лавирования между Англией и Германией, старался не портить отношения ни с одной из стран. Однако Извольский рассматривал соглашение с Англией необходимым для России шагом, что сыграло немаловажную роль в формировании тройственной Антанты. После победы либеральной партии на выборах в Англии назначение в Форин-офис получил Эдуард Грей. Грей видел два пути решения персидского вопроса: война с Россией или заключение соглашения о разграничении сфер влияния [64]. Неудивительно, что второй вариант оказался более предпочтительным для англичан. После назначения Грея на пост министра иностранных дел начинается новый этап в англо-русских отношениях, ознаменовавшийся подготовкой к подписанию конвенции между Англией и Россией. Россия, ослабленная в ходе войны с Японией, оказалась более сговорчива в 1906 г. и сама подняла вопрос об урегулировании спорных вопросов между странами.

Россия и Англия стремились к реализации определенных целей в процессе обсуждения условий соглашения. Давней мечтой

---

¹ Извольский был женат на дочери К. Толя, бывшего послом России в Копенгагене. См.: [63].

России был контроль над Черноморскими проливами, которые имели важное стратегическое и экономическое значение. Русские военные суда, как и военные суда третьих стран, не могли проходить через Проливы, обрекая черноморский флот в случае войны на бездействие [65]. Турция, контролирующая Проливы, была дряхлеющим государством, существование которого искусственно сохранялось мировыми державами. Попытки военного решения вопроса Проливов, предпринятые в XIX в., результатов не дали, поэтому Россия попыталась решить его мирным путем. Русский МИД прекрасно понимал, что «ключ к решению проблемы находится в Лондоне» [66], поэтому для России было крайне важно урегулировать отношения с «коварным Альбионом». Одностороннее соглашение с Лондоном не могло решить судьбу Проливов, тем не менее сближением с Англией можно было если не заручиться английской поддержкой, то хотя бы добиться более благожелательного отношения к решению «исторической задачи России». Англичан, в свою очередь, серьезно беспокоила русская экспансия в Персии. Пытаясь защитить Индию от угроз со стороны европейских держав, Англия была готова использовать любые средства. Контроль России над южной частью Персии давал ей выход в Персидский залив, что могло привести к войне между странами. Англичане крайне болезненно реагировали на действия русских в Персии, так как не могли оказать на них никакого воздействия, и стремились к разграничению сфер влияния в регионе [67]. Помимо персидского вопроса англичане стремились урегулировать вопросы Афганистана и Тибета, включив их в сферу своего влияния и создав своеобразную «буферную зону» вокруг Индии. Англичане рассчитывали сделать Россию вместо основного противника в регионе своеобразным «сторожем», который будет защищать здесь их интересы. Указанные вопросы стали ключевыми в ходе переговоров о подписании конвенции между странами.

Переговоры между Англией и Россией о заключении конвенции начались в июне 1906 г. Англичане были заинтересованы в скорейшем подписании конвенции с Россией, пока та не оправилась от поражения в войне с Японией. В Петербург из Лондона был направлен новый посол Артур Николсон, ко-

торый располагал полномочиями на подписание соглашений с Россией. Основное внимание сторон было обращено на вопросы, связанные с Персией, Афганистаном и Тибетом. Англичане добивались признания Сеистана сферой интересов Англии. Эта территория, расположенная на юге Персии, была пограничной с Афганистаном и имела для англичан стратегическое значение. Северная часть Персии, в которой располагалась столица страны Тегеран, рассматривалась как русская сфера влияния. Центральная часть Персии, которая включала побережье персидского залива, была важна для англичан прежде всего как территория, где они стремились не допустить распространения русского влияния. Что касается вопроса об Афганистане, то англичане добивались, чтобы Россия ограничилась торговыми отношениями с данным государством. Тибет рассматривался англичанами как часть Китая, Россия должна была воздержаться от отправки туда научных экспедиций. Вопрос Проливов первоначально не был поднят российской дипломатией, которая старалась действовать очень аккуратно при ведении переговоров. Советник российского посольства Поклевский-Козелл во время беседы с Чарльзом Гардингом дал понять, что русское общественное мнение заинтересовано в решении вопросов Ближнего и Дальнего Востока. В своем ответе Гардинг дал понять, что англичане готовы рассмотреть любое предложение русского правительства о Проливах [68]. Гардинг, исполнявший до назначения Николсона обязанности английского посла в России, был хорошо знаком с русскими интересами. Он прекрасно понимал, что Россию не устроит нейтрализация Проливов, так как черноморский флот был слаб и открытие Проливов поставит под угрозу русские интересы в регионе. Гардинг разработал меморандум по Проливам, в котором предлагал пойти на уступки России. Он указывал на тот факт, что даже предоставление России исключительного права на проход через Проливы не приведет к изменению баланса сил в Средиземном море [69]. Грей был согласен с мнением Гардинга, однако вопрос Проливов носил международный характер и англичане не могли решить его в двустороннем порядке. Тем не менее Россия могла рассчитывать на поддержку со стороны англичан в случае решения вопроса Проливов.

*Извольский Александр
Петрович, министр
иностранных дел России
в 1906–1910 гг.*

В начале 1907 г. переговоры между странами перешли в решающую стадию. Вопросы об условиях соглашения с Англией были рассмотрены на заседаниях особого совещания, в работе которого принял активное участие прибывший из Лондона граф Бенкендорф. Председателем совещания был назначен Извольский, первое заседание состоялось 1 февраля 1907 г. [70]. Перед совещанием стояла непростая задача: необходимо было выработать условия соглашения, приемлемые не только для России и Англии, но и для Германии. Извольский пытался восстановить политику лавирования между Англией и Германией, которой придерживался Ламсдорф. Основой соглашения должно было стать разграничение сфер влияния в Персии, при этом русская дипломатия была уже более сговорчива, чем до Русско-японской войны. Англичане в ходе переговоров заявили, что успешное решение среднеазиатских вопросов будет способствовать успешному разрешению дискуссии о Проливах [71]. Грей предложил нейтрализацию Проливов для военных судов всех стран, прекрасно понимая, что такое предложение не будет одобрено русской стороной. В итоге практически все предложения англичан были приняты русской стороной, в отношении вопроса Проливов стороны сошлись на несвоевремен-

ности его решения. Англичане всячески демонстрировали свое сочувствие России, подчеркивая важность для нее контроля над Проливами, но предоставлять четкие письменные гарантии своей позиции не стали. Особое совещание в начале августа 1907 г. одобрило проект соглашения с Англией, сочтя его вполне выгодным, учитывая текущее внутреннее положение в стране [72].

Соглашение между Англией и Россией было подписано 18 августа 1907 г. Извольским и Николсоном. В преамбуле к конвенции говорилось о желании «предупредить всякий повод к недоразумениям» между странами, вопросы Персии, Афганистана и Тибета рассматривались отдельно [73]. Персия была разделена на сферы влияния, Россия получала Северную часть страны со столицей Тегераном, англичане получали южный район страны (Сейстан), через который шли торговые пути в Индию. Любые попытки третьей стороны проникнуть в Персию должны совместно пресекаться участниками соглашения. Стороны обязались не вмешиваться в дела друг друга и контролировали финансы Персии [74]. Афганистан признавался территорией, находящейся в английской сфере влияния. Россия отказывалась от своих интересов в этом регионе, а любые переговоры с местным правительством должны были вестись через английских посредников. Без английского вмешательства могли регулироваться лишь вопросы, не связанные с политикой в приграничных областях. Что касается Тибета, то он признавался частью Китая, политические контакты с ним как России, так и Великобритании должны были вестись исключительно через китайских посредников. Часть территории Тибета, долина Чумби, была оккупирована английскими войсками, которые располагались здесь до момента выплаты англичанам денежной компенсации. Российская сторона не затрагивала вопрос английской оккупации, указав лишь, что признает экономические интересы англичан в Тибете.

10 сентября 1907 г. стороны обменялись ратифицированными конвенциями. Если в русском правительстве особых препятствий к одобрению соглашения не наблюдалось, то в английском парламенте Грей пришлось отстаивать свою точку зрения на необходимость подписания конвенции. Первоначально Грей

рассчитывал ратифицировать конвенцию в обход парламента, но из-за затянувшихся обсуждений проектов ему это не удалось. Это привело к критике его действий в палате общин со стороны консерваторов [75]. Тем не менее конвенция была проведена через палату общин, так как ее статьи были весьма выгодны для английского правительства. В своих мемуарах Эдуард Грей называет ее «односторонней» [76], указывая на тот факт, что Россия практически ничего не получала взамен. В соглашении ничего не говорилось о военном сотрудничестве, оно должно было урегулировать старые споры между Россией и Англией и стать своеобразным прологом к будущему сотрудничеству между странами. Соглашение между Англией и Россией не содержало взаимных обязательств по оказанию помощи в случае войны, как, впрочем, и англо-французское соглашение. Антанта была весьма уязвима на начальном этапе своего существования, и Германия всячески пыталась внести разлад в ее ряды. Для укрепления Антанты необходимо было улучшить взаимоотношения не только на уровне глав государств и правительств, но и способствовать перемене в общественном мнении. Для реализации этой цели правительства Англии, Франции и России использовали различные методы: официальные поездки глав государств и высокопоставленных чиновников, пропаганду дружеских отношений в печати, совместные дипломатические выступления во время международных кризисов.

Особенно важно после формирования Тройственного Соглашения было уладить русско-английские отношения. Русско-французский союз, существовавший уже на протяжении 15 лет, воспринимался весьма положительно в обеих странах. Общественное мнение в России длительное время воспринимало Англию как главного врага, у англичан ситуация была ничуть не лучше. Первые обсуждения возможности визита английского короля в Россию велись еще в период разработки конвенции, однако договориться о поездке так и не смогли. Планировавшееся посещение английским флотом Кронштадта также не состоялось из-за дебатов в английском парламенте. В 1906 г. в Лондон прибыла делегация русских депутатов, чтобы «перенять опыт» у более «искушенных» англичан. Эта поездка

не обошлась без конфуза: во время пребывания русских депутатов в Лондоне было объявлено о роспуске Государственной Думы. Английский премьер-министр Кэмпбелл-Банерман, чтобы как-то разрядить ситуацию, на встрече с депутатами заявил: «Король умер, да здравствует король!» [77]. Эта фраза вызвала недовольство Бенкендорфа, который увидел в ней какой-то подтекст. В итоге Грею пришлось выступить с разъяснениями, доказывая, что премьер-министр не имел в виду ничего дурного, давая понять этой фразой, что ожидает скорейшего восстановления работы Думы в России. В общем, первые шаги по установлению дружеских отношений давались с трудом обеим странам.

9–10 июня 1908 г. встреча между Николаем II и Эдуардом VII все-таки состоялась. Монархи встретились на рейде Ревельского порта, и несколько дней между ними шли переговоры. Эдуард VII стал первым английским монархом, посетившим Россию с официальным визитом. В поездке его сопровождали первый лорд адмиралтейства Джон Фишер и уже упоминавшийся выше Гардинг, считавшийся специалистом по России, а также его супруга. Вместе с Николаем II в Ревель прибыли премьер-министр Столыпин, Извольский, а также члены императорской семьи. Форин-офис старался не афишировать предстоящий визит, дабы не вызвать недовольства в английском обществе. В ходе переговоров были затронуты вопросы реформ в Македонии, агрессивная политика Германии, отношения между Англией и Россией в вопросах Персии, а также проблема острова Крит [78]. Во время общения Николая II с Эдуардом VII русский император в весьма лестных тонах отзывался о речи Грея в палате общин, он сказал, что желает познакомиться с английским министром иностранных дел лично. Стороны не могли не затронуть вопросы военного сотрудничества в случае конфликта в Европе. Англия и Франция рассчитывали в предстоящей войне с Германией на помощь сильной сухопутной армии России, отводя ей роль «парового катка», который должен был снести немцев. Русские правящие круги, мечтавшие о статусе России как морской державы, стремились к строительству мощного флота. Это вызывало недовольство союзников, видевших в этом распыление сил. Английская точ-

*Английский король Эдуард VII
и император Николай II обходят строй*

ка зрения нашла отражение в беседе Столыпина с адмиралом Фишером, который, в отличие от дипломатов, был известен прямой изложением своих мыслей [79]. «Как свидетельствовал адмирал Дж. Фишер, сидевший рядом со Столыпиным на официальном обеде на яхте «Штандарт» 28 мая, премьер спросил его: «Что, по-вашему, нам нужнее всего?». «Он воображал, что я должен буду ответить: столько-то линкоров, столько-то крейсеров и т.д., но вместо этого я сказал: «У вас оголена западная граница и опустошены запасы. Устраните все это, тогда и говорите о флотах!» [80]. В исследовании Д. В. Лихарева указанный разговор произошел на несколько месяцев позже, во время встречи Столыпина и Фишера на курорте в Богемии [81]. Данное расхождение в датировке разговора не отменяет его содержания — Англия была заинтересована прежде всего в восстановлении мощи русской сухопутной армии. Стороны были очень довольны результатами встречи, в русской прессе это событие получило широкое освещение и считалось «началом новой эры в англо-русских отношениях» [82].

Дальнейший ход событий в европейской внешней политике (аннексия Австро-Венгрией Боснии, Второй Марокканский кризис) все больше убеждал союзников по Антанте в необходимости укрепить союз военными обязательствами. К началу 1912 г. лишь Франция и Россия имели письменные соглашения о взаимной военной помощи в случае европейской войны, Англия уклонялась от подобных соглашений как с Францией, так и с Россией. Изменения в этой политике были вызваны осознанием приближающегося столкновения с Германией, при этом, если Франция и Россия скорее опасались предстоящей войны, то англичане были не против ослабления континентальных держав. В тоже время Грей не должен был допустить серьезных споров внутри Антанты, что сыграло бы на руку прежде всего Германии. В сложившейся ситуации у Англии оставался один выход — заключение секретных соглашений со своими союзниками по Антанте. Такой метод действий объясняется не только опасением резкого ухудшения отношений с Германией, но и существованием сильной оппозиции внутри Англии — не только в парламенте, но и в самом правительстве. Руководителям министерств иностранных дел предстояло обсудить варианты соглашений, приемлемые для каждой из сторон.

В июле 1912 г. была заключена секретная морская конвенция между Россией и Францией. Она была своеобразным дополнением к соглашению 1892 г. и предусматривала совместные действия флотов «во всех тех случаях, в которых союз предусматривает и предписывает совместные действия сухопутных войск» [83]. Заключенное соглашение предусматривало активное взаимодействие начальников морских генеральных штабов, обмен информацией о планах сторон и сведениями о состоянии флота. Согласно третьей статье соглашения, «начальники морских генеральных штабов обоих флотов будут совещаться друг с другом лично, не реже одного раза в год» [83]. Уже на первом таком совещании русская сторона была поставлена в известность о подготовке переговоров по заключению англо-французской морской конвенции. При этом французы давали понять, что необходимо наладить контакты между тремя странами [84]. Англо-французская морская конвенция была заключена в ноябре 1912 г., после ведения длительных

переговоров. Соглашение предусматривало совместные действия правительств двух стран в случае нападения «третьей державы» и носило «условный» характер. Тем не менее правительства обеих держав осознавали, что в случае нападения Германии не смогут остаться в стороне. Подписанное соглашение «давало Франции уверенность в том, что Англия без союзного договора придет ей на помощь в войне против Германии» [85]. Факт подписания конвенции, как и ее содержание, первоначально оставались тайной не только для России, но и для правительств Англии и Франции. Хотя уже в начале декабря 1912 г. Извольский, назначенный после отставки с поста министра иностранных дел послом в Париж, был уверен в заключении англо-французской военной конвенции [86]. Для окончательной трансформации Антанты в военно-политический союз необходимо было подписать схожее соглашение между Англией и Россией.

Инициатором в вопросе о заключении военной конвенции между Россией и Англией выступил русский МИД. Сазонов, возглавивший русскую внешнюю политику после отставки Извольского, пытался задействовать все возможные рычаги для давления на Англию. Беседы Бенкендорфа с английскими дипломатами особых успехов не имели, Грей указывал на несвоевременность подобного соглашения. В сложившейся ситуации Сазонов решил задействовать в переговорах Николая II, который 21 марта 1914 г. встретился с английским послом в России Бьюкененом. Во время беседы с английским дипломатом Николай II заявил, что «очень хотел видеть тесную связь между Англией и Россией, вроде союза чисто оборонительного плана» [87]. Бьюкенен посчитал заключение такого соглашения «в настоящее время неосуществимым», тогда Николай II предложил заключить морскую конвенцию между странами наподобие той, которая была подписана между Англией и Францией. Оба участника заверили друг друга, что незнакомы с текстом конвенции, но обсуждение вариантов помощи друг другу в случае войны продолжилось. Николай II указал на необходимость «организовать сотрудничество между британским и русским флотом», в обмен на такое соглашение император намекнул на дальнейшие уступки англичанам в Персии [87]. Бьюкенен предпочел уйти

от дальнейшего обсуждения, заявив, что Англия и Россия и так весьма успешно взаимодействуют в качестве «друзей». Однако «приманка» в виде дальнейших уступок в персидском вопросе сыграла свою роль, кроме того, к заключению англо-русской морской конвенции Англию подталкивала Франция. Для ведения переговоров в Лондон был направлен русский морской агент Волков, английскую сторону представлял первый лорд принц Луи Баттенбергский. Переговоры должны были проводиться при участии французского атташе. В Лондоне Волкова ждал холодный прием, так как на момент его приезда начались русско-английские споры по вопросу пересмотра конвенции 1907 г. Грея крайне беспокоила оккупация русскими войсками северной Персии, а также сосредоточение всех финансов страны в руках русских консулов [88]. 5 (6) июня 1914 г. Волков все-таки добился встречи с Луи Баттенбергским, однако переговоры между ними так и не начались. Луи Баттенбергский предложил перенести переговоры на август, так как в это время он планировал совершить поездку в Россию с семейным визитом [89]. Англичане явно тянули время, ожидая уступок России в персидских делах. Срыву переговоров также способствовала шумиха в немецкой прессе, писавшей о начале англо-русских переговоров о морской конвенции. В данном деле не обошлось без шпионажа. Дело в том, что в посольстве в Лондоне работал на должности секретаря Б. Зиберт. Он оказался немецким агентом и регулярно передавал содержание корреспонденции Бенкендорфа [90]. В итоге до начала войны военно-морская конвенция между Россией и Англией так и не была заключена.

Что касается военно-технического сотрудничества в довоенный период, то в данном аспекте союзники сыграли важную роль в восстановлении мощи русской армии. Поражение в Русско-японской войне показало серьезные недостатки в русской армии, боеспособного флота в стране не существовало. Основную ставку русское правительство старалось сделать на внутреннее производство, однако в техническом плане Россия значительно отставала от передовых европейских стран. Для оборудования новых военных заводов станками заказы размещались преимущественно в Англии и Германии. Русские за-

воды, получая заказы на производство станков, предпочитали идти на хитрость. Они заказывали все основные части за границей, «а сами производили только отливку станин и сборку» [91]. Приоритетными задачами для России было восстановление флота и вооружение армии современной артиллерией и образцами стрелкового оружия. Идея сильного флота была плодом имперских амбиций Николая II и его окружения. С экономической точки зрения строительство мощного современного флота требовало огромных денежных затрат, которые не соответствовали текущему положению дел. Русский черноморский флот был «пленником» в Черном море, а в Балтийском море господствовали немцы. На побережье Белого моря и Дальнем Востоке Россия не располагала портами, пригодными для базирования флота. Союзники России по Антанте выступали против морских программ России, видя в этом распыление сил, и указывали на необходимость укрепления сухопутной армии. Несмотря ни на что, курс на строительство флота в России был сохранен. В отличие от правительств Франции и Англии, иностранные крупные фирмы, такие как «Виккерс», «Армстронг», «Шнейдер-Крезю», были заинтересованы в русских заказах. Используя свой авторитет, связи, а иногда и просто банальный подкуп, эти фирмы добивались получения очень выгодных контрактов. В 1908–1914 гг. английские фирмы принимали активное участие в строительстве русских судов. Они не только принимали заказы на постройку судов, но и оказывали техническую помощь при постройке кораблей в России [92]. Однако реализовать амбициозные планы по постройке сильного флота в России так и не удалось. К июню 1914 г. Балтийский флот состоял из 4 новых линейных кораблей, 4 устаревших броненосных крейсеров, 7 крейсеров, 57 миноносцев и 10 подводных лодок [93]. Черноморский флот, лишенный возможности пополняться за счет иностранных заказов, состоял преимущественно из устаревших судов и нуждался в серьезной реорганизации, которую планировалось провести не ранее 1916 г. Русский флот был слишком малочисленным и серьезной роли в грядущей войне сыграть не мог. Даже при требуемых для этого объемах финансирования программы по постройке судов были бы реализованы не ранее 1916 г. Учитывая, что даже

утвержденные уже суммы на постройку флота не всегда выделялись, мечты о господстве России на морях так и остались несбыточными фантазиями.

Что касается артиллерии, то Россия испытывала серьезную нехватку крупнокалиберных пушек и боеприпасов на случай начала военных действий. Россия, как ни прискорбно это звучит, традиционно ориентировалась на доктрины уже прошедших войн. Представители ГАУ (Главное артиллерийское управление) оперировали данными Русско-японской войны, в которой средний расход снарядов на орудие составлял 500 выстрелов за все время военных действий [94]. Такие расчеты привели к тому, что к началу войны Россия сильно уступала европейским странам по запасам снарядов — минимум в 2–3 раза. Помимо снарядов Россия нуждалась в современных артиллерийских орудиях. Основная ставка в решении вопроса снабжения армии орудиями и боеприпасами была сделана на казенные военные заводы. Частные заказы стали полем для конкуренции между английскими и французскими фирмами. В борьбу за строительство в России крупного артиллерийского завода с использованием современных технологий включились две крупные европейские фирмы: английская «Виккерс» и французская «Шнейдер-Крезо». В итоге конкурс выиграла английская компания, получившая право на строительство артиллерийского завода на Волге [95]. Важную роль в принятии этого решения сыграл тот факт, что технологии, применяемые англичанами, не имели аналогов в мире. Такое развитие событий не понравилось французам, которые, несмотря на выделение России займов, остались в стороне от реализации артиллерийских проектов. Договор с «Виккерсом» был заключен в 1913 г., однако к началу войны завод так и не начал работу. Английские и французские интересы вновь столкнулись во время конкурса на переоборудование Пермского завода. В этот раз конкурентом «Шнейдер-Крезо» оказалась фирма «Армстронг». Обе фирмы получили политическую поддержку от своих стран, но на этот раз выбор был сделан в пользу французов. Это решение носило явно политический характер [96]. По сути, внешние военные заказы России были разделены между английскими и французскими фирмами, немцы были

Русский пулеметный расчет на позиции

окончательно выдавлены с русского рынка. «Перед войной в частной военной промышленности страны сложились две главные монополистические группы. Первая и более крупная из них, возглавляемая Русско-азиатским банком, сотрудничала с французской компанией «Шнейдер», вторая во главе с Международным банком — с английским «Виккерсом» [97].

Таким образом, в предвоенный период Антанты так и не превратилась в военно-политический союз. Между странами была установлена система отдельных соглашений, некоторые из которых носили условный характер. Россия была готова прийти на помощь Франции и Англии в случае нападения на них Германии. В случае нападения Германии на Францию помощь ей оказывали как Россия, так и Англия (с определенной оглядкой на общественное мнение). В то же время Англия не имела четких обязательств в случае нападения Германии на Россию, что указывало на определенные просчеты в системе Антанты и добавляло нервозность в русско-английские отношения.

Тройственный союз, на первый взгляд, выглядел более монолитно, здесь был явный лидер — Германия, которая в случае войны готова была подчинить действия союзников своей воле. Однако итальянцы стали постепенно склоняться к идее отмежевания от своих союзников на почве территориальных споров с Австро-Венгрией. Начало Первой мировой войны привело к необходимости трансформации Антанты в военно-политический союз в самые сжатые сроки.

Война в Европе могла начаться раньше 1914 г., так как большинство европейских стран видело в ней решение своих внешних и внутренних проблем [98]. Основным источником напряженности были события, развернувшиеся на Балканском полуострове. Жесткая политика Германии в отношении России привела к постепенной трансформации русского общественного мнения. Именно Германия, а не Англия, стала рассматриваться как основной враг России, что способствовало укреплению Антанты. Германия рассчитывала на нейтралитет Англии в европейской войне, но нападение немцев на Бельгию дало англичанам замечательный повод для объявления войны. Для Англии было крайне важно, чтобы именно Германия выступила в качестве агрессора, что способствовало подготовке общественного мнения к необходимости вступить в военные действия. После объявления Англией войны Германии державы Антанты фактически становятся союзниками. Однако общей системы руководства и четких планов совместных действий создано не было. Инициатива полностью находилась в руках Германии, о планах которой по нападению на Францию союзники по Антанте прекрасно знали. Франции отводилась роль «жертвы», которой предстоит удерживать Германию в первые месяцы войны до того момента, как полностью отмобилизуется русская армия. После завершения русской мобилизации Германия оказывалась зажатой между союзниками и вынуждена была воевать на два фронта. Затяжной характер войны практически никем не рассматривался, противоборствующие стороны были уверены в быстрой победе. Именно по этой причине не было создано единое союзное командование и не налажена взаимопомощь между союзниками по Антанте. В дальнейшем им пришлось об этом серьезно пожалеть.

Военное взаимодействие союзников в военные годы можно разделить на две части: формирование единого союзного командования войсками и организация поставок вооружения и боеприпасов. С вопросами военных контактов можно подробнее ознакомиться в работах Н. В. Валентинова и В. А. Емца [99], поэтому в данной работе будет обращено внимание только на ключевые события. Вопрос военных поставок в Россию в годы войны союзниками разработан значительно хуже, на нем хотелось бы остановиться более подробно. Как уже отмечалось выше, в 1914 г. страны Антанты не планировали создание централизованной системы управления союзными войсками. В случае необходимости французы и англичане обращались к русским с просьбой о наступлении для отвлечения сил противника. Наступление русской армии в 1914 г. в Восточной Пруссии началось до завершения мобилизационных мероприятий в России и закончилось для русских войск неудачно. Однако французы смогли отстоять Париж, не были выбиты из войны, планы Германии были сорваны. Однако, пользуясь возможностью перебрасывать военные части с одного фронта на другой, немцы получили возможность воевать с союзниками поочередно. Горький опыт поражений способствовал активизации усилий в данном направлении и привел к попыткам Антанты наладить четкую систему взаимодействия между армиями. Инициатива в данном вопросе исходила от французов, которые рассчитывали играть ключевую роль в союзном командовании. Местом проведения союзных конференций по военным вопросам стал небольшой город Шантильи, расположенный недалеко от Парижа и выбранный французским командующим Жоффром в качестве загородной резиденции.

Всего за период войны прошло четыре межсоюзнические конференции. Первая из них состоялась в июле 1915 г., англичан и французов на конференции представляли главнокомандующие английской и французской армиями Жоффр и Френч, русским представителем был военный атташе во Франции полковник Игнатьев. Перенос немцами основного удара в 1915 г. на Восточный фронт привел к огромным потерям в русской армии и утрате значительных территорий. Русские войска ис-

пытывали серьезную нехватку в вооружении и боеприпасах, что вызвало беспокойство союзников, опасавшихся подписания Россией сепаратного мира с Германией. В ходе переговоров Жоффри высказался за необходимость «оказывать помощь тем союзным армиям, которые выдерживают главный натиск противника» [100]. Договориться о создании центрального органа для координации армиями союзников так и не удалось. На конференции были рассмотрены вопросы оказания помощи русской армии — как активизацией военных действий на Западном фронте, так и поставками в Россию вооружения и боеприпасов. Союзники обещали предпринять наступление в Шампани и Артуа в конце июля. Англичане вообще были против проведения наступательных операций в 1915 г., однако французы настояли на оказании помощи русской армии. Жоффри указывал на тот факт, что в случае пассивного ведения войны на Западном фронте немцы разгромят сначала Россию, а потом Францию [101]. Из-за ряда проволочек наступление состоялось только в сентябре 1915 г., когда немецкое наступление на Восточном фронте было уже прекращено. Что касается поставок в Россию союзниками вооружения и боеприпасов, то и в данном вопросе оказание помощи откладывалось. Союзники были не в состоянии размещать у себя русские заказы. Итоги первой межсоюзной конференции оказались незначительными, далее обсуждений возникших перед союзниками проблем дело так и не пошло.

Вторая конференция в Шантильи состоялась в начале декабря 1915 г. На ней союзники приступили к разработке плана совместных действий на 1916 г. Стороны обсуждали необходимость проведения наступательных операций в «близкие между собой сроки», помощь друг другу в случае нападения противника и активизацию военных действий на фронте, препятствующую переброске немецких войск [102]. Указанные мероприятия должны были привести к истощению живой силы центральных держав, лишить их возможности проводить крупные наступательные операции на одном фронте. Представитель русской делегации на конференции генерал Жилинский предложил русский план на кампанию 1916 г. Согласно этому плану, основной удар должен был быть нанесен

армиями Франции, Англии, России и Италии¹ не по Германии, а по ее союзнице Австро-Венгрии, которая в военном плане была значительно слабее. Кроме того, согласно русскому плану английские и русские войска должны были предпринять совместное наступление против Турции. Русский план был направлен на установление прямой связи с союзниками для решения возникших проблем со снабжением [103]. В итоге союзники отклонили все предложения Жилинского, посчитав их попыткой России взять инициативу в союзном руководстве в свои руки и добиться роста русского влияния на Балканах. После завершения конференции Россией был поднят вопрос о создании «постоянного или временного» военного совета по управлению союзными войсками, однако Англия и Италия отказались направить в него своих представителей [104].

Созыву третьей конференции предшествовала отправка французским командованием двух меморандумов, в которых излагался взгляд на предстоящую кампанию 1916 г. В них предлагалось организовать неодновременные операции союзников не позднее 1 июля 1916 г. При этом первыми должны начать свои действия русская и итальянская армии. Англичане и французы должны дождаться переброски немецких частей и решить исход всей кампании. Начальник русского генерального штаба генерал Алексеев был против переноса наступления на лето, справедливо указывая на тот факт, что немцы смогут нанести удар первыми [105]. Незадолго до начала работы третьей конференции в Шантильи началось немецкое наступление на Верден, что способствовало резкому изменению взглядов французов на сроки наступления в текущем году. Начало русского наступления планировалось на начало мая, английского — на две недели позже, однако французы просили начать военные действия как можно раньше [106]. В итоге русские войска начали наступления в марте 1916 г., что позволило ослабить немецкое давление на Верден. Третья конференция в Шантильи в очередной раз показала непоследовательность союзного руководства, отсутствие слаженности в действиях держав Антанты. Россия, в очередной раз оказав помощь Франции,

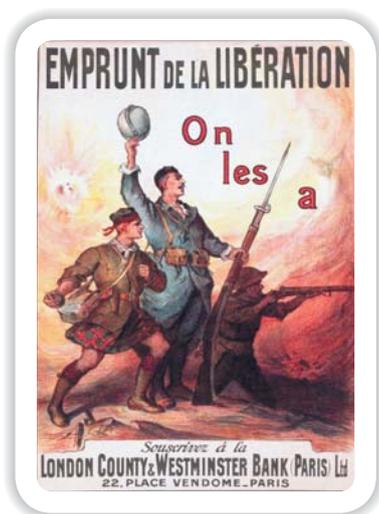
---

¹ Италия вступила в войну на стороне Антанты 23 мая 1915 г.

показала, что готова помогать своему союзнику, несмотря на свои собственные трудности.

Четвертая конференция союзников в Шантильи состоялась в ноябре 1916 г. Она ознаменовалась переменной мнения англичан и французов в общих вопросах ведения войны. Союзники предложили перенести основные военные действия на Восточный фронт и добиться выхода из войны союзников Германии. Эти идеи практически полностью совпадали с русскими предложениями в период третьей межсоюзнической конференции. Столь разительные перемены были вызваны перестановками в английском военном руководстве. После гибели военного министра лорда Герберта Китченера на эту должность был назначен Дэвид Ллойд-Джордж. Он указывал на тот факт, что из-за позиционной войны на Западном фронте союзники оказались в тупике, для разгрома Германии нужна активизация русской армии [107]. Русское командование оказалось не в восторге от таких перемен, русский представитель на конференции доносил в Петроград по данному вопросу следующее: «Мое впечатление такое, что англичане и французы ведут свою отдельную линию, направленную на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом, стараясь все остальное свалить на наши плечи и считая, что наши войска могут драться даже без всего необходимого. Они для нас не жертвуют ничем, а для себя требуют наших жертв и притом считают себя хозяевами положения» [108]. Четких решений о предстоящей кампании 1917 г. так и не было принято, стороны продолжили переговоры, однако велись они уже не во Франции.

Последняя встреча союзников произошла в Петрограде в феврале 1917 г. и носила характер военно-политической конференции. Англичане и французы были сильно обеспокоены складывающейся обстановкой в России, в стране набирали силу революционные и антивоенные настроения. После отставки Сазонова с поста министра иностранных дел союзники опасались прихода к власти прогерманской партии и выхода России из войны. Эта конференция оказалась самой представительной по составу за все время контактов между союзниками. Английскую делегацию на конференции возглавил министр без

«Единство союзников».
Французский плакат

портфеля Альфред Милнер, во главе французской был министр колоний Гастон Думерг. Конференция проходила с 19 января по 8 февраля 1917 г., на ней был рассмотрен ряд волнующих союзников вопросов. Союзники настаивали на активизации военных действий на Восточном фронте уже в марте 1917 г., однако русское командование указывало на неподготовленность армии к крупному наступлению. Русская армия могла начать наступление только в середине апреля при обеспечении ее всеми необходимыми ресурсами. В итоге стороны определили примерные сроки наступления с начала апреля по начало мая, при этом оно должно было проводиться на всех фронтах [109]. Русская сторона рассчитывала на значительное увеличение поставок союзников, но в ходе конференции данный вопрос решен не был. Представители союзников пообещали обсудить этот вопрос со своими правительствами. Итоги конференции оказались для русской стороны неудовлетворительными, увеличить объемы поставок военных материалов союзники обещали после начала русского наступления.

Итоги союзнических конференций оказались весьма скромными, так как создать единое командование Антанте так и не удалось. Союзники по Антанте ни на секунду не забы-

вали о своих национальных задачах, которые ставились ими еще в предвоенный период. После победы над общим врагом между Англией, Россией и Францией мог произойти конфликт из-за условий мира. В данной ситуации для каждой из стран было важно сохранить боеспособность ее армии, чтобы иметь возможность оказать давление на своего «союзника». Именно поэтому к концу 1916 г. союзники приходят к мысли о необходимости проведения крупных наступлений на Восточном фронте. Французы понесли огромные потери под Верденом и стремились вообще не проводить никаких наступательных операций в 1917 г., англичане основные усилия направили на борьбу с Турцией на Среднем Востоке. Тем не менее имелись и определенные положительные результаты. Так, было принято решение об оказании срочной помощи союзнику, на фронте которого начиналось крупное наступление. Союзники брали на себя обязательства в организации наступления на своем фронте с целью отвлечения врага. Антанта определяла сроки наступления союзников на фронтах, исключая возможность переброски немцами дивизий с одного фронта на другой. По мнению союзников по Антанте, в 1917 г. война должна была закончиться, однако дальнейший ход событий перевернул все с ног на голову. Через несколько дней после окончания Петроградской конференции в России началась революция, существование Восточного фронта оказалось под угрозой.

Вопрос организации поставок военных материалов в Россию освещен в литературе значительно хуже дипломатических и военных контактов стран Антанты. В организации военных поставок ключевую роль сыграла Англия, которая оказывала активную финансовую помощь как России, так и Франции. В декабре 1914 г. правительства России и Франции вели переговоры с Англией о предоставлении ей кредитов [110]. Приобретение Россией военных материалов за границей в значительной степени зависело от выделения английских займов. В 1914 г. союзники не предпринимали активных шагов для организации технической взаимопомощи друг другу. В кризисе снабжения, произошедшем в русской армии в 1915 г., ключевую роль сыграло несколько факторов. Во-первых, уверенность в скорейшем окончании войны привела к нежеланию заклю-

чать длительные соглашения с фирмами о поставках вооружения. Стороны пытались ограничиться заказами только тех материалов, в которых нуждались в данный момент времени. Во-вторых, русское командование скрывало от союзников свои проблемы с вооружением и боеприпасами. Этот шаг объясняется тем, что просьбы об оказании помощи в первые месяцы войны могли быть расценены как показатель слабости русской армии. Французы не постеснялись попросить помощи в критический для себя момент в 1914 г., русский генштаб предпочел справляться своими силами. В декабре 1914 г. Жоффри был крайне встревожен сведениями о нехватке в русской армии снарядов и ружей, так как за три месяца до этого его уверяли, что у русских боевые припасы «имеются в каких угодно количествах» [111]. Сведения, передаваемые русской стороной своим союзникам, были далеки от реального положения дел. В воспоминаниях товарища военного министра Лукомского, занимавшегося вопросами снабжения армии, указывается тот факт, что отчеты о запасах боеприпасов в войсках были неточны и не соответствовали даже установленным минимальным запросам [112]. В-третьих, отсутствие взаимодействия между союзниками в вопросах организации закупок у нейтральных стран. Союзники в этих заказах фактически выступали как конкуренты, что приводило к росту цен и взаимным упрекам в Антанте. Все эти просчеты и ошибки стали очевидны лишь к середине 1915 г., когда русская армия в разгар немецкого наступления оказалась без стрелкового оружия и боеприпасов. Правительством России были сделаны соответствующие выводы, были проведены замены в военном руководстве, началось постепенное решение проблем со снабжением русской армии. На пост военного министра был назначен Поливанов, верховным главнокомандующим стал Николай II.

Наиболее остро стоял вопрос обеспечения армии стрелковым вооружением, патронами и снарядами. В ходе отступления русской армии весной-летом 1915 г. большая часть винтовок оказалась потеряна или пришла в негодность. Русское правительство пыталось приобрести винтовки не только у своих союзников — Англии, Франции и Японии, но и в таких странах, как Бразилия и Испания. Особые надежды были связаны

с североамериканским рынком, на котором действовал ряд крупных оружейных компаний. Стоит отдельно упомянуть о миссии французского сенатора Поля Думера в Петроград в декабре 1915 г. Думер предлагал отправить во Францию 400 тыс. русских солдат в обмен на поставку военных материалов, в том числе так необходимых России ружей. Россия не имела возможности отправить такое количество людей, но и отказывать французам было нежелательно. В 1916 г. во Францию были отправлены четыре пехотные бригады, общее число отправленных войск составило 44,2 тыс. человек [113]. Как уже отмечалось выше, русская армия значительно отставала от других стран в создании резерва снарядов в довоенное время. В ходе военных действий нехватка снарядов вылилась в настоящую катастрофу, русская артиллерия вообще осталась без боеприпасов и не могла оказать поддержку своей пехоте. Решать проблему со снарядами оказалось значительно сложнее. Россия испытывала затруднения с производством дистанционных трубок (взрывателей для снарядов), поэтому их поставка из-за границы была обязательным условием обеспечения армии снарядами. Крупные заказы на их производство были размещены в Канаде и США. Для производства снарядов в России велась покупка пороха у фирмы «Дюпон».

При организации поставок военных материалов из-за границы Россия столкнулась с целым рядом препятствий. На ведение продолжительной войны у России средств не было, поэтому военные заказы производились преимущественно за счет английских кредитов. Однако даже имея денежные средства, не всегда удавалось приобрести нужные военные материалы. Русская армия испытывала острую нехватку не только в вооружении и боеприпасах, но и в таких незамысловатых предметах, как сукно, напильники, шанцевый инструмент, колючая проволока и многое другое¹. Для решения возникших трудностей союзное руководство договорилось о создании

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 19. Д. 12. Л. 209–215. Данное дело содержит протоколы Особого совещания по обороне государства с перечнем предполагаемых заказов в США и других странах. Потребности русской армии в 1915 г. были огромны, складывается такое ощущение, что страна совершенно не готовилась к войне.

особых структур — правительственных комитетов, которые должны были координировать действия Антанты в вопросах военных поставок. Подобные комитеты были открыты в Англии, во Франции и в США¹. Несмотря на тот факт, что США были нейтральной страной, огромный американский рынок был весьма привлекателен для всех воюющих держав. Первоначально решить проблему снабжения пытались за счет поставок из Швеции и Норвегии, но рынки этих стран были не способны выполнить огромные русские заказы [114]. Англия и Франция в первые годы войны не могли разместить у себя крупные русские заказы. Французские фирмы занимались обеспечением исключительно своей армии, а английская сухопутная армия находилась в стадии становления и сама нуждалась в иностранных поставках. Именно поэтому американскому рынку предстояло стать основным в решении вопроса обеспечения русской армии. Первоначально американский комитет делал заказы в США самостоятельно, однако ошибки, совершенные главой комитета генералом Сапожниковым, привели к потере самостоятельности данной структуры.

Как уже отмечалось выше, кредиты на осуществление заказов в США выделяли англичане. Между русским и английским правительствами 17 сентября 1915 г. было заключено соглашение о предоставлении займа для самостоятельного осуществления военных заказов Россией. Однако размещать военные заказы на английские кредиты Россия могла в Англии, США, Канаде и Японии, возможность осуществления заказов во Франции исключалась [115]. Англичане кредитовали французов и не желали, чтобы Франция рассчитывалась с Англией английскими же деньгами из русских заказов. Американский рынок считался союзниками по Антанте практически всесильным, способным выполнить любые заказы в максимально короткие сроки. Дальнейший ход событий не оправдал ожиданий ни России, ни ее союзников. Американцы с большой охотой разместили у себя

---

¹ Американский комитет первоначально отличался от английского, французского и японского по своей структуре. Так как США сохраняли нейтралитет в войне, американский комитет формально не существовал, а представлял собой ряд лиц и организаций, занимавшихся приобретением военных материалов.

Трехлинейная пехотная винтовка образца 1891 г. американского производства, рядом — четырехгранный игольчатый штык

русские военные заказы, а столкнувшись с возникшими трудностями, стали винить в них русских. Спецификации вооружения и боеприпасов у России и США были разными, что потребовало полного переоборудования заводов. Стороны винули друг друга, жалуясь английскому правительству на несоблюдение условий контрактов. Американские оружейные компании «Вестингауз» и «Ремингтон», разместившие у себя крупные русские и английские заказы, постоянно выдвигали новые требования и условия, а затем и вовсе отказались выполнять взятые на себя обязательства [116]. С большим трудом английскому правительству удалось уговорить английские фирмы не расторгать заключенные соглашения.

Другой серьезной проблемой стали задержки с поставками уже реализованных заказов — как по американской транспортной сети, так и по морским коммуникациям. Поезда с военными заказами подстраивались под существующий график движения железнодорожного транспорта. США не были на военном положении, и военные грузы без особой спешки доставлялись до портов. В Россию американские грузы доставлялись преимущественно английскими судами, так как русский флот самостоятельно с такими объемами поставок справиться не мог. В итоге русский Добровольческий флот был передан в ведение англичан для координации усилий союзников по перевозкам. Однако коммуникации России не позволяли принять и быстро доставить на фронт приобретенные грузы. Доставка военных

материалов могла быть осуществлена в Архангельск, Мурманск и Владивосток. Портовые сооружения не были приспособлены к приему большого количества грузов, к весне 1916 г. порты были завалены доставленными военными материалами [117]. Архангельск был замерзающим портом, поэтому грузы в него можно было доставлять лишь в период, открытый для судоходства. До Мурманска железная дорога была доведена только к концу 1916 г., до Владивостока движение было односторонним, с многочисленными задержками и пробками. Было подсчитано, что к осени во Владивостоке скопится 200 тыс. т невывезенных материалов. Пропускная способность Сибирской железной дороги исчислялась в лучшем случае в 100 вагонов в сутки, считая вагон по 10 т. Получалось, что порт Владивостока будет окончательно разгружен через 200 дней, «только лишь к осени 1917 г.» [118]. Оружие и боеприпасы, в которых так нуждались русские войска на фронте, пылились в портах или стояли в огромных пробках на железной дороге.

Следует отметить еще один негативный фактор, повлиявший на организацию поставок военных материалов в Россию. Его можно определить не только как мошенничество, но и как «переоценка собственных сил» предпринимателями. На военные заказы в России и других странах выделялись огромные суммы денег, будоражившие умы финансовых дельцов. Они стремились стать посредниками между государством и частными предприятиями, как отечественными, так и иностранными, для получения весомых барышей. Русское военное министерство оказалось «осаждено» различными «предприимчивыми людьми». «Многие из этих лиц стремились получить заказ, получить аванс, а только после этого изыскать способ его выполнить или перепродать кому-либо другому. Были и просто мошенники, старавшиеся сорвать хоть что-нибудь» [119]. Пожалуй, самый громкий скандал был связан с деятельностью Канадской компании, которая получила крупный заказ на производство 5 млн снарядов. Этот заказ был использован в спекулятивных целях для продажи акций компании на бирже, посредники получали по 5% от стоимости каждого произведенного снаряда [120]. После заключения сделки выяснилось, что компания не способна выполнить заказ, что при-

вело к судебным разбирательствам. Англичане были крайне недовольны действиями русско-американского комитета во главе с Сапожниковым. Русский генерал был снят с занимаемой должности, а деятельность американского комитета была подчинена русско-английскому комитету в Лондоне. Канадская компания оказалась под контролем особой комиссии, в которую вошли русские и английские специалисты. Задачей комиссии был контроль над деятельностью Канадской компании по «улучшению методов производства и на такое развитие его, которое обеспечивало бы скорейшую поставку 3 дм патронов» [121]. Несмотря на улучшение работы Канадской компании и увеличение выпуска количества снарядов, заключенный контракт так и не был выполнен. На складе компании произошел грандиозный пожар, уничтоживший все подготовленные к отправке снаряды. В итоге контракт с Канадской компанией был расторгнут в одностороннем порядке, а выдача средств на заключение новых контрактов значительно затруднена. Заключение заказов для России взяла на себя Англия, американский комитет был полностью подчинен английскому.

Размещение контрактов в США начиная с 1916 г. осуществлялось через компанию «Дж. П. Морган и Ко», ставшую посредником между американскими промышленниками и русским правительством. Порядок заключения контрактов был весьма усложнен, так как требовались подтверждения из Лондона и Петрограда. Для заключения контракта в США русской стороной нужно было обратиться к английскому Казначейству, которое должно было дать согласие на выделение средств. Представители Казначейства связывались с компанией «Дж. П. Морган» и давали ей указание на заключение контракта. Лишь после этого шло осуществление заказов и передача военных материалов русской стороне [122]. В качестве вознаграждения Морган получает 2% от стоимости товара, в случае превышения заказом суммы в 1 млн ф. ст. — 1% [123]. Такое положение дел не устраивало Петроград, со вступлением США в войну на стороне Антанты условия заключения контрактов были изменены. Американские контракты стали финансироваться за счет кредитов, выделенных правительством США, а компания «Дж. П. Морган» утратила роль посредника.

Организация поставок из США, Англии и Франции способствовала постепенному улучшению снабжения русской армии. Несмотря на имеющиеся трудности, к концу 1916 — началу 1917 г. наблюдался существенный рост поставок от союзников по Антанте. Реализация большинства крупных контрактов должна была произойти к лету 1917 г., что способствовало бы значительному техническому усилению русской армии. Однако этого так и не произошло, начавшаяся революция привела к падению престижа России на международной арене, к Временному правительству союзники относились очень настороженно. Военные контракты начали сворачиваться или были отменены. Пацифистские настроения в России привели к ее выходу из войны и к резкому ухудшению отношений с бывшими союзниками по Антанте.

К ноябрю 1916 г. более половины винтовок и пулеметов было поставлено союзниками, а также 25% патронов [124]. Англия и США стали основными поставщиками вооружения и боеприпасов в Россию. Из Англии в Россию поставляли тяжелую артиллерию, стрелковое оружие, станки для предприятий, цветные металлы. За годы войны французами в Россию было поставлено 740 орудий, свыше 8 млн 3-дюймовых снарядов, более 800 самолетов [125]. Конечно, объемы поставок союзников могли быть более значительными, однако вышеперечисленные проблемы с транспортной сетью не позволили бы вовремя доставить военные материалы на фронт. Союзники указывали на проблему железнодорожного сообщения в годы войны и добивались скорейшего ее решения [126]. Однако проблема коммуникаций так и не была решена, Россия продолжала находиться в изоляции от своих союзников, неся огромные потери из-за проблем с обеспечением армии.

Рассматривая десятилетний период сотрудничества между странами Антанты, нельзя не отметить позитивного развития отношений между ними. Недоверие и вражда друг к другу сохранялись на протяжении всего времени, тем не менее главы дипломатических служб, руководители государств прилагали массу усилий к созданию прочного союза. Наличие у каждой из стран своих внешнеполитических целей приводило к кризисам Антанты, но этот союз не был разбит, чего так сильно

хотела Германия. В военные годы, несмотря на серьезное экономическое и численное преимущество, Антанта долгое время испытывала проблемы с координацией совместных усилий по борьбе с Германией. Личные амбиции военного руководства союзников не позволяли подчиниться представителю одной из стран. Именно поэтому межсоюзнические конференции затрагивали преимущественно общие вопросы, так и не решив главной проблемы руководства совместными военными действиями. Вопросы со снабжением, несмотря на все указанные трудности, решались вполне успешно. Система снабжения стала создаваться, по сути, лишь с конца 1915 г., и уже через год начались поставки в армию военных материалов. Выход России из войны, а следовательно, и из Антанты наложил свой отпечаток на изучение данной проблемы. Союз России с Англией и Францией рассматривался как ошибка русской дипломатии. Однако указанный союз был неизбежен. Германия не рассматривала Россию как полноценного партнера, и сближение с англо-французской Антантой было лишь делом времени.

ГЛАВА 3

Борьба за союзников на Балканах

К традиционному соперничеству великих держав на Балканах в начале XX в. добавился германский «прорыв» в регионе, а после Балканских войн 1912–1913 гг. — крайнее обострение отношений между государствами Юго-Восточной Европы. В результате войн обрисовались четыре узла противоречий: 1) между Болгарией, с одной стороны, Сербией и Грецией, с другой — по вопросу о разделе Македонии; 2) между Болгарией и Румынией — из-за Южной Добруджи; 3) между Грецией и Турцией — из-за занятых греками островов Эгейского моря, с потерей которых Высокая Порта мириться не желала; 4) младотурки не считали потери в Европе окончательными; им представлялось, что положение можно «исправить» в ходе большой европейской войны [127]. Таким образом, Балканы перед войной воистину представляли собой политический пороховой погреб.

Между тем великодержавная дипломатия обеих противостоящих политических группировок продолжала начавшуюся намного раньше борьбу за вербовку эвентуальных союзников. Преимущества в этой борьбе были на стороне Центральных держав: Антанта была тесно связана с победителями, что крайне затрудняло раздачу обещаний побежденным, мечтавшим о реванше. Противостояние двух блоков придавало особый характер взаимоотношениям между балканскими государствами. Давние противоречия между Сербией и Австро-Венгрией с неизбежностью толкали Сербию в лагерь Антанты. Действи-

тельно, важнейшую поддержку Сербии традиционно оказывала Россия. Несмотря на почти двукратное расширение территории по итогам Балканских войн, Сербия, которую лишили выхода к Адриатике, считала неоконченным процесс создания национального государства. К тому же часть сербов проживала на территории Габсбургской монархии. Совместные действия Сербии, Греции и Румынии во 2-й Балканской войне способствовали сближению этих государств и укреплению в них влияния проантантовских политических сил.

Руководители же побежденных Болгарии и Османской империи прямо предлагали себя Германии. Кабинет «либеральной концентрации» д-ра В. Радославова, придя к власти в июле 1913 г. на волне поражения русофильских партий, стремился найти финансы, чтобы залечить раны, нанесенные стране Балканскими войнами. Летом 1914 г. вопрос о займе был непосредственно связан с вопросом о внешнеполитической ориентации Болгарии в условиях назревавшего конфликта между великими державами. В Петербурге и Париже прекрасно понимали политическое значение займа и всеми силами стремились сорвать его заключение в Берлине. Если не считать отдельных недоразумений, в вопросе о займе правительства России и «европейской старухи-процентщицы» Франции действовали согласованно и единодушно, но все же потерпели поражение. Это объясняется их нерасторопностью и допущенными ошибками. Главная из них заключалась в упорном требовании отстранения либералов от власти как обязательном условии предоставления денег. Кабинет Радославова, крайне нуждаясь в финансах, готов был их получить в любом месте и на любых условиях. Россия и Франция, отказывая в займе правительству «либеральной концентрации», тем самым играли Радославову на руку, помогая ему оправдывать обращение за деньгами в Берлин. После сложных политических баталий 12 июля 1914 г. софийские власти взяли у консорциума, в котором главную роль играл берлинский банк *Disconto-Gesellschaft*, Пятипроцентный заем 500 млн золотых франков со сроком погашения 50 лет. Взамен кредиторы получали право на постройку железной дороги, которая должна была соединить центр страны с районом табачных плантаций в Западной Фракии и с побережьем Эгейского

моря. Кроме того, кредиторы приобрели концессию на эксплуатацию единственных в стране каменноугольных копей в Пернике и Бобов-Доле [128]. Так создавались необходимые экономические предпосылки для ориентации Болгарии на Центральные державы.

В отношении же Османской империи официальный Берлин делал ставку на безраздельную гегемонию, прежде всего в военной сфере. Пригласив в конце 1913 г. в Стамбул новую германскую военную миссию во главе с генералом О. Лиманом фон Сандерсом, младотурецкие деятели дали в руки германских милитаристов могущественный рычаг вмешательства во внутренние дела страны и воздействия на ее внешнюю политику. Немецкие офицеры находились на ключевых должностях в командовании войсками, в Генштабе и в военном министерстве. Фактически являясь командующим всей османской армией, германский генерал отодвигал для России на неопределенное время какие-либо перспективы завладеть Стамбулом и Проливами [129]. В докладной записке Николаю II от 23 ноября 1913 г. глава российской дипломатии С.Д. Сазонов писал: «Проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение всего экономического развития юга России этому государству... Тот, кто завладеет Проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного, он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах» [130].

Упорное сопротивление российского правительства установлению германского военного контроля над Турцией вызвало зимой 1913/1914 г. острый конфликт между Германией и Россией [131]. Жесткая полемика, сопровождавшаяся враждебными выпадами прессы в обеих странах, закончилась компромиссом. В январе 1914 г. Лиман фон Сандерс был освобожден от командования 1-м османским корпусом, дислоцированным в столице, и занял пост генерального инспектора всей турецкой армии. Против такого назначения Россия не могла возражать, так как британский адмирал уже командовал османским флотом, а француз — жандармерией. Новый статус Лимана фактически не ограничивал его функции высшего начальника турецкой армии. Имперская канцелярия в Берлине

свою уступку России обосновывала тем, что военное влияние Германии на турецкую армию должно быть подчинено более важной цели установления политического контроля над Османской империей, чтобы во время ожидаемого столкновения с Россией иметь турок своими союзниками. Конфликт из-за миссии Лимана фон Сандерса оказался едва ли не первым российско-германским столкновением, причем в районе Черноморских проливов, являвшихся объектом наибольшей геополитической и экономической заинтересованности России. Кажущаяся уступчивость с германской стороны, на первый взгляд, вроде бы предотвратила немедленное наступление мировой войны, но, по существу, не удовлетворила ни Россию, ни особенно Францию. Всю первую половину 1914 г. Петербург собирался с силами, чтобы сделать более эффективным свое давление на германские позиции в Стамбуле, а для французов занятие германским генералом поста инспектора турецкой армии означало окончательное отстранение оружейного концерна «Шнейдер-Крезю» от строительства укреплений на Босфоре и поставок вооружения для османской армии [132].

С Турцией в эти последние предвоенные месяцы самым непосредственным образом был связан еще один вопрос, вызывавший трения и соперничество между великими державами. Это касалось статуса Эгейских островов, греческий суверенитет над которыми турки отказывались признавать. Поэтому в соответствии с 5-м пунктом Лондонского договора 1913 г. судьба островов передавалась на суд великих держав. Но среди них самих существовали серьезные разногласия по данной проблеме. Великобритания и Франция, пытавшиеся помешать превращению временной итальянской оккупации Додеканеса в постоянную, что угрожало их интересам в Восточном Средиземноморье, а также обеспокоенные усилением германского влияния в Болгарии и Турции, предложили передать грекам все острова, включая Додеканес. Россия же была против передачи Греции тех островов, которые прикрывали выход из Дарданелл. В Петербурге опасались, что Греция и ее покровители смогут в любой момент закрыть Черноморские проливы, создав угрозу для южной торговли Российской империи [133]. Кроме того, Сазонов полагал, что не стоит поощрять Грецию, так как она

все равно перейдет на сторону Тройственного союза при новом короле Константине I — выпускнике Берлинской военной академии, служившем потом в прусской гвардии, женатом на сестре кайзера Вильгельма II и получившем от него чин фельдмаршала [134].

Сам же кайзер предпринял в апреле 1914 г. попытку содействовать заключению греко-турецкого соглашения по вопросу островов. Она очень быстро закончилась провалом из-за несговорчивости обоих правительств, особенно османского, которое соглашалось пойти на переговоры лишь при условии восстановления турецкого сюзеренитета над островами. Местная автономия островов была единственной уступкой Турции, на что Греция не соглашалась. Кайзер в сердцах воскликнул: «Я не намерен сносить этого более. Если турки собираются воевать с Грецией из-за островов, я отзываю официальную миссию», имея в виду пресловутую миссию Лимана фон Сандерса [135]. Германской политике мешали все возрастающие гонения на греческое население Малой Азии и Фракии. Тысячи греческих беженцев, спасаясь от преследований, прибывали в Македонию. Навстречу им шел поток турок-мусульман, подвергавшихся преследованиям в Греции.

К концу весны 1914 г. греко-турецкие отношения настолько ухудшились, что возникла угроза войны, которая, как понимали все державы, не сохранила бы надолго чисто балканский характер. Учитывая это, страны Антанты решили вмешаться в греко-турецкий конфликт. Особую активность в его урегулировании проявили британцы. Они беспокоились, что Османская империя в качестве оборонительной меры закроет Проливы, чем нарушит коммуникации с Россией и нанесет значительный ущерб британской торговле. При «добрых услугах» англичан в конце июля 1914 г. в Брюсселе должны были начаться греко-турецкие переговоры, однако вспыхнувшая 28 июля австро-сербская война помешала данному событию. После этого британцы окончательно сделали ставку в Греции на лидера либеральной партии Э. Венизелоса, олицетворявшего к тому времени для греков идею национального единства. Будучи с 1910 г. премьер-министром, он давно уже симпатизировал Антанте и рассматривался ею как реальный противо-

*Константин I, король
Греции из династии
Глюксбургов*

вес монарху-германофилу. Для политической жизни Греции постепенно стала характерной поляризация — формирование двух соперничавших лагерей, для которых имена Венизелоса и Константина стали своеобразными знаменами [136].

Несмотря на всю дипломатическую подготовку, к началу войны Греция, а также Болгария и Румыния не примкнули твердо к какому-либо лагерю. Вплоть до конца июля 1914 г. окончательного выбора не сделали и младотурки. Передача Великобританией туркам двух уже оплаченных и почти построенных дредноутов была бы шансом сохранить для турецкого правительства нейтралитет в стоявшей на пороге мировой войне. Но 28 июля 1-й лорд Адмиралтейства У. Черчилль реквизирует оба броненосца для британского королевского флота. Некоторые современники даже поверхностно полагали, что именно гнев и разочарование, вызванные этим поступком, опрокинули чашу весов, вызвали взрыв антибританских чувств, массовые демонстрации в Стамбуле и в конечном счете переход турок на сторону Тройственного союза [137]. 2 августа, формально объявив о «строгом нейтралитете», Османская

империя заключила с Германией секретный договор о союзе. Он фактически представлял собой нечто вроде военной конвенции. В соответствии с ним Турция должна была вступить в войну на стороне Германии без всякой гарантии будущих османских приобретений¹. Но еще целых три месяца младотурки распускали густую завесу лжи над своими замыслами, форсируя тем временем военные приготовления. 29 октября их корабли бомбардировали черноморские порты России. 2 ноября Россия, Великобритания и Франция объявили о состоянии войны с Османской империей.

Сходной двуличной тактики придерживалось и болгарское правительство. 24 июля 1914 г., узнав содержание австро-венгерского ультиматума Сербии, Радославов воскликнул: «Это большое счастье для Болгарии!» [139]. Он полагал, что победа Габсбургской монархии над Сербией вернет болгарам Македонию без борьбы. А уже в августе официозная печать открыто превозносила Австро-Венгрию и доказывала, что она и Болгария имеют одинаковые интересы на Балканах и должны вести совместную политику. Целью этой политики открыто провозглашался разгром общего врага — Сербии и установление болгарской гегемонии на Балканах. 1 августа, когда австро-сербский конфликт начал перерастать в европейский, а система международных отношений на Балканах, созданная Бухарестским миром, развалилась, Радославов выступил в Народном собрании, зачитав декларацию о внешней политике Болгарии и ее отношении к войне. Провозгласив сохранение строгого нейтралитета во время войны, он подчеркнул: «Мы не являемся в данный момент чьими-либо агентами и будем продолжать политику, отвечающую болгарским интересам». Но это заявление было сделано, что называется, на публику. Царь Фердинанд и Радославов в тот же день активизировали свои тайные дипломатические усилия, показав на деле, как именно они понимают болгарские интересы. Фердинанд в письме к австро-венгерскому монарху Францу Иосифу написал: «Я счастлив, что высшие интересы моей страны совпадут

---

¹ Текст договора см.: Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkriegs / Hrsg. W. Bihl. Darmstadt, 1991. S. 51–52. Сокр. рус. перевод см.: [138].

с интересами Вашего Величества»¹. На следующий день, 2 августа, с согласия царя Радославов сделал Германии и Австро-Венгрии предложение о военно-политическом союзе, представив проект соответствующего договора. Это предложение было пронизано идеей реванша в отношении Сербии. Взамен болгарское правительство требовало от Центральных держав гарантий неприкосновенности границ Болгарии и поддержки ее стремлений приобрести в будущем территории, на которые она имеет неоспоримые «этнографические и исторические права» [141].

Наличие указанного меморандума позволило ряду болгарских историков утверждать, что вопрос о присоединении Болгарии к блоку Центральных держав был предreshен уже в первые дни войны. По их убеждению, только военные и дипломатические неудачи австро-германского блока в 1914 г. задержали формальное закрепление этого акта. Однако дальнейшие перипетии дипломатической борьбы за Болгарию между обеими воюющими группировками скорее доказывают правоту другой точки зрения, впервые высказанной Ф.И. Нотовичем. Он утверждал, что в начале мировой войны «Болгария... стремилась возратить себе все потерянные территории и готова была ориентировать свою внешнюю политику на любую великую державу или группировку держав, которая поможет ей осуществить свои требования» [142]. Сам же Радославов писал позже в мемуарах: «Австро-Венгрия не была уверена в позиции Болгарии, дела в которой после объявления войны могли принять нежелательный оборот, если бы только Сербия захотела удовлетворить болгарские претензии в Македонии» [143]. Не скрывал глава кабинета своих притязаний на Македонию и от дипломатов Антанты.

В самый последний момент Фердинанд и Радославов отказались подписать союзный договор с Центральными державами. В значительной степени это было обусловлено провалом австро-германской дипломатии в деле вовлечения в войну на

---

¹ Цит. по: [140]. Весьма показательно, что и Франц Иосиф в письме к Вильгельму II от 4 июля 1914 г. призывал к укреплению положения правительства Радославова, «чьи реальные интересы совпадают с нашими» (ÖUA. S. 250–252).

своей стороне Греции и союзной Румынии. Не имея гарантий благожелательного для Болгарии нейтралитета этих двух стран, софийские правители не рискнули напасть на Сербию.

По меткому выражению Сазонова, с самого начала мировой войны в Европе сформировалось три блока государств: «triple alliance, triple entente et triple attente» (то есть Тройственный союз, Тройственное согласие и Тройственное ожидание). К последней «тройке» он относил Италию, Румынию и Болгарию [144]. Эти три государства, союзоспособность которых была довольно велика, не торопились присоединиться ни к одной из двух противоборствующих группировок. Сохраняя нейтралитет, они внимательно следили за ходом военных действий и выжидали, на чью сторону склонится окончательная победа. Руководители болгарской внешней политики до осени 1915 г., а румынской — до лета 1916 г., ведя торг с обоими воевавшими блоками, проводили в жизнь так называемую дипломатию вращающейся двери, которая впускала одних участников переговоров в то время, когда другие выходили [145]. В планах великих держав Болгария и Румыния были вынуждены искать локальную проекцию на свои национально-государственные интересы. Однако разница заключалась в том, что румынские руководители во главе с премьер-министром И. Брэтиану, ведя войну нервов с дипломатиями обеих враждующих коалиций [146], все-таки дождались своего часа и, воодушевленные успехами российской армии в ходе знаменитого Брусиловского прорыва, сделали правильный выбор. Примкнув к Антанте 17 августа 1916 г. несмотря на все временные неудачи, они в конце концов оказались в стане победителей. В отличие от них, болгарский царь и члены кабинета Радославова ждать не умели. Летом 1915 г. они были введены в заблуждение временными успехами германского оружия, которые сочли предвестниками скорой и окончательной победы Центральных держав. Не желая больше выжидать, опасаясь опоздать к дележу «балканского пирога», софийские стратеги сделали судьбоносный выбор и 6 сентября заключили военно-политический союз с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Характеризуя последствия этого выбора для Болгарии, можно только привести приписываемые Шарлю Морису Талейрану слова: «Это хуже, чем преступление, это ошибка!»

В отличие от правительства Брэтиану, кабинет Радославова пренебрег собиранием точной, полной и объективной информации о состоянии экономики, человеческих ресурсов и военных потенциалов воюющих группировок. Ведь даже обыкновенное арифметическое сравнение данных показало бы неоспоримое преимущество Антанты. Одной из главных причин неудачного для Согласия исхода дипломатической битвы за Болгарию, вошедшей в историю под названием «болгарского лета» 1915 г., было упорное нежелание сербского и греческого правительств пойти на уступки болгарам в Македонии, несмотря на давление, оказываемое на них великими державами Антанты. Но Сербия, которую царь и Радославов считали для Болгарии врагом номер один, к моменту принятия окончательного решения болгарским правительством прочно связала свою судьбу с державами Антанты и уже более года воевала на их стороне. Это соображение, безусловно, делало еще более узким коридор, в котором находились Фердинанд и Радославов в момент решающего выбора. И в этом коридоре для Болгарии в конце лета 1915 г. оставались открытыми две двери. Одна из них была распахнута настежь. На ней висела табличка с надписью «Тройственный союз». Из-за порога, переступить который царя и Радославова усиленно зазывали, до их ушей доносился ласкавший слух журчащий плеск вардарских волн. Вторая дверь с табличкой «строгий нейтралитет» вела в другой коридор, еще более узкий, длинный, извилистый и темный, конца которому не было видно. К тому же никто не знал, куда ведет этот коридор и что ожидает Болгарию в конце его. Уже после войны Иштван Буриан, сменивший в 1915 г. Берхтольда на посту министра иностранных дел Австро-Венгрии, писал: «Если бы Болгария осталась нейтральной, ей пришлось бы отказаться от своей национальной программы. Ей было суждено идти только с нами» [147].

Что ж, определенная доля истины в этом утверждении есть, по крайней мере в первой его части. Отказаться от пестовавшегося десятилетиями сан-стефанского идеала, то есть создания «Великой Болгарии» в границах, предусмотренных еще в марте 1878 г., было больно. Но ведь не даром говорят, что политика — это искусство возможного, а достижение такого

идеала являлось целью неосуществимой. При любом исходе войны, даже победоносном для Центральной коалиции, рассчитывать на установление сан-стефанских границ Болгария не могла именно из-за многонаправленности своих территориальных претензий. Беда заключалась в том, что царь Фердинанд и Радославов не могли, да и не хотели осознать реальность этого неприятного для себя факта, предпочитая гоняться за сан-стефанским миражом. Грей, который столь же страстно увлекался орнитологией, как и болгарский царь, выразился по этому поводу очень образно: «Предлагаемая нами птица была не только мельче и менее аппетитна, но и удалялась все глубже в дебри. Птица, предлагаемая Германией, была не только ярче и крупнее, она как будто только и ждала, чтобы ее схватили» [148]. Можно говорить о своеобразном историческом парадоксе. Он заключался в том, что «те державы, которым Болгария могла эффективно помочь, обещали меньше, чем те, которым ее помощь приносила только временную выгоду. То, что это «меньше» было «вернее», никто из тогдашнего болгарского германофильского руководства не увидел» [149]. На наш взгляд, в начале осени 1915 г. возможности дальнейшего маневрирования на базе нейтралитета для Болгарии еще не были исчерпаны. К тому же и общее военно-стратегическое положение Болгарии в сентябре-октябре 1915 г. было таково, что, оставаясь нейтральной, она ни в коей мере не рисковала стать страной, оккупированной войсками той или иной воюющей коалиции. Тогда ей еще не грозила будущая участь Греции, высадка английско-французских войск в которой в том же октябре 1915 г. попросту вовлекла эту страну постепенно в войну на стороне антантовского блока, предопределив сам внешнеполитический выбор греческих правящих кругов [150].

Греческий казус стал, пожалуй, единственным исключением в истории дипломатической борьбы великих держав в годы Первой мировой войны за привлечение малых балканских стран в качестве союзников. Современная российская историческая наука склоняется к точке зрения, что в этой борьбе «не всегда великие державы были ведущими, а малые — ведомыми, зачастую инициатива исходила от последних, они же

создавали конфликтные ситуации, учитывая общую напряженность в континентальном и глобальном масштабах» [151]. Стремление к экспансии и гегемонии было присуще и «великим», и «малым» державам, разумеется, в соответствии с их возможностями. Как до начала войны, так и в ходе ее столкновения держав на Балканах сочетались здесь с соперничеством молодых национальных государств, со стремлением правящих кругов отдельных стран достичь преобладания на полуострове, потеснить соседей и занять первое место под балканским солнцем...

ГЛАВА 4

«Все немцы — под властью кайзера»: вопросы политического союза и военного взаимодействия Германии и Австро-Венгрии

Германия в начале XX в. была не только передовой индустриальной державой, но, очень сильно идеологизированным государством. Внешнеполитические принципы Бисмарка были забыты. Жизнь империи и ее внешняя политика определялись тремя основными принципами: культ кайзера (императора), пангерманизм и культ армии.

Пангерманизм возник в начале XIX в. как культурно-политическое движение, в основе которого лежала идея политического единства германской нации на основе этнической, языковой и культурной идентичности. После создания Германской империи идеология пангерманизма стала перенимать идеи социал-дарвинизма. Так возникла идея превосходства германской нации, причем не только над «дикарями» Африки или Юго-Восточной Азии, но и над европейскими народами — славянами, романцами (французами). Эти идеи впоследствии послужили основой для идеологии третьего рейха. Казалось, что успехи Германии в экономике, науке, военном деле, образовании только подтверждают этот факт.

Как писал Йорг Ланц фон Либенфельс (1874–1954), австрийский публицист и журналист: «Великие правители, сильные воины, вдохновленные Богом священники, красноречивые певцы, мудрецы с ясным умом возникли из Германии, священной древней земли богов, вновь посадивших на цепи содомских обезьян, церковь святого духа и священного Грааля поднимется вновь, и земля станет «островом счастья». Он в 1904 г. опубликовал книгу «Теозоология», в которой восхвалял «арийскую расу» (германцев) как «народ бога» и предлагал стерилизацию больных и представителей «низших рас», а также ввести рабский труд «кастрированных неприкасаемых». Ланц считал, что необходимо создать мировую систему с «расовым разделением», которая позволит «ариохристианским владыкам» править «темнокожими зверолоудьми». Его работы были основаны еще на библейском фундаменте, без неоязыческих нововведений.

Официально считалось, что германскому народу принадлежит право на ведущую роль в мире. А война для империи — это способ занять достойное место под солнцем, аналог естественного отбора в человеческой популяции. Кайзер был согласен с идеей глобального лидерства Германии. Его мировые претензии были поддержаны адмиралом Альфредом фон Тирпицем (1849–1930), выдающимся военно-морским деятелем Германии. Он был сторонником создания германского «мирового флота» («план Тирпица»), который должен был в 2 раза превзойти британский флот и помочь вытеснить ее (Британию) из мировой торговли, взять под контроль основные морские пути и стратегические пункты планеты. Все сословия Германии поддержали эту идею, в том числе и социал-демократы, так как это гарантировало населению множество рабочих мест и сравнительно высокую зарплату.

В итоге в немецкой военно-политической элите сформировался план «Великой Германии» («Срединной Европы»). Этот план был выражен в работах географа Й. Парча (1906) и публициста Ф. Наумана (1915). Под властью Берлина должны были оказаться не только Германия, но и Австрия, Венгрия, Польша, Словакия, Чехия, Швейцария, российская Прибалтика, часть Франции (северо-восток). Под влияние «Великой Германии» подпадали родственная Скандинавия, Балканский полуостров,

Малая Азия, Италия, Бельгия и Голландия. Фридрих Науман, по аналогии со Священной Римской империей, считал, что Германская империя должна занимать господствующие позиции в Центральной Европе: «Срединная Европа будет иметь германское ядро, будет добровольно использовать немецкий язык». По его мнению, малые страны не способны выжить без союза с великими державами, поэтому должны присоединиться к «германскому ядру». У конфедерации должна быть общая оборонная политика и экономическая стратегия на основе формирования общего рынка Центральной Европы.

Кроме того, «Великая Германия» («Срединная Европа») должна была соединяться с «Германской Центральной Африкой», куда должны были войти Германская Восточная Африка, Германская Юго-Западная Африка и бывшие колонии французов, бельгийцев, португальцев, часть британской Африки. В Китае владения Германии и сфера ее влияния должны были значительно возрасти. В Южной Америке, в противовес влиянию Соединенных Штатов, должны были появиться мощные немецкие общины (в Бразилии, Аргентине и других странах).

Россия в этих планах была врагом Германии, от нее планировали оторвать Прибалтику, Польшу, Финляндию. Определенные планы были на «обустройство» малороссийских губерний, Крыма, Кавказа. Генерал П. Рорбах в работах «Немецкая идея в мире» и «Война и германская политика» утверждал: «Русское колоссальное государство со 170 млн населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности».

1 августа 1914 г. толпа, собравшаяся на Одеонплатц в Мюнхене, приветствовала объявление мобилизации. В этой толпе был Адольф Гитлер, который позже признавал, что он не был смущен тем, что пошел за настроениями толпы. Он писал: «...я упал на колени и благодарил небеса от чистого сердца за честь жить в это время». В Берлине кайзер появился на балконе перед огромной толпой. Одетый в серую полевую форму, он заявил: «Германии выпал судьбоносный час. Завистники со всех сторон окружили нас, и мы вынуждены обороняться. Нас вынудили взяться за меч, и теперь я приказываю вам всем идти в церковь, упасть на колени перед богом и просить его помочь

Сборочный пункт в Берлине. Лето 1914 г.

нашей мужественной армии». Только за период со 2 по 18 августа по одному лишь мосту Гогенцоллернов прошло не менее 2150 составов по 54 вагона в каждом, наполненных добровольцами. Немецкий народ приветствовал начало войны как новую страницу в истории Германской империи и был уверен в скорой победе. Не последнюю роль в таком патриотическом настрое сыграл пангерманизм, который вышел за рамки уличных лозунгов и газетных статей и стал единственной идеологией Германии. Тезисы превосходства немецкого народа четко прослеживаются при рассмотрении деятельности немецкого генерального штаба и их планов на войну.

Уже в 1894 г., после того как Франция и Россия стали союзниками, Германия столкнулась с ситуацией, когда вооруженный конфликт с одной из этих двух держав автоматически приводил к войне с другой. Немецкий генштаб также осознал, что не сможет победить в длительной войне против обеих стран. В этой связи при разработке плана войны германский генеральный штаб исходил из необходимости избежать одновременного ве-

дения ее на двух фронтах — против России и против Франции. Основным же вопросом стратегии кайзеровский генеральный штаб считал правильный выбор направления первого и решающего удара. Поскольку противники вместе были гораздо сильнее Германии, вести наступление на двух фронтах она не могла [152]. Однако несложно заметить, что ряд немецких военачальников игнорировал этот факт. В их взглядах и рассуждениях четко просматриваются черты пангерманизма. Причем порой убежденность в непобедимости немецкой армии была на грани фанатичной веры в бессмертие собственных солдат. Среди военных теоретиков Германии в этой связи необходимо выделить генерал-фельдмаршала Хельмута Карла Бернхард фон Мольтке. В период с 1871 по 1879 г., когда Германия находилась на пике своей военной мощи в Европе, Мольтке был убежден, что немецкая армия будет способна вести наступление одновременно против обоих вероятных противников. Данный тезис активно тиражировался не только в газетах, но и в документах генерального штаба Германской империи и стал в некотором роде основой для пропаганды милитаризма и пангерманизма в обществе. Лишь после того, как Франции удалось быстро восстановить свои силы, а Русско-турецкая война 1877–1878 гг. показала медлительность русской мобилизации, взгляды Мольтке были частично пересмотрены. Возникла новая идея плана войны — разгром противников по очереди. При этом приоритет отдавался удару по Франции, чтобы быстро вынудить ее капитулировать, пока Россия будет проводить мобилизацию, и только после этого при поддержке войск Австро-Венгрии ударить по Российской империи и разгромить ее.

Дальнейшее усиление французской военной мощи и особенно возведение Францией сильных крепостей на ее восточной границе вызвало у творцов германского плана войны сомнения в возможности добиться быстрой победы над французской армией, численно почти сравнявшейся с германской. Немецкие военачальники начали склоняться к мысли, что гораздо более эффективным будет перенести направление главного удара на восток — против России. Для временной обороны против Франции на участке границы в 270 км между Бельгией и Швейцарией планировалось выделить лишь половину сил,

опиравшихся на крепости Мец и Страсбург. Этот план стал еще более заманчивым после заключения в 1879 г. союза с Австро-Венгрией, что дало немецким военачальникам право рассчитывать на действенную помощь со стороны австро-венгерской армии [153].

С течением времени условия мобилизации и развертывания французской армии настолько улучшились, что она уже упреждала в этом германскую армию. Из двух вероятных противников Франция стала более опасным. Ее войска можно было ожидать на германской границе гораздо раньше, чем русские, на завершение мобилизации и сосредоточение которых, по расчетам германского генерального штаба, требовалось не менее 40 дней. За это время немцы рассчитывали закончить войну во Франции, а затем бросить все силы против России. Поэтому в августе 1892 г. новый начальник германского генерального штаба генерал-фельдмаршал Альфред фон Шлиффен, сменивший в 1891 г. на этом посту генерала Вальдерзее, считал, что в случае войны на два фронта приоритетом должен стать быстрый разгром Франции. С этой целью Шлиффен предлагал развернуть главные силы на Западном фронте, а на востоке ограничиться небольшой группировкой, которая сдерживала бы Россию до капитуляции Парижа [154]. Это стратегическое решение было положено в основу нового плана войны, по которому Германия и развернула свои силы в 1914 г. Усиление обороны на французской границе от Вердена до Бельфора германское командование рассчитывало обойти правым крылом севернее Вердена и разгромить врага ударом во фланг. План 1898 г. предусматривал направление обхода через Люксембург и Южную Бельгию [155]. Именно этот замысел и лег в основу разработки немецкого плана войны на Западном фронте. Окончательно он был закреплен в знаменитом меморандуме 1905 г. «Война против Франции», известном также как «план Шлиффена». Масштабный охват планировалось осуществить западнее Парижа для того, чтобы заставить французскую армию отступить к ее восточной границе, и стремительно разгромить совместными усилиями с другими немецкими группировками, заблаговременно развернувшимися в данном районе. При этом ставка делалась на скорость, и по расчетам немецкого

A handwritten signature in cursive script, reading "Alfred von Schlieffen". The signature is written in dark ink on a light background.

Альфред фон Шлиффен

командования боевые действия на Западном фронте должны были занять не более 6–8 недель. После капитуляции Франции все силы должны были быть переброшены на восток и сосредоточиться на разгроме России [156].

Красной линией в плане Шлиффена проходила доктрина «блицкрига». Она наглядно иллюстрирует характерные особенности политики и стратегии германского империализма и пангерманизма — слепая вера в превосходство немецкого оружия, переоценка собственных сил и недооценка потенциальных возможностей вероятных противников. Шлиффен не придавал серьезного значения английской помощи Франции, полагая, что Лондон ограничится посылкой на континент небольшого экспедиционного корпуса, который без особых усилий будет разгромлен превосходящими силами правофланговых германских армий. Еще более существенный просчет допускался германским генеральным штабом относительно боеспособности русской армии. Немецкие военачальники и военные теоретики того времени, анализируя результаты Русско-японской войны, утверждали, что русские вооруженные

силы серьезно ослаблены и не смогут оказать существенную поддержку Франции после начала немецкого наступления. Те немногочисленные силы, которые Россия сможет бросить на помощь своему союзнику, по мнению немецких военных кругов, должны будут легко сдерживаться развернутой на Восточном фронте небольшой группировкой германских войск. В то время как Германия будет сосредоточена на выводе Франции из войны, русские будут проводить мобилизационные мероприятия, которые не будут завершены к моменту перехода восточных немецких сил в наступление. Кроме того, Марокканский кризис 1905 г. убедил германский генеральный штаб в мысли, что в данный момент войну против Франции можно осуществить без вооруженного конфликта с Россией. И хотя в последующие годы военно-политическое положение Германии ухудшилось, а перспектива войны одновременно на два фронта становилась все более неизбежной, Шлиффен продолжал требовать от германского генерального штаба неукоснительно придерживаться этого плана и вносить в него как можно меньше корректив. Идеи, изложенные в меморандуме «Война против Франции», стали своего рода «завещанием» Шлиффена перед его уходом в отставку с поста начальника генерального штаба и продолжали оставаться основой всех последующих планов стратегического развертывания, ибо сама концепция «молниеносной войны» наиболее полно отвечала агрессивным амбициям пангерманистского Берлина.

Вступивший после Шлиффена в должность начальника генерального штаба генерал-полковник Хельмут Иоганн Людвиг фон Мольтке (Мольтке-младший) поддерживал стратегическую идею своего предшественника о широком охватывающем маневре правого крыла. С 1908 г. он планировал следующее распределение сил: в районе Меца и севернее от него до Крефельда на фронте в 190 км развертывались в 5 армиях (1, 2, 3, 4, 5-я) 17 армейских и 9 резервных корпусов, 11 кавалерийских дивизий и 17 ландверных бригад. В Эльзасе и Лотарингии от Меца до швейцарской границы на фронте около 200 км развертывались в 2 армиях (6-й и 7-й) 6 армейских и 2 резервных корпуса, не считая гарнизонов крепостей Меца и Страсбурга, и 3 кавалерийские дивизии [157]. Их основной задачей было

удержать Эльзас и Лотарингию, не давая французам прорваться к ним, и активными действиями сковать как можно больше войск противника. Такое отвлечение сил должно было существенно облегчить действия сил на главном направлении и обеспечить беспрепятственное проникновение вглубь обороны противника. С этой целью в Восточную Пруссию была назначена 8-я армия в составе 3 армейских и 1 резервного корпусов, 1 резервной дивизии (всего 9 полевых и резервных дивизий), 1 ландверной дивизии и 2 ландверных бригад, 1 кавалерийской дивизии и некоторого количества крепостных гарнизонов (в общей сложности до 2,5 дивизии). Один ландверный корпус развертывался в Силезии для связи с австро-венгерской армией (он был подчинен 8-й армии) [157].

Существенным моментом при оценке немецкой стратегии является ее расчет на свою союзницу — Австро-Венгрию. Германский генеральный штаб рассчитывал на помощь австрийцев в сдерживании русских сил на востоке и на их участие в дальнейшем разгроме России. Кроме того, планировалось, что на их стороне выступит и Румыния, которая в 1883 г. заключила на этот счет тайную конвенцию с Австро-Венгрией. В этой связи германский генеральный штаб планировал развернуть в Восточной Пруссии незначительную группировку немецких сил, усиленную австрийскими и румынскими войсками общей численностью не более 25–30 корпусов. Однако необходимо заметить, что в войне против Франции Берлин рассчитывал задействовать 34 корпуса.

В указаниях для развертывания на 1914/15 мобилизационный год оперативный замысел германского генерального штаба был выражен следующим образом: «Главные силы германских войск должны наступать во Францию через Бельгию и Люксембург. Их наступательный марш задуман в соответствии с имеющимися данными о французском развертывании как захождение при удержании оси вращения Диденгофен — Мец. При развитии захождения руководящим является правый фланг германских войск. Движение армий на внутреннем фланге рассчитывается так, чтобы не было потеряно взаимодействие армий и стык с Диденгофен — Мец. Защиту левого фланга главных сил германских войск, кроме крепостей Диден-

гофен, Мец, должны взять на себя и части, развертывающиеся юго-восточнее Меца» [158].

При разработке планов войны немецкое военное руководство делало ставку на сухопутные боевые действия, принимая ценность военно-морского флота. Стратегический план борьбы на море, составленный морским генеральным штабом, не был согласован с борьбой на суше и имел второстепенный характер.

Причины переоценки немецким генеральным штабом возможностей германской армии и недооценки противника кроются отнюдь не в реальном соотношении сил и средств, а в господствующей политике пангерманизма. Милитаристские и националистические настроения, популярные в то время в Германии, декларировали превосходство германской нации над другими народами. Это заставляло немецкие военные круги считать, что качество подготовки и оснащения германских солдат выше, чем их противников, а германская армия лучше организована и подготовлена. Фактически выстраивался обманчивый образ бессмертного немецкого воина-победителя, базировавшийся на победах Берлина в войнах второй половины XIX столетия. Так, в памятной записке в конце ноября 1911 г. начальник германского генерального штаба Мольтке свой расчет на успех строил на том, что германский народ «в назначенной ему войне единодушно и с воодушевлением возьмется за оружие», а «призыв к оружию всей нации, ее боеспособность, отвага, самопожертвование, дисциплинированность, искусство управления должны расцениваться выше голых цифр» [159].

Несмотря на самоуверенную риторику, в действительности Германия не располагала силами, достаточными для обеспечения превосходства и стремительного разгрома Франции. Вопреки ставке на «блицкриг», основу немецкой армии составляла маломобильная пехота, не способная превзойти французов в скорости. Германия не могла совершить охватывающий маневр запланированного масштаба, а Франция имела все возможности избежать охвата и ударов по флангам. Это было наглядно продемонстрировано в начале войны во время так называемого бегства к морю.

Вместе с тем упор на быстротечность войны был вполне оправдан тем, что Германия не имела достаточного запаса ресурсов для ведения длительных боевых действий. Находясь в сильной зависимости от ввоза сырья для промышленности и продовольствия, Берлин понимал, что чем дольше продлится война, тем сильнее будет затруднен ввоз. Кроме того, создавалась угроза для сельского хозяйства, что грозило существенными продовольственными трудностями. «Возможность продолжительной европейской войны... — указывает Х. Риттер, — начисто отрицалась начальником генерального штаба по причинам экономического характера». Также в случае затяжной войны противник имел возможности наращивать свое превосходство в живой силе и вооружении, чего не могла себе позволить Германия [160]. Немецкие военачальники сходились во мнении, что для них единственно возможный путь к победе — это стремительный разгром противника быстрым и решительным наступлением.

По этим причинам германский генеральный штаб был вынужден пойти на риск и осуществлять планирование будущего конфликта из расчета на его быстрое окончание. Во время встречи с австрийским начальником генерального штаба генерал-фельдмаршалом Францом Конрадом фон Хетцендорфом в Карлсбаде 12 мая 1914 г. Мольтке сказал, что надеется «справиться с Францией через шесть недель после начала операции» [161].

Схожим образом думали и немецкие флотоводцы. Морской генеральный штаб Германии, разрабатывая план войны на Северном море, рассчитывал, что английский флот ограничится ближней блокадой германского побережья. Тогда немецкий флот мог бы путем «малой войны» ослабить силы противника и уничтожить их одним генеральным сражением. В основе плана войны на море лежал оперативный приказ морского генерального штаба от имени кайзера (верховного главнокомандующего) командующему «Флотом открытого моря», в котором указывалось:

«1. Целью операций должно быть: ослабить английский флот наступательными операциями против сторожевых и блокирующих Германскую бухту сил, а также применяя минные

заграждения и, если возможно, подводные лодки вплоть до английских берегов.

2. Когда вследствие таких операций будет достигнуто уравнение сил, по готовности и сборе всех сил должно попытаться ввести наш флот в бой при благоприятных обстоятельствах. Если благоприятный к бою случай представится раньше, то он должен быть использован.

3. Война против торговли должна вестись согласно призыву праву... Предназначенные для войны против торговли вне отечественных вод суда должны выйти как можно раньше» [162].

В отличие от плана войны на суше, где с самого начала предполагалось вести решительное наступление против Франции, германский морской план фактически обрекал флот на пассивные действия. Немцы опасались потерь в корабельном составе. Одной из причин осторожности германского морского командования была также боязнь угрозы со стороны русского Балтийского флота, который в случае серьезного ослабления немецкого флота в борьбе с английскими морскими силами мог перейти к активным наступательным действиям, в том числе и против побережья Германии. Германский план не предусматривал взаимодействия с сухопутными войсками. Флот решал задачу борьбы со своим противником независимо от действий на суше. Сухопутное немецкое командование самоуверенно считало, что германские войска быстро разобьют французскую армию и выйдут к Ла-Маншу без всякого содействия флота. «Никакой причинной связи, — пишет германский военно-морской историк Р. Фирле, — между предположениями сухопутного и морского генеральных штабов не существовало. Морской генеральный штаб всегда имел в виду вероятность враждебного выступления Англии, а сухопутный — разгром Франции коротким ударом».

План операций немцев на Балтийском море, имевших на этом театре незначительные силы, состоял в том, чтобы не допустить наступательных действий русского флота. В оперативной директиве начальника морского генерального штаба адмирала Поля говорилось, что главная задача командования на Балтийском море — насколько возможно мешать наступа-

тельным операциям русских, охранять Кильскую бухту. Директива предписывала также приступить к постановкам минных заграждений у русского побережья как можно скорее после начала войны; подрывать всеми способами торговлю неприятеля на Балтийском море. Наконец, в директиве указывалось, что временная посылка кораблей Флота открытого моря на Балтику для нанесения удара по русскому флоту остается в зависимости от хода военных событий.

Германское верховное командование первоначально считало, что исход войны на Востоке будут решать только сухопутные силы.

Необходимо заметить, что не все немецкие военачальники одобряли план Шлиффена. Генерал Фридрих фон Бернгарди в 1912 г. выпустил довольно широко обсуждавшуюся в военных кругах как в Германской империи, так и в других странах работу «Германия и будущая война» (в России она вышла как «Современная война»), в которой он писал: «Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без меча». Генерал считал, что для приобретения положения, которое соответствует мощи германского народа, «война необходима». Она должна стать основой для будущего империи, а цель войны — добиться мирового лидерства и создать великую колониальную империю, которая обеспечит будущее экономическое развитие и благосостояние германской нации. Бернгарди опровергал тезис фельдмаршала Шлиффена о том, что война Германии против Франции и России может быть только скоротечной. Он был сторонником жестких методов ведения войны, армия должна была не останавливаться ни перед чем, чтобы нанести поражение врагу и принудить его к капитуляции. Призывал нанести удар первыми. Не обращать внимания на мирные инициативы. В целом Бернгарди выступал против идеи «Канн» Шлиффена (обход, окружение противника), считая, что более перспективная форма активных действий — это прорыв фронта обороны.

Генерал являлся сторонником социал-дарвинизма во взглядах на историю и политику стран. Война — это «биологическая необходимость» и выполнение «естественного закона», закона о борьбе за существование. Государства и нации призваны

«Твое Отечество
в опасности!»
Немецкий
пропагандистский
плакат, 1918 г.

или процветать (прогрессировать), или загнивать (деградировать). Германская империя стоит в социально-политических, культурных аспектах во главе человечества, но «зажата в узких, неестественных границах». Поэтому не надо избегать войны, а, наоборот, постоянно к ней готовиться. В войне Германия докажет свое право на существование.

Фридрих фон Бернгарди писал о необходимости раздела «мирового владычества» с Британией (то есть англичане были должны уступить часть своих полномочий и колониальных владений). С французами он призывал «биться не на жизнь, а на смерть, уничтожить Францию как великую державу». Но главное внимание Германия должна была обратить на восток, на борьбу со славянством, «историческим врагом» германской нации. Славяне, по его мнению, становились огромной силой, подчинили себе огромные территории, которые были раньше под контролем германцев, в том числе и балтийские области. После победы над славянами генерал предлагал провести «великое насильственное выселение низших народов».

В империи создавались различные шовинистические, пангерманские организации, движения вроде Пангерманского союза. Он был создан в 1891 г. под названием Всеобщий немецкий союз и в 1894 г., по инициативе А. Гинденбурга, переименован в Пангерманский союз. Союз объединял в своих рядах крупных промышленников, землевладельцев, а также консервативную буржуазную интеллигенцию и к концу Первой мировой войны насчитывал 40 тыс. членов. Активно сотрудничал с аналогичными организациями: Военным союзом, Колониальным обществом, Флотским союзом, Морской лигой, Имперским объединением против социал-демократии и пр. Добивался милитаризации империи, пропагандировал агрессивную политику Германии, планировал отторжение от Российской империи Финляндии, Прибалтики, Царства Польского, белорусских и украинских областей.

В итоге в начале XX столетия пангерманисты вывели формулу «успеха» Германской империи и нации: Пруссия — под руководством прусского короля, Германская империя — под руководством Пруссии, мир — под руководством Германии.

Большую работу проводили среди молодежи. Прусский министр образования в 1891 г. указывал на необходимость воспитания и обучения молодых людей таким образом, чтобы они «облагораживались энтузиазмом за германский народ и величие германского гения». Создавались различные движения: так, в 1910 г. указом кайзера создали «Юношескую армию» («Югендвер»).

Романские (латинские) народы, то есть французы, итальянцы, испанцы, считались «умирающими». Они прошли зенит своего величия и не могли больше вести мир, «оплодотворять» его. Славян называли не только «историческим врагом», но и «этническим материалом». Мольтке Младший (1848–1916), который в 1906 г. сменил графа фон Шлиффена на посту начальника Большого генерального штаба Германии, считал, что славянские народы и особенно народ России еще «слишком отстающие в культурном отношении», чтобы руководить человечеством. Под правлением России Европа впадет в состояние «духовного варварства». Британцы не могут править миром, так как «преследуют только материальные интересы». Править

миром должна Германская империя, только она может помочь развиваться человечеству в правильном направлении. Поэтому европейская война, которая начнется рано или поздно, будет войной «между тевтонами и славянами». Долг других государств Европы помочь Германии в подготовке этой войны.

Сам кайзер однажды сказал представителю Австро-Венгрии: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Но я не могу не ненавидеть их». В 1912 г. император записал, что наступает эпоха Третьего великого переселения народов, в ней германцы будут воевать с русскими и галлами. И никакие мирные конференции не смогут изменить этого, так как это не вопрос политики, а «вопрос выживания расы».

У ряда пангерманистов уже тогда четко прослеживаются идеи, которые в гитлеровском рейхе станут главенствующими. В. Хен всерьез утверждал, что «русские — это китайцы Запада», души русских пропитаны «вековым деспотизмом», у них отсутствуют понятия чести, совести. Они уважают только тех, кого боятся. У русского народа нет корней, традиций, культуры, на которые они могли бы опереться. Все, что у них есть, заимствовано на Западе и Востоке. Поэтому русский народ можно легко исключить из списка цивилизованных народов «без всякой потери для человечества».

Стремление к войне в Германской империи, благодаря активной пропаганде милитаристских и националистических идей, стало общенародным. Показательно здесь также то, что идеи пангерманизма стремительно набирали популярность и у ближайшего союзника Берлина — Австро-Венгрии. Фактически Вена признала главенствующую роль Германии в грядущей войне, что хорошо заметно в их планах.

Генеральный штаб Австро-Венгрии рассчитывал сосредоточить усилия на восточном направлении — России, Сербии и Черногории. Среди наиболее вероятных противников рассматривались также Италия и Румыния, однако борьба с ними не должна была стать первостепенной задачей. В отличие от самоуверенных немецких планов, австрийцы разрабатывали несколько сценариев конфликта на случай войны с каждым из противников в отдельности и на случай одновременной войны с несколькими противниками на нескольких фронтах. После заключения в 1879 г.

союзного договора с Германией Австро-Венгрия была вынуждена согласовать свои планы с немецким генеральным штабом, который должен был взять на себя главенствующую роль. Согласно взглядам немецкого командования, австро-венгерская армия должна была сковывать крупные силы противника на восточном направлении, прежде всего русской армии, и не дать им зайти в тыл германских главных сил. Тем самым планировалось обеспечить сосредоточение усилий Германии на быстрой войне против Франции. Таким образом, на Австро-Венгрию в качестве первоочередной цели возлагалось сдерживание России в начале войны до подхода главных сил Германии. При этом немецкий генеральный штаб не выказывал интереса об успешности борьбы Вены с русской армией. Как заявлял Шлиффен незадолго до своей смерти в декабре 1912 г., «Судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене» [163].

Под давлением своих немецких коллег австрийский генеральный штаб сосредоточился на подготовке к войне с Россией. Мольтке усиленно побуждал Конрада к решительному наступлению против России с первых же дней войны. По соглашению между ними в 1909 г. Австро-Венгрия должна была принять на себя главный удар русских и сдерживать их натиск до тех пор, пока Германия не одержит победу над Францией и перебросит свои силы на восток. Немецкое военное руководство навязывало австрийцам идею о наступлении на север между Бугом и Вислой, рассчитывая тем самым не дать России вторгнуться в Силезию, богатую промышленную область Германии. Таким образом, хорошо заметно, что в подавляющем большинстве пунктов австро-венгерский план войны служил прежде всего интересам Германии.

Австро-Венгрия начала разработку своего плана с 1909 г. [164]. Сухопутным силам в составе 1100 батальонов (до 1,5 миллиона человек) предписывалось разделиться на три большие группы [165]. Самая крупная из них, «эшелон А», была ориентирована на борьбу с Россией и включала больше половины австрийской армии: 28,5 пехотных и 10 кавалерийских дивизий, 21 бригаду ландштурма и запасную, которые объединялись в четыре армии (1, 2, 3 и 4-я). С началом войны «эшелон А» должен был прибыть прямым сообщением в Галицию в срок

до 19-го дня мобилизации и развернуться на линии рек Сана и Днестра, далее вдоль границы на северо-запад до Вислы, а небольшая группа в несколько бригад — у Кракова.

Вторая группа, «Минимальная балканская группа», предназначалась для развертывания против южных славянских государств. В ее состав вошли 8 пехотных дивизий и 7 ландштурменных и запасных бригад. «Минимальной балканской группе» предписывалось развернуться на широком фронте на 12-й день мобилизации и перейти к обороне.

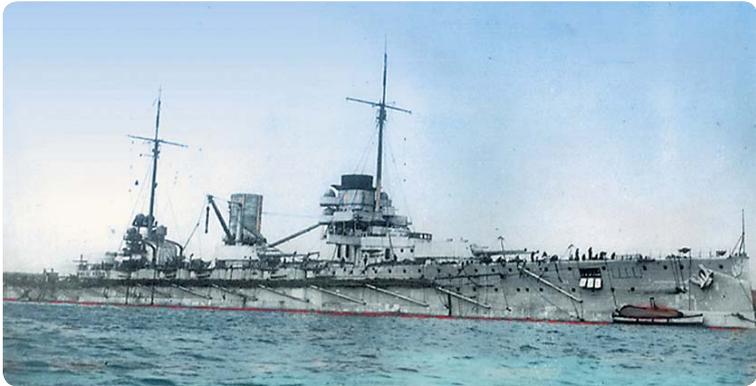
Третья группа войск, «эшелон Б», состояла из 12 пехотных и кавалерийской дивизий, 6 ландштурменных и запасных бригад. Цели ее были двоякими.

В случае войны с Сербией без вмешательства России группа должна была усиливаться двумя кавалерийскими дивизиями из «эшелона А» и одновременно с «Минимальной балканской группой» перебрасываться на юго-восточные границы Австро-Венгрии. На 16-й день мобилизации ей предписывалось сосредоточиться в районах по течению рек Савы и Дуная, по обе стороны Белграда, по левому берегу реки Дрины до впадения ее в Саву и в Боснии между Сараевом и сербской границей с задачей обойти сербскую армию ударами с севера и запада, тем самым обеспечив быстрый разгром Сербии и готовность к нападению нового, более сильного противника.

Сценарий, при котором Россия включалась в войну, предполагал, что «эшелон Б» вслед за «эшелонами А» на 18-й день мобилизации развертывался в Галиции и переходил к обороне.

Таким образом, в случае войны на Балканах только против Сербии и Черногории («вариант Б») планировалось обойтись 20 пехотными и 3 кавалерийскими дивизиями, рядом ландштурменных и запасных частей (13 бригад). При варианте «Р», когда в вооруженный конфликт вступала еще и Россия, на Южном фронте должны были остаться только 8 пехотных дивизий с небольшими второочередными формированиями, а на борьбу с русскими планировалось направить 40,5 пехотных и 11 кавалерийских дивизий.

В отличие от своих немецких коллег, австрийский генеральный штаб рассматривал еще один вариант развития событий — вступление России в войну после развертывания войск Австро-

Линейный крейсер «Гебен»

Венгрии в Сербии. В этом случае необходимо было немедленно перебросить «эшелон Б» с Нижней Савы на Днестр. Именно поэтому развертывание «Минимальной балканской группы» и «эшелона Б» у сербских границ было намечено независимо друг от друга. Это должно было обеспечить вывод и переброску «эшелона Б» в Галицию без нарушения плана оборонительных действий балканской группы австро-венгерских войск.

Стратегический замысел действий против России заключался в том, чтобы частью сил (левым крылом) наступать на север, а затем повернуть на восток и совместно с правым крылом австро-венгерской группировки разбить сосредоточенные у Проскурова русские силы, отбросить главные силы русских к Черному морю или к Киеву, прервав их сообщения с севером через Полесье. При этом рассчитывали на наступление немцев из Восточной Пруссии, обещанное Мольтке в письме к Конраду от 19 мая 1909 г.

Таким образом, Австро-Венгрия дробила свои силы, чем ставила их под угрозу разгрома по частям. Слабое экономическое положение, недостаток производственных мощностей, ресурсной базы и финансовых средств делали для Вены перспективу затяжной войны еще более нежелательной.

Относительно слабый австро-венгерский флот, как и его немецкий коллега, при составлении планов войны был отодвинут на второй план не мог рассчитывать на ведение активных действий. Ему предписывалось развернуться в районе баз Пола и Каттаро (Котор), а также в необорудованной гавани Себенико, и прикрывать побережье вместе с действовавшими там флангами сухопутных войск, защищать свои сообщения в Адриатическом море. Помощь австрийскому флоту должны были оказать два немецких крейсера, «Гебен» и «Бреслау», еще до войны посланные в Средиземное море. Однако Германия считала более целесообразным сосредоточиться на подрыве морских сообщений Англии и Франции.

Надо заметить, что даже с началом войны идеи пангерманизма не утратили своей силы и по-прежнему были неотъемлемой частью всех сфер жизни Германии.

В 1915 г. немецкое командование условно разделилось на «западников» и «восточников». Начальник генерального штаба генерал Эрих фон Фалькенхайн был «западником», который полагал, что немцам следует сосредоточить свои силы на Западном фронте. Он осознавал трудности России с военным снабжением и полагал, что подготовка к мощному наступлению займет у русских продолжительное время. Поэтому он хотел сосредоточить усилия на том, чтобы выбить Францию из войны в первую очередь. Напротив, Гинденбург и Людендорф, возглавлявшие «восточников» в верховном командовании, выступали с идеей сосредоточения всех усилий вначале на том, чтобы разгромить Россию. Кайзер в конце концов решил, что войска должны быть переброшены на восток и заставить Россию выйти из войны к концу 1915 г. Оставшиеся на Западном фронте немецкие войска должны предпринимать только локальные наступательные операции и стоять большей частью в обороне. Однако немецкие усилия на востоке имели лишь частичный успех. Немцы захватили Варшаву и оставшуюся Польшу, которую им не удалось оккупировать в 1914 г. К октябрю 1915 г. линия фронта проходила западнее Двинска на юг через Припятские болота. Оставленный с весьма ограниченными силами на западе, в течение 1915 г. Фалькенхайн предпринял несколько тактических наступлений на Ипре.

В 1917 г. ситуация на фронтах требовала пересмотра немецкой тактики и стратегии. Политический крах России и ее выход из войны позволили высвободить на Восточном фронте достаточное количество сил и средств. Немецкая армия не имела танков, поэтому Людендорф и Гинденбург приняли решение воспользоваться имевшимся опытом штурмовых групп с Восточного фронта, которые имели опыт взламывания вражеской обороны. Пехота получала большое количество компактных пулеметов и обходила узлы сопротивления. Помимо того, каждая наступающая дивизия должна была формировать особые штурмовые батальоны легкой пехоты, вооруженной гранатами и карабинами, которые должны были разбивать вражескую оборону на изолированные сектора до подхода основных наступающих сил. По-прежнему основным фактором немецкого плана была скорость. Колонны и стрелковые цепи ушли в прошлое. Штурмовые отряды рассматривались как самостоятельные тактические единицы, которые находились в прямом подчинении у командования. Кованые тяжелые сапоги были заменены на полуботинки на шнуровке, заимствованные у австрийских горных стрелков. Для облегчения передвижения по-пластунски верхняя одежда была усилена кожаными вставками на локтях и коленях. От портупей отказались, заменив их заплечными гранатными сумками. Винтовку заменили карабином Маузера, который был легче и проще в обращении.

Фалькенхайн, в свою очередь, предложил использовать опыт битвы под Верденом и выделить артиллерию в самостоятельный вид войск, а не придавать ее пехоте. Более того, он распределил задачи между различными видами артиллерии. Минометы, легкие полевые орудия и легкие гаубицы в силу небольшой дальности стрельбы находились в первом эшелоне вместе с тяжелыми минометами и производили обстрел первого эшелона французской обороны. Более тяжелые гаубицы предназначались для сдерживания второго эшелона противника и выполнения специальных задач, например обстрел деревень, городов, фортов и дорог.

Все вышеуказанные нововведения требовали налаживания взаимодействия между самостоятельными боевыми единицами. В этой связи пехота имела задачу создавать угрозу

наступления так, чтобы противник сосредотачивал большие группы в зонах артиллерийского поражения. Артиллерия выступала главным действующим лицом, а не поддержкой пехоты. Поэтому атаки, проводившиеся немецкой пехотой под Верденом, имели узкие цели и меньшие потери, чем французские контратаки, которые пытались отбить захваченные немцами укрепления, не считаясь с потерями.

Одной из причин, благодаря которой стало возможным широкое применение штурмовых групп, стала широкая децентрализация и ориентированность на результат, а также господствующее в кайзеровской армии поощрение инициативы отдельных офицеров. Провал немецкого оперативного искусства в поражении западным союзникам привел к тому, что многие влиятельные немецкие офицеры разуверились в необходимости централизованного управления войсками и стали полагаться только на успехи на оперативном уровне.

В 1918 г. немецкая пехота могла успешно использовать тактику штурмовых батальонов. Имея значительное число подобных формирований, она могла заполнить ими бреши во вражеской обороне и расширить их на ширину до нескольких километров. Однако даже создание этих брешей не могло привести к крупным победам и гарантировать надежду хотя бы на почетный мир. Немецкая армия с первых дней и до конца войны так и не смогла ликвидировать некоторые свои существенные недостатки. В отсутствии пригодного для штурмовиков транспорта их эффективность значительно снижалась. Тысячи их рейдов и атак с узкими целями, равно как и прорыв глубокоэшелонированных позиций при Капорето и в ходе крупного наступления 1918 г. показали, что тактика штурмовых групп весьма эффективно спасала Германию от пулеметного огня, который прижимал немецких солдат в окопах. Но тактический уровень не смог решить фундаментальных проблем оперативного уровня, с которыми столкнулась германская армия на западе. Вражеские железные дороги и моторные транспортные средства всегда могли доставить новые подкрепления, и способ решить эту проблему не появилось до начала следующей мировой войны. Только с 1939 г. полностью моторизованные или частично вооруженные танками дивизии дали немецким

войскам средства перемещения войск через и вокруг полей боя быстрее, чем это делали противники.

Любопытен тот факт, что немецкий штурмовик стал романтическим символом эпохи и образцом для подражания. Все большим спросом в немецкой литературе стали пользоваться романы и стихи о военных подвигах штурмовиков. При этом особо подчеркивались особенности ведения ими боевых действий. Ставка на скорость и пренебрежение потерями красной линией проходили через художественные произведения и пропагандистские материалы. Это обеспечило не только высокий уровень доверия населения к армии, но и рост количества желающих вступить в ряды штурмовиков среди солдат и офицеров.

Любопытен в этой связи также опыт морской пропаганды Германии.

Военно-морская пропаганда в начальный период ее организации, который немецкий историк Эккарт Кер датирует 1893–1896 гг., носила спонтанный характер и была малоэффективна по степени воздействия на широкие слои населения. Однако средства печати военно-морского ведомства приложили значительные усилия по ее развитию. Отличительной чертой их работы стал отход от излишней эмоциональности, неоправданной напористости, которые сопровождали другие пропагандистские кампании, в том числе сухопутных войск. Также ставка была сделана на развитие в агитационной работе планового характера. Позже этот принцип лег в основу «научной» пропаганды, проводимой Информационным бюро генерального штаба. Определенную роль в ее становлении сыграли и так называемые общественные организации (Пангерманский союз и Колониальное общество). Однако до прихода адмирала Альфреда фон Тирпица в морское министерство в 1897 г. эти структуры не были связаны с правительством и не посвящены в его будущие планы.

Новый этап военно-морской пропаганды связан с приходом в июне 1897 г. Тирпица к руководству Имперским военно-морским ведомством. Однако проблема осознания населением Германии значения морской силы занимала адмирала задолго до этого события. При этом вопросы пропаганды изначально

рассматривались им в тесной связи с поэтапным планом строительства флота. В своих служебных записках для доклада кайзеру по вопросу увеличения флота Тирпиц неизменно уделял внимание проблеме организации пропагандистской работы и рекламных кампаний.

Тирпиц также полагал, что немецкая нация не подготовлена к переменам, нет никакой надежды на то, что первый законопроект о флоте будет иметь успех. Чтобы довести до населения суть закона, адмирал предлагал использовать новые подходы к пропаганде. В докладной записке на имя кайзера от 28 января 1896 г. Тирпиц отмечал, что Имперское военно-морское ведомство нуждается в сильном «разъяснительном бюро» («Durchbringungsbureau»), которое будет работать параллельно с пресс-бюро и возьмет на себя роль координационного центра флотской пропаганды. В этом же документе Тирпиц высказывается о стратегии ведения пропаганды, подчеркивая, что необходимо связать строительство военно-морского флота с будущим экономическим развитием Германии, привлекая к этому делу частную индустрию и торговые круги. Отдел должен был осуществлять контроль над прессой, содействуя или препятствуя размещению в газетах тех или иных сведений о кайзеровском флоте, публиковать собственные разработки, инициировать выступления в поддержку флота крупных ученых, устраивать выставки и показы на морские темы, вести работу в общественных организациях и союзах, выдавать справки по военно-морским вопросам.

Одной из главных особенностей пропагандистских кампаний 1897–1900 гг. было то, что высокая интенсивность агитации обычно сменялась периодами спокойной информационной, разъяснительной деятельности. Эти два периода разделял момент принятия очередного флотского закона в рейхстаге. Соответственно деятельность бюро в период с лета 1897 до весны 1898 г. и с осени 1899 до лета 1900 г. носила более активный характер. По мнению руководства Информационного бюро, пропагандистская активность организаций должна была следовать этому ритму. Однако нередко возникал сбой, яркий пример которого — конфликт между Информационным бюро и Германским флотским союзом.

Важнейшими целевыми группами пропаганды Информационного бюро являлись промышленная и торговая буржуазия, а также «образованное бюргерство» (профессура, приват-доценты, учителя, медики, юристы, чиновники, литераторы, люди искусства и др.). Для руководителей флотской пропаганды и представители капитала, и круги образованного бюргерства были не только перспективными союзниками в делах строительства большого флота, но и могли выступать некими «множителями» (В. Дайст) идеи морской силы у широкой общественности и в партийно-политических группировках рейхстага. С указанными целевыми группами были тесно связаны различные агитационные союзы, которые попали в поле зрения морского министерства. Среди них следует назвать Пангерманский союз, Колониальное общество, а также созданный при поддержке Информационного бюро Германский флотский союз.

Необходимо отметить, что «флотские профессора» нередко оправдывали империализм и трактовали историю в пользу строительства флота, они были использованы правительством для формирования «коллективной тождественности» (Г. Крумайш). Благодаря привлечению к пропаганде флота известных ученых немецких университетов, Тирпицу и Геерингену удалось вызвать настоящую публицистическую лавину, которая по своему воздействию на массы превзошла прежние достижения Колониального общества и Пангерманского союза. Флотская пропаганда получила академическое освещение, а исследование морских интересов Германии признавалось научным.

Среди промышленников в первых рядах флотских вдохновителей были Э. Штумм, Кардорф, А. Крупп. Влияние представителей индустрии, особенно рейнской тяжелой промышленности, было очень велико. Фирма Круппа через зависимую от нее прессу, через рейхстаг, наконец, пользуясь своими связями в государственном аппарате, принимала весьма активное участие не только в раздувании военно-морской пропаганды, но и в продвижении законов о морском строительстве от первоначальных ведомственных набросков к практическому их осуществлению. В числе союзников Тирпица была и торговая буржуазия.

*Альфред фон Тирпиц,
морской статс-
секретарь (министр)
Германии*

Руководство Информационного бюро считало эффективным привлечение к пропаганде морских офицеров, проявляющих литературные способности, и поощряло их публицистическую деятельность. Не осталась без внимания и молодежь, которой внушался интерес к флоту с помощью поддержки «литературных начинаний» авторов и дальнейшего их распространения в учебных заведениях.

Важным направлением деятельности Информационного бюро была работа с периодикой — прессой, журналами, альманахами, то есть с ежедневными, еженедельными, ежемесячными и ежегодными изданиями, которые на своих страницах были готовы размещать материалы, повышающие у читателей интерес к флотским проблемам родного отечества. Для Информационного бюро пресса являлась не только средством воздействия на массовое сознание, но и служила источником всевозможной информации, которую можно было использовать для целей пропаганды.

Отмечая общие тенденции развития отношений Информационного бюро и прессы, необходимо указать и на то, что Гееринген уделял внимание сотрудничеству не только с крупными изданиями, но и с более мелкими, а также с левыми и нейтральными газетами. Так можно было воздействовать на тех читателей, которые с интересом просматривали провинциальную периодику.

Тирпицу и Геерингену удалось также наладить выпуск специального морского ежегодника, который получил название «Маикив». Первоначально он был задуман Информационным бюро как «Справочник для редакторов, парламентариев и политиков», должен был содержать «безусловно надежный материал» и отражать политические взгляды морского управления. Тем не менее таким журнал не стал. Его публикации носили по большей части открыто пропагандистский характер, став сборником наиболее интересных, но только с точки зрения флотских пропагандистов, публикаций.

Одним из средств поддержания постоянного интереса к флоту являлась рассылка важнейших литературных трудов и брошюр на флотскую тематику всем лицам, проявившим к ней интерес. Подобная рассылка проводилась для того, чтобы привлечь адресатов к сотрудничеству. При рассылке брошюр обязательно учитывалась внешнеполитическая ситуация. Если текущие внутривнутриполитические события не способствовали подъему интереса к флоту и на повестку дня ставились другие вопросы, флотские материалы рассылались гораздо реже. Тем самым преследовалась единственная цель — не дать угаснуть интересу к проблемам флота.

С целью дальнейшего увеличения интереса к военно-морскому флоту и для распространения знаний о нем Информационное бюро и организации, которые сотрудничали с ним, всегда с готовностью поддерживали выставочные мероприятия, устраивали совместные поездки и доклады, а также специальные фотовыставки. Причем бюро не дождалось, когда поступят запросы на фотографии, а осторожно поддерживало распространение таких снимков и организацию подходящих докладов.

Использование фотографий в целях агитации было относительно новым приемом. Далекое не все журналы, даже иллю-

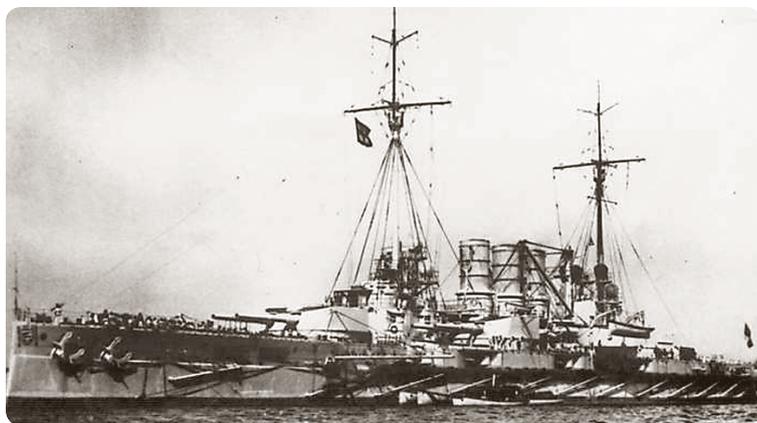
стрированные, могли сделать предположение, что Информационное бюро обладает такой возможностью. Поэтому сотрудникам бюро предписывалось предлагать редакциям актуальные фотоматериалы, которые они сами не могли себе позволить по многим причинам, в том числе и финансовым. Дополнительной гарантией заинтересованности иллюстрированных журналов было бесплатное предоставление снимков, что было очень привлекательно для любого печатного издания.

Целям наглядной флотской агитации служила работа по созданию Музея флота и поддержке экспозиций, посвященных проблемам строительства флота, в национальных музеях страны.

Здесь необходимо подчеркнуть, что отношения сотрудничества между Пангерманским союзом и Колониальным обществом, с одной стороны, и Информационным бюро — с другой, поддерживались относительно легко. Правда, для этого пришлось приложить немало усилий. Профессор Хассе, председатель Пангерманского союза, стоял первым в списке людей, которых Гееринген стремился завербовать для Тирпица в своих многочисленных путешествиях по стране. Установлено, что часть членов правления Пангерманского союза проявила сдержанность в деле пропаганды флота. Лишь после непростых дискуссий, а также решительных действий таких членов союза, как барон фон Гольтц и А. Гутенберг, пангерманцы стали более активны в движении за увеличение военно-морского флота.

Сложнее было направить пропагандистскую деятельность Германского флотского союза в соответствии с настроениями и планами военно-морского ведомства.

Говоря о предпосылках создания Флотского союза, необходимо иметь в виду следующие факты. Руководители государственной пропаганды видели, что деятельность Пангерманского союза и Колониального общества не привела к кардинальному повороту общественного мнения в пользу создания флота. Если Пангерманский союз действовал как узкая организация, претендующая на роль своеобразного штаба, координирующей структуры, то Германский флотский союз изначально задумывался массовым объединением. Далее, Тирпиц как руководитель морского министерства крайне нуждался именно в таком

Линкор «Тюринген»

типе общественной организации, которая помогала бы ему «снизу» продвигать в массы идею о сильном военно-морском флоте. От ее создания и результатов деятельности зависели сроки реализации планов, сформулированных им в так называемый доминистерский период.

В создании союза были заинтересованы и промышленные круги. Президентом Флотского союза стал принц Вильгельм Вид, а руководителем — исполнителем (секретарем) Виктор Швейнбург, издатель газеты «Berliner Neueste Nachrichten», близко стоящий к Круппу. Финансовые дела организации с самого начала повел «Berliner Bank». В итоге Флотский союз стал той силой, которая эффективно влияла на все слои общества и обеспечивала поддержку тем, кто реализовывал флотские планы. Однако в ходе создания Флотского союза и его отделений были посеяны зерна предстоящих конфликтных отношений с военно-морским ведомством. В силу объективных и субъективных причин эта организация создавалась как своеобразная альтернатива задуманной Тирпицем Флотской лиги, от учреждения которой он вынужден был в итоге отказаться. Получалось, что «фрондирование» руководства

Флотского союза проявилось еще до официальной регистрации этого объединения. В последующем Тирпиц по причине властного характера и собственных представлений о тех задачах, которые должен был решать союз, не собирался терпеть «своеволие» правящего звена организации, что наглядно продемонстрировало «Дело Виктора Швейнбурга».

Уже на первом этапе деятельности союза между его руководством и морским ведомством стали проявляться разногласия, причиной которых стало стремление В. Швейнбурга к проявлению излишней самостоятельности. Первые признаки такой «своенравности» союза проявились в период переговоров с немецкими профессорами о вступлении их в новую организацию. В дальнейшем последовала целая череда конфликтов между руководителями Информационного бюро и Флотского союза вокруг деятельности Главного союза за границей, который Швейнбург стремился превратить в филиал по тактическим вопросам ведения пропаганды и пр. В результате давления морского министерства секретарь союза вынужден был уйти в отставку.

«Дело Виктора Швейнбурга» показало, что политика морского ведомства по отношению к Флотскому союзу была двойственна. По-прежнему Информационное бюро прикладывало силы для того, чтобы союз своей пропагандой охватывал по возможности большие группы населения. Но как только дело доходило до принципиальных вопросов, затрагивающих интересы ведомства, Тирпиц использовал весь свой авторитет, чтобы поставить лидеров союза на место. Причиной такой политики адмирала являлся многоэтапный план строительства флота. Он диктовал Информационному бюро определенный образ действий — периоды высочайшей интенсивности пропаганды должны были чередоваться с периодами спокойной информационной деятельности. Пропагандистская активность Германского флотского союза должна была также следовать этому ритму. Сохранение высокой активности продолжительное время могло обернуться отсутствием у общественности всякого интереса к флоту.

Исход очередного противостояния между военно-морским ведомством и Флотским союзом был предопределен слабостью

«нападающей стороны», недооценкой ею властных полномочий и возможностей Тирпица, в том числе и в деле влияния на императора. В отличие от других высших военных чинов, Тирпиц являлся еще и крупной политической фигурой, способной влиять на принятие важных и ответственных государственных решений. Правда, в полной мере в 1900–1902 гг. осознание этого факта было далеко не у всех пропагандистов из Флотского союза. Доказательством же «весомости» позиции статс-секретаря, значимости его суждения при решении «морских дел» и связанных с ними проблем, может служить письмо главы Гражданского кабинета кайзера Валентини, направленное Тирпицу 8 ноября 1902 г., в котором говорилось о полной поддержке Вильгельмом II адмирала и его планов.

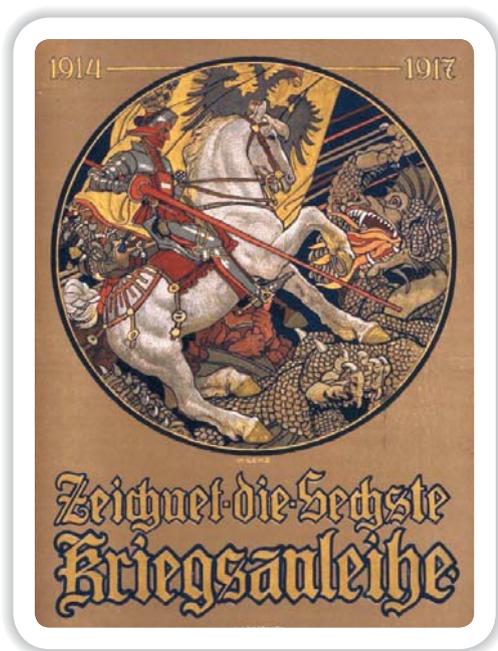
Тирпиц и Информационное бюро военно-морского ведомства делали все, чтобы рассеять британское недоверие к германским планам вооружения на море. Политика Тирпица в отношении Германского флотского союза после принятия второго флотского закона в 1900 г. подтверждает, что манипуляция общественным мнением являлась одной из главных задач флотского строительства. Морской министр добился главного: его ведомство в лице Информационного бюро не только давало пропаганде «правильные» импульсы для развития, но при необходимости сдерживало народное воодушевление флотом, душило опасные с внешнеполитической точки зрения инициативы агитаторов Флотского союза.

В противовес четкой позиции адмирала Тирпица, ориентированной на экономические и политические интересы фракций рейхстага, внутривнутриполитическую ситуацию, радикальные националисты из Флотского союза под руководством генерала Кейма были убеждены, что успешное продолжение мировой политики возможно только при устранении партии Центра. Тем самым Кейм затронул важнейший элемент внутривнутриполитической стратегии морского министра, который мыслился только при участии Центра в финансовой поддержке строительства флота. Конфликт с рейхстагом, риск которого был достаточно высок, был для Тирпица неприемлем. Реакция Информационного бюро на соображения Кейма была предсказуемой, она была резко отрицательной. Попытка сторонников генерала

изменить решение бюро была встречена угрозой, что Тирпиц устроит союзу еще больше проблем, если тот не откажется от претензий к рейхстагу.

На этом этапе развития пропаганды Кейму удалось заручиться поддержкой императора. Для пропагандистского союза отныне не существовали границы, в которых план Тирпица и размах агитации должны были соответствовать друг другу хотя бы примерно. Флотский союз как главный вдохновитель агитации стал реальной силой и обрел свое политическое лицо благодаря отсутствию всякой сдержанности в делах пропаганды его руководства. Одновременно он утратил свое значение в качестве инструмента, который находится в руках Информационного бюро.

Разрабатывая очередную флотскую новеллу, Тирпиц имел все основания считать, что опасность для его планов исходит со стороны сильно укрепившегося в борьбе против Центра Германского флотского союза, а главное, Кейма. По опыту морской новеллы 1906 г. он знал, что новое дополнение к флотскому закону, принятие которого было запланировано на 1908 г., может быть расценено пропагандистами как «весьма недостаточное» по своему содержанию. Поэтому Тирпицу не оставалось ничего другого, как придерживаться уже оправдавшей себя тактики — всячески контактировать с оппонентами Кейма внутри союза — баварским филиалом — и по возможности поддерживать инициативы баварцев против берлинского президиума. Такая линия поведения себя оправдала. Кейм вынужден был сложить с себя полномочия руководителя Флотского союза. С его отставкой и приходом адмирала Кестера принципиально менялись отношения военно-морского ведомства и Флотского союза. По крайней мере, действия последнего стали более предсказуемы, что позволяло морскому министру с еще большей энергией трудиться над выполнением своего грандиозного плана по созданию боевого линейного флота. С внутривнутриполитической точки зрения уход из союза одиозных фигур отчасти сгладил острые углы отношений правительства и рейхстага. Если не брать в расчет недовольных национал-либералов, выражающих интересы судостроительных верфей, грозная и влиятельная партия Центра, как минимум, могла

«Подписка на шестой военный займ». Австрийский пропагандистский плакат. Художник Максимилиан Ленц. 1917 г.

быть умиротворена. С внешнеполитической точки зрения отставка Кейма создавала благоприятный фон для начала задуманных правящими кругами переговоров с Великобританией о сокращении морских вооружений.

Таким образом, можно сделать вывод, что идеологическую основу жизни немецкого государства составляли идеи милитаризма и пангерманизма. Они проникали во все сферы общественной деятельности и оказали существенное влияние на разработку германских военных планов. Нельзя не отметить заслугу Германии в области развития методов пропаганды пангерманизма. Эта работа осуществлялась настолько эффективно, что декларируемые тезисы стали популярны не только на территории Германской империи, но и ближайшего ее союзника — Австро-Венгрии. Фактически образ кайзера как вождя немецкого народа-победителя плотно вошел в сознание людей и не утратил своей силы даже с началом войны. Более того, тезисы германского пангерманизма были практически

без изменений переняты Национал-социалистической немецкой рабочей партией и стали основой для идеологии третьего рейха.

В области военного планирования пангерманизм проявился в следующих характерных чертах.

1. Недооценка сил противника при одновременной переоценке своих собственных возможностей.

2. Невнимательность в отношении обеспечения собственных войск возможностями для реализации планов войны.

3. Ставка на сухопутные боевые действия и недооценка роли флота в войне.

4. Подчинение войск Австро-Венгрии планам германского генерального штаба.

5. Рассмотрение сил союзников Германии лишь как вспомогательного средства для достижения собственных целей, полное игнорирование возможных угроз войскам Австро-Венгрии.

Все это дает основания полагать, что планы германского генерального штаба еще до начала войны не соответствовали реальному положению дел на мировой арене и были обречены на провал.

A historical map of the world, showing major landmasses and oceans. The map is overlaid with a grid of latitude and longitude lines. In the center, there is a large orange rectangular box with a white border. Inside this box, the text "ЧАСТЬ III" is written in a bold, black, sans-serif font, and below it, "БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ" is written in a bold, white, sans-serif font. The map shows various geographical features, including the Arctic region, Europe, Africa, Asia, and Australia. Numerous cities and regions are labeled in Russian, such as "Исландия", "Великобритания", "Франция", "Германия", "Россия", "Индия", and "Южно-Африканский Союз". The text "ЧАСТЬ III" and "БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ" is centered on the map, covering parts of Europe and Africa.

ЧАСТЬ III
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 1

Кампания 1914 года

1.1. Боевые действия на европейском континенте: «бег к морю», формирование основных фронтов

Начало боевых действий в августе 1914 г. на Западном и Восточном фронтах знаменовало открытие Первой мировой войны. Пальма первенства в открытии боевых действий была отдана Германской империи, которая в первых числах августа 1914 г. начала наступление на Западном фронте. Это наступление было подготовлено и выработано в течение долгого времени Большим Генеральным штабом германских вооруженных сил и получило название «плана Шлиффена», по фамилии начальника штаба и основного разработчика.

Толчком к созданию плана послужила внешнеполитическая обстановка, в которой оказалась Германия в начале XX в. В результате заключения франко-русского соглашения Германская империя оказалась в состоянии угрозы ведения войны на два фронта. Это заставило Большой Генеральный штаб выработать адекватный план ведения войны. Его завершение в 1905 г. совпало с 1-м Марокканским кризисом и включало в себя стратегический план войны против Франции и Российской империи. Основой плана Шлиффена была ставка на проведение гигантского генерального сражения, в котором армия противника была бы уничтожена одним ударом. Ставка была сделана на первоначальное наступление против Франции с уничтожением французских вооруженных сил и капитуляцией Франции и последующим переносом войны против России. Предполагалось стремительное наступление основных сил германской армии в обход французских укреплений в Лотарингии с севера, нанося удар через Бельгию, Люксембург и Нидерланды, во фланг

и тыл французских войск. Одновременно с этим левое крыло германских войск осуществляло наступление от Бельфора до Вердена, создавая угрозу крупномасштабного французского окружения в районе Труа. Особенностью операции, которая представляла собой классические Канны (именно такое название носит теоретическая работа Шлиффена), было то, что она была ограничена по времени и представляла собой молниеносную войну («Blitzkrieg»). На проведение операции Шлиффен отводил шесть недель, в ходе которых французские войска должны были быть разбиты. Задача австро-венгерских союзников состояла в том, чтобы в это время сковать действия русских войск на Восточном фронте и не позволить им совершить широкомасштабное наступление до тех пор, пока германские войска не разгромили французские части. Для проведения операции планировалось выделение 40 армейских корпусов, в то время как к 1914 г. Германия смогла сформировать 36. План Шлиффена не предусматривал формирования какого-либо стратегического резерва, который можно было использовать на случай экстренных ситуаций [1].

Отставка в конце 1906 г. Шлиффена с поста начальника Большого Генерального штаба и назначение на эту должность Г. фон Мольтке-младшего привело к некоторой корректировке плана стратегической войны. Получив в качестве военного «завещания» меморандум Шлиффена «Война против Франции», Мольтке-младший несколько скорректировал направление германского наступления на Западном фронте. В частности, он отказался от выдвижения германских войск через территорию Нидерландов из-за опасности потерять возможность морского судоходства для снабжения государства. При этом предполагалось нанесение молниеносного удара с захватом крепости Льеж, что должно было обеспечить беспрепятственное продвижение германских войск через Маас во Францию [2]. Таким образом, германское командование смогло выработать стратегический план ведения войны, предусматривающий стремительное наступление основных немецких войск на Западном фронте против Франции, после разгрома которой вся тяжесть войны переносилась на Восточный фронт против Российской империи. Уязвимость плана состояла в темпе наступления, на

который отводилось до шести недель, и в отсутствии стратегических резервов на Западном фронте.

Для обеспечения переброски германских войск к бельгийской границе Германия 2 августа 1914 г. вторглась на территорию герцогства Люксембург, являвшегося нейтральным государством. Железная дорога Люксембурга вела на территорию Бельгии и на северо-восток Франции, что являлось обязательным условием реализации плана Шлиффена. В ночь на 4 августа германские войска перешли бельгийскую границу. Противостоящая бельгийская армия включала в себе группировку общей численностью 175 тыс. человек, из которых одну треть составляли гарнизоны крепостей, а также имела на вооружении 312 орудий. Главкомандующим армией был король Альберт I, начальником штаба — генерал Салльере де Моранвиль [3]. Наступавшие немецкие части под командованием генерала О. Эммиха совершили стремительный рывок по направлению к крепости Льеж. Их целью было стремительное овладение городом и крепостью, что создавало благоприятную возможность для форсирования Мааса. Однако ставка немцев была на внезапность удара и неорганизованность обороны крепости со стороны бельгийских войск. К несчастью для немцев, гарнизон крепости Льеж под командованием генерала Г. Лемана состоял из 12 крепостных батальонов, а 4 августа ему была также подчинена 3-я бельгийская дивизия. Форты крепости имели толстый слой бетона, а батареи — бронированное прикрытие. Крепость располагала 200 орудиями калибром 120–210 мм. Общая численность бельгийских войск под командованием Г. Лемана составляла около 30 тыс. человек. Группировка О. Эммиха не располагала должным количеством сил для овладения крепостью, имея в составе 25 тыс. человек пехоты, 8 тыс. кавалерии и 124 орудия, но предприняла попытку овладения ею с ходу 6 августа. Немецкий штурм позволил к середине дня захватить форт Шартрез, но дальнейшее продвижение немецких войск было остановлено. Направленный к Леману парламентар с предложением о сдаче крепости вернулся с отказом. Бои под Льежем затягивались, что тормозило наступление 2-й немецкой армии. Сводный отряд Эммиха не располагал тяжелыми орудиями, которые бы позволили

На карте обозначены цифрами:

Европа	Азия	Америка	Государства и не
1 Албания	15 Британская Малайя	29 Золотой Берег (Брит.)	44 Великобритания
2 Андорра	16 Бруней (Брит.)	30 Исламская Гвинея (Рио-Муни)	45 Гвинея
3 Бельгия	17 Бутан (Брит.)	31 Исламское Марокко	46 Гватемала
4 Болгария	18 Бухарский Эмират (протекторат России с 1914)	32 Коморские о-ва (Фр.)	47 Гондурас
5 Греция	19 Корея	33 Либерия	48 Доминиканская респ.
6 Дания	20 Непал	34 Ниссаленда (Брит.)	49 Коста-Рика
7 Люксембург	21 Саравак (Брит.)	35 Португальская Гвинея	50 Никарагуа
8 Нидерланды	22 Северное Борнео (Брит.)	36 Рио-де-Оро (Исп.)	51 Панама
9 Португалия	23 Украинский край (протекторат России с 1914)	37 Свазиленд (Брит.)	52 Парагвай
10 Румыния	24 Кавказское ханство (протекторат России)	38 Сьерра-Леоне (Брит.)	53 Сальвадор
11 Сербия	25 Африка	39 Того (Герм.)	54 Уругвай
12 Черногория	26 Басутоленд (Брит.)	40 Тунис (Фр.)	55 Эквадор
13 Швейцария	27 Бенигуэленд (Брит.)	41 Французские Сомали	
	28 Габонские Сомали	42 Эритрея (Ит.)	
	29 Гамбия (Брит.)	43 Южная Родэзия (Брит.)	

Государства и не

	Великобритания
	Россия
	Франция
	Германия
	США
	Япония

Примечание: Г. на карте показан

Метрополии, колонии и зависимые страны
накануне Первой мировой войны

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ:
(млн кв. км и млн жителей)

	Колонии		Метрополия		Всего	
	1876	1914	1876	1914	1876	1914
Англия	22,5	251,9	33,5	392,5	0,3	46,5
Россия	17,0	15,9	17,4	33,2	5,4	136,2
Франция	0,9	6,0	10,6	55,5	0,5	39,6
Германия	—	—	2,9	12,3	0,5	64,9
С. Штаты	—	—	0,3	9,7	9,4	97,0
Япония	—	—	0,3	19,2	53,0	0,7
Итого 6 великих держав	40,4	273,8	65,0	523,4	16,5	437,2
Колонии остальных держав (Бельгия, Голландия и др.)					9,9	45,3
Полуколонии (Персия, Китай, Турция)					14,5	361,2
Остальные страны					28,0	289,9
					Вся земля	133,9
						1657,0

Ленин В. И., Полюн. собр. соч., изд. 5-е, т. 27, стр. 377

пробить крепостные стены. Тем не менее ему удалось 7 августа захватить город Льеж и ряд переправ через Маас [4]. За успешные действия под Льежем генерал О. фон Эммих стал первым германским офицером, награжденным орденом Pour le Mérite 7 августа 1914 г.

Сопротивление крепости Льеж заставило немецкое командование увеличить численность штурмующих войск в соответствии с тактическими требованиями, доведя общую численность до 100 тыс. человек. Командование группировкой было возложено на генерала К. фон Эйнема. Ключевую роль сыграли 4 тяжелые мортиры «Берты», огонь которых позволил пробить крепостные стены и сломить сопротивление гарнизона. В результате неослабевающих штурмов с 11 по 16 августа немцам удалось форт за фортом овладеть крепостью Льеж. Командующий бельгийским гарнизоном генерал Г. Леман был тяжело ранен и пленен немцами в форте Лонсен 16 августа. Сражение за приграничную крепость Льеж продлилось 11 дней и стоило немцам потерь около 25 тыс. человек [5].

Падение Льежа позволило 1-й и 2-й немецким армиям быстро продвигаться вглубь бельгийской территории в западном направлении. Малочисленные бельгийские части, не имея возможности остановить немецкое наступление и не располагая поддержкой французских союзников, которые были заняты подготовкой собственного наступления и предложили Альберту I максимально сдержать наступление немцев, стали отступать к Антверпену, пожертвовав Брюсселем, который был взят немцами 20 августа. В Антверпен прибыло и правительство Бельгии. Остатки бельгийских сил в количестве 6 слабо укомплектованных пехотных и 1 кавалерийской дивизий заняли оборону по р. Изер, вступив в подчинение французского военного командования [6]. Итоги боев в Бельгии показали, что германской армии пришлось потратить на овладение территорией 17 дней, тем самым поставив под сомнение реализацию плана Шлиффена.

Французское военное командование в лице главнокомандующего армиями Севера и Северо-Востока генерала Ж. Жоффра сразу после начала немецкого наступления в Бельгии стремилось определить направление немецкого наступления

и количество используемых средств. 5 августа генерал Жоффри отдал приказ 1-му французскому кавалерийскому корпусу проникнуть на территорию Бельгии с целью выявления направления немецкого удара, не вступая в активное столкновение с немецкими войсками. Определив направление немецкого удара и используя затяжные бои немцев под Льежем, Жоффри 8 августа отдал приказ о наступлении главных французских сил с целью овладения Эльзасом и Лотарингией [7]. Совершенно очевидно, что действия французов в большей степени носили политический характер и определялись внутривнутриполитическими потребностями, нацеленными на скорейший возврат территорий Эльзаса и Лотарингии. Помощь воюющей бельгийской армии не входила в эти планы, поэтому удар французских войск осуществлялся не навстречу наступающим немецким войскам в Бельгии, а южнее.

Утром 7 августа войска 1-й французской армии под командованием генерала Дюбайля начали наступление и атаковали немцев в г. Мюльгаузене, заставив тех сдать город и отойти за р. Рейн. Получив подкрепление, немецкие войска 9 августа перешли в контр наступление и отбросили французов назад к государственной границе. Это заставило французов перегруппироваться и силами 1-й и 2-й французских армий утром 15 августа начать наступление по направлению на Саарбург и к 19 августа овладеть им. На этом ограничился временный успех французских сил. Последовавший 20 августа контрудар 5-й и 6-й немецких армий привел к тому, что к 28 августа французы были вынуждены отступить к государственной границе [8]. Снижение активности французских войск на данном участке объяснялось тем, что основные события французского наступления разворачивались севернее, на франко-бельгийской границе, где 21–25 августа проходило пограничное сражение.

В приграничных сражениях со стороны Германии принимали участие 5 армий: 1, 2, 3, 4 и 5-я в составе 17 армейских корпусов и 7 кавалерийских дивизий. Во втором эшелоне находились 5 армейских корпусов, составлявших армейский резерв. Им противостояли 3 французские армии: 3-я, 4-я и 5-я, а также британские войска. На правом фланге французов находилась Лотарингская армия. Всего франко-британская группировка

от Вердена до Монса насчитывала 22,5 армейского корпуса и 7,5 кавалерийской дивизии. И германское, и французское командование планировало проведение ширококомандной наступательной операции, целью которой являлся разгром главных сил противника на территории Бельгии. Фактически можно утверждать, что обе стороны планировали проведение генерального сражения, позволившего определить исход всей войны.

Приграничное сражение представляло собой серию встречных боев, проходивших на двух участках: в Арденнах и между речью Самбры и Мааса, которое в историографии еще называется битвой за Шарлеруа. Арденнская битва представляла собой встречное сражение, в котором столкнулись 3-я и 4-я французские армии и 4-я и 5-я германские армии. В ходе боев у Лонгви, начатых 21 августа, 3-я французская армия под командованием генерала Рюфе провела серию встречных сражений и оказалась под угрозой охвата с фланга, что заставило ее 24 августа отойти на линию Мальмеди — Данвилер — Азан. В ночь на 21 августа 4-я французская армия начала наступление на Невшато. Несмотря на внезапность и преимущество в силах французская армия потерпела поражение, отойдя за р. Семуа. 23 августа она предприняла попытку очередного наступления, но под ударами 4-й немецкой армии была отброшена за р. Шьер и Маас. Таким образом, наступление 4-й французской армии завершилось неудачей. Французское командование оказалось в растерянности перед германским наступлением. Поражение французских войск в Арденнах привело к прекращению Приграничного сражения и отступлению вглубь Франции и на р. Марна.

Причинами поражения французских войск являлись оголенность правого фланга наступающей группировки, плохая разведка, плохое использование артиллерии и наступление пехотных частей без артиллерийской поддержки, а также лучшая немецкая подготовка к действиям в лесистой местности. Как отмечал А.М. Зайончковский, «в результате Арденнской операции превосходные французские силы, брошенные на одном из двух основных направлений главного удара (Арденны и Лотарингия) для активных действий с решительными целями были не только скованы германской армией, но, отброшенные

«Наши войска».
Французский плакат

к р. Маас, должны были сдерживать натиск германских армий, правое крыло которых продолжало наступление на северную Францию через Бельгию» [9].

5-я французская армия под командованием генерала Ланрезака 20 августа сконцентрировалась между Шарлеруа и Намюром. К тому моменту германские войска уже овладели Брюсселем силами 1-й немецкой армии, а 2-я немецкая армия обтекала Намюр, устремляясь на запад. Генерал Ланрезак планировал начало наступления после окончательной концентрации французских войск 23 августа. Однако немецкие войска не оставили ему времени для завершения концентрации войск. 21 августа немецкие корпуса 2-й немецкой армии генерала К. фон Бюлова повернули на юг для форсирования р. Самбра. На соединение с ним двигались корпуса 1-й немецкой армии генерала А. фон Клука, который 17 августа временно был подчинен командующему 2-й немецкой армии К. фон Бюлову. Его части, за исключением III резервного корпуса, который блокировал Антверпен,

20 августа вышли на линию Вольфертгем — Ватерлоо, охватывая левый фланг французов. Гвардейский и корпуса армии Бюлова овладели переправами и начали форсирование р. Самбра, просачиваясь между двумя французскими корпусами. Неожиданное появление немецких войск заставило генерала Ланрезака начать скорое наступление, которое было слабо подготовлено и мало обеспечено артиллерийским прикрытием. В результате боев немецкие силы ввели в сражение дополнительные резервы и к вечеру 22 августа отбросили французов, установив полный контроль над рекой Самбра. Ночью ухудшилась ситуация в районе Намюра — авангард 3-й немецкой армии форсировал Маас, заставив 4-ю французскую армию отступить за р. Маас. В результате планируемый Ланрезаком контрудар 23 августа был отменен. И войска 5-й французской армии были вынуждены отойти на соединение с частями 4-й французской армии. Британские экспедиционные силы во Франции в составе двух армейских корпусов и кавалерийской дивизии под командованием фельдмаршала Д. Френча занимала линию Монс — Конде с направлением на Суань. Утром 23 августа ее боевые подразделения были атакованы подходящими на соединение с армией Бюлова частями 1-й немецкой армии фон Клука. Немецкие войска захватили Монс. Так как еще с начала войны фельдмаршал Д. Френч не был подчинен французскому командованию и имел право действовать по собственному усмотрению, то 25 августа он совершил отход своих сил на линию Камбрэ — Ле-Като. Все попытки французского командования организовать взаимодействие с отступающими британскими частями решительно отвергались фельдмаршалом Френчем. В ходе наступательных действий немецким силам удалось овладеть сильной крепостью Мобеж, захватив в плен около 33 тыс. человек и 450 орудий [10].

Итогом приграничных сражений явилось стратегическое отступление всей северной группировки французско-английских сил. Наступление французских войск велось по расходящимся направлениям без должной разведки и локтевой связи наступающих дивизий. Генерал Ж. Жоффри в воспоминаниях констатировал: «Приграничное сражение закончилось неудачей» [11]. Однако нельзя говорить о том, что германским армиям удалось

достичь поставленной цели — разгрома основных сил французских войск. Немецкие части тоже не проявляли должной расторопности, не вели разведки и не использовали благоприятные возможности не на одном из участков сражения в Бельгии по преследованию и отсечению частей противника.

Поражения французских войск в приграничных сражениях вызвали панику в Главной квартире французской армии. Планировалось отвести войска на левый берег р. Сены, на линию Брэ — Бар-ле-Дюк, оставив Париж и разрушив форты Вердена. Военный министр Франции А. Мильеран предложил объявить Париж открытым городом, но это предложение было отвергнуто. Утром 25 августа военный министр по поручению правительства отправил в Главную квартиру приказ о выделении для прикрытия Парижа отдельной армии силами не менее трех корпусов. Жоффри возражал против такого распыления сил, но был вынужден подчиниться и сообщил 30 августа о выделении 6-й французской армии генерала Ж. Монури, которая оказалась на фланге немецкого наступления.

27 августа было критическим днем в Главной квартире. Произошла встреча генерала Жоффри с военным министром А. Мильераном, в ходе которой командующий отметил, что основная трудность заключается в англичанах. Их отступление превращается в бегство, поэтому их следует поддержать и в целях нормализации отношений с фельдмаршалом Френчем заменить командующего 5-й французской армии генерала Ланрезака, которого англичане обвиняли в том, что тот их бросил перед лицом немецкого наступления. К вечеру Жоффри получает письмо от полковника Гюге, в котором тот сообщает: «Я могу только сказать, что английская армия в данный момент больше не существует». Практически одновременно поступил звонок по телефону от полковника Гюге, в котором тот сообщил, что на следующий день английские войска продолжают отступление через Уазу и Ла-Фер. Жоффри заявил Мильерану: «Господин министр, вы должны считаться с тем, что не в очень продолжительном времени немецкая кавалерия появится у Парижа. Вы должны приготовить к этому общественное мнение. Теперь остается одно — держаться и до тех пор оказывать пассивное сопротивление, как только мы будем готовы к новой опера-

ции. <...> Слава Богу, мы имеем благоприятные известия от русских в Восточной Пруссии. Можно надеяться, что благодаря этому немцы будут вынуждены отправить войска отсюда на восток. Тогда мы сможем вздохнуть» [12].

26 августа военным губернатором Парижа и комендантом крепости был назначен генерал Ж.-С. Галлиени, в подчинении которого находился гарнизон парижской крепости, состоящий из 5,5 территориальной дивизии и морской бригады. 28 августа в Париже было введено военное положение, началось активное инженерное укрепление города, были подготовлены к взрыву мосты [13].

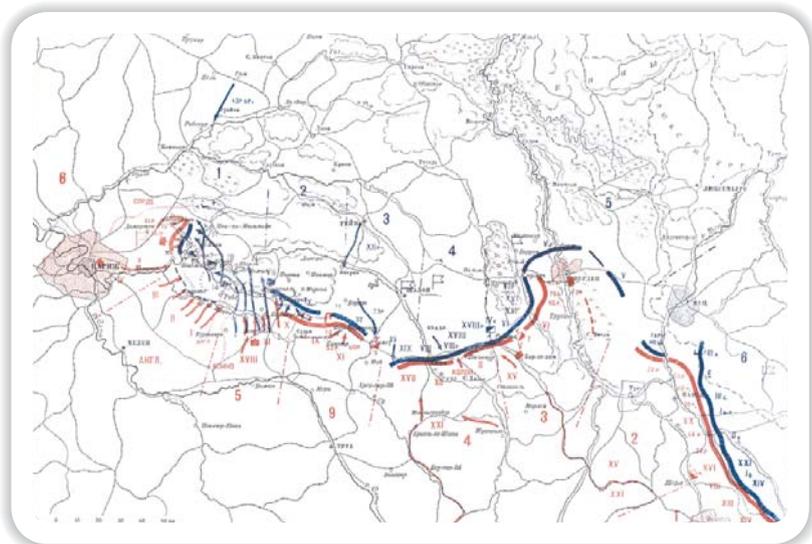
В результате отступления 4-й и 5-й французских армий 28 августа на р. Эн между ними образовался открытый промежуток, для прикрытия которого в спешном порядке была образована армейская группа генерала Ф. Фоша, развернувшаяся к 30 августа севернее Ретеля с направлением отступления на Рейнские высоты. 29 августа 5-я французская армия нанесла неожиданный контрудар у Сен-Картена — Гиза против наступающих частей 2-й немецкой армии, заставив ее остановить темп наступления и подтянуть части 1-й немецкой армии. Французские части были отброшены за р. Уаза.

30 августа 1-я немецкая армия Клука смещает направление удара на юг для оказания поддержки 2-й немецкой армии и развития успеха наступления на р. Уаза. Таким образом, Крук, отказываясь от обхода Парижа с запада, бросил войска в образовавшийся в результате отступления английских войск промежуток между Парижем и 5-й французской армией, преследуя английские войска. При таком повороте на юго-восток Крук оставлял висеть 6-ю французскую армию Манури на своем фланге. Английские части, отойдя за Уазу, бездействовали. Генерал Жоффр поехал к фельдмаршалу Френчу и попытался его убедить в необходимости активных действий, но тот требовал двое суток на отдых. По отъезду французского командующего командир 2-го английского корпуса Смит-Дориен заявил: «Нам не остается ничего другого, как идти к гаваням, чтобы посадить наши войска на суда и отправиться домой. Здесь нечего больше делать». Френч отклонил это предложение, но полагал необходимым готовиться к отходу к своим базам. 31 августа

англичане отошли за р. Эн, а 3 сентября — за р. Марна [14]. К вечеру 3 сентября преследовавшие англичан войска 1-й немецкой армии генерала Клука основными силами стояли на р. Марна, а часть сил IX корпуса — за рекой. Продолжая двигаться на юг, к вечеру 4 сентября все силы 1-й немецкой армии находились южнее Марны.

Как отмечает М. Галактионов, «до 4 сентября плана Марнского маневра не существовало» [15]. 5 сентября командующий 1-й немецкой армией генерал Клок усмотрел угрозу правому флангу армии со стороны Парижа от 6-й французской армии генерала Манури. Для прикрытия фланга он принял решение направить на берега р. Урк два корпуса. Вследствие этого перед британской армией образовался оголенный участок протяженностью до 50 км, слабо прикрываемый кавалерией 1-й и 2-й немецких армий.

Французское наступление на Марне началось 6 сентября. В этот день в приказе Жоффра по войскам отмечалось: «В момент, когда завязывается сражение, от которого зависит спасение страны, необходимо напомнить всем, что нельзя больше оглядываться назад; все усилия должны быть направлены на то, чтобы атаковать и отбросить неприятеля; часть, которая не может больше двигаться вперед, должна будет, чего бы это ни стоило, сохранить захваченное пространство и скорее дать убить себя на месте, чем отступить. При настоящих обстоятельствах не может быть терпима никакая слабость» [16]. Эти слова отражают степень напряженности в эти дни. Накануне 5 сентября, когда приказ о начале битвы был отправлен в войска, Жоффри узнал об отказе английских войск принимать участие в общем наступлении. Возбужденный этим известием, он немедленно отправился в ставку британских экспедиционных сил в Мелен. Но автомобиль попал в пробку на дороге, по которой к Парижу отступали части 4-го французского армейского корпуса. Не видя конца колонны, Жоффри предложил позавтракать. Когда он прибыл в Мелен, между ним и фельдмаршалом Френчем происходит серьезный разговор на повышенных тонах. Несмотря на все доводы Жоффра английский фельдмаршал упрямялся и отказывался присоединиться к общему наступлению против немцев. Тогда Жоффри, стукнув кулаком по столу, крик-

Битва при Марне

нул: «Честь Англии поставлена на карту», что заставило Френча согласиться, сказав: «Я сделаю все, что возможно» [17].

Битва на Марне началась в полосе наступления 6-й французской армии. Инициатором этого удара был военный губернатор Парижа генерал Галлиени, в подчинении которого находилась 6-я армия и который сразу увидел возможность нанесения флангового удара по войскам Клука. Фактически битва на Марне была запланирована как фланговый удар. Выдвижение 6-й французской армии на исходные позиции к р. Урк привело к тому, что французские части неожиданно столкнулись с подразделениями IV резервного немецкого корпуса генерала Г. фон Гронау, оставленного Клуком для прикрытия парижского направления, который предпочел первым нанести удар по французам, но осознав, что ему противостоит численно превосходящий противник, отошел на возвышенности за р. Теруан. Сообщению о встречном бое Гронау с французам в штабе Клука не придали значения, и Клок продолжил маневр. Если бы Клок и Мольтке-младший обратили на это

внимание и вернули части 1-й немецкой армии на р. Урк, то ситуация для 6-й французской армии приобрела бы катастрофический характер. Только в ночь с 5 на 6 сентября в штабе Клука оценили всю опасность положения и срочно стали перебрасывать части II немецкого корпуса для поддержки IV корпуса. В ходе начавшегося французского наступления 6 сентября к исходу дня немецкие войска IV резервного и II немецких корпусов были вытеснены с высот на р. Теруан. Это заставило Клука усилить фланговые силы еще IV немецким корпусом, в результате 1-я немецкая армия оказалась разделенной на две части: IV резервный, II и IV армейские корпуса находились севернее р. Марны, а III и IX армейские корпуса южнее р. Марны, переданные в подчинение 2-й немецкой армии фон Бюлова. Французы получили возможность использовать разделение 1-й немецкой армии на две группы, и все зависело от активных действий англичан в полосе их наступления. Однако продвижение английских войск носило крайне осторожный характер. Его почувствовали немцы и спешно перебросили дополнительные подразделения на фланг и решительными действиями остановили фланговое наступление 6-й французской армии. 2-я немецкая армия столкнулась с наступлением 5-й и 9-й французских армий, ведя упорные бои в районе Сен-Гондских болот, которые привели к вытеснению частей 9-й армии генерала Фоша. Ситуация с планом французского наступления стала для немцев ясной к вечеру 6 сентября, когда у д. Фринькур на р. Марна был найден текст боевого приказа Жоффра об общем наступлении [18].

7 сентября интенсивность боев на р. Урк возросла. Крук срочно перебросил туда оставшиеся два корпуса. Командующий 6-й французской армией генерал Манури стремился сдерживать немецкие атаки, но сил не хватало. Генерал Галлиени перебросил части 7-й дивизии: артиллерию походным порядком, одну пехотную бригаду по железной дороге, а другую на парижских такси, мобилизовав 1200 машин. Французские и английские части вклинились в стык между 1-й и 2-й немецкими армиями, заставив тех к вечеру 8 сентября отойти. Это обстоятельство привело к тому, что 9 сентября немецкое верховное командование отдало приказ об общем отходе за р. Эна.

А.М. Зайончковский отмечал: «Союзные англо-французские армии — ни вечером 9-го, ни в ночь с 9 на 10 сентября не предприняли никаких попыток к преследованию германцев (частей 1-й и 2-й немецких армий, которые начали отход. — Прим. С.А.). Французы пытливо вглядывались в свой центр и левый фланг еще 10 сентября. С крайним удивлением и недоверием они отнеслись первоначально к тому, что германцы исчезли, и совершенно искренно признали, что совершилось чудо Марнской победы» [19].

Преследование немецких частей началось только 10 сентября, но осуществлялось вяло, что позволило немцам силами двух корпусов 7-й немецкой армии 13 и 14 сентября закрыть разрыв между 1-й и 2-й немецкими армиями. Это заставило Жоффра отдать приказ о приостановке наступления и закреплении на захваченных позициях.

Марнская битва была первой крупной наступательной операцией стратегического масштаба, осуществленной на Западном фронте союзниками по Антанте. В боях принимали участие 5 германских и 6 армий союзников общей численностью около 2 млн человек. Марнская битва отличалась активным применением артиллерии, особенно крупных калибров. Всего обеими сторонами было задействовано более 6600 орудий. Операция проводилась в полосе шириной до 180 км и продолжалась 8 дней. В ходе наступления французские и английские части продвинулись на 60 км [20]. 14 сентября в Берлине было принято решение о смещении начальника Большого Генерального штаба. Под предлогом болезни Мольтке-младший был отстранен от должности и заменен генералом Э. Фалькенхайном. После Марнской битвы обе стороны еще сохраняли надежду на фланговый удар и поэтому стали перебрасывать на северный участок фронта все новые и новые силы, пока линия фронта не достигла берегов Северного моря. Это выдвижение линии фронта получило название «бега к морю», который сопровождался постоянными встречными боями. К середине ноября 1914 г. активные действия немецких войск на Западном фронте прекратились, и война приобрела позиционный характер.

Кампания 1914 г. на Восточном фронте, особенно действия русских войск в Восточной Пруссии, оказала воздействие на

исход Марнской битвы, так как германское командование было вынуждено снять с парижского направления два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию для переброски их в Восточную Пруссию.

Боевые действия на Восточном фронте тоже носили маневренный характер. Первой военной кампанией была Восточно-Прусская операция, проходившая с 17 августа по 14 сентября. Ставка Верховного главнокомандующего русской армией генерала от кавалерии великого князя Николая Николаевича-младшего с первых дней войны стремилась выполнять союзнические обязательства. Когда французские войска оказались в тяжелом положении на Западном фронте, возник план проведения наступательных действий русской армии в Восточной Пруссии. 13 августа главнокомандующий Северо-Восточным фронтом генерал Жилинский издал директиву на проведения наступления в Восточной Пруссии. План операции предусматривал наступление силами двух русских армий с целью разгрома 8-й немецкой армии и дальнейшего продвижения вглубь германской территории с направлением на Берлин. Операция предусматривала охват немецкой группировки с обоих флангов. 1-я (Неманская) русская армия под командованием генерала П.К. Ренненкампфа наступала в обход Мазурских озер с севера, отрезая немецкие войска от Кенигсберга и р. Висла. 2-я (Наревская) русская армия под командованием генерала А.В. Самсонова наступала в обход Мазурских озер с запада, не допуская отхода немецких сил за р. Вислу. 1-я и 2-я русские армии и конный корпус генерала хана Г. Нахичеванского включали в себя 250 тыс. человек в составе 17,5 пехотной и 5 кавалерийских дивизий, 1104 орудий, в том числе 24 тяжелых, 54 самолетов. Им противостояла 8-я немецкая армия под командованием генерал-полковника М. фон Притвица в составе трех армейских и одного резервного корпусов общей численностью 220 тыс. человек, включавших в себя 15 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, 1044 орудия, в том числе 156 тяжелых, 56 самолетов и 2 дирижабля [21]. Анализируя состояние сил, задействованных в операции, следует отметить, что русские войска располагали численным превосходством, но по количеству дивизий они были равны немцам. Однако русские части,

немного превосходя немцев в количестве артиллерии, в 6 раз уступали им в количестве тяжелых орудий.

Наступление 1-й русской армии началось 17 августа. В этот день 3-й русский армейский корпус генерала Н.А. Епанчина столкнулся с I немецким резервным корпусом генерала фон Франсуа под Сталюпененом. Епанчин при поддержке 29-й пехотной дивизии смог сломить сопротивление немцев и овладеть городом. 20 августа произошло крупное сражение в районе Гумбиннена. Героем сражения был 3-й русский армейский корпус генерала Епанчина, который разбил I немецкий армейский корпус генерала Г. фон Франсуа и нанес чувствительное поражение XVII немецкому армейскому корпусу генерала А. фон Макензина, потерявшему 8 тыс. человек, что составляло треть от общей численности корпуса. Однако, нанеся поражение немцам, Епанчин остановил свои войска и не стал преследовать отходящего противника. Благоприятный момент для разгрома немецких сил был упущен. Командующий 1-й русской армией генерал Ренненкампф после победы под Гумбинненом отдал приказ о двухдневном отдыхе, после чего, в соответствии с приказом Жилинского о взятии Кенигсберга, начал медленное продвижение к городу. Несмотря на наличие кавалерии, штаб 1-й русской армии был не осведомлен относительно не только действий противника, но и места его расположения. Разведка должным образом не велась. Прямой связи между наступающими русскими армиями не было, и они могли общаться только через штаб фронта.

2-я русская армия генерала Самсонова, имевшая в своем составе 5 армейских корпусов в составе 10 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, располагая 702 орудиями, начала наступление 20 августа. Армия была развернута на фронте Гродно — Осовец — Остроленка протяженностью около 200 км. Командование Северо-Западным фронтом торопило командующего армией генерала Самсонова с началом проведения операции, не обеспечив функционирования тылов. 2-й русской армии пришлось наступать по трудным песчаным дорогам в местности с бедным продовольствием. Узнав о наступлении 2-й русской армии в тыл 8-й немецкой армии, генерал Притвиц, опасаясь оказаться в окружении и потерпеть крупное пораже-

*Гинденбург, Вильгельм II и Людендорф
за картой Восточного фронта*

ние, 20 августа отдал приказ об отступлении и проинформировал Верховное командование о своем решении эвакуировать Восточную Пруссию и отступить за р. Висла. Однако видя пассивность 1-й русской армии, Притвиц изменил свое решение. Произведя перегруппировку сил, он решил создать прикрытие против 1-й русской армии и основными силами нанести удар по левому флангу наступающей 2-й русской армии. Верховное командование Германии отрицательно среагировало на предложение командующего 8-й армией сдать Восточную Пруссию и 22 августа сместило Притвица с должности командующего и отправило в отставку. Также был снят с должности и начальник штаба генерал Г. Вальдерзее. Новым командующим армией был назначен генерал П. фон Гинденбург, а начальником штаба — генерал Э. Людендорф, которые приступили к своим обязанностям 24 августа.

23 августа 15-й русский армейский корпус генерала Н.Н. Мартоса столкнулся с XX немецким армейским корпусом

у Орлау-Франкенау и, отбросив его, продолжил наступление в северном направлении. Новое командование 8-й немецкой армией в целом согласилось с планом, разработанным Притвицем и Вальдерзее, внося в него отдельные уточнения. Касаясь перспективы проведения операции, Э. Людендорф в своих мемуарах отмечал, что «все зависело от Ренненкампа. Если бы он захотел использовать свой успех при Гумбинене и быстро продвигался вперед, это (наступление против 2-й русской армии. — Прим. С.А.) было бы немыслимо. <...> постепенно становилось ясно, что Ренненкампф продвигался вперед совсем медленно» [22].

Для нанесения удара по 2-й русской армии с севера Гинденбург привлек два корпуса — I резервный корпус генерала фон Франсуа и XVII армейский корпус генерала А. фон Макензина. Используя развитую систему железных дорог в Восточной Пруссии, германское командование смогло быстро произвести перегруппировку основных сил, создав против 2-й русской армии группировку в составе 13 пехотных дивизий в двух ударных группировках при поддержке 700 орудий против 9 русских дивизий, располагавших 450 орудиями [23]. 26 августа I резервный и XVII армейский корпуса разбили 4-ю русскую пехотную дивизию 6-го армейского корпуса генерала А.А. Благовещенского, который покинул войска, а части корпуса начали отступление на юг. Попытка немцев потеснить 1-й русский корпус генерала Л.К. Артамонова, наступавший от Млавы, не привела к успеху. 27 августа немцами от имени командующего был передан командиру 1-го русского корпуса ложный приказ об отступлении, который был выполнен. 28 августа генерал Самсонов принимает решение оставить штаб и отправиться в войска в надежде суметь выправить сложившуюся ситуацию. В результате командующий 2-й русской армией потерял общее управление группировкой. В тот же день два центральных русских корпуса — 13-й генерала Н.А. Ключева и 15-й генерала Н.Н. Мартоса в результате значительного выдвигания вперед без флангового прикрытия оказались отсечены и попали в полукружение. 29 августа I немецкий резервный корпус разбил 15-й корпус генерала Мартоса, который раненым попал в плен. На рассвете 30 августа остатки 13-го и 15-го армейских

корпусов, окруженные в районе Комусинского леса восточнее Танненберга, пошли на прорыв тремя колоннами в южном и восточном направлении. Прорывом руководил командир 13-го корпуса генерал Ключев. Пошедший со штабом в прорыв командующий 2-й русской армией генерал Самсонов отстал от своих и, оказавшись в безвыходной ситуации, застрелился. Корпуса как боевые подразделения были разбиты и перестали существовать. Генерал Ключев отдал приказ о сдаче в плен. Всего из окружения вышло около 20 тыс. человек. В котле погибло свыше 6 тыс. человек, около 20 тыс. раненых и 92 тыс. пленных [24].

Нанеся поражение 2-й русской армии, немцы, используя железную дорогу, перебросили большую часть сил против 1-й русской армии генерала Ренненкампа. 6 сентября 8-я немецкая армия начала наступление против русских войск из района Мазурских озер. К вечеру 7 сентября, прорвав оборону русских войск Ренненкампа, германские силы начали охват левого фланга русской армии. Это заставило командующего 1-й русской армии отдать приказ об отходе. Ведя арьергардные бои, части 1-й русской армии покинули территорию Восточной Пруссии.

Причиной поражения русских войск в Восточной Пруссии была недооценка командованием Северо-Западного фронта и конкретно генералом Жилинским противника, его способность скоординировать действия двух армий и отсутствие четких представлений о намерениях немецких войск. Степень вины за поражение и понесенные потери лежит и на генералах Ренненкампе и Самсонове. Неудача русских войск в Восточной Пруссии имела и положительный аспект, оказавший существенное влияние на ход всей кампании. Достаточно было русским войскам начать успешное наступление в Восточной Пруссии, как Верховное командование Германии было вынуждено пожертвовать плотностью немецких войск во Франции и спешно перебросить два армейских корпуса и кавалерийскую дивизию с Западного фронта в Пруссию для усиления 8-й немецкой армии и предотвращения прорыва русских войск вглубь германских территорий.

Русское командование одновременно с проведением Восточно-Прусской операции осуществило не менее широко-

Гинденбург и Людендорф перед картой битвы у Танненберга

масштабное наступление сил Юго-Западного фронта против австро-венгерских войск. В своей организации действия Юго-Западного фронта в чем-то напоминали подготовку наступления Северо-Западного фронта. Речь прежде всего идет о том, что оба наступления готовились внезапно и спешно по просьбе союзников по Антанте, поэтому совершались до завершения полного сосредоточения сил. Командование Юго-Западного фронта в лице командующего фронтом генерала Н.И. Иванова и начальника штаба генерала М.В. Алексеева планировало атаковать австро-венгерские войска в Галиции, разгромить их и не позволить отступить на юг за р. Днестр и на запад к Кракову. Войска фронта, растянутые по дуге на протяжении 400 км, включали в себя 4-ю армию генерала А.Е. Зальца, замененного потом генералом А.Е. Эвертом, 5-ю армию генерала П.А. Плеве, 3-ю армию генерала Н.В. Рузского и 8-ю армию генерала А.А. Брусилова. Наступление армий осуществлялось с интервалом в сутки, соответственно 8-я армия — 19 августа, 3-я армия — 20 августа, 4-я армия — 21 августа и 5-я армия —

22 августа. Причем основные силы 4-й и 5-й армий вступили в сражение 23 августа. В соответствии с планом 8-я и 3-я армии наступали на Львов, 4-я — на Перемышль, а 5-я — на линию Моциска — Львов [25].

Австро-Венгерская армия также планировала проведение решительных наступательных действий при поддержке германских войск в направлении г. Седлец. В результате с 19 августа по 26 сентября происходила грандиозная по масштабам Галицийская битва, развернувшаяся между Днестром и Вислой.

Наступление в Галиции началось 26 августа. Кроваво-пролитные бои, которые вели 3-я и 8-я русские армии против 2-й и 3-й австрийских армий в течение 26–27 августа, привели к тому, что австрийцы были вынуждены оставить Львов. Наступавшая на Перемышль 4-я русская армия столкнулась с встречным наступлением 1-й австрийской армии, усиленной несколькими немецкими пехотными дивизиями. Русские войска в количестве 6,5 пехотной и 2,5 кавалерийской дивизий существенно уступали противнику, имевшему 14 пехотных и 2 кавалерийские дивизии. Направлением удара австрийских войск был город Люблин, но атаки были отбиты. 4-я русская армия под давлением австрийцев была вынуждена отойти к г. Холм. Понимая критическое положение 4-й русской армии, Ставка Верховного главнокомандующего перебросила на участок 4-й армии подкрепления и создала западнее ее новую 9-ю армию, что позволило обеспечить перевес сил в пользу русских войск. Созданная группировка насчитывала 26,5 пехотной и 9,5 кавалерийской дивизии против 15,5 пехотной и 4 кавалерийских австро-венгерских дивизий. Русское командование планировало нанесением совместных концентрических ударов 9, 4, 5 и 3-й русских армий в треугольнике между реками Висла и Сан окружить и разбить 1-ю и 4-ю австро-венгерские армии [26].

Широкомасштабная Галицийская битва проходила на фронте в 400 км. За время проведения операции русские войска Юго-Западного фронта продвинулись вглубь австрийских территорий на 280–300 км и достигли р. Дунаец. Поставленные обеими сторонами цели так и не были достигнуты, но учитывая количество потерь, понесенных австро-венгерскими

войсками, можно говорить о существенных русских успехах. В ходе Галицийской битвы русская армия потеряла до 230 тыс. человек, в том числе 40 тыс. пленными, и 94 орудия. Потери Австро-Венгерских армий были значительно выше — 326 тыс. человек, из которых более 100 тыс. человек были пленными, и 400 орудий [27].

Победы русских войск в Галиции оказали существенное воздействие на проведение операций на Западном фронте и способствовали оттягиванию значительных немецких сил на Восточный фронт, приводя к снижению темпов германского наступления. После окончания боев в Восточной Пруссии германское командование начало переброску сил на юг для помощи австро-венгерским союзникам. Русское командование своевременно обнаружило переброску и оказалось готово к появлению на фронте немецких войск. Запланированная командованием Варшавско-Ивангородская операция началась 28 сентября наступлением немецких и австро-венгерских войск. Им удалось выйти к левому берегу р. Висла, но форсировать реку и овладеть расположенной на правом берегу крепостью Ивангорода противник не смог. В ходе русского контрудара немецкие войска были отброшены от крепости и отошли от Варшавы, перейдя к обороне.

Совершив перегруппировку сил, русское командование 18 октября начало наступление на варшавском и ивангородском направлениях. По замыслу командования, русские части должны были выйти к Верхнему Одеру, создав предпосылки для дальнейшего глубокого вторжения в Германию. В результате русского наступления к 23 октября 9-я немецкая армия была отброшена к границам Силезии, а 1-я австро-венгерская армия — на линию Кельце — Сандомир. Оторванность русских армий от своих тылов не позволила развить наступление. К тому же германские войска 11 ноября начали Лодзинскую операцию. 9-я немецкая армия нанесла сильный фланговый удар по группировке русских войск на стыке вновь созданных 1-й и 2-й русских армий Северо-Западного фронта, но дальнейшее продвижение немцев было остановлено контрударом Северо-Западного фронта под командованием генерала Рузского. Русская армия вела кровопролитные бои на истощение.

Наиболее ожесточенными были сражения за Лодзь. Лодзинская операция завершилась 24 ноября безрезультатно для обеих сторон. Германским войскам не удалось окружить и уничтожить русские армии. Русскому командованию, в свою очередь, не удалось совершить глубокое вторжение на территорию Германии. Начавшийся в 20-х числах декабря снегопад остановил боевые действия в Карпатских горах. Положение на Восточном фронте стабилизировалось.

Подводя итог кампании 1914 г., следует указать на ряд существенных особенностей, которые оформились в первые месяцы Первой мировой войны. Германские вооруженные силы, сделав ставку на сокращение двухстороннего фронта на односторонний, предприняли успешное наступление на Западном фронте в августе 1914 г. Немецкий успех строился на использовании тактики «блицкрига», которая предполагала разгром противника в течение короткого времени, примерно одного-двух месяцев. Германский удар в Бельгии и поражение французских войск в Арденнской битве и сражении при Шарлеруа открыли германским армиям дорогу во Францию. В результате возникла угроза падения Парижа и развала фронта. Идя навстречу просьбам о помощи, русское Верховное командование подготовило в спешном порядке и провело две широкомасштабные операции силами Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии и Юго-Западного фронта в Галиции. В результате русского наступления в Восточной Пруссии возникла угроза окружения и разгрома 8-й немецкой армии. Однако из-за отсутствия взаимодействия между 1-й и 2-й русскими армиями, фронтового управления армиями при проведении операции первоначальный успех обернулся катастрофой 2-й русской армии генерала Самсонова. Операция в Галиции позволила русским войскам овладеть г. Львов и существенно углубиться на территорию противника на несколько сот километров. Активность русских войск на Восточном фронте заставила германское командование в спешном порядке спасать ситуацию от крушения и перебрасывать на восток дополнительные силы. Операция русских войск в Восточной Пруссии привела к переброске туда дополнительно двух армейских корпусов, которых так не хватало немецким

войскам под Парижем в сентябре 1914 г. Отсутствие двух немецких корпусов сделало французский успех на Марне реальностью. «Чуду на Марне» способствовали бои русских войск в районе Мазурских озер. Действия русского Юго-Западного фронта существенно обескровили австро-венгерские армии и создали угрозу прорыва русских войск на территорию Германии. Это заставило немцев начать наступательные действия на Восточном фронте в ноябре 1914 г., что позволило остановить продвижение русских войск. Германская стратегия «блицкрига» провалилась. На полях Западного и Восточного фронтов началась позиционная война. Это означало, что война вместо кратковременной операции стала превращаться в затяжную кампанию, где вместе с армиями начинали воевать экономики.

1.2. Боевые действия на море: начало битвы за Атлантику и блокады флота Германии. Успехи немецких подводных лодок. Сражение в Гельголандской бухте. Набег на Ярмут. Итоги морской кампании 1914 года на Западе

С началом Первой мировой войны определились основные театры военных действий на море. Для английского Гранд-Флита и французского флота таковыми стали Северное море, Ла-Манш, Атлантика, Средиземное море; для Российского Императорского флота — Черное и Балтийское моря; для японского флота — Тихий океан [28]. Но главная линия морского противоборства проходила в Северном море и Атлантике между ВМС Великобритании и Германии. В виду численного превосходства британского флота адмирал Фридрих фон Ингеноль подготовил Флот открытого моря к обороне: были заминированы подходы к главной базе флота Германии — Вильгельмсхафену [29]. В свою очередь, английский командующий адмирал Джон Джеллико организовал не ближнюю, а дальнюю блокаду немецких баз, опасаясь в начале войны вступать в решительные столкновения [30].

Первые боевые столкновения между ВМФ Германии и Великобритании произошли в полном соответствии с выбранными

противниками стратегиями: к английским берегам были направлены легкие силы Кайзерлихмарине — минные заградители и подводные лодки. 4 августа 1914 г. минный заградитель «Королева Луиза», не успев выполнить задание по минированию устья Темзы, был потоплен английским крейсером. Однако и крейсер «Амфион», потопивший заградитель, возвращаясь после операции, попал на минное поле и погиб [31]. Первая потеря оказала влияние на Д. Джеллико: адмирал приказал эсминцам уйти из опасных вод в Гарвич, а крейсерам — в Доунс и немедленно начать траление подозрительных районов.

Действия подводных лодок в этот же период не отличались особым успехом: 1-я флотилия подводных лодок (капитана 2-го ранга Х. Бауэра) не смогла уничтожить ни торговые, ни военные корабли союзников, но лишилась двух из 10 своих лодок: U-13 пропала без вести, а U-15 была потоплена 9 августа у острова Фэр-Айл (Шотландия) английским крейсером «Бирмингем» [32].

Более успешно в августе 1914 г. действовали германские крейсера, которые с 18 по 23 августа у острова Гельголанд потопили 6 английских рыболовных траулеров [33]. Однако к более крупным сражениям вылазки легких крейсеров Германии не привели, и после 23 августа командование Кайзерлихмарине возобновило активные минные постановки. Заградители «Альбатрос» и «Наутилус» заминировали устье рек Тайн и Хамбер. Подобные действия адмирала Фридриха фон Ингенюля заставили Д. Джеллико скорректировать первоначальный план дальней блокады и перейти к более активным операциям.

25 августа 1914 г. коммодор Роджер Кейз предложил командованию Гранд-Флита план крупной операции по ликвидации немецких дозорных кораблей у острова Гельголанд, который входил в систему обороны немецкого побережья Северного моря [34]. обороной Гельгоlanda руководил адмирал Франц фон Хиппер, которому подчинялись все морские и воздушные силы острова [35]. План Р. Кейза состоял в том, чтобы силами подводных лодок атаковать ночные дозоры из германских эсминцев. Если им на помощь выйдут легкие крейсера, то их уничтожит соединение коммодора Р. Тэрвита (2 легких крейсера и 31 эсминец). Для поддержки английских кораблей Р. Кейз

предложил использовать линейные крейсера «Инвинсибл» и «Нью Зиланд» (контр-адмирал Гордон Мур) [36].

Согласно первоначальному плану подразумевалось, что во время выхода английских подводных лодок на позицию линейные крейсера и эсминцы направятся на юго-восток от Доггер-банка, а затем пройдут на северо-восток, чтобы в 4 часа утра следующего дня эсминцы оказались в 25 милях на юго-запад от плавучего маяка Гельгоlanda, а линейные крейсера будут на позиции к западу от него. С этой точки должна была развиваться вся дальнейшая операция.

Адмирал Д. Джеллико 26 августа план одобрил, но решил привлечь к операции 1-ю эскадру линейных крейсеров вице-адмирала Д. Битти («Лайон», «Куин Мэри», «Принсесс Ройял») для поддержки действий Мура, а также 6 легких крейсеров коммодора Гуденафа для поддержки сил Р. Тэрвита [37]. Всего английский флот выделил 5 линейных крейсеров, 8 легких крейсеров, 33 эсминца и 8 подводных лодок [38].

Силы Флота открытого моря у Гельгоlanda были следующими: на внешней, первой линии дозора службу несла 1-я флотилия эсминцев, на второй — внутренней линии — находилась 3-я флотилия старых миноносцев; подводные лодки утром 28 августа были еще на базе. В море, помимо миноносцев, дежурили три легких крейсера: «Штеттин», «Фрауенлоб» и «Хела». А недалеко от острова Боркум занял позицию легкий крейсер «Майнц». В бухте Яде базировались легкие крейсера «Кельн» (под флагом контр-адмирала Л. Мааса), «Ариадне», «Страсбург» и «Штральзунд». В Брунсбютеле, у Кильского канала, были крейсера «Данциг» и «Мюнхен». Главные силы Кайзерлихмарине стояли в Вильгельмсхафене, однако из-за отлива не могли оперативно выйти в море [39].

Сражение началось 28 августа 1914 г. в 5 часов утра, когда немецкий эсминец G-194 обнаружил английскую подводную лодку. E-7, одна из тех трех лодок, призванная по плану отвлекать внимание немецких дозоров, атаковала эсминец, выпустив две торпеды. Получив донесение с эсминца, контр-адмирал Ф. Хиппер отдал приказ 5-й флотилии эсминцев и самолетам Гельгоlanda начать поиск английских подводных лодок около базы [40].

Около 7:00 утра G-194 и G-196 доложили командованию об обнаружении надводных английских кораблей — крейсера «Аретьюза» и четырех эсминцев. Ф. Хиппер немедленно приказал отходить двум миноносцам к Гельголанду [41]. Корабли Р. Тэрвита устремились в погоню. На помощь германским миноносцам Ф. Хиппер направил два легких крейсера — «Штеттин» и «Фрауенлоб», которые в 7:55–7:58 завязали бой с крейсером «Аретьюза» и с кораблями 3-й флотилии эсминцев. «Аретьюза» получила 25 попаданий, которые нанесли существенные повреждения: скорость упала до 10 узлов, осталось только одно орудие [42]. В период между 8:20–8:25 перестрелка с обеих сторон прекратилась. «Фрауенлоб» стал отходить к Вильгельмсхафену, а Р. Тэрвит, ввиду повреждений «Аретьюзы», повернул на запад под прикрытие сил адмирала Д. Битти.

В это же время миноносец V-187 уходил, отстреливаясь от 1-й британской флотилии эсминцев, но, получив несколько попаданий, затонул. Сразу после гибели V-187 к нему на помощь подошел легкий крейсер «Штеттин», и английские эсминцы отступили [43]. В итоге к 8:30 в сражении образовалась пауза, которую обе стороны использовали для стягивания новых сил к Гельголанду. На помощь германским кораблям пришли легкие крейсера «Майнц», «Страсбург», «Кельн», «Ариадне», «Кольберг» и «Штральзунд». Прибытие шести крейсеров изменило соотношение в пользу Германии, и около 11:00 командор Тэрвит и коммодор Блант срочно направили адмиралу Д. Битти радиогаммы о помощи.

Но раньше Д. Битти — в 11:30 — подошли к месту сражения 6 крейсеров Гуденафа, и положение сторон снова изменилось. Легкий крейсер «Майнц» быстро получил серьезные повреждения, а после попадания торпеды с британских эсминцев полностью потерял ход [44]. Как раз в это время к сражающимся легким крейсерам подошли силы Д. Битти. Его линейные крейсера обстреляли «Майнц» и «Кельн», нанеся новые тяжелые повреждения. В 12:56 корабли Д. Битти открыли огонь по легкому крейсеру «Ариадне», который почти сразу получил несколько попаданий; экипажу пришлось его оставить. В 13:10 Д. Битти, опасаясь появления линейных сил Флота открытого моря, приказал возвращаться к британским берегам.

Легкий крейсер «Майнц»

Уже на отходе, в 13:25, английские корабли уничтожили поврежденный ранее «Кельн», на котором погиб адмирал Л. Маас. «Майнц» и «Ариадне» затонули от полученных повреждений [45]. Линейные крейсера Ф. Хиппера из-за отлива в заливе Яде смогли выйти в открытое море лишь спустя несколько часов после завершения сражения. Не обнаружив противника, они вернулись на базы.

По итогам сражения англичане потеряли убитыми 32 человека и 55 ранеными; 1 крейсер и 3 эсминца были повреждены. Германия потеряла 3 легких крейсера и 1 эсминец; 712 человек были убиты [46]. Еще более важными оказались последствия сражения. В Германии кайзер Вильгельм II запретил выходы в море без его разрешения не только крупным кораблям, но даже крейсерам. Кроме того, была усилена оборона залива Яде.

В Великобритании первая крупная морская победа вызвала в обществе и прессе большое воодушевление — ведущие газеты вышли с отчетами о битве и фотографиями как отличившихся собственных кораблей, так и уничтоженных кораблей противника [47].

После сражения 28 августа 1914 г. основные усилия Кайзерлихмарине были направлены на организацию дозоров

у главных баз, а в активных действиях полагались на подводные лодки. Уже 5 сентября 1914 г. лодки U-20 и U-21 дошли до острова Мэй, где потопили английский крейсер «Патфайндер». А 16 сентября германские подводные лодки были направлены в залив Кале, где по данным разведки скопилось много британских и французских военных кораблей и транспортов. Одной из лодок, отправившихся на выполнение приказа, была U-9 под командованием капитан-лейтенанта Отто Веддигена [48].

22 сентября U-9 обнаружила броненосные крейсера «Абукир», «Хог» и «Кресси» (коммодор Драммонд), которые остались без прикрытия миноносцев и выполняли обычное патрулирование 10-узловым ходом. В 7:20 германская лодка, оставаясь необнаруженной, выпустила первую торпеду по «Абукиру». Англичане решили, что попали на мины, что и было передано на крейсера «Хог» и «Кресси», которые стали сближаться с «Абукиром» для оказания помощи. Но крейсер «Абукир» через 20 минут перевернулся и затонул. Тогда U-9 уже с ближней дистанции в 7 часов 55 минут атаковала «Хогу», который взорвался и быстро затонул. Только в этот момент моряки на «Кресси» обнаружили подводную лодку и попытались ее атаковать. Но в 8:15 и 8:35 U-9 выпустила последние торпеды, потопившие британский крейсер [49].

Гибель 3 броненосных крейсеров и 1459 человек от одной единственной подводной лодки шокировала не только командование Гранд-Флита, но и все британское общество. А Отто Веддиген стал первым и самым знаменитым подводником войны. Пока британское Адмиралтейство занималось анализом причин случившейся катастрофы, О. Веддиген 15 октября потопил броненосный крейсер «Хаук». После этого опасность от подводных лодок, как и от мин, была признана в британском флоте самой существенной. Адмирал Д. Джеллико решил перебазировать главные силы флота в Лох Суилих на северном побережье Ирландии, так как Скапа-Флоу была признана слишком опасной и открытой базой для подводных лодок.

27 октября подтвердились опасения адмирала Д. Джеллико о минной опасности: новейший линкор «Одейшес» подорвался на немецкой mine и, несмотря на все усилия по спасению, к вечеру затонул [50]. Боясь новых всплесков возмущения и кри-

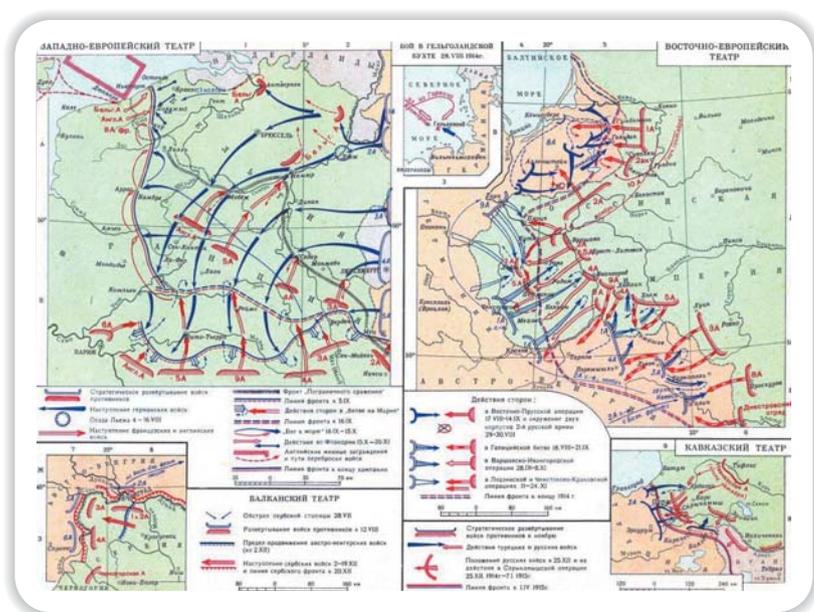
тики, Адмиралтейство Великобритании не стало обнародовать новости о гибели корабля.

Все эти неудачи в войне вызвали перестановки в руководстве британских ВМС: новым первым морским лордом стал адмирал Джон Фишер, который приступил к исполнению обязанностей 30 октября 1914 г. [51] Первоочередная задача Д. Фишера — пересмотр как судостроительных программ Великобритании, так и стратегии Гранд-Флита [52].

Кроме того, были утверждены и другие перемены в высшем командовании флота: вице-адмирал Оливер стал главою военного штаба вместо вице-адмирала Старди, назначенного командующим 4-й эскадры линкоров. Изменился также состав так называемой военной группы Адмиралтейства. В новый состав вошли помимо Д. Фишера Уинстон Черчилль, вице-адмирал Оливер, адмирал А. Вильсон и секретарь первого лорда Адмиралтейства коммодор Бартолом.

Уже 3 ноября адмирал Д. Фишер на конференции по проблемам строительства флота озвучил свои первые идеи [53]. Была принята программа, по которой в период 1915–1916 гг. следовало разместить заказы на строительство около 600 кораблей различного класса и назначения (в том числе 37 мониторов, 2 легких крейсеров, 56 эсминцев, 64 подлодок, 50 патрульных кораблей, 24 охотников за подлодками, 55 тральщиков, 24 речных канонерок, 290 самоходных барж) [54].

Однако полоса поражений в ходе подводной войны не закончилась, британский флот постигла еще одна катастрофа: 1 ноября 1914 г. в Тихом океане у чилийского порта Коронель Восточноазиатская эскадра адмирала М. фон Шпее разгромила силы адмирала К. Крэдока, потопив два броненосных крейсера (погибло более 1500 моряков) [55]. А уже 3 ноября 1914 г. в Северном море адмирал Ф. Хиппер предпринял новую операцию. Его силы (линейные крейсера «Зейдлиц», «Мольтке» и «Фон дер Танн», броненосный крейсер «Блюхер» и четыре легких крейсера) подошли к английскому городу Ярмут. В 8:30 тяжелые корабли Ф. Хиппера открыли огонь по Ярмуту, а легкие крейсера начали устанавливать минное заграждение. Немного после 9:00 немецкое соединение прекратило обстрел (который из-за погодных условий и плохой видимости не принес существен-

Боевые действия в 1914 г.

ных результатов) и вернулось на базу. Действия Ф. Хиппера вызвали серьезные опасения по поводу безопасности побережья Англии, и корабли адмирала Д. Битти должны были нейтрализовать Ф. Хиппера в случае повторения подобной операции.

После серии неудач в войне на море значительная морская победа британского флота произошла только 8 декабря 1914 г. Соединение адмирала Стэрди в составе линейных крейсеров «Инвинсибл» и «Инфлексибл» навязало бой двум броненосным и трем легким крейсерам М. Шпее. Сражение с превосходящими британскими силами закончилось гибелью практически всей эскадры М. Шпее (за исключением легкого крейсера «Дрезден») [56]. Данная победа улучшила положение дел на морских коммуникациях союзников, так как было ликвидировано наиболее серьезное крейсерское соединение Германии [57].

Однако менее чем через неделю после гибели сил М. Шпее адмирал Ф. Хиппер повторил набеговую операцию к бере-

гам Англии. 15–16 декабря 1914 г. его силы совершили рейд на города Хартлпул, Уитби и Скарборо. Под командованием Ф. Хиппера были линейные крейсера «Зейдлиц», «Мольтке», «Фон дер Танн», «Дерфлингер», броненосный крейсер «Блюхер» и 4 легких крейсера.

Британское Адмиралтейство заранее (благодаря информации радиоперехвата) узнало о данной операции и направило для перехвата крейсеров Ф. Хиппера 1-ю эскадру линейных крейсеров Д. Битти (4 линейных крейсера) и 2-ю эскадру линкоров (6 линейных кораблей) [58]. Но Адмиралтейство не подозревало, что дальнейшее прикрытие крейсеров Ф. Хиппера осуществляют главные силы Флота открытого моря — 18 дредноутов и сопровождающие их крейсера и эсминцы.

15 декабря 1914 г. корабли Ф. Хиппера разделились на две оперативные группы: «Дерфлингер», «Фон дер Танн» и легкий крейсер под руководством контр-адмирала Тапкена приготовились к обстрелу городов Шербур и Уитби, а линейные крейсера «Зейдлиц», «Мольтке», а также «Блюхер» заняли позиции у Хартлпула. Еще три легких крейсера и миноносцы дежурили у Доггер-банки. Германские крейсера в 8:00 начали обстрел английского побережья. Но береговые батареи оказали сопротивление, поразив «Зейдлиц», «Мольтке» и «Блюхер» несколькими снарядами. Через два часа Ф. Хиппер прекратил обстрел и повернул к германским базам [59]. Несмотря на все усилия, кораблям адмирала Д. Битти не удалось обнаружить и навязать бой силам Ф. Хиппера. Обстрел трех английских городов и гибель 137 человек остались безнаказанными [60].

В итоге конец 1914 г. ни одной из сторон не принес существенных изменений в положении на море. Адмирал Д. Джеллико, несмотря на подавляющее превосходство Гранд-Флита в новых линкорах и линейных крейсерах, так и не смог организовать полную блокаду кайзеровских ВМФ. Наиболее наглядным подтверждением этому были ноябрьские и декабрьские рейды адмирала Ф. Хиппера. Более того, в первый год борьбы британский флот потерял не только старые крейсера и эсминцы, но и новейшие корабли, практически не причинив серьезного ущерба линкорам и линейным крейсерам Германии. Даже самый главный успех для Британии на 1914 г. —

уничтожение основных рейдеров и эскадры М. Шпее — нивелировался действиями немецких подводных лодок, которые угрожали не только боевым кораблям, но и коммуникациям Великобритании.

Однако и адмиралы Ф. Ингеноль и Ф. Хиппер не выполнили свои задачи на 1914 г.: не удалось ни снять британскую блокаду с баз в Северном море, ни удержать заокеанские владения Германии. И самое важное — адмиралы кайзера не смогли навязать Д. Битти или Д. Джеллико сражение в невыгодных для Британии условиях с целью уничтожения части Гранд-Флита. Единственный реальный случай для этого (набег 15–16 декабря 1914 г.) был упущен. Поэтому на новый, 1915 г. руководство Кайзерлихмарине планировало повторение набеговой операции с целью выманивания сил Д. Битти. А командование Гранд-Флита искало пути для нейтрализации активной группы Ф. Хиппера. Данные задачи привели уже в самом начале 1915 г. к новым сражениям в Северном море.

ГЛАВА 2

Кампания 1915 года

2.1. Боевые действия на европейском континенте: позиционная война на Западе, попытки вывести Россию из войны и бои на Кавказском фронте

К началу 1915 г. обе противоборствующие коалиции великих держав оказались в сложном положении. Расчет сторон на быстрое завершение войны не оправдался, минувшая осень не принесла ни одной из них решающих успехов.

Линия Западного фронта постепенно стабилизировалась, истощенные армии противников переходили на оборонительные позиции. Вдоль 700-километрового фронта, протянувшегося от Атлантического побережья Фландрии до границы со Швейцарией в районе г. Бельфор, с обеих сторон стали появляться траншейные укрытия. Последовав примеру германцев, первыми использовавших систему подземных оборонительных полос, союзные войска также рыли окопы, возводили блиндажи и укрытия. По мере сосредоточения на фронте новых формирований, строились вторая и третья линии укрепленных позиций на расстоянии 4–6 км одна от другой, соединяемые подземными переходами. Передовые позиции защищались полосами проволочных заграждений. В тылу создавались укрепленные лагеря. Вооруженная борьба все более приобретала характер позиционной войны, лишь изредка нарушаемой частными наступательными операциями.

Франция и Великобритания использовали сложившуюся ситуацию на Западном фронте для наращивания собственного военно-экономического потенциала. Союзникам предстояло решить ряд проблем, вставших перед ними в условиях затяжной войны. Необходимо было форсировать мобилизацию военного производства, организовать в необходимых размерах снабжение войск орудиями и боеприпасами, реализовать острую потребность фронта в живой силе. Возможность прорыва германской обороны рассматривалась союзниками только после накопления необходимых резервов и достижения подавляющего превосходства над противником в силах и средствах.

Успех стратегической обороны на западе Европы англо-французское командование связывало с боевыми действиями России на востоке. Союзники просили Российскую империю активизировать военные действия, чтобы не дать возможности Германии усилить свои войска на французском направлении и организовать там мощное наступление [61]. Ответив согласием, в Петрограде поставили обязательное условие: провести англо-французскую операцию в районе Дарданелл с тем, чтобы оттянуть войска турецкой армии с Кавказского фронта.

Вместе с этим французский главнокомандующий Ж. Жоффри наметил частные операции по выравниванию линии Западного фронта в Артуа и Шампани для ликвидации непосредственной угрозы Парижу. К февралю 1915 г. союзники по Антанте располагали на фронте 9 французскими армиями и Лотарингской группой войск (83 дивизии), 2 английскими армиями и 1 бельгийской, состоящей всего из 6 дивизий. Общее число дивизий Антанты насчитывало 111 единиц, включающих 2,65 млн человек, более 4000 легких и около 1600 тяжелых орудий. Германия сосредоточила здесь 7 армий и 3 армейские группы, включающие 26 пехотных корпусов (94,5 дивизии). Всего германские войска имели на Западном фронте 1,9 млн человек, 4000 легких и 1695 тяжелых орудий [62]. Основные силы сторон группировались на северном крыле фронта, где преимущество было на стороне Антанты, в том числе и в развитости инженерных оборонительных сооружений.

Германское командование рассчитывало в 1915 г. прочно удерживать оборону захваченных территорий Бельгии и северных районов Франции. Для проведения частных операций и контратак был создан резерв из 12 дивизий, размещенных в полной боевой готовности в тылу каждой армии для обеспечения возможности широкого маневра. Начальник германского полевого военного штаба Эрих фон Фалькенхайн именно на западе видел победный исход войны, считая, что Антанта не сможет в ближайшее время накопить достаточные силы и предпринять по-настоящему масштабную наступательную операцию. Однако командование группой армий на востоке в лице Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа, а также австрийский начальник полевого штаба Конрад фон Гетцендорф настаивали на первоочередных задачах по выводу из войны России, в чем были поддержаны германским канцлером Бетман-Гольвегом. Борьба на два фронта серьезно осложняла положение Германии. В конце концов к февралю 1915 г. Восточный фронт был признан основным для организованного применения сил всех Центральных держав. Продолжение позиционной войны на западе становилось необходимым условием для высвобождения определенного количества войск с целью их переброски на Русский фронт. Германские позиций во Фландрии и Северной Франции должны были быть укреплены настолько, «чтобы их можно было, если потребуется, удерживать долгое время даже небольшими силами против наступления в несколько раз превосходящих сил» [63].

В связи с начавшейся переброской германских войск с Западного фронта Жоффр был полон решимости ликвидировать оборонительный выступ противника, угрожающий французской столице. Англичане, в том числе военный министр Г. Китченер, не разделяли оптимизма французского главнокомандующего. Британский кабинет продолжал опираться на традиционный стратегический план минимального участия английской армии на континентальном театре военных действий [64].

Тем не менее в середине января был принят оперативный план, предусматривающий нанесение ударов в Шампани 4-й французской армией и в Артуа — 10-й французской и 1-й английской. Одновременно предполагалось проведение местных отвлекающих операций.

Русские окопы. 1915 г.

Конструкции оборонительных траншей постоянно совершенствовались. В них устанавливались противогранатные сетки, противошрапнельные козырьки, затем начали строить полностью крытые траншеи. Ближние подступы к траншее прикрывались сначала стрелковыми ячейками, затем вынесенными вперед пулеметными гнездами. Траншеи укреплялись всеми доступными средствами: бревнами, досками, листовым железом, мешками с песком, железобетоном. Для пехоты сооружались глубокие укрытия — так называемые лисьи норы [65]. Создание по обе стороны линии Западного фронта прочных систем разветвленной траншейной обороны повлекло за собой пересмотр воевавшими сторонами тактики наступления. Особое значение приобретало усиление войск артиллерией крупных калибров. Отныне без артиллерийской подготовки становилась невозможной борьба с инженерными сооружениями и батареями противника. Однако положение с боеприпасами у союзников было тяжелым. Британия не успевала обеспечивать снарядами Западный фронт, заботясь в первую очередь о подготовке операции в Дарданеллах [66].

Тем не менее испытание новых приемов борьбы против сплошной позиционной обороны противника было предпринято французской армией в ходе операции в Шампани, проходившей с 16 февраля по 17 марта. Против 3-й германской армии были сосредоточены силы, превосходящие ее на участках планируемого прорыва почти в 3 раза, плотность артиллерийских орудий здесь составляла до 60–70 на 1 км. При этом недостаток снарядов позволил провести артиллерийскую подготовку лишь в течение первых четырех дней операции, в результате чего большая часть германских батарей не была подавлена, проволочные заграждения были прорваны лишь местами. В наступление перешла 4-я французская армия, тогда как другие соединения ограничились лишь демонстративными действиями. Германцы, используя быстро подтянутые подвижные резервы, предпринимали успешные ночные контратаки. В результате наступающие, продвигавшиеся на семикилометровой полосе фронта, слабо поддерживаемые артиллерией, столкнувшись с усиливающимся сопротивлением противника, понесли большие потери — более 91 тыс. человек. Операция в Шампани не принесла ожидаемых результатов: французы не смогли овладеть даже первой линией германских оборонительных позиций.

Неудачами закончились и другие частные попытки прорыва линии фронта со стороны Антанты. Юго-западнее Лилля с 7 по 13 марта в ходе предпринятой атаки противника в районе Нев-Шапель 1-я английская армия потеряла около 13 тыс. человек убитыми и ранеными, не добившись существенных результатов. С 5 по 17 апреля французы попытались провести операцию на фронте 5-й германской армии у Сен-Миеля. Атакующие продвигались всего по 3–4 км в сутки. Германское командование, вновь использовав резервы, смогло не только удержать позиции, но и на отдельных участках даже вклиниться в оборону 1-й армии. Французы за 12 дней потеряли 64 тыс. человек [67].

Причинами провала весенних операций Антанты на Западном фронте следует считать ограниченность сил, привлекаемых к осуществлению прорывов на узких участках (3–12 км), несогласованность действий пехоты и артиллерии, нехватку

снарядов. Сказывались и серьезные разногласия между английским и французским командованием. Для устранения этого недостатка союзники еще 20–23 марта провели совещание военных министров и командующих армиями в Шантийи, на котором обсуждались идеи создания единого командования на Западном фронте. Однако решение об этом так и не было принято и вопросы координации действий англо-французских войск все еще оставались актуальными, что и показали плачевные результаты апрельского наступления.

От германского командования не укрылся факт разрозненности руководства союзными силами, и оно решило в полной мере использовать полученную свободу оперативных решений. Уверенность в прочности своей обороны на западе и неспособности англо-американских войск организовать ее масштабный прорыв позволила Германии уже в конце февраля перебросить на Восточный фронт резервы 2-й армии. К маю 1915 г. на Восточный фронт были переведены всего 144 полка, в том числе 54 кавалерийских [68].

В качестве вспомогательной операции, с одной стороны, отвлекающей внимание от готовящихся действий против России в Галиции, а с другой — с целью испытания новой формы прорыва позиционной обороны Германский штаб 22 апреля предпринял атаку против 2-й английской армии в районе Ипра. В ходе наступления германцами были впервые применены новые средства поражения — химические отравляющие вещества. Из 150 установленных на фронте газобаллонных батарей было выпущено 180 тыс. кг хлора [69]. Облако ядовитого газа, благодаря попутному северо-западному ветру, устремилось на позиции англичан. Будучи тяжелее воздуха, хлор стелился над землей и, проникая в окопы и укрытия, не оставлял никаких шансов не имеющим средств химической защиты солдатам. «Сначала удивление, потом ужас и, наконец, паника охватила войска, когда первые облака дыма окутали всю местность и заставили людей, задыхаясь, биться в агонии, — так описывали участники событий эту первую в истории газовую атаку. — Те, кто мог двигаться, бежали, пытаясь, большей частью напрасно, обогнать облако хлора, которое неумолимо преследовало их» [70]. Около 5 тыс. из них погибло в окопах, 15 тыс. пострада-

ло, спасаясь бегством [71]. Оставленные без защиты позиции легко занимались германцами. Однако данное наступление оказалось тактически не подготовлено — к месту прорыва не были вовремя подведены резервы, и оно остановилось. Но именно после событий у Ипра химические средства поражения противника стали широко использоваться обеими сторонами мировой войны. Вместе с этим в армии внедрялась и совершенствовалась противохимическая защита: уже в 1915 г. на смену марлевым повязкам пришли противогазы, ставшие неотъемлемым атрибутом экипировки пехоты.

В конце апреля англо-французское командование вернулось к разработке операции в Артуа с целью прорыва германской обороны между Аррасом и Ля Бассе. С 9 по 15 мая английские и французские войска вели наступление, начавшееся после ураганной артиллерийской подготовки. Однако плотность германских узлов сопротивления, защищенных густой сетью проволочных заграждений и бетонных оружейных гнезд, не позволила атакующим продвинуться глубже 2 км за линию фронта [72].

По мере развития ожесточенной борьбы на востоке, теперь русское верховное командование просило активизироваться своих западных союзников. 7 июля 1915 г. в Шантийи состоялась первая межсоюзническая военная конференция стран Антанты, на которой присутствовали военные делегации Франции, Англии, Бельгии, Сербии, Италии и России. Главнокомандующий французской армией Жоффр назвал важнейшими театрами военных действий Западный, Восточный и Балканский. При этом было решено, что необходимо тщательно согласовывать совместные действия на разных фронтах, оказывая первостепенную помощь тем союзным армиям, которые находятся в наиболее сложных военных условиях. Англичане и французы согласились оказать помощь своему восточному соседу — России, увязшей в тяжелых боях с Германией, организовав действительно крупное наступление на западе.

Тем не менее и в Париже, и в Лондоне стремились соблюсти в первую очередь собственные интересы. Прибытие на фронт подкреплений из Британии затягивалось, равно как и пополнение боеприпасов действующих армий. Помня о последних

неудачах, французы также не спешили начинать атаку, ожидая новых известий с Восточного фронта. Принятое первоначально на конец июля, развитие наступления в итоге было перенесено на конец сентября — когда оно уже не могло всерьез улучшить положение России.

Осенняя наступательная операция была намечена на прежних участках. В Шампани восточнее Реймса должны были действовать 2-я и 4-я французские армии под командованием генерала А.Ф. Петена, а также 3-я армия генерала Ф. Кастельно. Для действий в Артуа были выделены в основном английские войска. К операциям были привлечены лучшие дивизии, сосредоточена огромная масса артиллерии. Благодаря серьезной подготовке с учетом предыдущих ошибок атакующим удалось прорвать первую линию германской обороны. Однако силы противника были и в этот раз недооценены: в нескольких километрах от первых позиций располагалась вторая укрепленная линия, мощь которой стала неожиданностью для войск Антанты. Большинство огневых точек было замаскировано: преодолеть оборону второй линии с ходу оказалось невозможно. Историк Н. Стоун так писал об этой атаке: «Никогда еще пулеметам не приходилось делать столь прямолинейную работу... на каждый из пулеметов пришлось в эти послеполуденные часы по 12,5 тыс. выстрелов. Эффект был сокрушительным. Солдаты противника падали буквально сотнями, но продолжали идти стройным порядком и без перерыва вплоть до проволоки второй линии германских позиций. Лишь достигнув этого непреодолимого препятствия, выжившие поворачивали вспять и начинали отступать» [73]. Для прорыва второй линии требовалось проведение новой масштабной подготовки, на которую уже не хватало ни живой силы, ни боевых запасов. Французы потеряли около 200 тыс. человек, истратили более 5000 снарядов, английские потери составили 74 тыс. человек. Германцы потеряли 141 тыс. человек убитыми и ранеными [74].

В начале октября союзники прекратили все наступательные действия на Западном фронте и окончательно перешли к позиционной обороне, прилагая усилия лишь по инженерному усовершенствованию укреплений.

Карпаты. 1915 г.

Помимо накопления военно-экономического потенциала и расширения военного производства, затянувшаяся война ставила и другие задачи. Воюющие стороны с начала кампании 1915 г. стремились привлечь под свои флаги новых союзников. Страны Антанты связывали определенные надежды со вступлением в войну Италии. Продолжительные переговоры завершились 26 апреля подписанием соглашения, по которому в случае вступления в войну на стороне Антанты Италия после ее окончания получала существенные территориальные приобретения за счет Австро-Венгрии и Турции. 24 мая Италия объявила войну Австрии, а тремя днями позже — Германии. Таким образом, поздней весной был открыт новый фронт — Итальянский.

На границе с Австрией Италия развернула 12 корпусов и множество милиционных формирований общей численностью около 2 млн человек. Регулярные войска включали до 870 тыс. человек, 1500 легких и 200 тяжелых орудий. Центральные державы развернули на границе с Италией 1 армию и 2 армейские группы (Тирольскую и Каринтийскую), насчиты-

вающие от 20 до 25 дивизий [75]. Итальянская армия уступала противнику в качественном и техническом отношении. Начальник генерального штаба генерал Л. Кадорна, фактически руководивший итальянскими силами, не имел командного опыта и не был популярен в войсках.

Итальянцы, рассчитывающие занять все важнейшие проходы на границе с Австрией по Альпийскому хребту, в ночь на 24 мая начали одновременное наступление в четырех направлениях: в Трентино, в Кадоре, Карнинских Альпах и на реке Изонцо. Коалиция Центральных держав планировала держать против Италии позиционную оборону до окончания операций на Восточном фронте. Наиболее ожесточенные бои развернулись на реке Изонцо, продолжаясь до 7 июля. За это время итальянцам удалось переправиться через реку, занять плацдарм у Плавы и высоту Монте-Неро. Но австро-венгерская оборона сдержала дальнейшее их продвижение. Германия усилила австрийские войска альпийским корпусом (одна дивизия) и тяжелыми артиллерийскими орудиями. Австрийцы перебросили пять дивизий с Балканского фронта и две из Галиции.

До конца года Италия осуществила еще три наступления на реке Изонцо: с 18 по 3 августа, с 18 октября по 2 ноября и с 9 ноября по 11 декабря. Все попытки прорыва австро-венгерской обороны при огромных потерях (около 280 тыс. человек) оказались безрезультатны, и стороны перешли к позиционной войне. Сказывалась слабая артиллерийская подготовка наступательных операций, несогласованность атак, непрофессионализм командиров и недостаток боеприпасов. Но боевые действия на Итальянском фронте, в отличие от Западного, все же оказали некоторую помощь сербским и русским войскам. Из Сербии и Галиции на границу с Италией было отправлено 25 дивизий, а затем для отражения упорных итальянских атак — еще 8–10 австрийских дивизий с Восточного фронта [76].

Не только Антанта, но и Тройственный союз получил в 1915 г. нового союзника, став Четверным союзом. Австро-германская дипломатия на фоне летних неудач Антанты смогла склонить на свою сторону Болгарию, которой посулили территориальные приобретения на Балканах [77]. Положение Сербии и Черногории серьезно осложнилось. Центральные

державы намеревались устранить эту единственную прослойку, мешавшую создать единую полосу фронта от Ближнего Востока до Северной Атлантики. Сербская армия едва насчитывала 200 тыс. человек (12 дивизий), черногорская — 50 тыс. [78]. Против них на Балканском фронте было выставлено 11 германских, 8 австро-венгерских и 11 болгарских дивизий, в рядах которых насчитывалось более 500 тыс. человек [79]. В связи с изменившимся соотношением сил на Балканах не в пользу Антанты, англо-французское командование направило на помощь Сербии экспедиционный корпус, высадившийся 5 октября в Салониках. Помощь оказалась запоздалой и малочисленной (20–75 тыс. человек). Россия не смогла прислать свои войска, так как путь через нейтральную Румынию был закрыт, а отправка их морем через Архангельск или Владивосток не имела смысла в силу своей трудности и длительности [80].

6 октября австро-германские армии под общим командованием генерал-фельдмаршала А. фон Макензена начали операцию против Сербии. Перед началом наступления тяжелой бомбардировке, унесшей тысячи жизней, был подвергнут Белград. Затем войска Германии и Австро-Венгрии переправились через Дунай и Саву и начали бои за сербскую столицу. 15 октября в наступление перешли болгарские войска, перерезавшие единственную железнодорожную ветку, связывающую Сербию с экспедиционным корпусом Антанты в Салониках. Сербской армии катастрофически не хватало орудий и боеприпасов. Несмотря на героическое сопротивление, сербы вынуждены были отступить перед подавляющим превосходством противников, избежав при этом угрозы окружения. Войска и примыкавшие к ним массы беженцев прорывались с боями на Адриатическое побережье. 10 ноября австрийцы и германцы соединились с болгарскими и продолжили теснить на юг сербов, потерявших за время отхода более 50 тыс. человек. И все же сербская армия не была уничтожена: в начале января 1916 г. уцелевшие войска силами Антанты были переправлены из Албании на греческий остров Корфу и во французский Тунис [81].

Не будучи в состоянии нанести существенный урон болгарским войскам, англо-французский корпус перешел к организа-

*Генерал-фельдмаршал
А. фон Макензен*

ции обороны в Салониках. Болгары сосредоточились у границ нейтральной Греции, не переходя их.

Таким образом, к исходу 1915 г. Антанта смогла сохранить на Балканах единственный Салоникский плацдарм. Поражением сербской армии страны Четверного союза обеспечили защиту южного фланга Центральных держав. Германия получила прямое железнодорожное сообщение с Турцией. Привлечение на свою сторону Болгарии и поражение Сербии позволили Германии и Австрии освободить часть своих формирований и направить их на Восточный фронт.

Именно на Восточном фронте разворачивались основные события военной кампании 1915 г. В январе Берлином и Венной был утвержден план действий на текущий год, предусматривающий проведение мощных наступательных действий на востоке против России. В условиях краха стратегии «молниеносной» войны и перспективы ее затягивания, Германия и Австро-Венгрия, фактически заблокированные от поступления ресурсов извне, должны были избрать приоритетное направление для приложения основных сил. Направление главного

удара на восток было выбрано неслучайно. Русские армии угрожали Восточной Пруссии, находясь в 1,5 раза ближе к Берлину, чем французы, и представляли серьезную угрозу вторжения в Австро-Венгрию [82]. К тому же на этом фронте еще оставались все условия для ведения маневренной войны: русская армия не строила мощных траншейных позиций. Германия рассчитывала разгромить Россию, нанеся два мощных удара по сходящимся направлениям, чтобы окружить значительную часть российских войск в «польском мешке» и затем окончательно уничтожить. После вывода России из войны армии планировалось перебросить на Западный фронт, где до этого времени должна была продолжаться позиционная оборона. По расчетам Центральных держав, в этом случае Великобритания и Франция были бы разгромлены или пошли бы на заключение выгодного для Германии мира [83].

К началу 1915 г. Германия на Восточном фронте имела 41 пехотную дивизию, Австро-Венгрия — 42. Им противостояли 99 российских пехотных дивизий, располагавшихся на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах, а также 2 корпуса (4,5 дивизии) в резерве Ставки. Русские войска были серьезно ослаблены после пяти месяцев боев. В частях не хватало офицеров, увеличивалось число дезертиров, настроение солдат в отсутствие серьезных успехов быстро падало. Сложно обстояло дело и с материальным обеспечением: войска испытывали острый недостаток винтовок и артиллерийских снарядов [84].

Тем не менее российское командование также запланировало провести в 1915 г. широкие наступательные операции. В середине января генерал-квартирмейстером Ставки генералом Ю.Н. Даниловым был разработан соответствующий план кампании. Он предусматривал нанесение главного удара по Германии в направлении на Берлин через Восточную Пруссию. Главнокомандующий Северо-Западным фронтом генерал Н.В. Рузский также считал необходимым ликвидацию германских войск, угрожавших русским армиям в Польше. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Н.И. Иванов и его начальник штаба генерал М.В. Алексеев возражали против удара на Берлин при одновременных оборонительных действиях на юго-западном направлении, считая, что именно там следу-

ет приложить основные усилия против ослабленной Австро-Венгрии. Только после вывода ее из войны, по их мнению, можно было бы начать широкие операции против Германии. Ставка не смогла разрешить эти разногласия и фактически одобрила одновременное наступление и против Австро-Венгрии, и против Германии. Это решение привело к распылению сил вместо необходимого сосредоточения достаточной мощи на одном из стратегических направлений [85]. Состояние и реальные возможности русских войск и противника не были учтены, что обрекало операции на неудачу еще на стадии подготовки.

Первыми начали наступление в январе 1915 г. русские войска на правом фланге Северо-Западного фронта, проводя силами 10-й армии генерала Ф.В. Сиверса Ласдененскую операцию. Задачей армии, стоявшей перед укрепленной позицией германцев по р. Ангерату и Мазурским озерам, было вытеснить немцев из лесистой полосы севернее Истенбурга, чтобы занять выгодное положение для дальнейшего широкого наступления совместно с 12-й армией. Одновременно германцы начали разворачивать на своем левом фланге 10-ю армию генерала Г. Эйхгорна, однако фактам развертывания новых частей противника в штабе Рузского не было придано должного значения [86]. В результате операция не принесла успеха, приведя лишь к удлинению линии фронта.

В свою очередь, германское командование, осведомленное о масштабных планах русских, попыталось провести их двойной охват в Мазурии. 25 января (7 февраля) из района Мазурских озер против левого фланга русских начала наступление 8-я германская армия, а 26 января (8 февраля) — 10-я германская армия против III армейского корпуса на правом фланге. Германские части сумели продвинуться вперед, но столкнулись с ожесточенным сопротивлением XX армейского корпуса, в течение восьми дней стойко отражавшего атаки Эйхгорна в районе Августова. Однако истратив все боеприпасы и понеся большие потери, окруженные полки и дивизии 8 (21) февраля вынуждены были прекратить сопротивление [87]. В то же время Августовское сражение позволило другим силам 10-й русской армии отойти на новую линию обороны на реке Бобр, избежав полного разгрома [88].

Стойко держала оборону расположенная на левом берегу реки крепость Осовец, прикрывая разрыв между 10-й и 12-й русскими армиями и железнодорожный узел Белосток. Имея 24 полевых и 69 крепостных орудий и около пехотной дивизии, гарнизон крепости во главе с комендантом Бржзовским отражал атаки противника до августа, когда получил приказ командования прекратить борьбу.

Планы германцев оказались нереализованными: Людендорф не сумел разгромить 10-ю армию и форсировать реку Бобр на участке Гродно — Белосток, не имея достаточных для этого средств. Благодаря задержке немцев под Августовом, русские смогли развернуть подкрепления и провести весной Праснышскую наступательную операцию [89]. 10-я, 12-я и 1-я армии оттеснили противника с линии река Бобр — Нарев к границе Восточной Пруссии. Часть германских войск была переброшена на Карпаты для поддержки австрийцев, и Гинденбург перевел войска на Восточно-Прусском фронте к обороне, учитывая и существенное превосходство русских в кавалерии. В марте место Рузского занял генерал Алексеев — сторонник активизации боев на юго-западном направлении и во многом вследствие этого к началу апреля дальнейшие маневренные действия русских войск на Северо-Западном фронте были приостановлены [90].

Итогом зимне-весенних операций на севере Восточного фронта для обеих противоборствующих сторон стало крушение первоначальных оперативных планов: немцам не удалось совершить глубокий обхват правого фланга русских войск, а русским не удалось овладеть Восточной Пруссией и улучшить свои позиции. Встала необходимость выработки новых стратегических решений.

Серьезные события происходили и на Юго-Западном фронте, где русские войска в кампанию 1914 г. глубоко вклинились в австро-венгерскую оборону и занимали важнейшие перевалы в Карпатах, угрожая вторжением в Венгрию. Здесь командование Юго-Западного фронта собиралось провести наступление силами 8-й армии генерала А.А. Брусилова и содействующим ей левым флангом 3-й армии генерала Радко-Дмитриева. Подготовка русскими наступления в этом регионе не укрывалась от

Центральных держав. Австро-венгерская армия, понесшая большие людские и материальных потери в предыдущих боях, вызывала серьезные опасения в Берлине и была усилена германскими частями (более 50 тыс. человек), получив существенное преимущество над русскими.

Стремясь предупредить операцию Брусилова, австро-германские войска 9 (22) — 11 (24) января перешли в наступление на всей линии фронта в Карпатах от Буковины до Мезолаборга. Бои развернулись на заснеженных горных перевалах в тяжелейших зимних условиях. В марте Брусилову пришлось отступить к Пруту и Днестру. Особенно неустойчивым оказалось положение левого фланга Юго-Западного фронта. Сюда была направлена сформированная за счет перегруппировки части сил 9-я армия, сдержав дальнейшее продвижение неприятеля. При этом русские смогли 9 (22) марта после шестимесячной блокады добиться взятия важной крепости Перемышль: в плен попали 120 тыс. австро-венгерских солдат, 2,5 тыс. офицеров (в том числе 9 генералов), 900 орудий. Эта победа освободила 11-ю русскую армию, переброшенную затем в Карпаты. Ее корпуса были разделены между 8-й и 3-й армиями, которые, получив подкрепления, смогли овладеть Бескидским хребтом [91].

Российская Ставка требовала от генерала Иванова завершить переход через Карпаты и прорваться на Венгерскую равнину. Но громадные потери и утомление солдат в суровых зимних боях на перевалах, а также возрастающий недостаток боеприпасов делали эту задачу невозможной, и 22 марта (11 апреля) русские войска вынуждены были перейти к обороне. Карпатская операция была изначально обречена на провал. Как отметил впоследствии генерал М.Д. Бонч-Бруевич, «задуманная без расчета сил и боевых средств, без учета влияния местности и времени года, без связи с развитием операции нашего Северо-Западного фронта и обстановкой, сложившейся там к этому времени, — Карпатская операция явилась какой-то отчаянной ставкой в игре всей войны... После Карпатской операции русская армия уже не могла оправиться и сделаться способной для нанесения таких ударов, которые она умела наносить в 1914 г.» [92].

Коалиция Центральных держав сосредотачивала на Галицийском фронте значительные силы, основой которых становились германские войска, предполагая нанести серьезный удар между Вислой и Карпатами, способный не только ликвидировать угрозу Венгерской равнине, но и «потрясти» русскую армию, отбросив ее на восток [93]. Как отметил в мемуарах контр-адмирал А.Д. Бубнов, находившийся в годы войны в российской Ставке, это решение противника «совпало с самым трагическим для нас моментом всей войны, когда боеспособность нашей армии была значительно уменьшена громадными потерями кадрового состава и когда были исчерпаны почти все наши боеприпасы» [94]. Операция, известная как Горлицкая, была тщательно подготовлена. Для ее проведения была сформирована ударная группировка генерала А. фон Макензена, в которую влились и австрийские, и недавно переведенные с Западного фронта германские дивизии. На участке шириной 35 км, где намечался прорыв Русского фронта, австрийцы и германцы имели 126 тыс. человек, 159 тяжелых орудий, 457 легких, 260 пулеметов и 96 минометов. Этим силам противостояли русские войска, уступающие в живой силе более чем в 2 раза, в легкой артиллерии — в 3 раза, в тяжелой артиллерии — в 40 раз (!), в пулеметах — в 2,5 раза, минометов и вовсе не имелось [95].

Начавшись 19 апреля (2 мая) и продолжаясь до 9 (22) июня 1915 г., Горлицкая операция стала одним из крупнейших оборонительных сражений для русских войск в ходе войны. Оно началось прорывом 11-й германской армии у Горлице после многочасовой артиллерийской подготовки и шквального огня из минометов, сравнявших с землей русские окопы и полностью разрушивших проволочные заграждения. «Наши укрепленные позиции в действительности представляли собой один лишь ров, даже без ходов сообщения в тыл. При усиленном обстреле артиллерийским огнем, в особенности огнем тяжелой артиллерии, этот кое-как сделанный ров быстро заваливался, а сидевшие в нем люди при ураганном огне уничтожались целиком или сдавались в плен во избежание неминуемой смерти, — вспоминал командующий 8-й армией генерал Брусиллов. — Уже впоследствии штабом фронта было сделано распоряжение —

Искореженное от взрыва артиллерийское орудие

заблаговременно строить в тылу на различных рубежах укрепления соответствующего типа и силы, но, в сущности, и эти укрепленные позиции были весьма несовременного типа. Вообще, наши войска все время стремились к полевой войне... и крайне неохотно и лениво совершенствовали занимаемые ими позиции» [96].

Части 3-й русской армии оказывали упорное сопротивление превосходящим силам противника и смогли существенно затормозить его продвижение. Использовались так называемые кинжальные взводы, орудийные расчеты которых выдвигались на передовую и расстреливали атакующую пехоту в упор до последнего боеприпаса. Затем, испортив орудия, они отступали [97]. Только введя резервы, германским войскам удалось прорвать оборону: за шесть дней они продвинулись на 40 км. Нехватка в русских армиях артиллерии, особенно тяжелой, а также все возрастающий снарядный «голод» не позволяли переломить ситуацию. Положение усугублялось пол-

ным разногласием и ошибками в решениях командования. Начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В. М. Драгомиров и командующий 3-й армией Радко-Дмитриев настаивали на немедленном отходе с целью создания условий для перегруппировки сил и стабилизации фронта, тогда как командующий фронтом генерал Иванов требовал немедленной ликвидации прорыва. Командующий 3-й армией вынужден был послать направленные Ставкой подкрепления в контратаки, которые оказались непродуманными и бессистемными, не принеся никакого результата. В итоге было принято решение о переходе к обороне, отведя части на реку Сан. Отступление русских сопровождалось ликвидацией важнейших объектов — железных дорог и мостов, что замедляло продвижение противника и давало время на организацию обороны на новых рубежах [98]. Вскоре пришлось оставить берега Сана и Перемышль, а 9 (22) июня — Львов. С оставлением русскими территории Галиции маневренные боевые действия на Юго-Западном фронте на несколько дней приостановились. Германское командование не добилось главной цели — Юго-Западный фронт не был разгромлен, а лишь совершил стратегический отход. Как писал в мемуарах Людендорф, «фронтальное отеснение русских в Галиции, как бы оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны... К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными» [99]. Э. Фалькенхайн отмечал, что военные действия на Восточном фронте «могли затянуться до бесконечности» [100] — это становилось особенно неблагоприятным в условиях, когда на западе англо-французы сосредотачивали значительные силы и готовились к переходу в очередное наступление.

В июне состоялось военное совещание с участием кайзера Вильгельма II, Фалькенхайна, Гинденбурга, Людендорфа, Гофмана, Макензена и Конрада. Гинденбург и Людендорф представили грандиозный план окружения русской армии между Ковно и Гродно. Русский фронт представлял собой дугу протяженностью 300 км, основная группировка войск располагалась в Польше, где и предполагалось ее ликвидировать, взяв в «клещи» глубокими охватами. Иного мнения придерживались

Фалькенхайн и Макензен, считавшие маневры с ударами на флангах устаревшими, предлагая действовать одновременно лобовыми атаками на разных направлениях с максимальной концентрацией артиллерии [101]. При этом Фалькенхайн всерьез рассматривал возможность заключения сепаратного мира с Россией, используя посредничество датчан, надеясь убедить русских в непобедимости Германии и неизбежности поражения [102]. Он исходил из того, что «русские могут отступать в огромную глубину своей страны, и мы не можем преследовать их бесконечно» [103]. В итоге был утвержден план разгрома польской группировки противника выполнением трех ударов: между Вислой и Бугом, в районе Рига — Шавли и у Нарева в Прибалтике.

13 (26) июня из Галиции начала наступление группа Макензена в составе 11-й германской и 4-й австро-венгерской армий. Оно развивалось слишком медленно и в середине июля практически выдохлось в сражениях у Грубешова, Холма, Люблина, Красностава. Наревская операция, начатая 12-й армией генерала М. фон Гальвица 30 июня (13 июля), также принесла лишь относительный успех: ее главным достижением стало не продвижение, а уничтожение 70% русских войск на 40-километровом фронте [104]. Малый успех заставил германское командование провести мероприятия по нанесению в районе Нарева более мощного удара, предпринятого 10 (23) июля. Большую роль в обороне русских армий сыграли крепости, в частности Осовец и Новогеоргиевск, прикрывающие фланги 12-й и 1-й русских армий. Из-за опасности окружения 22 июля (4 августа) были оставлены Варшава и взорвана крепость Ивангород. Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич приказал сдать основные крепости без боя (в том числе стойко державшийся Осовец) и защищать лишь Новогеоргиевск, Ковно и Брест. Первой из них в результате обстрела 420-мм гаубицами пала крепость Ковно, оставив германцам большие запасы русской армии. Новогеоргиевск смог задержать врага, но 7 (20) августа капитулировал, отрезанный от полевых частей после их отвода. В плен попали 80 тыс. русских солдат и офицеров, в том числе 23 генерала [105].

С 1 (14) июля по 7 (20) августа германцы наступали из Восточной Пруссии (Риго-Шавельская операция). Однако Неманская армия генерала О. фон Белова не смогла развить успех Наревского удара и выйти на оперативный простор, сдерживаемая вновь сформированной 5-й армией генерала П.А. Плеве. Именно ему принадлежала инициатива создания в русской армии осенью 1915 г. «ударных взводов» — штурмовых групп, предназначенных для атаки позиционных укреплений противника и освоивших тактику траншейного боя [106].

Вместе с тем русское командование предусмотрело организованный отвод своих армий еще на совещании Ставки, состоявшемся 22 июня (5 июля) в Седлеце. Было решено отвести отступающие под натиском неприятеля армии на линию река Бобр — Верхний Нарев — Брест-Литовск — Ковель, чтобы выпрямить фронт [107]. Сопровождаясь огромными потерями убитыми, ранеными и пленными при упорной обороне отдельных районов, отступление русской армии из Польши все же достигло своей цели, единственно возможной в данной ситуации — избежание замыкания вокруг себя «клещей» и последующего разгрома. Основные русские силы оказались сохранены, а германское наступление вновь не добилось желаемых результатов — таков итог летних событий на Восточном фронте. К началу осени для обеих сторон кампания здесь считалась законченной.

3 (16) августа в Волковыске состоялось совещание верховного главнокомандующего Николая Николаевича с высшими чинами Ставки и фронтов, на котором были приняты решения о дальнейших действиях. Протяженный Северо-Западный фронт был разделен на два — Северный (командующий Н.В. Рузский) и Западный (М.В. Алексеев). Первый должен был прикрывать пути к Петрограду со стороны Восточной Пруссии и Балтийского моря, а также при первой возможности провести наступление, отеснив противника на запад. Западный фронт получил задачу прикрытия путей на Москву с основного театра, прочно удерживая в своих руках Гродно, Белосток, район от Верхнего Нарева до Бреста [108].

Анализ сложившейся обстановки привел германское верховное командование к осознанию невозможности проведения

новых крупных операций на Восточном фронте, развернув свой взгляд на запад. Однако Гинденбург предлагал Фалькенхайну нанести новый удар русским со стороны Ковно, чтобы предупредить угрозу от их перегруппировавшихся армий своему левому крылу [109]. Настойчивость Гинденбурга заставила Фалькенхайна уступить требованиям фельдмаршала дополнительно усилить Восточный фронт (в который входили пять армий и одна армейская группа) и одобрить операции севернее Немана с целью нанесения возможно большего вреда русским войскам.

В это время произошли серьезные изменения в российском военном руководстве — в результате дворцовых интриг был отстранен от должности Николай Николаевич и место верховного главнокомандующего занял сам император Николай II. В армейских кругах это известие было встречено без воодушевления: если популярному в войсках Николаю Николаевичу не хватало твердости в проведении военно-стратегической линии России в войне, то Николай II (пребывавший в звании полковника) и вовсе был не способен осуществить стратегическое руководство. Фактически верховное командование оказалось в руках назначенного начальником штаба опытного генерала М.В. Алексеева, передавшего Западный фронт генералу А.Е. Эверту.

27 августа (9 сентября) Гинденбург начал наступление Неманской армии на стыке Северного и Западного русских фронтов, наспех защищенного лишь малочисленными конными отрядами, не имеющими при этом единого руководства. Германская кавалерия с боем взяла станцию Ново-Свенцяны. Прорвав оборону, германцы взяли Вильно и устремились на Минск. Однако русское командование сумело принять меры по остановке дальнейшего продвижения 8-й и 10-й германских армий, несмотря на утрату Виленской губернии. Фронт стабилизировался на линии Западная Двина — Двинск — Вилейка — Барановичи — Пинск. Свенцянский прорыв стал последним успехом немцев на севере Восточного фронта в 1915 г.

Австрийское командование, увязшее в борьбе на Итальянском и Балканском фронтах, отказалось проводить масштабные наступления против русских на своем фронте, предпри-

*Тяжелая позиционная артиллерия у Куртенгофа
на фронте 12-й армии. Сентябрь 1915 г.*

нимая лишь ограниченные действия в направлении Сарны, Луцка. Русские войска заняли линию рек Стырь и Стрыпа, где фронт стабилизировался. Русская Ставка по просьбе союзников предприняла в декабре попытку наступления 7-й армии на реке Стрыпа с целью оказать содействие Сербии, ведущей в это время неравные бои против армий Центральных держав. Но командование Юго-Западного фронта не решилось ввести в качестве поддержки 8-ю армию, что привело к неудачному исходу операции.

К концу 1915 г. Восточный фронт оказался практически выпрямлен, и это, с учетом истощения противоборствующих армий, создавало все условия для перехода к позиционной войне.

Российская армия в 1915 г. осуществила «великое отступление», утратив громадные территории — Галицию, Польшу, Курляндию, западные белорусские губернии. Расчеты на

решительные удары по Германии и Австро-Венгрии оказались неверными, войдя в несоответствие с имеющимися ресурсами. Однако план Вены и Берлина на вывод России из войны также потерпел крах, вследствие чего стратегическое положение обеих коалиций в целом оставалось прежним.

Иначе для России складывались события на Кавказском фронте. В начале 1915 г. завершилась Сарыкамышская операция, начатая еще в предыдущем году, результатом которой стало улучшение позиций России на Кавказе. Боевые действия переместились на турецкую территорию. В начале кампании 1915 г. командование фронтом принял генерал Н.Н. Юденич, организовавший здесь в последующем серию успешных наступательных операций. К началу года бои с 3-й турецкой армией велись на ограниченных направлениях. В апреле русская Кавказская армия по-прежнему превосходила турок в коннице, имела 111 батальонов, 212 сотен, 364 орудия. Турецкие войска имели к этому времени уже 175 батальонов, восстановившись за счет армий, переброшенных с Черноморских проливов и Суэца. Большая их часть была сосредоточена на ольгинском, сарыкамышском и эриванском направлениях, где им противостояли II, I и IV Кавказские корпуса. Русская армия располагалась между Каспийским и Черными морями на линии Архаве — Ольты — Хоросан — Каракилиса — Диадин — Котур — Дильман — Тавриз [110].

В мае-июне IV Кавказским корпусом была проведена наступательная операция в районе озера Ван, в ходе которой русскими была занята значительная территория, корпус продвинулся вперед на 100 км. В июле-августе в ходе Алашкертской операции были сорваны попытки турок организовать здесь контрнаступление. Однако ввиду недостатка боеприпасов развить успех на сарыкамышском и ольгинском направлениях русским корпусам не удалось. Сказалось и ослабление фронта переброской на западную границу России ряда формирований, где положение в этот период являлось наиболее угрожающим. Несмотря на это, русские войска сохранили преимущество в коннице (состоящей в основном из казачьих отрядов) и артиллерии над турецкими силами под командованием генерал-лейтенанта М. Камиль-паши.

К концу года боевые действия распространились на территорию Ирана. Турецкие и германские агенты в этот период расширили свою деятельность по вовлечению Персии и других государств Центральной Азии в мировую войну на стороне Четверного союза. Особое значение уделялось вооружению и поднятию против сил Антанты мусульманских народов Центральной и Средней Азии на основе идей «джихада» («священной войны против неверных»). По этой причине русским командованием было принято решение ввести в Иран экспедиционный корпус в составе 3 батальонов, 39 сотен и 20 пушек, возглавленный генералом Н.Н. Баратовым. В результате его успешных действий в декабре 1915 г. были разгромлены вооруженные отряды протурецких племен у Кума и Хамадана, взята под контроль Северная Персия. Из Туркестана был введен отряд в составе 1 тыс. казаков, разоруживший в Хоросане германо-турецкие диверсионные группы, следовавшие к афганской границе. Совместно с английским отрядом была установлена «подвижная завеса» от Каспия до берегов Индийского океана.

Британские политические круги не были заинтересованы в утверждении России в персидском регионе и вынудили свое командование отказаться от совместных действий. В Месопотамии был высажен английский экспедиционный корпус. Формирования генерала Дж. Никсона организовали наступление на Багдад, закончившееся поражением от турецких войск. Однако возможностей для разгрома англичан, отступивших к Кут-эль-Амаре, у турок не было. Единственная попытка развить наступление против британских войск в Египте форсированием Суэцкого канала, предпринятая еще в феврале 1915 г., окончилась для турецкой армии неудачей [111]. Тем не менее позиции Турции в Месопотамии к окончанию второго года войны несколько укрепились.

Таким образом, военную кампанию 1915 г. следует считать выигранной силами Четверного союза. Антанта не смогла предпринять успешные операции против Германии и сосредоточилась на повышении своего экономического и военного потенциала. В условиях позиционного характера, который приняла вооруженная борьба на западноевропейском театре,

Германия получила возможность направить основной удар на Восток — против России, которая оказалась не в состоянии его парировать. Тем не менее, пожертвовав 15% своей территории в ходе «великого отступления», Россия избежала разгрома, смогла стабилизировать фронт и сохранить боеспособность своих войск, не оправдав расчеты Берлина. Русская армия частично компенсировала неудачи на Германско-австрийском фронте улучшением позиций против Турции на Кавказе, которая, в свою очередь, укрепилась против англичан на Ближнем Востоке. Вступление в конфликт новых участников — Италии и Болгарии — не привело во второй год войны к решающему изменению стратегической обстановки в целом. Германия и Австро-Венгрия, захватив значительные территории в Восточной Европе (Галицию, Польшу, Литву), разбив Сербию и Черногорию, все же не добились поражения Антанты и вынуждены были продолжать затянувшуюся войну на несколько фронтов.

2.2. Боевые действия на море: планы на 1915 год. Сражение у Доггер-банка. Попытка захвата проливов Дарданеллы и Босфор. Итоги 1915 года

Подготовка новой кампании в Северном море на 1915 г. шла в соответствии с опытом предшествующих набеговых операций эскадры Ф. Хиппера: британский Гранд-Флит усилил дальнюю блокаду и патрулирование у побережья Англии, а ВМС Германии более тщательно стали выбирать район и время очередного рейда. В начале января в Кайзерлихмарине было установлено, что английские корабли теперь постоянно патрулируют в районе Доггер-банка — очень крупной отмели в Северном море в 100 км от Англии. С целью их ликвидации адмирал Ф. Ингеноль решил направить в данную зону силы адмирала Ф. Хиппера: линейные крейсера «Зейдлиц», «Дерфлингер» и «Мольтке», а также крейсер «Блюхер», 4 легких крейсера и 18 эсминцев [112]. Первоначально на совещании от 22 января 1915 г. было предложено командованием Кайзерлихмарине отложить операцию на две недели — до 6 февраля

1915 г. Линейный крейсер «Фон дер Танн» был отправлен на ремонт, поэтому эскадра Ф. Хиппера оказалась ослабленной. К тому же на плановые учения была отправлена III эскадра линкоров, включавшая в себя новейшие корабли типа «Кайзер» и «Кениг». Однако изменение погодных условий заставило адмиралов кайзера поспешить с операцией. Тем более адмирал фон Ингеноль получил информацию, что основные силы Д. Джеллико будут слишком далеко и не смогут помешать выполнению задачи [113].

Но все же сохранить в тайне время данного набега немцам не удалось, потому что Адмиралтейство Великобритании свободно читало немецкие радиogramмы благодаря секретному коду, который еще в октябре 1914 г. попал в распоряжение русских моряков (с погибшего в Балтийском море легкого крейсера «Магдебург») и был передан ими британскому командованию [114].

Корабли Ф. Хиппера с максимальной скрытностью вечером 23 января 1915 г. покинули базы. Примерно в то же время навстречу им вышли из Розайта эскадры вице-адмирала Д. Битти и контр-адмирала Г. Мура. В первую вошли новейшие линейные крейсера «Лайон», «Тайгер» и «Принсесс Ройял», во вторую — более старые «Нью Зееланд» и «Индомитейбл» [115]. Кроме того, силы Д. Битти сопровождали четыре легких крейсера под командованием коммодора Гуденафа. К 2 британским эскадрам, согласно плану, должен был примкнуть отряд коммодора Р. Тэрвита из Гарвича (еще 3 легких крейсера и 34 эскадренных миноносца) [116]. Объединение британских сил планировалось около 7:00 утра 24 января в районе, расположенном приблизительно в 30 милях к северу от Доггер-банка и в 180 милях к западу от Гельгоlanda, то есть на самом вероятном пути следования эскадры Ф. Хиппера.

Дальнее прикрытие сил Д. Битти и оборону восточного побережья Англии Адмиралтейство возложило на 3-ю эскадру линкоров под командованием вице-адмирала Брэдфорда (в нее входили устаревшие броненосцы типа «Кинг Эдуард VII») [117]. Опасаясь, что данных кораблей будет недостаточно, вечером 23 января Д. Джеллико вывел из Скапа Флоу главные силы Гранд-Флита. В ночь с 23 на 24 января силы противников сбли-

Линейный крейсер «Лайон»

жались: линейные крейсера Ф. Хиппера двигались на северо-запад. Прикрытие на флангах осуществляли легкие крейсера «Росток» и «Кольберг», а крейсера «Грауденц» и «Штральзунд» шли в авангарде. Корабли адмирала Д. Битти шли курсом на юго-восток, а с юга приближался отряд Р. Тэрвита.

На рассвете 24 января в 7:10 минут британский крейсер «Аврора» обнаружил один из немецких легких крейсеров. Завязалась короткая перестрелка, в ходе которой и «Аврора», и «Кольберг» получили несколько попаданий снарядами каждый [118]. После этого и остальные корабли Р. Тэрвита установили контакт с немецкими силами, которые развернулись и шли курсом на юго-восток. Контр-адмирал Ф. Хиппер сообщил адмиралу Ф. Ингенюлю, что обнаружен британским флотом в составе восьми крупных кораблей и отступает в направлении своих баз.

Зная об отступлении Ф. Хиппера, Д. Битти приказал до максимума увеличить скорость — до 29 узлов. Из-за этого более старые линейные крейсера «Индомитейбл» и «Нью Зееланд» стали отставать. Д. Битти намеренно решил разделить свои силы, чтобы как можно быстрее догнать Ф. Хиппера, считая, что с четырьмя немецкими крейсерами вполне справятся новейшие «Лайон», «Тайгер» и «Принсесс Ройял» [119].

Погоня завершилась к 8:30, в это время флагманский крейсер «Лайон» открыл огонь с расстояния 22 тыс. ярдов по замыкающему строй немецкой эскадры крейсеру «Блюхер». Первые несколько залпов были даны для пристрелки, а в 9:05 три крейсера Д. Битти открыли беглый огонь. Ответные залпы дали в 9:10 силы Ф. Хиппера, которые в качестве главной мишени выбрали «Лайон» [120].

Первые попадания в немецкие корабли начались в 9:43, когда тяжелый снаряд с «Лайона» поразил барбет кормовой башни «Зейдлица» и вызвал опасный пожар (воспламенилось около 6 т зарядов), который вывел из строя обе кормовые башни. Только быстрое затопление погребов боезапаса спасло корабль, однако скорость «Зейдлица» существенно упала [121].

Примерно в это же время попадания начали получать и английские корабли: с 9:45 до 10:18 «Лайон» поразили, как минимум, 4 снаряда с «Мольтке» и «Блюхера» [122].

Однако общее положение складывалось в пользу Д. Битти: к 10:30 серьезные повреждения получил «Блюхер» (был сильный пожар в двух башнях, где горело до 40 зарядов к орудиям главного калибра, получили повреждения котельные отделения, а также рулевое управление, скорость крейсера упала до 17 узлов) [123]. Видя тяжелую ситуацию с «Блюхером», адмирал Ф. Хиппер приказал своим линейным крейсерам сконцентрировать огонь на флагманском «Лайоне», намереваясь дать крейсеру время для отступления. Это дало эффект: к 10:51 флагман Д. Битти получил 9 или 10 попаданий крупных снарядов, его скорость снизилась до 15 узлов, корабль потерял радиосвязь. В дополнение ко всему в 10:54 «Лайон» из-за ошибочного сообщения о замеченной подводной лодке повернул влево на 90 градусов, прекратив тем самым погоню. «Лайон» из-за серьезных повреждений так и не мог занять свое место в боевом строю [124].

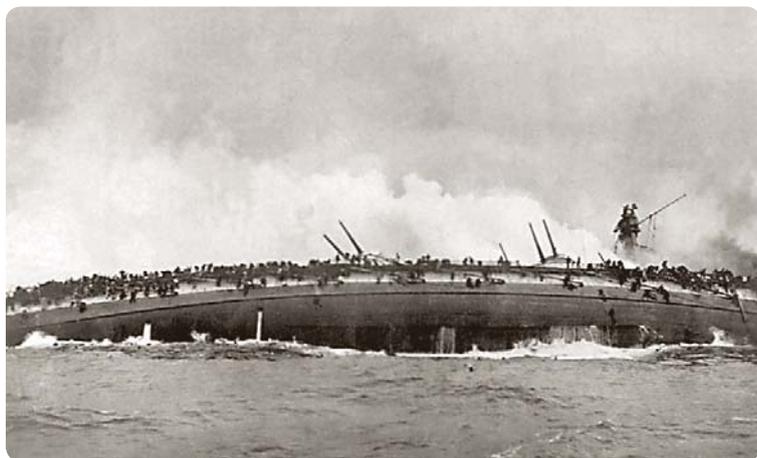
Около 11:00 Д. Битти принимает решение, что линейные крейсера «Тайгер», «Принсес Ройял», «Нью Зееланд» должны продолжить преследование Ф. Хиппера и постараться уничтожить хотя бы поврежденный «Зейдлиц», а отставший «Блюхер» добьют «Индомитейбл» и легкие крейсера. Но донести до

остальных английских кораблей идею Д. Битти было проблематично из-за потери флагманом радиосвязи. Поэтому в 11:02 на «Лайоне» был поднят сигнал с помощью флагов: «Курс северо-восток». А в 11:05 — дополнительный сигнал: «Атаковать группу противника с тыла». Однако на «Тайгере», «Принсесс Ройял», «Нью Зееланде» данные сигналы поняли как один: «Атаковать тыл соединения противника на северо-востоке», где в данный момент находился лишь разбитый «Блюхер». Следуя данному сигналу, английские корабли прекратили погоню за Ф. Хиппером и развернулись к устаревшему «Блюхеру». Немецкий адмирал, увидев данную ситуацию, решает бросить броненосный крейсер ради спасения всего соединения, включая тяжело поврежденный «Зейдлиц» [125].

Заметив неправильное исполнение своих приказов, Д. Битти в 11:50 был вынужден перейти с поврежденного «Лайона» на миноносец «Аттак», чтобы снова возглавить эскадру. В период с 11:50 до 12:30 британские линейные крейсера, оставив главные силы Ф. Хиппера, расстреливали немецкий крейсер, который продолжал оказывать слабое сопротивление, ведя огонь из последних двух уцелевших 210-мм орудий. Уже небоеспособный, горящий крейсер торпедировали семь эсминцев, но точку в судьбе «Блюхера» поставила торпеда с крейсера «Аретьюза». В 12:30 броненосный крейсер перевернулся и затонул [126].

Незадолго до этого адмирал Д. Битти догнал эскадру и в 12:20 поднял флаг на «Принсесс Ройял», сразу приказав возобновить преследование крейсеров Ф. Хиппера. Однако быстро выяснилось, что за время, потраченное на «Блюхера», Ф. Хиппер ушел слишком далеко, и дальнейшая погоня стала бесперспективной. Ввиду данных обстоятельств в 12:45 Д. Битти объявляет о своем решении прекратить бой и вернуться на базы.

Так, шанс нанести тяжелое поражение линейным крейсерам Флота открытого моря был упущен, несмотря на существенное преимущество британских крейсеров в количестве, скорости и вооружении. Однако из-за ошибок в системе управления эскадрой и несовершенства средств связи Д. Битти не смог реализовать свое превосходство. Ошибки другого рода совершил и адмирал Д. Джеллико — главные силы Гранд-Флита вышли

*Крейсер «Блюхер» тонет в Северном море
после битвы при Доггер-банке*

с дальних баз слишком поздно для того, чтобы успеть принять участие в преследовании и уничтожении эскадры Ф. Хиппера.

Сражение наглядно продемонстрировало, что артиллеристы Ф. Хиппера своей выучкой и точностью превосходили англичан. Немцы 16 раз попали в «Лайон» и 6 раз в «Тайгер», англичане могли похвастаться только тремя попаданиями: два снаряда в «Зейдлиц» и один снаряд в «Дерфлингер». Правда, «Блюхер» получил 70 попаданий, но почти все снаряды попали в него с очень близкого расстояния в самом конце боя. Потери немцев в людях составили 1116 убитых, 41 раненый, 269 человек были взяты в плен. У англичан 14 человек были убиты и 30 ранены [127].

Битва у Доггер-банки привела к значительным кадровым изменениям во Флоте открытого моря. Адмирал Ф. Ингеноль 2 февраля был снят с должности командующего Флотом открытого моря. Также отправлен в отставку и начальник адмиралштаба контр-адмирал Эккерман, которого назначили командиром 1-й эскадры линкоров. Преемником Ф. Ингеноля стал

адмирал Г. Поль, начальником адмирал-штаба — вице-адмирал Г. Бахман.

Кроме Северного моря в 1915 г. союзники попытались достичь решительного преимущества на другом театре военных действий — средиземноморском [128]. Еще в ноябре 1914 г. У. Черчилль предложил идею захвата черноморских проливов, что благоприятно бы сказалось на обороне Египта, но его предложение было отклонено [129]. В январе 1915 г. в Великобритании и России вернулись к обсуждению подобной операции. Маршал Г. Китченер предложил, что наилучшее место для демонстративной операции — это Дарданеллы. В случае победы союзников были бы не только разгромлены значительные силы Османской империи, но и открылся бы безопасный путь для доставки военных грузов в Россию — через Черное море [130].

Первый план операции был составлен вице-адмиралом Карденом и предусматривал четыре этапа, на которых британские и французские линкоры легко подавят турецкие форты, находясь вне сферы действия их устаревшей артиллерии.

На совещании Военного Совета Великобритании 28 января было принято итоговое решение: ВМС союзников в Дарданеллах будут действовать самостоятельно, без помощи сухопутных сил.

Всего для участия в операции Англия и Франция выделили 80 кораблей — 50 британских и 30 французских [131]. Среди них были 17 линкоров (из которых 16 — броненосцы постройки рубежа веков и только 1 современный линкор), 1 линейный крейсер, 5 легких крейсеров, 22 эскадренных миноносца, 9 подводных лодок, 24 тральщика, 1 авиатранспорт и 1 госпитальное судно. На данных кораблях располагалось 88 тяжелых орудий [132].

Перед началом операции (17 февраля 1915 г.) английские самолеты с «Арк Рояла» провели разведку обороны Проливов [133]. 19 февраля началась операция: англо-французская эскадра в составе 6 линкоров, включая новейший линкор «Куин Элизабет», и 1 линейного крейсера открыла огонь по османским фортификационным сооружениям. Корректировку огня производили самолеты с «Арк Рояла» [134]. Однако первый же день принес неудачи: продолжительный обстрел значительно эффекта не дал.

Боевые действия возобновились только 25 февраля, когда четырьмя линкорами союзников удалось на некоторое время нейтрализовать часть турецких береговых батарей. После завершения бомбардировки союзники предприняли попытку траления Пролива, но турецкие форты снова открыли огонь. В итоге и вторая попытка закончилась провалом: англо-французским силам пришлось отступить [135].

После нескольких неудачных обстрелов союзники решили предпринять массированную атаку Проливов. Расстроенный неожиданной живучестью и боеспособностью батарей и фортов Османской империи (которые избегали в течение месяца ущерба от бомбардировки союзников, при этом постоянно угрожали работе тральщиков, отправленных для очистки Пролива), У. Черчилль стал в начале марта 1915 г. оказывать давление на адмирала Кардена, требуя активизации усилий флота. Под данным прессингом Карден разработал новый план и 4 марта направил телеграмму У. Черчиллю, заявив, что флот может прорваться к Стамбулу в течение двух недель. Дополнительную мотивацию и чувство скорой победы дали У. Черчиллю перехваченные немецкие радиосообщения, где указывалось, что османские форты у Дарданелл были повреждены, а главное, заканчивались боеприпасы. Когда сообщение было передано Кардену, он решил нанести главный удар сразу после 17 марта. Но за это время у Кардена начались проблемы со здоровьем, и союзный флот был отдан под командование адмирала Джона де Робека. Учитывая время на подготовку (генеральная атака на Дарданеллы была назначена на 18 марта), англо-французские силы получили дополнительные корабли. Но и османское командование также направило подкрепления к Проливам, укрепило фортификационные сооружения, а главное — провело дополнительное минирование Пролива [136].

18 марта в 10:30 английские и французские корабли (всего 18 линкоров при поддержке эсминцев) вошли в Пролив. В 14:00 корабли союзников открыли огонь по турецким фортам. Однако обстрел снова оказался неэффективным, тогда как ответные залпы османских батарей повредили два линкора [137]. Французский броненосец «Буве» подорвался на выставленных ночью турецких минах и затонул [138]. После дополнительных

повреждений от огня фортов союзники решают выйти из Пролива, но два британских линкора попали на мины и погибли. В 18:00 адмирал де Робек решает прервать провальную операцию [139]. Высокие потери вынудили де Робека дать сигнал к «общему отступлению», чтобы сохранить то, что осталось от его сил. В ходе планирования кампании ожидалась потеря союзного ВМФ, причем именно среди устаревших линкоров, которые были непригодны к боевым действиям против флота кайзера. Некоторые из старших морских офицеров, такие как командир линкора «Куин Элизабет» Роджер Киз, считали, что союзники 18 марта были близки к победе, так как у османских батарей, по их мнению, почти кончились боеприпасы. Но высшее командование в лице де Робека и Д. Фишера посчитало, что операцию надо свернуть и без усиления состава оперативной группировки союзников не пытаться прорваться через Проливы. Дополнительной аргументацией стали неприемлемые потери и плохая погода. Поражение франко-британского флота вызвало в Османской империи большой патриотический подъем, 19 марта отмечалось в качестве дня великой победы, что только поднимало моральный дух защитников Проливов.

В итоге генеральная атака союзников не принесла желаемых эффектов, и ни одна из поставленных задач решена не была. Кроме того, англо-французские силы понесли существенные потери: три линкора погибли, еще три были серьезно повреждены. У сил Османской империи было повержено только восемь орудий.

Даже после такого поражения в британском Адмиралтействе по-прежнему верили, что флот справится с операцией самостоятельно и сможет захватить Дарданеллы без помощи армии. У Черчилль не придавал серьезного значения потерям старых броненосцев, утверждая, что пока нет больших людских потерь, сворачивать операцию или менять первоначальный план причин нет. Однако адмирал Джон де Робек 21 марта заявил, что без привлечения сухопутных сил операция обречена на провал, а для доставки войск к Проливам потребуется около месяца. У Черчилль был резко против любой отсрочки, доказывая, что нельзя паниковать после первых небольших поражений, что слишком длительный перерыв пойдет только

на пользу Османской империи. Кроме того, он указывал на необходимость считаться с негативными политическими последствиями, к которым приведет такая значительная пауза. Но победило в спорах 26 марта мнение адмирала де Робека. Он доказал, что нельзя снова начинать морскую операцию, так как не ликвидирована минная опасность, а обезопасить Проливы силами только тральщиков очень проблематично, потому что для этого необходимо подавить османские береговые батареи, а это может сделать лишь сухопутная армия.

В итоге после трех неудачных попыток штурма Дарданелл с моря союзное командование решило высадить десант, чтобы пехота захватила форты, а корабли могли бы прорваться к Стамбулу [140]. Всего для десантирования на Галлиполи решили задействовать 81 тыс. человек и 178 орудий. Но турецкое командование правильно разгадало намерения союзников и вовремя подтянуло дополнительные войска для обороны Дарданелл — только что созданную 5-ю армию [141].

25 апреля 1915 г. началась высадка англо-французских дивизий на полуостров Галлиполи (район мыса Геллес). Однако турки решительно контратаковали и в течение всего дня пытались сбросить десант в море. К концу дня 25 апреля потери союзников приблизились к 18 тыс. солдат и офицеров. Только 28 апреля союзные войска смогли развить наступление вглубь полуострова [142]. Город Крития (главная цель атаки) удерживался османской армией на протяжении мая-июня 1915 г.

Несмотря на прибытие к союзникам в августе 1915 г. 5 новых дивизий, добиться победы над Османской армией у Дарданелл так и не удалось. Осенью было принято решение о прекращении операции и эвакуации союзных сил. Союзники не только не смогли облегчить положение России, но и потерпели серьезную неудачу, которая привела к потере около 250 тыс. солдат и моряков [143]. Потери турок приближались к 180 тыс. человек, но они сохранили за собой Проливы [144]. У Черчилль как инициатор операции был вынужден уйти в отставку. Таким образом, 1915 г., начавшийся для союзников упущенной победой на море у Доггер-банка, закончился тяжелым поражением в Дарданеллах.

ГЛАВА 3

Кампания 1916 года

3.1. Боевые действия на европейском континенте: Западный фронт остался не сокрушен, успехи России на Кавказе

На новую кампанию 1916 г. обе противоборствующие коалиции возлагали большие надежды. Несмотря на осложнение положения Германии в условиях морской блокады, она была все еще сильна и способна к активным боевым действиям. Производство винтовок, снарядов и самолетов увеличилось в Германии к началу 1916 г. в 1,5 раза, а пулеметов и орудий — почти в 3,5 раза [145]. В руках германцев оказались промышленные и сырьедобывающие мощности на захваченных территориях во Франции и России. Становилось все более очевидной решающая роль Германии в Четверном союзе, чья военно-экономическая мощь обеспечивала его военную крепость и моральную устойчивость. Однако чем дольше длилась война, тем очевиднее становилось и другое: потенциал колониальных империй Антанты и огромной России перевешивал в перспективе возможности не только Германии, но и всего Центрального блока.

Великобритания и Франция, не мирясь с неудачами в боях, наращивали свои вооруженные силы и предполагали, что в новом году их будет достаточно для проведения широких наступательных операций против Германии. Несмотря на потери, за 1915 г. Франция увеличила свои войска на 1,1 млн человек,

Великобритания — на 1,2 млн человек. Также возросла и численность российской армии — на 1,4 млн солдат. По живой силе войска Антанты в начале 1916 г. превосходили силы Четверного союза, имея 18 млн человек против 9 млн, 365 дивизий против 286 [146]. Это стало возможным благодаря мобилизации на службу широких слоев населения. Франция призвала в армию практически все мужское население, Британия мобилизовала контингенты доминионов и колоний. Новое пополнение заменяло кадровых военных, убитых за полтора года мировой бойни. Это не могло не отразиться на качественном составе вооруженных сил: солдаты запаса и вчерашние гражданские имели низкий уровень боевой и тактической подготовки. Зато неуклонно росло производство вооружений. Например, во Франции к 1916 г. ежедневное производство орудий возросло до 600 единиц, снарядов — до 100 тыс., винтовок — до 1500, а производство взрывчатых веществ по сравнению с началом войны выросло в 6 раз [147]. К концу 1915 г. всерьез увеличилось и военное производство Великобритании: по сравнению с началом года более чем в 5 раз возросло производство пулеметов, более чем в 10 раз — самолетов [148].

Проиграв кампанию 1915 г., страны Антанты задумались о необходимости лучшего согласования действий на разных фронтах и выработки единого стратегического плана, чтобы устранить распыление сил против все еще мощных противников. В декабре 1915 г. в Шантийи состоялась очередная межсоюзническая конференция, на которой был рассмотрен план французского главнокомандующего генерала Ж. Жоффра. Его предложение о создании единого коалиционного органа военного руководства не было утверждено. Но были приняты другие важные решения. Делегации союзников признали главными фронтами войны Западный, Восточный и Итальянский, операции на которых требовалось тщательно согласовывать. До решающего наступления планировалось вести бои на истощение сил противника на каждом из фронтов, чтобы воспрепятствовать переброске вражеских частей с одного фронта на другой.

Более конкретный оперативный план имелся у русской делегации. Российской Ставкой, представленной в Шантийи генералом Я.Г. Жилинским, было предложено проведение глав-

ного удара против Австро-Венгрии и Болгарии одновременно с трех сторон: из России, из Италии, из Салоник, где все еще размещался экспедиционный корпус Антанты. Устранение этих «слабых» звеньев Четверного союза привело бы не только к ухудшению стратегического положения его основы — Германии, но и способствовало бы склонению в лагерь Антанты колеблющихся Румынии и Греции. Русское командование предлагало также совместные действия против Турции — два одновременных удара по северной Месопотамии русскими силами с Кавказа и британскими с Ближнего Востока [149]. Франция и Британия отклонили предложения России. С одной стороны, они боялись ее усиления на Ближнем Востоке и на Балканах, а с другой — опасались ослабления Западного фронта, которое неизбежно бы произошло в случае предусмотренной русским планом переброски части войск из Франции в Салоники.

На следующем мартовском совещании в Шантийи представители Великобритании и Франции приняли окончательное решение о необходимости создания более благоприятной обстановки именно на Западном фронте. Было решено провести наступление на Сомме летом 1916 г. Русские уступили союзникам и согласились провести в это же время свою операцию на Юго-Западном фронте, а итальянцы обязались одновременно атаковать противника в Ломбардии.

Однако Центральные державы уже с самого начала 1916 г. планировали провести собственные наступательные операции, не желая отдавать инициативу Антанте. Начальник германского полевого штаба Э. фон Фалькенхайн полагал, что следует перенести активные действия с Восточного на Западный фронт. Русская армия виделась германцам деморализованной и потому не способной наступать. Но и новые удары против нее не сулили весомых результатов. Русские могли отходить на восток, и преследование их на территории России могло затянуться, осложненное нехваткой здесь железных дорог, являвшихся главным источником высокой маневренности германских вооруженных сил. По его мнению, наиболее опасным врагом для Германии являлась Британия, «богатая всевозможными средствами и до сих пор не испытанная в сражении» [150]. Опасность новой атаки Антанты на западе всерьез беспокоила

Фалькенхайна, наблюдавшего на этом театре существенное изменение в соотношении сил в пользу своих противников.

В начале 1916 г. Западный фронт включал в себя два сектора. От моря у Ньюпора до Перона 180-километровую полосу занимали 6 бельгийских и 39 английских дивизий. Этот участок был также усилен 18 французскими дивизиями. Против 63 дивизий Антанты германцы держали здесь только 30 дивизий, имея в резерве еще 2. От реки Сомма до границы со Швейцарией располагались 58 французских дивизий, за которыми в резерве имелось 29 дивизий. На этом секторе фронта протяженностью более 500 км французам противостояли 70 германских дивизий на первой линии обороны и 17 — составляющих резервы [151]. Против английских армий, сосредоточенных во Фландрии, было неудобно предпринимать крупные операции зимой, особенно не имея серьезного преимущества в живой силе, и германское командование решило сначала сосредоточиться на французских войсках, державших оборону южнее.

Для наступления на всем французском секторе Западного фронта сил не хватало, и для удара был избран Верденский укрепленный район, имевший для Франции важное политическое и военно-стратегическое значение. Являясь удобным плацдармом для французского наступления с целью ликвидации угрожающего Парижу германского выступа, Верден также был мощной опорой восточного крыла фронта, прикрывая путь немцам в сердце страны. Символ стойкости и мужества французов, Верден, по мнению Фалькенхайна, защищался бы до последнего солдата, что привело бы к обескровливанию французской армии [152].

Для взятия Вердена германское верховное командование планировало привлечь всю мощь тяжелой артиллерии, которая бы могла разрушить укрепления французов, включающих в районе Вердена четыре линии оборонительных позиций. Основной силой наступления была выбрана 5-я армия под командованием кронпринца Вильгельма. Из резерва для ее поддержки было дополнительно выделено 25–26 дивизий. Операция готовилась в строжайшей секретности, что должно было обеспечить ее внезапность. Превосходство в орудиях над французами было увеличено до 5,5 раза. Огромное количество

Верден. 1916 г.

артиллерии и минометов, сосредоточенное для наступления, должно было стать главным козырем немцев. Готовились к использованию и новые средства борьбы — огнеметы. Ротой огнеметчиков была усилена каждая пехотная бригада. В корпуса ударной группы были включены 39 инженерных и 8 огнеметных рот. Дивизии в больших количествах снабжались взрывчаткой и ручными гранатами [153].

Французы привлекли к обороне Верденского района 11 дивизий, оснащенных 632 орудиями. Вплоть до начала германского наступления французский командующий Ж. Жоффри не знал о готовящейся атаке под Верденом, предполагая, что германцы начнут операцию в Шампани [154].

Утром 21 февраля германцы начали артиллерийский обстрел всей глубины Верденских укрепленных позиций из 1500 орудий и минометов. Шквальному огню тяжелых мортир и гаубиц подвергались форты, командные пункты, батареи, город Верден и соседние населенные пункты. Минометы разрушали траншеи и укрытия, самолеты бомбардировали автомобильные и железные дороги. Широко применялись химические

снаряды. Как вспоминал командующий обороняющейся под Верденом 2-й французской армией генерал А. Ф. Петен, «нигде еще, ни на одном фронте и ни в одном сражении не знали ничего подобного. Немцы пытались создать такую «зону смерти», в которой ни одна часть не смогла бы удержаться... Ужасные взрывы потрясли наши форты, покрыв их дымом... На узком треугольнике, заключенном между Брабан, Орн и Верденом, был сосредоточен опустошающий огонь больше чем 2 млн снарядов» [155]. После завершения артподготовки, продолжавшейся почти девять часов, началась атака германской пехоты. Однако после первых дней наступление немцев замедлилось: французские солдаты стойко оборонялись, цепляясь за каждый участок земли. Ж. Жоффри использовал все имеющиеся резервы. Французское командование отдало приказ — во что бы то ни стало остановить противника [156].

После ослабления первого удара германцев 2-я армия генерала Петена приступила к организации обороны, используя для переброски войск, боеприпасов и грузов снабжения автотранспорт, так как железнодорожное сообщение с крепостью было прервано. Шоссе Бар-де-Дюк — Верден, протяженностью 65 км, французы называли «священным путем», по которому только с 27 февраля по 6 марта было перевезено 190 тыс. человек, 23 тыс. т боеприпасов и 2,5 тыс. других военных грузов [157]. Во многом благодаря умелой переброске резервов, осуществленной в сложнейших условиях вражеских бомбардировок, обстановка стала меняться в пользу французов: численность их войск под Верденом в начале марта увеличилась в 2 раза.

Таким образом, массированная атака Вердена не принесла ожидаемых результатов. В первые недели боев ударная группа 5-й германской армии овладела лишь передовыми позициями на глубину 5–7 км. Важным успехом можно считать только занятие форта Дуомон, господствующего над районом Авокура и Вевра. Несмотря на ограниченные результаты, германское командование не собиралось ослабевать свой натиск. Пробуя наступать то с одного, то с другого фланга, германцы бросали в бой все новые и новые части, неся при этом огромные потери. Французы на защиту Вердена также привлекали свежие пополнения — уничтожаемые, отводимые для укомплектования

и вновь бросаемые в огонь сражения. Ожесточенные бои, вошедшие в историю как «верденская мясорубка», продолжались, чередуясь с временными затишьями, до самой осени 1916 г. Через них прошло 50 германских и 69 французских дивизий, многие из которых потеряли более 70% личного состава [158]. Некоторые участки — как, например, форт Во — переходили из рук в руки десятки раз. Командующий германской ударной группой на левом берегу р. Мааса генерал М. фон Гальвиц имел задачу взять Верден «во имя престижа — главной цели войны» [159]. Германское командование было убеждено, что если французы перестанут сражаться — то потеряют Верден, а если нет — потеряют армию [160]. Борьба на небольшом клочке земли все более приобретала характер войны на истощение. Однако Верден устоял. Между крепостью и германской армией оставался лишь один форт Сувиль. В октябре и декабре французы предприняли контрнаступательные действия, постепенно восстанавливая свое прежнее положение.

Борьба за Верденский укрепленный район потребовала от сторон огромных материальных и людских ресурсов. Потери германцев составили почти 600 тыс. человек, французов — 350 тыс. [161]. «Верденская мясорубка» стала самой крупной и длительной операцией всей Первой мировой войны, при этом не изменившей общей стратегической ситуации на Западном фронте. План немцев на кампанию 1916 г. потерпел крах. Они не смогли решить поставленные перед наступлением задачи: занять Верден, обескровить французские вооруженные силы и предотвратить их переход в запланированное вместе с англичанами наступление. Возможности мобилизации сил и средств у Антанты оказались выше, а германская армия в результате бесплодных боев под Верденом истощила свои резервы. Применение метода «последовательной атаки» оказалось неэффективным и приводило к отсутствию серьезных оперативных результатов на фоне гигантских потерь. Избрав для удара ограниченный участок фронта, ширина которого составила от 15 до 30 км, германцы продвигались в глубину низкими темпами, в среднем по метру в сутки [162].

Верденская операция стала «полигоном» испытания нового оружия и способов прорыва позиционной обороны. Новые

средства ближнего боя применили и германцы (огнеметы), и французы (легкие пулеметы образца 1916 г.). С обеих сторон шире, чем когда-либо, использовалась тяжелая и сверхтяжелая артиллерия, метод ведения заградительного огня для поддержки атаки пехоты, ставший прообразом «огневого вала». Для занятия позиций атакующими применялись действия штурмовых групп, защитниками — групповая тактика оборонительных боев. Под Верденом массово применялось и химическое оружие, используемое, преимущественно для подавления артиллерии. Повысилась роль авиации, получившей теперь и боевые задачи [163]. Важную роль сыграла система полевых и долговременных укреплений. Форты Вердена оказались мощными очагами сопротивления, железобетонные и бронированные сооружения которых выдерживали мощный артиллерийский огонь противника. Как отметил генерал Петен, «боевой опыт не уменьшил доверия к фортам, а, наоборот, усилил его» [164].

Положение французов в ходе борьбы с немцами под Верденом в некоторой степени облегчалось согласованными действиями Антанты на других театрах войны. Русские армии оказали помощь французскому фронту операциями в районе Двинска и озера Нарочь, наступлением на юго-западном направлении.

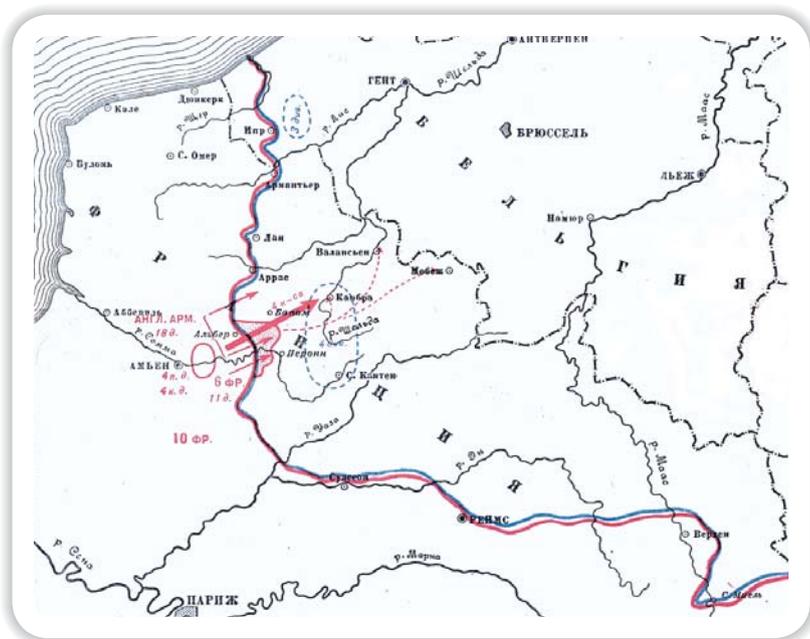
Сыграла свою роль и летне-осенняя наступательная операция англо-французских войск на Сомме. Генерал Жоффр еще в марте писал командующему британскими войсками во Франции генералу Д. Хейгу: «Мощное наступление, которое германские армии предприняли в районе Вердена, не должно иметь следствием изменение выполнения нашего плана действий, который мы выработали сообща. Речь идет как для нас, так и для вас о том, чтобы посвятить нашему наступлению на р. Сомме всю совокупность сил, которые только возможно применить...» [165]. Операция готовилась с особой тщательностью более пяти месяцев. В полосе наступления из тыла подводились пути сообщения, строились аэродромы, военные склады и госпитали. Задачами наступления были утверждены: прорыв германской обороны на 70-километровом участке фронта, затем продвижение на Камбрэ — Валансьен — Мобеж

Британские солдаты под Соммой

и нанесение удара в тыл группировке противника, расположенной на опасном для Парижа Нуайонском выступе, а также разгром северной группы германских армий в районе Арраса. По замыслу операция должна была стать длительным сражением, состоящим из ряда методически последовательных ударов от рубежа к рубежу до выхода на оперативный простор. Главная роль в этих последовательных атаках отводилась артиллерии: «артиллерия опустошает, а пехота наводняет» [166]. Пехота должна была занимать лишь ту территорию, которая была обстреляна орудиями с одной позиции до ее смены (2–4 км в глубину). Из 153 союзных дивизий на Западном фронте для проведения наступления было выделено около 40. Главной ударной силой должны были стать французские войска. Соотношение сил на всем участке прорыва было в пользу Антанты: 32 дивизии против 8 германских [167].

Операция началась 1 июля и завершилась 18 ноября 1916 г. Ей предшествовала семидневная артиллерийская подготовка невероятной мощности. Артиллерийский огонь корректиро-

Планы и силы сторон перед операцией при Сомме

вался самолетами, использовавшимися также для сброса бомб и обстрела германских позиций из пулеметов. Все это оказало сильное деморализующее воздействие на германскую пехоту и ее командование. Фалькенхайн отметил, что в районе 2-й немецкой армии «все препятствия впереди исчезли совершенно, окопы в большинстве случаев были сравнены с землей. Лишь отдельные особенно прочные постройки выдержали бешеный град снарядов» [168].

Наступавшие 4-я английская армия генерала Г.С. Роулинсона и 6-я французская армия А. Файоля смогли в первый же день прорваться до второй линии обороны противника. В дальнейшем их продвижение замедлилось, причем наименьшие результаты показывали английские войска. На Сомме развернулось одно из крупнейших сражений войны. Весь июль и август стороны продолжали стягивать на узкий фронт шириной

40 км новые силы: армии Антанты пытались развить прорыв, а германцы стремились как можно быстрее его ликвидировать. Английские и французские армии смогли продвинуться за два месяца лишь на 3–8 км. Число дивизий с обеих сторон неуклонно увеличивалось, накал борьбы нарастал. К началу сентября германская оборона была усилена в глубину и доведена до 40 дивизий, замедлив дальнейшее продвижение союзников, армии которых постепенно выдыхались [169].

Под Соммой впервые были использованы танки: их ввела в строй 15 сентября 4-я английская армия, произведя на пехоту противника ошеломляющий эффект. «Все стояли пораженные, как будто потеряв возможность двигаться. Огромные чудовища медленно приближались к ним, гремя, прихрамывая и качаясь, но все время продвигаясь вперед. Ничто их не задерживало. Кто-то в первой линии окопов сказал, что явился дьявол, и это слово разнеслось по окопам с огромной быстротой», — сообщила германская газета [170]. Танки давили колючую проволоку, разрушали укрепления и пулеметные гнезда. Британская пехота за пять часов с помощью танков продвинулась на 4–5 км, заняв пункты Флер, Мартенпюиш, Курселет [171]. Один из танков захватил сразу 300 пленных немцев, пораженных сокрушительной мощностью его пулеметного огня.

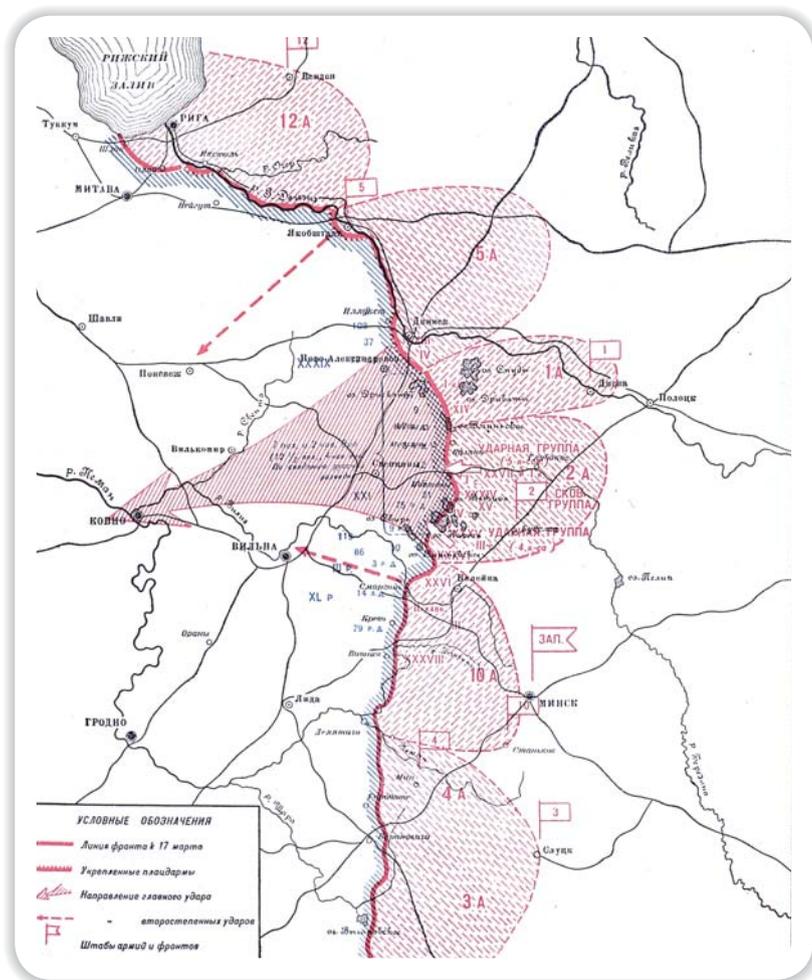
Прежде для подобного результата требовалось истратить тонны снарядов и тысячи человеческих жизней. Однако успех не был развит. В армии имелось всего 50 танков, из которых лишь 18 смогли поддержать пехоту, а остальные застряли в грязи или остановились из-за механических проблем и повреждений. Конструкции танков были еще несовершенны, методы наилучшего взаимодействия машин с пехотой не были отработаны, наступления проводились разрозненно и на широком фронте (10 км). Тем не менее первая танковая атака показала перспективность этого нового средства вооруженной борьбы.

Через сражение на Сомме за все время прошло 150 дивизий, почти 10 тыс. орудий, 1 тыс. самолетов. Подобно Верденской, операция приобрела характер изнуряющей битвы на истощения живой силы противников. Англо-французы не смогли прорвать германскую оборону, осуществив лишь ее продавлива-

ние на глубину не более 10 км по ширине 35-километрового фронта. Цена этого скромного результата оказалась чересчур высока: французские потери составили более 340 тыс. человек, английские — 453 тыс. Германцы потеряли 538 тыс. солдат и офицеров [172]. Столь значительные потери оказались для германцев критическими: их боеспособность и моральный дух так и не смогли впоследствии полностью восстановиться, приблизив будущее крушение германского рейха. Стратегическая инициатива на Западном фронте после Вердена и Соммы полностью перешла на сторону Антанты.

На Итальянском фронте в 1916 г. также осуществлялись наступательные операции. В марте на реке Изонцо предприняли атаку итальянские войска, но добиться успеха не смогли. В мае в направлении реки По в наступление перешли австро-венгерские армии. Осуществив прорыв почти на 60 км вглубь итальянской обороны в Трентино, австрийское продвижение, выдохнувшись, остановилось. Потери итальянцев составили более 90 тыс. человек убитыми и ранеными, 56 тыс. пленными. Австрийцы в ходе боев потеряли 55 тыс. убитыми и ранеными, 26 тыс. попали в плен [173].

На Восточном фронте на начало 1916 г. соблюдалось позиционное положение, достигнутое результатами прошлогодней кампании. В соответствии с решениями союзнической конференции в Шантийи Россия обещала соотносить действия на Восточном фронте с действиями союзников. В связи с разгоревшимися под Верденом тяжелыми боями французское командование просило Россию оттянуть как можно больше германских сил с Западного фронта. 5 (18) — 16 (29) марта 1916 г. силами Северного и Западного фронтов была проведена спешно подготовленная Нарочская наступательная операция. Германцы были оттеснены на некоторых участках всего лишь на 2–3 км, но в условиях весенней распутицы, имея недостаток в артиллерии и боеприпасах, русские войска приостановили дальнейшее наступление, потеряв более 70 тыс. человек [174]. И все же главная цель была достигнута: германцы временно ослабили натиск на Западном фронте и перебросили на восток четыре дивизии. Для Фалькенхайна стала очевидна ошибочность прежней оценки русской армии как потерявшей бое-

Общая обстановка и мартовское наступление. 1916 г.

способность. Вопрос об уменьшении численности армий на русском фронте, таким образом, отпал. Французский главнокомандующий дал высокую оценку мартовским усилиям русских, воспрепятствовавших возможной переброске части немецких войск с Восточного фронта под Верден [175].

К лету 1916 г. русские армии занимали позиции протяженностью 1200 км от Рижского залива до границы с Румынией, располагая 11 армиями с общей численностью 1 млн 730 тыс. человек, сгруппированными по-прежнему на трех фронтах (Северном, Западном и Юго-Западном). Центральные державы имели на Восточном фронте 1 млн 61 тыс. человек, из которых почти две трети находилось на Виленском и Рижском направлениях — участках, подвергнувшихся мартовскому наступлению русских [176].

В русской Ставке разрабатывался план нового наступления. Итогом дискуссии о выработке единого плана кампании стала директива от 11 (24) апреля 1916 г., предусматривавшая переход в наступление армиями сразу трех фронтов. Войска Западного фронта должны были нанести главный удар в направлении Ошмяны — Вильно. Северный фронт должен был продолжить наступление из-под Двинска на юго-запад. Юго-Западному фронту предстояло развить вспомогательную операцию в направлении на Луцк силами 8-й армии [177].

Командование Юго-Западным фронтом принял генерал А.А. Брусилов, который разработал оригинальный план предстоящих действий. Оригинальность состояла в решении провести одновременную атаку австро-венгерских позиций на всей ширине 450-километрового фронта, осуществив прорывы на разных его участках. Противник тем самым лишался возможности распознать направление главного удара и стянуть значительные силы для его отражения. Подготовка наступления должна была проходить в глубокой тайне, необходимо было скрытно обеспечить резервами предполагаемые участки прорыва, провести огромную инженерную работу по созданию плацдармов для пехоты — траншей и укрытий, приближенных к линии фронта, обеспечить надежную связь между частями [178].

За время боевого затишья в полосе Юго-Западного фронта австро-венгерские позиции были хорошо укреплены. Русская разведка давала точные данные о состоянии вражеских укреплений. Они включали две-три линии обороны, состоящие из окопов и проволочных заграждений, защищались фугасами, стальными и бетонированными сооружениями, имели огром-

ное число вооружений: пулеметов, минометов, бомбометов, траншейных пушек. С учетом этого генералом Брусиловым была разработана тактика волновой атаки пехоты, предусматривавшая наступление цепями на дистанции 150–200 шагов между ними. Первая и вторая волны пехотинцев снабжались ручными гранатами и приспособлениями для разрушения проволочных заграждений. Вторая и третья волны для закрепления на захваченных позициях должны были использовать пулеметы. Вторая волна обеспечивала потери первой волны. Третья — поддержку двух первых, а четвертая выступила резервом командиров передовых полков [179]. Необходимым элементом наступления должна была стать и артиллерийская поддержка пехотинцев, для связи с которыми в атакующие батальоны направлялись наблюдатели от орудийных расчетов.

В связи с начавшимся итальянским наступлением в Трентино союзное командование обратилось к русской Ставке с просьбой о поддержке. Аналогичные просьбы о русской атаке на австро-венгерском направлении исходили и от итальянского короля Виктора Иммануила III в письме к императору Николаю II [180]. Начальник штаба генерал М. В. Алексеев расценил настойчивые просьбы итальянцев как отчаянное признание в их неспособности исправить положение собственными силами. Между тем подготовка к наступлению на фронтах еще не была закончена, остро стоял вопрос об обеспечении войск снарядами, хотя по сравнению с предыдущим годом ситуация постепенно выправлялась. Генерал отметил, что «втягивать нас без надлежащей подготовки в немедленную атаку — значит вносить в общий план союзников дальнейшее расстройство и обрекать наши действия на неудачу» [181].

Тем не менее Верховным главнокомандованием решено было передвинуть сроки предстоящего наступления. Оно было начато Юго-Западным фронтом на рассвете 22 мая (4 июня) мощным артиллерийским обстрелом укреплений противника. Атакованные по всему фронту, австрийцы не выдержали: 7, 8, 9 и 11-я армии смогли прорвать оборону и начать продвижение вперед. 8-я армия под командованием генерала А. М. Каледина, наносившая главный удар, прорвав неприятельские позиции на ширине 80 км, на третий день наступления заняла Луцк, за-

Генерал Алексеев в Ставке. Трофейные знамена

ставив в беспорядке отступать австрийскую армию эрцгерцога Фердинанда. В течение менее двух недель 8-я армия продвинулась до 70–75 км, 9-я армия, действовавшая на левом фланге, продвинулась за это время на 50–60 км, 11-я — углубилась на 35–40 км, 7-я — на 10–15 км [182]. Множество человек было взято в плен, захвачено немало трофеев.

3 (16) июня Ставка разрешила Западному фронту отсрочить готовящееся наступление на 12–16 дней [183]. Юго-Западному фронту приказывалось сосредоточить усилия для нанесения дальнейшего удара на Ковель. В то же время австро-венгерское и германское командование, ранее не придававшее большого значения русской операции, теперь всерьез озаботилось сложившимся положением. В район Ковеля были срочно направлены новые австрийские и германские силы — как с соседних участков, так и с французского и итальянского фронтов. Была сформирована ударная группа генерала А. фон Линзингена, нацеленная на проведение сильных контратак. Однако эти экстренные меры оказались запоздалыми. Предпринятая Линзингеном концентрическая атака натолкнулась на стой-

кое сопротивление 8-й армии и не привела к ожидаемым результатам. На участках других армий продолжались упорные бои. 11-я армия генерала В.А. Сахарова, части правого фланга которой также подвергались контратакам, отбросила австро-германские войска, местами выровняв свой фронт. 9-я армия генерала П.А. Лещицкого 5 (18) июня овладела Черновицами, 10 (23) июня ее части взяли Куты и продолжили наступление на Станислав.

21 июня (4 июля) войска фронта начали вторую фазу наступления, развернувшегося одновременно с операцией на Западном фронте. 8-я и 3-я армии на ковельском направлении, выступив после мощной артиллерийской подготовки, прорвали оборону противника и, заставив его отступить, через пять дней вышли на р. Стоход. Но для форсирования реки резервов армий оказалось недостаточно. Командующий фронтом отдал приказ о прекращении атаки и остановки для ожидания пополнений. Действия 7-й и 11-й армий не принесли ощутимого успеха, но 9-я армия смогла выйти на линию Долина — Делатынь — Тартаров. Потери войск Юго-Западного фронта оказались значительными. Русские армии потеряли за время наступления более 63 тыс. солдат и офицеров убитыми и более 400 тыс. ранеными и пропавшими без вести [184].

Западный фронт в это же время предпринял атаку на барановичском направлении силами 4-й армии. Остальные войска фронта ограничились демонстративными действиями. В первый день наступления части 4-й армии смогли прорвать первые две линии окопов противника, но были остановлены шквальным пулеметным огнем. Дальнейшие события на этом направлении складывались также не в пользу русских войск, и 27 июня (10 июля) командующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт приказал остановить продолжение атаки.

Установившееся на короткое время затишье противоборствующие стороны использовали для накопления резервов и планировки дальнейших активных действий. Командующие Северным и Западным фронтом генералы А.Н. Куропаткин и А.Е. Эверт не спешили усиливать фронт Брусилова, успешно прорвавший позиции противника. Они боялись совершить ошибку, ослабить собственные фронты и потерять собственные

возможности для проведения наступательных операций [185]. Между тем на Юго-Западном фронте войска были утомлены последними бросками, не хватало транспорта, были израсходованы боеприпасы, исчерпаны резервы. Тем не менее после перегруппировки сил было решено перейти к новой фазе наступления. Австро-венгерские войска находились не в лучшем положении. Как вспоминал впоследствии Людендорф, Восточный фронт в эти дни испытывал наисильнейший кризис за все время войны. В Берлине опасались, что их союзники не удержат линию реки Стохода, не имея там укрепленных позиций и не успевая подводить для ее защиты резервы [186].

Для продолжения атак на Юго-Западном фронте была сформирована новая Особая армия под командованием генерала В.М. Безобразова, включившая войска гвардии (два армейских и один кавалерийский корпуса) и два корпуса из 8-й армии. Ей была поставлена задача атаковать Ковель с юга. 8-й армии предстояло овладеть Владимиром-Волынским, 11-я должна была наступать на Броды — Львов [187].

15 (28) июля Юго-Западный фронт перешел в очередное наступление. Переправиться через Стоход и выбить противника из Ковеля с ходу не удалось. Эверт вновь откладывал наступление своих войск и в конце концов добился его отмены Ставкой. Первоначальные расчеты А.А. Брусилова на поддержку Северного и Западного фронтов не оправдались, и поэтому задачи атакующих были несколько пересмотрены. «Я продолжал бои на фронте уже не с прежней интенсивностью, стараясь возможно более сберечь людей, и лишь в той мере, которая оказывалась необходимой для сковывания возможно большего количества войск противника, косвенно помогая этим нашим союзникам — итальянцам и французам», — отметил в мемуарах Брусилов [188]. В результате план концентрического наступления на Ковель с двух направлений силами 3-й и Особой армий потерпел неудачу. Армии понесли существенные потери, но линия Стохода не была преодолена. При этом 11-я армия смогла взять Броды, 9-я армия — Галич и Stanisлав. К началу сентября австрийские и германские войска с огромным трудом удержали оборону. Германцам пришлось израсходовать последние кавалерийские резервы. За все время боев с Запад-

Генерал Брусилов

ного и Итальянского фронтов Центральными державами было переведено всего 30,5 пехотной и 3,5 кавалерийской дивизий, что существенно улучшило положение русских союзников под Верденом и в Трентино [189].

Наступательная операция Юго-Западного фронта оказалась незавершенной. Тем не менее ее успехи серьезно повлияли на политическую и военно-стратегическую обстановку. Операция вошла в историю как «Брусиловский прорыв» и была высоко оценена союзниками России по Антанте. Британский историк Н. Стоун назвал ее «самой блистательной победой в войне» [190]. Прорыв оказал и высокое моральное воздействие на русские вооруженные силы, оправившиеся от череды неудач 1915 г. Австро-Венгерские армии потерпели серьезное поражение в Галиции и Буковине, были вынуждены уступить натиску русских войск и оставить ряд важных пунктов. Их общие потери составили почти 1,5 млн человек. Только в плен попало почти 400 тыс. солдат и офицеров. Русские армии захватили в качестве трофеев 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 мино-

и бомбометов [191]. Несмотря на различие оценок российских потерь в ходе Брусиловского наступления, наиболее вероятной следует считать цифру 1,65 млн человек [192].

Летние успехи Брусилова на Юго-Западном фронте стали последним аргументом для вступления Румынии в войну на стороне Антанты. В августе она официально объявила войну странам Четверного союза. Армия Румынии включала всего 600 тыс. человек, была слабо подготовленной и плохо оснащенной вооружением и артиллерией. Большая часть войск находилась на границе с Трансильванией, где румынские силы и перешли в наступление 28 августа. На правом фланге им содействовали части 9-й армии Юго-Западного фронта. Наступление не принесло результатов. Противник сосредоточил на границе с Румынией значительные силы, представленные, главным образом, немецкими соединениями. Германия поставила цель нанести Румынии быстрое поражение, отправив на борьбу с ней войска с других театров, ослабив и Западный фронт. Но это трудное решение — «отнять у находившихся в тяжелой борьбе западных армий еще несколько дивизий, чтобы направить их на Восток и взять там инициативу в свои руки для нанесения решительного удара Румынии», как признавал впоследствии Людендорф, было необходимо [193]. Румыния являлась богатым источником продовольствия, сырья и нефти, в чем Германия начинала испытывать критический недостаток.

В сентябре и октябре сформированные против Румынии группа Макензена и группа Фалькенхайна (замененного на посту начальника германского штаба П. фон Гинденбургом после Брусиловского прорыва Восточного фронта) начали наступление из Добруджи и Трансильвании. 23 ноября войска Макензена, преодолев сопротивление румын, форсировали Дунай и соединились с группой Фалькенхайна. В начале декабря пал Бухарест, потеряв почти 90 тыс. человек из 120 тыс., защищавших столицу.

Таким образом, вступление Румынии в войну способствовало ухудшению положения Антанты и особенно Российской империи. Ранее ограниченный нейтральной Румынией русский фронт оказался незащищен с левого фланга. Русское ко-

мандование вынуждено было удлинить его вводом 9-й армии в Молдавию и направить на территорию нового союзника силы, высвободив их с основных фронтов. В сентябре 1916 г. была образована русско-румынская Добруджская армия, которая сразу же после начала боев вынуждена была отступать к Дунаю, неся большие потери. Для остановки продвижения неприятеля русская Ставка вынуждена была направить на Румынский фронт всю 9-ю армию, управления 4-й и 6-й армий, включавших 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий [194].

Упорные сражения на Русском и Румынском фронтах в 1916 г. облегчили положение англо-французских армий, отвлекая на себя существенные германские силы. Однако западным союзникам России этого казалось недостаточно. Французская делегация, посетившая Россию в начале года, добилась решения российского Верховного главнокомандования направить русские отряды на Западный и Салоникский фронты. Несмотря на выполнение грандиозной по размерам и понесенным потерям Брусиловской наступательной операции, спасшей Италию от разгрома, а также необходимость широкой помощи смятой австро-германскими войсками Румынии, для отправки на фронты союзников было сформировано 4 отдельных бригады. 1-я и 3-я бригады направлялись во Францию, а 2-я и 4-я — в Салоники. В течение 1916 г. через Архангельск было вывезено 635 офицеров и почти 35 тыс. солдат, через Дальний Восток — 110 офицеров и более 8,5 тыс. солдат [195].

На Салоникском фронте численность войск Антанты постоянно наращивалась и достигла 300 тыс. человек. Командующий союзными войсками генерал М. Сарраиль объединял пять английских, четыре французские, одну итальянскую, шесть сербских (переправленных из Корфу и Туниса) пехотных дивизий, одну сербскую кавалерийскую дивизию и одну русскую пехотную бригаду [196]. Крупных наступательных действий в текущем году на этом фронте почти не велось. Единственным успехом оказалось взятие города Битоль. Однако большие потери от боев с болгаро-австрийскими армиями (до 30% личного состава) заставили войска Антанты отказаться от наступления и перейти к закреплению занятых горных позиций [197].

Пулеметный расчет на Кавказском фронте

Кавказский фронт в 1916 г. стал ареной проведения мощных наступательных операций русской армии. Было решено упредить Турцию, получившую возможность после провала Дарданелльской операции Антанты перебросить с Галлиопольского полуострова войска на фронт против России. Усиление 3-й турецкой армии, ожидаемое к марту, могло бы существенно осложнить положение Кавказской армии генерала Н.Н. Юденича. В ее состав входило 118 батальонов, 23 дружины ополченцев, 104,5 эскадрона и сотни, 338 орудий [198]. Юденич предложил осуществить прорыв фронта в районе Эрзурума и, разбив 3-ю армию, овладеть стратегически важной Эрзурумской крепостью, прикрывавшей пути в тыл противника. Для осуществления запланированных наступательных действий была создана ударная армейская группа, включившая 24 батальона, 14 сотен и 68 орудий.

Операция была подготовлена с особой тщательностью. Солдаты в больших количествах снабжались зимними вещами и средствами маскировки (белыми маскхалатами и чехлами

на шапки). Бойцы 1-го Кавказского армейского корпуса, который должен был наступать в условиях высокогорья, получили солнцезащитные очки. В целях обеспечения войск топливом для обогрева в горах и приготовления пищи каждый солдат должен был взять с собой по два полена. Немаловажным было обеспечение секретности предстоящего наступления. Перегруппировка войск производилась исключительно в ночное время. Днем передовые батальоны отводились в тыл, а ночью совершали переходы через перевалы и скрытно занимали новые позиции. Проводилась широкая кампания по дезинформации противника. Распространялись слухи о подготовке атак Персидского экспедиционного корпуса, Ванского отряда.

В результате всех этих и других мероприятий Штабу Кавказской армии удалось обеспечить внезапность и хорошее обеспечение Эрзурумской операции. Она стала полной неожиданностью для 3-й турецкой армии, не готовой отразить русское наступление в суровых зимних условиях. Освободившиеся в Дарданеллах части направлялись в первую очередь в Месопотамию, где Османская империя планировала потеснить британцев, а уже затем весной сосредоточить главный удар по Кавказскому фронту.

Русские начали наступление 28 декабря 1915 г. (10 января 1916 г.). В атаку перешел 2-й Туркестанский корпус, затем к нему присоединились 1-й Кавказский корпус и ударная армейская группа. Операции сопутствовал успех. Остатки 3-й армии отошли к Эрзуруму, потеряв много солдат убитыми и пленными, заняли оборону в крепости. «Уверен, что турецкая армия приведена в полное расстройство, деморализована, утратила способность к полевому бою, бежит под защиту крепости. Склады горят. Такая крепкая, укрепленная позиция, как Кепри-кейская, брошена без боя» [199], — докладывал Н.Н. Юденич главнокомандующему фронтом великому князю Николаю Николаевичу, переведенному сюда после своей отставки с поста Верховного Главнокомандующего. Однако Николай Николаевич предостерег от дальнейшего наступления на хорошо укрепленный Эрзурум, считая, что недостаток боеприпасов может привести к неудаче. Тем не менее генерал Юденич, взяв ответственность на себя, провел штурм крепости,

закончившийся полной победой. Было захвачено около 300 орудий и 8 тыс. пленных. Русские потери с начала операции составили 2,3 тыс. убитыми и 14,7 тыс. ранеными и обмороженными, всего 17 тыс. человек [200]. 3-я турецкая армия потеряла боеспособность, лишившись почти половины своего состава и всей артиллерии. Но турецкое командование успело отвести оставшиеся части и пополнить их свежими войсками. Турки были вынуждены в срочном порядке закрывать брешь во фронте, перебрасывая войска с других фронтов, при этом ослабив давление на британцев в Месопотамии.

Результаты Эрзурумской операции укрепили политическое положение России. Британия и Франция подписали с Российской империей соглашение «О целях войны России в Малой Азии», согласно которому состоялось долгожданное разграничение сфер влияния между союзниками в землях Османской империи: Западная Армения и Черноморские проливы закреплялись после войны за Россией.

Захват района Эрзурума позволил русским войскам приоткрыть ворота в Анатолию и потребовать от российского командования занятия побережья Черного моря с г. Трапезундом, чтобы обеспечить правое крыло Кавказской армии [201].

Трапезундская операция, в которой приняли участие Приморский отряд и корабли Черноморского флота, также завершилась успехом. Русскими были заняты г. Ризе и подступы к Трапезунду. 5 (18) апреля Трапезунд был взят, русским войскам достались большие трофеи. 4-й Кавказский корпус завоевал в это время успех у Битлиса. Действовавший в Иране кавалерийский экспедиционный корпус генерала Баратова с боем пробился в район Керманшаха, оказавшись в 80 км от ирано-турецкой границы, создав угрозу флангу и тылу 6-й турецкой армии, которая с декабря 1915 г. сковывала значительные британские силы в Кут-эль-Амара.

Обеспокоившись вероятным продолжением наступления русской армии в Анатолию, турецкое командование решилось на проведение наступления, не дожидаясь полного сосредоточения своих войск, бросая в атаку разрозненные формирования. Главный удар был предпринят 9 (22) июня по левому флангу 5-го Кавказского корпуса, где перевес на стороне турок

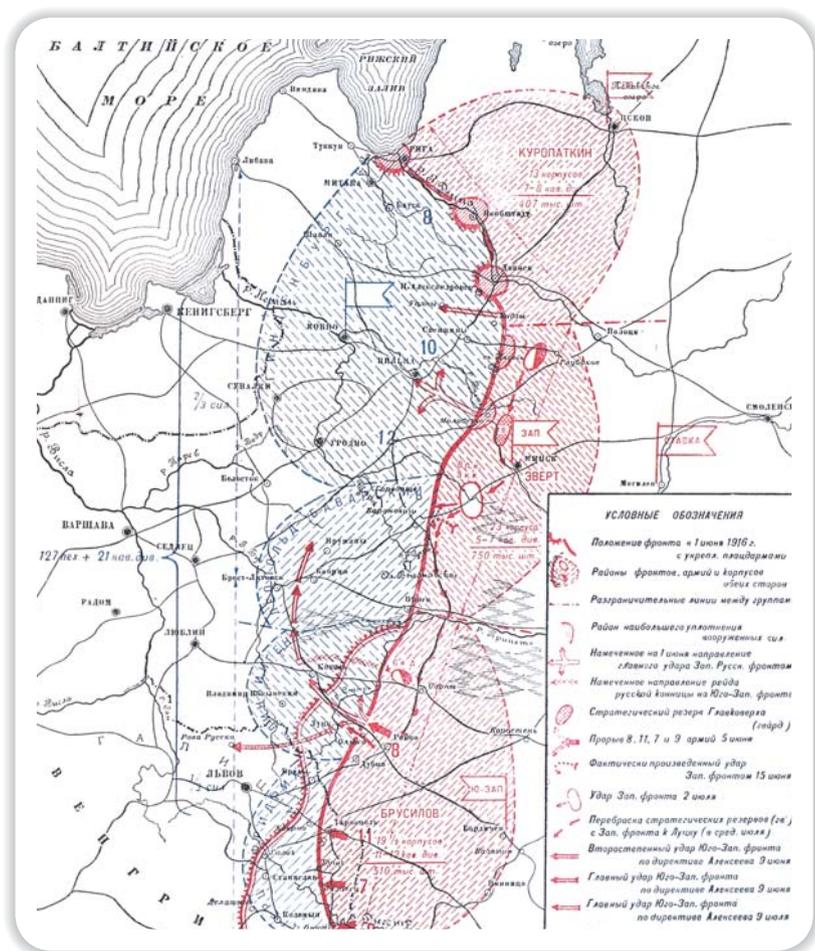
был на 15 батальонов. Но 21 июня (4 июля) их натиск ослаб, и в контрнаступление перешли русские. Вместе с ними поднялись в атаку войска еще на двух участках фронта. С 6 (19) июля по 20 июля (2 августа) корпуса Кавказской армии вели бои за Эрзинджан. Овладев городом, русские получили в свои руки важную дорогу, связывающую данный район с Трапезундом [202]. Главнокомандующий фронтом планировал приступить к подготовке наступательной операции в направлении на Сивас, но командующий армией, поддержанный командирами западных корпусов, убедил Николая Николаевича в несвоевременности подобного плана из-за невозможности организации снабжения при продвижении армии вперед [203].

Попытки турок провести контратаки не увенчались успехом. Турецкие резервы были стянуты с других фронтов, и концентрация войск, противостоящих России, достигла 54% всех турецких сил [204]. Бои на фронте продолжались до начала зимы, когда стороны переключились на оборудование позиций и подготовку к зимовке.

Кампания 1916 г. на Кавказском фронте превзошла ожидания российского командования. Фронт переместился на 250 км вглубь турецкой территории; 3-я и 2-я турецкие армии потеряли в боях большую часть своего состава.

Тем самым было улучшено положение англичан на Ближнем Востоке, где еще поздней весной капитулировал британский экспедиционный корпус, сдав Кут-эль-Амару. Разгоревшиеся с новой силой летние бои турок с русскими корпусами позволили британским силам реорганизовать свои войска и упрочить оборону сохранявшихся в их руках территорий. В зоне Суэцкого канала турецкому корпусу, возглавляемому германским подполковником бароном Ф. Кресом, не удалось в августе провести атаку против британских позиций [205]. Англичане в ходе контратаки смогли продвинуться более чем на 100 км на восток и занять город Эль-Ариш. Вслед за этими событиями на данном театре наступило длительное затишье.

Итоги кампании 1916 г. не позволяют говорить о полном выполнении противоборствующими сторонами своих стратегических планов. Западный фронт устоял перед германским натиском на Верден. Австро-Венгрия прорывом в Трентино

На Русском фронте. 1916 г.

не смогла вывести из войны Италию. Поражение слабой Румынии также не привело к улучшению положения Центральных держав. Но и странам Антанты не удалось разгромить своих противников. Сражение на реке Сомме, показавшее возросшую мощь британо-французских сил, тем не менее не привело к разгрому германской армии на западе. Русским войскам Юго-

Западного фронта в ходе Брусиловского наступления удалось прорвать австро-венгерскую оборону и глубоко вклиниться в нее, но успех был не окончательным: наступление выдохлось, и Австро-Венгрия избежала полного поражения своих армий. Успех русских войск на Кавказе также не являлся решающим: турецкая армия еще была в состоянии, маневрируя резервами, отражать направляемые против нее удары. Потери русской армии за 1916 г. оказались огромными — более 2 млн человек убитыми и ранеными, а также более 300 тыс. пленными, что, невзирая на внушительные боевые успехи, приводило к росту пессимистичных настроений в стране [206].

Но в отличие от прошлогодней, кампания 1916 г. показала способность сил Антанты проводить мощные наступательные операции, привлекая для этого новейшие средства и методы вооруженной борьбы. Сказывались и более высокие мобилизационные возможности, экономические резервы, в полной мере использованные Великобританией, Францией и Россией. Большая согласованность совместных усилий на разных театрах войны, чем в предыдущие периоды, также способствовала переходу стратегической инициативы в руки союзников. Несмотря на сохранявшиеся противоречия и недостатки коалиционной стратегии, Антанта фактически переиграла Четверной союз за третий год мировой войны. Этот год, как отмечают многие военные историки, стал началом перелома: ресурсы Центральных держав, в том числе людские, оказались на грани истощения, в корне подрывав военную мощь блока и моральное состояние его вооруженных сил.

3.2. Боевые действия на море: планы на 1916 год. Ютландское сражение: ход и итоги

В начале 1916 г. новое командование ВМС Германии (24 января адмирала Г. Поля заменил вице-адмирал Рейнхард фон Шеер) предложило программу активных боевых действий на море. Она состояла из плана тотальной подводной войны, активных прибрежных минных постановок, авиационных бомбардировок. Кроме того, предполагалось повторить набеговые

операции к восточному побережью Великобритании, чтобы выманить и уничтожить часть Гранд-Флита [207]. Первоначально главные надежды Германии на победу на море были связаны с неограниченной подводной войной, которая должна была ослабить не только флот Великобритании, но и подорвать экономическое могущество Антанты. Адмирал Г. Гольцендорф (начальник адмирал-штаба) предложил кайзеру возобновить полномасштабные операции германских субмарин на морских коммуникациях [208]. Однако 4 марта 1916 г. на совещании у кайзера итоговое решение о тотальной подводной войне принято не было из-за опасений осложнить англо-германские отношения. Это привело к резко негативной реакции А. Тирпица и его отставке. Новым морским министром стал адмирал фон Каппель. Тем не менее 13 марта 1916 г. германское командование пошло на значительное расширение понятия «ограниченной подводной войны», включив в него право уничтожать любые суда, кроме пассажирских, в «военной зоне». До июня 1916 г. подводные лодки сумели потопить около 60 торговых судов Антанты, что не вызвало значительных экономических проблем [209].

Из-за малых успехов в подводной войне Р. Шеер весной 1916 г. решает вернуться к старому варианту достижения победы над Гранд-Флитом. В первых числах мая командование Флота открытого моря занялось планированием нового похода к восточному побережью Великобритании. Замысел операции был в том, чтобы обстрелом населенных пунктов в районе Сандерленда попытаться выманить из баз часть английского флота и ликвидировать ее превосходящими силами.

Однако из-за погодных условий операцию пришлось перенести на 30 мая и вместо обстрела ограничиться разведкой у Скагеррака. Адмирал Р. Шеер считал, что в ходе рейда линейные крейсера Ф. Хиппера отвлекут на себя британские линейные крейсера Д. Битти, которые окажутся в ловушке и будут потоплены главными силами Флота открытого моря [210].

31 мая 1-я разведгруппа Хохзеефлотте под командованием адмирала Ф. Хиппера (линейные крейсера «Лютцов», «Дерфлингер», «Мольтке», «Зейдлиц», «Фон дер Танн») вышла из Яде для начала рейда [211]. Ф. Хиппера поддерживала 2-я раз-

ведгруппа адмирала Бедикера. В ее составе — четыре легких крейсера, а также три флотилии миноносцев под руководством коммодора Гейнриха (флаг на легком крейсере «Регенсбург») [212]. Вслед за линейными крейсерами базы покинули семь линейных кораблей эскадры адмирала Бенке и девять линкоров адмиралов Р. Шеера и Шмидта (флагманский корабль — «Фридрихе дер Гроссе»). Кроме того, Р. Шеер привлек к операции шесть старых броненосцев из состава 2-й эскадры под руководством адмирала Мауве [213].

Всего у адмиралов кайзера было 99 вымпелов: 16 новых линкоров-дредноутов и 6 старых линкоров-додредноутов, 5 линейных и 11 легких крейсеров, 61 миноносец.

Основные силы линкоров Р. Шеера сопровождали легкие крейсера 4-й разведгруппы коммодора Рейтера и четыре флотилии эскадренных миноносцев (всего 31 корабль). Линейные крейсера Ф. Хиппера выдвинулись вперед главных сил на 50 миль. Из-за погодных условий адмиралы Германии не смогли воспользоваться пятью цеппелинами для разведки и раннего обнаружения сил Д. Битти и Д. Джеллико [214].

Британские адмиралы заранее (благодаря хорошо налаженной разведке и перехвату немецких радиосообщений) узнали о намечавшейся операции. Поэтому Д. Джеллико и Д. Битти вывели свои корабли на день раньше — 30 мая 1916 г. Первыми вышли в море силы адмирала Д. Битти в составе 1-й эскадры линейных крейсеров адмирала де Бовуар-Брока, 2-й эскадры линейных крейсеров адмирала Пакенхэма и 5-й эскадры линкоров адмирала Эвана-Томаса (четыре новейших линкора типа «Куин Элизабет») [214]. За крейсерами Д. Битти двигались главные силы Гранд-Флита под командованием адмирала Д. Джеллико. Всего британские адмиралы вывели в море 151 боевой корабль: 28 линкоров, 9 линейных крейсеров, 8 броненосных и 26 легких крейсеров, 79 эсминцев, 1 авиатранспорт [215].

Днем 1 июня легкие силы противников обнаружили друг друга [216]. Английский крейсер «Галатhea» установил контакт с миноносцами и крейсерами Ф. Хиппера, о чем срочно было доложено Д. Битти. Получив сообщения с крейсера, Д. Битти сразу понял, что установлен важный контакт с эскадрой Ф. Хиппера,

и приказал срочно идти на юго-восток — на встречу с противником. Д. Битти чрезвычайно торопился и не проследил за выполнением данного приказа другими его кораблями [217].

Хорошо подготовленные командиры 1-й и 2-й эскадры линейных крейсеров повернули за флагманом практически сразу. Но на 5-й эскадре линкоров сигнал об изменении курса заметили и разобрали не сразу. В итоге четыре британских линкора к 14:32 отстали от Д. Битти более чем на 10 миль и на некоторое время фактически исчезли из виду. Так, в самом начале сражения, линейные крейсера лишились четырех современных линкоров, которые могли в самом начале сражения повлиять на его исход [218].

В 15:32 англичане заметили неприятеля: «5 линейных крейсеров при поддержке миноносцев, ясно различимые, несмотря на большую дистанцию» [219]. Но пока расстояние между кораблями было более 14 миль, что превышало дальность стрельбы. Ф. Хиппер также обнаружил линейные крейсера Б. Битти, о чем незамедлительно сообщил Р. Шееру. Главные линейные силы, увеличив ход до 16 узлов, пошли на сближение с британскими кораблями. В это время, в самой завязке боя, Ф. Хиппер развернул свои крейсера на юго-восток, стремясь вывести англичан точно на линкоры Р. Шеера. В 15:49, когда дистанция между противниками уменьшилась, Ф. Хиппер приказал открыть огонь. Английские линейные крейсера дали ответные залпы [220].

Эскадры линейных крейсеров Ф. Хиппера и Д. Битти на первом этапе сражения шли почти параллельно друг другу, строго на юг. Первые удачные попадания были на счету немецких артиллеристов, которые оказались в более благоприятной позиции, так как солнце освещало английские корабли. Линейные крейсера «Лайон» и «Тайгер» в период с 15:50 по 16:02 1 июня 1916 г. получили, как минимум, три крупных снаряда, а корабли Ф. Хиппера оставались неповрежденными. Около 16:00 снаряд с «Куин Мэри» уничтожил башню «Зейдлица». Однако у Д. Битти возникли (как и в сражении при Доггербанке) проблемы с распределением целей: из пяти британских линейных крейсеров два вели огонь по одной цели, тогда как «Дерфлингер» оставался необстрелянным [221].

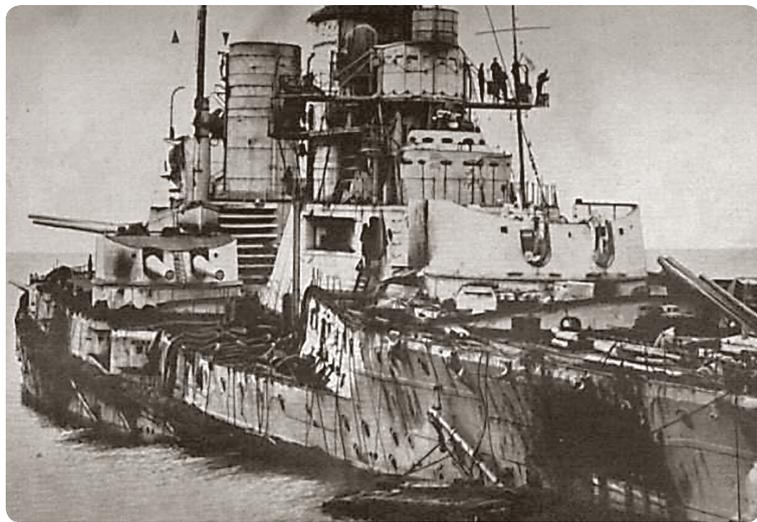
Более точный огонь кораблей Ф. Хиппера быстро принес свои результаты: тяжелый снаряд попал в «Лайон», в среднюю башню, вызвав серьезный пожар. Только благодаря героическим действиям майора Ф. Дж. Харви удалось задраить дверь, ведущую в погреб боеприпасов, что спасло флагман Д. Битти от катастрофы [222]. Повреждения получил и другой английский корабль — «Принсес Ройял». Но в 16:03 катастрофа все же произошла — снаряды с «Фон дер Танна» поразили линейный крейсер «Индефатигейбл», который взорвался и мгновенно затонул. Погибли 57 офицеров и 962 матроса [223].

В этот период боя в корабли противника чаще попадали немцы. «Лайон» получил 9 попаданий, «Принсес Ройял» — 4, «Тайгер» — 4. Англичане попали 2 раза в «Зейдлиц» и 1 раз — в «Лютцов» [224].

Тем временем 5-я эскадра линкоров на всех парах спешила к месту боя, но в 16:58 расстояние, отделявшее ее от линейных крейсеров Ф. Хиппера, было еще слишком велико. В 16:58 флагманский корабль контр-адмирала Х. Эвана-Томаса «Бархэм» открыл огонь из своих 381-мм орудий [225].

Положение линейных крейсеров Ф. Хиппера сразу стало опасным. Можно предположить, что если бы не фатальное промедление Д. Битти с приказом о повороте к противнику, то участие 5-й британской эскадры линкоров в самом начале боя сыграло бы решающую роль. Но даже вступив в бой с опозданием, новейшие британские линкоры быстро внесли свой вклад: тяжелые повреждения получил «Фон дер Танн» [226]. 381-мм снаряд уничтожил одну из его башен, что вызвало возгорание ее пороховых зарядов, а сразу после этого второй крупный снаряд пробил борт. «Фон дер Танн» принял почти 600 т воды и получил серьезный крен. Находясь в очень сложной ситуации, ведя бой со значительно превосходящими силами ВМФ Великобритании, линейные крейсера Ф. Хиппера «Зейдлиц» и «Дерфлингер» сконцентрировали свой огонь в 16:26 по «Куин Мери». Получив несколько попаданий, английский крейсер внезапно взорвался из-за пожара в погребах боезапаса. «Куин Мери» сразу затонула почти со всем экипажем (997 человек) [227].

Однако данный успех Ф. Хиппера не изменяет его положения в целом. В 16:28 он приказал своим кораблям отступить,

Линейный крейсер «Зейдлиц» после боя

так как линейные крейсера больше не могли находиться под огнем четырех британских линкоров. Все линейные крейсера Ф. Хиппера на тот момент, кроме «Дерфлингера», получили по 3–4 крупных снаряда, которые нанесли существенные повреждения. Видя это, Д. Битти решает, что наступил удобный момент для атаки противника силами британских эсминцев. Атака частично дала результаты: одна торпеда попала в «Зейдлиц» (крейсер принял более 1400 т воды, хотя сохранил боеготовность и скорость) [228].

Как раз в это время (в 16:38) британские легкие крейсера обнаружили, что отступление Ф. Хиппера было далеко не паническим бегством: к месту сражения подошли главные силы Флота открытого моря [212]. Д. Битти (из-за подавляющего превосходства линкоров Р. Шеера) решил остановить преследование Ф. Хиппера и быстро уходить от линейных сил Германии. Одновременно английский адмирал посчитал возможным заманить линкоры Р. Шеера на главные силы Д. Джеллико, которые шли

в 50 милях к северу. В 16:40 Д. Битти приказал своим кораблям разворачиваться последовательно на обратный курс [229].

Но сигнал британского флагмана не разобрали на кораблях 5-й эскадры линкоров, и около 17:00 «Малайя», «Бархэм», «Вэ-лиант», «Уорспайт» попали под сосредоточенный огонь авангарда линейного флота Р. Шеера [230]. До 17:50 продолжалась погоня главных сил немцев за крейсерами Д. Битти и бой с эскадрой Х. Эвана-Томаса, в ходе которого два британских линкора получили повреждения. В 17:50 Д. Битти установил визуальный контакт с линкорами Д. Джеллико. Главная задача англичан была выполнена — силы Р. Шеера и Ф. Хиппера шли навстречу всему Гранд-Флиту, который превосходил их и качественно и количественно [231].

С 18:00 до 18:15 Д. Джеллико начал разворачивать свои эскадры из походного порядка в боевой, стремясь одновременно охватить колонну кораблей Ф. Хиппера. Все маневры английского флота были из-за низкой видимости скрыты от Р. Шеера [232]. В 18:17 линкоры Флота открытого моря попали под сосредоточенный огонь кораблей Д. Джеллико, замысел которого полностью удался — немецкий линейный флот был поставлен в невыгодные тактические условия. В это же время силы Ф. Хиппера продолжали вести сражение с 3-й эскадрой линейных крейсеров Гранд-Флита и кораблями Д. Битти. В 18:31 линейный крейсер «Инвинсибл» попал под огонь «Дерфлингера», взорвался и затонул практически со всем экипажем [233]. Но и флагман Ф. Хиппера получил серьезные повреждения и был вынужден выйти из боя и пытаться самостоятельно дойти до базы.

Адмирал Р. Шеер, увидев перед собой почти весь Гранд-Флит, быстро понял, что положение его флота катастрофическое, и решает провести сложный и рискованный маневр: поворот всех линейных кораблей «все вдруг» на 180 градусов. Эволюция прошла безупречно, и к 18:40 все линейные силы Р. Шеера уже уходили на запад, все дальше от Д. Джеллико. Английский адмирал не решился отдать приказ преследовать уходящего противника, так как опасался торпедных атак эсминцев и плавающих мин, сброшенных немецкими кораблями. Боевой контакт прервался [234].

В период с 18:31 до 19:10 флот кайзера пытался прорваться к своим базам, а силы Д. Битти и Д. Джеллико — отрезать Р. Шеера от материка. В итоге в 19:10 бой линкоров возобновился [235]. В 19:10 передовые корабли сил Р. Шеера были обнаружены линейными кораблями Гранд-Флита. Первым открыл огонь линкор «Мальборо» по кораблям Р. Шеера, а 5-я эскадра начала обстрел линейных крейсеров Ф. Хиппера [212]. Попав второй раз в крайне невыгодное положение, немецкий флот стал нести чувствительные потери: линейный крейсер «Лютцов» попал под обстрел двух английских линкоров, на нем возник сильный пожар, была потеряна скорость, и после новых тяжелых повреждений «Лютцов» стал отступать [236].

В это же время крейсера адмирала Д. Битти вели энергичный огонь по силам Ф. Хиппера и иногда по линкорам Флота открытого моря. За второй бой линейных сил часть германских крупных кораблей получила серьезные повреждения. Особенно «Фридрих дер Гроссе» и «Кениг». Видя критическое состояние своего флота, Р. Шеер приказывает линейным крейсерам Ф. Хиппера атаковать все силы англичан, чтобы дать возможность главным силам дредноутов прорваться к базам [237].

Выполнить приказы Ф. Хипперу было проблематично: его флагман «Лютцов» с фатальными повреждениями отступал с поля боя, «Зейдлиц» и «Фон дер Танн» уже приняли много воды и потеряли либо всю, либо большую часть артиллерии, а «Дерфлингер» лишился половины орудий главного калибра. Тем не менее Ф. Хиппер решительно атаковал весь Гранд-Флит [238].

Используя полученное время, Р. Шеер вновь выполняет всем флотом боевой разворот на 180 градусов. Выучка командиров и экипажей сказала — почти все корабли повернули вовремя и почти не пострадали. К 19:35 линейные силы Флота открытого моря в полном составе уходили от Д. Джеллико. Отступление обеспечивало прикрытие из четырех линейных крейсеров. Британские адмиралы из-за несогласованности информации и запутанных радиogramм не смогли организовать преследование немцев всем Гранд-Флитом. Лишь крейсера Д. Битти устремились в погоню за Ф. Хиппером и Р. Шеером.

В ночь с 1 на 2 июня произошло несколько стычек между эсминцами и крейсерами противников, а также атаки мин-

ных сил на дредноуты обоих противников, но ночной бой линейных сил не состоялся [239]. Утром 2 июня поврежденные линкоры Р. Шеера и линейные крейсера Ф. Хиппера подошли к Яде. Около 5 часов утра Д. Джеллико принял решение увести Гранд-Флит на базы [240]. На этом Ютландское сражение завершилось.

Для итога битвы характерно, что оба противника заявили миру именно о собственной победе, причем сообщение Германии выглядело убедительнее из-за больших жертв и потерь британского флота; английское Адмиралтейство делало упор на достижении цели операции: флот кайзера не смог прорваться сквозь союзную блокаду.

В ходе сражения силы Д. Битти и Д. Джеллико потеряли три линейных крейсера («Индефатигебл», «Инвинсибл», «Куин Мэри» погибли почти со всеми экипажами), а также три старых броненосных крейсера («Уорриор», «Блэк Принс», «Дифенс») и восемь эсминцев. На данных кораблях погибли или попали в плен 6784 матроса и офицера [241].

Потери ВМФ Германии были значительно меньше: затонул один линейный крейсер («Лютцов», который ввиду поврежденный не смог дойти до базы), старый эскадренный броненосец, четыре легких крейсера и пять эсминцев. Общие людские потери — 3039 человек убитыми. Но многие дредноуты Р. Шеера были повреждены, а из крейсеров Ф. Хиппера почти все, за исключением «Дерфлингера», надолго выведены из строя [242].

Ютландское сражение оказало влияние не только на технику, тактику и стратегию морской войны, но и на общую ситуацию в конфликте. Капитальные корабли из ВМС кайзера после битвы предпочитали отставаться на базах, а германское командование окончательно склонилось в пользу неограниченной подводной войны, что неминуемо привело в ближайшем будущем к вступлению в войну США на стороне Антанты.

ГЛАВА 4

Кампания 1917 года

4.1. Боевые действия на европейском континенте: падение российского исполина, американцы на европейской земле

События 1917 г. в Европе представляли собой сложное переплетение политических, экономических и военных проблем.

В январе-феврале, казалось, не было оснований предполагать революционные события ни в одном из воевавших государств. Главные политические игроки — Великобритания, Франция, Россия и Германия — в равной степени рассчитывали на военный успех в кампании 1917 г., оптимистично оценивая свой экономический потенциал, боеспособность вооруженных сил и внутривнутриполитическое состояние.

В то же время во всех без исключения воевавших странах нарастала всенародная усталость от многолетней войны, что во многом делало непредсказуемым дальнейший ход событий. Даже в относительно успешной во всех отношениях Великобритании неожиданный успех приобрела пацифистская кампания, организованная лордом Ленцдауном «За мир без победы».

В самом начале 1917 г. Германия, опираясь на посредничество болгарского дипломата Ризова, пыталась вести конфиденциальные переговоры с дипломатами из России в Швеции и Христиании, однако переговоры оказались безрезультатными. После февральских событий в Петрограде дипломатические усилия Четверного союза заметно оживились, но вскоре

стало ясно, что Временное правительство нацелено на ведение войны до победного конца.

В конце ноября 1916 г. на смену умершему императору Австрии и королю Венгрии Францу Иосифу пришел 29-летний эрцгерцог Карл Габсбург, совершенно не имевший опыта политической деятельности, тем более в экстремальных условиях войны. Он попытался организовать сепаратные переговоры между Австро-Венгрией и Францией, для чего привлек своего родственника принца Сикста Бурбонского. Однако политических договоренностей дипломатическим путем между Францией и Австро-Венгрией достичь не удалось. Одна из причин неудачи переговоров состояла в том, что Франция, как, впрочем, и Великобритания, не могла гарантировать Австро-Венгрии ее территориальной целостности после завершения войны. На неудаче переговоров сказались и личная позиция ряда государственных деятелей Франции, считавших, что мир между воюющими сторонами «может быть достигнут только в результате победы» Антанты [243].

В 1917 г. большие усилия для установления мира в Европе предпринимал Ватикан. Правда, его попытки оказались неэффективными, поскольку программа мира, которую предложил папа римский Бенедикт XV, не способствовала диалогу между противоборствовавшими сторонами: она не была принята ни Антантой, ни Четверным союзом [244].

Не увенчались успехом попытки ведения дипломатических переговоров между французским государственным деятелем А. Брианом и немецким дипломатом О. Ланкеном. А пришедшее к власти во Франции в ноябре 1917 г. новое правительство Ж. Клемансо взяло жесткий курс на достижение победы над противником, что было поддержано большинством парламента [245].

К началу 1917 г. сложилась противоречивая ситуация: на фоне всеобщей усталости от войны обе противоборствовавшие стороны продолжали рассчитывать на успех в кампании.

Антанта (Великобритания, Франция, Россия) в военном отношении в тот момент была существенно мощнее Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария). В Германии остро ощущалась нехватка людских ресурсов. Проблема

была настолько остра, что военное руководство страны настаивало на том, чтобы военнообязанными стало все мужское население в возрасте от 15 до 60 лет. Более того, военные деятели требовали, чтобы такая повинность, пусть с ограничениями, распространялась и на женщин.

В России ситуация с пополнениями для армии была не лучшей. Более того, к началу 1917 г. из нее дезертировали 1,5 млн военнослужащих [246]. Мобилизация в стране осуществлялась из рук вон плохо. Так, в Петрограде и окрестностях к началу 1917 г. скопилось около 200 тыс. солдат, большую часть которых составляли новобранцы. Предполагалось, что к концу марта они покинут столицу и отправятся на фронт [247], но, как известно, революционные события в Петрограде помешали осуществлению этих планов.

На фоне активизации политической жизни в России позиция императора в тот момент вызывает по меньшей мере удивление.

Анализ дневниковых записей Николая II за январь-февраль 1917 г. оставляет удручающие впечатления. Император, несмотря на напряжение войны, вел размеренный образ жизни, напоминая больше распорядок дня курортника, а не главы воюющего государства. Он много гулял в разное время дня, общался с разными людьми, большинство из которых не имело отношения к нуждам фронта. Общался с дочерьми и сыном, почти каждый вечер в кругу семьи «читал вслух» [248].

В то же время следует признать, что правительство России старалось действовать эффективно. Пример тому — деятельность в январе-феврале 1917 г. Совета министров Российской империи в интересах фронта. Это видно из содержания Особых журналов.

Так, 31 декабря 1916 г. и 3 января 1917 г. Совет министров анализировал ситуацию и принимал меры по организации доставки военных грузов, прибывавших морем, из Кандалакши в Кемь [249]. 3 января обсуждался вопрос об отпуске государственных средств Общедворянской организации помощи больным и раненым воинам [250].

В тот же день обсуждался вопрос об отпуске средств на ведение морской контрразведки [251]. Многие из обсуждавшихся

вопросов начинались словами «По представлению Военного министерства» [252].

Представляет интерес содержание записи Особого журнала Совета министров от 10 января 1917 г.: «Об отпуске Морскому министерству чрезвычайного кредита на расходы военного времени». В результате Совмин признал необходимым выделить Военному министерству денежные средства и расходы, вызываемые военными обстоятельствами:

«1) Открыть Морскому министерству чрезвычайный сверхсметный, за счет наличных средств государственного казначейства, кредит в размере *тринадцати миллионов пятисот тридцати шести тысяч восьмисот двенадцати рублей* на расходы военного времени...

2) Утвердить произведенное Министерством финансов на тот же (п. 1) предмет из предусмотренного в предшествующем пункте источника ассигнование в размере *двухсот одного миллиона восьмисот сорока двух тысяч шестисот восьмидесяти семи рублей*» [253].

К началу кампании 1917 г. расклад военных сил на всех театрах военных действий был следующим. Антанта имела 439 дивизий, в том числе Франция — 112, Великобритания — 84, Россия — 158, Бельгия — 6, Сербия — 6, Италия — 51, Румыния — 22.

Четверной союз имел 333 дивизии: Германия — 200, Австро-Венгрия — 73, Болгария — 12, Турция — 48 [254].

Но приведенные данные о численности войск противников не отражают объективных сведений об их боевой готовности. Во многом это связано с тем, что многие воинские части и соединения были обескровлены. Пример тому — турецкие дивизии, дислоцировавшиеся на Кавказе. Вместо 12–14 тыс. военнослужащих, которые должны были служить в каждой дивизии по штату, реально было до 600 солдат в каждом из соединений [255].

В турецкой армии были случаи массовой гибели личного состава от голода и каннибализма [256].

К началу кампании 1917 г. Германия перешла к стратегической обороне на всех фронтах с целью накопления резервов для нанесения в 1918 г. Антанте решительного поражения. С целью

подрыва экономики противника 1 февраля 1917 г. Германия объявила о переходе к неограниченной подводной войне. Такие амбициозные планы во многом были обоснованы, поскольку германский флот обладал 138 подводными лодками, значительная часть которых сошла со стапелей германских заводов уже в период войны. Все они в зависимости от модификации имели на вооружении от 6 до 12 торпед, что позволяло вести активные боевые действия под водой. Немецкое военное командование приняло решение топить не только военные, но и торговые суда противника, а также всех нейтральных государств, следовавших в порты противника или шедших оттуда. Уже в апреле 1917 г. Антанта потеряла кораблей общим водоизмещением более 880 тыс. т.

Однако Антанта в ответ на масштабную деятельность германского флота развернула эффективную противолодочную войну, используя в своей деятельности не только подводные и надводные силы, но и авиацию. В итоге германский флот потерял 63 подводные лодки, т.е. почти половину подводных кораблей, стоявших на вооружении.

К 1917 г. боевые действия разворачивались на Западном, Русском, Румынском, Македонском, Албанском и Черногорском, Итальянском фронтах, а также на таких театрах военных действий, как Кавказ, Персия, Месопотамия, Аравия, Египет и Синай, Восточная Африка.

На Западном фронте 129 немецким дивизиям противостояли 106 французских, 56 английских, 6 бельгийских дивизий и 2 русские бригады.

На Русском фронте 64 немецким, 38 австрийским и 2 турецким дивизиям противостояло 130 русских дивизий.

На Румынском фронте (в районе Трансильвании) 11 австрийским и 9 немецким дивизиям противостояли 18 румынских и 9 русских дивизий. В районе Добруджи и Дуная противостояли со стороны Четверного союза 3,5 болгарским дивизиям, 2 турецким дивизиям и 1 немецкой дивизии войска Антанты: 8 русских дивизий и (в разное время) от 1 до 3 румынских дивизий.

На Македонском фронте Четверной союз представляли 8,5 болгарской дивизии, 1 немецкая и 1 турецкая дивизии. Антанта выставила против них 18 дивизий.

На Албанском и Черногорском фронтах против 2 австрийских дивизий сражалась 1 итальянская дивизия.

На Итальянском фронте со стороны Четверного союза воевали 34 австрийские дивизии, а противостояли им 43 итальянские дивизии.

На Кавказе против 25 турецких дивизий воевали 12 русских дивизий.

В Персии против 2 турецких дивизий сражались 1,5 русской дивизии.

В Месопотамии 3 турецким дивизиям противостояло 5 английских дивизий.

В Аравии против 4 турецких дивизий воевали 15 тыс. военнослужащих из разных стран Антанты.

В Египте и на Синае воевали 2 турецкие дивизии. Против них было выставлено 4 английские дивизии.

В Сирии — Анатолии и Фракии располагалось 9 турецких дивизий. Силы их противника не известны.

В Восточной Африке против 38 тыс. германских войск воевали 42 тыс. англичан, 11 тыс. бельгийцев и 2,5 тыс. португальцев [257].

Строя военные планы на 1917 г., руководство кайзеровских войск еще осенью 1916 г. провело строительство мощных позиций в тылу. Среди них центральную роль играли так называемые позиции Зигфрида, проходившие по линии Аррас — Камбрэ — Сен-Кантен — Ла-Фер — Вальи (на р. Эн). Создание новых позиций позволяло минимизировать протяженность фронта, ликвидировав выступ оборонительных укреплений. Если до строительства позиций Зигфрида фронт представлял собой огромную дугу, то после проведенных работ фронт позволил более компактно разместить войска и боевую технику, в результате чего существенно повысились оборонительные возможности германских частей [258].

Таким образом, стратегические планы Германии в 1917 г. сводились к организации надежной обороны, которая позволила бы ей измотать силы противника, чтобы в дальнейшем осуществить успешное контрнаступление по всему фронту.

Такой план в сочетании с активной деятельностью подводного флота на море, по мнению руководителей вермахта, дол-

Перестрелка

жен был в 1917 г. обеспечить Германии переход стратегической инициативы, следствием чего в 1918 г. должна была стать победа над войсками Антанты.

Понимая замысел врага, Антанта наметила свои меры противодействия неприятелю. Союзники понимали, что обладают значительным численным превосходством. Кроме того, к 1917 г. удалось достичь заметного перевеса в боевой технике и оружии.

Основные замыслы совместных боевых действий войск Антанты были согласованы на двух конференциях союзников, прошедших в ноябре 1916 г. в Шантильи и в феврале 1917 г. в Петрограде. В результате было осуществлено планирование широкомасштабного наступления на всех фронтах всеми имевшимися силами. Наступление должно было произойти в первой половине 1917 г. Главную нагрузку брали на себя армии Великобритании и Франции. Русской же армии предстояло своими активными действиями не допустить переброски германских войск с Восточного на Западный фронт. Недавно назначенный

главкомом французских войск генерал Р.Ж. Нивель возглавил разработку плана боевых действий Западного фронта, который был одобрен в конце февраля 1917 г. на англо-французской конференции, которая прошла во французском городе-порте Кале на северном берегу Франции, в 34 км от английского берега.

Важное место в планах Антанты занимала нейтрализация Болгарии. Предполагалось разгромить болгарскую армию путем удара русско-румынских войск с севера и англо-французских войск с юга, которые действовали бы в районе Салоник. Но этот план реализован не был из-за военных неудач румынской армии.

Хотя русская армия согласовывала свои действия с другими членами Антанты, ее командование самостоятельно разрабатывало стратегию своих военных действий. Согласно этой стратегии, главные усилия русской армии были нацелены на ведение боевых действий против австро-венгерских войск. В стратегических планах российского руководства центральная роль отводилась Юго-Западному фронту, которым командовал генерал от кавалерии А.А. Брусилов, назначенный в мае 1917 г. Верховным главнокомандующим русской армии. Северный и Западный фронты играли вспомогательную роль.

Войска Юго-Западного фронта должны были наступать на львовском направлении. В то же время планировалось и наступление румынских войск.

5–11 января 1917 г. в районе Риги российскими войсками 12-й армии Северного фронта была проведена Митавская операция, конечной целью которой было вытеснение противника за реки Экау и Аа.

Хотя русские войска имели четырехкратное численное превосходство, они не сумели справиться с поставленной задачей. Среди причин неудач следует отметить отсутствие внезапности наступления, отказ Ставки Верховного главнокомандующего от усиления наступавших войск, а также отказ ряда частей и подразделений (например, 17-й Сибирский полк) участвовать в наступательных действиях [259].

Политические события в России существенно влияли на планы Антанты. Пришедшее 27 февраля 1917 г. к власти в стране Временное правительство, понимая, что армия — влиятельней-

шая сила, осуществляла заигрывание с солдатами и офицерским корпусом, что в конечном итоге негативно сказывалось на боеспособности войск. Процесс управления войсками в тот момент был существенно нарушен. Многие генералы и старшие офицеры русской армии больше думали не о положении дел на фронте, а об открывшихся возможностях своей карьеры. Некоторым из них за короткое время удалось взлететь на вершину военной и политической власти. Например, бывший в начале 1917 г. назначенным начальником штаба дивизии подполковник А.И. Верховский уже 1 сентября того же года был назначен военным министром Временного правительства с присвоением генеральского чина [260].

После прихода к власти Временного правительства ситуация на фронтах стала еще более тяжелой. Даже на таком фронте, как Кавказский, где активных боевых действий не велось, в начале 1917 г. из-за болезней и ранений убыло более 1 тыс. военнослужащих. В марте-мае 1917 г. ситуация усугубилась еще и тем, что полуторамиллионная Отдельная Кавказская армия (с 3 апреля — Кавказский фронт) под командованием генерала от инфантерии Н.Н. Юденича на 300 км углубилась на территорию Турции, что заметно ухудшило снабжение войск [261].

В марте 1917 г. английские войска заняли Багдад. Наступая вверх по Тигру, в направлении Мосула, англичане вышли на рубеж Кара-Тепе — Текрит.

Примерно в то же время Кавказский кавалерийский корпус численностью 18 тыс. человек также начал наступление на Багдадском направлении в сторону Хамадана.

4 апреля в Кизил-Рабате этот корпус соединился с английскими войсками [262].

Хотя Кавказский театр военных действий во время Первой мировой войны считался едва ли не самым «тихим» регионом, русская армия за время боевых действий там потеряла 22 тыс. человек убитыми, 71 тыс. ранеными, 6 тыс. пленными и 20 тыс. обмороженными. Турецкая армия потеряла 350 тыс. человек, из них 100 тыс. пленными. Среди трофеев в русской армии было 650 турецких орудий, тогда как потеряно было лишь 8 [263].

В апреле 1917 г. на Западном фронте началось стратегическое наступление англо-французских войск, вошедшее в исто-

рию как операция Нивеля 1917 г. Со стороны союзников участвовало свыше 100 пехотных, 10 кавалерийских дивизий, 1 тыс. аэропланов, более 200 танков. Французы, например, привлекли к участию в операции почти 1,5 млн человек. На фронте длиной 40 км располагалось 5597 орудий, 1947 из которых были тяжелыми. Не считая траншейной артиллерии, на 1 км фронта приходилось 100 орудий.

Эта наступательная операция началась 9 апреля в районе Арраса атакой английских войск. Артиллерийская подготовка длилась двое суток.

В период с 16 по 20 апреля французы захватили 21 604 пленных, 183 орудия и 412 пулеметов. Англичане с 9 апреля взяли в плен 18 тыс. пленных и 240 орудий. В ходе операции французская армия потеряла 120 тыс. человек, английская — 80 тыс. человек, потери германской армии составили, по французским данным, около 280 тыс. человек [264].

Планируя свою стратегическую операцию, английское и французское командование ставило задачу разгрома германских войск по всему Западному фронту. Но выполнить задачу не удалось. Объединенными войсками союзников лишь были заняты отдельные территории, не влиявшие на изменение стратегической картины боевых действий. В итоге апрельская операция во Франции многими стала называться «бойней Нивеля».

До сих пор историки спорят по поводу результатов того наступления. Но несмотря на непрекращающиеся дискуссии, очевидно одно: в целом стратегическая операция англо-французских войск завершилась провалом.

В процессе апрельской стратегической операции англо-французские войска исчерпали свои материально-технические, людские и моральные ресурсы. У них уже не было сил предпринимать столь решительные и масштабные действия. В то же время англо-французское командование, осознавая, что инициатива находится в их руках, не желало ее упускать. В результате наступательные действия союзных войск во второй половине 1917 г. были сведены к проведению четырех операций, носивших ограниченный характер.

В результате были проведены операции у Мессин (7 июня), в районе Ипра (31 июля — 10 ноября), у Вердена (20–26 авгу-

Английский танк с экипажем

ста), а также у Мальмезона (23–26 октября). Те наступательные операции представляли собой боевые действия, нацеленные на улучшение позиций, на обладание отдельными населенными пунктами, высотами и водными коммуникациями.

К апрелю 1917 г. на Салоникском фронте против войск Тройственного союза воевали 240 тыс. англичан, 200 тыс. французов, 130 тыс. сербов, 50 тыс. итальянцев, 23 тыс. греков и 17 тыс. россиян. Предполагалось, что войска Антанты на этом фронте нанесут удар по болгарской армии. Однако начатое в конце апреля — начале мая наступление было неэффективным, поскольку многие военнослужащие разных частей начали активные выступления против войны. Среди выступавших против войны были и полки колониальной пехоты. Антивоенные выступления были жестоко подавлены, но добиться успехов в боевых действиях войскам Антанты на том театре военных действий все равно не удалось. В июне 1917 г. под давлением Антанты был свергнут король Греции Константин, поддерживавший Германию. В результате на Салоникском фронте обстановка во второй половине 1917 г. стабилизировалась [265].

Вероятно, боевые действия в 1917 г. развивались бы по несколько иному сценарию, если бы не революционные настроения, охватившие войска противоборствовавших сторон. Особенно заметно это было в русской армии, поскольку не могли оставаться без последствий попытки Временного правительства «демократизировать» армию, что не столько повышало эффективность ее деятельности, сколько способствовало резкому снижению воинской дисциплины. Неслучайно один из самых авторитетных военных деятелей того времени А.А. Брусилов был вынужден констатировать: «К маю войска всех фронтов совершенно вышли из повиновения, и никаких мер воздействия предпринять было невозможно» [266].

Глава Временного правительства А.Ф. Керенский, пытавшийся лично руководить армией, исполняя должность военного министра, сделал ставку на подготавливавшееся в июне 1917 г. наступление русской армии. Главная роль в нем принадлежала войскам Юго-Западного фронта. 11-я и 7-я армии наступали на Глиняны и Львов. 8-я армия осуществляла вспомогательный удар на Калуш и Болахов. Особой армии была поставлена задача не допустить переброски сил противника на Львовском направлении. В наступлении с российской стороны принимали участие примерно 300 тыс. человек (42 пехотные и 9 кавалерийских дивизий). В составе наших войск находилось 1300 орудий, включая тяжелую артиллерию. На участках прорыва плотность артиллерийских орудий составляла до 35 орудий на 1 км фронта, а на одном из участков — до 44 орудий.

Важную роль в тех событиях играла авиация. В составе русских войск в боевых действиях принимали участие 36 авиаотрядов, на вооружении которых находились 225 аэропланов. Примерно такими же силами обладал и противник: на вооружении 37 авиаотрядов было 226 аэропланов. В ходе боевых действий российскими летчиками и артиллеристами было уничтожено в общей сложности 28 аэропланов неприятелей.

Германское военное руководство, осознавая напряженность момента, перебросило 11 дивизий с Западного и других фронтов. Это позволило германским войскам нанести контрудар, прорвать фронт и отбросить войска Юго-Западного фронта

русской армии на линию Броды — Збараж — Гржималов — Боян — Кимполунг.

На Румынском фронте длиной почти в 500 км были развернуты 3 российские и 2 румынские армии. Наступление, проводившееся российскими и румынскими войсками 20–24 июля 1917 г. на фокштанском направлении, сначала развивалось успешно, но из-за неудач на других фронтах было приостановлено. 6 августа противник перешел в контрнаступление и добился успеха.

В результате июльское наступление российской армии потерпело неудачу [267].

Сложившаяся ситуация выходила далеко за рамки военной неудачи, поскольку обозначила неспособность Временного правительства к преобразованиям внутри государства, в том числе и в военной области. В различных тыловых районах России вспыхивали вооруженные выступления военнослужащих, не желавших отправляться на фронт. Командующий войсками Московского военного округа полковник А.И. Верховский 11 июля 1917 г. приказал: «Гарнизоны Нижнего Новгорода, Ельца, Липецка и отчасти Владимира поддались агитации темных сил. Свергнуты были Советы, грабили, насильничали, полки отказывались идти на фронт. Позор предателям... В полном согласии с Советами солдатских, рабочих и крестьянских депутатов я пушками и пулеметами беспощадно подавил восстание и также беспощадно поступлю со всеми, кто пойдет против свободы, против решения всего народа...» [268].

Потеря инициативы на фронте во многом обернулась утратой инициативы политической. Сложившийся внутри страны в июле-августе глубокий политический кризис едва не стоил Временному правительству утраты власти. Произшедший в августе 1917 г. Корниловский мятеж чуть было не привел к приходу к власти в стране военных во главе с Л.Г. Корниловым. Его поддержали немногие единомышленники. В результате сторонниками Временного правительства мятеж был подавлен, а Л.Г. Корнилов арестован.

1 сентября 1917 г. военным министром Временного правительства был назначен А.И. Верховский. Давая оценку военно-политической ситуации, сложившейся в тот момент, он заявил,

что Германия и Турция действуют на фронтах из последних сил и заинтересованы в скорейшем окончании войны [269].

1–6 сентября и 12–20 октября 1917 г. германской армией были осуществлены соответственно Рижская и Моонзундская операции.

1 сентября, массово применив химические артиллерийские снаряды, германские войска форсировали Западную Двину, но российские части отбросили их к станции Икскуль. Баварская дивизия через Западную Двину переправиться не смогла.

Командовавший российскими войсками Л. Г. Корнилов отдал приказ оставить Ригу, в результате чего российские войска к 6 сентября отошли на венденские позиции.

Немецкие войска к 20 сентября 1917 г. севернее Двинска захватили якобштадтский плацдарм на Западной Двине.

С 12 по 20 октября германские войска провели успешную операцию по захвату Моонзундских островов. В операции со стороны Германии участвовали 10 дредноутов, в то время как морские силы России в Рижском заливе располагали лишь двумя. Германский флот обладал и другими преимуществами. На его вооружении находились 10 крейсеров, 68 миноносцев, 6 подводных лодок, 6 дирижаблей, 102 аэроплана, а также около 25 тыс. человек десанта, около 10 тыс. пехоты и 2 тыс. кавалеристов. У российской стороны было 3 крейсера, 33 миноносца, 3 подводные лодки и 30 аэропланов. В результате российские войска и флот были полностью вытеснены из Рижского залива [270].

Свою роль в военных событиях 1917 г. сыграла Италия. В соответствии с соглашением от 22 августа 1917 г. Антанта пообещала Италии уступить значительную часть территории Турции — Южную и Юго-Западную Анталию [271].

Однако действия итальянских войск оказались неудачными. В октябре-ноябре 1917 г. состоялось сражение у Капоретто. Оно началось 24 октября обстрелом австрийских и германских войск итальянских позиций химическими снарядами. Применение химического оружия сменил мощный артиллерийский огонь. В результате итальянский фронт был прорван, вторая итальянская армия отступила. В результате итальянцы потеряли 335 тыс. человек пленными, более 130 тыс. убитыми и ране-

ными. Ими были утрачены 3152 орудия, 1732 миномета, 3 тыс. пулеметов и другое оружие. К первой декаде ноября 1917 г. в итальянской армии осталось лишь 400 тыс. боеспособных военнослужащих [272].

Ряд событий 1917 г. стал новым словом в военной теории и практике. Среди них особое место занимает операция английских войск у Камбрэ, проводившаяся с 20 ноября по 6 декабря. Впервые в истории войн в той операции было использовано массовое применение танков. При этом наступательные действия осуществлялись в процессе тесного взаимодействия танков, кавалерии, пехоты, артиллерии и авиации. «Основным мотивом операции», как отмечалось в приказе по английским войскам, был эффект внезапности, который удалось создать.

В той операции на танки возлагалась задача разрушения проволочных заграждений противника, с которой они справились вполне успешно.

Операцией у Камбрэ завершилась кампания 1917 г. на Западном фронте. Та операция показала возможность прорыва сильно укрепленного фронта противника.

В 1917 г. англичане вынудили войска кайзеровской Германии покинуть восточную Африку. Это существенно снизило шансы Германии выиграть кампанию 1917 г. Но, с другой стороны, немецкие войска получили возможность более компактно сгруппировать свои силы для ведения дальнейших оборонительных действий.

Важным событием 1917 г. стало Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, существенно отразившееся на ходе Первой мировой войны, на политике и стратегии стран Антанты и Тройственного Союза.

Идеолог германского милитаризма и талантливый теоретик военного искусства Эрих Людендорф, бывший в 1916–1918 гг. фактическим руководителем всех вооруженных сил Германии, писал о тех событиях: «Революция ярко высветила истинное положение вещей в России. Российское общество и его вооруженные силы насквозь прогнили, иначе революция была бы невозможна. Армия и там была частью народа и тоже с ним едина. Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно вне-

Бой во Фландрии

запно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог.

Насколько в итоге на Востоке разрядится обстановка, предположить в тот момент было невозможно; приходилось считаться и с вероятными атаками. Однако революция означала безусловное ослабление Антанты из-за неизбежного снижения боеспособности русской армии и, следовательно, существенное улучшение нашего чрезвычайно трудного положения» [273].

Выход России из войны ослабил Антанту. В то же время крупным событием стало вступление в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов Америки. Вот как оценивал ситуацию германский полководец Эрих Людендорф: «5 апреля 1917 г. США заявили, что находятся с нами в состоянии войны. Этот шаг Америки был обусловлен развалом России, нашими успехами в подводной войне, желанием участвовать в создании

средств противолодочной защиты. А дипломатические отношения Америка разорвала с Германией еще 3 февраля.

Присоединение Соединенных Штатов к лагерю наших врагов вовсе не было для меня сюрпризом. Я вполне ожидал, что такое случится и без неограниченной подводной войны, если мы начнем явно одерживать верх» [274].

По мнению Э. Людендорфа, «Америка вмешалась в конфликт в критический для Антанты момент» [275], что, по меньшей мере, спорно. Соединенные Штаты во внешней политике никогда не отличались стремлением к самопожертвованию. Наоборот, они начинали боевые действия в содружестве с кем бы то ни было, если осознавали, что победа уже предрешена. Так было и в тот раз.

Стратегические планы Антанты, заключавшиеся в разгроме Тройственного союза в 1917 г., осуществлены не были. Причиной неудачи было отсутствие согласованности действий между военно-политическим руководством государств коалиции, отсутствие стратегического взаимодействия фронтов.

С другой стороны, кайзеровская Германия также не сумела реализовать свой план — успешно отразить наступления противника и добиться успехов в подводной войне. В 1917 г. Германия добилась господства на море, но это не смогло повлиять на ее неудачи в целом.

Ни одна из операций, проведенных в 1917 г., не привела к изменению способов и форм ведения войны. Но на этом фоне качественные сдвиги в ведении боевых действий все же происходили. Темп наступательных действий повысился, оборонные действия стали нарастать в глубину, достигая зачастую 12 км. Оборона стала подвижной и активной, способной в короткие сроки формировать условия для организации контр наступлений.

В 1917 г. не только началось массовое применение танков, но и зародилась противотанковая оборона. Она включала в себя противотанковые орудия, противотанковые ружья, пулеметы с бронебойными пулями и инженерные сооружения.

В 1917 г. произошли значительные изменения в артиллерии. Она стала более скорострельной, число орудий существенно увеличилось. Усилилось снабжение войск тяжелой артиллери-

ей, причем тяжелая корпусная артиллерия стала передаваться в дивизии, а корпуса усиливались за счет резерва главного командования.

В 1917 г. существенно увеличилась авиация, шире стали использоваться бомбардировщики и штурмовики, действовавшие в интересах наступающих войск на поле боя. Произошли качественные изменения в деятельности истребительной авиации.

Эффективнее стала деятельность противовоздушной обороны. Стали применяться зенитные орудия с приборами управления огнем, аэростаты, зенитные прожекторы, стала формироваться служба воздушного наблюдения, оповещения и связи.

В 1917 г. произошли организационные изменения практически во всех видах и родах войск противников. Например, германские, французские, российские дивизии претерпели сокращение числа батальонов, что качественно повлияло на их боеспособность.

В 1917 г. существенно увеличилось количество действовавшей вооруженной силы. Так, в 1917 г. армии воюющих государств насчитывали в общей сложности 33,5 млн человек [276].

К концу 1917 г. обстановка на фронтах была противоречивой. С одной стороны, перевес Антанты ощущался во всем, кроме положения на море. С другой стороны, военное положение во многом стало благоприятствовать Тройственному союзу. Он занимал огромные территории в России, Франции, Румынии, а также всю территорию Бельгии, Сербии, Черногории и почти всю территорию Албании. Кроме того, в результате неудач под Капоретто в октябре 1917 г. итальянская армия надолго утратила свою боеспособность.

После выхода России из войны у Тройственного союза остался лишь один напряженный театр военных действий — Западный фронт.

Существенно улучшилось положение члена Тройственного союза — Турции, армии которой уже не приходилось сражаться на Кавказе в результате выхода Советской России из войны.

В 1917 г. страны Антанты имели явные преимущества перед Германией в производстве боевой техники, оружия и бое-

припасов. Антанта ежемесячно выпускала до 90 танков, в то время как в Германии их не было вовсе. Антанта ежемесячно выпускала 16,5 тыс. пулеметов и 238 тыс. винтовок, в то время как Германия лишь 8,5 тыс. пулеметов и 200 тыс. винтовок. Англия и Франция ежемесячно выпускали снарядов и патронов в 1,5 раза больше, чем лидер Тройственного союза. Только в производстве артиллерийских орудий у Германии оставался заметный перевес: ежемесячно заводы Германии выпускали 3,4 тыс. артиллерийских пушек, в то время как Антанта — на 1 тыс. меньше.

Конец 1917 г. не только внес смятение в ряды Антанты в связи с выходом России из войны, но и заставил Великобританию, Францию и США скорректировать свои военно-политические планы. С согласия Соединенных Штатов Америки в декабре 1917 г. было подписано тайное соглашение между Великобританией и Францией, согласно которому в сферу интересов Великобритании входили Кавказ и Казачьи территории по рекам Кубань и Дон, а в сферу интересов Франции — Бессарабия, Украина и Крым [277].

США, не стесненные юридически какими-либо договорами, практическими действиями вскоре заявили о своих «национальных интересах» на Русском Севере и на Дальнем Востоке.

1917 год стал годом тяжелейших испытаний для всех участников войны. С одной стороны, политики, дипломаты, часть военных и широкие слои населения стран Антанты и Тройственного союза стремились сделать все для завершения войны. С другой стороны, среди политической верхушки противоборствовавших государств, в недрах генеральных штабов воевавших армий еще строились планы, нацеленные на достижение победы над противником.

Февральская революция в России усложнила и без того непростую обстановку не только в нашей стране, но и в других странах. Попытка Германии и ее союзников воспользоваться ситуацией для предложения Временному правительству «почетного мира» увенчалась неудачей.

Октябрьский политический переворот в России, несмотря на попытку советской власти в одностороннем порядке выйти

из мировой войны, лишь усугубил и запутал ситуацию. Надежды воюющих государств осуществить в 1917 г. поворот от войны к миру успехом не увенчались.

Последствия войны заметно отразились к концу 1917 г. на менталитете и социальном поведении всех слоев населения воевавших государств. Применительно к России будет справедлива оценка исследователя О.С. Поршневой, отмечавшей, что «девальвация ценностей старой идеологической конструкции (православие, самодержавие, народность) и религиозных табу, привычка к насилию и обесценивание человеческой жизни в условиях войны привели к невиданному разгулу анархии и насилия в период революции» [278].

Атмосфера войны во многом способствовала формированию предрасположенности значительной части населения разных стран к принятию новых концептуальных идей исторического развития, казавшихся многим выходом из тяжелейшего военно-политического, экономического и духовного кризиса. Вероятно, именно военная атмосфера способствовала тому, что ленинская концепция мировой социалистической революции за короткий срок сумела стать необычайно популярной среди миллионов людей не только в России, но и в странах, воевавших друг с другом во время Первой мировой войны.

Емкую оценку всем событиям 1917 г. дал Э. Людендорф. Он заметил, что «события стали развиваться по иному, чем ожидалось, сценарию. Западный фронт держался, подводная война не принесла победы, а вот Россия окончательно рассыпалась. На Восточном фронте возникла странная ситуация — ни мира, ни войны. Появилась реальная возможность (о которой до осени 1917 г. и не мечталось) добиться в 1918 г. окончательной победы путем организации мощного наступления на суше при условии, что немецкий подводный флот к тому времени причинит торговому флоту противника большие потери, которые помешают быстрой переброске американских воинских подкреплений в континентальную Европу и серьезно нарушат морские перевозки стран Антанты. Как уверял главный морской штаб, осуществить такое было им вполне по силам» [279].

Германский полководец откровенно признавался: «Я очень надеялся, что полный развал России, в чем уже никто не со-

мневался, поможет нам вновь преодолеть депрессивные настроения. В сочетании с нашими великолепными успехами в Италии и героической борьбой на Западном фронте этого вполне хватило бы, чтобы вновь воодушевить нацию и помочь ей преодолеть чувство неудовлетворенности результатами неограниченной подводной войны, не оправдавшей в полной мере возлагавшихся на нее надежд. У народов стран Антанты все выглядело по-другому. Невзирая на сплошные неудачи, они, демонстрируя единую волю и проявляя сильное национальное сознание, тесными рядами сплывались вокруг своего государственного руководства, которое твердой рукой энергично вело их за собой» [280].

Надежды каждой из воевавших сторон на одержание победы в 1917 г. не оправдались. И Четверной союз, и Антанта были вынуждены продолжить выяснение политических отношений военным путем в следующем, 1918 г.

Антанте не удалось вывести Германию из войны в 1917 г. Их стратегическая операция Нивеля и частные операции в районах Ипра, Вердена и Камбрэ не изменили общей обстановки на Западном театре военных действий. Провалились также Митавская операция 1917 г. и июньское наступление русской армии 1917 г.

В итоге кампании 1917 г. войска Тройственного союза отразили все удары Антанты. Немцы потопили свыше 2,7 тыс. судов противника и нейтральных стран.

Участие в войне США не смогло компенсировать выход из войны России.

4.2. Боевые действия на море: планы на 1917–1918 годы. Итоги морской войны. Успехи союзников в борьбе с подводными лодками. Подготовка и реализация США операций 1917–1918 годов

После неудачной попытки прорвать английскую блокаду руководство ВМС Германии решило, что лишь тотальная подводная война сможет изменить не только ход войны на море, но и существенно повлиять на общую ситуацию. Произведенные

в конце 1916 — начале 1917 г. расчеты показали: главным условием победы является необходимость топить каждый месяц судов Антанты на 600 тыс. т [281]. Это окажет воздействие и на нейтральные страны, которые резко сократят (минимум на 40%) поставки в Великобританию. В итоге было признано, что неограниченная подводная война за первые полгода лишит британскую экономику 39% необходимых ей ресурсов, что, в свою очередь, приведет к выходу Великобритании из войны [282].

Адмирал Хольтцендорф понимал, что такие действия могут привести к вмешательству США [283]. Однако адмиралами кайзера данное вмешательство не рассматривалось как существенное по трем причинам. Первая — численность вооруженных сил США была слишком маленькой в сравнении с масштабами европейского ТВД. Вторая — оперативно прибыть в Европу армия США не могла, в том числе и из-за неограниченной подводной войны. Третья — адмирал Хольтцендорф полагал, что благодаря тотальной подводной войне он успеет вывести из конфликта Великобританию до прибытия войск из-за океана. 9 января 1917 г. кайзер принимает решение начать неограниченную подводную войну, которую должны были вести 105 подводных лодок, из них 69 в Атлантике [284].

Результаты этих действий сказались почти сразу: уже за январь-март 1917 г. союзники от действий подводных лодок потеряли 728 судов (общая грузоподъемность которых составила приблизительно 1167 тыс. т [285]). А апрель принес самые большие потери — успехи субмарин перекрыли все самые смелые расчеты адмиралов кайзера. Но июнь стал последним месяцем больших потерь торгового флота Антанты и одновременно малых потерь подводного флота Германии [286].

Для борьбы с подводной опасностью англичане задействовали огромные силы. Так, в ноябре 1917 г. торговый флот союзников в районах действий субмарин охраняли 170 эсминцев, шлюпов и сторожевиков (в том числе 37 американских эсминцев) [287]. Охраной скандинавских конвоев были заняты еще 32 корабля. Прибавив к ним 30 кораблей, постоянно находившихся в Средиземном море, получим 232 боевые единицы, защищавшие торговый флот. Но и это еще не все. Надо

Немецкая подводная лодка, захваченная французами, на мели в проливе Кале

также учесть эсминцы из состава Гранд-Флита, сил Гарвича и Дуврского патруля, которые эскортировали крупные боевые единицы, охраняли транспорты с войсками, госпитальные суда и т.д. Эти задачи выполняли 217 кораблей. Получается, что всех вместе их было 449 [288].

Начиная с августа 1917 г. тоннаж судов, потопленных в Атлантике и Северном море, оставаясь в общем высоким, стал постепенно снижаться [289]. Появилась надежда, что Великобритания выйдет из отчаянного положения, хотя адмирал Джеллико считал август все еще тем месяцем, когда судьба страны висела на волоске. Однако последующие месяцы показали, что снижение потерь приобрело постоянный характер [290].

Но самое важно, что даже за первые полгода высоких результатов подводной войны Великобритания и ее экономика не вошли в кризисное состояние, хотя средние потери Антанты (644 тыс. т) за каждый месяц превысили расчетные показатели Хольгцендорфа. Так же неверными оказались планы кайзера, что тотальная подводная война вынудит судоходные компании нейтральных государств отказаться от поставок товаров

в Великобританию. И последний ошибочный расчет — США вступают в 1917 г. в войну.

В начале конфликта администрация Вильсона и Конгресс стремились сохранить нейтралитет. Президент Вильсон, шокированный характером первых месяцев войны, пытался выступить в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Но его миротворческие усилия не увенчались успехом, главным образом из-за того, что обе стороны не теряли надежду победить в решающем сражении. Тем временем США все глубже увязали в споре о правах нейтральных стран на море. Великобритания контролировала обстановку на Мировом океане, позволяя нейтральным странам осуществлять торговлю и одновременно блокируя германские порты. Германия пыталась прорвать блокаду, применяя новое оружие — подводные лодки [291].

В 1915 г. немецкая подводная лодка потопила британское пассажирское судно «Лузитания», при этом погибло более 100 американских граждан [292]. Вильсон немедленно заявил Германии, что неспровоцированные нападения подводных лодок на суда нейтральных стран являются нарушением общепринятых норм международного права и должны быть прекращены. Германия в начале 1917 г. согласилась прекратить неограниченную подводную войну, но лишь после угрозы Вильсона применить самые решительные меры [293]. Тем не менее в феврале и марте 1917 г. были потоплены еще нескольких американских судов, а телеграмма Циммермана мексиканскому правительству с предложением союза против США вынудила Вильсона запросить согласие Конгресса на вступление страны в войну [294]. В результате 6 апреля 1917 г. Конгресс объявил войну Германии [295].

Хотя ВМС США были во многом не готовы к войне, были приняты срочные меры, чтобы помочь союзникам. Эмиссар из Вашингтона, контр-адмирал Уильям Симс помог убедить британское Адмиралтейство использовать новую тактику контра-так подводных лодок, а также систему конвоев под прикрытием эсминцев и других боевых кораблей, которые должны сопровождать группы торговых судов через Атлантику. Первоначально только 6 эсминцев США могли участвовать в этой системе, но

до конца лета их число вырастет до 37, в то время как 5 американских линкоров действовали в европейских водах. Система конвоя не смогла полностью победить подводную войну, но это было достаточно эффективным средством, чтобы предотвратить кризис. Во второй половине 1917 г. потери торговых кораблей неуклонно снижались, а в декабре было уничтожено судов меньше, чем 400 тыс. т. В то же время Соединенные Штаты присоединились к Британии в судостроительной программе, которая быстро восполняла все потери [296].

Отправка войск имела поначалу в большей степени моральное значение, нежели военное. Соединенные Штаты еще не располагали многочисленной армией, всеобщую воинскую повинность ввели в стране только что, 19 мая 1917 г. Дивизии массового призыва сначала надо было обмундировать, обучить, вооружить и лишь потом посылать на фронт. Поэтому крупные американские силы стали прибывать в Европу спустя полгода. В течение 18 месяцев войны, когда американские корабли сопровождали конвои через зону боевых действий, подводные лодки атаковали их 183 раза. За данные атаки 24 подводные лодки были повреждены и только 2 были уничтожены. В общей сложности 18 653 судна учувствовали в перевозке и сопровождении огромного количества грузов, а также более 2 млн солдат армии США во Франции. Основная тяжесть сложной работы по прикрытию конвоев пала на американские эсминцы. Однако подготовка — как практическая, так и теоретическая — позволила силам сопровождения доставить войска США на континент без существенных потерь [297].

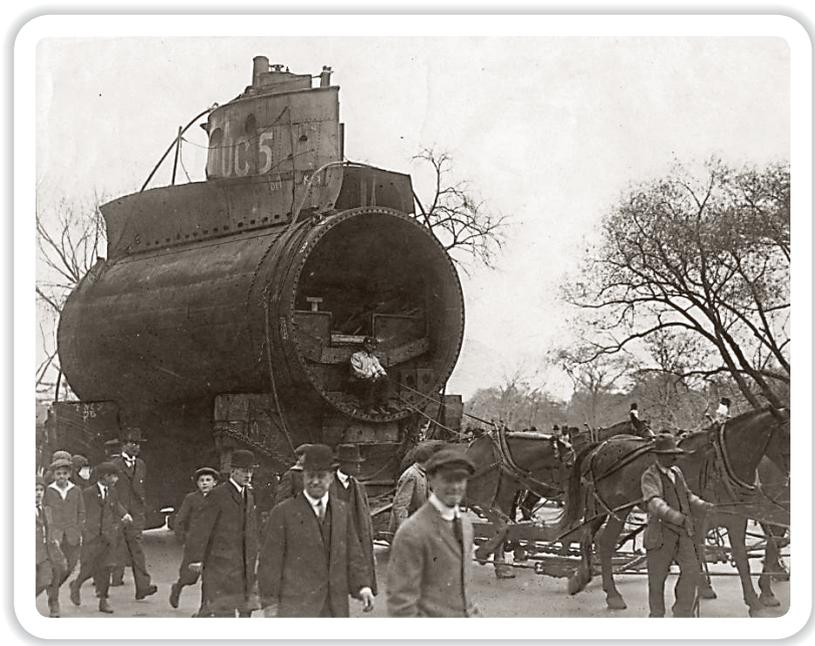
Военные действия в Атлантике в 1918 г. все еще строились вокруг подводной войны. В конце войны немецкое командование решило перенести подводную войну к побережью США, используя новый класс больших подводных лодок — U-151. Лодки типа U-151 несли 18 торпед и два 105-мм палубных орудия. Но самые большие надежды командование Флота открытого моря связывало с диапазоном действия новых субмарин — около 25 тыс. морских миль (46 300 км). Семь таких лодок были построены в 1916 г. первоначально как крупные торговые подводные лодки. Но затем шесть из них были переоборудованы для военных целей в 1917 г. Они были крупнейшими подводны-

ми лодками Первой мировой войны, но возложенных надежд не оправдали [298].

U-151 вышла из Кили 14 апреля 1918 г. с целью атаки коммуникаций между Великобританией и США. Лодка прибыла к побережью США 21 мая, где заложила мины у мыса Делавэр, чтобы подорвать подводные телеграфные кабели, проходящие из Нью-Йорка к Новой Шотландии. 25 мая U-151 остановила три американские шхуны из Вирджинии. Их экипажи были взяты в плен, а корабли потоплены артиллерийским огнем. 2 июня 1918 г. — единственный крупный результат U-151 — лодка потопила шесть американских судов и повредила еще два у побережья Нью-Джерси. На следующий день танкер «Герберт Л. Пратт» подорвался на mine, ранее установленной с борта U-151. Субмарина вернулась в Киль 20 июля 1918 г. после 94-дневного похода, в котором удалось потопить 23 корабля на общую вместимость 61 тыс. т. Кроме того, от мин субмарины погибло еще четыре судна. Но данные результаты были единственными значимыми в реализации данного проекта [299].

Корабли Хохзеефлота, предпринявшие единственный неудачный поход, не отходили далеко от своих баз. Наступательные действия осуществляли лишь подводные лодки. Для борьбы с торговым флотом Антанты в Атлантике и в Северном море Германия сосредоточила 162 субмарины, причем каждый месяц применялось от 62 до 75 подводных лодок [300].

В середине весны 1918 г. адмирал Шеер спланировал операцию по атаке союзных конвоев в районе между Норвегией и Англией. По информации от разведки, конвои формировались в начале и в середине каждой недели. Их, как правило, охраняли эскадры английских линейных кораблей, иногда привлекались линкоры США. 23 апреля флот Шеера вышел в море. В это время 2-я английская эскадра линейных крейсеров вместе с 7-й эскадрой легких крейсеров прикрывала крупный конвой из 34 судов, который 22 апреля вышел из портов Норвегии. Разведка флота Германии узнала о выходе конвоя уже 22 апреля, но было слишком поздно — суда и корабли охранения уже вошли в Ферт оф Форт. Поэтому силы Хиппера не смогли обнаружить суда союзников и во второй половине дня вернулись к главным силам. Ближе к ночи 22 апреля все корабли Германии верну-

Часть немецкой подводной лодки на улицах Нью-Йорка

лись на свои базы. Но при возвращении линейный крейсер «Мольтке» получил попадание торпеды с британской субмарины, которая нанесла тяжелые повреждения. Это был последний боевой поход главных сил Флота открытого моря. Его корабли больше не выходили в море вплоть до конца октября. Постоянно ухудшающееся положение немцев на всех фронтах и утрата веры в победу на море путем подводной войны привели к тому, что в ставке кайзера Вильгельма II стали лихорадочно искать хоть какой-нибудь выход из военного тупика.

В такой ситуации адмирал Шеер наконец получил согласие кайзера на реорганизацию руководства флотом. Было создано РМВ — Руководство Морской войной во главе с начальником адмирал-штаба. Им вместо адмирала Хольтцендорфа 11 августа стал сам Шеер. Командующим флотом назначили Хиппера, произведенного 11 августа в полного адмирала, командующим

силами морской разведки вместо него стал контр-адмирал Рейтер [301].

Последние месяцы войны стали временем триумфа союзников в борьбе с подводными лодками противника. Тоннаж потопленных транспортных судов союзных и нейтральных стран неизмеримо снизился. Стало совершенно ясно, что неограниченная подводная война проиграна немцами, следовательно, они утратили последний шанс на победу.

В сентябре на всех морях действовали 84 немецкие подлодки. Они потопили 91 союзное и нейтральное судно общей грузоподъемностью 171 972 т. При этом погибли 9 лодок. В октябре немецкие подводники потопили 73 судна (116 237 т), потеряв 5 своих субмарин из 83 действовавших. В ноябре они успели еще потопить 3 судна (10 233 т) в Средиземном море. Таким образом, немцам удавалось топить все меньше и меньше транспортов, а собственные их потери стали слишком велики по сравнению с ущербом, причиняемым противнику [302].

К 1918 г. потери подводных лодок достигли неприемлемого уровня, и моральное состояние их экипажей резко ухудшилось, а к осени стало ясно, что Центральные державы не смогут выиграть войну. Союзники настаивали, что необходимым условием любого перемирия было то, что Германия сдаст все свои подводные лодки, и 24 октября 1918 г. поступил приказ — всем немецким подводным лодкам прекратить наступательные операции и вернуться в свои родные порты.

К середине осени 1918 г. правительство Германии потеряло волю к продолжению войны, поэтому было принято решение начать переговоры о мире. Однако главное командование германского флота втайне отдало приказ произвести наступательную операцию, которая (как надеялись в Берлине) должна была явиться для англичан совершенно неожиданной. В конце октября 1918 г. германский флот приготовился к бою и намеревался нанести англичанам решающий удар. 28 октября Флоту открытого моря было приказано выйти в море. «Командование флота планировало на конец октября проведение операций против целей на побережье Фландрии и в районе Хуфдена. Основной целью этой операции было прикрытие эвакуации армейских соединений и в особенности корпуса морской пехоты из Фландрии,

а также обстрел военно-морских баз, занятых британцами. Для обеспечения прикрытия флота в этой операции предстояло установить обширные минные поля и выставить дозорную линию из подводных лодок, которые должны были обезопасить фланг флота от возможных атак любых британских сил, могущих подойти с севера» [303]. Все боеспособные подводные лодки были собраны в Северном море для совместных действий с надводными кораблями. Но перевес на стороне противников Германии был теперь так велик, что команды германских кораблей потеряли веру в свои силы. Когда был отдан приказ приготовиться к бою, на «Тюрингене», «Гельголанде» и нескольких линейных крейсерах вспыхнуло восстание, и выход не состоялся. Был отдан приказ потопить восставшие корабли, но он не был исполнен, волнение охватило весь флот [304].

Адмирал Шеер пишет в воспоминаниях: «Возмущение вспыхнуло 29 октября, когда командующий флотом приказал готовиться к съемке с якоря для выполнения намеченной операции. Смысл и цель операции, как всегда, перед выходом в море сохранялись от команды в тайне. Мятежом вначале были охвачены лишь команды нескольких линейных кораблей и линейных крейсеров, но характер этих волнений вынудил командующего флотом отказаться от намеченного плана. Он надеялся, что спокойствие на кораблях восстановится после того, как зачинщики будут свезены на берег и подвергнуты предварительному заключению в Вильгельмсхафене. Вполне надежными оставались команды миноносцев и подводных лодок. По поводу этих событий командующий флотом донес 2 ноября военно-морскому командованию, что здесь имело место большевистское движение, руководимое на бортах кораблей членами социал-демократической независимой партии, центр которой находился, по-видимому, на берегу, в Вильгельмсхафене. Агитационным средством явилась ходячая фраза: «Правительство хочет мира, а офицеры его не желают». Всякие боевые действия флота, вызывая раздражение противника, должны были препятствовать делу мира, поэтому офицеры стремились продолжать их. Офицеры желали вывести флот в море и дать его уничтожить без всякой пользы или даже сами собирались его уничтожить» [305].

Если бы германский флот все же вышел в море и дал бой, то результатом боя, несомненно, был бы его разгром и бесцельная гибель десятков тысяч людей, так как в это время война была проиграна бесповоротно [306].

Соглашением с союзниками было предусмотрено, что все подводные лодки, пригодные к службе, должны были быть сданы, а строящиеся — разобраны [307]. Согласно статье 23 соглашения о прекращении огня, подписанного немцами 11 ноября 1918 г., германский флот подлежал разоружению и интернированию в портах нейтральных стран либо стран Антанты. На этом история военно-морского противостояния Великобритании и Германии заканчивается и начинается новая — история формирования Версальско-Вашингтонской системы, в которой морскому фактору также была отведена немалая роль.

ГЛАВА 5

Кампания 1918 года. Победа Антанты и капитуляция стран Тройственного (Четверного) союза

В 1918 г. участники Первой мировой войны вступили без России, которая в одностороннем порядке заявила о выходе из «мировой бойни». Этот поступок был оценен в мире неоднозначно. Если вчерашние союзники — страны Антанты видели в новой России предателя общих политических интересов, то, например, турецкое студенчество высоко оценивало российские инициативы и даже пыталось выдвинуть В.И. Ленина на Нобелевскую премию мира.

Уникальность военно-политической ситуации в 1918 г. состояла в том, что обе противоборствовавшие стороны — Антанта и Четверной союз — были уверены в своих высоких шансах одержать победу в Первой мировой войне.

Хотя в России в октябре 1917 г. произошла смена власти, прежние договоренности не политического, а делового характера в силу инерции продолжали выполняться. Правда, выполнялись они со стороны зарубежных партнеров недобросовестно. Так, заводы Вестингауза, с которыми у России был подписан договор на получение более 1 млн винтовок, к 1 января 1918 г. поставили лишь 60% от обещанных объемов стрелкового оружия. Завод «Ремингтон», обещавший поставить 840 тыс. вин-

товок, на 1 января 1918 г. выполнил поставки лишь на 55%, что привело к расторжению договора [308].

Вероятно, той же инерцией объясняется то обстоятельство, что какой-то короткий отрезок времени 1918 г. представители стран Антанты еще видели в России своего союзника, хотя власть в нашей стране во многих регионах уже перешла в руки Советов. Представляет интерес сообщение, сделанное на III делегатском съезде Флотилии Северного Ледовитого океана 5 июня 1918 г. В нем говорилось, что англичане и французы принимают участие в ремонте советских миноносцев [309]. Однако то был короткий и в какой-то мере переходный период военного взаимодействия стран Антанты и молодого Советского государства. Вскоре размежевание между ними проявилось очень четко. Вслед за ним наступило открытое противостояние, в том числе носившее военный характер.

Благодаря колоссальным военным заказам из России, поступавшим в США на протяжении всей войны, американская экономика существенно укрепилась, используя свой военно-политический потенциал против нашего же государства. По мнению одного из организаторов российской военной промышленности В. С. Михайлова, «за счет тех миллиардов золота, которые текли в Америку по руслу военных заказов, в короткий срок выросла громадного масштаба военная промышленность» [310].

Созвучны этому утверждению и слова А. А. Маниковского, который отмечал, что «без особо ощутительных для нашей армии результатов, в труднейшее для нас время нам пришлось влить в американский рынок огромные суммы, создать и обогатить там на наши деньги массу военных предприятий, другими словами, произвести на наш счет генеральную мобилизацию американской промышленности, не имея возможности сделать то же самое в отношении своей» [310].

5 января 1918 г. премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж выступил с публичной речью, заявив, что страны Антанты ведут войну не ради захвата чужих территорий, а ради того, чтобы защититься от противника.

Спустя три дня, 8 января, по предложению президента В. Вильсона американский конгресс принял документ, вклю-

чавший в себя 14 пунктов условий заключения мира. Он носил больше демонстрационный, чем практический характер.

По убеждению президента США, его страна должна была после окончания Первой мировой войны выступать в роли хранительницы справедливых устоев миропорядка и прав малых народов на самоопределение [311].

Свой взгляд на текущие события был и у Четверного союза. Военный теоретик и практик Э. Людендорф, давая оценку перспективе военно-политических событий 1918 г., отмечал, что Четверной союз связывала между собой лишь надежда на победу германского оружия. Было очевидно, что победить можно, лишь наступая на противника. По его оценкам, Австро-Венгрия ослабла, потеряв только военнопленными 1800 тыс. человек. При этом у нее не было кадрового резерва. Но Э. Людендорф очень рассчитывал на то, что двуединая монархия оттянет на себя силы итальянской армии, что, в свою очередь, позволит Германии повысить эффективность своих наступательных действий против войск Франции и Великобритании.

Размышлял немецкий полководец и о болгарском союзнике. Он писал, что «Болгария в ходе войны приобрела все территории, о которых мечтала в мирное время, и больше воевать не желала». При этом немецкий генерал не сомневался, что Болгария будет верна Германии до тех пор, пока у нее дела на фронте развиваются успешно.

Представляет интерес и его взгляд на деятельность Турции: «Турция исправно выполняла свой союзнический долг, но уже совсем выбилась из сил. По своей ли вине или нет — не имело значения. Численность ее людского резерва резко сократилась, отчасти армия существовала лишь на бумаге» [312].

Спустя годы Э. Людендорф признался, что в 1918 г. переоценивал «уровень энергии» своих соотечественников.

Проанализировав военно-политическую ситуацию в Четверном союзе и у Антанты, Э. Людендорф пришел к выводу, что в 1918 г. Германия и ее союзники должны были поспешить с наступлением ради скорейшей победы [313].

После октябрьских событий 1917 г. в России и Антанта, и Четверной союз вели борьбу за свержение советской власти. Это заметно повлияло на корректировку военно-политических

планов противоборствовавших сторон. Было понятно, что в скором времени Россия перестанет оттягивать на себя значительные силы Четверного союза и вся нагрузка ляжет на плечи Антанты.

Осознавая это, участники Антанты не только строили планы принятия на себя более весомых ударов Четверного союза, но и, пользуясь внутривосточным кризисом в России, решились на раздел между собой ее значительных территорий. Однако и Германия со своими союзниками продолжала претендовать на значительные «осколки» недавней Российской империи, в частности на территории Прибалтики, Белоруссии и Украины.

Несмотря на выход Советской России из войны, Германия была вынуждена держать против Советской России значительные силы, что заставляло ее ослаблять свои позиции на Западном фронте.

Большевистское руководство во многом идеализировало ситуацию на фронте, рассчитывая на то, что германские солдаты — вчерашние рабочие и крестьяне — осознают свой классовый долг и вольются в ряды поборников мировой социалистической революции.

Важно отметить, что на практические военные действия Советской страны существенное влияние оказывали разногласия не только практического, но и теоретического характера, имевшиеся у лидеров Советского государства, в первую очередь В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Г.К. Зиновьева, Н.И. Бухарина.

29 апреля 1918 г., выступая с докладом об очередных задачах советской власти, В.И. Ленин признал: «...наше международное положение такое критическое, что мы должны напрягать все силы, чтобы продержаться как можно дольше, пока зреет западная революция, зреющая гораздо медленнее, чем мы того ждали и желали...» [314].

Эти слова о просчетах в ожидании революции были не оговоркой (в докладе они прозвучали дважды [315]), а честным признанием ошибочных взглядов и реального положения дел. Но выводы доклада также показали, как трезво и искусно В.И. Ленин строит тактику действий, сообразуя ее с конкрет-

ной действительностью. Он говорил о том, что в сложившейся ситуации она должна стать тактикой лавирования, выжидания и отступления [316].

Не собираясь отказываться от своего стратегического замысла — осуществления мировой революции, В.И. Ленин быстро реагировал на изменения во внешнеполитической ситуации. Это было одним из главных его отличий от других руководителей государства и партии большевиков.

Л.Д. Троцкий, Г.К. Зиновьев, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин не проявляли подобной гибкости, были убеждены в приближающейся поддержке пролетариатом Запада.

Характерный случай вспоминал американский писатель А.Р. Вильямс. Когда 22 февраля 1918 г. он прочитал в газете декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», то решил прийти в Смольный и рассказать Л.И. Бухарину о своем желании вступить в создающуюся Красную Армию. Николай Иванович тут же организовал встречу А.Р. Вильямса с В.И. Лениным, чтобы на его примере показать, «будто пролетариат всего мира спешит на выручку русскому пролетариату, который первым вырвался на просторы социализма и над которым теперь нависла угроза» [317]. А дальше писатель отмечал ленинское отношение к этой мысли: «Ленин тоже рассчитывал на международную солидарность трудящихся, но она была в перспективе, а немецкие войска рядом» [317].

Г.Е. Зиновьев в своей речи на VIII съезде РКП(б) 8 марта 1918 г. справедливо замечал, что В.И. Ленин в целом был согласен с тактической линией, проводимой Л.Л. Троцким и его делегацией в Бресте во время переговоров с делегацией Германии. И тактика эта «была направлена к тому, чтобы поднимать массы на Западе, обнажать германский и австрийский империализм» [318].

Но в то же время ни Л.Д. Троцкому, ни Г.В. Зиновьеву, ни кому бы то ни было еще из окружения В.И. Ленина не удавалось быстро реагировать на малейшие изменения в политической и военной ситуации как в Советской России, так и в мире. Поэтому первая ленинская мысль о необходимости отступления, лавирования не была услышана. В целом результирующий вектор советской внешней политики в тот момент был все же

нацелен на ожидание революционной, по сути вооруженной, поддержки со стороны западноевропейских государств, в первую очередь — Германии.

Идеализированное понимание руководством Советского государства идеи мировой революции проявлялось, в частности, в их расчете на братания российских и германских солдат, происходившие на передовой. Однако в начале 1918 г. военно-политическое и гражданское управление при Верховном главнокомандующем было вынуждено констатировать, что братание чаще всего выражалось в «обмене вещей; солдаты группами... собираются для этой цели и братаются с немецкими солдатами» [319]. 16 января 1918 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего М. Д. Бонч-Бруевич доложил советскому руководству о том, что на фронте «братание превратилось в бойкую торговлю» [319]. Надежды новой власти в России на то, что братания станут проявлением революционности воюющих сторон, не оправдались. Уставшие от политики и войны, военнслужащие, желавшие обычных человеческих условий жизни, предпочитали боевым действиям «коммерциализацию» отношений с противником.

Германия планировала нанести удар по войскам Антанты в районе расположения английских войск между Аррасом и Ла-Фером с целью прорыва фронта и разъединения французских и английских сил. В дальнейшем предполагалось отбросить английские войска к побережью Ла-Манша.

Перед союзниками Германии ставилась задача удержания своих позиций до победы Германии над войсками Франции и Великобритании [320].

Англо-французским командованием был выработан совместный план боевых действий, который предусматривал не только ведение оборонительных действий, но и контрудары и контрнаступление.

Государства Антанты не рассчитывали завершить войну в 1918 г., предполагая ее завершение полной победой над Германией и ее союзниками в 1919 г.

В ходе разработки стратегического плана и его обсуждения на заседании высшего военного совета 30 января — 2 февраля 1918 г. рассматривались предложения Ллойд Джорджа о про-

ведении в 1918 г. операции против турецкой армии с целью ее разгрома. Вывод Турции из войны позволял Великобритании занять новые территории на Ближнем Востоке и давал возможность Антанте взаимодействовать с антисоветскими силами на юге России, оказывая им всеобъемлющую поддержку, которая по существу означала интервенцию против Советской России.

9 декабря 1917 г., спустя неделю после заключения перемирия в Брест-Литовске, где располагался штаб германского Восточного фронта, начались мирные переговоры между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой.

Представляют интерес воспоминания Э. Людендорфа о переговорах в Брест-Литовске. В своих мемуарах он писал: «Между тем выяснилось, что Троцкий представлял вовсе не всю Россию, не говоря уже о Румынии. 12 января в Брест прибыла делегация Украины, занявшая противоположные большевикам позиции. Она, заручившись содействием генерала Гофмана, вступила с представителями Четверного союза в собственные переговоры.

30 января в Бресте возобновились переговоры с Троцким. Сложилась довольно забавная ситуация, влиявшая на переговорный процесс. К этому моменту даже дипломаты убедились, что всякие разговоры с Троцким ни к чему не ведут. Теперь уже статс-секретарь фон Кюльман и граф Чернин по своей инициативе прервали дальнейшее обсуждение темы и 4 февраля прибыли в Берлин.

Я также в первых числах февраля отправился в Берлин, где намеревался обсудить с ними возникшую ситуацию. На встрече Кюльман заверил меня, что через двадцать четыре часа после заключения мира с Украиной он прервет всякие контакты с Троцким» [321].

Далее германский генерал вспоминал, что 18 февраля после полудня и рано утром 19 февраля 1918 г. на всем протяжении Восточного фронта началось наступление кайзеровских войск. Сразу же советское правительство заявило по радио о своей готовности заключить мир, но Германия выдвинула уже совсем другие, более жесткие условия. Германия потребовала при-

Обсуждение Брест-Литовского мирного договора

знания государственной независимости Финляндии и Украины, отказа от Курляндии, Литвы и Польши, а также отделения Батума и Карса [322]. Советская делегация прибыла в Брест 28 февраля. Переговоры уже не велись: представители советской делегации лишь подписали мирное соглашение, текст которого был заранее подготовлен противником [323].

В результате переговоров Советская Россия была вынуждена принять условия Четверного союза — согласиться с отторжением Польши, Литвы, части Эстонии, Латвии, Украины и Белоруссии. Это трудное решение как единственно возможное обосновал председатель Совнаркома Советского государства В.И. Ленин: «Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление...» [324]. Руководитель Советской России понимал, что страна находится в катастрофическом положении. Не было продовольствия. Воинские части не могли быть обеспечены оружием, артиллерией, боеприпасами. Военнослужащие

старой армии находились на пике переутомления от ведения многолетней войны, а Красная армия только начинала процесс своего формирования.

Безвыходная ситуация заставила советское правительство согласиться на жесткие условия Четверного союза — принять аннексионистский мир. Не разделявший такую позицию руководитель советской делегации на переговорах Л.Д. Троцкий принял самостоятельное решение об отказе подписать предложенные противником условия мира. Германское правительство в ответ на отказ о подписании договора, нарушив перемирие, вместе со своими союзниками, как уже отмечалось, дало команду своим вооруженным силам 18 февраля 1918 г. начать наступления на Восточном фронте. На Кавказе началось наступление турецких войск.

Войска кайзеровской Германии начали успешное наступление на нарвском и псковском направлениях. Непосредственная угроза захвата нависла над Петроградом. 22 февраля 1918 г. Совнарком опубликовал воззвание «Социалистическое отечество в опасности!». Навстречу противнику под Нарву был направлен сводный отряд под командованием П.Е. Дыбенко. Псков защищало более ста небольших красноармейских подразделений, которыми командовал выпускник Николаевской академии Генерального штаба, в прошлом полковник Й. Пехливанов.

Несмотря на самоотверженность защитников Пскова и квалифицированное управление ими Й. Пехливановым, превосходящим силам противника удалось сломить сопротивление красноармейцев и занять Псков¹ [325].

Потерпели поражение и подразделения сводного отряда П.Е. Дыбенко. Почти все бойцы и командиры отряда погибли. П.Е. Дыбенко был предан суду военного трибунала, но спустя время был освобожден из-под ареста и восстановлен в рядах большевистской партии [326].

Советское правительство согласилось подписать условия, выдвинутые Четверным союзом. 3 марта 1918 г. в Брест-

---

¹ Более подробная информация о деятельности так называемых Псковских отрядов, которыми руководил Й. Пехливанов, содержится в личном фонде Йордана Пехливанова (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37562 (Личный фонд Й. Пехливанова).

Литовске был подписан мирный договор, который вызвал неоднозначную реакцию различных слоев общества в Советской России.

До сих пор среди историков нет единства мнений по поводу того, было ли подписание Брестского мирного договора благом для Советского государства. Например, заслуживает внимание точка зрения екатеринбургского исследователя О.С. Поршневой, утверждающей, что ленинская позиция была ошибочной. Аргументируя свои взгляды, она опирается на анализ документов IV (Чрезвычайного) съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Автор подчеркивает, что до возобновления германского наступления 18–19 февраля 1918 г. в ЦК большевиков преобладали противники подписания Брестского мирного договора. Но после 23 февраля в результате жесточайшей дискуссии между членами ЦК РКП(б) решение о подписании мира было принято на еще более тяжелых, чем планировалось ранее, условиях. После подписания 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора, как отмечала О.С. Поршнева, «от России отторгалась вся Прибалтика, Польша, часть Белоруссии. Турции необходимо было отдать Карс, Ардаган и Батум. Советское правительство обязывалось заключить мир с правительством Центральной Рады на Украине, провести полную демобилизацию своей армии, разоружить флот. Страна теряла 26% населения, 26% железнодорожных путей, около одной трети фабрично-заводского производства, около двух третей добычи железной руды и угля. В приложении к договору содержались требования, гарантировавшие исключительный экономический статус Германии в Советской России, наносивший ущерб ее интересам» [327].

Размышляя о последствиях подписания Брестского мирного договора, О.С. Поршнева делала вывод: «Брестское соглашение не принесло измученной стране мирной передышки. Германская оккупация стала фактом, началась неотвратимая после заключения сепаратного мира война с бывшими союзниками по Антанте. Брестский мирный договор стал не только исходным пунктом интервенции стран Антанты, его неприятие явилось также одной из основ политической и военной консолидации противников советской власти и диктатуры больше-

виков. Вызванная условиями Брестского договора потеря ряда территорий России привела к расширению базы противников советской власти и активизации их борьбы против большевиков. Все эти обстоятельства способствовали разворачиванию в Советской России широкомасштабной Гражданской войны, одной из главных причин которой стало обострение социальных противоречий в российском обществе, не выдержавшем «перегрузок» Первой мировой войны» [328].

Даже среди большевиков, не говоря уже о представителях других политических партий, были совершенно разные взгляды на дальнейший ход событий. Политическая оппозиция, недовольная заключением Брестского мирного договора, была готова к осуществлению государственного переворота, тайно формируя альтернативное правительство. Например, на одну из должностей (вероятно, на пост народного комиссара по военным делам) планировался бывший военный министр Временного правительства А. И. Верховский, который дал свое согласие [329].

Представляется, что к подписанию Брестского мирного договора Советскую Россию подтолкнули многие обстоятельства. Среди них — военно-политические неудачи в Финляндии.

Финская буржуазия, опиравшаяся на поддержку Германии, сумела подавить революционные выступления вооруженных финляндских рабочих.

Поражение революции в Финляндии весной 1918 г. завершилось переходом через границу на советскую сторону около 10 тыс. оставшихся в живых финских красногвардейцев, из которых вскоре был сформирован ряд воинских частей и подразделений Красной армии.

Исследователь Е. Ю. Дубровская отмечала, что еще накануне переговоров в Брест-Литовске российские войска стремительно утрачивали свои позиции. В частности, она писала: «Русские вооруженные силы и власть российских военных к северу от линии Пори — Таммерфорс (Тампере) — Выборг были ликвидированы в период с 23 января по 9 февраля 1918 г. Последние воинские части выводились из Финляндии советским правительством после подписания Брестского мира в марте 1918 г. и в соответствии с требованиями мирного договора. <...>

*Карл Густав
Маннергейм*

Высадка на южном побережье Финляндии 20-тысячной Балтийской дивизии Р. фон дер Гольца содействовала победе белой армии Маннергейма. Страну захлестнула волна белого террора. Вместе с русскими матросами и солдатами, воевавшими в рядах финских красногвардейцев, русские офицеры уничтожались на месте» [330].

С марта 1918 г. во Францию ежемесячно стало пребывать 250–300 тыс. американских военнослужащих. К июлю 1918 г. их было переброшено около 1млн.

В марте 1918 г., перед началом германского наступления, во Франции находилось 300 тыс. американских военнослужащих. Но в тот момент кайзеровская Германия обладала численным превосходством до 30 пехотных дивизий. Подводному флоту ставилась боевая задача по потоплению транспортов с американскими войсками.

Стратегический замысел Германии весной 1918 г. состоял в нанесении сокрушающего удара на Западном фронте без достаточных сил и средств. Германским генштабом разрабатывались способы прорыва фронта в позиционной войне. Германия планировала осуществить свой стратегический замысел до

усиления Антанты американскими войсками. Главная ошибка германского командования состояла в том, что оно сосредоточило в тот момент крупные вооруженные силы на Востоке. По мнению начальника штаба группы германских армий генерала Куля, на Восточном фронте было сосредоточено более 1 млн германских и румынских военнослужащих, в то время как на Западном фронте — немногим более 3,5 млн человек.

Германские войска в начале 1918 г. превосходили на Западном фронте войска Антанты по количеству дивизий и почти не уступали по численности военнослужащих. Антанта на том театре военных действий имела превосходство в аэропланах, в танках и артиллерийских дивизиях.

Весной 1918 г. германские войска начали два крупных наступления. Первое — 21 марта — 4 апреля на Сомме, второе — 9–29 апреля на р. Лис во Фландрии. Войска Антанты, готовые отражать немецкое наступление, включали в себя 12 бельгийских дивизий на фронте протяженностью 35 км от морского побережья до Лангемарка, 4 армии Великобритании (60 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, 2 пехотные дивизии были португальские) на фронте протяженностью 200 км от Лангемарка до р. Уаза, а также 2 группы французских войск — Северная в составе 3 армий и Восточная в составе 4 армий. Они действовали на фронте в 530 км от р. Уаза до швейцарской границы. В состав тех двух групп входили 100 пехотных, включая 1 американскую, и 6 кавалерийских дивизий.

Войска кайзеровской Германии выставили против противника на Западном фронте 4 фронтовых объединения, включавших 10 армий и 3 армейские группы (193 пехотные дивизии).

Общая граница фронта была протяженностью 765 км.

Германское командование наметило прорыв фронта на участке Круазиль — Лафер, исключая выступ у Камбрэ. 21 марта началось германское наступление, вошедшее в историю как «Мартовское (Весеннее) наступление в Пикардии». Нередко его называют и «Великим сражением во Франции 1918 г.». Операция носила условное название «Михаэль».

В первые дни германское наступление было успешным, но с 28 марта его темпы стали снижаться. 4 апреля германские войска потерпели первую неудачу, не сумев захватить важный

железнодорожный узел Амьен. 5 апреля последовал приказ о прекращении операции [331].

27 мая — 13 июня 1918 г. германские войска осуществили попытку наступления на р. Эн. Хотя замысел германского командования разгромить английские войска не был выполнен, германским формированиям удалось оттянуть с английского участка фронта союзные резервы. Немецкие войска в первый период наступления ежедневно продвигались на 20 км вперед. Но с первого июня из-за усиления войск Антанты темпы наступления существенно снизились. Достигнутый оперативный тактический успех (прорыв на широком фронте на 60 км в глубину) развит не был. У войск кайзеровской Германии не хватило сил для дальнейшего развития операции.

15–17 июля 1918 г. состоялось второе наступление немецких войск на Марне, завершившееся срывом внезапного удара и отражением наступления. Второе наступление на Марне закончилось для германских войск неудачей, причины которой состояли в срыве внезапности, в отсутствии оперативных резервов для питания операции из глубины. Кроме того, французы сумели хорошо организовать оборону, обеспечили ее глубокое эшелонирование. После того как наступление захлебнулось, германское командование было вынуждено перебросить всю имевшуюся артиллерию во Фландрию, где по его замыслу должен был состояться главный удар, нацеленный на сокрушение фронта англичан. Но тот удар не состоялся, и второе наступление на Марне стало последним наступлением войск кайзеровской Германии в Первой мировой войне. 18 июля 1918 г. французские войска силами 6-й и 10-й армий нанесли немцам контрудар, после чего в результате наступательных действий Антанты произошло отступление германских войск с Марнского выступа.

18 июля — 4 августа 1918 г. произошло контр наступление французской армии в районе Марны, и стратегическая инициатива в результате него перешла к Антанте. В процессе наступления успешно взаимодействовали французская артиллерия, танки и авиация. Германские войска отошли на линию р. Урк, а затем на линию рек Эн и Вель. В ходе контр наступления произошел окончательный перелом в войне в пользу Антанты.

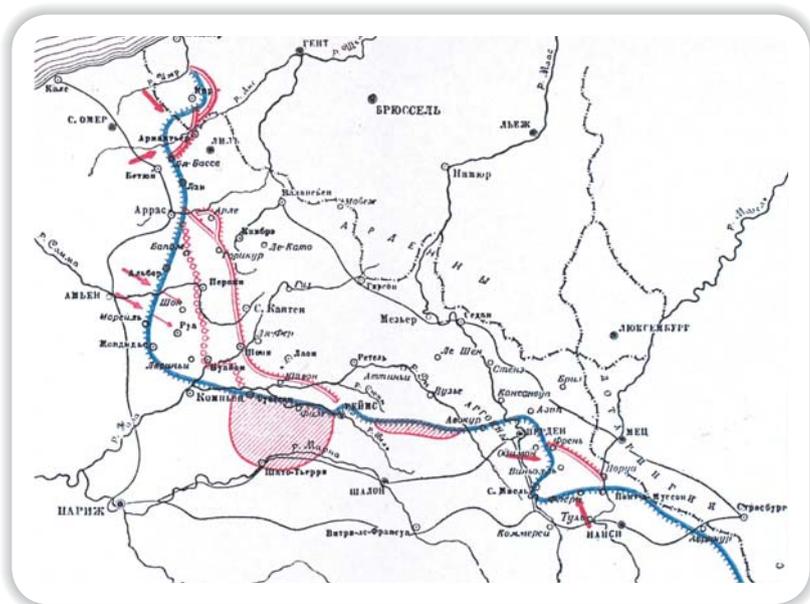
Германское военное руководство было вынуждено отказаться от плана наступления во Фландрии с целью ликвидации английского фронта. Потеряв инициативу, германские войска перешли к обороне.

2 августа 1918 г. войска Антанты высадились в Архангельске. В тот же момент в городе начался антисоветский мятеж, организованный английским шпионом, офицером царского флота Чаплиным (Томсоном). Противники советской власти сформировали контрреволюционное правительство во главе с агентом Антанты Чайковским. Военным губернатором Архангельска был назначен французский полковник Доноп, которому подчинялись все гражданские власти. Архангельск, второй крупный порт на севере России, оказался в руках интервентов [332].

8 августа была проведена Амьенская наступательная операция, названная позже историками «черным днем» германской армии. Цель операции заключалась в ликвидации угрозы Амьену и железной дороге Париж — Амьен путем уничтожения противника и вытеснения его остатков между реками Сомма и Авр. Наступление проводилось силами 4-й британской армии, наступавшей с севера, и 1-й французской армии, наступавшей с юга. Операция отличалась масштабным применением боевой техники. Только в 4-й армии на участке протяженностью 18 км использовалось 2068 орудий, 672 из которых были тяжелыми. Пехоту поддерживали 408 аэропланов и 415 танков. В 1-й французской армии были использованы 1616 орудий и 700 самолетов.

Войскам Антанты удалось добиться внезапности наступления, имея большой перевес в танках и авиации.

Амьенская операция достигла своей цели. Союзные войска продвинулись от 10 до 18 км на фронте на глубину до 75 км. Ее результаты показали, что германская армия окончательно утратила свой боевой дух. С начала Амьенской операции и до первых чисел сентября союзники на 150-километровом фронте продвинулись до 35 км, не дав возможности противнику закрепиться впереди позиции Зигфрида. Вскоре немецкие войска были вынуждены вернуться на свои прежние позиции Зигфрида, что скорее способствовало ухудшению их морального духа.

Общее положение перед наступлением англо-французских и американских войск 8 августа и план генерала Фоша

Хотя в 1916–1917 гг. на территории Греции боевые действия не велись, к сентябрю 1918 г. количество военнослужащих Антанты достигло в стране 667 тыс. человек. В частях союзников было более 2 тыс. артиллерийских орудий. Именно артиллерии предназначалось сыграть важную роль в проведении Салоникской операции. 14 сентября 1918 г. артиллерийские орудия Антанты провели мощную артподготовку, обстреливая на протяжении 22 часов позиции германских и болгарских войск. Утром 15 сентября боевые силы Антанты предприняли попытку атаковать врага по всему фронту. К исходу дня 15 сентября им удалось прорвать оборону противника в междуречье Черны и Вардары. На протяжении недели пехота Антанты при активной поддержке артиллерии, кавалерии и авиации боролась за расширение прорыва, в результате чего удалось расширить фронт до 150 км, углубившись в оборону противника на 80 км.

В результате на исходе сентября 1918 г. 11-я армия Германии оказалась полностью окруженной.

29 сентября 1918 г. Болгария была вынуждена выйти из войны. 30 сентября 11-я германская армия капитулировала [333].

12–15 сентября 1918 г. американскими войсками успешно была проведена Сен-Миельская операция, в которой действовали воинские части, входившие в состав 1-й американской армии. Перед американцами стояла задача ликвидации сен-миельского выступа, образовавшегося еще в 1914 г.

В состав 1-й американской армии входило около 600 тыс. человек. Американцы взаимодействовали с двумя дивизиями 2-го французского корпуса. В операции участвовали 2900 орудий, 273 танка и 1100 самолетов. Немецкие войска оборонялись силами шести дивизий, имея еще три дивизии в резерве.

Боевые действия развернулись на фронте шириной 64 км. Американцам удалось пробиться к основанию выступа, но дальнейшее продвижение не удалось. Во многом это было связано с отсутствием у личного состава боевого опыта. Американцам не удалось окружить противника, и почти все германские войска беспрепятственно отступили.

Во время Сен-Миельской операции вплоть до 26 сентября 1918 г. французские и британские войска практически добились противника в междуречье Скарпа и Эн.

С 26 сентября по 11 ноября 1918 г. было проведено общее наступление Антанты, завершившееся прорывом германских укрепленных позиций, что окончательно сломило сопротивление войск противника.

Поражение Германии существенно повлияло на внутриполитическое положение этой страны. В Германии начались активные революционные выступления. 3 ноября 1918 г. в Киле восстали моряки военного флота, которых поддержали рабочие практически всех крупных городов страны. 9 ноября по призыву политической организации «Союз Спартака» в Берлине началась всеобщая стачка, вскоре переросшая в вооруженное восстание. К восставшим присоединились военные, что позволило занять стратегические объекты столицы и заставить Вильгельма II отречься от престола [334].

Вильгельм II эмигрировал в Нидерланды [335].

Кампания 1918 г. завершилась военным поражением Германии и ее союзников.

С выходом России из войны Германия не сумела использовать благоприятные для нее обстоятельства, не стала концентрировать все свои силы для ведения боевых действий на Западном фронте. Германская стратегия на Западном фронте в 1918 г., нацеленная в основном на разгром английских войск, в марте потерпела поражение. Стратегический замысел германского командования — разгромить английские и французские войска до оказания им поддержки Соединенными Штатами Америки, не был осуществлен.

Стратегия Антанты отличалась противоречивостью и непоследовательностью. Противоречия, складывавшиеся между странами Антанты, продолжали негативно сказываться на общей стратегии. Большие разногласия во взглядах на ведение боевых действий были у главного союзного командования и руководства армии США.

Американская армия, принявшая участие в войне на заключительном этапе, не справилась с поставленными задачами. Не имевшие боевого опыта американские военнослужащие оказались малоэффективными проводниками общих планов Антанты.

Боевые действия 1918 г. отличались огромным напряжением и внесли в теорию и практику военного дела много нового.

По существу все военные события, развернувшиеся в 1918 г. на Западном фронте, представляли собой битву, длившуюся с 21 марта по 11 ноября, то есть 235 дней. В ходе нее на фронте в 400 км столкнулось 6 млн человек. С 21 марта по 18 июля 1918 г. наступали германские войска, а в оставшийся период — войска Антанты.

Политическая ситуация в Советской России заставила участников Первой мировой войны быстро перестраивать свою стратегию, действуя на грани с импровизацией. Германия, США, Великобритания, Франция, Канада, Япония, втянутые в орбиту борьбы за разделение российских территорий под разными предлогами, продолжали военно-политическую конкуренцию, завершившуюся сохранением за Россией единства территорий.

Боевые события 1918 г. обогатили военное искусство новыми подходами к ведению наступательных и оборонительных операций.

Проводившиеся в том году операции показали, что колоссальную роль в достижении победы играет фактор внезапности. При этом фактор внезапности блестяще проявил себя как на тактическом, так и на оперативном уровнях.

Внезапность как цепь последовательно осуществлявшихся мероприятий стала значительно сложнее по структуре своей подготовки. Время подготовки предстоявших боевых действий, процесс переброски боевой техники, оружия и личного состава к месту намеченного прорыва, противодействия разведывательным усилиям противника, отказ от продолжительной артподготовки — все это стало опытом, способствовавшим формированию фактора внезапности начала масштабных боевых действий.

В 1918 г. впервые в истории войн в небывалом масштабе были применены во взаимодействии химические войска, военно-воздушные силы, силы подводного флота, танковые соединения и артиллерия. Результат их масштабного применения и взаимодействия показал не только возможности современной по тем временам боевой техники, но и раскрыл перспективу развития как военной техники, так и путей осуществления наступательных и оборонительных действий.

В связи с этим показателен пример использования артиллерии в подавлении, в том числе и психологическом, как военнотружущих, так и мирного населения.

23 марта 1918 г. германские артиллеристы, находясь в 125 км от Парижа, осуществили 21 залп по столице Франции, в результате чего погибли 15 и были ранены 36 парижан. Подобные обстрелы проводились в три серии: с 23 марта по 1 мая, с 27 мая по 11 июня и с 15 июля по 9 августа 1918 г. Инженер А.Г. Дукельский отмечал, что весь артиллерийско-технический мир был ошеломлен теми обстрелами. Пушки были весьма громоздкими. Их длина составляла 30 м. Живучесть ствола не превышала 50 выстрелов. Дальнейшая эксплуатация могла осуществляться только после дополнительной доработки в заводских условиях [336]. Однако психологически их применение играло заметную роль, влияя на военных и гражданское население.

История войн также не знала применения танков, а уж тем более в крупных масштабах. Только с августа 1918 г. англичане использовали в бою около 2 тыс. танков [337].

Кампании 1918 г. было характерно массовое использование авиации. В 1918 г. англичане сбросили 5500 т авиабомб, французы сбили огнем с земли 220 германских аэропланов, а истребителями — более 600. В 1918 г. немцы сбили огнем с земли 748 аэропланов и еще больше уничтожили в воздушных боях. Германская бомбардировочная авиация бомбила Париж и Лондон.

Активно действовала ПВО: из 485 летевших на Париж германских бомбовозов до цели добрались лишь 37.

Огромную роль стал играть автомобильный транспорт. Только в июле 1918 г. Антанга перебросила на автомобилях в другие места дислокации 950 тыс. человек [338].

Главным содержанием боевых событий 1918 г. (третьего периода войны) стали: крушение германской стратегии достижения двух побед — над Антантой (кампания 1918 г.) и Советской республикой; преодоление позиционной обороны; общее наступление Антанты и военное поражение Германии.

Заключительный период войны по характеру боевых действий был наиболее напряженным. Наступательные операции продолжались почти восемь месяцев. 3 млн военнослужащих с обеих сторон вели битву на фронте 200 км.

Тяжесть войны на Западном фронте вынесли англо-французские войска. Войска США играли второстепенную роль.

События 1918 г. показали не только огромную роль органов управления, но и важность их вывода из строя. Уже в самом конце войны французский маршал Фош обосновал необходимость уничтожения в первую очередь штабов и различных пунктов управления войсками на предполагавшемся участке прорыва еще до начала наступления. Решение этой задачи обеспечивалось применением конно-механизированных подразделений, взаимодействовавших с авиацией [339].

Российский исследователь К. В. Самохин отмечал, что в ходе Первой мировой войны существенно изменился менталитет крестьянства. И хотя в его монографии речь шла о тамбовских крестьянах, выводы, сделанные автором, справедливы приме-

нительно к населению всех стран, воевавших между собой. В то время произошла милитаризация сознания у населения. Появление и использование оружия массового уничтожения привело к обесцениванию человеческой жизни. Длительный период ведения войны привел к снижению стандарта жизни.

Первая мировая война во многом предопределила участие населения в последующих социальных потрясениях [340].

20 сентября 1918 г. был аннулирован русско-турецкий договор, заключенный в Бресте. Новое правительство Германии уже после свержения кайзеровской монархии 11 ноября 1918 г. отказалось от Брестского мирного договора и, следовательно, от претензий к Советскому государству. Советское правительство аннулировало Брестский договор 13 ноября 1918 г. [341]

Под ударами Антанты Четверной союз распался: 29 сентября капитулировала Болгария, 30 октября — Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия. Германия капитулировала 11 ноября.

11 ноября 1918 г. недалеко от французской станции Ретонд было подписано перемирие между странами-победительницами — Великобританией, Францией, США — и другими государствами антигерманской коалиции с потерпевшей поражение в войне Германией. Договор вошел в историю как Компьенское перемирие, поскольку станция Ретонд располагается в Компьенском лесу.

В соответствии с перемирием, по существу обозначавшим завершение Первой мировой войны, все военные действия прекращались. Германские войска были обязаны немедленно покинуть все оккупированные ими на Западе территории, сдать часть сухопутного и морского вооружения.

Немецкие войска были обязаны покинуть левый берег Рейна. На правом берегу реки создавалась демилитаризованная зона.

По существу установившееся перемирие означало капитуляцию. По его условиям Германия была обязана вывести свои войска из занятых территорий, выдать Антанте 5 тыс. артиллерийских орудий, 25 тыс. пулеметов, 3 тыс. минометов, 1700 аэропланов, 5 тыс. паровозов, 150 тыс. вагонов и 5 тыс. автомобилей. Военно-морской флот подлежал интернированию. Рейнская область Германии оккупировалась союзными войсками.

Подписание перемирия в Компьенском лесу

Однако условия перемирия не предусматривали вывода германских войск из оккупированных ими территорий бывшей Российской империи, что давало возможность продолжать бороться немецким войскам против войск Красной армии. Германские войска, например, стремились во что бы то ни стало удержать в своих руках территорию Украины. Местное население по-разному относилось к германской оккупации. Но если местная буржуазия и землевладельцы видели в немецких войсках своих союзников, то значительная часть простых жителей Украины стремилась освободиться от чужеземного гнета. На территории Украины создавались многочисленные партизанские формирования, непрерывно досаждавшие оккупантам. Их силами многие крупные населенные пункты освобождались от захватчиков. Так, например, в декабре 1918 г. германские оккупационные войска были вытеснены партизанами из г. Овруча на Житомирщине [342]. Подобные боевые события в 1918 г. происходили на всей территории Украины.

В 1918 г., уже после подписания Брестского мирного договора, боевые действия на территории бывшей Российской империи во многих районах не прекращались. Правда, их характер заметно изменился. «Революционная бацилла», как писали тогда в советской печати, проникала в сознание иностранных солдат. Усталость от войны подчас порождала веру в то, что революция позволит прекратить ведение боевых действий. В многочисленных разведсводках, приходивших в красноармейские штабы, неоднократно отмечалась революционная настроенность германских, австрийских, финских частей. На сторону Красной армии постоянно переходили военнослужащие противника и, как подчеркивалось в документах, часто с оружием в руках [343].

Влияние революционных идей побуждало 16-летних немецких юношей покидать свои дома в Германии, чтобы, тайком перейдя границу, вступить в Красную Армию [344]. Под их воздействием французские матросы покидали свои корабли, чтобы стать бойцами советского интернационального французского батальона [345].

Перемирие позволяло всем военным и торговым судам стран Антанты беспрепятственно пребывать в акватории Балтийского моря, что также пагубно сказывалось на политическом и экономическом положении Советской страны.

28 июня 1919 г. в Версальском дворце был подписан мирный договор, вошедший в историю как Версальский мирный договор. Он юридически означал окончание Первой мировой войны.

По условиям Версальского договора Германия возвращала Франции Эльзас и Лотарингию в границах 1870 г.

В собственность Франции переходили угольные шахты Саарского бассейна. Сама Саарская область передавалась на 15 лет под управление Лиги Наций.

К Бельгии отошли округа Эйпен и Мальмеди, к Дании — Шлезвиг-Гольштейн. Германия признавала независимость Польши и Чехословакии. Данциг переходил под управление Лиги Наций. В результате германская территория была разделена польским коридором.

Германия была вынуждена отказаться в пользу победителей от своих бывших колоний. Великобритания и Франция поде-

лили между собой Того и Камерун. Колонии в Юго-Западной Африке были переданы Южно-Африканскому союзу. Австралия получила от Германии часть Новой Гвинеи, Новая Зеландия — архипелаг Самоа, а все немецкие острова на Тихом океане, лежащие к северу от экватора, были переданы Японии.

В результате Первой мировой войны Германия потеряла восьмую часть территорий и двенадцатую часть своего населения.

Германия была вынуждена признать договоры, которые были вскоре заключены союзниками с Турцией и Болгарией, и обязывалась отказаться от Брестского и Бухарестского договоров. За Россией признавалось право потребовать у Германии соответствующие репарации.

Всеобщая воинская повинность в Германии запрещалась. Армия должна была состоять исключительно из добровольцев и не могла превышать 100 тыс. человек, в том числе 4 тыс. офицеров.

Договор предопределял выплату Германским государством репараций на протяжении 30 лет.

Руководители стран Антанты уже после войны свели счеты со своим недавним союзником Россией. Итальянский историк Ф. Рандаццо отмечал: «Делегаты, собравшиеся в Версале для того, чтобы пересмотреть карту Европы после Первой мировой войны, не только считали Россию «недостойной» сидеть за столом победителей, но и полагали ее изменницей из-за сепаратного мира, заключенного с Германией в марте 1918 г. Мирный договор, подписанный в Брест-Литовске, действительно был выгоден немцам, которые благодаря этому смогли сконцентрировать свои силы на Западном фронте к большому ущербу для Франции и государств-союзников» [346].

Экономика России за годы Первой мировой войны существенно изменилась. Многие акценты ее развития изменились в сторону милитаризации производства. Среднемесячное производство стали в 1918 г. по отношению к 1913 г. составило 81%. Потребности войны удовлетворялись за счет сокращения всех других потребностей населения. Происходило падение сельскохозяйственного производства, что вызывало большие продовольственные затруднения [347]. Сложилась парадок-

сальная ситуация: война, обострив многочисленные проблемы, привела к революции; революция самим фактом своего существования формировала новый виток войны, выразившейся в одновременном вторжении в Россию войск кайзеровской Германии и Антанты.

Осенью 1918 г. правительством Великобритании в Лондоне был дан обед для участников «Конференции союзников по нефти», на котором лорд Д. Керзон заявил: «Дело союзников приплыло к победе на гребне нефтяной волны» [348]. Продолжая его мысль, французский сенатор Беранже, говоря о нефти, добавил: «Кровь земли была кровью победы... Германия слишком полагалась на свое преимущество в железе и угле и недостаточно учла наше преимущество в нефти... нефть была кровью войны, теперь ей предстоит стать кровью мира» [348]. Пожалуй, французский политик и предприниматель оказался недалек от истины: нефть не стала «кровью мира». Борьба за нее до сих пор мощный стимул военного противостояния многих государств.

Исторический опыт Первой мировой войны бесценен. Это понимали ее участники и очевидцы. Уже 18 августа 1918 г. в Советской России в соответствии с приказом народного комиссара по военным делам была создана комиссия по описанию войны 1914–1918 гг., председателем которой стал генерал В.Н. Клембовский.

Вскоре, 25 сентября 1918 г., в соответствии с приказом заместителя наркома по морским делам, была сформирована морская историческая комиссия по описанию войны 1914–1918 гг., председателем которой стал профессор Н.Л. Кладо [349].

Названия комиссий менялись, менялся и их состав, но в исследование истории войны уже в 1918 г. внесли огромный вклад такие военные историки, как А.А. Свечин, А.Н. Парский, Я.К. Цихович, М.О. Бендер. Именно они стали авторами первых монографий, очерков, статей об истории Первой мировой войны.

Перед комиссией была поставлена задача написания «Краткого стратегического очерка войны», фрагменты которого уже с сентября 1918 г. печатались в советском журнале «Военное дело».

Труды первых исследователей истории той войны издавались и в «Военно-историческом сборнике» [350].

После поражения Четверного союза распалась Австро-Венгерская империя. В результате возникли новые государства: Австрия, Венгрия и Чехословакия. Бывшие крупные регионы империи Босния, Герцеговина, Хорватия и Словения вошли в состав созданного на их основе Королевства сербов, хорватов и словенцев — государства, преобразованного со временем в Югославию.

В результате Первой мировой войны погибли 10 млн человек, 20 млн были ранены. Война заметно изменила карту Европы, невольно создав предпосылки для последующей, еще более масштабной и кровопролитной мировой войны.

ЧАСТЬ IV
ОБЩЕСТВО И ВОЙНА

ГЛАВА 1

Лояльная Германия и рефлексия войны германским обществом

Августовские дни 1914 г. превратили Германию в бушующее море. Страна пришла в движение, когда 1 августа Германская империя объявила войну Российской империи, вступив в Первую мировую войну. Создавалось впечатление, что немцы воспринимали войну как долгожданное событие, которое ожидалось, к которому готовились, и вот оно наступило. Люди выходили на улицы, неся в руках знамена, портреты кайзера и транспаранты. Война воспринималась населением как национальное явление, как деяние, направленное на защиту государства и нации. Многие немцы записывались добровольцами и спешили попасть на фронт.

Судьбоносным оказался день 4 августа 1914 г., когда эмоциональное ощущение единства превратилось в политическое единство, ареной которого стал германский парламент. Кайзер Вильгельм II, выступая перед рейхстагом, сказал знаменитые слова, которые отражали патриотические чувства немцев в тот момент и которые были призывом к преодолению политической, конфессиональной и партийной разобщенности. Обращаясь к парламентариям, кайзер сказал: «С началом войны партии прекращают существование! На меня нападала та или иная партия. Так было в мирное время. Сегодня великодушно прощаю все. Теперь я не знаю ни партий, ни конфессий. Все мы сегодня братья-немцы, и только братья-немцы. <...> Я не знаю

больше партий. Я знаю только немцев» [1]. Депутаты рейхстага впитали эти слова с воодушевлением. Среди них существовала партия, которая до событий 1914 г. последовательно выступала против войны и призывала к противодействию пролетариата надвигающейся угрозе. В августе 1914 г. война стала реальностью, и Социал-демократической партии Германии пришлось определиться. Это был сложный выбор, который приводил к конфликту между доктриной и политикой II Интернационала, с одной стороны, и национальными чувствами немцев, национальным патриотизмом, с другой стороны. Фактически в рядах германской социал-демократии произошло столкновение национализма и интернационализма. 4 августа 1914 г. СДПГ сделала выбор, проголосовав за военные кредиты вместе со всеми партиями германского рейхстага. Депутаты от СДПГ, которые были против войны, в частности К. Либкнехт, тем не менее подняли свои руки за кредиты. Конечно, это не означает, что партия отбросила марксистскую идеологию и перешла на националистическую платформу. Скорее, это был осознанный выбор, который был усилен еще тем, кому была объявлена война. Как отмечал ведущий германский исследователь Г.А. Винклер, «когда война стала свершившимся фактом, социал-демократы не видели альтернативы политике «классового мира» внутри страны и поддержке военных мероприятий империи. Тот факт, что к противникам Германии относилась Россия, облегчил социал-демократии принятие этого решения, ведь еще со времен революции 1848–1849 гг. царская Россия, по мнению Маркса, Энгельса и левых сил в целом, была главной силой европейской реакции. Ненависть к России сочеталась с надеждой на внутренние реформы в Германии. Национальная солидарность, как ожидало партийное руководство, по крайней мере, должна была устранить имевшиеся препятствия на пути к социальному и политическому равноправию рабочих» [2].

События 4 августа показали, как изменилось мировосприятие и положение немецких рабочих. Растущие зарплаты, улучшение социальных условий жизни, право на участие в политической деятельности превратили их в других рабочих, чем те, о ком писал Маркс. Немецкие рабочие были интегрированы в германское общество, поэтому в начале XX в. они уже

не были нищими оборванцами, которым нечего терять, кроме своих цепей. Им уже было что терять. И когда наступило время выбора, то оказалось, что доктринерский интернационализм и идея международной солидарности пролетариата — это одно дело, а чувство общности с собственным народом в момент смертельной опасности — совсем другое. СДПГ сделала свой выбор, поддержав свой народ в начавшейся войне, сделав выбор между доктриной и нацией. «Тем не менее оценка голосования 4 августа 1914 г. как «предательства» была ошибкой. Патриотические настроения захватили большую часть депутатов от СДПГ и их сторонников. Еще раньше, чем это сделала фракция в рейхстаге, о сотрудничестве с правительством заявила Генеральная комиссия Свободных профсоюзов. Если бы СДПГ отклонила военные кредиты, ей пришлось бы столкнуться не только с расколом внутри партии, массированными репрессиями со стороны государства и бойкотом со стороны общественного мнения. Проголосовав против, социал-демократы объективно бы встали на сторону военных противников Германии и таким образом спровоцировали бы опасность гражданской войны. От шага в эту пропасть партию спас инстинкт самосохранения» [3].

В июле-августе 1914 г. германское общество было милитаризовано и пропитано духом войны. Подтверждением тому могли служить 185 тыс. добровольцев, пошедших на войну в 1914 г. Среди них было много интеллектуалов, поэтов и деятелей культуры, владевших словом и способных передать переживания увиденного. В сентябре 1914 г. было опубликовано обращение «К культурному миру», подписанное 93 интеллектуалами, среди которых было 58 профессоров германских университетов. В нем отрицалась вина Германии за развязывание войны, подчеркивалось единство германской нации и воюющей армии, защищающей немецкий народ и немецкую культуру от того, чтобы «быть стертой с лица земли». М. Залевски отмечал сочетание модернизма и архаизма в событиях первых дней войны. «С самого первого дня войны 1914 г. в высокотехнологичный, научно организованный мир модернизма просочились тяжелые древние антропологические прототипы, даже невиданные до тех пор атавизмы: опубликованные суждения о начале

войны изобиловали такими метафорами, в которых речь шла лишь о жизни или смерти, о смелости или трусости, о надежде или отчаянии; это можно выразить одной фразой — все или ничего» [4].

Уже по окончании Первой мировой войны многие интеллектуалы подчеркивали то уникальное воздействие, которое она произвела на немецкий народ, выразившееся в форме национального единения в момент государственной угрозы. Критический подход исследователей к «августовскому воодушевлению» демонстрирует тенденцию изменения мнения социальных групп о начавшейся войне, но эта трансформация наметилась уже в рамках идущей войны и совершенно не присутствует в августовских событиях. Американский историк Ф. Рингер в своей классической монографии, посвященной немецкому академическому сообществу, цитирует публичное заявление немецких профессоров от 23 октября 1914 г., в котором те подчеркивали: «У германской армии нет иного духа, нежели дух германского народа, потому что армия и народ суть одно целое, и мы тоже принадлежим к этому целому» [5]. Это чувство единства духовного мира человека и народа было характерно для академической публицистики. Алоиз Риль, анализируя преемственность рассуждений И. Фихте между 1813 и 1914 г., подчеркивал значение августовского воодушевления как пример единства целей человека и народа. Он отмечал, что «вера в реальность интеллектуального и духовного мира, в жизнь целого народа, превосходящую существование отдельного индивидуума, — эта вера, пробудившаяся во всех нас в первые дни августа, никогда больше не должна угаснуть» [6].

Рефлексия о войне была не только результатом исторического опыта поколения, но и стремлением понять, насколько изменился мир и насколько изменились люди. Оценка консервативного мыслителя Меллера ван ден Брука Первой мировой войны была отражением позиций интеллектуальной элиты. Его взгляды в большей степени опирались на чувство духовного возрождения, чем переживание самой войны. Во многом это обуславливалось тем, что с 1916 г. он работал в «Военном ведомстве зарубежной работы» [7] и смотрел на войну глазами

Германская символическая карта мира. 1914 г.

интеллектуала, не прошедшего через пламя войны. В его восприятии «мировая война стала важнейшим событием и поворотным пунктом, и переломом духа». Меллер ван ден Брук отмечал революционный характер этих событий: «Война смогла извлечь из народа его лучшее, его сильное, его истинную природу. Верность, готовность, самоотверженность, с которыми нация вступила в нее, отвага, сила сопротивления, упорство, которые она демонстрировала на полях сражений, еще раз показали агрессивному миру, на что способен обороняющийся народ. Но крушение показало нам, что мы были нацией без политического содержания» [8]. Основное влияние Первая мировая война оказала на молодежь, которая на полях сражений мировой войны осознала свое «национально-политическое призвание» [9].

Культурфилософский взгляд на войну был характерен для немецкого философа и консервативного мыслителя Веймарской республики Освальда Шпенглера, автора знаменитого

«Заката Европы», над которым он работал в период войны и в котором рефлексия войны выступала размышлением философа, непричастного к огню великой битвы. Война выводилась им из довоенного кризиса культуры и цивилизации. Оценивая историю человечества, О. Шпенглер указывал на существующую взаимосвязь культуры и цивилизации. Культура, переходя в цивилизацию, завершала стоявшую перед ней задачу. «Цивилизация — неизбежная судьба культуры». В отличие от последней, цивилизация представляет собой процесс отрыва культуры от ландшафта, переход от села к городу [10]. Урбанизация привела к концентрации населения в городах, превращая их в мегаполисы, мировые города, как писал О. Шпенглер. Мировой город притягивал к себе людей, потерявших связь с землей. Трансформация мировосприятия цивилизованного человека состояла в ослаблении духовной жизни перед возрастанием внешних потребностей. Утилитаризм, космополитизм, научная антирелигиозность характеризовали человека эпохи цивилизации, для которого основным вопросом жизни становился вопрос денег. Мировой город позволял совершить ассимиляцию различных этнических и религиозных групп, ослаблял и способствовал стиранию социально-сословных отличий. Человек превращался в людскую массу, чья энергия была направлена исключительно на внешнее выражение. Оторванность человека от корней делала его бесплодным, превращая в «интеллектуального кочевника» [11]. Эта социально-духовная трансформация представлялась О. Шпенглеру некоей предопределенностью, роком, избежать которого человечество не может. Для Европы этот процесс начался в XIX в.

Процесс разрушения традиционного общества характеризовался господством бездуховных масс и как следствие этого — общим процессом падения нравов и изменением социально-ролевых функций. «Дурные манеры всех парламентов, всеобщее стремление участвовать в темных делах, сулящих денег без всякого труда, джаз и негритянские танцы как духовное выражение всех кругов, стремление женщин краситься подобно проституткам, тяга литераторов под возгласы всеобщего одобрения высмеивать в своих романах и пьесах строгие взгляды приличного общества, а также дурная

склонность, распространившаяся даже среди представителей аристократии и древних княжеских родов, — избавиться от любого общественного принуждения и любого древнего обычая — все это доказывает, что теперь тон задает чернь. <...> Такова тенденция нигилизма: никто не думает о том, чтобы поднять массы до высоты настоящей культуры; это хлопотно и неудобно, возможно, отсутствуют и определенные предпосылки. Напротив — строение общества должно быть выровнено до уровня сброда. Должно царить всеобщее равенство: все должно быть одинаково пошлым. <...> Превосходство, манеры, вкус, любой внутренний ранг являются преступлениями. Этические, религиозные и национальные идеи, брак ради детей, семья и государственный суверенитет кажутся старомодными и реакционными» [12].

Надеждой на очищение от последствий модернизма была война. Война выступала, по мнению О. Шпенглера, характерной чертой истории государств. «Мировая история — это история государств. История государств — это история войн» [13]. О. Шпенглер считал, что силовое решение проблемы международных отношений являлось наиболее основательным способом достижения мировой цели. «Хороший удар кулака имеет больше ценности, чем добрый исход дела; в этом заложен смысл того презрения, с которым солдат и государственный деятель смотрели во все времена на книжных червей, полагающих, что всемирная история есть будто бы дело духа, науки или даже искусства» [14]. История образования германской империи лишней раз усиливала его убежденность в естественности войны, ее традиционности в противовес модернистскому пацифизму.

Первая мировая война изменила судьбы целого поколения. Мир раскололся на «до» и «после». О. Шпенглер назвал этот день «величайшим днем мировой истории». Исследователь творчества философа Антон Мирка Коктанек писал: «Первая мировая война была для Шпенглера страхом. Она также была для него надеждой, и надежда была больше чем страх» [15]. В 30-е гг., оглядываясь на прошедшую войну, О. Шпенглер отмечал, что «мировая война была для нас только первым раскатом грома из грозового облака, которое нависло над этим

веком как его судьба». Все дело в том, заключал он, что «мы вступили в эпоху мировых войн» [16].

Мотивировка и оправдание войны определялись воюющими сторонами по-своему. Великобритания и Франция подчеркивали, что борются против варварства за достижения цивилизации. Германская сторона указывала, что ведет борьбу против цивилизации за культуру. Эта антитеза «культура — цивилизация» была характерна для германской мысли того времени и восходила своими корнями к Фихте¹ [17].

Однако представления о Великой войне Меллера ван ден Брука и О. Шпенглера были далеки от ощущений человека, лично пережившего войну на полях сражений. В этой связи размышления о войне и ее значении Эрнста Юнгера, участника и героя войны, существенным образом отличаются от философско-политической рефлексии вышеназванных представителей интеллектуальной элиты. Это мироощущение пропитано кровью войны и несет в себе тот заряд энергии, который придавал динамику всему националистическому движению Германии периода Веймарской республики. Дух и мир Великой войны передан в его произведениях выразительно и прочувствованно, что позволяет лучше понять то, чем была война для тех, кто прошел ее.

Несколько слов об авторе. Э. Юнгер окончил гимназию в Ганновере в первые недели войны 1914 г. Война изменила все. Воодушевление, охватившее германское общество в связи с началом войны, передалось и Э. Юнгеру. Жажда приключений и чувство долга перед Отечеством теперь объединились. Он записался добровольцем и был зачислен в 73-й ганноверский пехотный полк принца Альбрехта Прусского, попав на Западный фронт в декабре 1914 г. Пользуясь военной льготой, он одновременно поступил в Гейдельбергский университет с отсрочкой учебы до победы [18]. В начале 1915 г. при Лезэпарже в Шампани в своем первом бою он получил свое первое ранение. За всю войну в общей сложности Э. Юнгер насчитал 14 ранений в своем теле.

---

¹ Подробнее о дискуссии «культура — цивилизация» см.: *Beflich B. Wege in den «Kulturkrieg»: Zivilisationskritik in Deutschland. 1890–1914. Darmstadt, 2000.*

Военная биография Э. Юнгера достойна уважения. Он прошел путь от командира взвода до командира штурмовой роты. Будучи лейтенантом, принимал участие в битве на Сомме (24 июня — 26 ноября 1916 г.). Правда, накануне битвы Э. Юнгер был легко ранен и отправлен в лазарет. Из его взвода, принявшего участие в боях, не выжил никто. После третьего ранения летом 1916 г. Э. Юнгер был награжден Железным крестом первой степени. За героизм в битве при Камбре Э. Юнгер награждается Рыцарским крестом придворного ордена Гогенцоллернов. После тяжелого ранения 1918 г. он получил Золотой знак за ранения и стал кавалером высшего прусского военного ордена Pour le Mérite, учрежденного еще Фридрихом Великим. Последняя награда была большой редкостью для младших офицеров пехоты. Уведомляя Э. Юнгера об этом награждении, генерал фон Буссе в телеграмме писал: «Его Величество кайзер присуждает Вам Орден «За мужество». Поздравляю Вас от имени всей дивизии» [19]. На этом для Э. Юнгера закончилась война. Можно согласиться с Ю.Н. Солониным, писавшим, «что именно война создала его как личность, и он отплатил ей благодарностью, ни разу не прокляв, не осудив» [20].

Отправляясь на войну, Э. Юнгер испытывал некий эмоциональный подъем, который не стоит определять как «шовинистический угар», а скорее как ожидание нового таинственного похода в неизвестность. Возможно, здесь присутствует некий авантюризм, стремление к героическому, которое живет в романтической натуре. «Нас, выросших в век надежности, охватила жажда большой опасности. Война, как дурман, опьяняла нас. Мы выезжали под дождем цветов, в хмельных мечтах о крови и розах. Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество. Таково оно, мужское дело, — возбуждающая схватка пехоты на покрытых цветами, окропленных кровью лугах, думали мы. Нет в мире смерти прекрасней... Ах, только бы не остаться дома, только бы быть сопричастным всему этому!» [21]. Однако первое столкновение с войной несколько изменило романтическое представление о ней. Первый образ войны — это раненый, которого несли товарищи в санитарный пункт: «...на пустынной деревенской улице появились закопченные фигуры, тащившие на брезенте или на перекрещенных руках темные

«Уничтожь
британского льва!»
Германский плакат

свертки. С угнетающим ощущением нереальности я уставился на залитого кровью человека с перебитой, как-то странно болтающейся на теле ногой, непрерывно издававшего хрипкое «Помогите!», как будто внезапная смерть еще держала его за горло!» [22]. Раненый, вырванный из пламени боя, демонстрировал новобранцам иной лик. Красивая форма, чистота и спокойствие прифронтовой полосы вдруг резко сменились ощущением войны: запыленные, измученные лица, кровь, боль, куски человеческого тела говорили о том, что смерть подстерегала каждого бойца всюду, где только возможно, чувство опасности давало понять, что теперь солдат вступил в иной мир — мир войны. «Дыхание боя чувствовалось повсюду, вызывая в нас странную дрожь. <...> Улица краснела лужами крови, продырявленные каски и ремни лежали вокруг. Тяжелая железная дверь портала была искромсана и изрешечена осколками,

тумба была обрызгана кровью. Я чувствовал, что глаза мои как магнитом притягивает к этому зрелищу; глубокая перемена совершалась во мне. <...> Война выпустила когти и сбросила маску уюта. Это было так загадочно, так безлично» [23].

Можно увидеть в этом некую эстетизацию войны, но это не так. Э. Юнгер взглядом наблюдателя передавал картину увиденного. Следует указать, что патриотические чувства, «любовь к нации» были воспитаны в Э. Юнгере значительно ранее 1914 г., но их укрепление и развитие произошло именно на войне, где окончательно были осознаны чувство долга, службы, преданности и жертвенности. Как писал немецкий исследователь Х.-П. Шварц, «<кровь, розы и прекрасные слезы> — эта эмоциональная сущность юнгеровского национализма здесь становилась непосредственно реальной» [24]. Эту эмоциональность ощущения войны подчеркивала и финская исследовательница М. Хитала, отмечавшая, что «юношеское переживание войны было иррациональным, авантюрным опытом, связанным с сильным ударением на душевные переживания» [25]. Родной брат Э. Юнгера Фридрих Георг, также участник войны, в своей знаменитой статье «Война и воин» писал, что «война была великим знаком. <...> Поэтому для каждого человека, погруженного в глубины войны и сильно ощущавшего себя как ее носителя, это было реальным выражением времени; его образ указывал на очистительное содержание во всей наличной ответственности борющейся жизни. Ему досталась последняя сила, открывающая огонь глубоко в зоне уничтожения творческого триумфа; это бессловесное одобрение жизни на равнине кровавых разрушений становится таким убедительным, что все негативное с него осыпается» [26].

«В стальных грозах» Э. Юнгера можно встретить не только описание боя и фронтового быта, героические эпизоды, но и пепел войны, который коснулся не только участников сражений, но и посторонних, гражданское население, ставшее невольными «жертвами войны». Сочувствие им отчетливо слышится в его строках: «Какая-то семья, покидавшая городок, тянула за собой корову, — единственное оставшееся имущество. Это были простые люди; муж ковылял на протезе, жена держала на руках плачущего ребенка. Неясный гул за спиной делал кар-

тину еще печальнее» [27]. Ужас войны выражала «огромная фигура с красной от крови бородой, которая неподвижно глядела в небо, вцепившись ногтями в рыхлую землю», а также «молодой паренек, его остекленевшие глаза и стиснутые ладони застыли в положении прицела. Странно было глядеть в эти мертвые, вопрошающие глаза — ужас перед этим зрелищем я испытывал на протяжении всей войны» [28].

Окопная война способствовала формированию особого мировосприятия, которое впоследствии назвали «окопным братством». Действительно, как отмечал Эрнст фон Заломон, участник изданного Э. Юнгером сборника статей, посвященных размышлению о войне, «война породила дух братства» [29]. Система ценностей фронтовиков Великой войны включала в себя товарищество, дисциплину, повиновение, храбрость и жертвенность [30]. Эта совокупность ценностей формировалась на основе придания войне нового характера, ведущего свое начало еще со времен войн Великой Французской революции, которая ввела принцип массовых войск, превративший солдата в часть единого организма и поставившей героизм и индивидуальность войны на грань абсурда [31]. Происходит новое осознание жизни, опирающееся на «военные переживания», закладывающие основы для будущего [32]. Ф.Г. Юнгер писал, что там, «где народы борются, исчезает ослабленный дух пышности; борьба руководствуется обнаженностью, нескрываемостью, безжалостностью. Массированность людей и материалов, растяженность фронтов, безмашинная сеть сражений и боев, их непрерывная жестокость, включение тыла в борьбу, возрастающий ужас борьбы выступают средством, уничтожающим все знаки новой решимости, образы воли, решительно выступающие из всех фаз войны. Физиогномика этого выражается в борьбе существующей жизни из пророческой честности» [33].

Основное занятие солдата на войне — это бой. Это либо непосредственно само боестолкновение, либо подготовка к нему. «В бою, на войне все договоренности между людьми разрываются как переплетенные тряпки попрошайки, поднимающийся зверь как таинственное чудовище, выходящее из основ души. Да еще выстрелы, изнуряющее пламя, непреодолимое голо-

вокружение, опьяняющее массы, возвышение над армиями божественного. Где все мысли и дела объясняются в формуле, а инстинкты должны растаять и приспособиться к ужасно простой цели — уничтожению противников. Это будет оставаться, пока люди ведут войны, и войны будут вестись, пока еще вращается звериная наследственная часть в крови» [34].

Верным признаком подготовки к сражению являлась задача военнослужащим индивидуальных медицинских пакетов, дополнительных мясных консервов и сигнальных флажков для артиллерии. Солдаты настраиваются на грядущее наступление, внутри них возникает некая дрожь, нервное напряжение. Э. Юнгер описывал это состояние следующим образом: «Мы сидели на ранцах, бездеятельные и возбужденные. Посыльный бросился к ротному командиру. В спешке добавил: «Первые три окопа наши, захвачено шесть орудий!» Как молния вспыхнуло «ура!» Явилось бесшабашное настроение» [35]. Бросившись в атаку, боец попадает в иное состояние. Все вокруг смешивается в ритме бега, кровь бьет в виски, и ты не ощущаешь ничего, кроме самого боя. Поэтому Э. Юнгер прав, написав, что «главным в бою является все-таки сам бой» [36]. Он рисует внутреннее напряжение, возникающее у солдата перед началом атаки, как пружину, выстреливающую бойца из траншеи в боевую атаку. «Еще только крутая стена, становящаяся неподвижным вооруженное плечо, неподвижно смотрящие черные кулисы, в которых в огне и тумане преследует цепочка драматических сцен. Да, суета в сражающихся группах избранных представителей наций, бесстрашно нападающих через насыпь, наддресированных, со свистком и коротким криком бросающихся на смерть. Встретившиеся две группы таких бойцов в коротких движениях раскаленной пустыни как наскочившие вместе воплощения бесцеремонной воли двух народов. Это было вершиной войны, высшим пунктом, возвышающим все ужасы, что прежде разрывали нервы. Замерзшие секунды тишины, схваченные взглядом, идут вперед. Затем доносящийся еще крик, обрывистый, дикий, кроваво-красный, обжигающий мозг, раскаленное, обжигающее клеймо. Этот крик срывает покров с сомнительного, непредвиденного мира чувств, он заставляет каждого, кто его слышит, быстро рвануться вперед, к «ста-

новлению» быть убитым или убивающим» [37]. Боевой угар обостряет человеческие чувства до предела, разделяя жизнь на «до» и «после». Игра, которую ведет человек, балансируя между жизнью и смертью, игра, в которой в любой момент кусок металла может оборвать жизнь игрока либо изменить ее до неузнаваемости, создает реальное ощущение опасности, исходящее от неприятеля. «Здесь я понял, что защитник, с расстояния пяти шагов вгоняющий пули в живот захватчику, на пощаду рассчитывать не может. Боец, которому в момент атаки кровавый туман застилает глаза, не хочет брать пленных, он хочет убивать. Он ничего перед собой не видит и находится в плену властительных первобытных инстинктов. И только вид льющейся крови рассеивает туман в его мозгу; он осматривается, будто проснулся после тяжелого сна. Только тогда он вновь становится сознательным воином и готов к решению новых тактических задач» [38].

Здесь следует отметить отношение бойцов к погибшему противнику. Оно не характеризовалось безудержным чувством ненависти и мести, а преисполнено уважения к погибшему противнику, который сражался до конца, чья душа попала в Вальхаллу. Полотно войны не вызывает радостного чувства, когда «вокруг лежали еще дюжины трупов, сгнивших, оцепеневших, ссохшихся в мумии, застывших в жуткой пляске смерти». Однако тела противников — это «трупы храбрых защитников, ружья которых все еще торчали в амбразурах» [39]. «Во время войны, — писал Э. Юнгер, — я всегда стремился относиться к противнику без ненависти и оценивать его соответственно его мужеству. Моей задачей было преследовать врага в бою, чтобы убить, и от него я не ожидал ничего иного. Но никогда я не думал о нем с презрением» [40]. Как подчас отличается отношение к противнику в Великой войне и Второй мировой, где такое уважение к врагу было исключением.

На передовой боец живет рядом со смертью. Длительное сосуществование с ней приводит к тому, что первоначальный страх перед ней со временем сменяется обыденностью. Наблюдая ее каждый миг, невольно свыкаешься с мыслью, что идешь с ней под руку, и грохот разрывов заставляет вздрагивать каждого бойца. «Впрочем, это вздрагивание при каждом

внезапном и неожиданном звуке сопровождало нас потом всю войну. Катился ли мимо поезд, падала ли книга на пол, раздавался ли ночной крик — сердце сразу замирало в ощущении большой неведомой опасности. Это было знаком того, что человек четыре года провел под боевым пологом смерти. Ощущение это так глубоко проникло в темную область, лежащую за гранью сознания, что при всяком нарушении обыденности смерть словно выскакивала в окошечко, подобно тем механизмам, где изображающий предостережение привратник регулярно появляется над циферблатом с песочными часами и серпом в руке» [41]. Смерть делала всех равными — и солдат, и офицеров. Она создавала сакральную связь между живыми и мертвыми, теми, кто похоронен здесь же, неподалеку, и навеки сросся с боевой позицией. «Здесь под возведенными из глины холмиками покоились тела павших товарищей, здесь на каждой пяди земли разыгрывалась драма, за каждым бруствером поджидал рок, днем и ночью выхватывающий без разбора свою жертву» [42].

Обыденность войны приводила к тому, что «неизвестность ночи, мигание сигнальных ракет, полыхание ружейного огня вызывают возбуждение, которое странно бодрит. Изредка прохладно и тонко около уха пропоет шальная пуля, чтобы затеряться в пространстве» [43]. Все это в конечном счете создавало иное восприятие жизни и смерти.

Жизнь на войне представляет собой цепочку рутинных действий. Находясь в окопах, боец постоянно испытывает чувство напряжения, вызванное готовностью в любой момент вступить в бой. Когда же его нет, время делится на боевое дежурство и шанцевые работы. Служба начинается с рассвета. Наиболее мучительно дежурство в дождливую погоду, когда сырость проникает под брезент, затем под шинель и мундир и стекает по телу. «Утренние сумерки освещали изнуренные, измазанные мелом фигуры, которые, стуча зубами и с бледными лицами, падали на гнилую солому протекающих блиндажей» [44]. Блиндаж представлял собой прорытые в мелу, открытые в сторону окопов норы, с нарами из досок, присыпанные горстью земли. Чтобы спать, необходимо было высовывать ноги в траншею, которые автоматически превращались в капкан

для проходивших. Настоящий кошмар начинался с дождями. Дожди превращали меловые стены траншеи в сплошное бесформенное месиво. Блиндажи затапливало, в траншеях передвигались по колено в грязи. Сон урывками — примерно два часа в сутки. Ночи использовались не для сна, а для углубления многочисленных ходов между окопами. Бойцы были сонливы и инертны в силу близкого соседства с землей. Старослужащие пользовались своим положением всякий раз, когда вдруг возникало тягостное и внезапное поручение, которое мгновенно доставалось новичкам. Однако совместно проведенный бой стирал эту зыбкую грань, превращая молодых солдат в старослужащих. Именно совместный бой формировал окопное братство. Оно поддерживалось совместными попойками, в которых участвовали и солдаты, и командиры, забывая для этого ротных свиней. Пили в основном розовый шнапс, отдававший спиртом, которого было в избытке, и курили крепкие сорта табака. Воинский обычай, вспоминал Э. Юнгер, «научил меня ценить офицерскую трапезу. Здесь, где собирались носители фронтового духа и воинский авангард, концентрировалась воля к победе, обретая форму в очертаниях суровых и закаленных лиц. Здесь оживала стихия, выявляющая, но и одухотворяющая дикую грубость войны, здоровая радость опасности, рыцарское стремление выдерживать бой. На протяжении четырех лет огонь постепенно выплавлял все более чистую и бесстрашную воинскую касту» [45].

Э. Юнгер писал о том, что однообразная окопная жизнь постепенно вызывает у солдата скуку. Единственным средством преодоления ее были ночные вылазки в окопы неприятеля. Они были опасны, но именно в них еще можно увидеть проявление индивидуальной войны, тогда как все вокруг превращалось в действия масс, в машинерию войны. «Эти мелкие вылазки всегда действуют возбуждающе — кровь бежит быстрее, мысли рождаются сами собой» [46]. Однако сама война все больше теряет черты рыцарского поединка, в котором главную роль играл каждый отдельный рыцарь (воин). Окопная война, «траншея, напротив, превращает войну в ремесло, воина — в наемного работника смерти, тянущихся кровавых будней» [47]. Неслучайно символом Великой войны становится пуле-

«Он воюет
за свою семью!»
Германский плакат

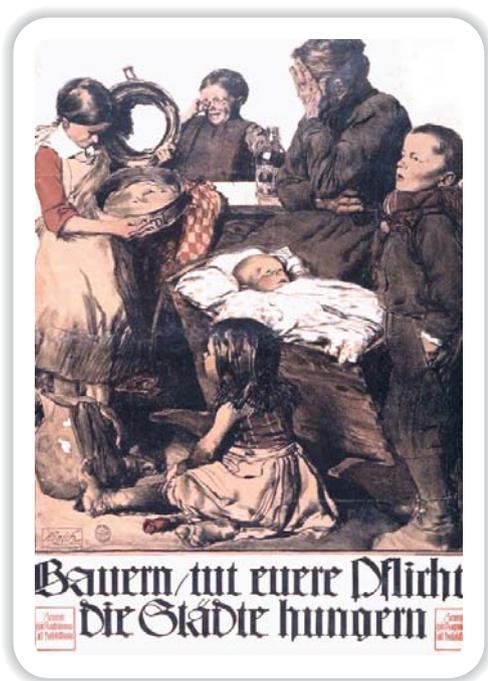
мет — машина по уничтожению солдат. В пулеметной войне индивидуальность исчезает. Так война становится войной техники, а не индивидуальных бойцов. Э. Юнгер отмечал, что «мотор в этом смысле — не властитель, а символ нашего времени, эмблема власти, для которой взрывная сила и точность не противоположны друг другу» [48]. Новый характер войны породил и новый тип — безымянного солдата, который «выступает носителем максимума активных добродетелей: доблести, готовности и воли к жертве. Его добродетель заключается в том, что он может быть замещен и что для каждого павшего в резерве уже имеется смена» [49]. Этот гештальт солдата обретал человеческие черты. «Образом солдата тех дней, каким его запечатлела моя память, был часовой, стоявший у амбразуры в остроконечной серой каске со сжатыми кулаками в карманах длинной шинели, пыхающий своей трубкой над ружейным прикладом» [50]. Таким образом,

Э. Юнгер обрисовывал образ представителя поколения войны, окопного фронтовика, перерожденного в войне и смотрящего на мир под иным ракурсом. «Дух битвы материй и траншейных сражений, бесцеремонных, буйных, кроваво фехтующих как когда-то другие [ценности], выработанные людьми, на основе которых они никогда до сих пор не смотрели на мир. Это в целом новая раса, зараженная воплощенной энергией и высшей силой. Гибкое, худощавое, жилистое тело, характерное лицо, окаменевшие под каской глаза с тысячей страхов. Он ликвидатор, стальная натура, настроенная на борьбу в своей ужасающей форме. <...> Жонглер смерти, мастер взрывчатки и пламени, великолепный хищник, быстро перебегающий в траншеях. В момент встречи быть воплощением ведущей борьбы, которую может вынести мир, оттачивающее собрание тел, интеллигенцию воли и смысла» [51]. Поэтому большее значение имеют не воинские фортификационные укрепления, а воля их защитников к борьбе. «Не в мощных укреплениях было дело, а в силе духа и бодрости людей, стоявших за ними» [52]. Э. Юнгер так передает особенности окопной жизни: «Сражения мировой войны имели и свои великие мгновения. Это знает каждый, кто видел этих властителей окопов с суровыми, решительными лицами, отчаянно храбрых, передвигающихся гибкими и упругими прыжками, с острым и кровожадным взглядом, — героев, не числящихся в списках. Окопная война — самая кровавая, дикая, жестокая из всех войн, но и из нее были мужи, дожившие до своего часа, — неизвестные, но отважные воины. Среди воинствующих моментов войны ни один не имеет такой силы, как встреча командиров двух ударных частей между узкими глинобитными стенами окопа. Здесь не может быть ни отступления, ни пощады. Кровь слышна в пронзительном крике прозрения, кошмаром исторгающегося из груди» [53]. Как отмечал Ф.Г. Юнгер, в войне сформировался «тот солдатский тип, который тверд, трезв, кровав и беспрерывен, образующий развертывающийся материал битвы. Его характеризует нервный шаг рожденного борца, выражение его одинокой ответственности, душевного одиночества. В этом круге было всегда продолжено в глубоком слое, сохранившим свой ранг. Путь, которым он шел, был

узок и опасен, но это был путь, который вел в будущее» [54]. Действительно, Э. Юнгер прав, написав, что «эта война была чем-то большим, чем просто великой авантюрой» [55]. Она сформировала характер молодых людей, выковав его из огня и крови. И этот характер не вписывался в очаровательный буржуазный мир, в котором жила Германия.

Как справедливо отмечал немецкий исследователь К. Зонтхаймер, «Первая мировая война оказала на национальное сознание немцев гораздо более глубокое воздействие, чем Вторая. <...> Сознательные группы молодого и революционного национализма обращены на военное переживание как момент происхождения их политического выступления. Война была их отцом, и понять их желание было бы невозможно, по крайней мере без некоторого представления власти военных переживаний» [56]. Об отцовстве войны для германского национализма писал и сам Э. Юнгер в предисловии к книге своего младшего брата Фридриха Георга «Подъем национализма» [57].

Поколение войны восприняло поражение Германии в войне как нечто трагическое. Война породила людей, прошедших фронт и жертвовавших собой ради победы, но напряжения их усилий и крепости духа оказалось недостаточно для этого. Но они вынесли с собой фронтовое братство, сплоченное кровью, иную оценку смысла жизни, которая формировалась в момент опасности. Это были уже не романтические добровольцы 1914 г., а ветераны войны, которые вышли живыми из боев и в чьих руках был послевоенный мир. Контраст последующей Веймарской республики и фронтовиков в том и состоял, что являлся контрастом мира и войны. И восприятие участников войны, и восприятие интеллектуалов, которые не участвовали в ней, сходились в том, что война сформировала новый тип людей, людей деятельных и решительных, остро осознающих национальные потребности германского народа и стремящихся к решению национальных задач. Поколение войны принесло с собой в мирную Германию энергию деятельности, готовность и способность действовать, что в практической области нашло свое проявление в деятельности различных националистически настроенных групп и объединений в первые годы Веймарской республики.

*«Последствия
английской блокады».
Германский плакат*

Мир Первой мировой войны глазами фронтовиков представлялся полем битвы, но они не видели того, что происходило в тылу. Великая война продемонстрировала, что во многом она была войной экономик. Экономика государства служила фундаментом военных успехов. Ставка Германии на реализацию плана Шлиффена посредством проведения молниеносной войны провалилась в конце 1914 г., превратив войну в позиционные сражения, которые становились войной на истощение. Изменение характера войны требовало перестройки экономики на военные рельсы. Германская экономика обладала рядом благоприятных характеристик, к которым следует отнести: высокую степень концентрации промышленности, что создавало возможности быстрой мобилизации и перестройки промышленного производства на военные нужды; применение новейшей техники и технических новаций в производстве; высокую квалификацию и дисциплинированность немецких рабочих; вы-

сокую квалификацию немецкого управленческого аппарата по управлению экономикой; государственный контроль над железными дорогами, каменноугольным производством и залежами селитры. Это создавало уверенность в возможности Германской империи выдержать длительную позиционную войну при наличии фактической экономической блокады. Вместе с тем структура немецкой экономики имела и ряд уязвимых мест. Серьезной проблемой был дефицит сырья и нехватка собственного продовольствия. Германии удалось сохранить поставки сырья из нейтральных государств, воспрепятствовать чему Антанта не смогла. Благодаря шведским поставкам Германия получала железную руду, медь и лес. Из Норвегии доставлялся никель, Швейцария поставляла алюминий, а Дания и Голландия — продовольствие. На протяжении всей войны Германии удавалось удерживать на высоком уровне поставку ресурсов и продовольствия из нейтральных государств.

Испытывая нехватку ресурсов, германская экономика стала переходить на выпуск заменителей — эрзац-продукцию, которая со временем все увеличивалась. Был разработан способ получения искусственного каучука, природный хлопок заменялся специально обработанной целлюлозой, технические жидкости и масла стали изготавливать из касторки и рыбьего жира. Ставка германской экономики в период войны на экономию сырья, импорт сырья и продукции и развитие эрзац-технологий позволила немецкой экономике функционировать на протяжении всей войны.

Творцом немецкого экономического чуда в годы Великой войны был крупный промышленник, экономист, публицист и общественный деятель Вальтер Ратенау. 13 августа 1914 г. в связи с нехваткой сырья в военном министерстве по предложению Фалькенхайна был создан специальный отдел военного сырья, который возглавил В. Ратенау. Он привлек к деятельности видных экономистов, промышленников и банкиров Германии. В частности, туда вошли банкир и инженер Генрих фон Нюрнберг, сотрудник компании Сименс и Хальске, и Георг Шенбах, председатель объединения шерстяной торговли, который в отделе контролировал сектор поставок шерсти. Интересы военного министерства в отделе были представлены

полковником Вальтером Ойме, обладавшим хорошими организаторскими способностями и поддерживавшим Ратенау в его начинаниях [58].

Военно-сырьевой отдел в соответствии с законом о хозяйственной мобилизации осуществлял учет и распределение запасов сырья и поиском дополнительных источников сырья. Был введен запрет на экспорт важнейших видов сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, при этом значительно упрощен импорт продовольствия. В функции отдела входило регулирование цен на сырье, продовольствие и товары повседневного спроса. Таким образом, с августа 1914 г. Германия ввела меры государственного регулирования экономики, которые должны были позволить обеспечить бесперебойную работу военной экономики.

К началу 1916 г. использование мер государственного регулирования военной промышленности позволило увеличить производство самолетов, снарядов, винтовок в 1,5 раза, орудий и пулеметов — в 3,5 раза. Государство вложило в экономику 3 млрд марок, что с частными вливаниями составило сумму в 5,5 млрд марок. Нехватка внешних кредитов заставила правительство использовать внутренние возможности путем осуществления внутренних займов. За годы войны было выпущено девять государственных займов на общую сумму 97,626 млрд марок. При этом государственный долг за военное время вырос с 5 до 160 млрд марок [59].

За период войны чрезвычайно обострилась продовольственная проблема. До войны Германия импортировала 2 млн т пшеницы, 225 тыс. т мяса и жира, 110 тыс. голов живого скота, 135 тыс. т молочных продуктов. За период войны объемы импорта сократились на 30–40%. Внутреннее производство продовольствия уменьшилось: пшеницы на 34%, картофеля на 54% [60].

Недостаток продовольствия привел к установлению государственного контроля и регулирования сельскохозяйственной продукции. Из свободной торговли были изъяты пшеница, рожь, ячмень, овес. Была введена принудительная продовольственная разверстка, обязывающая производителя сдавать государству все излишки продовольственных товаров. В 1915 г.

в городах была введена карточная система на хлеб, молоко, мясо, сахар, картофель, жиры. К 1918 г. норма отпуска товаров по карточкам составляла 116 г муки, 18 г мяса и 7 г жиров. Нехватка продовольствия в тылу приводила к активности «черный рынок», на котором немцы покупали около 30–50% продовольствия. Население активно переходило на продовольственные заменители-эрзацы. Так, в Кельне по инициативе губернатора Конрада Аденауэра была введена «кельнская сосиска» из соевой муки и «кельнский хлеб» из смеси кукурузной муки, ячменя и риса. Причем «кельнский хлеб» выдавался по карточкам двухдневной свежести, чтобы придать ему должную твердость [61].

Осенью 1916 г. Верховное военное командование в лице «думвирата» П. фон Гиндербурга и Э. Людендорфа выдвинуло программу «тотальной войны», предусматривающую мобилизацию всех сил народа и немецкой экономики на победоносное завершение войны. Программа получила громкое название «Программа Гинденбурга». 1 ноября 1916 г. при военном министерстве было создано Военное управление, возглавляемое генералом Вильгельмом Гренером, которое стало главным проводником в жизнь «Плана Гинденбурга». Планировалось резко увеличить выпуск военной продукции: к весне 1917 г. следовало в 2–3 раза увеличить выпуск боеприпасов всех видов, артиллерии, минометов, пулеметов, самолетов. Это должно было произвести перелом в характере позиционной войны. Программа предусматривала призыв в армию дополнительных людских резервов при сохранении эффективного производства военной промышленности. 5 декабря 1916 г. рейхстаг принял закон «О вспомогательном патриотическом труде», по которому все категории работников на военном промышленном производстве могли переходить на другую работу только с разрешения представителя военного ведомства. Вводилась трудовая повинность для мужчин в возрасте с 16 до 60 лет. Потребность военной промышленности в квалифицированных рабочих заставила военное ведомство вернуть из действующей армии около 185 тыс. человек. Неквалифицированные рабочие подлежали призыву в вооруженные силы и заменялись на предприятиях женщинами и детьми [62]. В 1917 г. «Про-

грамма Гинденбурга» была выполнена, а по отдельным видам производства вооружения даже перевыполнена.

Однако несмотря на военно-промышленные успехи, которых достигла Германия к 1917 г., продовольственная проблема обостряла внутривойсковое положение Германии. Широкое применение эрзацев не позволяло восполнить калорийность продуктов. Немецкое население к 1917 г. перешло на употребление многочисленных заменителей: вместо картофеля употреблялась брюква, маргарин или окрашенный творог заменяли масло, сахарин пришел на смену сахару, зерна ячменя или ржи заменили кофе. Если средняя калорийность потребления продуктов питания до войны в среднем составляла 3500 калорий на человека, то к 1917 г. она составляла не больше 1500–1600 калорий. Население Германии в 1917 г. голодало, не имея возможности приобретать товары на «черном рынке». За годы войны в Германии умерло около 750–760 тыс. человек. Детская смертность возросла на 300%. Война привела к ухудшению демографической проблемы. За период ведения боевых действий с 1914 по 1918 г. на фронт было призвано 13 млн человек, что составляло около 20% населения страны. Потери составили: 2 млн человек убитыми, около 1 млн человек пропавшими без вести и 4,8 млн — ранеными или искалеченными [63].

Первая мировая война, которую Германия проиграла в ноябре 1918 г., нанесла болезненный удар по немецкой государственности, в ходе которой Германская империя перестала существовать, и на ее место вступила Веймарская республика, рожденная под роковой звездой Версаля. Германское общество оказалось расколото на общество фронта и тыла, черпая энергию из переживаний войны и переживаний тыла. Контраст мира войны и мира тыла составил доминанту внутреннего развития Германии в 1920–1930-е гг. И Первая мировая война, Великая война, была отправной точкой политических исканий и мироощущений.

ГЛАВА 2

Противоречивая Австро-Венгрия

Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда с супругой сербом послужило поводом для вспыхнувшего конфликта между двумя странами — Австро-Венгрией и Сербией соответственно. Далее, в ходе вмешательства в балканские дела России, локальное столкновение интересов двух государств вышло за пределы военного конфликта. Позиция России вызвала цепную реакцию со стороны ведущих мировых держав. Так началась первая в мире всеобщая война, вовлекшая практически все государства мира и получившая в историографии название Первой мировой войны [64].

Как уже отмечалось выше, покушение на жизнь австро-венгерских вельмож отнюдь не стало причиной обострения отношений между Австро-Венгрией и Сербией. Напряженность между этими государствами росла последовательно и неуклонно. События 1908–1909 гг., Первая Балканская война 1912 г., Вторая Балканская война 1913 г. — вот основные события, приведшие к разрастанию недовольства Австро-Венгрии и Сербии друг другом. Напомним, что в ходе Второй Балканской войны сербская армия практически вышла к Адриатическому побережью Албании. Безусловно, такого Австро-Венгрия никак не могла и не желала допустить [65].

В конце января 1914 г. Российская империя заключила союз с Сербией, полагая, что укрепляет свои позиции на Балканах.

Это соглашение крайне неблагоприятно повлияло на ситуацию на юго-востоке Европы. Монархия оценила соглашение как попытку России окружить Австро-Венгрию.

Опасения вызывал визит сербских премьера Николы Пашича и наследника престола Александра в российскую столицу. В Петербурге гостей принимали весьма гостеприимно. Николай II обещал сербским гостям в случае необходимости оказать всемерную военную помощь. Сербы обязались координировать свои военные планы с русским Генштабом.

Весна 1914 г. прошла для русских, сербов и черногорцев в разработке и согласовании военных операций против Австро-Венгерской монархии. Через шесть месяцев правительство царской России отправило армию на защиту сербов, не завершив до конца подготовку к военным действиям, хотя правительство Николая II прекрасно понимало, что за этот шаг придется ответить перед Германией, которая не допустит разгрома своей союзницы Австро-Венгрии. Официальная причина войны прозвучала из уст великого князя Николая Николаевича, который притязания на австро-венгерские земли объяснил тем, что это издревле исконно русские земли. Большинство историков склоняются к мнению, что все-таки основной причиной вступления России в войну стал практический, империалистический интерес [66].

Отойдя от интереса России и возвращаясь вновь к корням сербо-австро-венгерского конфликта, отметим, что на обострение обстановки шли обе стороны, но большее усердие выказывала все же Австро-Венгрия.

В отечественной историографии широкое распространение получил тезис о том, что именно начальник генерального штаба Австро-Венгерской монархии генерал Конрад фон Хетцендорф был мотором военной кампании против Сербии. Однако замалчивается, что против этого выступили австрийские министр иностранных дел, эрцгерцог, сам император. В то же время мнение военного руководства страны поддерживала венгерская знать и население. Они были полны милитаристских и национально-шовинистических настроений, в чем едино большинство исследователей Первой мировой войны.

Другие историки, в частности Ю.А. Писарев, обращают внимание на то, что вина в развязывании войны была обоюдной — как со стороны австро-венгров, так и со стороны сербов, которые также призывали к активным военным действиям против империи Габсбургов [67]. Безусловно, вина Австро-Венгрии в начале войны также очевидна. По мнению имперского руководства, Сербия представляла гипотетическую угрозу территориальной целостности дуалистической монархии. По мнению американского историка Барбары Джелавич, военные круги монархии «переоценили сербскую угрозу своей внешней и внутренней безопасности» [68].

Монархия была уверена и в том, что внутреннюю проблему южных славян без захвата Сербии и Черногории решить нельзя. Только война, по мнению австрийского премьера Штургга, может разорвать связь между славянскими народами. Единственным способом защитить интересы империи ее правящие круги считали превентивную войну. Ни один член правительства не задумался о том, что обезопасить себя возможно и без военных конфликтов, достаточно проводить конструктивную внутреннюю политику и реформу федеративного устройства. Начаться войне ранее 1914 г. не давал лишь император, который сдался в 1912 г. после захвата черногорцами османского Ускюба.

Австро-венгры рассчитывали на то, что Россия не отреагирует на их вмешательство в балканские дела, а если и вмешается, то будет предана ее союзниками по Антанте, заинтересованными в ослаблении Петербурга. Все же австро-венгры осознавали опасность войны с Россией, несмотря на поддержку немцев. Как писал российский посол в Вене Н.Н. Шебеко, «здесь войны с нами не хотели и очень ее боятся» [69]. Итак, по мнению полковника австрийского Генерального штаба Максимилиана Ронге, австро-венгерское правительство не готово было к войне с Российской империей, а войну с сербами считало неизбежностью [70].

Однако данные утверждения не соответствуют действительности. Со времен заключения союза с Германией Генеральный штаб Австро-Венгерской монархии начал разработку планов войны. Суть этих разработок заключалась в следующем: развертывание армии империи общей численностью около 1100

батальонов пехоты предусматривало 3 «оперативных эшелона»: А, В и С соответственно [71].

Эшелон А включал 7/12 армии и имел целью вооруженную борьбу против Российской империи. Он состоял из 28 пехотных и 10 кавалерийских дивизий [72].

Эшелон В («минимальная группа Балкан») предназначался для действий против Сербии и Черногории. Он включал восемь пехотных дивизий, входивших в состав трех корпусов, в мирное время дислоцированных на юге Австро-Венгерской империи [72].

Эшелон С состоял из 12 пехотных и 1 кавалерийской дивизий и предназначался в качестве резерва для действий на обоих фронтах.

В случае нейтралитета Российской империи в балканском конфликте эшелон С, усиленный двумя кавалерийскими дивизиями из эшелона А, перебрасывался к границам Сербского государства для нанесения сокрушительного удара. В случае активной позиции России по защите интересов балканских народов эшелон С должен был быть направлен в Галицию для нанесения удара по русской армии [73].

В своих воспоминаниях начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал Конрад отмечает, что основной идеей боевых действий против Российской империи было наступление, так как оборона, по мнению австрийского генерала, при первых же столкновениях повлекла бы катастрофу для австро-венгерской армии [74]. Эшелоны А и С, расквартированные в Галиции, численность в 40 дивизий, не могли оставаться пассивными в то время, когда превосходящие по численности русские войска теснили бы союзников дуалистической империи в Восточной Пруссии и Румынии, а после победы над ними сокрушительной силой обрушились бы на монархию. Совершив переход через Верхнюю Вислу, сковав армию империи Габсбургов, русская армия открыла бы себе свободный путь на Берлин и Вену. «Прежде всего возможно крупными силами дать генеральное сражение русским войскам, сосредоточенным между реками Висла и Буг, при содействии с севера удара на Седлец большею частью собранных в Восточной Пруссии германских сил, — такова была ближайшая цель моего плана» [75], — писал Конрад. Таким об-

«Единство фронта и тыла». Австро-венгерский плакат

разом, все три эшелона, готовящиеся к войне, так или иначе были направлены на уничтожение Российской империи.

Следует также отметить, что австрийцы поддерживали сепаратистские движения на западных территориях Российской империи. В частности, поляки рассчитывали получить государственность изначально в составе Австро-Венгерской монархии (против чего последняя не возражала), а затем после поражений 1915 г. — суверенное государство из рук Германии, после чего, присягнув в третий раз, — из рук Антанты.

Подобно полякам, свою государственность из рук Габсбургов, Гогенцоллернов, а затем и Антанты желали получить украинские националисты. Оба национальных движения не только занимались пропагандой и агитацией в политических клубах Австро-Венгерского государства, но и подрывной деятельностью на территории Российской империи, что также не спо-

собствовало улучшению отношений дуалистической монархии с Россией.

Не вступить в войну Российская империя не могла, поскольку императорское правительство считало, что если страна допустит унижение своего белградского союзника, то авторитет России на международной арене упадет [76]. Стоит отметить, что не все российские политики считали справедливым курс на войну с Австро-Венгрией. Так, А. А. Гире, посланник России в Цетинье, предложил отказаться от конфронтации с Австро-Венгерской монархией и перейти к сотрудничеству с ней, вплоть до раздела сфер влияния на Балканском полуострове [77]. Но не все российские политики поддерживали точку зрения А. А. Гире. Так, российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг считал Сербию надежной опорой России на Балканах. Данную точку зрения поддерживал и бывший министр иностранных дел, посол в Париже А. П. Извольский. Мнения этих людей и были восприняты императором как разумные и соответствующие реальному положению дел.

Национальный вопрос и социальная политика империи Габсбургов

Начало войны изменило ориентацию политики Габсбургов в национальном вопросе. Если ранее политика монархии была направлена на устранение недовольства среди титульных наций, то начало войны породило межнациональные трения. Прежде всего это касалось усмирения немецкого национализма, направленного на объединение с Германией и ликвидацию Австро-Венгрии как государства [78]. Идея венгеро-немецкого характера империи за время войны укрепилась и стала государствообразующей, а на международной арене — даже позиционирующей [79]. Однако руководство Цислейтании занимало совершенно иную позицию. Австрийское правительство ставило интересы своей нации, ее политической теории и практики государственного устройства превыше всего, в ущерб интересам национальных меньшинств. Этот правительственный курс сложился задолго до начала войны. Правящие круги имели правовую возможность влиять на общественную жизнь и поворачивать ее в нужное им русло.

Еще до начала войны правительство прекратило деятельность рейхсрата и земельных сеймов. Правительство не распустило парламент, а воспользовалось параграфом 14 закона № 141 от 1867 г., позволяющим вводить чрезвычайное положение на территории страны. Сделано это было по причине радикализации общества и нежелательности в связи с этим проводить парламентские выборы [80]. Последним словом при введении новых порядков обладали военные круги. В связи с этим ужесточалась система управления против славянских народов, которые, по мнению военных, представляли угрозу армии. 18 августа 1914 г. члены парламента были лишены неприкосновенности. Такое решение приняло Министерство внутренних дел страны. Чуть ранее, 21 июля 1914 г., было приостановлено действие статей Конституции 1867 г., которые гарантировали основные права и свободы граждан. СМИ подвергались цензуре, особенно это касалось средств массовой информации национальных меньшинств. Об этом свидетельствует тот факт, что в начале 1915 г. в чешских землях правительство закрыло 46 печатных изданий, свою деятельность прекратили 32 общественных организации [81].

В одной только Праге ежедневно просмотру подвергалось около 60 тыс. корреспонденций. Были созданы специальные органы, которые отслеживали общественные настроения. Вся информация, поступающая с фронтов или касающаяся мобилизации и военных действий в целом, была строго дозирована и согласовывалась с военными чиновниками [82]. Важнейшую роль австрийское правительство отводило пропаганде, которая довольно успешно выполняла свои задачи по созданию положительного отношения общества к центральному аппарату.

Об ущемлении национальных интересов в Австрии свидетельствовал и тот факт, что, например, в словенских землях национальные школы были закрыты, а в местные органы власти привлекались клерикальные круги. А в Боснии и Герцеговине парламент прекратил свое существование еще до начала войны. В связи с этим местная полиция организовывала патриотические демонстрации.

Не без участия подстрекателей на следующий день после убийства наследника престола и его жены жесточайшим погро-

мам подверглись сербы. С целью наведения порядка в Боснии и Герцеговине полиция арестовала порядка 5 тыс. сербов. Репрессированы были югославянские депутаты законодательных органов, священники и общественные деятели [83].

Следует отметить, что с началом войны в аннексированных в 1908 г. сербских территориях было введено военное управление. Это привело к отмиранию политических институтов в присоединенных территориях, к замиранию общественной жизни. Военные лагеря были переполнены тысячами сербов. Политические процессы над членами организации «Млада Босна», словенской организации «Возрождение», югославской «Омладины» шли один за другим [84]. Под жернова политической мясорубки попали и священники, и учителя, и студенты. Многие тысячи безвинных славян были обречены на смерть или на пожизненное заключение.

Население Галиции правительство вообще обвинило в государственной измене и пособничестве врагу. На женщин, священников, молодежь обрушились массовые аресты. За военные годы Австро-Венгрия уничтожила более 36 тыс. населения этого края. Преследованиям зачастую подвергались и лояльные правительству украинцы, военная машина уничтожала всех без разбора [85].

В начале августа 1914 г. польские лидеры на встрече с представителями правительства и армии монархии заявили о поддержке политики Габсбургов и высказались за создание общегалицийской организации, которая объединила бы в себе группировки, поддерживающие военные планы правительства [86]. Собравшиеся на встрече с австро-венгерским правительством и армией галичане были осведомлены о содержании записки, оглашенной Францем Фердинандом в начале мая 1913 г. на совещании в Вене, о перспективе включения в состав автономной Польши территории, принадлежавшей в те времена Российской империи. Не была тайной и подготовка польских добровольцев при всесторонней поддержке австрийского правительства (так называемых стрелецких отрядов) для повстанческой и диверсионной деятельности в Царстве [87]. Под руководством Ю. Пилсудского 6 августа 1914 г. кадровая рота стрелков, вышедшая из Кракова, вступила на его терри-

торию, рассчитывая на всеобщее восстание поляков. Однако надеждам на польский мятеж не суждено было сбыться.

16 августа 1914 г. в Кракове был создан Главный национальный комитет. Целями создания данного Комитета являлись выход Царства Польского из состава Российской империи и присоединение его к австрийской Галиции. Данная цель вполне совпадала с планами австрийского правительства. На территории Австро-Венгерской империи, в Кракове и Львове, начали формироваться легионы поляков, которые полностью находились в подчинении у австрийской армии. Легионы стали участниками боевых действий на территории западных земель Российской империи, а позднее приняли присягу на верность монархии и вошли в австрийский ландштурм [88].

20 августа 1914 г. в Министерстве иностранных дел Австро-Венгерского государства состоялось собрание с участием польской политической элиты. На встрече последняя надеялась услышать о создании триединой австро-венгро-польской государственности. Инициатором идеи выступил Михаил Бобжинский. Но его идея не нашла поддержки со стороны австрийцев и венгров. По мнению венгерского премьера Иштвана Тисы, такое развитие событий превратило бы австрийских поляков из центростремительной силы в центробежную и в конечном счете привело бы к утрате монархией Галиции.

Начало сентября 1914 г. стало временем смятения и растерянности польских борцов за государственность. Причиной стало занятие русскими войсками Львова. Польская элита во главе с Пилсудским начала задумываться о смене покровителя. Эта роль была предложена Германии. Вопрос о взаимодействии с немцами взяла в свои руки новая «Польска организация народов». При поддержке Берлина организация пропагандировала антирусские настроения и занималась диверсионной деятельностью в тылу русской армии.

Однако Вене все же пришлось вернуться к «польскому вопросу». После провала стратегии быстрой войны и поражений на фронтах оживился поиск австро-польского решения территориального вопроса. В октябре 1916 г. австрийский премьер-министр К. Штюргк провозгласил Королевство Польши. Но венгерский премьер Тиса был категорически против

*Карл фон Штюргк
(1859–1916), министр-
президент Цислейтании
в 1911–1916 гг.*

подобной альтернативы. Венгры были не против такой идеи, но они выдвинули ряд требований к австрийцам. В частности, речь шла о переподчинении венгерской короне территорий Боснии и Герцеговины, Далмации, части морского побережья западнее Фиумы, а также о пересмотре квоты отчислений со стороны Венгрии в общий бюджет.

5 ноября 1916 г. австро-венгерский и германский генерал-губернаторы оккупированного Царства Польского опубликовали манифесты о создании нового «государства» — Галиции, которое не имело таких важных государственных признаков, как правительство и границы. Вопрос о последних был поднят в рескрипте императора Франца Иосифа «О самостоятельном управлении Галиции». Из документа следовало: австрийская корона не собиралась отдавать свои польские земли новому административному образованию [89].

Однако поляки, ранее присягнувшие на верность Габсбургам, теперь нашли поддержку со стороны их противников — Антанты. Это обстоятельство определило судьбу польской государственности. Австро-Венгрия была вынуждена смириться с потерей своих польских земель.

Мечтали о своем государстве (но не под польским протекторатом) и украинцы. В начале военных действий во Львове был образован «Главный украинский совет», возглавил который К. Левицкий, председатель украинского клуба в рейхсрате. Целью деятельности Совета являлось отсоединение всей Украины от Российской империи [90]. При поддержке правительства Австрии на Украине начали создаваться так называемые сечевые стрельцы, численность которых достигала до 2,5 тыс. добровольцев [91]. Вскоре, в августе 1914 г., появилось еще одно объединение во Львове — Союз освобождения Украины. Возглавил Союз Д.И. Донцов. А в сентябре 1914 г. его сменил эсер Н.К. Зализняк.

Целью «Союза освобождения Украины» был военный разгром России. За ним должно было, по мнению украинских националистов, последовать присоединение Левобережной Украины к Галиции. Лидеры Союза допускали присоединение Украины к Австрии, но на условиях особого автономного края. Финансирование деятельности Союза, однако, осуществлялось не только со стороны Вены, но и со стороны других европейских стран [92]. Материальная поддержка со стороны Вены была прекращена после ее поражения на фронтах. Спонсором Союза освобождения Украины стала Германия [93].

Война оказала влияние и на чешские земли Австро-Венгерской империи. В сентябре 1914 г. началась волна преследования чехов. Репрессиям подверглись прежде всего противники военных действий, анархисты и члены Национально-социалистической партии во главе с Вацлавом Клофачем. После ареста Клофача и лидеров анархистов были взяты под стражу видные политические деятели и журналисты. К концу 1914 г. число арестованных в чешских землях составило 950 человек, из них 704 попали в разработку военной прокуратуры. Конец 1915 г. стал временем гонений на сокольские организации, роспуска Сокольского союза, молодежного спортивного движения, основанного в Праге в 1862 г. Мирославом Тыршем. Хотя официально движение считалось неполитическим, оно стало носителем чешского национализма и панславизма [94].

30 декабря 1915 г. правительство запретило использование чешского языка в органах местного самоуправления, а также

чтение книг по чешской истории и чешских журналов. Чешские библиотеки были закрыты, учебники подвергались жесткой цензуре.

Обеспокоенность имперского двора вызывало также будущее Боснии и Герцеговины. Согласно конституции 1910 г., Босния и Герцеговина наделена особым статусом административного образования в составе дуалистической монархии. Несмотря на то что парламент края был распущен, статус особой территории за административным образованием сохранился [95].

Такое положение вещей не могло долго существовать. Генерал-губернатор Боснии и Герцеговины Степан Саркотич выдвинул идею заменить представительные учреждения административным советом, который бы помогал администрации в ее деятельности. Но Австро-Венгрия отвергла это предложение. Австрия видела единственным возможным вариантом присоединение Боснии и Герцеговины к ней, а Венгрия считала, что нужно присоединить данную территорию к венгерской части государства. Глава правительства в Будапеште граф Иштван Тиса обсуждал проблемы статуса Боснии и Герцеговины во время своего визита в Сараево даже в сентябре 1918 г. Кроме того, существовали и планы раздела края между Австрией и Венгрией. Однако от идеи присоединения области к Венгрии Тиса вынужден был отказаться, поскольку хорваты, сербы и боснийские мусульмане вручили ему меморандум о решении проблемы Боснии и Герцеговины на основе принципа самоопределения наций при их равноправии и политической самостоятельности.

Итак, попытка решить социальные и национальные проблемы путем территориального расширения за счет балканских, западно-русских земель и административного переподчинения различных регионов империи постепенно вела многонациональную монархию к истощению и краху. Страна двигалась к национальной революции, одной из главных движущих сил которой стал «человек с ружьем» — как молодой ветеран, так и националист, сепаратист. Общим настроением, царившим в разных уголках многонациональной империи, было стремление к обретению государственности и скорейшему окончанию войны.

Экономическое развитие страны

Экономика империи не была готова к затяжной войне, несмотря на развитие военно-промышленного комплекса, в котором накануне конфликта было занято 40 тыс. человек [96].

Традиционные финансовые ресурсы империи исчерпали себя довольно быстро, поэтому правительство начало брать займы. Другой мерой для выхода из ситуации стала эмиссия необеспеченных денег, а также давление на банки, которые обязаны были финансировать военные действия. Государство перевело военную промышленность в сферу прямого управления. Мужчины экономически активного возраста в большинстве своем были мобилизованы. В производстве их место заняли старики, женщины и дети, что оказало негативное влияние на качество военной продукции [97].

Кризисные явления в экономике Австро-Венгрии присутствовали еще до мировой войны, в 1913 г. Главным их катализатором стали Балканские войны, которые по существу разрушали экономику страны. Прекращение торговых связей с балканскими странами привело к разорению целых отраслей экономики Австро-Венгрии: сельского хозяйства, торговли и др. Единственной отраслью, выигравшей от подобной внешней политики, стала индустрия вооружений. Таким образом, внешняя политика имперского правительства не соответствовала экономическим интересам подданных. Военные действия разрушали экономику, а следовательно, падал и уровень благосостояния населения монархии.

Несоизмеримая по тем временам сумма была потрачена на военные расходы — 70 млрд крон, на Венгрию из этой суммы пришлось 25 млрд [98].

В связи с этим еще в 1912 г. имперское руководство было вынуждено принять так называемые чрезвычайные законы об исключительных мерах и военных поставках. Тем самым была создана правовая основа для государственного вмешательства в экономику и общественную жизнь. Началось складывание государственно-капиталистического монополизма, что позволило снизить безработицу и создать военную конъюнктуру в ряде отраслей.

В ноябре 1914 г. правительство Австрии вынуждено было ввести максимальные цены на продукты первой необходимо-

*«А ты подписался
на 7-й заем?»
Австро-венгерский
плакат*

сти, в числе которых были хлеб, мука, картофель. В это же время была начата принудительная подписка на военный заем.

В результате дефицита товаров в апреле 1915 г. была введена карточная система на большинство предметов первой необходимости, включая уголь. Но все предпринятые меры не могли помочь восстановлению экономической ситуации.

Первый раз за всю историю австро-венгерский обыватель остро ощутил связь между тылом и фронтом. Патриотизм, захлестнувший австрийский народ в начале военных действий, сменился чувством неудовлетворенности войной.

Народ устал от войны. Ярким доказательством стал саботаж при выполнении военных заказов, наблюдалась радикализация народных масс. Население и даже солдаты на фронте мечтали об окончании войны, независимо от ее результата.

Положение Венгрии ничуть не отличалось от положения Австрии. Война здесь сопровождалась милитаризацией эконо-

мики, активным вмешательством в нее государства. Некоторые предприятия, которые не включились в военное производство, были закрыты [99]. С 1914 по 1916 г. цены удвоились, в 1915 г. в обороте было вдвое больше денежных средств, чем до войны, социальные льготы были отменены. В начале 1916 г. страна перешла на карточную систему. Товары повседневного спроса найти было довольно сложно, несмотря на государственное регулирование рынка [100].

Инфляция была настолько велика, что жители страны еще долго не могли отойти от ее последствий. Номинальная заработная плата тем не менее росла довольно быстро. Она в 4,5 раза превысила уровень 1913–1914 гг., но реальная зарплата упала почти наполовину в промышленности и на 33% — у служащих [101]. Это свидетельствует также и о значительном росте налогов.

О тяжелом положении экономики империи свидетельствует также тот факт, что 18 января 1917 г. распоряжением городского головы в Будапеште были закрыты увеселительные заведения, в том числе и театры. Причиной этого стало отсутствие угля.

1917 г.: начало конца империи Габсбургов

Новый, 1917 год, несмотря на относительно стабильное положение на фронтах, принес многим понимание того, что война закончится поражением. Неудачное наступление русских войск в июле 1917 г. и прорыв австро-венгров под Тарнополем окончательно убедили Вену в отсутствии угрозы со стороны России. Революция 1917 г. вообще закрыла вопрос о Восточном фронте. Основной проблемой для австро-венгерской армии стал итальянский фронт, где с переменным успехом шли кровопролитные бои. После поражения итальянцев под Капоретто осенью 1917 г. линия фронта отодвинулась на юг, к берегам реки Пиаве. Но все эти положительные моменты для Австро-Венгрии не смогли окончательно переломить ситуацию в ее пользу.

В связи с этим среди мирного населения Австро-Венгерской монархии уже в середине 1915 г. появились пацифистские настроения. Австрийский и венгерский народы устали воевать. Локомотивом движения за мир стали социал-демократы.

Весна 1915 г. ознаменовалась ростом движения за мир. Главой демонстрантов стал граф Михай Каройи, лидер Партии независимости. Весной 1917 г. активизировались и социал-демократы. Усталость от войны ощущалась во всех слоях населения обеих частей империи.

Австро-Венгрия насколько стремилась начать войну в 1914 г., настолько же и стремилась закончить ее быстрее в году 1917-м. Император Карл, посоветовавшись со своим министром иностранных дел Оттокар Черниным, в январе 1917 г. дал поручение своей теще, Марии Антонии Португальской, встретиться с бельгийскими офицерами для проведения переговоров о возможности заключения мирного договора. 5 марта 1917 г. принц Сикстус, один из сыновей Марии Антонии Португальской, был принят президентом Франции Раймоном Пуанкаре. Президент одобрил переход к мирным переговорам.

24 марта 1917 г. император Карл передал письмо названным бельгийским офицерам, адресованное Пуанкаре. В письме содержалось обещание императора использовать все свое влияние для того, чтобы требования французов в отношении Эльзаса и Лотарингии были удовлетворены.

В документе также содержалась позиция императора по бельгийскому вопросу: восстановление в довоенных границах и возврат Брюсселю его колоний. Карл был согласен даже на восстановление суверенитета Сербии, из-за вражды с которой собственно австро-венгры и вступили в войну.

Таким образом, Австро-Венгрия вступила в сепаратные переговоры с Парижем и обещала способствовать возвращению военного статус-кво за спиной своего немецкого союзника.

О переписке императора Карла стало известно в Берлине, который выразил резкое недовольство тайной дипломатией Вены. Министр иностранных дел Оттокар Чернин вынужден был оправдываться. Признав сам факт переговоров, он тем не менее солгал союзнику об обязательствах Австро-Венгрии перед Парижем. Из слов министра следовало, что переговоры зашли в тупик из-за непримиримой позиции Австро-Венгрии, которая не хотела уступать французам Эльзас и Лотарингию. Возмущенный австрийской ложью, премьер-министр Франции Жорж Клемансо опубликовал письмо Карла. Предательство

Габсбургов стало очевидным и для Антанты, и для Гогенцоллернов.

Справедливости ради стоит отметить, что немцы и сами не гнушались переговорами с противниками. Так, 18 декабря 1916 г. немецкое правительство за спиной австрийцев передало правительству США свои условия мира, «позабыв» в них об интересах союзников.

Тяжелое положение страны и в первую очередь острейшие национальные противоречия привели к тому, что осень 1918 г. стала последней для империи Габсбургов. Государство, существовавшее около четырех столетий, прекратило свое существование.

ГЛАВА 3

Армянский вопрос в политике Османской империи и великих держав

Балканские войны 1912–1913 гг. создали благоприятные условия для возобновления армянского вопроса в качестве объекта международного права и злободневной проблемы международных отношений. После ослабления младотурецкого режима в этом были заинтересованы как представители армянского населения Османской империи, так и державы Тройственного соглашения, стремившиеся воспрепятствовать экономическому и политическому проникновению Германии в Турцию. При поддержке Великобритании и Франции российской дипломатии удалось навязать Стамбулу 8 февраля 1914 г. соглашение о реформах в Западной Армении [102].

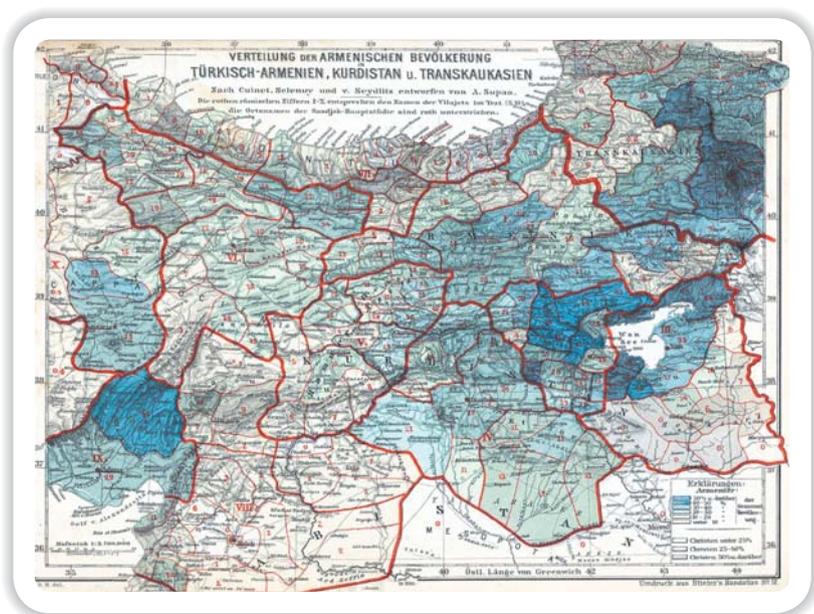
Уже на второй день мировой войны, 2 августа, Османская империя заключила тайный союзный договор с Германией, но для маскировки своих истинных намерений 5 августа устами Энвер-паши, одного из лидеров младотурецкого триумvirата, предложила России заключить союз против Германии. Среди прочих гарантий она потребовала, чтобы «Порте было бы дано обещание, что Россия обязуется не поддерживать националистических армянских течений, ибо Турция опасается возделений России на армянские области» [103]. Глава российской дипломатии С. Д. Сазонов, осознавая двойную игру младотурок, тем не менее сообщил российскому послу в Стамбуле М. Н. Гир-

су о предложении Энвера, добавив от себя: «Со своей стороны [мы] считали бы приемлемыми все пункты, кроме отказа от армянских реформ» [104]. Таким образом, Сазонов давал понять, что Россия не намерена жертвовать соглашением от 8 февраля ради эфемерного союза с Турцией, и этот вопрос не подлежит обсуждению. Османской же империи предлагалось довольствоваться лишь тем, что Россия гарантирует ее территориальную целостность. Поскольку в Петрограде разгадали тактику турок, то никаких серьезных гарантий в последний момент им не дали. Февральская же программа половинчатых реформ так и осталась на бумаге, поскольку с началом мировой войны Турция сочла данное соглашение расторгнутым [105].

Когда же в конце октября 1914 г. Османская империя открыто вступила в войну на стороне Германии и стала враждебной страной, то для дипломатов стран Антанты уже стало невозможным избежать обсуждения планов ее раздела. Однако вплоть до середины марта 1915 г. в дипломатической переписке между Союзниками Западная Армения нигде не упоминалась. Именно в этот период становилось очевидным, что программа реформ в ней уже стала не целью, а лишь средством для достижения истинной цели российского царизма — Константинополя и Проливов [106]. Союзники России признавали за ней первенствующее положение в армянском вопросе, учитывая господствующие прорусские настроения среди армян.

Тем временем набирала обороты антиармянская политика младотурок. Она была нацелена на решение сразу нескольких задач: ликвидацию самого этого вопроса, что положило бы конец вмешательству европейских держав во внутренние дела страны; турки избавлялись от экономической конкуренции, в их руки перешло бы все достояние армян; физическое устранение армянского населения помогло бы проложить путь к захвату Кавказа и к достижению «великого идеала туранизма».

Удобным поводом для большого террора в отношении армян непосредственно после вступления Османской империи в войну осенью 1914 г. стал провал Сарыкамышской операции (зима 1914/15 г.) и последующее массивное продвижение российской армии вглубь Османской империи. Турецкому народу его правители внушали, что из-за своих проантантовских

Расселение армянского населения в восточных областях Османской империи. 1896 г.

настроений армяне не хотят служить в османской армии и массово дезертируют из нее. По турецкой версии, они получили следующее указание по подготовке восстания в Западной Армении: «Как только русская армия перейдет границу, а османская армия начнет отступление, необходимо повсеместно поднимать восстания. Таким образом, османская армия окажется между двух огней... армянские солдаты в составе османской армии должны уйти из своих подразделений, захватив оружие, сформировать партизанские отряды и объединиться с русскими». Другой турецкий источник утверждает, что существовала инструкция проантантовским группам армян «использовать все возможные средства для оказания помощи государствам Антанты, прилагая все силы в борьбе за победу в Армении, Киликии, на Кавказе и в Азербайджане в качестве союзника стран Антанты и в частности России [107]. Утверждается так-

же, что Россия еще до войны имела контакты с армянским национальным движением в Турции [108].

Однако неудача флота Союзников в Дарданеллах и относительно благоприятная для Центрального блока ситуация на фронтах, сложившаяся к весне 1915 г., по словам очевидца тех событий американского дипломата Л. Эйнштейна, воодушевили лидеров младотурок. Они сочли момент подходящим для осуществления политики истребления армянского населения [109]. Вот как разговаривал тогда один из членов правящего младотурецкого триумvirата Талаат-паша с известным западноармянским деятелем О. Вардгесом (он стал одной из первых жертв антиармянских репрессий): «Это политика, Вардгес... Это в порядке вещей. Сейчас мы сильны. Мы будем делать все, что потребуют турецкие интересы. Это вопрос родины. Здесь нет места личным связям и родству. Не забудьте, как вы в дни нашей слабости навязались на нашу голову и подняли вопрос о реформах. Вот почему мы должны воспользоваться благоприятными обстоятельствами, в которых сейчас находимся, и так рассеять ваш народ, чтобы целых пятьдесят лет вы не могли бы поднять вопрос о реформах, чтобы пятьдесят лет не пришли бы в себя» [110].

Симпатии армян, бесспорно, были на стороне Антанты и России. По мере продвижения российской армии вглубь Восточной Анатолии армяне формировали в ряде мест отряды поддержки. Некоторые из этих отрядов возглавляли бывшие армянские депутаты османского парламента — меджлиса (Г. Пастрмаджян, Н. Боясян, К. Папазян) [111].

11 апреля 1915 г. армянское и ассирийское население горной области Хеккияри (юго-восточнее озера Ван) подняло общее восстание с целью обеспечить быстрое овладение городом Ван российскими войсками. Николай II даже послал телеграмму армянскому революционному комитету Вана, в которой благодарил его «за службу России». По убеждению повстанцев, сотрудничество с российской армией было необходимым этапом на пути к национальной независимости армян. В Стамбуле это вызвало взрыв ярости [112]. 24 апреля 1915 г. 235 лидеров армянских революционных комитетов были арестованы по обвинению в действиях, направленных против безопасности

государства. Дата проведения этих арестов ежегодно отмечается армянами по всему миру как день поминовения погибших во время геноцида. Через три дня после высадки галлипольского десанта Союзников, то есть 28 апреля 1915 г., Энвер-паша и Талаат-паша направили властям Восточной Анатолии приказ о всеобщей депортации армян как потенциальных сообщников врага в пустынные области Северной Месопотамии. Как подчеркнул Талаат-паша в своих мемуарах, увидевших свет лишь в 1946 г., надлежало покончить со всеми армянами и всячески стараться уничтожить само название «Армения» в Турции [113]. Местное мусульманское население от Трабзона до Мосула было обязано помогать властям в надзоре за пешими колоннами женщин, стариков и детей (мужчин отделяли и депортировали отдельно). Циркуляр, полученный генерал-губернаторами вилайетов Восточной Анатолии, гласил: «Каждый мусульманин будет подвергнут смертной казни на месте, если приютит у себя какого-нибудь армянина».

Жители Западной Армении были застигнуты врасплох. Они не ожидали столь чудовищной акции и не были готовы противостоять террору, возведенному в ранг государственной политики. Неосведомленность жертв была настолько абсолютна, что некоторые из них, будучи вне дома в момент ареста, сами добровольно являлись в полицейские отделения. Депортации армян придавали общенациональный характер. Проводы армянских «караванов смерти» порой даже обставляли неким церемониалом, их провожали в присутствии глав городов и других должностных лиц [114].

Повсеместно применялся один и тот же метод, разработанный в центре. Младотурки стремились уничтожить еще на месте, в Западной Армении, армян, способных к сопротивлению. Состоялись казни активистов армянского национального движения, представителей интеллигенции и духовенства. Остальную часть населения выселяли согласно формуле «всех до единого». Резня продолжалась на дорогах. Армянские историки говорят о продуманной до деталей целенаправленной акции младотурок. Турецкие историки, напротив, ссылаются на никому, кроме них, не известные приказы правительства о защите перемещаемых армян от гнева турецкого населения. «К со-

жалению, — едят они, — там, где османский контроль был слабым, армянские переселенцы пострадали более всего. Очевидцы того времени приводят примеры, как колонны из сотен армян охранялись всего лишь двумя жандармами». Массовые жертвы среди депортированных армян турецкие исследователи объясняют общим низким уровнем безопасности и попытками осуществления некоторыми мусульманскими племенами, «жестоко пострадавшими от рук русских и армян», кровной мести во время прохождения «караванов смерти» по их территории [115]. Истреблению подвергались главным образом мужчины моложе 50 лет. Переселенцы, оставшиеся в живых и добравшиеся до концлагерей в Месопотамии, содержались в таких невыносимых условиях, что большая их часть погибла.

Хотя виновником массового истребления армян было стамбульское правительство, следует отметить, что значительная часть собственно турецкого населения поддержала и активно участвовала в реализации политики уничтожения армян. Фритъоф Нансен в этой связи замечал, что провозглашенная младотурками в ноябре 1914 г. священная война против «неверных» (джихад) хотя и ставила целью поднять мусульман Азии и Африки против Британии и России, однако возбудила их ненависть к христианам, прежде всего внутри страны [116]. Вот почему возможное появление войск Антанты в Восточной Анатолии от Эрзурума до Киликии должно было рассматриваться местным населением как надвигающаяся месть со стороны христиан всем мусульманам [117].

Наряду с депортацией младотурки проводили политику насильственной ассимиляции армян. Кое-где армянским семьям удавалось уцелеть ценой перехода в ислам. Разрешался переход в ислам армянских девушек с последующим угоном их в гаремы. В сентябре 1915 г. официоз «Танин» поставил вопрос ребром: все армянские женщины должны быть уничтожены либо обращены в мусульманство. Газета находила, что только этим путем возможно «спасти империю» [118]. Банды младотурецких погромщиков насильствовали армянских женщин, многие из которых затем кончали жизнь самоубийством. В Орду и Гиресуне были случаи, когда муж убивал свою жену, сын — мать, брат — сестру, отец — детей, чтобы избежать позора

[119]. Достоверные документальные свидетельства об этом тех, кто сумел спастись путем бегства в Россию или Иран, не могут и ныне, спустя 100 лет, оставить равнодушными [120]. Семьи же бежавших подлежали уничтожению, чтобы у спасшихся не осталось никакой связи с родиной.

Из-за отсутствия доступа к репрезентативным источникам до сих пор дискуссионным остается вопрос о положении армян в столице Турции. Официальные турецкие издания утверждают: «Все источники, включая даже наиболее пламенных защитников армянской идеи, признают, что никакие из указанных мер не принимались в отношении армян, проживавших в удалении от зоны военных действий или тех, которые поселились в крупных городах, таких как Стамбул и Измир... В Стамбуле и других больших городах Западной Анатолии во время всего периода войны проживало большое количество армянского населения, оставались открытыми армянские храмы» [121]. Советский же тюрколог А. Ф. Миллер отмечал: «Депортации не ограничились прифронтовой полосой. Они распространились на всю Анатолию и даже на Стамбул». Той же точки зрения придерживался армянский историк Дж. Киракосян: в 1915 г., писал он, «параллельно с выселением и истреблением населения Западной Армении армян уничтожали по всей Османской империи» [122]. Из других провинций наиболее пострадала Киликия, где в 1912 г., по данным Константинопольского армянского патриаршества, проживали 377 тыс. армян¹ [123]. Значительная часть их погибла в годы войны. По всей видимости, террор проводился и в Стамбуле, хотя и с меньшим размахом вследствие значительного присутствия там иностранцев².

Талаат цинично заявлял, что он «больше сделал за три месяца для разрешения армянского вопроса, чем султан Абдул-Хамид за тридцать лет»³ [126]. По убеждению российских историков

¹ Еще до войны османские власти осуществляли там погромы армян. Наиболее кровавый произошел в 1909 г. в Адане. См.: [124].

² Иностранные граждане, в первую очередь нейтральных государств, оказавшиеся свидетелями тех событий, оставили ценные документальные свидетельства. См., например: [125].

³ Абдул-Хамид II — турецкий султан в 1876–1909 гг., жестоко подавлял национально-освободительную борьбу армянского и других подвластных народов, получил прозвище «кровавого султана».

и современной армянской историографии, это заявление ясно свидетельствовало о наличии у младотурок определенной программы истребления армян. Когда 24 апреля 1915 г. константинопольский армянский патриарх Завен обратился к великому везиру Саид Халиму с запросом о судьбе высланных из Стамбула армянских интеллигентов, тот ответил: «Перед войной, обращаясь к державам Антанты, вы захотели отделить вашу нацию от Османского государства. За это вас сегодня наказывают. То, что происходит с армянами, — это результат программы, которая должна быть осуществлена» [127].

Вопрос о том, что собой представляла эта «программа», не утратил своей злободневности и в наше время. Современная турецкая историческая наука (не удосуживая себя приведением серьезных доказательств) категорически отрицает наличие у младотурок намерения частично или полностью уничтожить армянский этнос. «Ни одно из османских распоряжений, предусматривающее переселение армян из Восточной Анатолии в более отдаленные от границы районы, не было приказом убивать» [128].

В то же время описанные события историки независимой Армении (и большая часть историков Первой мировой войны) трактуют как первый случай геноцида в XX в. Власти же Турецкой Республики, признавая «несомненные страдания, перенесенные армянами во время войны», отвергают обвинения в геноциде и усматривают причину этих страданий в «разгуле беззакония, от которого пострадали граждане империи всех видов вероисповедания». По словам профессора из Анкары М. Сойсала, в годы Первой мировой войны в Восточной «Анатолии была пережита трагедия, но это была общая трагедия, которая принесла многочисленные страдания и жертвы обеим сторонам» [129]. Одним словом — убийц не было, были только жертвы.

Официальный Берлин занял в отношении этих событий позицию умолчания, считая их внутренним делом союзного ему государства. Иногда негласно некоторые германские дипломаты, религиозные и политические деятели (например, лидер католической партии Центра М. Эрцбергер) пытались несколько урезонить младотурок, но безуспешно [130]. На одно из таких заявлений Энвер ответил: «Я делаю то же, что немцы сделали с поляками» [131]. В Болгарии же, которая тогда еще остава-

лась нейтральной, сведения о массовой гибели армян вызвали всеобщее возмущение. В городах, где имелось армянское население (Сливен, Шумен, Русе, Варна, Стара Загора и др.), состоялись совместные митинги болгар и армян, протестовавших против действий младотурок [132].

Общее число жертв антиармянского террора не поддается точному подсчету, поскольку турецкие и армянские источники указывают разные данные относительно численности армянского населения Турции до мировой войны. По данным немецкого ученого И. Лепсиуса, с которым соглашаются многие исследователи, общее число депортированных и убитых армян составило 1 396 350 человек. Численность беженцев из родных мест составляла 244 400 человек [133]. Британский историк А. Тойнби число умерших армян оценивал в 600 тыс. Турки же утверждают, что до начала 1917 г. было депортировано около 700 тыс. армян, а число погибших составило приблизительно 300 тыс. человек [134]. По данным российских историков, за годы войны в Османской империи погибло также полмиллиона ассирийцев [135]. В целом же признать существование этой трагической страницы истории Первой мировой войны является долгом всех историков и людей совести. Но установление подлинных фактов и их всесторонняя научная интерпретация пока невозможны из-за недоступности документов турецких архивов.

В конце апреля 1915 г., когда в европейские столицы стали поступать тревожные известия о положении турецких армян, Россия направила свои внешнеполитические действия в армянском вопросе по двум основным направлениям. Во-первых, она пыталась добиться совместной декларации держав Антанты, в которой осуждалось бы истребление армянского народа в Османской империи [136]. 24 мая такая декларация была одновременно опубликована в Париже, Лондоне и Петрограде [137] и передана Турции через посла нейтральных США Г. Моргантау. Таким образом, и американцы тоже имели причастность к этому заявлению. Определенное воздействие оно оказало и на Германию. Официальный Берлин, являвшийся покровителем Турции, постепенно начал «умывать руки» после опубликования декларации, пытаясь избежать своей доли ответственности [138]. Во-вторых,

Депортация армян под вооруженной охраной. Алеппо, 1915 г.

Россия пыталась воздействовать на младотурок через нейтральные государства.

Тем временем в Петрограде проходили интенсивные переговоры чиновников МИД с представителями светской и духовной элиты армянского народа. В ходе их была выработана программа, предполагавшая создание в Западной Армении и Киликии автономии под сюзеренитетом Турции и покровительством трех союзных держав [139]. Затем две делегации армянских деятелей направились в Париж и Лондон с целью склонить союзные правительства к принятию этой программы [140]. Все эти переговоры протекали на фоне определенных успехов российских войск на Кавказском фронте в конце 1915 — начале 1916 г. Так, 16 февраля был взят Эрзурум. На повестке дня перед Союзниками встал вопрос о разделе Османской империи и тесно связанный с ним вопрос о судьбе Западной Армении. По соглашению с Францией от 26 апреля 1916 г. Россия получала «области Эрзурума, Трапезунда, Вана и Битлиса до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря и к западу от Трапезунда». Кроме того, ей отдавалась расположенная к югу от Вана часть Курдистана [141].

Соглашение было осуществлено путем отправления с российской стороны памятной записки, а с французской стороны — посланием ноты. 23 мая к договоренности присоединилась Великобритания [142].

Армянские общественно-политические деятели были в курсе того, что между державами Антанты идут какие-то тайные переговоры, предположительно касающиеся в том числе и судьбы Западной Армении. Но, естественно, они не могли знать о подробностях этих переговоров. В середине же 1916 г. они уже знали главное: 1) Киликия не будет присоединена к Западной Армении; 2) автономия Западной Армении под протекторатом трех держав не будет предоставлена, а вместо этого производится раздел территорий между державами. Армяне не знали лишь того, что Франция не довольствовалась только Киликией, а ей передается и определенная часть Западной Армении¹.

В июне 1916 г. из Лондона и Парижа российскому правительству поступил официальный запрос в связи с предоставлением автономии Армении. Сазонов же запросил на этот счет наместничество на Кавказе. К тому времени в результате наступательных операций российская Кавказская армия овладела почти всей Западной Арменией. В совещании участвовали наместник на Кавказе, великий князь Николай Николаевич, а также приближенные к нему генералы Н. Н. Янушкевич, Н. Н. Юденич, С. В. Вольский и др. Было принято решение: несмотря на то что армяне принесли много жертв ради победы стран Антанты, тем не менее не следует им предоставлять автономию, так как все их организации революционные и это в дальнейшем может нанести вред России [143]. В правящей военно-политической элите России произошел сдвиг в сторону явного экспансионизма, который еще более усилился после вынужденной отставки Сазонова, последовавшей 20 июля 1916 г. Все громче звучали голоса о необходимости и неизбежности прямой аннексии Западной Армении Россией. Там уже началось создание генерал-губернаторства и иных властных структур. Принятые решения по этому региону и действия рос-

---

¹ Текст данного соглашения был опубликован в конце ноября 1917 г. правительством Советской России и объявлен аннулированным.

сийских властей не проходили серьезных процедур и обсуждений. В результате принимались неподготовленные решения, а действия совершались под влиянием и давлением разного рода обстоятельств, часто — субъективных. Преемник Сазонова и одновременно глава правительства Б. В. Штюрмер был совершенно безразличен к армянскому вопросу и предоставил в нем полную свободу рук Николаю Николаевичу.

После Февральской (1917 г.) революции в России Временное правительство уточнило свою позицию в армянском вопросе. В отличие от царизма, оно было против аннексии Западной Армении, а принимало идею предоставления ей автономии. Так, П. Н. Милюков, глава внешнеполитического ведомства в первом составе Временного правительства, не был согласен с тем фактом, что западная часть Западной Армении отходила Франции. Он расценивал это как излишнюю уступку, сделанную Сазоновым союзнице [144]. Сам же армянский вопрос после Февральской революции вступил в новую фазу в политике России. Он превратился в чисто военную проблему — дипломаты уже сказали свое слово весной 1916 г., и соглашение уже было заключено. Теперь только активными военными действиями можно было внести изменения в карте раздела Османской империи.

У армянских общественно-политических кругов возродились надежда и вера к русским властям, и они предприняли бурную деятельность с целью решения своего вопроса при новом режиме. Они стремились выбрать форму автономии Западной Армении и создать там гражданскую власть, сохранить линию Кавказского фронта в условиях продолжения войны, формировать национальные дивизии, решить проблему самообороны армянского населения и вопросы беженцев, объединить интересы и деятельность западных и восточных армян. Временное правительство России планировало серьезные шаги в этом вопросе, но под тяжестью многочисленных нерешенных проблем, полученных в наследство от царского режима, просто не успевало быстро ориентироваться, вовремя реагировать на протекающие процессы и находить нужные решения. Многие из них оставались на бумаге.

На своем заседании 15 мая 1917 г. Временное правительство постановило на территории Ванского, Битлисского и Эрзурум-

ского вилайетов создать Генеральный комиссариат областей Турции, занятых по праву войны. В том же постановлении особым пунктом правительство заявило о необходимости принятия немедленных мер по возвращению в эти районы армянских беженцев и по обеспечению их физической безопасности [145].

Что же касается международного аспекта проблемы, то Временное правительство России в лице своего второго (и последнего) министра иностранных дел М. И. Терещенко высказывалось за самоопределение Западной Армении. Этим оно пыталось помешать осуществлению ее раздела, ожидая аналогичного подхода и со стороны Союзников. На закрытом заседании правительства 11 (24) октября министр заявил: «Пересмотр соглашений представлений представляется необходимым не только с точки зрения принципиальной, но и с точки зрения реальной обстановки, то есть в смысле выгоды и осуществимости. В этом отношении надо признать, что соглашения о приобретениях в Малой Азии являются для нас вредными, так как распределение малоазиатской территории между четырьмя державами¹ сулит нам в будущем серьезные опасности, особенно в случае неполного разрешения вопроса о Проливах. Поэтому применение принципа самоопределения народностей не только в идейном смысле, но и с точки зрения наших жизненных интересов надо признать более целесообразным» [146]. Последовавший через две недели Октябрьский переворот сделал эти предложения молодого главы российской дипломатии мертворожденными...

Пришедшие к власти большевики нанесли большой удар по разрешению армянского вопроса. Этому способствовали развал Кавказского фронта, вывод российских войск из Западной Армении и, наконец, сдача ее территорий, а также Карсского и Ардаганского округов Восточной Армении Турции по сепаратному Брест-Литовскому мирному договору от 3 марта 1918 г.

27 апреля в Стамбуле был подписан секретный германотурецкий договор о разделе территории Закавказья на зоны

---

¹ В августе 1917 г. к соглашению о разделе Малой Азии примкнула Италия, вступившая в войну против Турции.

влияния Германии и Османской Турции. Согласно этому документу, к Турции переходили армянские территории, уже занятые ее армией [147]. Младотурки не скрывали своих планов относительно судьбы кавказских армян и демонстрировали готовность подвергнуть их той же участи, что и турецких армян в 1915 г. Командующий вторгшимися в Закавказье османскими войсками генерал Халил-паша, находясь в оккупированной Эривани, летом 1918 г. заявил: «Я старался уничтожить армянскую нацию до последнего человека» [148]. В ходе начавшегося в мае наступления турецкие войска приступили к истреблению армян Восточной Армении и Карабаха. Особенно жестоким преследованиям подвергались те, кто бежал в свое время из Турции [149]. О реальности угрозы тотального истребления армян сообщали как союзники османов, например глава германской миссии на Кавказе генерал Кресс фон Крессенштейн в июльском письме к рейхсканцлеру Г. Гертлингу [150], так и представители стран Антанты. Однако вскоре, осознав утопичность плана полной ликвидации армянской государственности в лице провозглашенной 28 мая 1918 г. Армянской демократической республики, младотурки решили сделать Армению нежизнеспособной и легкоуязвимой, лишив ее нормального независимого существования. Ослабленное и лишенное самостоятельности Армянское государство могло дать Турции больше политических выгод, чем его полное уничтожение. Именно поэтому младотурки признали Армянское государство, навязав ему 4 июня так называемый Договор о мире и дружбе. По нему Турция признала независимость Армении в пределах той территории, которую к этому времени контролировал Армянский национальный совет, — она ограничивалась Эриванским и Эчмиадзинским уездами Эриванской губернии. Как заявлял Талаат-паша, «создав маленькую Армению, мы разрешим армянский вопрос и так явимся на международную мирную конференцию» [151]. Только военное поражение Турции, развал ее армии, крах младотурецкого режима и заключение Мудросского перемирия помешали реализации планов Стамбула. Армянский вопрос из плоскости вооруженной борьбы снова перешел в сферу дипломатии и стал предметом рассмотрения на Парижской конференции.

ГЛАВА 4

Непредсказуемая Россия

Основные категории населения Российской империи и их специфика напрямую влияли на развитие общественного мнения в начале XX в. В странах Запада нет общепризнанного определения такого понятия, как «общественное мнение», и уже скоро сто лет, как не стихает дискуссия по этому вопросу [152]. По мнению Б.А. Грушина, с которым можно согласиться, общественное мнение есть «состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности» [153]. При этом вслед за Е. Егоровой-Гантман и К. Плешаковым [154] мы будем говорить о трех субъектах общественного мнения: руководстве страны, представленном официальными лидерами; элите; массах.

К источникам информационного обеспечения, существовавшим в начале XX в., необходимо отнести следующие: периодическая печать (журналы; газеты), публицистика, художественные произведения, брошюры и книги, листовки, наглядные и агитационные материалы, такие как плакаты, лубки, открытки. А также официальные указы и постановления, обращения и воззвания властей к гражданам, почта, телеграф, кинематограф, устная агитация.

Еще задолго до начала Первой мировой войны в прессе обсуждался вопрос об отношении к ней: «...правлящие круги

империалистических стран старались внушить населению мысль о необходимости и неизбежности войны, всячески насаждали милитаризм, разжигали шовинистические чувства» [155]. С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, А.П. Извольский, С.Д. Сазонов, В.Н. Коковцев, Н.В. Чарыков выступали против войны или за осторожную внешнюю политику, что в тех международно-политических реалиях означало предотвращение войны с Германией. С другой стороны, военный министр В.А. Сухомлинов и военно-морской министр И.К. Григорович, а также А.В. Кривошеин и правые в Государственной Думе настраивали общественное мнение в пользу войны. На рубеже 1913–1914 гг. в правительственных кругах изменилось восприятие ситуации возможной войны, сформировался «образ вражеского Запада», угрожавшего безопасности страны [156].

Началу войны предшествовал царский манифест об объявлении всеобщей мобилизации, при этом решение о вступлении в войну Николаю II далось нелегко [157]: лишь совместными усилиями министру иностранных дел С.Д. Сазонову, военному министру В.А. Сухомлинову и главному управляющему земледелием А.В. Кривошеину удалось получить у царя санкцию на объявление общей мобилизации.

Правила взаимоотношения прессы и военных в России накануне Первой мировой войны были в основном разработаны в 1912 г. — это закон от 5 июля 1912 г., значительно расширявший представление о государственной измене и шпионаже, а также принятое военным ведомством «Положение о военных корреспондентах в военное время» [158]. 20 июля 1914 г. в России объявлялась цензура, а уже 24 июля указом императора Николая II Сенату в губерниях страны вводилось положение чрезвычайной охраны. Такие меры не кажутся чрезмерными, так как, с одной стороны, к ним прибегли все страны — участницы Первой мировой войны, с другой — в российской предвоенной печати прошла целая дискуссия по вопросу военной тайны, и меры эти были признаны совершенно необходимыми в условиях военного времени [159].

Война против Германии и Австро-Венгрии была встречена населением страны массовым патриотическим подъемом, который был отмечен во всех слоях российского общества как

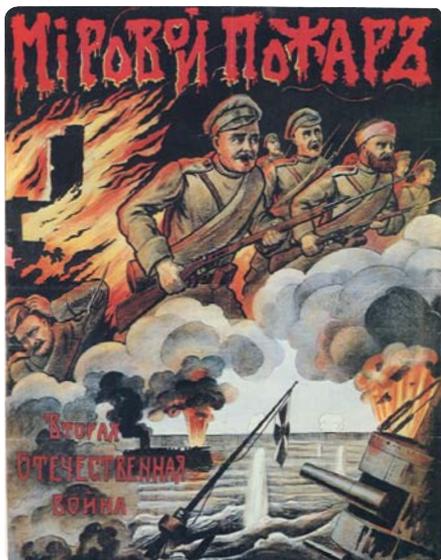
стихийно возникшая реакция на сенсационные новости. Это было типичное восприятие новой начавшейся войны для патриархальной России. Массово распространялись в провинции телеграфные поздравительные послания, адресованные императору, армии (от Верховного главнокомандующего до нижних чинов воинских частей); прошли молебны и крестные ходы во славу русского оружия [160].

Однако сразу же обозначились идейные и политические различия позиций общественных групп в трактовке причин, целей и характера войны.

В православных и монархических кругах сложилось верно-подданническое настроение. При этом можно отметить, что патриотизм у данной группы населения был, что называется, стихийным, само собой разумеющимся. Твердых знаний причин, целей войны, своего противника представители этих кругов часто не имели и назвать не могли: надо защищаться, «ежели немец прет» [161].

Духовное сословие, почти все дворяне, широкие слои интеллигенции, купечество — придерживались идеей панславизма, которые сводились к противостоянию двух начал: славянства и германства. Причем в первом общественность России видела «культуру и божественную правду», а во втором — только «грубую силу порядка». Позиция священников других конфессий (мусульман, иудеев, старообрядцев и др.) была солидарна с православной церковью — повсеместно проводились службы, где просили высшие силы о победах русских войск, так же активно шел сбор средств на нужды войны.

Патриотизм высших и средних слоев российского общества был другого свойства — осозанный, аргументированный целым спектром взглядов на причины, цели и характер конфликта, однако его варианты формировались партийно-политической позицией общественности. Характерна была идеологизация международных отношений. Общепринятой версией интеллигенции о причинах начала мирового конфликта была оценка «войны народов» как логичного итога агрессивной политики Германии в последние 50 лет. Кроме того, высказывались мысли о стремлении кайзера к мировому господству как главной первопричине войны. Подавляющее

*«Мировой пожар.
Вторая отечественная
война». Русский
плакат. 1914 г.*

число легальных периодических изданий 1914 г., в том числе социалистические и некоторые кадетские, доказывали идею справедливой Отечественной войны со стороны России.

Консерваторы безуспешно пытались, используя патриотический подъем, вывести свои организации из кризиса [162]. Усиливались разногласия между лидерами и рядовыми членами монархических союзов. Руководители фракции крайне правых работали в различных комиссиях и комитетах [163]. К примеру, депутат Государственной Думы Н. Е. Марков участвовал в «Особом совещании по государственной обороне», В. М. Пуришкевич руководил санитарным поездом, Главный совет «Союза русского народа» открыл лазарет, содержал за свой счет койки в госпиталях, оказывал помощь Красному Кресту [164].

О хрупкости патриотического единства общества свидетельствовала негативная реакция интеллигенции на переименование столицы из Санкт-Петербурга в Петроград, совпавшее с публикацией сообщений о поражении русских войск в Восточной Пруссии.

Пропаганда патриотизма с помощью плакатов, открыток, листовок нагнетала эмоции, которые находили выход порой в непредсказуемых и социально опасных действиях: случались разгромы магазинов иностранцев, произошло нападение на посольство Германии [165].

Газеты либерально-буржуазной направленности указывали, что с началом войны важнейшая задача священнослужителей и интеллигенции — «вдохнуть... в воинов то сознательное чувство глубокого и понятного патриотизма», которое они переживали сами. Это отличает настроения данной группы изданий от Русско-японской войны, когда либеральная интеллигенция выступала на открыто пораженческих позициях, а в июле 1914 г. она поддержала правительство, указывая на законный, строго оборонительный характер войны «за честь и величие России» [166]. Интеллигенция была уверена, что Российской империи не следует опасаться блока Центральных держав, и она «с честью и достоинством выйдет из великого испытания».

Октябристы¹ полагали, что в условиях войны все партийные разногласия и «классовые противоречия» должны отойти на второй план. На заседании Думы 26 июля 1914 г. октябристы дали торжественную клятву безоговорочно поддерживать военные усилия правительства. Они издавали брошюры и воззвания, разъяснявшие смысл войны, разрабатывали меры по оказанию помощи раненым, организовывали сбор медикаментов и продовольствия. Члены ЦК «Союз 17 октября» принимали участие в создании «Всероссийского земского союза», «Всероссийского союза городов», примкнули они и к работе Особых совещаний [168].

С началом войны кадеты внесли серьезные коррективы в идеологию, тактику, организационно-практическую деятельность своей партии. Как отмечает А.В. Сыпченко, «тра-

---

¹ В декабре 1913 г. думская фракция октябристов раскололась на три части: земцев-октябристов (65 человек), собственно «Союз 17 октября» (22) и группу из 15 бывших членов фракции, объявивших себя беспартийными, а на деле блокировавшихся в Думе с ее правым черносотенным крылом. Раскол фракции, а затем и партии в целом поставил «Союз 17 октября» на грань полной катастрофы [167].

диционный кадетский пацифизм сменился страстным патриотизмом. Главным лозунгом партии стал призыв «Война до победного конца»... Сравнивая Русско-японскую войну с идущей, кадеты подчеркивали, что первая из них противоречила национальным интересам России... вторая же должна была привести в конечном счете к завершению процесса складывания «национально-территориального тела России» [169].

По мнению лидера кадетов П.Н. Милюкова, Россия в результате войны должна была получить значительные территории, прилегающие к западным и южным окраинам страны, включая проливы Босфор и Дарданеллы с «достаточной частью прилегающих берегов», Константинополь, объединение Армении под протекторатом России [170]. Кадеты также активно участвовали в работе общественных организаций и военно-промышленных комитетов [171].

Значительно оживилась в годы Первой мировой войны партия прогрессистов: заявили о своей поддержке правительства в доведении войны до победного конца, проголосовали за военные кредиты, приняли участие в созданных правительством в 1915 г. особых совещаниях (по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию) [172].

Помимо патриотического подъема начавшаяся война вызвала и чувство тревоги: шла уборочная кампания, а масса лучших работников была мобилизована¹; вставал вопрос: как собрать урожай, как жить дальше? Не обошлось и без эксцессов: протесты призывников принимали форму стихийных погромов, но не носили такого массового характера, как в Русско-японскую войну [173] (продажа спиртного была заранее запрещена на всех станциях [174]), однако вызывали беспокойство властей. Большинство стихийных выступлений быстро подавлялось

---

¹ «Если в среднем по Российской империи удельный вес взятых в армию составлял 11,2% всего крестьянского населения, 22,6% от числа всех мужчин и 47,8% от числа трудоспособных мужчин крестьянского населения, то в Приморской области эти показатели соответственно равнялись 10,8, 20,1 и 43,4%, а в Приамурской области достигли еще больших величин: 12,5, 23,5 и 55,8%» (Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-fareast/>).

*Героический подвиг донского казака Козьмы Крючкова.
Лубочная картинка. 1914 г.*

властями, к тому же общий настрой масс был явно патриотическим. Например, в Калужской и Орловской губерниях все случаи нарушения общественного порядка мобилизованными во время призывов не имели в своей основе пораженческих настроений, обусловлены они были обострением в обществе социально-экономических проблем [175].

Наиболее последовательный и жесткий протест против войны, отторжение пропагандируемых целей конфликта были свойственны в лагере революционных социалистов: социал-демократов и социалистов-революционеров. Но в их рядах оформилось разделение на правых оборонцев-патриотов, считавших, что войну необходимо вести до победы; отдельно выступил пацифистский центр, согласившийся защищать Родину, так как Россия подверглась нападению; и революционеров-интернационалистов, агитировавших за гражданскую войну

с «властью тиранов». Лучше всех сформулировал позицию оборонцев-патриотов, на наш взгляд, Г.В. Плеханов: «Сначала победа, потом революция» [176].

Большинство меньшевиков, выдвигая лозунг «Ни побед, ни поражений», призывало к всеобщему миру, который стал бы прологом к европейской революции.

Позиция В.М. Чернова, одного из лидеров эсеров, была левоцентристской в партии и приближалась в вопросе войны к меньшевистской [177].

В.И. Ленин в Швейцарии сформулировал альтернативную антивоенную платформу большевиков. Он считал, что начавшаяся война носит с обеих сторон несправедливый, захватнический характер и поэтому в каждой воюющей стране социалисты-интернационалисты и рабочие должны продолжать классовую борьбу, не останавливаясь перед возможностью военного поражения своих правительств. По его мнению, лучшим ответом международного пролетариата на мировую войну была бы мировая революция, то есть социалистические революции в развитых странах Запада и демократические революции в странах второго эшелона развития капитализма, в том числе и в России, с перспективой последующего перерастания борьбы за демократию в борьбу за социализм. В.И. Ленин выдвинул лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую [178].

На избравших пораженческую позицию большевиков были обрушены правительственные репрессии: в июле 1914 г. закрыта газета «Правда», в ноябре в Государственной Думе закрыта фракция большевиков (а ее члены сосланы в Сибирь), продолжилась политика закрытия нелегальных организаций.

Литературно-интеллигентскую группу¹ при журнале «Русское богатство» представляла в 1914 г. Народно-социалистическая партия, находившаяся чуть правее эсеров в российском политическом спектре. Девятый номер журнала был посвящен войне и раскрытию позиции партии по отношению к ней. В статье Н.С. Русанова «Обзорение иностранной жизни»

---

¹ Своих депутатов ни в III, ни IV Государственные Думы энесам провести не удалось.

анализировались причины, значение и возможные последствия войны, а также приводились примеры отрицательного влияния войны на внутреннюю жизнь принимающих в ней участие стран. Указывая, что социалистические партии вотировали военные кредиты и в большей или меньшей мере одобрили действия своих правительств, автор сожалел, что социалисты не оказались, таким образом, «на высоте требований» своих программ, обязывающих их к активному противодействию военным начинаниям правительств [179]. А. В. Пешехонов писал, что, вопреки заявлению многих политических деятелей и органов периодической печати о полном единении России перед лицом внешней опасности, такого единения в действительности нет. Чтобы настало действительное единение всей страны, необходимо, полагал он, устранить внутренние противоречия [180]. В. А. Мякотин, полемизируя с князем Е. Трубецким, указывал, что задача настоящего момента заключается не столько в освобождении многочисленных славянских народов от ига «германизма», сколько в том, чтобы дать более справедливое решение национального вопроса в самой России [181].

Вступление России в войну вызвало по всей стране широкую волну благотворительности. Активными участниками данного движения стали самые разные слои общества: дворяне, купечество, средние слои городских обывателей, земские служащие, крестьяне, студенты. Это опять же было характерно для Российской империи в начальный период практически любой войны. В июле-августе 1914 г. во всех губерниях прошли срочные губернские и уездные земские собрания и чрезвычайные заседания городских дум и волостных сходов, на которых была не только сформулирована патриотическая позиция местных органов самоуправления в связи с началом войны, но и поднят вопрос о помощи семьям фронтовиков. Помимо этого органы местного самоуправления занялись организацией тыловых работ, обеспечением фронта сельскохозяйственными продуктами, оказанием помощи раненым, выдачей пособий семьям запасных, призванных на войну, раздачей бесплатного питания детей призванных в городских столовых и т. д.

Таким образом, несмотря на то что начавшаяся война была совершенно новым явлением в мировой истории, население

воспринимало ее и действовало в 1914 г. традиционно: патриотический подъем (вслед за опубликованием царского манифеста) характерен для большей части социальных групп, исключая крайне левых в политическом плане (большевиков, меньшевиков-интернационалистов, Петроградскую Межрайонную организацию РСДРП и эсеров-максималистов); печать приобретает официальный пропагандистский характер, ужесточается цензура; интерес к военным событиям усиливается, как только появляются очередные новости с фронтов, и постепенно ослабевает в периоды затишья; разворачивается национальная кампания благотворительности в пользу воинов и их семей, раненых, сирот.

В следующем году настроение общественности и тон прессы меняются. Началось Великое отступление русских армий (с середины весны по конец сентября — начало октября 1915 г.), поражение следовало за поражением, скрыть это от населения у правительства не было никакой возможности — города и села оставались один за другим, поток раненых и беженцев увеличился.

Центральной темой газет становятся трудности, вызванные войной. Резкое подорожание товаров широкого потребления вызвало у населения сомнение в патриотизме купцов и фабрикантов, думающих больше о собственной выгоде, чем о единстве фронта и тыла. Такого мнения придерживалась право-монархическая легальная и левая нелегальная печать. Либералы, земцы на страницах своих изданий пытались объяснить причины дороговизны объективными трудностями военного положения (сбои в работе транспорта, увеличение численности населения городов из-за беженцев и мобилизованных войск, сокращение посевов и т.д.).

В конце мая 1915 г. в Москве произошел немецкий погром, продолжавшийся три дня и захвативший пригороды. В погромах участвовало свыше 100 тыс. человек. Стараясь замаять скандал, были уволены градоначальник ген. А.А. Адрианов и полицмейстер Севенард. Не был отдан под суд ни один из участников погрома, а государственная комиссия четко установила: ни полиция, ни немцы, ни социал-демократы, включая большевиков, ни черносотенцы толпу не поднимали.

В том же мае 1915 г., в ответ на кризисное состояние снабжения армии боеприпасами¹ патриотически настроенные московские промышленники призвали к «мобилизации промышленности», которая должна дать армии необходимое оснащение. Лозунг нашел поддержку: были созданы военно-промышленные комитеты (ВПК), Всероссийский земский союз (ВЗС), Всероссийский союз городов (ВСГ), Земгор и другие общественные организации, осуществлявшие активную помощь армии и страдающему от войны населению [182]. Вместе с тем это позволяло консолидировать буржуазную оппозицию в местных органах власти и общественных организациях в масштабах страны. В качестве политических условий мобилизации страны для нужд обороны либералы выдвигали требования ликвидации засилья бюрократии, взаимодействия Государственной Думы и правительства, создания ответственного перед Государственной Думой министерства или министерства общественного доверия, привлечения к сотрудничеству «всех живых общественных сил». Об этом говорили в своих выступлениях кадеты, земские деятели на заседаниях городских дум, военно-промышленных комитетов, общественных благотворительных организаций. Эти идеи ежедневно проводила на своих страницах либеральная пресса.

В августе 1915 г. был создан Прогрессивный блок, который объединил большинство правых, умеренных и либеральных фракций Государственной Думы (236 из 422 ее депутатов) и три группы Госсовета («центр», «академическую» и так называемый внепартийный кружок). Своей целью блок провоз-

---

¹ Своя промышленность по производству вооружений, боеприпасов и снаряжения в Российской империи была недостаточно развита для нужд мировой войны. Союзники обещали поставки, однако Балтика и Черное море были закрыты Германией и Турцией, Архангельск не был полгода доступен, к Мурманску не было железной дороги, поэтому возросла роль Дальнего Востока и Сибири. «Владивосток, удаленный на пять с лишним тысяч верст от линии фронта, стал по сути дела тем единственным «окном», через которое российская армия получала вооружение, боеприпасы и снаряжение из Японии и Америки» (Шшикин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914–1922 гг. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-fareast/>).

гласил создание правительства из лиц, «пользующихся доверием страны».

Создание Прогрессивного блока было воспринято черносотенцами как сплочение врагов самодержавия, они попытались даже создать «черный» блок, однако преодолеть разногласия правые так и не смогли, правые идеи были непопулярны, наблюдалось значительное «левение» масс.

«Союз 17 октября» был окончательно дезорганизован в ходе войны. 1 июля 1915 г. прекратилось издание газеты «Голос Москвы», но отдельные партийные деятели (А.И. Гучков, М.В. Родзянко, И.В. Годнев) активно влияли на политическую жизнь страны вплоть до лета 1917 г. [183].

Кадеты были одними из инициаторов Прогрессивного блока, который требовал создания «министерства доверия» и проведения в государстве умеренных реформ, но правые блокировали их попытки: ни в Государственной Думе, ни в Государственном Совете требования кадетов не прошли. Самыми левыми в Прогрессивном блоке были прогрессисты, выдвигавшие ряд предложений по снятию социальной напряженности: в частности, они готовили создание «Союза союзов». Эта общественно-политическая организация должна была оказывать мощное давление на правительство, понуждая его ускорить проведение реформ. Но реализовать эти замыслы не удалось. 3 сентября 1915 г. Государственная Дума была распущена.

Эсеры-оборонцы эволюционировали в сторону революционного оборончества.

Меньшевики осуждали войну, требовали немедленно заключения мира; возникший кризис ускорит, как они утверждали, революции и на Западе, и в России. Выпуская революционно-пацифистские листовки, они, в отличие от большевиков, уклонялись от активной пропаганды революционных идей и в тылу, и в армии, и на флоте [184].

РСДРП(б) до весны 1917 г. не имела в России значительного влияния (после репрессий 1914 г.). Большевики вели революционную пропаганду среди солдат и рабочих, выпустили более 2 млн экземпляров антивоенных листовок. На Международной социалистической конференции в Циммервальде в сентябре 1915 г. В.И. Ленин, в соответствии с резолюцией Штутгартского

конгресса и Базельским манифестом II Интернационала, отстаивал свой тезис о необходимости превращения империалистической войны в войну гражданскую и выступал с лозунгом «революционного пораженчества» [185]. Большинство участников конференции его не поддержало, а проголосовало за «пацифистский» проект Л.Д. Троцкого. Однако Ленин и его сторонники с этим не согласились и возглавили группу наиболее последовательных интернационалистов — Циммервальдскую левую¹.

С февраля 1915 г. начинается подъем рабочего движения в Центральном промышленном районе, в июне число бастующих достигает 180 тыс., а в сентябре по стране бастовало около 250 тыс. рабочих. В конце лета и осенью 1915 г. повсеместно стали возрождаться или создаваться вновь рабочие организации — кооперативы, профсоюзы, больничные кассы, что говорило о росте самосознания и активности рабочих.

Поводом для недовольства были трудности в крестьянских семьях, из которых мужчины призывались в армию. Призывники старались обеспечить свои семьи дровами, заготавливая их в помещичьих лесах без разрешения владельцев. Отсюда возникали конфликты и с помещиками, и с государственной властью. Постоянным врагом крестьянской бедноты были кулаки. Крестьянские волнения в 1915 г. прошли в Волынской, Подольской, Минской, Могилевской, Тамбовской и Нижегородской губерниях. Недовольство вызывало и неравномерное распределение воинских повинностей между помещиками и крестьянами, с чем крестьянство, естественно, не соглашалось, считая такое положение несправедливым. Следовали вспышки стихийного возмущения, которые умирялись с помощью казаков и драгун. Недовольны были крестьяне и налоговой политикой, особенно введением новых налогов и сборов. С конца 1915 г., как отмечают жандармские источники, среди крестьян начали разрастаться «толки о мире».

---

¹ В состав группы вошли: В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, Я.А. Берзин (от ЦК «Социал-демократии Латышского края»), Ю. Борхардт (представитель группы Интернациональные социалисты Германии), Ф. Платтен (Швейцария), К. Радек (представитель Краевого правления Социал-демократии королевства Польского и Литвы), К. Хеглунд (Швеция) и Т. Нерман (Норвегия).

*«Заем свободы!
Война до победы!»
Русский плакат. 1917 г.*

Росло пьянство; к примеру, запрет на торговлю водкой создал на Дальнем Востоке огромные ножницы цен: если в пределах Маньчжурии ведро водки стоило 7 рублей, то в Забайкальской области оно стоило уже 60 рублей, а в Иркутске — 80 рублей. Масштабы контрабанды спиртного из Желтороссии в Империю в 1914–1917 гг. сопоставимы лишь с аналогичной контрабандой в США в эпоху сухого закона [186].

1916 год стал определяющим для России: экономика страны была перенапряжена, свирепствовал хозяйственный кризис, происходил рост рабочего и оппозиционного движений, распространялись слухи об измене в верхах власти. В этих условиях в русской армии (на фронте и в тылу) росло брожение: цели войны для солдатской массы были малопонятны и чужды, офицеры отмечали слишком частые ошибки командования в подготовке и проведении военных операций.

Уже с лета-осени 1915 г. и по начало 1917 г. «продовольственный вопрос» стал основным раздражителем спокойствия горожан и той лакмусовой бумажкой, что определяла полити-

ческие взгляды [187]. Снабжение провинции продовольствием и предметами первой необходимости осуществлялось в период войны нерегулярно, по остаточному принципу [188]. Е. Н. Кушнир указывает на следующие проблемы городов Западной Сибири в период Первой мировой войны: непонимание населением целей войны, мобилизация, уклонисты, перестройка сельского хозяйства и промышленности на нужды войны, раненые, беженцы, военнопленные, «окрестьянивание городов», антинемецкие настроения, плохая обеспеченность населения товарами первой необходимости и рост цен на них, пьянство и общая криминализация, нищенство и беспризорность, рост числа эпидемий (тиф) [189].

Чем дальше шла война, тем более злобным становился тон официальной печати, все больше яростных атак обрушивалось на «прогрессистов», отставки в правительстве следовали одна за другой («министерская чехарда» [190]). Солдаты из Вятской губернии в письмах с фронта предупреждали родных в тылу не доверять прессе: «Прошу я вас, тетя, чтоб газетам вы не верили, так как правду не выпускают»; «Газетам не верьте, что нам посылают подарки. Совершенно нам ничего не досталось»; «Победы, пишут, все на нашей стороне, вот как раз все это оказывается наоборот»; «Не верьте газетам — они пишут то, что им приказывают» [191].

К либеральной оппозиции присоединяются возмущенные правые. 19 ноября 1916 г. В. М. Пуришкевич выступил в Государственной Думе с «исторической речью о «темных силах» вокруг трона, закончив ее возгласом: «Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней общественной жизни!» О Распутине и его влиянии на власть ходило множество слухов [192]. Убийство Распутина¹ было последней попыткой правых дать возможность царю сменить курс.

Политическая и социальная напряженность побудила кадетов пойти на обострение отношений с царем и правительством. П. Н. Милюков в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. подверг резкой критике политику правительства, обвинил императри-

---

¹ В ночь на 17 декабря 1916 года во дворце Юсуповых на Мойке заговорщики (Ф. Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович, офицер британской разведки МИ-6 Освальд Рейнер) убили Г. Е. Распутина.

цу и премьер-министра России Бориса Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией; он обосновал обвинения заметками в немецких газетах. Речь П.Н. Милюкова «Что это, глупость или измена?» цензура не допустила к печати, но тем не менее она была распространена в миллионах экземплярах и в тылу, и в армии, еще более усиливая накал политической обстановки в стране [193].

В стачках и забастовках в 1916 г. в России участвовали 951 тыс. человек. Экономические забастовки были связаны с нехваткой продуктов питания, инфляцией, развитием спекуляции, протестом против войны, требованием увеличить заработную плату рабочим. Осенью 1916 г. особенно активным рабочее движение было в Петрограде [194].

Усилились в 1916 г. крестьянские протесты, выраженные в форме продовольственных волнений. Общий кризис в стране нарастал. К центральным регионам присоединились окраины. В июле 1916 г. ответом на непомерные военные поборы стало восстание народов Средней Азии и Казахстана. Патриотические настроения в обществе и армии ослабли, почти исчезли. Конец 1916 г. ознаменовался поворотом в массовой психологии, настроениях значительной части населения, прежде всего рабочих, крестьян и солдат, суть которого — страстное, стихийное стремление к миру.

В этих условиях император демонстрирует свое несогласие с Думой и производит новые изменения в правительстве [195]. В управлении экономикой империи наметились к 1917 г. серьезные проблемы, которые в сумме неизбежно приводили к самому чувствительному для населения последствию — кризису продовольственного снабжения [196].

В крупных городах России в начале 1917 г. участились перебои с поставками продовольствия, вследствие чего к середине февраля бастовали 90 тыс. рабочих Петрограда. Всего в России в январе-феврале 1917 г. бастовало около 700 тыс. человек, что свидетельствовало о назревании революционной ситуации. «Наметились кардинальные перемены в армии. Самознание солдат претерпело довольно значительную эволюцию, и с их настроением нельзя было не считаться» [197]. Падение нравственности отмечалось и в тылу, в людях выработалась

привычка к смерти, инстинкт самосохранения парализовался, интеллигенция задумалась о проблеме добра и зла [198].

Об этом в дни войны сказал Л. Андреев: «Настоящая война — явление порядка сверхчеловеческого. Смысл ее меняется с каждым днем, растет и углубляется, поднимается на головокружительную высоту. Начавшись борьбой сил материальных — так многим казалось вначале, она переходит в борьбу идей. Начатая людьми, она продолжается богами. Драматический элемент крови и страданий личности едва видим в озарении планетарных задач; участие Идей, олицетворяемых народами, несомых массами, утверждаемых огнем и громом, дает войне пафос трагический. Как бы снова молниями и громом заговорил Синай, какие-то новые заповеди вешаются человеку с его божественной высоты» [199]. Именно над непостижимостью войны, невыразимостью чувств человека рядом со смертью билась мысль писателей-фронтовиков Н. Гумилева, В. Катаева, Ф. Крюкова, Я. Окунева, Ф. Степуна, Б. Тимофеева, А. Толстова — всех, кто пытался передать ощущение войны.

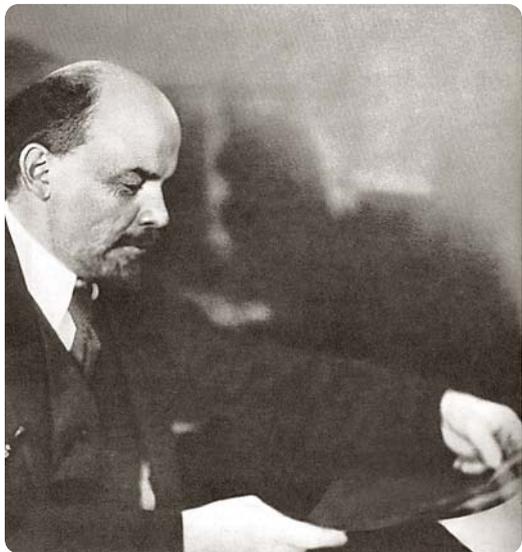
Февральская революция стала следствием народного недовольства, медленно вызревавшего, но проявившегося резко и бурно. Победа Февральской революции и курс Временного правительства на осуществление демократических преобразований получили в стране народную поддержку.

В политическом спектре страны произошли существенные изменения. Правые партии и октябристы практически утратили свое значение. Позиция кадетов, эсеров, меньшевиков по отношению к войне может быть обозначена как «революционное оборончество». С принятием «Приказа № 1» в армии был нарушен основополагающий для любой армии принцип единоначалия; в результате произошло резкое падение дисциплины и боеспособности русской армии, что в конечном итоге способствовало ее развалу. Вопрос о войне и мире стал одним из центральных в идейно-политической борьбе 1917 г.

Обращение Петроградского Совета «К народам всего мира» от 14 марта 1917 г., в котором наряду с идеей защиты революционного Отечества провозглашались отказ от захватнических целей войны и социалистическая «формула» мира без аннексий и контрибуций, получило широкий отклик и поддержку [200].

Позиция же Временного правительства была двойственной, что и продемонстрировала изданная 27 марта 1917 г. Декларация о перспективах участия России в Первой мировой войне. С одной стороны, в Декларации заявлялось о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»; с другой стороны, она содержала демократические пункты, вселявшие уверенность в скорое окончание военных действий. Декларация взволновала союзников, членов Антанты. Министр иностранных дел П.Н. Милюков разослал правительствам стран Антанты дополнительно к Декларации ноту от 18 апреля, в которой изложил позицию Временного правительства — довести мировую войну до победного конца. Это заявление Милюкова вызвало и у российского населения, и в армии взрыв негодования, вера в миролюбие Временного правительства исчезла, это был также серьезный удар по революционному оборончеству. В Петрограде прошли демонстрации с требованиями немедленного прекращения войны, передачи власти Советам. П.Н. Милюков и А.И. Гучков были вынуждены выйти из правительства.

Партия социалистов-революционеров — наиболее массовая и влиятельная в России после Февральской революции (к лету 1917 г. было 436 организаций партии, общая численность — около 1 млн человек). Эсерам ясна была связь между войной и революцией: или война погасит революцию, или революция покончит с войной. На III съезде партии была принята резолюция «Об отношении к войне», в которой главное требование — «Демократический мир всему миру!». Эсеры провозгласили Россию «третьей силой», которая положит конец войне. Партия выработала основные направления своей деятельности: во внешней политике — борьба с империализмом воюющих стран, восстановление II Интернационала; во внутренней политике — укрепление и развитие завоеваний Февральской революции. Единства в партии эсеров не было. «Эсеровский центр по вопросу о войне и мире постоянно подвергался критике справа и слева. Левые эсеры упрекали его в оборонческой фразеологии, правые же требовали большей активности в деле продолжения войны и окончательного разрыва «с циммервальдизмом, пораженчеством и большевизмом» [201].

*Владимир
Ильич Ленин*

Позиция большевиков после Февральской революции сформулирована в «Апрельских тезисах» В.И. Ленина (газета «Правда», 7 апреля 1917 г.). Тезисы открываются вопросом о войне, которая, «безусловно, остается грабительской империалистской войной», а потому «кончить войну истинно демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала» [202]. Тезисы вызвали резкое противодействие как умеренных социалистов (меньшевики и эсеры), так и части большевиков, но Ленин сумел быстро преодолеть сопротивление своей партии. Его идеи воодушевили народ, численность членов партии стремительно росла: 24 тыс. большевиков было в феврале 1917 г., 240 тыс. стало в июне, 350 тыс. — к октябрю 1917 г.

Блестяще подготовленное командованием июньское наступление 1917 г. провалилось из-за катастрофического падения дисциплины в русских войсках. Солдаты не хотели воевать, дезертирство стало обычным явлением в армии: солдаты-крестьяне торопились в свои деревни — успеть к «черному

переделу» земли [203] (стихийные захваты земли начались уже в апреле 1917 г.).

В дневнике А. Блока читаем: «Когда я вечером вышел на улицу, оказалось, что началось наступление, наши прорвали фронт и взяли 9000 пленных, а «Новое время», рот которого до сих пор не зажат (страшное русское добродушие!), обливает в своей вечерке русские войска грязью своих похвал. Обливает Керенского помоями своего восхищения. Улица возбуждена немного» [204].

Петроградские события 3–4 июля 1917 г. вызвали решительное политическое размежевание общественных сил в зависимости от отношения к вопросам о войне и о власти. Временное правительство в очередной раз выступило с Обращением к союзным державам с обещаниями продолжать войну [205]. Приказом главнокомандующего были запрещены все собрания и митинги во время боевых действий.

Большевики, которых изобличали и обвиняли как агентов Германии, оказались объектом критики со стороны всех политических партий. Против большевистской опасности активно выступали кадеты, правые эсеры и меньшевики-оборонцы.

Кадеты сделали ставку на Л.Г. Корнилова как военного диктатора. Корниловский мятеж в августе 1917 г. провалился, следствием чего стал разгром правой оппозиции, большевики были реабилитированы и усилили свое влияние по всем направлениям.

Временное правительство не справлялось ни с военной, ни с политической, ни с экономической ситуацией в стране. Попытка решить продовольственную проблему (через введение принудительной продразверстки) натолкнулась на стойкое сопротивление и помещиков, и крестьянских общин. Стало очевидным, что Россия стоит на пороге голода. Кризис охватил и промышленность, усугубив и без того тяжелое положение в стране.

На этом фоне весьма привлекательными для народа были идеи, пропагандируемые большевиками. Влияние большевиков стало преобладающим в крупных промышленных городах, в армии, на флоте (особенно в Петрограде и на Балтийском флоте). Совет Петрограда в сентябре-октябре 1917 г. был прак-

тически целиком большевистский (большевики составляли до 90% его членов). В маленьких же городах влияние большевиков почти не ощущалось, а в сельской местности преобладали эсеры. Большевики понимали, что основная территория страны и значительная часть населения находятся вне зоны их влияния и старались исправить такое положение (прежде всего, в армии, где партия развернула стремительную большевизацию низовых солдатских комитетов [206]). Особый размах большевизация приняла в Петроградском гарнизоне, чему невольно поспособствовал А. Ф. Керенский. Его попытка отправить на фронт наиболее разложившиеся части гарнизона только подтолкнула их к большевикам.

Петроградский гарнизон, кронштадтские матросы и рабочие-красногвардейцы стали основной вооруженной силой октябрьского восстания в Петрограде [207].

Октябрьский переворот в Петрограде (Великая Октябрьская социалистическая революция) стал началом практической реализации большевистской программы выхода из войны, изложенной в «Декрете о мире». Центральными пунктами Декрета были, во-первых, незамедлительное обращение ко всем воюющим народам и их правительствам с предложением заключения всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций; во-вторых, объявление перемирия на всех фронтах и начало переговоров о мире [208].

Переговоры о мире оказались длительными и привели совсем к другим результатам, нежели ожидали большевики. 3 марта 1918 г. был подписан Брестский мир, условия которого для России оказались кабальными [209]: Россия теряла большие территории, а вместе с ними — значительную часть сельскохозяйственной и промышленной базы страны. Брестский мир вызвал возмущение всех политических сил страны [210], православной церкви [211], населения, армии. С его кабальными условиями не была согласна и внутривластная большевистская оппозиция — «левые коммунисты».

Россия опять была ввергнута в пучину всенародных бедствий и мятежей. В Поволжье и Сибири провозглашены меньшевистские и эсеровские правительства, в Москве в июле 1918 г. левые эсеры подняли восстание против большевиков. Гражданская

Первый состав Совета Народных Комиссаров Советской России

война, до того проявлявшаяся как локальные стычки, охватила всю страну, начались широкомасштабные сражения.

Брестский мир оказался объективно выгоден только Германии, значительно укрепив позиции консервативного кайзеровского режима. Даже союзники большевиков говорили о «предательстве мировой революции». В знак протеста левые эсеры вышли из состава Совнаркома.

Произошли изменения в высшем военном руководстве: К.И. Шутко (член Высшего военного совета), Н.И. Подвойский (нарком по военным делам) и Н.В. Крыленко (Верховный главнокомандующий и комиссар по военным делам) ушли в отставку; левый эсер П.П. Прошьян был выведен из состава Высшего военного совета; Л.Д. Троцкий был освобожден от должности наркома по иностранным делам и назначен исполняющим обязанности председателя Высшего военного совета и наркомом по военным делам.

В.И. Ленин, наиболее горячий сторонник мира, назвал Брестский мир «похабным» и «несчастливым», «аннексионистским и насильственным» [212]. Однако нельзя не признать прозорливость и политическое чутье председателя Совнарком-

ма: Ленин после заключения мира получил непоколебимый авторитет в партии [213].

Первая мировая война определила и мировоззренческие позиции, и эмоциональные отношения в российском обществе, ибо оказалась связанной с весьма многими и важными внутренними событиями: две революции, Гражданская война, неоднократная смена власти, мятежи, необходимость политического и нравственного самоопределения и отдельных личностей, и целых социальных слоев.

Неоднозначное отношение к происходящему то пробуждало, то гасило проявления патриотических чувств, формировало национальное самосознание населения, понимание национальной общности в рамках одного государства, и при этом происходил трагический разрыв по политическим мотивам не только сословий, но и отдельных семей, когда родные люди оказывались по разные стороны баррикады. Письма и дневники людей того времени передают сложнейшую гамму чувств, переживаний, страданий людей, волей судьбы оказавшихся на изломе истории, но сохранивших в себе доблесть и благородство, человечность и готовность прийти на помощь и ближнему своему, и Родине, испытывающим потребность в общественно-полезной, благотворительной деятельности.

Как и в Русско-японскую войну, в начале Первой мировой войны печатные издания (прежде всего, православно-монархического направления) взяли на себя роль главного источника, информирующего о военных событиях и формирующего мировоззрение общества (и в целом, и отдельных его слоев в частности). Опыт информационного обеспечения населения, накопленный в период Русско-японской войны, был учтен и развит в годы Первой мировой войны [214].

Отношение населения и армии к войне не было одинаковым, эволюционировало, менялось. Периоды патриотического подъема сменялись апатией и отчаянием, отчаяние — надеждой и верой в успешное окончание войны и возвращение домой. Если 1914 г. прошел в основном на волне патриотического воодушевления, то с 1915 г. все отчетливее становится желание мира, завершения войны. В 1916 — начале 1917 г. кризис в стране так повлиял на общественное самосознание,

что вопрос о войне обратил общественное сознание к вопросам о власти. Здесь важен еще один существенный момент: разные слои населения по-разному, но осознали и уяснили, что личные судьбы и судьба страны зависят не от Бога или царя, а только от самих людей, от всех вместе и каждого в отдельности. Отсюда стремительный рост политической активности и населения, и армии, борьба различных политических партий. Все это приведет к укоренению в общественном сознании идеи революции и, наконец, к самой революции — Февральской.

Но произошедшая революция не привела к окончанию войны. Напротив, революция добавила новые проблемы и не сняла основной вопрос — о войне и власти. Ни действующее Временное правительство, ни рвущиеся к власти политические партии не смогли покончить с войной, вопрос о войне оказался прочно связанным с вопросом о власти.

Заключение большевиками Брестского мира не привело к успокоению народных масс, скорее, наоборот: возникли новые мятежи, началась новая война, еще более страшная и бессмысленная — Гражданская, охватившая всю страну и определившая сознание и поведение каждого человека, что в конечном итоге привело к вытеснению из народной и исторической памяти событий Первой мировой войны на русском фронте.

ГЛАВА 5

Новые европейские государства в годы Первой мировой войны

5.1. Финляндия

Финляндия была присоединена к Российской империи в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг. Ее положение на протяжении более чем столетнего периода пребывания в составе Российского государства претерпело существенные изменения. Вплоть до конца XIX в. Великое княжество Финляндское стремительно развивалось как особый национальный регион империи, де-факто обладавший автономным статусом. В управлении княжеством российское руководство позволило применить, с отдельными ограничениями, принцип разделения властей. Финляндия имела свой законодательный орган — сейм, собственную административно-исполнительную власть — Императорский финляндский сенат, независимый во внутренних делах от российского правительства. Органом, осуществлявшим прямую связь между Финляндией и российским императором, стал Статс-секретариат Великого княжества Финляндского во главе с министром статс-секретарем. Эту должность занимали, как правило, представители местной элиты [215].

Власть российского императора на территории Финляндии была ограничена так называемыми конституциями, под которыми понимались старая шведская «Форма правления» 1772 г.

и «Акт соединения и безопасности» 1789 г. Без одобрения сейма император, носивший титул великого князя, не мог проводить в Финляндии свои законы и вводить налоги. Российское законодательство не распространялись на Финляндию, и княжество продолжало жить на основе законов, унаследованных со времен шведского правления. Финляндия обладала и другими атрибутами внутренней самостоятельности, имея собственное почтовое ведомство, отличные от империи железнодорожную, таможенную и денежно-финансовую системы. Не распространялось на Финляндию и российское военное законодательство. Ее жители освобождались от воинской службы в империи, однако с 1878 г. могли служить в собственной, численно небольшой армии, которая стала символом особого статуса Финляндии в составе Российского государства. В начале XX в. финляндские войска были упразднены. В качестве компенсации за освобождение населения от воинской повинности княжество выплачивало российской казне так называемый военный налог. Сумма взноса составляла в 1914 г. 15 млн марок (5 млн 625 тыс. рублей) [216].

Особое положение Великого княжества в составе Российской империи было обусловлено военно-стратегическими причинами. Российские императоры беспокоились о том, чтобы в случае войны Финляндия не поставила под угрозу безопасность Петербурга. Поэтому они постарались пробудить в финляндском обществе симпатии к российскому правлению. Финляндия служила «европейским фасадом России» [217], который должен был показать общественному мнению западноевропейских стран, что вхождение в состав Российской империи есть благо для малого народа.

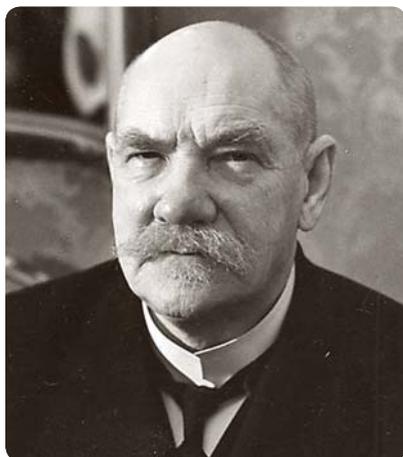
Предоставление широкой автономии, прагматичное сотрудничество с местной элитой и религиозная толерантность стали теми факторами, которые питали в течение почти целого столетия лояльность финляндцев по отношению к российскому самодержавию. Ситуация изменилась в конце XIX — начале XX в., когда царское правительство предприняло попытку ограничить финскую автономию с целью интеграции Великого княжества Финляндского в общеимперскую систему управления [218].

Политика ликвидации ранее обретенных автономных привилегий вызвала усиление националистических настроений в Финляндии. Защита автономных привилегий перед лицом наступавшего самодержавия объединила всех жителей Великого княжества, способствуя формированию единой финляндской нации.

К началу Первой мировой войны численность населения Финляндии составляла 3,289 млн человек. Финляндское общество было многонациональным. Финны составляли 86,75%, шведы — 12,89%, русские — 0,29%, саамы — 0,06% населения; 98% исповедовали лютеранство, православными считали себя 1,9% финляндцев [219]. С началом войны в Финляндии было введено военное положение, в связи с чем значительно ограничивалась деятельность местной администрации и возросли полномочия назначаемого императором генерал-губернатора. С 1909 г. этот пост занимал Ф.А. Зейн, который считал первоочередной своей задачей обеспечение в Финляндии мира и спокойствия. Достичь желаемой цели он предполагал различными, в основном репрессивными, методами.

В отношении финляндских политиков и общественных деятелей, которые, по мнению канцелярии генерал-губернатора, подстрекали население к антироссийским выступлениям, проводилась репрессивная политика. Довольно распространенным средством борьбы с оппозицией стала высылка наиболее дерзких оппозиционеров во внутренние регионы империи, в основном в Вятскую, Казанскую и Томскую губернии. К марту 1916 г. из княжества было выслано по распоряжению военных властей — 8, по постановлению финляндского генерал-губернатора — 25 человек. По официальным данным, принудительной ссылке за пропаганду сепаратизма и проявление германофильских чувств подверглись 14 человек [220]. Наибольший общественный резонанс вызвала высылка в конце ноября 1914 г. авторитетного финского политика, одного из лидеров партии младофиннов, бывшего тальмана (председателя финского парламента — сейма) П.Э. Свинхувуда за отказ признать прокурором финского сената русского чиновника А.А. Казанского. Свинхувуд полагал, что назначение на эту должность русского по национальности чиновника противоречит законам Великого княжества Фин-

*Пер Эвнд Свинхувуд
(1861–1944), финский
политический деятель*

ляндского. В ответ генерал-губернатор Зейн подписал приказ о его аресте и высылке. Свинхувуд был отправлен в Томскую губернию. Примечательно, что на заседаниях Совета министров в 1914–1915 гг. неоднократно обсуждался вопрос о его судьбе. Большинство членов российского правительства были согласны с тем, что высылка в Сибирь являлась ошибкой, и предлагали под предлогом поправки здоровья перевести Свинхувуда в более благоприятные места, например в Казань или вернуть в Финляндию. Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин также считал бессмысленным «держать» финляндского политика в Сибири [221]. Однако Свинхувуд вернулся домой только после Февральской революции в России.

С началом войны в Российской империи развернулась кампания борьбы с «германским засильем», которая распространилась и на территорию Великого княжества. Известный дипломат Г.Н. Михайловский образно назвал попытки властей ликвидировать немецкое влияние в империи «немцееством» и заметил по этому поводу, что «по логике вещей германскую чистку надо было начинать сверху, но ввиду той громадной роли, которую играли люди, так или иначе связанные с Германией, в высшей петербургской бюрократии, это было со-

вершенно невысказано» [222]. Поэтому бороться с «германским засильем» начали «снизу», с простыми обывателями немецкого происхождения. Например, большинство проживавших в Або (Турку) немцев выселили за пределы города. Осенью 1914 г. полицейское отделение финского города Улеаборг (Оулу) рапортовало губернатору о том, что в семьях немцев и австрийцев были проведены обыски [223].

Борьба с «германским засильем» коснулась и языка. В июне 1915 г. был издан указ, на основе которого запретили разговоры по-немецки на улицах, в трамваях, поездах, гостиницах, ресторанах и других общественных местах. Тех, кто нарушал указанные предписания, власти имели право подвергнуть трехмесячному тюремному заключению или заставить заплатить денежный штраф [224]. Однако немецкий язык не имел в то время такого широкого распространения в финляндском обществе, за исключением преподавателей и студентов университетов и других интеллектуалов.

Несмотря на то что полномочия финляндского генерал-губернатора возросли, он в основном занимался гражданскими вопросами и в соответствии с условиями военного положения подчинялся приказам командования размещенных в Финляндии российских войск. Финляндия входила в состав Петроградского военного округа. Подступы к российской столице и ее окрестностям защищала 6-я армия, 22-й армейский корпус которой был расквартирован непосредственно в княжестве [225].

Географическое и военно-стратегическое положение Великого княжества Финляндского как прикрытия российской столицы обусловило особое отношение военного руководства империи к Финляндии. Российские военные опасались германского военно-морского десанта на южное побережье Финляндии, поэтому основная часть 22-го корпуса размещалась на линии Котка — Выборг и Койвисто — Уусикиркко, кроме того, одна бригада дислоцировалась в районе Таммисаари — Гельсингфорс. В акватории Финского залива с такой тщательностью были установлены минные заграждения, что небезопасным стало прибрежное плавание торговых судов.

Кроме «германской угрозы» российская военная элита принимала во внимание фактор «шведской опасности». В предво-

енных разработках Генерального штаба и Генерального морского штаба Швеция относилась к потенциальным военным противникам России в Балтийском регионе. Однако военные аналитики скептически относились к возможности самостоятельного вступления Швеции в войну, но всерьез опасались шведского нападения в союзе с Германией. При этом вступление Швеции в войну связывалось военными аналитиками с национальным восстанием в Финляндии, в случае которого Швеция могла прийти на помощь своим соплеменникам по другую сторону границы [226]. В результате развития самого пессимистичного сценария на северо-западе Петроград оказался бы под серьезной угрозой германо-шведского наступления, поддержанного финляндским повстанческим движением.

Тем не менее вскоре выяснилось, что острие главного удара Германии на Восточном фронте было направлено против западных рубежей России. Швеция провозгласила нейтралитет и сосредоточилась на извлечении экономических и политических выгод от своего нейтрального статуса, умело лавируя между двумя противоборствующими коалициями. В итоге за Финляндией утвердилась роль периферийного в военном отношении региона империи [227]. 22-й армейский корпус был переброшен в окрестности Варшавы. Взамен его в мае-июне 1915 г. сформировали 42-й армейский корпус, подразделения которого размещались вдоль побережья Финского и Ботнического заливов. Штаб корпуса находился первоначально в Гельсингфорсе (Хельсинки), а с августа 1915 г. — в Таммерсфорсе (Тампере). Численность русских войск в Финляндии в период 1914–1916 гг. колебалась в пределах 35–40 тыс. человек [228]. Весной-летом 1917 г. из-за серьезных опасений германского военно-морского десанта количество русских войск увеличилось до 125 тыс., из них 100 тыс. — это сухопутные силы, 25 тыс. — Балтийский флот [229].

Первая мировая война принесла финляндцам немало сурпризов, в том числе и в экономическом развитии. Многие опасались серьезных экономических потрясений вследствие разрыва торгово-экономических связей с западными странами. Товарообмен с главным торговым партнером Финляндии — Германией — стал невозможным. Под германским давлением

Дания заминировала балтийские проливы, а германский флот взял под контроль западную часть Балтийского моря, в результате чего торговля Финляндии через Балтийское море также прекратилась. В первые месяцы войны действительно наблюдался застой в экономической жизни страны, особенно в тех отраслях экономики, которые ориентировались на экспорт. Объем внешней торговли уменьшился в 3 раза [230]. Из-за прекращения морской торговли с западными странами значительные потери понесло финское судоходство.

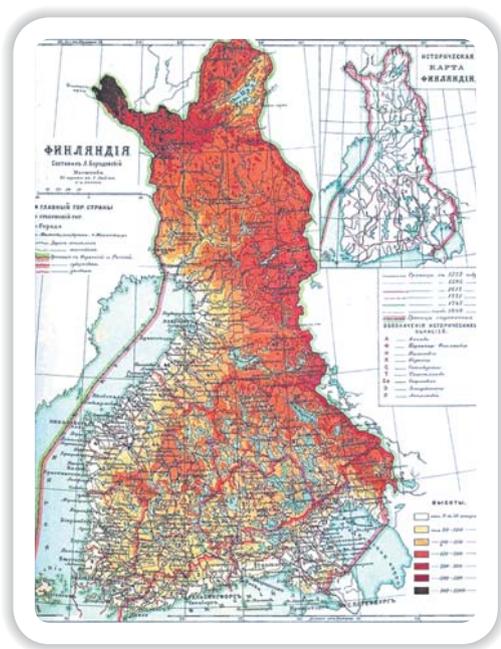
Трудности первых месяцев войны вскоре сменились экономическим подъемом, который продолжался вплоть до весны 1917 г. Прекращение товарообмена с Германией компенсировалось переориентацией финской экономики на российский рынок. В Финляндии российское правительство охотно размещало важные военные заказы. За счет увеличения финского экспорта в Россию произошло заметное расширение производства, особенно в таких отраслях, как металлообработка, бумажная, текстильная и кожевенная промышленность. Продукция финского животноводства также находила сбыт в российской столице. Рекордных объемов достиг экспорт финской бумаги: в Россию шло 89,3% ее экспорта, остальные 10,7% экспортировались в Швецию для дальнейшего транзита в Англию [231]. Большинство российских газет печаталось на финской бумаге. Ежемесячные «заработки» финляндской промышленности на российских заказах в 1915 г. составляли в среднем около 8 млн марок в месяц, что в 2 раза превышало сумму таможенного дохода страны в мирное время [232]. Индустрия Великого княжества поставила российской армии в 1915 г. военные материалы на сумму в 150 млн марок, в 1916 г. — 300 млн марок. Общий товарооборот с Россией вырос почти в 2 раза — с 589 млн в 1915 г. до 1087 млн марок в 1916 г. [233]. Неслучайно в годы войны финляндские предприниматели являлись самыми активными сторонниками политики сотрудничества с империей.

С расширением производства росло и количество рабочих, прежде всего в тех отраслях экономики, которые имели солидные государственные заказы. По сравнению с довоенным периодом, увеличение занятых в машиностроении, кожевен-

ной и химической промышленности произошло почти в 2 раза, в текстильной промышленности и металлообработке — более чем на 25,5% [234]. Таким образом, одним из важнейших последствий войны стала структурная перестройка финской промышленности, выразившаяся в снижении доли деревообрабатывающей и повышении удельного веса целлюлозно-бумажной, металлообрабатывающей, кожевенной, текстильной и химической промышленности в общей структуре финской экономики.

Война привела к переориентации внешнеэкономических связей Финляндии в сторону ближайших соседей: на Россию и Швецию приходилось 2/3 финского импорта [235]. Швеция играла первостепенную роль в снабжении Финляндии колониальными товарами: кофе, хлопком, рисом и другими продуктами и одновременно являлась транзитной страной для экспорта финской продукции в Англию. Если в предвоенный период доля России в финском импорте постепенно снижалась, упав к началу войны до 28–30%, то в военное время Великое княжество Финляндское уже не могло обходиться без российских товаров. Хлеб, табак и продукты питания (сахар, яйца) составляли от 25 до 40% российского экспорта в Финляндию [236]. Из Петрограда поступало также необходимое сырье для развития финской промышленности: цветные металлы, листовое железо, лен, пенька и др. Финский экспорт в годы войны почти целиком ориентировался на Россию. В результате финляндская экономика естественным путем стала связанной с экономикой империи, то есть за три года войны произошли настолько серьезные изменения, которые имперскому правительству и поддерживавшим его российским предпринимателям не удавалось провести с конца XIX в. при помощи всякого рода мер политического давления на финляндскую автономию. Наряду с интенсификацией торгово-экономического обмена Финляндия стала для империи важной территорией, через которую осуществлялся союзнический транзит грузов [237].

В целом три первых года войны были для Финляндии «временем оживленным и бодрым» [238]. Княжество богатело на госзаказах, экономика развивалась ускоренными темпами, вполне приемлемой оставалась ситуация с продовольствием.

Карта Финляндии из
«Словаря Брокгауза
и Ефрона». 1900 г.

Влияние Первой мировой войны на экономическое развитие Финляндии сопоставимо с теми изменениями, которые происходили в данный период в нейтральных странах. Кризисные явления в финской экономике усилились с весны 1917 г. и во многом были вызваны экономическим хаосом в России.

Война также оказала серьезное воздействие на финляндское национальное движение, в котором произошел серьезный раскол. Большинство населения княжества поддерживало политику лояльности по отношению к империи. Так, командир 22-го армейского корпуса А. фон дер Бринкен отмечал в письме генерал-губернатору Зейну, что финляндцы относятся к российским войскам с возрастающим сочувствием и пониманием [239]. Администрация княжества собирала пожертвования в пользу местного Красного Креста для обустройства военных госпиталей. В учебных заведениях собирали теплые вещи для фронта. На средства, собранные промышленниками, были оборудованы два полевых госпиталя и отправлены на фронт вместе

с финским медперсоналом. Финляндия приютила у себя потоки беженцев из воюющих с Россией государств.

Политика лояльности имела под собой веские основания. Во-первых, большинство надеялось на скоротечность победоносной войны, когда Россию поддерживали такие сильные в военном и экономическом отношении страны, как Великобритания и Франция. Кроме того, сотрудничавшие с империей политические партии надеялись на изменение финляндского курса российского правительства, полагая, что имперское руководство сумеет по достоинству оценить их усилия, восстановив автономные привилегии. Один из лидеров партии старофиннов Ю.К. Паасикиви высказал в тот период мысль, что финляндцам следовало стремиться к такой автономии, которая «была бы не во вред, а на благо Российского государства» [240].

Наряду со сторонниками сотрудничества с Россией, в финляндском национальном движении появилось проантантовское направление, которое выступало за получение Финляндией международных гарантий автономного статуса при содействии западных держав. Сторонники данного течения были верны идеалам западной демократии и либерализма, верили в победу Антанты и считали, что Англия и Франция, будучи союзниками России, вынудят последнюю пойти на изменение финляндского курса и восстановить автономный статус Финляндии в полном объеме [241].

Третье течение в финляндском национальном движении объединило проживавших в эмиграции (в основном в Швеции и Германии) ветеранов «активизма»¹ (бывших деятелей партии Активного сопротивления) и радикально настроенную часть интеллигенции и студенчества. Это течение ориентировалось на Германию, было сепаратистским по характеру и радикаль-

---

¹ «Активистами» называли сторонников «активного сопротивления» самодержавию, включавшего террористические акты против российских чиновников и подготовку вооруженного восстания. В 1904 г. в Финляндии была основана партия Активного сопротивления, напоминавшая по методам борьбы российских эсеров. «Активисты» придерживались принципа: «Враг России — друг Финляндии». В годы Русско-японской войны они пытались наладить сотрудничество с Японией, приобретая на выделенные средства оружие. В годы Первой мировой войны «активисты» поддерживали идею отделения Финляндии от России при содействии Германии.

ным по методам борьбы. В отличие от своих предшественников периода Первой русской революции, сотрудничавших с большевиками и эсерами, поздние, или новые, активисты отвергали взаимодействие с любыми российскими партиями и считали своими союзниками движения национальных меньшинств империи. Они провозгласили своей главной целью достижение Финляндией политической независимости. Но в практической деятельности их лидеры понимали под термином «независимость» прежде всего выход Финляндии из состава Российского государства, не исключая возможности перехода княжества под немецкий или шведский протекторат. В случае выхода Финляндии из состава Российской империи в виде самостоятельного государства «активисты» выступали за установление конституционно-монархической формы правления во главе с представителем германской правящей династии Гогенцоллернов и создание «Великой Финляндии», включавшей территории российской Карелии и Кольского полуострова¹.

В качестве главного союзника для реализации амбициозных целей финляндские сепаратисты выбрали Германскую империю. Подобный выбор был далеко не случайным. Многие финские сепаратисты являлись искренними поклонниками Германской империи. Германия с ее фантастической экономической мощью, сильной армией и известной всему миру наукой вызывала у них чувство восхищения. Большинство финляндских студентов и преподавателей, связавших свою судьбу с «активистским» движением, обучались в Германии или находились под сильным влиянием немецкой науки и культуры у себя на родине. Некоторые были просто прагматиками, полагая, что, опираясь на содействие Берлина, Финляндия имела больше шансов для выхода из состава Российской империи. В итоге основным способом борьбы за осуществление своего национального идеала стал для «новых активистов» метод «государственной измены» (*valtiopetoksen tie*), предполагавший сотрудничество с военным противником России — Германской империей.

Секретное сотрудничество Германии с «активистами» способствовало милитаризации финляндского национального

---

¹ Об идеологии «активистского» движения см. подробнее: [242].

движения, что нагляднее всего проявилось в практике егерского движения. Его результатом стало формирование из финляндских добровольцев на немецкой территории и при прямой поддержке Берлина 27-го Королевского Прусского егерского батальона¹.

Предыстория его создания такова. В конце ноября 1914 г. финляндские студенты, в основном шведы по происхождению, приняли решение о налаживании контактов с Германией, обратившись к германскому правительству с просьбой принять добровольцев на специальные курсы для военного обучения. 11 декабря 1914 г. глава германской дипломатической миссии в Стокгольме Г. Люциус фон Штеттен передал это послание рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу [243]. Реакция Берлина оказалась положительной. На совещании представителей Военного министерства, Генерального штаба и МИД в конце января 1915 г. было принято решение об открытии под Гамбургом, в местечке Локштедт, четырехнедельных курсов военной подготовки для 200 финляндских добровольцев. Как указывалось в протоколе Берлинского совещания, обучение имело целью «продемонстрировать симпатии Германии по отношению к Финляндии, приобщить финнов к высокой германской культуре и военному духу и в дальнейшем, в случае вторжения Швеции или финляндского восстания, сделать их способными к выполнению непосредственных военных задач на территории княжества» [244].

Спустя месяц 25 февраля 1915 г. началось функционирование Локштедтских курсов. Для обучения военному делу было 182 финляндца, из них 39 уже проживали в Германии. 145 добровольцев являлись студентами (76%), 64% участников считали родным шведский язык [245]. Для обеспечения секретности подготовки финляндские добровольцы надели униформу пфадфиндеров — немецких бойскаутов, в которой

---

¹ Об истории создания финляндского егерского батальона подробнее см.: *Donner K. Jääkäriiliikkeen synty ja kehitys Venäjän vallankumoukseen asti 1917 // Suomen Vapaussota. I. Jyväskylä, 1921. S. 79; Suomen jääkärien elämäkerrasto. Helsinki; 1975; Новикова И.Н. Молодые финны обязаны были служить Германии... всеми силами и на любых участках фронта // Военно-исторический журнал. 2004. №9. С. 35–41.*

они чувствовали себя, мягко говоря, неудобно. Первая группа добровольцев — это в основном дипломированные специалисты от 20 лет до 41 года: врачи, инженеры, учителя, деятели культуры. Одежда пятнадцатилетних немецких подростков была им явно не по душе, однако пришлось смириться. Руководил военным обучением потомственный военный, участник подавления восстания племен гереро в немецких африканских колониях майор Максимилиан Байер.

В середине июня 1915 г. курсы военной подготовки под Гамбургом были преобразованы в учебную группу «Локштедт», которая, согласно приказу военного министра В. фон Хоенборна, формировалась в виде егерского батальона, создаваемого из финляндских добровольцев и подчинявшегося германскому военному командованию. Финляндцы получали униформу прусских егерей и обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта». Берлин потребовал от финских добровольцев принять присягу и дать письменное обязательство защищать Германскую империю, при этом отказавшись взять на себя любые обязательства по отношению к финнам, ставшим на родине «государственными изменниками».

Для набора необходимого количества добровольцев в «финский легион»¹ в Финляндии была создана хорошо законспирированная сеть вербовщиков. Шведские пограничные службы также оказывали дружественный прием и поддержку финнам, тайно покинувшим свою страну, помогая им перебраться в Германию. В течение осени-зимы 1915/16 г. вербовка в Финляндии дала неплохие результаты. Общая численность егерского батальона составила около 1900 человек. Социальный состав батальона был крайне неоднороден: 52 человека, или 2,7%, имели законченное высшее образование, 270 (14,2%) являлись студентами, 259 человек (13,7%) — сельские жители, 563 (29,7%) являлись рабочими, финский торговый флот дал батальону 135 (7,3%) человек. В батальоне имелись также журналисты, адвокаты, художники, скульпторы, представители практически всех профессий тогдашней Финляндии [246].

---

¹ Такой термин нередко использовали германские военные в своей переписке.

Знамя 27-го кайзеровского (финского) егерского батальона

3 мая 1916 г. «финский легион» получил название 27-го Королевского Прусского егерского батальона. Перед отправкой на фронт кайзер Вильгельм лично принял парад финляндского егерского батальона, чтобы лишний раз продемонстрировать пример другим национальным движениям Российской империи, как следовало бы действовать. Подготовленные в Германии финские военные впоследствии сражались против России в составе 8-й германской армии на северо-западном участке Восточного фронта, в районе Рижского залива, Митавы (Елгава). Эти «государственные изменники» понесли гораздо меньшие потери (96 человек, большинство из которых умерли от малярии и туберкулеза), чем финны, сражавшиеся на стороне Российской армии, общие потери которых составили около 200 человек из 800 [247].

В конце 1916 — начале 1917 г. из-за волнений в егерском батальоне начался процесс его дробления. Часть военнослужащих продолжили обучение организации диверсий и подрывному делу. Финские егеря были направлены, в частности, для проведения диверсий на строящейся Мурманской железной дороге, а также организации побегов для немецких и австрийских воен-

нопленных, трудившихся на ее постройке. Примечательно, что в январе 1917 г. на севере Норвегии при обыске арестованных финских егерей были найдены стеклянные ампулы, содержавшие споры сибирской язвы, аккуратно спрятанные в кусочках сахара [248], то есть егеря были готовы применить бактериологическое оружие против лошадей и оленей, используемых для перевозки союзнических грузов на Севере Европы.

Характеризуя значение егерского движения для Финляндии, следует отметить, что его участники агитировали в пользу идеи независимости. Но они имели слабую поддержку в финляндском обществе. Предприниматели и многие авторитетные политики считали участников движения авантюристами. Руководство егерским движением находилось в руках осевших в Берлине и Стокгольме финляндских эмигрантов.

Информация о егерском движении оказала влияние на финляндскую политику Российской империи. Во-первых, для ослабления недоверия финляндцев к государственной власти царское правительство в условиях военного времени разрешило проведение выборов в финляндский парламент — сейм, которые состоялись в июле 1916 г. Подобный шаг был призван направить недовольство определенной части населения края в цивилизованные рамки политической борьбы. Результаты выборов стали знаменательными. Впервые в истории социал-демократы получили большинство мест в парламенте — 103 из 200. Во-вторых, российское руководство отказалось от распространения воинской повинности на Финляндию. В Петрограде не было уверенности в том, что финляндцы не направят оружие против империи [249].

Первая мировая война не только расколола финляндское национальное движение, но и разбросала по разные стороны линии фронта его участников. С одной стороны, за Германию на Восточном фронте сражался финляндский егерский батальон. С другой — около 700–800 финляндцев — добровольцев и военнотружущих царской армии служили России на фронте [250]. Самым известным среди финляндцев — военнотружущих Российской империи стал Густав Маннергейм, награжденный Георгиевским крестом IV степени и закончивший войну командующим кавалерийским корпусом в чине генерал-лейтенанта.

Февральская революция в России была встречена с энтузиазмом в финляндском обществе. В Финляндии полагали, что центральная власть в России изменилась, и эти перемены можно было бы использовать на благо своего края. Для лидеров большинства политических партий «кадетская Россия являлась воплощением идеального государства, в рамках которого Финляндия могла быть счастливой» [251].

Действительно, в финляндской политике России произошли существенные изменения. 7 (20) марта 1917 г. Временное правительство приняло «Акт об утверждении Конституции Великого княжества Финляндского и о применении ее в полном объеме», согласно которому восстанавливались все прежние права автономии, которых Финляндия лишилась в ходе унификационных мероприятий российского самодержавия [252]. Генерал-губернатор Зейн был арестован, а деятели финляндской оппозиции, включая участников егерского движения, наоборот, амнистированы. Новым генерал-губернатором был назначен бывший член Государственного Совета, известный своими выступлениями в защиту автономных прав Финляндии М.А. Стахович.

Временное правительство в своем финляндском курсе преследовало следующие цели: во-первых, обеспечить лояльность населения княжества по отношению к республиканской России; во-вторых, привлечь его к активному сотрудничеству с центральной властью в Петрограде; в-третьих, заставить отказаться от контактов с Германией; наконец, привлечь финляндских добровольцев служить в российской армии¹.

Весной 1917 г. в Финляндии на партийных собраниях и в прессе широко обсуждались два вопроса: будущий государственно-правовой статус княжества и механизмы взаимодействия с империей. Прежде всего следовало решить, кому перешла верховная власть над княжеством после отречения монарха от престола. Согласно мартовскому манифесту Временного правительства, именно оно до созыва Учредительного собрания считало себя преемником верховных прав над

---

¹ О политике Временного правительства в «финляндском вопросе» подробнее см.: [253].

Финляндией, принадлежавших российскому императору. Но многие финляндские правоведа оспаривали законность подобного положения.

31 марта 1917 г. финляндский сенат учредил Конституционный комитет во главе с К. Столбергом. В задачу комитета входила подготовка государственно-правового договора между Финляндией и Россией. Конституционный комитет разработал проект, по которому значительная часть принадлежавших российскому императору прав (созыв и роспуск сейма, одобрение законов и др.) переходила к финляндскому правительству. При этом Временное правительство оставляло бы за собой право назначения высших должностных лиц в Финляндии, а также вопросы обороны и внешней политики [254].

Временное правительство отклонило данный вариант государственно-правового договора с Финляндией. Оно считало своим долгом сохранить державу единой, по крайней мере до тех пор, пока не будет создано Учредительное собрание. Установка на продолжение войны с новыми силами также требовала противодействия всему, что могло привести к ослаблению России [255].

В начале июля 1917 г. в Петрограде разразился очередной политический кризис. Власть Временного правительства висела на волоске. В данной ситуации 5 (18) июля 1917 г. финляндский сейм одобрил большинством голосов (136 — «за», 55 — «против») Закон о верховной власти, согласно которому ранее принадлежавшие российскому монарху права в Финляндии передавались, за исключением внешнеполитической и военной сфер, парламенту [256]. Следует отметить, что Закон принимался в разгар июльского кризиса, когда еще не был ясен исход борьбы в Петрограде. Информация о событиях в российской столице поступала неполная и противоречивая. Многие депутаты сейма считали власть Временного правительства низложенной и предпочитали воспользоваться моментом безвластия.

В ответ 18 (31) июля 1917 г. Временное правительство издало манифест о роспуске финляндского сейма. По-видимому, это была одна из его роковых ошибок. Сейм, несмотря на весь свой пыл в отстаивании национальной самостоятельности, на

самом деле добивался для княжества широчайшей внутренней автономии, а не отделения от России. Стратегические интересы России не были затронуты Законом о власти. Вопросов внешней политики сейм не касался, вывода русских войск не требовал.

Период, последовавший за разгоном сейма, характеризовался стремительной радикализацией финляндского общества, имевшей под собой экономические, политические и национальные причины. Прежде всего с весны 1917 г. обострился продовольственный кризис, связанный с ростом цен и задержками поступления продовольствия из Петрограда. Цены на продукты питания за годы войны выросли в среднем в 3–4 раза, цена на сливочное масло увеличилась с 1914 г. в 18 раз [257]. Задержки с поставками продовольствия из России начались еще в конце 1916 г. Весной 1917 г. ситуация заметно ухудшилась, осенью поступления хлеба в Финляндию прекратились. Страна оказалась на грани голода. К середине сентября 1917 г. в Финляндии не хватало более 1 млн пудов хлеба [258]. В хлеб примешивали льняное семя, картофельную шелуху, древесную кору, лишайник. В связи с сокращением военных заказов и оборонных работ в княжестве также выросла безработица.

В местах наибольшего скопления воинских частей среди местных жителей росли подогреваемые продовольственным кризисом антироссийские настроения [259]. На смену образу русского солдата — защитника Финляндии пришел образ «нежелательного едока», опустошавшего и без того скудные финские закрома. Газеты детально описывали сытую жизнь русских солдат, подсчитывая, сколько бочек финского масла и голов скота ежедневно уходило на пропитание войск [260].

Расквартированные в княжестве войска представляли собой печальный результат политики Временного правительства в сфере демократизации армии. С весны-лета 1917 г. финские газеты, вне зависимости от их политической ориентации, пестрели сообщениями о многочисленных случаях нарушения российскими солдатами местных законов и общественной морали [261]. Сообщения финских газет подтверждались российскими источниками. Так, в рапорте, подготовленном одним из сотрудников контрразведки Балтийского флота, указывалось,

что «русские войска постоянно поддерживают всякие беспорядки и вмешиваются в распоряжения местных органов власти. Подобными действиями они возбуждают против себя жителей, и так терпящих большие убытки от постоя войск (вырубка лесов, незаконные реквизиции, глушение рыбы динамитом и т.д.)» [262]. Деморализация и общее падение дисциплины, экспроприации продовольствия способствовали росту сепаратистских настроений даже у тех местных жителей, кто ими был менее всего заражен. Особенно плохо к российским войскам относились в северно-западной Финляндии, население которой уже с июня 1917 г. требовало их удаления. Причем финские рабочие в этом требовании были солидарны с крестьянами и местной буржуазией [263].

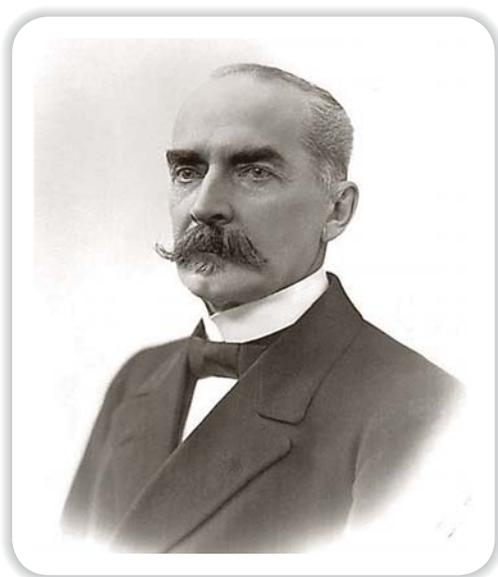
В обстановке растущей революционной анархии происходила милитаризация финляндского общества, когда простые труженники приходили к выводу, что единственным средством защиты от хаоса и произвола является винтовка. Весной-летом 1917 г. началось создание местных военизированных формирований — шюцкоров, официально призванных поддерживать внутренний порядок в крае. Шюцкор быстрее всего создавался в губерниях северо-западной и центральной Финляндии [264].

Почти одновременно появилась и создаваемая социал-демократами рабочая «гвардия порядка», которая местами получила название Красной гвардии. Причем на начальных этапах формирования между двумя вооруженными организациями не наблюдалось острых противоречий. Военные тренировки и тех, и других на одном плацу не были редкостью. Рабочие иногда вступали в шюцкор, что не вызывало протестов со стороны социал-демократии.

Постепенно различия между шюцкором и Красной гвардией становились более серьезными. Шюцкор поддерживали буржуазия и зажиточное крестьянство, красная гвардия формировалась преимущественно из рабочих промышленно развитой юго-западной Финляндии. В окрестностях столицы в красногвардейцы охотно рекрутировался пролетариат, оставшийся без работы.

Определенную роль в радикализации национальных стремлений финляндцев сыграл также фактор усиления германского

*Каарло Стольберг
(1865–1952), финский
государственный
и политический
деятель*

военного присутствия в Балтийском регионе. 23 апреля 1917 г. на совещании в Крейцнахе германское Верховное командование обещало финским «активистам» поставки оружия. В мае 1917 г. германская подводная лодка «UC 78» доставила в княжество первую партию [265]. С лета 1917 г. увеличилось количество финских егерей, отправляемых в Финляндию с целью создания там шюцкора. Глава германского МИД А. Циммерман в телеграмме генералу Э. Людендорфу указывал: «Мы сейчас многих получивших военное образование финляндцев по возможности отправляем в Финляндию и поддерживаем страну в создании военной организации. Правда, о нашей помощи не должно быть известно» [266].

9 августа 1917 г. в Крейцнахе состоялось второе совещание германского руководства. В отношении России военные цели Германии были сосредоточены на двух направлениях: юго-восточном — на Украину, где предполагалось использовать украинское сепаратистское движение, и северо-восточном — на Прибалтийские провинции и Финляндию [267]. На августовском совещании впервые за годы мировой войны герман-

ское руководство посчитало целесообразным включить Великое княжество Финляндское в свою сферу влияния. С августа 1917 г. курс на отделение его от России получил официальное признание и стал составной частью программы германских военных целей на Востоке.

В это время российское военное командование с горечью отмечало рост германофильских настроений среди населения Финляндии и полагало, что в случае десанта немецких войск финляндцы скорее всего окажут им содействие. Жители княжества возлагали также надежды на то, что Германия поможет решить остро стоявший в Финляндии продовольственный вопрос [268].

Финляндская правящая элита была всерьез обеспокоена усилением российской революционной власти в княжестве в лице Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих. Ведущую роль в данной организации играли Гельсингфорсский Совет и Центральный комитет Балтийского флота — Центробалт. На проходившем в сентябре 1917 г. III Областном съезде армии, флота и рабочих Финляндии победу одержали большевики. Председателем исполкома Областного комитета был избран И. Т. Смилга. Под его руководством 20 сентября (3 октября) 1917 г. упомянутый орган власти взял под свой контроль все российские правительственные учреждения княжества. Без одобрения Областного комитета распоряжения Временного правительства в крае не выполнялись.

Наконец, не последнюю роль в радикализации национальных требований финляндской элиты сыграл ее конфликт с социал-демократами. Финляндское общество в течение 1917 г. политически раскололось на сторонников буржуазной демократии и приверженцев социализма. Необходимы были серьезные реформы в социальной сфере, но политическая элита не торопилась с их проведением, считая распространение революционных идей следствием агитации из России.

Октябрьская революция придавала новый импульс стремлению финляндской политической элиты к полной государственной независимости. 15 ноября финский парламент объявил себя верховным органом власти в Финляндии. Было сформировано новое правительство во главе с П. Э. Свинхувудом, который выступал

за скорейшую изоляцию Великого княжества от революционной анархии в Петрограде и не скрывал своей прогерманской ориентации. По его поручению в Берлин выехала делегация представителей антироссийской оппозиции во главе с профессором Э. Ельтом. Ее цель заключалась в том, чтобы прозондировать перспективы поддержки Германией выхода Финляндии из состава Российского государства. Согласно воспоминаниям курировавшего финляндское сепаратистское движение советника германского МИД Р. Надольны, финляндские «активисты» обратились с просьбой содействовать провозглашению независимости Финляндии. Надольны ответил им, что об этом не может быть и речи, ибо страна, «которая желает стать полностью свободной и самостоятельной, должна сама заявить о своей независимости» [269]. Он посоветовал финляндцам решиться на такой шаг, после чего с немецкой стороны можно было ожидать поддержки.

26 ноября 1917 г. финляндская делегация встретилась в германской Ставке в Крейцнахе с самым влиятельным руководителем немецкого Верховного командования генералом Э. Людендорфом. Людендорф настоятельно рекомендовал после подписания перемирия между Россией и Германией как можно скорее сделать заявление о независимости Финляндии и потребовать вывода русских войск. Ельт в своих воспоминаниях отметил факт давления на финскую делегацию со стороны Людендорфа в пользу скорейшего заявления о независимости [270]. В данном случае генерал обещал Финляндии дипломатическую поддержку на мирных переговорах с Россией, а также продолжение поставок немецкого оружия и содействие в возвращении на родину егерского батальона [271].

Ельт сразу же передал сообщение в Гельсингфорс. Это известие ускорило появление Декларации о государственной независимости Финляндии. Финляндские «активисты» чувствовали за своей спиной поддержку великой державы, что прибавляло их действиям решительности¹.

4 декабря 1917 г. Свинхувуд внес на рассмотрение правительства проект об объявлении Финляндии независимой

---

¹ О мотивах поддержки немцами Верховным командованием провозглашения Финляндией независимости см. подробнее: *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002 С. 180–197.

республикой. Спустя два дня, 6 декабря 1917 г., Декларации независимости была принята 100 голосами против 88 [272]. 31 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров признал независимость Финляндии. 4 января 1918 г. это постановление ратифицировал ВЦИК.

Финляндия юридически обрела независимость, но оказалась в центре борьбы за сферы влияния между революционной Россией и кайзеровской Германией. Большевики воспринимали ее территорию, по образному выражению Г. Зиновьева, в качестве «окна русской революции в Европу» [273]. Германия, со своей стороны, отвела Финляндии роль «северного форпоста Срединной Европы», с помощью которого можно было держать под угрозой Петроград. Противоборство двух великих держав усугубило внутренний раскол в финляндском обществе и способствовало разжиганию гражданской войны.

Вскоре после обретения независимости в Финляндии вспыхнула революция и разгорелась ожесточенная гражданская война. В окрестностях финской столицы она началась под давлением Красной гвардии, руководители которой разделяли более радикальные взгляды, чем ориентированные на парламентские методы борьбы лидеры социал-демократической партии. В январе 1918 г. отряды финской Красной гвардии заняли бывшую резиденцию российских генерал-губернаторов в Гельсингфорсе.

В ответ правительство Свинхувуда обратилось к парламенту с просьбой предоставить ему чрезвычайные полномочия для «восстановления порядка в стране». 12 января парламент одобрил данное предложение. Шюцкор был преобразован в правительственные войска. 16 января 1918 г. Свинхувуд назначил главнокомандующим финской армией бывшего генерал-лейтенанта российской армии К.Г. Маннергейма, который под видом коммерсанта Мальберга инкогнито отправился на северо-запад страны с целью создания там армии. Часть оружия была втайне приобретена в Германии, часть — куплена у русских солдат или привезена контрабандным путем из Петрограда [274].

Центром формирования армии Маннергейма стали северо-западные, приотнические регионы Финляндии, где капита-

лизм развивался медленно, социалистические идеи имели меньшее распространение, влияние лютеранской церкви было более сильным, сохранялись тесные связи со Швецией. В конце февраля 1918 г. из Германии вернулись финляндские егеря, составившие ядро армии Маннергейма.

По иронии судьбы, правительственные войска и Красная гвардия начали военные действия почти одновременно. В течение 25–28 января 1918 г. шюцкоровцы приступили к разоружению изолированных друг от друга русских гарнизонов в северной и северо-западной Финляндии [275]. 5 тыс. русских солдат сложили оружие, было захвачено 8 тыс. винтовок, 34 пулемета, 37 орудий, несколько минометов и большое количество снаряжения и боеприпасов [276].

В ночь с 27 на 28 января Красная гвардия захватила власть в южной Финляндии. В Гельсингфорсе было сформировано революционное социал-демократическое правительство — Совет народных уполномоченных во главе с К. Маннером¹.

Четырем членам правительства Свинхувуда удалось бежать на северо-запад страны — в город Вааса. Чудом избежавший ареста Свинхувуд через Таллинн, Берлин и Стокгольм прибыл туда только 23 марта 1918 г. [278]. Таким образом, страна оказалась расколота на две половины: сельскохозяйственный север и северо-запад (4/5 территории) был в руках белофиннов, промышленный юг — в руках красных финнов.

Третью военную силу в Финляндии представляли российские войска, численность которых в январе 1918 г. составляла примерно 42 тыс. 500 человек² [279]. В войсках также произошел раскол. После нападения шюцкора на российские гарнизоны, 29 января 1918 г. солдатский комитет 42-го армейского корпуса издал приказ о начале боевых действий с финской белой армией (на Выборгском участке фронта). Приказ заканчивался лозунгами: «Победим кровожадную буржуазию!» и «Да здравствует мировая революция!» [280]. Однако военное ко-

---

¹ О революции в Финляндии см. подробнее: [277].

² По некоторым данным, численность русских войск в Финляндии в начале января 1918 г. составляла 73 тыс. человек. См.: *Дубровская Е.Ю.* Указ. соч. С. 50; *Невалайнен П.* Изгои. Русские беженцы в Финляндии 1917–1939 гг. СПб., 2003. С. 61.

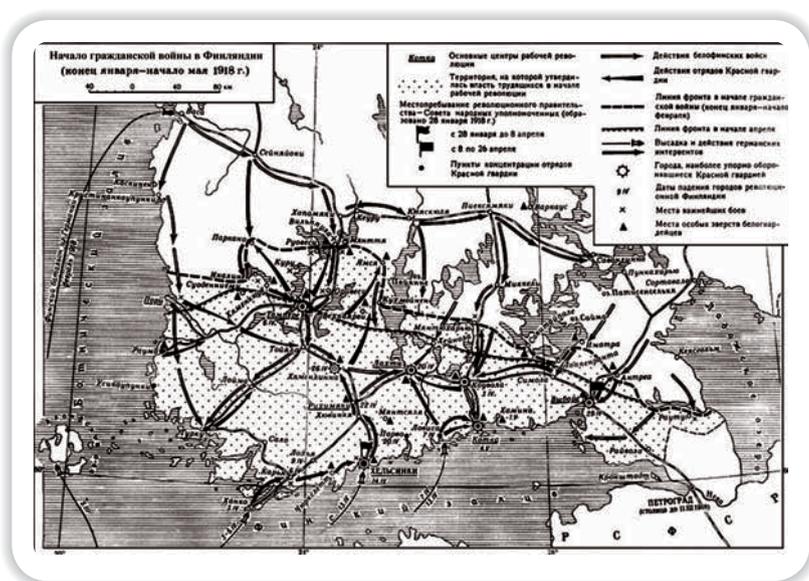
мандование размещенных в Финляндии войск не поддержало решение революционного комитета, заявив, что «вмешательство в финскую гражданскую войну может стать источником нашего нового военного позора» [281].

В итоге часть российских солдат примкнула к «красным финнам», на стороне которых сражалось от 3,5 до 5 тыс. военнослужащих [282]. Наибольшую известность приобрел полковник генштаба М.С. Свечников, который стал главным военным советником финской Красной гвардии. Отдельные офицеры примкнули к белым. Большинство оставалось нейтральным, мечтая о скорейшем возвращении домой. Командующий сухопутными войсками, подчиненными штабу Балтийского флота, П. Крузенштерн с горечью сообщал в конце января в Центробалт, что его должность потеряла всякий смысл, ибо управлять стало некем [283]. Поэтому разоружение шюцкоровцами российских гарнизонов не встречало сильного сопротивления. В восточных районах Финляндии белогвардейцы интернировали и отправляли безоружных солдат в Россию.

После заключения 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора Советская Россия обязалась вывести свои войска и флот из Финляндии и прекратить агитацию против буржуазного финского правительства [284]. По данным Свечникова, в Финляндии оставалось не более 1 тыс. русских солдат, демобилизованных из армии и вступивших добровольцами в финскую Красную гвардию [285].

Вмешательство отдельных российских гарнизонов в финскую гражданскую войну позволило сторонникам белой Финляндии представить восстание на юге страны как акт государственной измены, а действия белой армии — как освободительную войну против России, придавая тем самым борьбе белофиннов против красных финнов патриотическую окраску. В армию Маннергейма добровольно вступали прежде всего свободные финские крестьяне, которые поверили, что революционеры хотят вновь подчинить страну России.

Более объективным представляется многомерный подход к рассмотрению событий зимы-весны 1918 г., которые стали результатом сложного переплетения в финском обществе противоречий, приведших к совпадению революции, гражданской

Гражданская война в Финляндии. Январь-май 1918 г.

и освободительной войн. В духовной сфере гражданская война проявилась в ожесточенном столкновении двух идеологий — радикального национализма и пролетарского интернационализма. В финляндском обществе существовали также представления о гражданской войне 1918 г. как о расовом конфликте. Многие образованные белофинны, прежде всего шведоязычные офицеры и дворянство, рассматривали указанные события через призму расового конфликта, противопоставляя нордическую, германскую расу шведов «гибридной» финской расе, в которой смешалась монгольская и славянская кровь.

Острый внутренний конфликт в финляндском обществе был усугублен вмешательством иностранных государств. Правительство Свинхувуда обратилось за помощью к Швеции и Германии. Шведское правительство отклонило просьбу об интервенции, обещая оказать миротворческие услуги в форме посредничества между сражавшимися сторонами и настаивая на выводе российских войск с финской территории [286]. На

стороне армии Маннергейма все же воевали шведские добровольцы, которые внесли заметный вклад в организацию белой армии¹.

Германия оказывала военную поддержку правительству Свинхувуда, однако активное вмешательство Берлина в финскую гражданскую войну стало возможным лишь после подписания Брест-Литовского мирного договора с Россией.

Форсировать подготовку интервенции в Финляндию вынудила германских военных высадка шведского десанта на Аландских островах. Шведские консерваторы и генералитет решили воспользоваться ситуацией финской гражданской войны и вернуть Швеции населенные преимущественно шведами Аландские острова. Этой акции способствовал рост сепаратистских настроений среди жителей Аландского архипелага. Во второй половине февраля 1918 г. основная часть шведского экспедиционного корпуса высадилась на Аландских островах [287].

Высадка шведского десанта подтолкнула Берлин к скорейшей отправке немецких войск в Финляндию. 5 марта 1918 г. ограниченный немецкий военно-морской десант в количестве чуть более 1100 человек высадился на Аландах в гавани Экере, в том самом месте, где на рейде стояли шведские корабли «Швеция» и «Оскар II». Немецкие и шведские войска разделили между собой контролируемые территории и приступили к разоружению русского гарнизона. 1200 российских солдат было вывезено на немецких судах на материк. Шведский контингент покинул Аланды к 25 мая 1918 г. [288].

Юридически Финляндия, как бывшая часть Российской империи, продолжала находиться в состоянии войны с Германией. Чтобы исправить данное положение, 7 марта 1918 г. в Берлине был подписан германо-финский мирный договор. Текст договора основывался на немецком проекте. Он значительно ограничивал внешнеполитическую самостоятельность Финляндии, которая, к примеру, обязалась без предварительного согласования с Берлином не предоставлять часть своей территории другой державе. Германии также удалось навязать

---

¹ Из 1169 добровольцев 94 являлись офицерами, многие из которых служили в шведском Генеральном штабе (*Soikkanen H.* Op. cit. S. 169).

невыгодное для Финляндии соглашение о торговле и мореплавании и секретный дополнительный протокол, который предусматривал в случае обращения за помощью правительства Финляндии оказание таковой со стороны Германии. Финское правительство брало на себя обязательство интернировать находящиеся в финских гаванях или позднее прибывающие военно-морские корабли держав Антанты. Пункт 3 секретного протокола налагал на Финляндию обязательство содействовать германским военно-морским силам, действовавшим в финских территориальных водах. Германия получила право создавать в любом месте финской территории военно-морские базы, а в пограничном со Швецией городе Торнио установить контрольно-пропускной пункт, как указывалось в документе, «для борьбы против иностранного шпионажа» [289].

Большинство финляндских граждан не подозревало о существовании секретного протокола. Маннергейм крайне негативно оценил упомянутые документы, справедливо полагая, что они являлись показателем того, «как мало верило финское правительство в собственные силы» [290]. Недавно обретенная Финляндией независимость оказалась ограниченной в рамках условий, продиктованных из Берлина.

3 апреля 1918 г. германская эскадра, насчитывавшая более 50 судов, в том числе 2 линкора, 3 крейсера, 10 пароходов, ряд транспортных судов, высадилась на полуострове Ханко [291]. Во главе высаженной Балтийской дивизии стоял генерал Рюдигер фон дер Гольц. Спустя три дня, 7 апреля 1918 г., близ Ловизы, что в 100 км восточнее Гельсингфорса, был высажен отряд полковника Отто Бранденштейна. Это подразделение заняло Лахти и установило контроль над железной дорогой Рихимяки — Выборг, отрезав тем самым Красную гвардию от Выборга и России и лишив возможности перебрасывать подкрепления к Гельсингфорсу. Балтийская дивизия насчитывала около 10 тыс. человек, отряд Бранденштейна — 3034 человека, то есть всего в германской интервенции принимало чуть более 13 тыс. солдат. [292].

Балтийская дивизия устремилась к Гельсингфорсу. 14 апреля финская столица оказалась в руках немецких войск. Согласно дневникам офицеров Балтийской дивизии, зажиточная часть

местного населения приветствовала немцев как своих освободителей. Девушки кидали проходившим в парадном строю немецким солдатам букеты цветов. Дворянство и буржуазия устраивали в честь немецких солдат многочисленные приемы. Приглашения на «завтраки, обеды, ужины» следовали одно за другим [293]. С другой стороны, рабочие и социал-демократы «смотрели на немцев с нескрываемой недоброжелательностью» [294].

Германская интервенция оказала существенное влияние на дальнейший ход гражданской войны. Хотя численность высаженных войск была невелика, но это были регулярные, хорошо обученные и вооруженные части, имевшие боевой опыт и поддерживаемые военными кораблями и артиллерией. Высадка Балтийской дивизии значительно ухудшила стратегическое положение финской Красной гвардии. Она оказалась между двух огней.

29 апреля армия Маннергейма захватила Выборг. В течение нескольких дней отдельные отряды Красной гвардии были разбиты. 1 мая 1918 г. полковник Свечников с небольшим отрядом финских красногвардейцев перешел финско-российскую границу. Всего в России после событий финской гражданской войны оказалось около 10 тыс. так называемых красных финнов [295]. Из их числа хозяйничавшие в это время на Мурмане англичане сформировали «финский легион», защищавший территорию Мурманской железной дороги от нападений белофиннов.

К середине мая 1918 г. гражданская война в Финляндии завершилась победой белых. 16 мая в Хельсинки состоялся парад победителей, когда войска генерала Маннергейма прошли по украшенным национальными флагами улицам финской столицы. Их приветствовали радостные толпы состоятельных граждан [296]. По свидетельству проживавшего в финской столице бывшего подполковника российского генштаба С.Э. Виттенберга, Маннергейма приветствовало и русское население, для которого он был своим, российским генералом. «Люди толпились на Сенатской площади и Эспланаде, где около памятника Рунебергу Маннергейм принимал парад, они ожидали его выхода из Николаевского собора после благодарственного богослужения... Имя Маннергейма было у всех на устах»

[297], — писал Виттенберг. Что касается сочувствовавших красным, то они старались не выходить на улицы, скрываясь от белого террора.

Гражданская война стала самым тяжелым испытанием для финляндского общества. В военных действиях на стороне белых погибли 3300 финляндцев и 400 немцев, на стороне красных — 5400 человек. Жертвами красного террора стало примерно 1400 человек, белые отправили на тот свет 7200 человек. В руках победителей оказалось более 75 тыс. военнопленных и гражданских лиц, симпатизировавших красным. Условия содержания в лагерях были ужасными: от голода и свирепствовавших эпидемий скончалось 12 600 человек. Всего за три с половиной месяца боев и последовавших после победы белых репрессий в отношении красных финнов погибло более 34 тыс. финляндцев [298]. Ненависть победителей обрушилась и на русских: в пламени финской гражданской войны погибли или пропали без вести не менее 2,5–3 тыс. человек [299].

Гражданская война оставила незаживающие раны в финляндском обществе, надолго усугубив раскол между сторонниками красных и белых. На протяжении всего межвоенного периода неоднозначным было отношение финляндцев к К.Г. Маннергейму. Белые им восторгались, считая национальным героем. В воспоминаниях красных Маннергейм предстает в образе палача финского народа, «белого изверга» и «кровавого генерала» [300].

Братоубийственная гражданская война и германская вооруженная интервенция наложили существенный отпечаток на процесс становления государственности независимой Финляндии. После окончания гражданской войны деятельность органов власти постепенно входила в нормальное русло. 15 мая 1918 г. возобновились заседания парламента. Из 200 избранных в октябре 1917 г. парламентариев приступили к работе 109. От социал-демократической фракции, насчитывавшей в сейме последнего состава 92 депутата, присутствовал только один депутат. Участвовавшие в гражданской войне социал-демократы частично эмигрировали в Россию, некоторые погибли на полях сражений, были арестованы по обвинению в государственной измене.

*Юхо Паасикиви
(1870–1956), финский
юрист и политик*

18 мая 1918 г. парламент вручил верховную власть П.Э. Свинхувуду. 27 мая было сформировано новое правительство во главе с директором банка Ю.К. Паасикиви. С точки зрения главы правительства, полный государственный суверенитет для Финляндии был невозможным. Паасикиви полагал, что в мире существует четыре центра власти: Лондон, Нью-Йорк, Москва и Берлин. Именно они управляют мировой политикой. Малой стране ничего не остается, кроме того как «прислониться к какой-либо великой державе». Для Финляндии этот вопрос звучал категорично: или Германия, или Россия. По мнению Паасикиви, главной целью политики безопасности Финляндии являлась защита от России. Эту защиту могла обеспечить только Германия [301].

Германская интервенция не являлась оккупацией Финляндии в полном смысле этого понятия. Балтийская дивизия была слишком малочисленной, чтобы взять под свой контроль всю территорию страны. Военные мероприятия Германии в Финляндии были более скромными по сравнению с Украиной и Прибалтикой. Формально германские войска подчинялись главнокомандующему финской армией. Однако Германия все же

получила возможность оказать колоссальное влияние на процесс становления финляндской государственности благодаря поддержке правящей финской элиты, считавшей, что главный источник опасности для независимой Финляндии находится на Востоке — в Советской России. Многие политические деятели Финляндии полагали, что рано или поздно в России будет восстановлена сильная власть, и тогда она вновь попытается вернуть Финляндию. Единственной державой, способной в таком случае защитить независимость Финляндии, с точки зрения финской элиты являлась именно Германия.

Лидеры белой Финляндии также планировали воспользоваться ослаблением России и германской поддержкой с целью создания за счет восточного соседа «Великой Финляндии», включавшей территории восточной Карелии и Кольского полуострова [302]. Захват Петрограда входил также в планы Маннергейма, что, по его мнению, являлось лучшей гарантией признания финляндской независимости Россией и давало дополнительные шансы на получение территориальной компенсации¹.

Несмотря на то что финская политическая элита обосновывала суверенитет Финляндии правом наций на самоопределение, внутри государственных границ применение этого принципа становилось весьма деликатной проблемой. Национализм, подобно двуликому Янусу, после обретения нацией независимости показал современникам свое уродливое лицо. В данной связи в независимой Финляндии обострились национальные противоречия. Шведы Аландских островов протестовали против националистичной политики финского правительства. Сторонники отделения Аландов от Финляндии, ссылаясь на право наций на самоопределение, требовали самоопределения для Аландского архипелага. На референдуме, признанном финскими властями нелегитимным, 95% жителей архипелага выступили за воссоединение со Швецией [303].

---

¹ Об эволюции взглядов Маннергейма по вопросу о захвате Петрограда см. подр.: Рупасов А. И. Гражданская война на Северо-Западе и позиция Финляндии: современная финская историография // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 121.

Не имевший дипломатического опыта министр иностранных дел Финляндии С. Сарии назвал жителей Аландов «государственными изменниками». В этих условиях шведский король Густав V, опасаясь репрессий по отношению к жителям Аландов со стороны финских властей, обратился с просьбой к германскому правительству взять местное население архипелага под свою защиту [304].

В независимой Финляндии подвергались дискриминации не только шведы, но и в большей степени русские, в которых видели виновников всех финских бед. Поскольку правительство большевиков оказывало помощь «красным финнам», белая Финляндия считала себя в состоянии войны с Россией. С весны 1918 г. начался процесс, который можно охарактеризовать как очищение от всего русского. В апреле 1918 г. правительство в Вассе постановило незамедлительно выслать из страны всех российских подданных и жителей прибалтийских провинций в виду трудностей в продовольственном положении и опасений за их политическую благонадежность. Наиболее энергично к реализации этого постановления приступили в южной Финляндии. Остаться в финской столице могли только те русские, которые получили личное разрешение от губернатора. Оно давалось в исключительных случаях, отели и дома очищались от российских подданных с помощью дубинок [305]. Весной и осенью не редкими были случаи, когда полиция арестовывала на улицах русских, уклонявшихся от выезда в Россию, их насильно сажали на конфискованные в финских гаванях российские суда и отправляли в Кронштадт. Причем нередко выселялись русские, которые десятилетиями жили в Финляндии и питали к ней самые дружественные чувства [306]. Под давлением общественности правительство несколько смягчило постановление, решив возвращать на родину русских военных и приравненных к ним лиц. В течение лета 1918 г. из Финляндии выдворили 20 тыс. человек [305].

В то же время в Финляндию хлынул поток скрывавшихся от ужасов красного террора беженцев из России. Представители высшего общества имели в Финляндии дачи и оседали там, другие рассматривали эту страну в качестве транзитного пути в Западную Европу и Северную Америку. К концу 1918 г.

в Финляндии оставалось приблизительно 15–17 тыс. русских [307].

Удар финского национализма был направлен и против православной церкви, несмотря на то что примерно 3/4 прихожан были финноязычными и подданными Финляндского государства. Православным священникам стало опасно появляться на улицах [308]. Многие православные церкви сочли ненужными. Храм Александра Невского в Суоменлинна лишился своего лукообразного купола и превратился в лютеранскую церковь. Подобная участь постигла и православную церковь в Лаппеенранта. Некоторые церкви были демонтированы, переоборудованы под библиотеки, солдатские клубы или использовались для иных целей [309]. Государственный университет в Хельсинки также старался избавиться от всего, что напоминало о России. Здесь развернулась кампания под лозунгом: «Долой русскую профессию». Власти отменили изучение русского языка в школах и ликвидировали должности переводчиков с русского языка в губернских правлениях [309].

По окончании Гражданской войны наибольшую остроту в финляндском обществе приобрел вопрос о форме правления. Он разделил общество на два лагеря: республиканцев и монархистов. Монархисты полагали, что введение конституционной монархии создаст предпосылки для установления в стране твердой, стабильной государственной власти. Фигура монарха поднимется над партийными разногласиями и объединит нацию. С внешнеполитической точки зрения, по мнению монархистов, упомянутая форма правления являлась предпочтительнее в связи с тем, что ее установление укрепило бы отношения с Германской империей и увеличило бы заинтересованность последней в финляндских делах. Они также надеялись, что монархической Финляндии не составит труда привлечь Германию к реализации великофинских планов в отношении российской Карелии. Ссылаясь на пример шведских Бернадотов, сторонники монархии считали, что иностранная королевская династия сможет служить интересам и выгодам нового Отечества [310].

В противоположность монархистам, республиканцы полагали, что независимость страны может быть обеспечена только

за счет внутренних ресурсов, а избрание королем немецкого принца превратит Финляндию в вассальное от Германии государство. Сторонники республики были убеждены в том, что королевская власть будет бессильна ликвидировать причины, породившие революцию. Только глубокие внутренние реформы в республиканской Финляндии способны, по их мнению, восстановить в стране гражданский мир [311].

Пропаганда в пользу республики осуществлялась слабее, поскольку за монархистами стояла государственная власть. Практически все члены правительства являлись монархистами. В прессе республиканцев преподносили как покровителей рабочего движения, отстаивавших идеалы «красных мятежников» [312]. Все это увеличивало шансы монархистов на победу. Но борьба тем не менее оказалась напряженной.

7 августа 1918 г. в парламенте состоялось третье, решающее чтение законопроекта о введении монархии. Предложение монархистов не собрало требуемых 5/6 голосов. В этих условиях сторонники монархии обратились за помощью к шведской «Форме правления» 1772 г., предусматривавшей установление монархии простым большинством голосов. Несмотря на то что данный закон давно утратил силу, его применение на практике являлось нелепым, 9 августа парламентское большинство уполномочило правительство принять необходимые меры для введения в стране монархии и избрания короля [313].

В период полемики между республиканцами и монархистами в числе претендентов на финский трон фигурировало 2 датских принца, 3 шведских и 14 немецких кандидатов. Не все претенденты были королевского происхождения. Финляндская правящая элита была не против вручить корону своей страны кому-либо из прославленных немецких военачальников. Свинхувуд в беседе с немецким посланником А. фон Брюком упомянул трех: П. фон Гинденбурга, А. Макензена и Э. Людендорфа.

Наиболее вероятными кандидатами на финский престол считались: губернатор немецкой колонии Того герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, сын Вильгельма II принц Оскар и принц Фридрих Карл Гессенский. Чересчур усердные хлопоты первого претендента с целью занятия финского трона произ-

вели неблагоприятное впечатление в Финляндии. Финские монархисты считали принца Оскара лучшим кандидатом на финский престол. Первоначально кандидатура принца Оскара на финском троне казалась подходящей и для кайзера Вильгельма. Но она не устраивала немецкий МИД и рейхсканцлера Г. фон Гертлинга с двух сторон: во-первых, ситуация в Финляндии оставалась нестабильной. Существовала опасность, что немецкому принцу не удастся укрепиться на финском престоле, что приведет к падению авторитета династии Гогенцоллернов. Во-вторых, избрание сына кайзера королем Финляндии связало бы Германию ответственностью за недалекую политику Финляндского государства, благодаря чему пострадали бы отношения Берлина со Швецией и Россией [314].

В итоге в Берлине поддержали финское правительство в выборе Фридриха Карла Гессенского, женатого на сестре Вильгельма II. 9 октября 1918 г., когда поражение Германии казалось неизбежным, парламент избрал Фридриха Карла Гессенского королем Финляндии. Финляндия стала конституционной монархией, но, как отмечали очевидцы, «радости не было ни у кого на лицах» [315]. Молодое государство связало свою судьбу с империей, стремительно двигавшейся к своему краху. После поражения Германии в войне Финляндия довольно быстро избавилась от германской опеки.

* * *

Мировая война 1914–1918 гг. стала поворотным этапом в развитии финляндского общества начала XX в. Именно в это время завершился процесс создания национальной экономики, готовой взвалить на себя бремя суверенитета. Финляндское национальное движение претерпело за четыре года стремительную эволюцию, поднявшись в своих требованиях от идеи широкой автономии в составе Российского государства до требования государственной независимости.

События в Финляндии также наглядно демонстрируют тот факт, что национальные движения оказывали существенное влияние на развал Российской империи, однако как режим самодержавия, так и власть Временного правительства пали не под ударами национальных движений, а вследствие обо-

стрившихся в результате Первой мировой войны социально-экономических, политических и национальных проблем.

Октябрьская революция в России приоткрыла двери для финляндской независимости. Однако отделившись от России, Финляндия угодила в сферу влияния кайзеровской Германии. Фактически Финляндия стала самостоятельной только после ноября 1918 г., когда Германия потерпела поражение в войне, а немецкие войска покинули страну.

5.2. Первая мировая война и общество в Прибалтике

Мировая война, ставшая роковым периодом в истории царской России, коренным образом повлияла на социально-политические процессы в Прибалтийском крае, самосознание его населения и предопределила передел восточного побережья Балтики, с XVIII в находившегося под властью российских императоров. Глубина и трагизм деформации прибалтийских окраин России особенно ярко отражаются в латвийском сюжете, так как именно на территории будущей Латвии длительное время велись боевые действия (в отличие от Литвы, в 1915 г. почти полностью захваченной германскими войсками, или Эстонии, столкнувшейся с немецким хозяйничаньем в основном только в феврале 1918 г.).

Вместе с тем последовавшие события Гражданской войны и различных интервенций (обозначаемые в официальных документах и национальных историографиях как «Освободительная война») [316], формирование различных органов власти, военно-политическое поражение коммунистов и события середины XX в. заметно вытеснили на периферию общественного сознания Первую мировую войну. Данная тематика лишь опосредованно использовалась в политической мифологии создания своей независимой государственности — как властями, так и оппозиционными группами. Исключением, пожалуй, может служить лишь миф о латышских стрелках, своеобразным ответвлением которого стал уже советский миф о красных латышских стрелках. Не отрицая соучастия красных латышских стрелков в кровавых событиях Гражданской войны в России,

особое внимание в официальной латвийской историографии уделяется пропаганде их неучастия в расстреле царской семьи в Екатеринбурге. В остальном, можно сказать, продолжается «тотальная героизация в мемориализация». Так, в IX ежегоднике Военного музея Латвии опубликована статья под интригующим названием: «Латышские стрелки — интернационалисты или националисты» (по версии автора, национализм проскальзывал через большевизм) [317]. А летом 2013 г. вышла в свет и с большой помпой была презентована в Военном музее Латвии книга-альбом «Собирайтесь под латышскими знаменами!» [318], содержащая более 1600 фотографий, репродукций и документов из различных музеев и частных коллекций.

Несмотря на распространение в Эстонии и Литве, а в особенности — в Латвии¹ различных негативистских представлений, например о «четвертой большой трагедии, серьезно угрожавшей выживанию латышей»², и о «русских генералах, специально не жалевших наших боевых парней», в целом проблематика Первой мировой войны не относится к числу политически конфликтных с Россией вопросов. В этой связи период 1914–1918 гг. практически не использовался, по мере создания и реализации их исторической политики с 1991 г., в недружественных выпадах в адрес России.

Подобная «сдержанность»³ особенно заметна, во-первых, на фоне навязчивого акцентирования Рижского мирного до-

---

¹ См., например: *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии: Учебное пособие. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 57: «Потери латышских стрелков — около 2000 убитыми и 7000 ранеными — были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях».

² После борьбы латышских племен в XIII в., длительной Ливонской войны и чумы, сопровождавшей Северную войну: *Latvija nogadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai. 1900–1918 // 20. gadsimta. Latvijas vesture.* Rīga, 2000. 537. lpp.

³ Стоит отметить, что в первом томе официального академического труда Института истории Латвии Латвийского университета, посвященного событиям 1900–1918 гг., из 869 с. времени и событиям Первой мировой войны отведено менее ста страниц. См.: *Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai...* 537.–631. lpp.

Здание городского театра в Риге. Начало XX в.

говора от 11 августа 1920 г. как якобы до сих пор действующего международно-правового акта и «краеугольного камня латвийской государственности»¹, во-вторых, из-за заикленности властных кругов и официальной историографии стран Балтии на событиях 1939–1940 гг. и «оккупационной» риторике в адрес Москвы. В данных условиях все же представляется возможным проведение совместных мемориальных акций, увековечивающих память воинов Великой войны, несмотря на иные разногласия и споры.

---

¹ Так, 11 августа 2010 г. глава МИД Латвии Айвис Ронис в своем выступлении по случаю 90-летия со дня подписания мирного договора с большевиками, позволившего временно отторгнуть от России исторические земли Псковщины (Пыталово и окрестности), назвал его «частью генетического кода» Латвийского государства и «священным писанием» Латвии (LETA, 11.08.2010).

Особенно навязчиво этот и подобные ему тезисы раскручиваются в брошюре А. Пуги, в которой неоднократно встречаются политические рассуждения на предмет «непреодоляющего значения» и даже «сохранения до сих пор в силе» этого договора с большевиками. См.: нашу рецензию на книжку *Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas*. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010 в «Журнале российских и восточноевропейских исторических исследований», № 1 (4), 2012. С. 174–176.

В основной части работы будут представлены материалы об эстонском, литовском и латвийском сюжетах, посвященных современной историографии и народной памяти Первой мировой войны, причем наибольшее внимание будет уделено Латвии.

* * *

Территория нынешней Эстонии (Эстляндская губерния и северная часть Лифляндской) фактически находилась в прифронтовой полосе, а острова Моонзундского архипелага Даго и Эзель в 1917 г. подверглись германской оккупации. В эстонской исторической науке эти сюжеты всегда находились на периферии политического интереса и научного внимания, хотя и отмечалась, например, стратегическая важность именно для России Таллинского военного порта и иной смежной военной инфраструктуры: «В предвоенные годы в Северной Эстонии были проведены невиданные по масштабу строительные работы по сооружению оборонительных укреплений, а также по строительству шоссе и узкоколейных дорог. На разные объекты строительства были привлечены, помимо военных, десятки тысяч человек — как местных, так и приехавших из внутренних губерний России. В Таллинне быстрыми темпами были построены три кораблестроительных завода для крейсеров, миноносцев и подводных лодок» [319].

Однако в эстонской историографии постсоветского периода не обнаружено полноценных исследований Первой мировой войны. При этом февраль-март 1917 г. в Петрограде и события окончания войны на территории Эстляндии и части эстоноязычных районов Лифляндии использовались и продолжают использоваться в выстраивании национальной мифологии создания эстонской государственности в период 1918–1920 гг.

Во всяком случае эстонская историческая мысль пока не знает такого уровня книг, посвященных политике и государственному управлению в период Первой мировой войны в Прибалтийском крае, подобно, например, работе А.Ю. Бахтуриной «Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917)» [320]. Не удалось обнаружить и сколь-нибудь се-

рьезных изданий — местных монографических или статей, посвященных политике немецких оккупационных властей как в Курляндии (частично в Лифляндии), так и на эстонских островах. Исключение, пожалуй, составляет изданная Сааремааским музеем работа Ханно Ояло¹ «Сааремаа в огне войны. Осень 1917 г.» [321]. Трудно найти и специальные исследования, посвященные конкретным проявлениям военно-экономической политики Российской империи, военным операциям в период Первой мировой войны в Эстонии или Прибалтике в целом, за исключением узкоспециальных публикаций в региональном журнале «Балтфорт», да и то зачастую российских авторов [322]. И это несмотря на то, что в Таллине (Ревеле) была сосредоточена техническая база Балтийского флота, построены специализированный военно-морской Русско-балтийский завод, завод «Ноблесснер» по строительству подводных лодок и многие другие.

Предвоенный и военный рост промышленного производства в Таллине выразился и в резком изменении демографической ситуации. В промышленные центры Эстонии, наряду с местным пролетариатом, были приглашены и тысячи высококвалифицированных рабочих, техников и инженеров из Центральной России. Достаточно сказать, что в период немецкой оккупации 1918 г. и за несколько месяцев, ей предшествовавших, из одного только Ревеля в Россию эвакуировалась и бежала почти треть населения города — около 50 тыс. человек, в основном русских.

В период с 1914 по 1918 г. в российскую армию было призвано в общей сложности до 100 тыс. мужчин-эстонцев. Национальные части (полки) были сформированы только в 1917 г. с согласия Временного правительства. Эти национальные части дислоцировались в Эстонской губернии в границах, установленных Временным правительством, и в крупных войсковых операциях участия принять не успели. Поэтому эстонская историография, в отличие от латвийской, не уделяет большого внимания действиям эстонских подразделений в Первой мировой

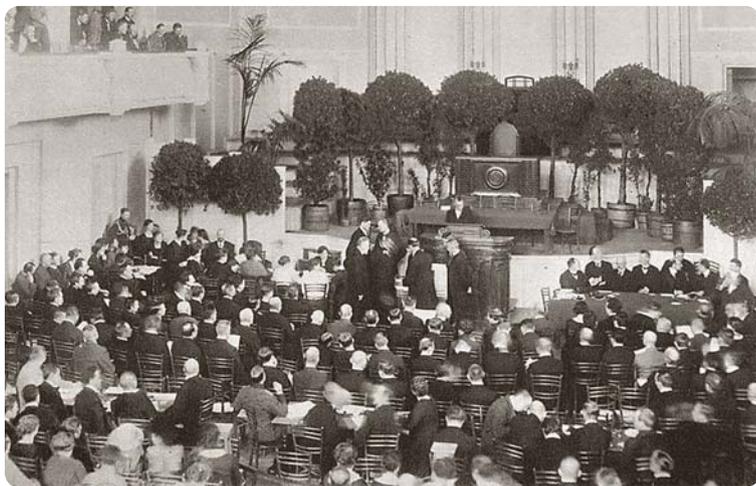
¹ Благодарю за помощь в работе с эстонскими изданиями Илью Никифорова (Таллин).

войне, акцентируя внимание на политической роли эстонских полков в период второй половины 1917 г. и начала 1918 г.

Тема Первой мировой войны обычно рассматривается эстонскими историками либо в обобщающих работах, посвященных истории Эстонии в целом [323], либо в «Освободительной войне 1918–1920 гг.» в частности. Так, подробно рассматривается история Эстонии в период Первой мировой в многотомном издании «История Эстонии» (Т. 5. «От падения крепостного права до Освободительной войны») [324].

Как уже отмечалось, собственных обобщенных исследований Первой мировой войны эстонская историография не знает. Однако на эстонский язык переведены наиболее популярные работы американских, английских, немецких и финских авторов. Например, в 2011 г. был издан перевод с финского: Мирко Харьюла «Эстония 1914–1922: мировая война, революция, независимость и Освободительная война» [325]. Или перевод с французского мемуаров Мориса Палеолога «Царская Россия во время мировой войны» (Таллин, 2010) [326]. (Мемуаристика вообще любимый жанр эстонских исторических издательств.) Ряд краеведческих работ посвящен инфраструктурным объектам периода Первой мировой войны. К таким работам, например, можно отнести брошюру Моника Эйнсалу и Оливера Орро «Рохукюла. Забытая военная гавань Российской империи и еще архитектурные жемчужины» [327]. В качестве мемуаров в 2009 г. опубликованы и дневниковые записи офицера-эстонца Юхана Тырванда «Участие в боях Первой мировой войны и в частях под командованием генерала Корнилова: дневник» [328]. Особое внимание уделяется, как обычно, памятникам этнической истории. Так, эстонский историк Яан Росс выпустил в Кельне на английском языке брошюру и лазерный диск с записями голосов эстонцев, содержащихся в немецких лагерях для военнопленных в период 1916–1918 гг. [329].

Сравнительно подробное описание боевых действий в прибрежных эстонских водах представлено в работе местного морского историка Мати Ёуна и Ханно Ояло «Сражения на Балтике 1914–1918: Первая мировая война в прибрежных водах» [330]. Ханно Ояло является автором и выпущенной в Тарту в 2007 г.

Первое заседание эстонского Учредительного собрания. 23 апреля 1919 г.

истории подводной войны в работе «В тени моря: подводная война на Балтике 1914–1919 и 1939–1945» [331].

Собственно внутривнутриполитическим аспектам Первой мировой войны посвящена статья Кайдо Янсона «Эстонец Александр Кескюла и Берлин: дебют (сентябрь 1914 — май 1915)», опубликованная в журнале «Туна» [332]. Статья посвящена малоизвестному историческому эпизоду, когда социалист Александр Кескюла задолго до Александра Парвуса попытался начать переговоры с Германией, чтобы побудить ее оказать помощь революционерам. Однако главный акцент Кескюла делал на национальной революции, что, по мнению Янсона, не совсем соответствовало германским интересам, опасавшихся направить энергию национальной революции против местных остзейских землевладельцев. Вопросы «Февральская революция и рождение Эстляндской национальной губернии», «Постановление Временного правительства России от 30 марта 1917 года — краеугольный камень эстонской государственно-

сти», «национальный вопрос в партийных программах», «выборы и политические столкновения», «борьба за различные формы государственности» и другие рассмотрены в книге Мати Графа «Россия и Эстония. 1917–1991: Анатомия расставания» [333], автор которой приходит к выводам вперемешку с «прогностическими» домыслами: «После революции и гражданской войны в России Эстония путем тяжелых военных потерь и сложных дипломатических переговоров приобрела статус самостоятельного государства. Для маленького народа, который до Первой мировой войны не имел даже автономии, не говоря уже о государственности, это было большим достижением. Создание национального государства дало эстонскому народу возможность развивать собственную культуру и экономику и избавиться от угрозы потери собственной идентичности в составе Российской империи. <...> Какая судьба ожидала бы страну, если бы в Эстонско-русской войне 1918–1920¹ победили красные и Эстония стала бы советской республикой? При таком исходе событий последствия для эстонцев оказались бы самыми трагическими, и под сомнение было бы поставлено само существование эстонской нации. Учитывая то обстоятельство, что в Советской России (СССР) беспощадно наказывали людей, да и целые народы за так называемые контрреволюционные преступления, эстонцев ожидали бы репрессии и переселение во внутренние районы России» [334].

Возможно, печальная дата 100-летия начала Великой войны как вызовет у эстонских ученых интерес к исследованию конкретных региональных, биографических «белых пятен» в истории Первой мировой войны, так и побудит к началу написания серьезных обобщающих работ, лишенных искажающего действительность эстоноцентризма.

* * *

Круг интересов литовской историографии к Первой мировой войне определяется в основном литуаноцентричностью, а сквозь эту призму — также ходом боевых действий на терри-

---

¹ Автор, используя такое понятие, некорректно смешивает в одно целое различные аспекты гражданской войны, германской оккупации и интервенции.

тории Литвы в 1914 и 1915 гг. и подробностями отношений литовских властей («Литовская Тариба») с немцами в 1918 г. — от провозглашения 16 февраля 1918 г. Литвы отдельным государством, а 11 июля — королевством, с приглашением на престол немецкого принца, до отмены 2 ноября такого решения.

При этом до сих пор классическими и даже непревзойденными считаются работы, например «Литва в великой войне» [335] 1939 г. или эмигрантский выпуск 1970 г. «Литва в узде царя и кайзера» [336]. Из боевых действий особое внимание у историков вызывает создание, комплектование гарнизона, оборона Ковенской крепости, захват которой немцами после упорных боев позволил оккупировать значительные территории Российской империи, включая почти всю Литву. В 2012 г. «Институт военного наследия» опубликовал на русском языке дополненный вариант книги-альбома Арвидаса Поцюнаса, посвященной кропотливой реконструкции боев в 1915 г. вокруг Ковенской крепости [337]. На сегодняшний день это, пожалуй, наиболее полное и богато иллюстрированное исследование по данной тематике не только в Литве, но и в российской историографии.

* * *

Начало боевых действий с кайзеровской Германией в августе 1914 г. вызвало сильный всплеск антинемецких настроений и «верноподданнического энтузиазма» в Курляндской и Лифляндской губерниях, где Великая война воспринималась как борьба с историческим недругом, источником многовековых колониционных волн. Современные латвийские историки отмечают этот «антигерманский настрой, временами перераставший в своего рода истерию» [338].

Культурная, социально-экономическая и политическая эмансипация латышей во второй половине XIX — начале XX в., происходившая не без поддержки некоторых петербургских и московских общественных кругов, сталкивалась с ожесточенным сопротивлением остзейского дворянства и бюргерства. Кровавые события 1905 г. и последовавшие репрессии лишь укрепили влияние балтийских немцев, оставив без своевременного и должного разрешения межэтнические и социально-

экономические противоречия в регионе. В этих условиях открытое столкновение российских и германских интересов на полях Первой мировой войны вывело латышское общество из депрессивного состояния и дало легальный повод для проявления антинемецких настроений в ожидании встречных позитивных шагов царской администрации.

Современные латышские историки, характеризуя ситуацию 1914—начала 1915 г., отмечают, что «война разбудила латышей от национально-политического оцепенения. Участие России и других европейских держав в войне с Германией словно вселило в латышский народ удивительное и невероятное чувство, дав понять, что его давний враг — враг и многих европейских народов» [339]. В этой обстановке латышские национальные круги постарались не упустить возможность создать предпосылки для послевоенного изменения своего положения за счет свертывания остаточных остзейских привилегий. Однако и сам особый статус прибалтийских провинций, и опыт отстаивания своих позиций балтийско-немецким дворянством в спорах с имперским руководством в Петербурге и его представителями на местах не мог не оставить впечатление на властителей дум среди латышей.

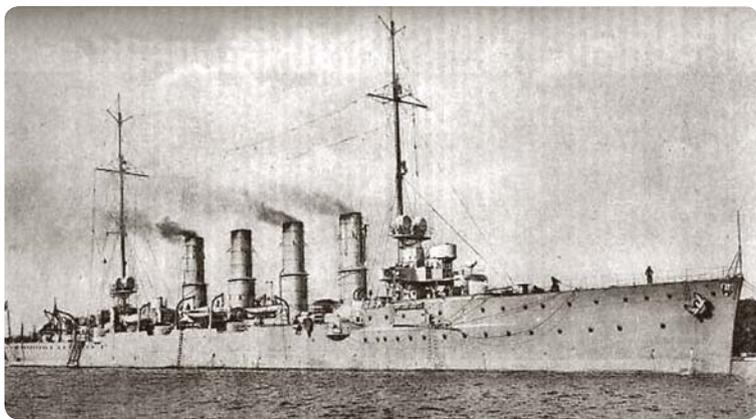
Представляется, что этот фактор повлиял на формирование идеи автономии Латвии в рамках России, набиравшей популярность в годы Великой войны как среди левых активистов различных оттенков, так и у правонационалистических общественных деятелей. Как отмечает в этой связи российский исследователь Людмила Воробьева, «чтобы освободиться от экономической и политической власти немецкого дворянства, добиться самоуправления, а также самоопределения в области культуры, представители «верхнего слоя» латышского населения были готовы опередить немцев в доказательствах своей лояльности самодержавию» [340].

Действительно, в 1914 г. в речах латышских политиков доминировали верноподданнические и лоялистские нотки. Так, 26 июля 1914 г. депутат Я. Голдманис заявил с трибуны IV Государственной Думы: «Среди латышей и эстонцев нет ни единого человека, который бы не сознавал, что все то, что ими достигнуто в смысле благосостояния, это достигнуто под защитой

Русского Орла, и что все то, что латыши и эстонцы должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтийский край и в будущем будет нераздельной частью Великой России. Поэтому мы можем видеть теперь у нас такой подъем духа, такой энтузиазм стать на защиту своего дорогого Отечества, что для нарисования правильной картины этого самые яркие краски были бы совершенно бледны. Эти великие дни доказывают, что ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества, стать плечом к плечу с великим русским народом против дерзкого врага» [341].

В первые недели и месяцы войны эта риторика в целом отражала настроения широких масс латышского населения. Так, в пограничной с германским Мемелем Курляндской губернии (крупнейший порт которой — Либава — был обстрелян германскими крейсерами «Аугсбург» и «Магдебург» на второй день войны, 20 июля (2 августа), уже в конце июля 1914 г. около 3 тыс. латышей вызвались добровольцами идти на фронт против немцев. В Лифляндии (особенно в Риге) развертывались мощные кампании среди латышских и славянских обществ по оказанию помощи раненым и семьям воинов, отправившихся на передовую [342].

И первые же поражения русской армии в Восточной Пруссии, а также отступление в Польше привели, в частности, к большим потерям среди солдат и офицеров латышского происхождения, многие из которых пошли на войну добровольцами и придерживались патриотических и в целом русофильских взглядов. Только в почти полностью уничтоженном XX корпусе 1-й армии, в начале февраля 1915 г. стойко прикрывавшем в арьбергартных боях на Августовских болотах отступление 10-й армии, численность погибших, раненых и взятых немцами в плен латышей составила, по некоторым подсчетам, около 20 тыс. человек [343]. В 1920-х гг. «военспец», профессор А.А. Свечин в своем «Общем обзоре сухопутных операций» отмечал выдающуюся боеспособность XX корпуса: «Здесь дисциплина и порядок сохранялись в войсках несравненно дольше, и командование русских войск, а также солдатская масса выполнили, находясь в отчаянных условиях, свой долг до конца. При более энергичных действиях

Крейсер «Магдебург» кайзеровских ВМС

из Гродно разгрому легко могли подвергнуться не мы, а немцы. Если бы корпуса Самсонова сопротивлялись так же доблестно, как и XX корпус, то они были бы выручены» [344].

Весной 1915 г. боевые действия развернулись уже на территории Курляндии: в конце апреля пала Либава (Лиепая), 1 августа германцами был захвачен губернский город Митава (Елгава); наметилась реальная угроза стратегическому центру — Риге. В октябре 1915 г. немцы вышли на подступы к Двинску (Даугавпилсу). В ноябре германские войска были вынуждены прекратить наступление и перешли к длительной позиционной войне. Таким образом, линия фронта проходила от Двинска по Западной Двине (Даугаве) примерно до Саласпилса и оттуда на запад вдоль южного края болота Тирельпурвс. В результате кампании 1915 г. кайзеровские войска оккупировали практически половину населенных латышами территорий, большую часть которых контролировали долгие четыре года.

Потеря Курляндии, в которой германским руководством был введен жесточайший оккупационный режим, а также превращение Южной Лифляндии (Видземе) и населенной латгальцами части Витебской губернии в прифронтовую зону

принесли латышскому народу неисчислимые бедствия и существенно деформировали привычный уклад жизни, социально-политические институты и экономические связи. В числе факторов, способствовавших радикализации настроений общества, следует отметить германскую оккупационную политику, проблему беженцев и вопрос создания национальных воинских частей (включая восприятие последовавших проявлений героизма и больших потерь).

Курляндия, наряду с Литвой и частью территории современной Белоруссии, была объявлена «областью управления Верховного главнокомандующего Восточным фронтом». Характеризуя оккупационный режим, латышские историки отмечают: «Местная общественная жизнь, деятельность различных обществ, издание прессы почти полностью прекратились. Стремительными темпами шло онемечивание — в учреждениях, на предприятиях, в школах был введен немецкий язык. Была установлена строжайшая цензура, введено ограничение на свободное передвижение, введен строжайший контроль на дорогах, созданы концентрационные лагеря для провинившихся, жандармерии были предоставлены широкие полномочия в каждом уезде Курземе. С интересами местных жителей, за исключением интересов курземского дворянства, немецкие военные власти не считались» [345].

В планах германского истеблишмента относительно «старых немецких земель» в Прибалтике были представлены различные комбинации колонизационно-аннексионной политики с использованием инструментов этнической чистки территории и онемечивания оставшегося латышского населения. Своего рода полигоном рассматривалась Курляндия, треть земель которой в первоочередном порядке следовало распределить среди новых немецких колонистов из Германии. Аннексионные требования инспирировались Берлином через «Балтийский совет доверия», составленный из балтийско-немецкого дворянства. Адепты германского колониализма открыто ссылались на «исторический опыт», согласно которому латышам уготована судьба вымершего балтийского племени — древних пруссов. Это довольно глубоко вошло в народное сознание латышей.

Как отмечают латвийские историки, германская оккупация Курляндии, отсутствие полной уверенности в стабилизации фронта и скудность резервов для размещения в прифронтовой зоне вызвали волны латышских беженцев вглубь России. Если семьи работников предприятий, эвакуированных из Риги¹ и других городов в централизованном порядке, получали возможность устроиться на новых местах, то остальные беженцы сталкивались с огромными трудностями. Официальные учреждения России оказались не готовы быстро обеспечить кров и пропитание для людей, согнанных германскими войсками с родных мест, адаптировать их к условиям затягивающейся войны. В этой связи был дан карт-бланш национальным общественным организациям, призванным позаботиться о беженцах, наладить взаимодействие с государственными органами на местах.

30 августа 1915 г. в Петрограде состоялся съезд представителей разрозненных беженских обществ, на котором в целях сплочения латышей и организации работы по удовлетворению их текущих нужд был избран Центральный комитет помощи беженцам, в состав которого вошли депутаты Государственной думы Я. Голдманис и Я. Залитис, общественные деятели — В. Олафс, А. Бергс, Я. Чаксте и др. Комитет, действовавший до января 1918 г., развернул сеть в 260 отделений помощи латышским беженцам по всей России, сумел привлечь государственные средства и частные пожертвования, организовать культурно-просветительскую работу на латышском языке.

К настойчивости в работе по установлению системы взаимосвязей между группами латышей во внутренних губерниях активистов комитета подталкивала боязнь «распыления» значительной части латышского народа на просторах России (у литовцев и эстонцев, в меньшей степени затронутых эвакуацией, столь серьезной озабоченности не проявлялось).

Для оценки масштаба проблемы беженцев следует отметить, что даже в некоторых удаленных губерниях латыши составля-

---

¹ Только из Риги было вывезено оборудование 352 промышленных предприятий и эвакуировано около 80 тыс. рабочих; в целом около четверти миллиона рижан покинуло город, эвакуацию которого с лета 1915 г. современные латвийские историки оценивают как «поспешную и ненужную» (см.: *Бутулис И., Зунда А. История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 69*).

Манифестация эстонцев в Петрограде. 26 марта 1917 г.

ли самую большую диаспору среди перемещенных лиц. Так, по итогам переписи беженцев, проведенной в Архангельской губернии, на 1 сентября 1916 г. в ней обосновались 4862 человека, из которых латыши составляли 2010 человек, тогда как поляки — 683, литовцы — 231, эстонцы — 56 [346].

В современной латышской историографии и учебно-пропагандистской литературе деятельность Центрального комитета помощи беженцам описывается (отчасти не без основания) в превосходных тонах, причем акцент делается не столько на практических вопросах, сколько на политических. Он оценивается как «кузница кадров» для будущей независимой Латвии, в которой отрабатывались навыки общественной и государственной работы с отчетливым национальным рефреном при успешной «лоялистской» маскировке и отсутствии каких-либо репрессий со стороны властей. В некоторых учебных пособиях этот аспект заостряется следующим образом: «В Петрограде был создан Латышский центральный комитет по оказанию помощи беженцам, который в то время являлся единственной руководящей организацией всего латышского народа» [347]. В латышских эмигрантских публикациях также обращается

внимание на роль этого комитета в постановке с декабря 1916 г. вопроса об «объединении разделенных частей латышского народа в едином и непобедимом организме», включая латгальцев Витебской губернии¹ (хотя далеко не все из них считали себя латышами, а свой язык — лишь диалектом латышского).

В советской историографии и пропагандистской публицистике, с учетом правонационалистического «уклона» в деятельности комитета, преобладали критические нотки. В частности, упор делался на разоблачении хозяйственных махинаций верхушки комитета, обеспечившей себе вольготные условия существования на фоне военных тягот для основной массы латышского населения [348].

В постсоветских учебниках проблема беженцев подана под специфически пропагандистским углом: «Положение беженцев было очень тяжелым, потому что правительство царской России о них не заботилось. Беженцы сами должны были организовывать помощь своим землякам. В эту работу активно включились представители латышской интеллигенции, которые в местах наибольшего скопления латышских беженцев в России создавали организации по оказанию помощи беженцам» [349]; «Многих стать беженцами заставили силой русские войска. Оставшихся без родины и имущества беженцев в товарных вагонах развезли по всей России. Там они ютились в приютах, прозябали на станциях или в открытом поле. Помощь от правительства беженцам была незначительной» [350].

В июле 1915 г., под впечатлением потери Курляндии, угрозы ее аннексии Германией, наплыва беженцев, а также смеси ярости и отчаяния в настроениях среди соплеменников, латышские депутаты в IV Государственной Думе Я. Залитис и Я. Голдманис обратились в высшие военные инстанции с ходатайством об организации добровольческих латышских стрелковых батальонов. После утверждения 19 июля 1915 г. положения об организации латышских добровольческих батальонов эти депутаты были поставлены во главе Гражданского комитета и обратились к латышскому народу с невиданными

---

¹ Высказывание католического епископа, проф. Я. Ранцанса, цит. по: *Šilde Ā. Latvijas vēsture. 1914–1940. Stokholma: Daugava, 1976. 20. lpp.*

ранее националистическими призывами: «Собирайтесь под латышскими знаменами!» Впоследствии латышские батальоны были развернуты в восемь полков, объединенных в две бригады, не считая девятого — резервного.

Любопытно мифотворчество вокруг этого дела в латышской учебной литературе: «Войска царской России оставили Курземе и Земгале без серьезного сопротивления врагу; казалось, что они не считали эту территорию своей землей, за которую стоило сражаться. Именно это обстоятельство способствовало появлению в латышском обществе идеи, что оборона Видземе, а также возвращение Курземе и Земгале должны осуществляться латышскими войсковыми подразделениями» [351]. Образчиком негативного мифотворчества, рассчитанного на детей, можно считать следующий отрывок из учебника: «Армейское командование издало приказ о том, что Курземе должны покинуть все мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. На просьбу курземцев остановить разорение земли верховный главнокомандующий вооруженными силами России великий князь Николай Николаевич ответил: «Плевать я хотел на ваше Курземе!»¹ Апофеозом националистического бахвальства можно считать следующий пассаж: «Царское правительство не доверяло малым национальным меньшинствам Российской империи, но уступило требованиям латышской общественности и согласилось на создание латышских стрелковых батальонов, а позднее — полков. В июле 1915 г. были утверждены правила формирования батальонов. Было опубликовано воззвание «Собирайтесь под латышские знамена!» <...> Части латышских стрелков были первыми национальными войсковыми подразделениями в армии царской России» [352]. Разумеется, никаких «уступок требованиям» не было, а история национальных воинских и милиционных частей в России имела не одно столетие.

Задействование латышских стрелков, вызвавшихся упорно защищать свои родные места на самых трудных участках фронта, было сопряжено со значительными потерями убитыми, ранеными и пленными. Это порождало брожение умов,

---

¹ *Klišāns V. Vēsturevidusskolai. III daļa. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2005, 56. lpp.* Переутвержден Министерством образования и науки ЛР в 2008 г.

в которых причудливо сочетались националистические нотки и восприимчивость к леворадикальной пропаганде, усилившейся после падения монархии в феврале 1917 г. Поползли злонамеренные слухи о том, что русское командование якобы специально создает условия для уничтожения латышских солдат под орудийным и пулеметным огнем немцев [353]. На этом фоне экзальтированная героизация в латышской печати и общественном мнении исключительно латышских стрелков привела к замалчиванию подвигов русских солдат [354]. В результате мало кто из обывателей знал, что, например, вместе с 1-м Усть-Двинским и 7-м Бауским латышскими стрелковыми полками своей атакой у озера Бабите прославились в кровопролитных «рождественских боях» (23 декабря 1916 — 2 января 1917 г.) 11-й пехотный Псковский и 56-й пехотный Житомирский полки.

Злонамеренные слухи и горькие оценки переплелись в современной мифологии для латвийских школьников: «Кровавые бои продолжались, немецкое наступление было задержано, но Елгава и Курземе остались в руках немцев. Потери латышских стрелков — около 2000 убитыми и 7000 ранеными — были бессмысленны. Многие считали, что верховное командование русской армии сознательно стремилось уничтожить латышские полки. Хотя сознательное предательство не было доказано, возмущение латышских стрелков было обоснованным. Оно также имело большое значение в последующих событиях» [305]; «Осенью 1915 г. немецкая армия быстро продвигалась вперед на рижском направлении. Русская армия не боролась с полной отдачей, так как была апатичной; генералы не хотели и не могли вдохновить солдат на борьбу. Противника они считали превосходящим, а землю, за которую следовало бороться, чужой для себя» [356].

Латышский историк Янис Лисманис в своей фундаментальной книге, посвященной мемориализации мест боев и захоронений воинов на территории Латвии в период с 1915 по 1920 г., дает описания и ссылки на 252 захоронения солдат российской армии разных национальностей, отмечая при этом, что «большая часть из них не сохранилась до нашего времени» [357]. Однако латвийский краевед Александр Ржавин приводит данные

о существовании ранее около 500 таких захоронений, включая единичные и расположенные на немецких кладбищах. Подготовленный его стараниями мартиролог «Список захоронений воинов российской армии, погибших во Вторую Отечественную войну (1 августа 1914 — 3 марта 1918 г.) на территории Курляндской, Лифляндской и Витебской губерний Российской империи (с 1 сентября 1917 г. Российской республики)» доступен в электронном виде¹. Общая численность воинов Российской армии, захороненных на территории Латвии, точно неизвестна, тогда как немцы подсчитали количество своих павших солдат — около 24 тыс. военнослужащих [357].

После событий февраля 1917 г., сопровождавшихся ликвидацией сословных привилегий и провозглашением гражданских свобод, усилились требования автономии Латвии в составе демократической России. В органах территориального управления в подконтрольных Временному правительству России районах Лифляндии начали преобладать латыши, назначавшиеся теперь и на самые высокие должности. Так, в марте 1917 г. неоккупированную Лифляндию впервые возглавил латыш Андрейс Красткалнс.

Роль Февральской революции как катализатора автономистских (и скрытых сепаратистских) тенденций на неоккупированной немцами части Латвии отражена и в учебной литературе: «У каждой нации есть право на самоопределение. Получение государственного суверенитета является неотъемлемой частью этого права. Латышская нация использовала историческую возможность и завоевала суверенное государство. Латвийское государство образовалось в период, когда Российская империя в Первой мировой войне стояла на пороге военного, экономического и политического краха. Февральская революция открывала широкие возможности для автономии живущих в России народов» [358]; «После Февральской революции мнения о дальнейшей судьбе Латвии были разными. Временное правительство считало Латвию неотъемлемой частью России, у населения которой не могло быть никаких прав на самоопределение. Крупнейшей латышской партией того времени были социал-

---

¹ http://voin.russkie.org.lv/2ov_bkm.php

демократы, которые раскололись на две группы — большевиков и меньшевиков. Большевики считали, что Латвия должна быть в составе России. Они были убеждены, что большевики должны взять всю власть в России, а также в Латвии, действуя в соответствии с учением К. Маркса о государстве диктатуры рабочих. В Латвии ими руководил Фрицис Розинь.

Меньшевицкая часть социал-демократии Латвии в большей мере защищала интересы латышского народа. Она требовала для Латвии права на *автономию*, чтобы латышский народ на своей земле мог свободно выбирать путь своего хозяйственного и культурного развития. Позднее они примкнули к сторонникам идеи независимого Латвийского государства и окончательно порвали с большевиками» [359].

По мере продвижения германских войск, которым в августе 1917 г. удалось форсировать Западную Двину и захватить Ригу и часть Рижского уезда, происходила большевизация латышских стрелков и значительной части мирного населения неоккупированных территорий, а также активизация национал-буржуазных и национал-интеллигентских кругов. Поток беженцев был уже не столь мощным, как в 1915 г.; в Риге осталось немало латышей, что открывало этот региональный центр для различных политических спекуляций с германской стороны.

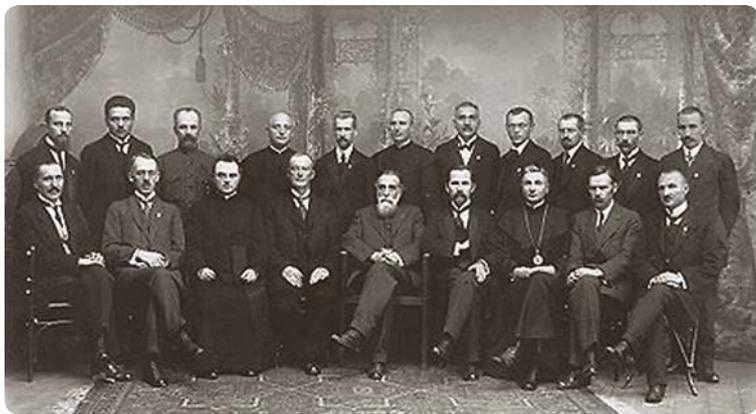
Наряду с фактором германской оккупации Курляндии и Риги (а с февраля 1918 г. — всей территории современной Латвии) расшатывали ситуацию отсутствие устойчивой власти в Петрограде, нарастание радикальных настроений и насилия, «похабный» Брестский мир, а также опасения в латышских политических кружках утраты родных земель «навсегда». Все это постепенно открывало путь к «интернационализации» прибалтийского вопроса, упованию на волю Антанты и/или германских сил, созданию уже в 1918 г. марионеточных (правительство Ниедры) и коллаборационистских (правительство Улманиса) политических новообразований.

Вызванная Первой мировой войной хозяйственная разруха и социальные беды (массовая безработица, нужда, голод, большая численность нетрудоспособных инвалидов войны), как отмечают историки, в сочетании с жестоким террором немцев на оккупированных территориях ощутимо задели

широкие слои латышского населения и явились факторами его революционизирования [360]. В авангарде трансформации политико-административного ландшафта неоккупированной части Лифляндии стояли большевики, сочетавшие тактику создания новых органов власти (Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии — Исколат) и борьбы за места в официальных структурах. Такой подход дал им не только возможность закрепить свое доминирование в советах, но и превратить в манифестацию торжества своей партии легальные выборные органы. Так, в сентябре 1917 г. представители большевиков в Видземском земском совете получили голоса 63% фактических избирателей, а в ноябре за делегатов Учредительного собрания России — 72% («Крестьянский союз» К. Улманиса, являвшийся наиболее популярной правой силой, довольствовался соответственно 36 и 23% голосов). Таким образом, еще до октябрьского переворота 1917 г. территория Латвии, не занятая немцами, считалась одним из самых большевизированных регионов России.

Стоит ли удивляться, что после переворота в Петрограде в незанятой немцами большей части Лифляндии практически без сопротивления была установлена советская власть. Затем в условиях немецкой оккупации, подписания большевиками Брестского мира, Гражданской войны, иностранной интервенции прибалтийский вопрос был вытолкнут из внутривнутриполитического контекста в международно-политическую плоскость. Под лозунгом борьбы с большевистской угрозой в схватку за передел прибалтийских окраин России вступили Германия, Великобритания, Франция и США.

После поражения Германии в Первой мировой войне Антанта использовала ее вооруженные силы в Прибалтике с конца 1918 г. для «перемалывания» большевиков, а сами немцы, маневрируя между странами-победительницами, стремились так или иначе укрепиться в регионе. С одной стороны, победа большевиков в Гражданской войне в России, их заинтересованность в преодолении международной блокады, с другой стороны — стремление бывших союзниц России ослабить ее и во всяком случае создать «санитарный кордон» против боль-

Литовская Тариба (Государственный совет). Сентябрь 1917 г.

шевизма на Западе, создали условия для международного признания суверенитета «буржуазных» Латвии и Эстонии.

В учебной литературе эти события подаются с изрядным цинизмом: «Россию раздирали военные действия и смута, в которые большевики широко вовлекали латышские стрелковые части. Их посылали на ликвидацию бунта бывших союзников большевиков — левых эсеров в Москве, против белогвардейской армии адмирала Колчака и в другие места» [361]; «Большевики не отказались от имперской идеи, лишь замаскировав ее интернационализмом и тезисом о праве наций на самоопределение. Однако их попытка в 1919 г. с помощью военного вторжения и разжигания гражданской войны сформировать в Латвии свой режим не увенчалась успехом» [362].

2 февраля 1920 г. руководство Советской России заключило Тартуский мирный договор с Эстонией, а 11 августа — с Латвией, пойдя на территориальные и финансовые уступки. 26 января 1921 г. Верховный совет стран Антанты по инициативе Франции принял решение о признании «де-юре» отделения Латвии и Эстонии от России. 28 июля 1922 г., последней из стран-победительниц, юридически признал Латвию, Литву

и Эстонию Вашингтон, причем с оговоркой госсекретаря США Ч.Э. Хьюза: «Соединенные Штаты последовательно настаивали, что расстроенное состояние русских дел не может служить основанием для отчуждения русских территорий, и этот принцип не считается нарушенным из-за признания в данное время правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые были учреждены и поддерживаются туземным населением» [363].

Судьба Латвии и других прибалтийских земель решалась при прямом вмешательстве внешних сил, в условиях военной и послевоенной разрухи, с учетом зарубежных геополитических наработок и идеологического противостояния. Определенной части латышского общества удалось решить вопрос создания национального государства в свою пользу. Не вдаваясь в подробный разбор споров о легитимности тех или иных решений в условиях присутствия иностранной военной силы, обратим внимание на вопрос их репрезентативности. Население латвийских территорий в годы Первой мировой войны уменьшилось почти вдвое, считая погибших, эвакуированных, беженцев и мобилизованных в армию: из примерно 2500 тыс. человек, проживавших в 1914 г., в 1918 г. насчитывалось лишь около 1300 тыс. человек. Данная статистика дает яркое представление о степени деформации довоенного общества Курляндии и Лифляндии, многие лучшие представители которого погибли или остались в ключевой момент истории вне пределов Латвии. Эти и другие «неудобные» вопросы в современной латвийской исторической науке и памяти стараются не поднимать.

5.3. Украина накануне и в годы Первой мировой войны

На Аскольдовій могилі
Багрянистій цвіт.
По кривавій по дорозі
Нам іти у світ...

Украинский поэт Павел Тичина

Западные регионы современной Украины — Галиция, Буковина и Закарпатье — до 1918 г. являлись восточными провинциями Австро-Венгерской империи. Без малого полтора

столетия (Закарпатье — значительно дольше) они находились под скипетром Габсбургов, чья внутренняя и внешняя политика в XIX — начале XX в. оказала существенное влияние на развитие жизнедеятельности не только этих областей, но и той части Украины, которая находилась в составе Российской империи.

Присоединив по итогам первого раздела Польши Галицкую Русь (1772), австрийцы столкнулись с тем, что здесь проживают не только поляки, но и русины. Русинская нация имеет древние исторические корни. В частности, Закарпатье когда-то являлось частью Древней Руси, но было захвачено венграми уже в X в. и с тех пор, вплоть до 1945 г., развивалось в отрыве от русских и украинских земель — в составе Венгрии, Австрии, позже Чехословакии. Тем не менее память о Руси у местных славян оказалась укорененной и отразилась в самоназвании — «русины». Сохранить свой, близкий к литературному русскому язык, так же как и многие культурные традиции Древней Руси, русинам удалось во многом благодаря тому, что их предки проживали в условиях гористой местности, в окружении иноязычного, исповедующего иную веру населения.

Австрийская администрация, не заинтересованная в признании общерусских корней русинов, предпочитала идентифицировать их в качестве отдельного народа, «рутенев» (*нем.* Russinen, Ruthenen), чтобы таким образом отличить их от русских, российских подданных, в дальнейшем из политических соображений — как ветви украинцев. Последнее сопровождалось целенаправленным насаждением среди русинов идеологии украинского национализма. Имея прежде всего антироссийскую направленность, он, по замыслу Вены, должен был также ослаблять влияние поляков, доставлявших центральной власти немало хлопот своими великодержавными амбициями.

Австрийская Галиция в тот момент была разделена на Восточную (административный центр — Лемберг (совр. Львов) и Западную (административный центр — Краков). По данным австрийской переписи, сделанной по критерию использования «обиходного языка», в уездах Восточной Галиции преобладали русины (62,5%), а в Западной — поляки (от 53 до 99,9%) [364]. Межнациональная обстановка в Галиции, прежде всего

*Лемберг (Львов).
Начало XX в.*

в восточной ее части, была сложной, отношения между конфессиями и нациями традиционно напряженными. Местный административный аппарат здесь был представлен в основном поляками [365]. Обладание властью во многом предопределило и решение вопроса собственности. Свыше трети всей территории Галиции принадлежало польскому дворянству, владевшему латифундиями свыше 1 тыс. гектаров земли. Подавляющее большинство русинов, занимаясь мелким земледелием, находилось, в той или иной степени, в зависимости от крупных собственников польского происхождения [366]. Между поляками и русинами на этой почве не раз возникало острое противостояние. Взаимная неприязнь усугублялась тем, что поляки, уже добившиеся автономии в рамках империи Габсбургов, теперь стремились воссоздать Речь Посполитую в ее прежних границах, включая земли, на которых проживали русины [367].

Стремясь реализовать свой мегапроект, поляки готовы были идти на крайние меры. 21 февраля 1846 г. в Кракове началось польское восстание, лидеры которого провозгласили конечной целью восстановление Польши в границах 1772 г., а ближай-

шей — распространение восстания на Восточную Галицию, которая должна была стать основной базой их движения. Именно в этот период появилась первая украинская националистическая организация — «Руский Соборъ», созданная во Львове в 1848 г. и занимавшаяся прежде всего пропагандой необходимости объединения усилий поляков и русинов для совместной борьбы против России. Тогда же, в 1848–1849 гг., в Австрии появился признанный пока лишь ею новый этноним — «украинцы» — наряду с древнейшим этнонимом — «русины».

Галиция и после поражения польского восстания оставалась регионом повышенной конфликтогенности. В Вене считали, что влияние поляков в провинции должно быть ослаблено за счет обострения сословно-конфессиональных противоречий между польским католическим дворянством и русинским крестьянством, православным или униатским по своему вероисповеданию. Периодически возникавшие здесь беспорядки привели к тому, что немалая часть польского дворянства переместилась не только в Краков, но и на территорию Российской империи [368].

С другой стороны, Вена не хотела полностью отказываться от польского проекта, имевшего очевидную антироссийскую направленность [369]. После объединения Западной и Восточной Галиции в 1867–1870 гг. правительство империи Габсбургов санкционировало официальный статус польского языка для обоих регионов, тем самым закрепив здесь доминирование поляков во властных структурах. Вплоть до начала XX в. польское влияние при императорском дворе было значительно сильнее, чем у русинов. Проводимая поляками политика ассимиляции способствовала активизации украинофильского движения в Австро-Венгерской империи, стремившегося сохранить оказавшуюся под угрозой национально-культурную самобытность. Не случайно в начале XX столетия в венском журнале «Русинское ревю» (впоследствии «Украинское обозрение») прозвучало мнение, что «30-миллионный украинский народ для Европы считается почти исчезнувшим» [370].

Если в Галиции самобытности русин угрожала полонизация, то в Закарпатье — явная и скрытая политика мадьяризации. В 1908 г. существовавшие здесь русинские школы были закры-

ты, что вело к постепенному вымыванию национальной интеллигенции и буржуазии [371]. Относительно благоприятная межнациональная обстановка в тот момент сложилась лишь в Буковине, чему способствовало пропорциональное представительство в местных органах власти различных этнических общин, закрепленное законодательно в 1911 г.

В украинском национализме австрийские власти видели не только сдерживающий фактор против польской великодержавности, но и возможность использовать его для ослабления влиятельного русофильского течения в Галиции, Буковине и Закарпатье, опиравшегося на сеть научно-просветительских и культурных центров, поддерживаемых российскими властями, которые, в частности, финансировали местные печатные издания (львовскую газету «Слово» и др.) [372].

Со второй половины XIX в. в Галиции при помощи униатской церкви и профессуры Львовского университета стала формироваться украинская националистическая идеология. Этот процесс уже в скором будущем дал определенные результаты. В 1863 г., в ходе польского восстания (1863–1864), в львовском журнале «Мета» было впервые опубликовано стихотворение П.П. Чубинского «Ще не вмерла Украина», ставшее в XX в. гимном украинских националистов, а в несколько переработанной форме — и гимном Украинской республики. Время и место публикации символично, как символично и явное подражание польскому гимну «Еще Польша не сгинела» [373]. Однако в тот момент вовлечь сколько-нибудь значимое число русин в восстание польским руководителям не удалось. Антироссийские, в отличие от антипольских, настроения здесь приживались с трудом.

После поражения восстания борьба за умы русинов продолжилась с удвоенной силой, для чего по-прежнему использовались возможности профессуры и церкви. Особый размах она приобрела с началом XX в., по мере того как стало очевидным, что столкновения между Австро-Венгрией и Россией не избежать. Среди русинской интеллигенции, но прежде всего среди молодежи, велась активная пропаганда о якобы принадлежности их к украинской нации. Цитаделью «самостийников», проповедовавших украинскую национальную исключитель-

ность, стал Львов. Идейным их вдохновителем являлся профессор Львовского университета М. Грушевский, который в своей «Иллюстрированной истории Украины» [374] поставил целью обосновать этническое отличие украинцев (истинных русских) от москвитов (в его концепции, потомков финнов и татар). Утверждалось, что финно-монгольская Москва самозванно присвоила себе наименование вначале славянской Руси, а затем России. Утверждалось также, что русины — не что иное, как старое название украинства. Значительный вклад в попытку историко-философского осмысления происхождения и смысла украинства внес униатский митрополит А. Шептицкий и его сподвижники, подчеркивающую особость украинцев среди славянских племен. Именно они, сохранив домонгольскую этническую идентичность, являются, в соответствии с этой концепцией, истинными наследниками Киевского государства.

Вена поощряла подобные изыскания. Этнокультурная близость малороссов востока и запада предоставляла шанс для продвижения идеи украинства с запада на восток, на территорию Российской империи, тем более что там, в Малороссии, вызревал свой слой самостийников, стремившихся к достижению независимости от центральной власти.

Благодаря националистической пропаганде, а также политике преференций по отношению к части русинов, Вене в определенной степени удалось расколоть русинское население на сохранивших верность славянскому архетипу русофилов и тех, кто воспринял идеи украинского национализма. В конечном счете в русинстве оформилось два течения: «старорусинов» (в польской терминологии «москвофилов»), оставшихся на позициях традиционного общерусского единства, и «молодорусинов», готовых признать себя отдельным народом, то есть русинами-украинцами.

Значительную роль в расколе русинов, исходя уже из своих интересов, сыграли польские националисты. К самой программе украинского национализма они относились скептически. С точки зрения польских националистов, стремление украинофилов к собственному национальному государству являлось «типичной детской болезнью почти всех молодых культур» [375]. Однако поддержка украинофильства позволяла поля-

кам достичь двоякой цели: ослабить русинское движение внутренними междоусобицами и одновременно канализировать идеологию украинского сепаратизма на территорию Российской империи с целью подрыва ее государственных основ. После того как идеи украинства в начале XX в. были поддержаны властями Австро-Венгрии, одобрили ходение термина «украинцы» в официальных документах, украинская самостийная идея приобрела черты «национально-освободительного» движения.

В печатных изданиях, например в венском журнале «Ukrainische Rundschau», все чаще стали продвигаться идеи о «верности и преданности русинов своей нации, которая выдержала нашествие татарских и турецких орд» [376]. Утверждалось, что, в отличие от поляков, воспринявших западноевропейскую культуру, украинцы, благодаря своей пассионарности, колонизировали территорию, которую незаконно захватили русские после освобождения от монголо-татарского ига.

По мере приближения мировой войны украинское движение в Галиции приобретает все более выраженный антироссийский характер. Лидеры украинского движения сделали ставку на победу Тройственного союза, которая позволила бы им создать независимое украинское государство или, по крайней мере, добиться широкой автономии в рамках империи Габсбургов. Данный принцип отразился в заявлении украинских националистов, принятом в декабре 1912 г., в котором, в частности, говорилось: «Во имя будущего украинского народа по обе стороны границы в случае войны между Австрией и Россией вся украинская община единодушно и решительно встанет на сторону Австрии против Российской империи как величайшего врага Украины» [377].

Антироссийская платформа объединила часть украинофилов и польских националистов, обвинявших «москалей» во всех бедах Польши и Украины. Стратегической целью являлось превращение «самостийной» Украины в буфер между Россией и Европой, в инструмент политики западных держав против Российской империи.

Борьба за идею требовала организационного оформления. В предвоенный период в Галиции появились украинские на-

ционалистические организации «мазепинцев» типа «Русский Сокол» и «Сечь», которые к лету 1914 г. насчитывали в своих рядах до 135 тыс. человек [378]. Параллельно в Восточной и Западной Галиции развивалось польское «сокольское» движение, где местная молодежь проходила как идеологическую, так и военную подготовку [379]. Кроме «соколов» в Галиции действовали различного рода польские стрелковые союзы и стрелковые дружины, различного рода военные союзы [328].

В отличие от «молодорусинов», «старорусины» при малейшей возможности преследовались властями, в том числе в судебном порядке. В условиях приближающейся войны русофильские элементы Галиции становились для Габсбургов и поляков все более враждебным элементом. Так, за донос на «москвофила» в Галиции выплачивалась премия [380]. На процессах, проведенных против русофильской интеллигенции австрийскими и венгерскими властями в декабре 1913 г. в Мармарош-Сигете и в марте 1914 г. во Львове, основными доказательствами злонамеренности обвиняемых и их связи с русской разведкой стали напечатанные в России богослужебные книги и Св. Писание, а также найденный при обыске «Тарас Бульба» [381]. Помимо отдачи под суд, по отношению к русофильскому движению применялись такие методы преследования, как высылка, административный арест и пр. Это не могло не подорвать потенциал русофильского движения.

С началом войны представители русофильского течения оказались перед угрозой не только скорых на расправу военно-полевых судов, но и самочинных расправ со стороны польских и украинских националистов. Во Львове, например, перед его эвакуацией было арестовано до 8 тыс. человек, подозреваемых в «москвофильстве». Значительная часть арестованных русофилов была выслана в концентрационные лагеря Терезин и Телергоф [382]. Несмотря на репрессивную политику, русофильские настроения тем не менее продолжали преобладать в сельской местности, в отличие от городов [383]. Подобная картина наблюдалась не только в сентябре 1914 г., но и летом 1916 г. в ходе Брусиловского наступления. Принимавший участие в этих событиях маршал А.М. Василевский вспоминал: «Местные жители, которые именовались тогда русинами,

встречали нас с распростертыми объятиями и рассказывали о своей нелегкой доле. Австрийские власти, смотревшие на них как на чужеземцев, яростно преследовали всех, кого они могли заподозрить в «русофильстве». Значительная часть местной славянской интеллигенции была арестована и загнана в концентрационный лагерь «Талергоф», о котором ходили страшные легенды» [384].

Сложная обстановка в предвоенный период сохранялась на территории Малороссии, входившей в состав Российской империи. В результате разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) и решений Венского Конгресса (1815), в то время как часть древних русских земель (Галицкая Русь) осталась за пределами России, в состав Российской империи вошли коренные польские земли, чье население не было заинтересовано в спокойствии приграничных территорий России. В Юго-Западном крае — на Волыни, Подолии и Правобережной Украине после Венского конгресса (1815) польское управление было восстановлено почти в прежней полноте. Все важнейшие отрасли управления были сосредоточены в руках поляков, администрация и школы были польскими. Несмотря на это, поляки, стремившиеся к возрождению независимой Польши в ее исторических границах, не оставляли мысли о восстании. С этим во многом было связано появление политического украинофильства.

В середине 1824 г. в Житомире состоялся съезд польских заговорщиков, на котором, среди прочего, было решено развернуть пропаганду среди украинских крестьян на Правобережье, чтобы привлечь их на сторону поляков. Зародившись на Правобережье в польских кругах, украинский национализм с самого начала ставил своей целью вызвать у малороссов стремление отделиться от России с последующим привлечением их на сторону Польши.

Для этого была поставлена цель пробудить у малороссов (украинцев) сознание их самостоятельной национальной идентичности, отличной от великороссов. Особое место в связи с этим, так же как и в Галиции, уделялось изысканиям на исторические и лингвистические темы, призванным обосновать этот тезис. В частности, Ф. Духинский, разрабатывая «теорию» о неславянском происхождении «москалей», пытался убедить

*Францишек Духинский
(1816–1893), польский
этнограф и историк*

читателей, что «Москва», несмотря на некоторые признаки европейской страны, остается азиатским и опасным для Европы государством.

Первоначально основным требованием украинофильских сил было закрепление за украинским языком статуса литературного (до этого он функционировал в качестве разговорного). Основанием для этого стали получившие широкое распространение произведения Т. Шевченко и И. Котляревского. Со временем украинские националисты заявили о том, что украинская литература возникла еще в IX в., приписывая украинцам авторство «Слово о полку Игореве» [385].

Главной целью развернувшейся политико-идеологической пропаганды являлось идентифицирование империи Романовых с рядовой восточной деспотией, автократией «татарских ханов и византийцев» [386]. В соответствии с этой идеологемой Украина, ведущая свою историю от Киевской Руси, обладает, в отличие от России, длительным опытом самостоятельной государственности и собственной политической культурой [387]. Соответственно украинские националисты выступали резко против отождествления русской и украинской истории, заявляя, что присоединение украинских земель по решению Пере-

яславской рады 1654 г. к России было вынужденной мерой, поскольку в этот исторический период украинцы обескровили себя в ожесточенной борьбе против поляков и татар.

Матримониальные и дипломатические связи киевских князей с западноевропейскими монархами трактовались как принадлежность Украины и украинцев к западноевропейскому культурно-политическому ареалу [388]. Отсюда делался вывод о том, что украинцы обладают «этнологическим чувством независимости» в отличие от «покорившихся татарам москалей». Еще одним аргументом подобного рода стало утверждение, что лишь украинцы смогли сохранить подлинный язык Руси, а «москали» исказили его. Дальше фантазия типичного украинского националиста рисовала следующий образ украинца: воин-крестьянин, в случае необходимости меняющий плуг на оружие, у которого бьется через край жизненная сила и неутолимая воля к жизни [389].

Украинские националисты, отождествляя понятия «Украина» и «Русь», чрезвычайно расширили границы государства Украина, опираясь в том числе на выводы западных исследователей, в частности немецкого философа конца XIX столетия Э. Гартмана. Последний определял украинскую границу по линии Витебск — Курск — Саратов — Астрахань. Украинский географ С. Рудницкий, опубликовавший перед мировой войной работу под названием «Краткая география Украины», заявлял, что украинские земли ограничивались лишь тремя горными цепями — Карпатами, Яйлой и Кавказом. Стараниями Рудницкого именно украинцы являлись колонизаторами Сибири и Туркестана [390].

Некоторые известные «украинофилы», такие как М. Максимович и Н. Костомаров, занимали более умеренные позиции, рассматривая русских и украинцев в качестве «двух русских народностей», которые в будущем сольются, как во времена Киевской Руси. Возрождение единого этноса, по их мнению, будет сопровождаться кардинальными изменениями в политической жизни: самодержавие будет вынуждено уступить место древнерусскому народовластию.

Царское правительство, естественно, не могло согласиться с подобной политизированной трактовкой истории. После со-

бытий 1863–1864 гг. возможности для развития в России украинского национализма были резко ограничены. На территории Российской империи было запрещено преподавание в школе и издание книг на украинском языке. Преподавательский состав фильтровался по критерию лояльности к царскому режиму. Заподозренные в украинофильстве педагоги переводились на работу в великорусские губернии. Многие «украинофилы» предпочитали эмигрировать в Галицию, в результате чего основным центром украинского национализма окончательно стала австрийская Галиция.

Пропагандистская кампания русофилов во многом уступала украинофильской, в том числе благодаря тому, что печатная деятельность украинских националистов, прежде всего в Галиции, поддерживалась и финансировалась Германией и Австро-Венгрией. С этой целью кайзеровское правительство создало при Министерстве иностранных дел специальный информационно-аналитический отдел по проблемам Украины. Печатные издания украинских националистов публиковались не только в Германии, Австрии, но и на территории союзников Российской империи — во Франции. В частности, в Лозанне на французском языке выходила еженедельная газета «Украина», редактором которой был украинский общественный деятель В.Я. Степанковский [391]. Во многом благодаря финансовой поддержке Германии и Австро-Венгрии осуществлялась деятельность и различных украинских националистических организаций, в том числе «Союза освобождения Украины [392].

Накануне Первой мировой войны Австро-Венгрия финансировала также конкретные политические проекты украинских националистов. В частности, с целью мобилизации украинофилов на борьбу против России при содействии Вены разрабатывалась идея о создании Украинского королевства с конституционно-монархической формой правления [393]. Тем не менее Вена до последнего лавировала, поощряя как украинское движение, так и польских националистов. Это привело к тому, что, с одной стороны, Австро-Венгрия поддерживала не только польских легионеров Юзефа Пилсудского и Юзефа Галлера, но и украинских сечевых стрельцов, находившихся друг с другом не в самых лучших отношениях.

В годы войны, особенно в 1914–1916 гг., Галиция стала одним из основных театров военных действий. В августе-сентябре 1914 г. в ходе контрнаступления русской армии была занята большая часть Галиции и Буковины. Русская администрация ввела ряд запретительных мер против украинофильского движения, в том числе против униатской церкви, ограничила преподавание в школах на украинском языке. Грекокатолический митрополит А. Шептицкий был интернирован и выслан в Россию. В целом предпринятые меры носили, однако, скорее ограничительный, вызванный военной необходимостью характер, чем репрессивный.

Иначе вели себя австро-венгерские войска, которые, отступая, широко использовали военно-полевые суды в отношении лиц, заподозренных в русофильских настроениях и содействии русской армии. После вытеснения русской армии из Галиции в 1915 г. в связи с подобного рода подозрениями тысячи людей были направлены в концентрационные лагеря Талергоф и Терезиенштадт. В Талергофе, в частности, содержалось от 15 до 30 тыс. человек [394].

В ходе войны политическое противостояние между русофилами и украинофилами приняло антагонистическую форму. Это привело к тому, что в 1915 г. вместе с отступающими русскими войсками Западную Украину покинуло и значительное число русофилов. В результате к 1915 г. русофильское движение в Галиции, Закарпатье и Буковине во многом было ослаблено. Однако и планам украинских националистов по массовой мобилизации своих сторонников в австро-венгерскую армию не суждено было сбыться. В частности, после занятия австрийскими войсками русской Волыни большая часть украинского населения отказалась признавать власть Австро-Венгрии. Желающих воевать на стороне Центральных держав были единицы [395].

Несколько лучше обстояли дела у украинофилов в Закарпатье, Галиции и Буковине. Вознаграждением для них за активную помощь австро-венгерской армии стало полученное из Вены разрешение создать во Львове свой политический орган — Головну українську раду (Главный украинский совет). В мае 1915 г. этот украинский политический орган был преоб-

разован в Загальну українську раду (Всеобщий украинский совет), в состав которого вошли 24 представителя Галиции, 7 — Буковины и 3 активиста Союза освобождения Украины [396]. Один из первых законодательных актов Рады санкционировал формирование Легиона украинских сечевых стрельцов, который принял участие в военных действиях в составе 25-го корпуса армии Австро-Венгрии. Добровольцев набралось около 28 тыс. человек, австрийское командование ограничилось приемом на службу лишь 2,5 тыс. добровольцев [397]. Продолжали создаваться организации националистического толка, наиболее значимой из которых стал образованный в Венгрии в августе 1914 г. Дм. Донцовым при непосредственной поддержке министерства иностранных дел Австро-Венгрии «Союз Визволення України» (Союз освобождения Украины) [398]. Непосредственной целью Союза была организация помощи войскам стран Тройственного союза в борьбе с Российской империей на фронтах мировой войны, конечной задачей являлось создание автономного монархического государственного образования под протекторатом Австро-Венгрии и Германии. Это, в свою очередь, предполагало отделение Малороссии от Российской империи. Союзом была развернута пропаганда среди военнопленных украинского происхождения, служивших в русской армии. Националисты ходатайствовали перед германским и австро-венгерским командованием о переводе украинских пленных в отдельные концентрационные лагеря (около 50 тыс. человек в Германии и около 30 тыс. человек в Австрии). Штаб-квартира Союза освобождения Украины первоначально располагалась во Львове, но вскоре она перебазировалась в Вену.

В дальнейшем Рада в своих действиях пошла дальше того, что предполагалось в Вене. На том основании, что Украина слишком велика для того, чтобы ее можно было бы присоединить к Австро-Венгрии или иному государству, конечной целью было объявлено создание независимого украинского государства [399]. В 1915 г. из-за возникших политических разногласий финансирование Союза со стороны австро-венгерского МИД было сокращено, в связи с чем организация перенесла свою деятельность на территорию Германии, где совместно

Митинг на Софийской площади. В центре — Симон Петлюра, Владимир Винниченко, Михаил Грушевский. Октябрь 1917 г.

с германским Генеральным штабом занималась подготовкой диверсионных групп для действий в тылу русской армии [400]. Первая подготовленная националистами диверсионная группа начала действовать уже в феврале 1916 г. 1 мая 1918 г., в связи с утратой военной необходимости, Союз освобождения Украины прекратил свою деятельность.

Реализация планов украинских националистов, как и следовало ожидать, встретила растущее сопротивление со стороны польских националистов, которые не могли примириться с намерением украинцев разделить Галицию. После победы Германии и Австро-Венгрии в мировой войне они были намерены восстановить независимую Польшу с включением в нее и всей Галиции. Для этого были основания. Начиная с 1915 г. руководство стран Тройственного союза включилось в обсуждение вопроса о будущем разделенной Польши, большая часть территории которой оказалась под властью немцев и австро-венгров. Предполагалось, что Польшей будет управлять монарх из династии Габсбургов или Гогенцоллернов. 5 ноября 1916 г. Австрия и Германия совместным манифестом объявили о восстановле-

нии Польского королевства. Решение о территориальных границах и о главе государства откладывалось на конец войны.

Накануне, 4 ноября 1916 г., император Франц Иосиф I подписал указ о предоставлении всей Галиции автономии, что означало решение спорного вопроса в интересах поляков. В ответ 6 ноября 1916 г. Загальна українська рада приняла резолюцию, в которой депутаты Рады выразили крайнее неудовлетворение тем, что Вена не сдержала своего обещания относительно раздела Галиции на две провинции [401]. Однако полный разрыв украинских националистов с империей Габсбургов произошел лишь с фактическим развалом последней.

Крах Российской империи, в свою очередь, привел к образованию двух украинских государств: Украинской народной республики (УНР) и Западно-Украинской народной республики (ЗУНР). Украинская народная республика была провозглашена 7 (20) ноября 1917 г. в Киеве III Универсалом Центральной Рады, авторство которого принадлежит В. Винниченко. Первоначально республике предоставлялась широкая автономия в составе демократической России. Позже, 25 января 1918 г., в ответ на ультиматум правительства большевистской России о задержании русских казаков и белых офицеров, следовавших через территорию Украины на Дон, Центральная рада заявила о полной независимости Украинской народной республики.

Председателем Центральной рады, высшего законодательного органа республики, был избран М. С. Грушевский, впоследствии перешедший на сторону большевиков. Заместителями Председателя Центральной рады были избраны В. Науменко, С. Ефремов и В. Винниченко [402]. Украинской народной республике, однако, не суждено было долго просуществовать.

26 января (8 февраля) 1918 г. Киев заняли войска Рабоче-крестьянской Красной армии. 9 февраля 1918 г. между Украинской народной республикой и странами Тройственного союза в Брест-Литовске был подписан мирный договор. По условиям этого договора державы стран Тройственного союза признавали суверенитет Украинской народной республики. Со своей стороны Украинская народная республика обязалась не вступать в союзы, направленные против стран Тройственного союза, а также поставлять им продовольствие и сырье.

Вскоре Центральная рада обратилась к странам Тройственного союза с просьбой о помощи в борьбе против Красной армии. Германским войскам удалось в короткие сроки вытеснить большевистские части с территории Украины. Затем, вопреки достигнутым договоренностям, немцы инициировали государственный переворот, в результате которого на территории Украинской народной республики была установлена власть гетмана П.П. Скоропадского.

Осенью 1918 г., когда стала очевидной близость распада Австро-Венгерской империи, украинские националисты в Галиции активизировали борьбу за создание независимого государства. В результате 1 ноября 1918 г. во Львове была провозглашена Западно-Украинская народная республика. По замыслам украинских националистов, вновь образованное государство, помимо Восточной Галиции, должно было включить в себя территории Закарпатья и часть Буковины. Не исключалась возможность воссоединения при благоприятных условиях с Украинской народной республикой.

Подобные намерения не устраивали польских националистов, намеревавшихся включить всю Галицию в состав нового независимого Польского государства. В результате разразилась польско-украинская война, продлившаяся с 1 ноября 1918 по 17 июля 1919 г. С началом лета после затяжных позиционных боев польская армия перешла в наступление. Украинские войска оказались зажатыми в так называемом треугольнике смерти между польской, красной и белой армиями. В ходе Чортковского наступления украинцам удалось пробиться из окружения и закрепиться ненадолго в Галиции. Однако вскоре они под натиском польских войск были вынуждены покинуть Галицию. Последняя, вместе с частью Буковины, вошла в состав Польши, другая часть Буковины оказалась в составе Румынии, Закарпатье отошло к Чехословакии. Планам украинских националистов о создании независимого государства и на этот раз не суждено было сбыться.

После распада Австро-Венгерской империи галицкие русины отказались войти в состав Западно-Украинской народной республики (Галичины) и самоопределились в качестве Подкарпатской Руси — субъекта Чехословацкой Федерации. Согласно

Сен-Жерменскому договору (сентябрь 1919 г.), Подкарпатской Руси были гарантированы «полнейшая степень самоуправления, совместимая с понятием единства Чехословакии» (ст. 10), свой собственный законодательный сейм (в ведении которого должны были входить все вопросы, касающиеся языка, школы и вероисповеданий, местной администрации, и все другие вопросы, определенные законами Чехословацкого государства) и автономное правительство, ответственное перед сеймом (ст. 11). Контроль за выполнением Договора принадлежал Лиге Наций. Однако предоставленные договором гарантии Подкарпатской Руси не были соблюдены. От Подкарпатской Руси была отделена так называемая Пряшевская Русь с 250 тыс. русинов, которая была присоединена к Словакии. Не было создано сейма и автономного правительства, в течение почти двух десятилетий край фактически управлялся чешской администрацией. Лишь накануне Второй мировой войны власти Чехословакии начали выполнять свои обязательства по Сен-Жерменскому договору и в мае 1938 г. провозгласили автономию Подкарпатской Руси. В октябре 1938 г. было создано первое автономное правительство, первым председателем Совета министров стал А. Бродий. Чехословакия фактически превратилась в федерацию трех относительно равноправных республик: Чехии, Словакии и Подкарпатской Руси. Это означало, что русины с 1938 г. наконец-то приобрели свою национальную государственность, гражданство и государственный язык.

Однако вскоре А. Бродий был арестован, премьер-министром стал ставленник гитлеровской Германии униатский священник А. Волошин. Подкарпатская Русь была переименована в Карпатскую Украину, которая, по замыслу Волошина, должна была стать частью «Великой Украины». Однако власти Третьего рейха, имея собственные планы, прохладно отнеслись к идее «Великой Украины», в результате чего Подкарпатская Русь была передана более ценному для них союзнику — Венгрии.

После оккупации Подкарпатской Руси Венгрией в 1939 г. ситуация для русинов резко изменилась, вновь начались гонения на русинский язык и культуру. Это вызвало массовое бегство русинов на территорию СССР, но там многих из них в условиях репрессий также ждала незавидная судьба.

5.4. Беларусь в годы Первой мировой войны

Вступление

Принято считать, что нараставшие с конца XIX в. экономические и геополитические противоречия между ведущими государствами Европы привели к развязыванию Первой мировой войны 1914–1918 гг. Обоснованию этого тезиса посвящены тысячи работ. Вековой период изучения и осмысления причин начала мировой войны выдвигает и другие версии и причины. Однако сегодня нас больше волнует вопрос: а была ли альтернатива мировой войне? Или же все действительно было предопределено? Особенно актуальным этот вопрос является сегодня, учитывая то, что об «экономических и политических противоречиях между ведущими государствами мира», «государственных интересах» мы сегодня постоянно слышим с экранов телевизоров.

Беларусь накануне войны

К началу XX в. в Беларуси завершился промышленно-технический переворот. В основных отраслях промышленности и на транспорте окончательно утвердился перевес машинной индустрии. После экономического кризиса и депрессии, которая продолжалась до 1908 г., в Беларуси начался новый экономический подъем, длившийся до Первой мировой войны. Производство промышленной продукции за 1908–1913 гг. выросло на 50,1%. Особенно быстрыми темпами развивалась крупная фабрично-заводская промышленность, увеличившая выпуск своей продукции за эти годы на 67,5%. Количество предприятий ценовой промышленности за 1900–1913 гг. возросло с 799 до 1280 (на 60,2%), а число рабочих увеличилось с 31 до 57 тыс. (на 76,6%). Удельный вес фабрично-заводской продукции увеличился с 33 до 46%. Однако преобладающим все еще являлось мелкокапиталистическое производство, дававшее более половины продукции — 53,5%, в то время как в России — 31,4%. В это же время в Беларуси на душу населения промышленной продукции производилось в 2 раза меньше, чем в целом по России. Доминирующее положение в структуре промышленности занимали деревообрабатывающая, пищевая отрасли и произ-

водство строительных материалов. Около половины карнизов для украшений зданий и квартир на общероссийском рынке производилось в Беларуси.

Несмотря на довольно высокие темпы развития промышленного производства, ведущая роль в экономике Беларуси предвоенных лет принадлежала все же сельскому хозяйству, которое в 1913 г. давало 56,9% национального дохода, тогда как промышленное производство — только 15,1%. Большинство помещичьих хозяйств специализировалось на мясомолочном производстве и было тесно связано с рынком.

В целом экономика Беларуси имела экспорто-ориентированный характер. Преобладал вывоз сельскохозяйственной продукции и лесоматериалов. В 1910–1913 гг. на Беларусь приходилось 10,4% всероссийского вывоза льна. Устойчивый спрос на внешнем рынке имели не только сырье (мясо, скот, птица, яйца, щетина, сырой лес), но и продукты сельскохозяйственной промышленности (масло, сыр, крахмал), а также изделия фабрично-заводского производства (бумага, спички, льняная пряжа, обработанная кожа и т.д.)

Значительно превышала потребности местного рынка также продукция винокурения, значительная часть которой шла за пределы белорусских губерний. В 1913 г. в Беларуси действовало 613 винокуренных заводов, на которых было переработано на спирт более 5,5 млн пудов картофеля. Приоритет в этом деле принадлежал Минской губернии, которая накануне Первой мировой войны вышла на первое место в Российской империи по производству спирта.

Общее количество постоянных наемных рабочих в Беларуси в начале XX в. превышало 460 тыс. человек. Из них в промышленности — 237 тыс., на ж.-д. транспорте — 25 тыс. Среди наемных рабочих основную часть занимали евреи — 60%, белорусы — 17%, русские — 10%, поляки — 10,2%. Из-за избытка рабочих рук среднегодовая заработная плата рабочего была на 31% ниже, чем в России в целом. Накануне Первой мировой войны в Беларуси действовали 34 акционерных предприятия, половина из которых возникла в предвоенное пятилетие. Значительно увеличилось присутствие в промышленности иностранного капитала. Хотя удельный вес иностранных фирм

в общем объеме производства был еще небольшим и составлял в 1913 г. только 6,7% в валовой продукции крупной промышленности Беларуси.

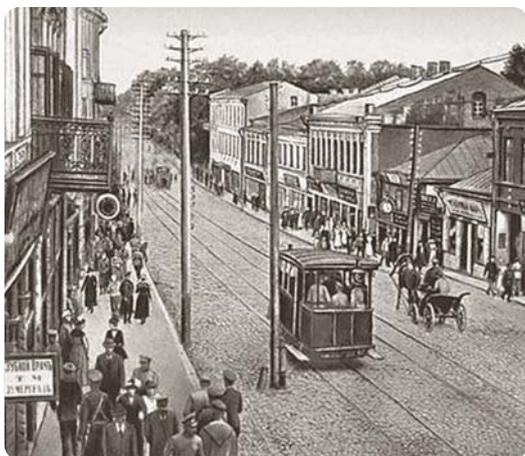
В начале XX в. Беларусь не имела государственности и собственной армии, не являлась субъектом международных отношений и самостоятельным участником войны. Территория Беларуси входила в состав пяти губерний Российской империи: Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской. По данным первой в истории России всеобщей переписи населения 1897 г. здесь проживало (в современных границах) более 6,3 млн человек, в том числе в Минске — 90,9 тыс., в Витебске — 65,9 тыс., Гродно — 46,9 тыс., Могилеве — 43,1 тыс., Гомеле — 36,8 тыс. человек [403]. В 1913 г. на территории Беларуси в современных границах проживало примерно 8,7 млн человек [404].

Абсолютное большинство жителей Беларуси было представлено сельским населением, преимущественно белорусами. Жители городов составляли только около 10% от общего числа, крупнейшими после губернских городов были Брест, Гомель, Бобруйск, Пинск [405]. Среди жителей городов преобладали евреи. В губернских и крупнейших уездных городах они составляли до 50% от общей численности жителей. Например, в Минске в 1913 г. проживали 45 103 еврея (42,2%), в Бобруйске из 42 309 жителей было 25 876 евреев (61,2%) [406]. В небольших уездных городах и местечках процент еврейского населения был еще выше, например в г. Игумене Минской губернии — 62,3%.

Русские проживали в основном в восточных губерниях, а также в губернских городах, где составляли значительную часть местной администрации.

Поляки преимущественно проживали в западных губерниях, а украинцы — в южных уездах Гродненской и Минской губерний.

Осмысливая состояние белорусского общества тех лет, необходимо обратить внимание на образовательный уровень населения Беларуси, который в целом был низким. По данным переписи 1897 г., численность грамотных по отношению к общему количеству жителей составляла в Виленской губернии 33,9%,

*Улица Минска.
Начало XX в.*

Витебской — 27,1%, Гродненской — 31,5%, Минской — 22,7%, Могилевской — 21,8%. В целом по Беларуси этот показатель равнялся 25,7%. Уровень грамотности в белорусской деревне, где проживало абсолютное большинство жителей, был значительно ниже. Так, в Минской губернии он составлял 15,6%, в Могилевской — 16,5%. Это было обусловлено недостатком школ и квалифицированных кадров, а также низким уровнем подготовки учеников в учебных учреждениях низшего звена. Так, в Могилевской губернии 162 835 учащихся получали образование в 2985 учебных учреждениях, при этом более 80% из них были начальными. Существовали два типа школьных и образовательных учреждений: светские и конфессиональные. В 1914 г. было 4784 светских начальных школ, где училось 304 745 учеников, в 2643 церковно-приходских и школах грамоты училось 130 900 учеников. В 122 средних учебных заведениях училось 31 328 человек.

Остро стояла проблема с учительскими кадрами, особенно в начальных школах, где обучалась основная масса детей. В Минской губернии на 1 января 1914 г. в школах обучалось 180 933 ученика при населении около 3 млн. На 100 учеников приходилось 3 учителя [407]. Такая же ситуация была и в дру-

гих белорусских губерниях. Проблема была также в том, что основная часть учителей начальных школ не имела педагогического образования. К примеру, в Могилевской губернии в 1913 г. таких было 73% [408]. Открытые накануне войны учительские институты в Витебске, Могилеве и Минске не могли быстро решить проблему подготовки педагогических кадров.

Начало войны. Отношение к войне населения

Известие о вступлении России в войну, о чем жители Беларуси узнали из опубликованного 20 июля 1914 г. Манифеста императора России Николая II, было неоднозначно воспринято населением белорусских губерний: одни его восприняли с нескрываемым восторгом, другие — как трагическую и скорбную весть. К первой категории принадлежали те, кто стремился нажиться на войне — зажиточные слои населения (буржуазия, купечество, помещики), а также стремившиеся к реваншу за поражение в Русско-японской войне военные и патриотически настроенная интеллигенция, государственное чиновничество.

Документы свидетельствуют, что как под влиянием официальной пропаганды, внедрявшей в массовое сознание идею о справедливом, оборонительном характере войны со стороны России и формировавшей образ агрессивного, антигуманного противника, так и благодаря активным действиям со стороны приверженцев войны в первые месяцы в ряде городов и местечек Беларуси прокатилась волна манифестаций в поддержку войны с выражением верноподданнических чувств. Тем самым местная национальная буржуазия и дворянство спешили выразить свою поддержку Николаю II и его правительству. Одновременно развернулась кампания по организации материальной поддержки войны со стороны населения. Такую инициативу проявляли земства, которые стали вносить крупные суммы денег на нужды войны.

Более сдержанно восприняло войну белорусское крестьянство. Предчувствие неизбежных страданий и горя, а также недовольство крестьян принудительным отрывом их от труда на земле стало одной из причин прокатившихся во время мобилизации в июле 1914 г. по многим уездам Беларуси насильствен-

ных эксцессов — разгромов помещичьих имений, самовольных вырубок леса, столкновений с полицией. Тем не менее в целом мобилизация призывников из белорусских губерний прошла достаточно успешно.

В Могилеве в первые дни мобилизации, по словам официальной печати, «замечалось небывалое оживление... особый патриотический подъем». В городе состоялись манифестации буржуазии, чиновников и интеллигенции с портретами царя, флагами и пением гимна. В Пинске в манифестации участвовало около 5 тыс. мещан, купцов, представителей духовенства, чиновников, учащихся. Манифестации прошли в Минске, Витебске, Новогрудке, других городах Беларуси.

Мобилизация на территории Беларуси

На территории белорусских губерний к началу войны дислоцировались войсковые соединения Варшавского и Виленского военных округов. В Брест-Литовске размещался штаб 19-го, в Вильно — 3-го, в Гродно — 2-го, в Минске — 4-го армейских корпусов.

Мобилизационные мероприятия здесь начались сразу же после получения телеграфного сообщения из Петербурга о «высочайшем повелении призвать чинов запаса и ратников ополчения первого разряда с поставкой лошадей и повозок с упряжью, согласно мобилизационному расписанию 1910 года», которое поступило вечером 17 (30) июля. Первым днем мобилизации предписывалось считать 18 июля 1914 г. [409].

Следует сказать, что оно не застало врасплох белорусские губернские и уездные власти. Нестабильность миропорядка в Европе тут была замечена задолго до начала военного конфликта. В связи с этим в западных округах активизировалась работа по уточнению и совершенствованию мобилизационных планов, отрабатывались временные рамки мобилизации запасных нижних чинов и ратников ополчения, оповещения их и населения путем проведения «пробных» мобилизаций во взаимодействии полицейских властей с воинскими начальниками. По распоряжению МВД, полицейские власти на местах для штабов военных округов составляли сведения «о наличном числе годных для войск лошадей, повозок и комплектов упря-

Пулеметный взвод 303-го Сенненского полка в районе Гродно. 1914 г.

жи» по данным переписи в каждом военно-конском участке с целью «составления расписания для правильного распределения по частям войск в зависимости от времени доставки их на сдаточные пункты», а также проводились другие военномобилизационные мероприятия. 13 июля 1914 г. Совет министров утвердил постановление «О введении в действие положения о подготовительном к войне периоде» [410].

В соответствии с этим документом было начато проведение мобилизационных мероприятий на территории Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний. Соответствующие телеграммы были направлены из Петербурга местным губернаторам. Проведение этих мероприятий по линии военного министерства было возложено на начальников местных бригад управления военных округов.

Благодаря соответствующей подготовке губернские и уездные власти оперативно отреагировали на телеграфное сообщение о мобилизации. Например, минский полицмейстер, получив телеграмму вечером 17 июля, в течение двух часов нарочным порядком разослал участковым приставам города

заранее заготовленные «особые красные конверты» с объявлениями для населения и личного оповещения мобилизуемых. По распоряжению Минского уездного воинского начальника началась организация и оборудование сборного пункта для приема и медицинского осмотра мобилизуемых, временного их расквартирования и обеспечения порядка [411].

Явка чинов запаса была назначена на 8 часов утра 18 июля и осуществлялась в течение семи дней. Призванные в войска поступали на пополнение квартировавшихся в Минске 119-го Коломенского и 120-го Серпуховского пехотных полков, 30-й и 76-й артиллерийских бригад 30-й пехотной дивизии 4-го армейского корпуса, других частей и подразделений [412].

На территории Минской губернии мобилизованными комплектовались дислоцировавшиеся в Несвиже 40-я артиллерийская бригада, в Речице — 107-й Троицкий и 108-й Саратовский пехотные полки, в Барановичах — 6-й, 9-й, 10-й железнодорожные батальоны, в Бобруйске — 302-й Суражский пехотный полк и 12-й обозный батальон, в Лиде — 4-я авиационная рота [413].

Как видно из донесения губернатора Витебской губернии в Министерство внутренних дел, «объявленная мобилизация, благодаря подробной разработке мобилизационных планов и детальному ознакомлению с ними лиц», непосредственно руководивших мобилизацией на местах, «прошла успешно» [414]. Мобилизованными комплектовались 25-я и 43-я артиллерийские бригады, 99-й Ивангородский, 100-й Островский, 106-й Уфимский и 114-й Новоторжский пехотные полки, 5-й железнодорожный батальон, другие части, квартировавшиеся на территории губернии [415].

Организованно проходила мобилизация и в Гродненской губернии: заблаговременно было подготовлено помещение для приема и медосмотра запасных и ратников ополчения, оборудован питательный пункт, определены места их расквартирования. Из мобилизованных, прошедших медицинскую комиссию, комплектовались маршевые роты, которые направлялись к пунктам формирования воинских частей. На территории губернии комплектовались 2-й и 19-й армейские корпуса, 26-я и 75-я артиллерийские бригады, 17, 26, 38 и 58-я пехотные

дивизии, 102-й Вятский, 171-й Кобринский, 172-й Лидский пехотные полки, 3-й обозный и 4-й саперный батальоны, другие части, а также подразделения гарнизона Гродненской крепости [416].

Кроме того, в Беларуси с объявлением мобилизации формировались пять новых полков с белорусскими названиями: два новых полка в Минской губернии (301-й Бобруйский и 302-й Суражский), два — в Гродненской губернии (298-й Мстиславский и 300-й Заславский в Брест-Литовске) и один в Могилеве — 303-й пехотный Сенненский полк. Войска в спешном порядке обучались ружейно-пулеметной и артиллерийской стрельбе и отправлялись на фронт [417].

Кроме маршевых рот, в первый месяц начала войны из уроженцев Гродненской губернии были сформированы 365-я, 366-я и 368-я Гродненские дружины государственного ополчения, которые влились в состав 93-й бригады 10-й армии Северо-Западного фронта, а также в части гарнизона Гродненской крепости.

По неполным данным, в белорусских губерниях в июле-августе 1914 г. было сформировано 52 дружины государственного ополчения. Численный состав дружины, как правило, составлял до 1 тыс. человек. Дружинам передавались знамена народного ополчения, утвержденные еще в 1855 г. во время Крымской войны. Так, например, дружинам государственного ополчения, сформированным в Витебской губернии, были переданы знамена, хранившиеся в Витебском Николаевском кафедральном соборе [418]. Кроме того, было сформировано пять ополченских конных сотен и пять ополченских рабочих рот. Из них в Минской губернии в соответствии с мобилизационным расписанием были сформированы 23 дружины и 3 конные сотни [419].

Явка лиц на сборные пункты в целом по губерниям была довольно высокой. Только по Гродненскому уезду, как видно из донесения председателя уездного воинского присутствия гродненскому губернатору, на 24 июля она составляла 4900 человек из 5000 призываемых [420].

Как видно из донесения губернатора в Министерство внутренних дел, успешно прошла «объявленная мобилизация

благодаря подробной разработке мобилизационных планов и детальному ознакомлению с ними лиц, непосредственно руководивших мобилизацией на местах» и в Витебской губернии [421]. Мобилизованными комплектовались 100-й Островский, 114-й Новоторжский, 99-й Ивангородский пехотные полки, 25-я артиллерийская бригада, другие части, дислоцировавшиеся на территории губернии [422].

В целом мобилизация в белорусских губерниях после объявления войны прошла своевременно, в установленные сроки.

В дни мобилизации, хотя и в незначительном количестве, были добровольцы. По этноконфессиональному и социальному составу среди них преобладали православные крестьяне — белорусы. Были также представители дворянства, купечества, мещан и чиновничества. В то же время имели место случаи уклонения от мобилизации, особенно среди лиц иудейского вероисповедания, путем устройства в тылу, неявки на призывные пункты и умышленного членовредительства [423]. В первые дни мобилизации имело место проявление социально-классового антагонизма, выразившегося в насильственных акциях мобилизованных крестьян по отношению к помещикам, особенно там, где были застарелые конфликты. Кроме того, недовольство мобилизованных было вызвано запретом властями продажи спиртных напитков и закрытием всех казенных и частных лавок в местах расположения сборных пунктов и по пути следования мобилизованных. Это явилось причиной массовых беспорядков, сопровождавшихся погромами и разграблением винных лавок и погребов. Особенно это проявилось там, где местные власти не были к этому подготовлены. Например, в Лепельском уезде Витебской губернии отсутствовала охрана питейных заведений, не всегда были подготовлены подводы для перевозки мобилизованных, не обеспечено сопровождение следовавших колонн полицией. Погромы помещичьих имений и винных лавок имели место в Мозырском, Новогрудском, Игуменском и Сенненском уездах. Всего за период с 19 по 25 июля в белорусских губерниях призывниками с участием местных крестьян было разгромлено 43 помещичьих имения, 2 фольварка, 67 казенных и частных винных и продовольственных лавок и складов [424]. Для наведения порядка власти принимали экстренные меры, вплоть до

применения оружия и военно-полевых судов. Только в Мозырском уезде около 90 человек было заключено в тюрьму, один по приговору Минского военно-окружного суда был казнен. Часть погромщиков успела уйти в войсковые части. Известно, что по распоряжению командующего 1-й армией генерала Ренненкампа бывшие погромщики были привлечены к военно-полевому суду: четверо обвиняемых были повешены [425].

Следует отметить, что в белорусских губерниях совершенные мобилизуемыми акции погромного характера были немногочисленны по числу участников в них и ликвидированы усилиями местных властей.

Таким образом, мобилизация среди населения белорусских губерний в основном прошла в установленные сроки, в законопослушании. Этому способствовали не только заранее отработанные мобилизационные планы и мероприятия, но и целенаправленная официальная пропаганда, внедрявшая в массовое сознание идею о справедливом оборонительном характере войны со стороны России, призывавшая к единению и верноподданничеству «царю и Отечеству» и сумевшая вызвать (на первых порах) патриотические настроения среди всех слоев населения. Для правительственных кругов и местных властей это было особенно важно, так как белорусские губернии являлись передним форпостом Российской империи.

Войсковые соединения и части, дислоцировавшиеся на территории белорусских губерний, пополненные в дни мобилизации по штатам военного времени, были выдвинуты в места сосредоточения и развертывания для начала военных действий. Они влились частично в состав 1-й армии (командующий генерал П.К. Ренненкампа) и 2-й армии (командующий генерал А.В. Самсонов), образовавших Северо-Западный фронт (главнокомандующий генерал Я.Г. Жилинский), направленный против германских войск, сосредоточенных в Восточной Пруссии. Часть войск с крепостью Брест-Литовск была влита в состав 5-й армии (командующий генерал П.А. Плеве), входившей в Юго-Западный фронт (главнокомандующий генерал Н.И. Иванов), направленный против Австро-Венгрии.

Дружины государственного ополчения согласно мобилизационному расписанию было намечено распределить следую-

щим образом: 10 ополченских частей назначены в 1-ю армию, 9 — во 2-ю армию, 5 — в 4-ю армию, 5 — в 5-ю армию, 1 — в 8-ю армию. 14 дружин были назначены в распоряжение начальника Минского военно-окружного управления, 7 дружин — в распоряжение начальника Двинского военно-окружного управления [426].

Участие воинских формирований, созданных на территории Беларуси, в военных действиях

На российско-немецком фронте война началась в августе 1914 г. боями в Восточной Пруссии, Польше и Галиции. Белорусские губернии находились недалеко от театра боевых действий и в первые дни войны были объявлены на военном положении. В г. Барановичи Минской губернии расположилась Ставка Верховного главнокомандующего вооруженными силами России великого князя Николая Николаевича. В белорусских губерниях значительно возросла численность полиции и жандармерии, расширилась сеть военной контрразведки. Осуществлялась деятельность военно-полевых судов, которые выносили приговоры по законам военного времени. Работа на предприятиях, выпускавших военную продукцию, рассматривалась как особый вид военной службы. Продолжительность рабочего дня фактически не регулировалась, отменялись выходные и праздничные дни. Жесткой регламентации подлежало распространение информации. Печатная продукция, почтовые и телеграфные отправления подвергались военной цензуре.

Летом 1914 г. по инициативе либеральной общественности и предпринимателей были созданы неправительственные военно-благотворительные организации — Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ), через которые буржуазия осуществляла поставки на фронт обмундирования, медикаментов, боевого снаряжения, а также пыталась использовать их для расширения своего доступа к власти. В прифронтовых белорусских губерниях открылись подведомственные ВЗС и ВСГ ремонтные мастерские, продовольственные пункты, госпитали. Для работы в них привлекались не только местные жители, но

*Госпиталь Всероссийского
земского союза
в большом зале Русского
Географического
общества. Петроград*

и тысячи рабочих и обслуживающего персонала из внутренних губерний России.

Сформированные на территории Беларуси воинские части принимали активное участие в боевых действиях. Так, 303-й Сенненский полк уже 4 августа в полном составе прибыл в Гродно. Подразделения полка несли гарнизонно-караульную службу в городе, но большей частью были направлены на форты крепости, где также несли сторожевую службу, выполняли фортификационные работы, со свободными от работ нижними чинами проводились занятия.

6–8 августа в Гродно прибыли также 301-й пехотный Бобруйский и 302-й пехотный Суражский полки. К 11 августа 76-я пехотная дивизия (начдив генерал Я.Д. Юзефович) в составе 301-го, 302-го и 303-го пехотных полков уже находилась в Гродно. Подразделения 300-го пехотного Заславского полка 75-й пехотной дивизии до 13 августа несли гарнизонно-караульную службу в Брест-Литовске и Брестской крепости, «выставляли сторожевые заставы и полевые караулы» на участке железной дороги, других «главных путях, ведущих к крепости» [427].

После ускоренной строевой, огневой и боевой подготовки новобранцев командование начало выдвигать вновь сформированные полки в места боевых действий. Первым был направлен 11 августа из крепости Гродно в Восточную Пруссию 302-й пехотный Суражский полк «для сопровождения 76-й артиллерийской бригады, входящей в состав 2-го армейского корпуса» [428]. В течение восьми дней пешим порядком был преодолен путь более 180 км, в основном по грунтовым дорогам, в холмистой местности [429]. Полк поступил в распоряжение начальника 43-й пехотной дивизии, прикрывавшей левый фланг 1-й армии со стороны проходов через Мазурские озера в районе Летцена, с задачей удерживать участок между озерами Швензейт и Гольдапгар. 20 августа 1914 г. роты полка заняли позиции боевого участка к западу от шоссе Летцен — Поссесерн. В 11 часу позиция полка была обстреляна неприятелем со стороны крепости Летцен из тяжелой и легкой артиллерии [430].

22 августа в штаб полка поступило телеграфное сообщение о передвижении крупных сил противника: в северо-западном направлении — 26 автомобилей с пехотой; в южном «прошли 1 пехотный и 8 конных полков, 48 орудий, 23 автомобиля с пулеметами» [431]. Активно действовала неприятельская разведка с аэропланов. Особенно часто они появлялись над участком № 3 позиций между шоссе Поссесерн — Летцен и условной вершиной № 153.

Командование усиливало оборону: продолжало укреплять позиции, «приводило в оборонительное состояние восточную и южную окраины» занимаемой д. Поссесерн; в состав отряда прибыли три роты 172-го пехотного Лидского полка, сотня Донского казачьего полка, производилась перегруппировка сил на участках.

26 августа начался обстрел из крепостных орудий позиций полка напротив перешейка между озерами Поссесерн и Гальдапгар. Появились первые убитые и раненые. Направленный на подкрепление батальон 101-го пехотного Пермского полка, не доходя двух верст до д. Поссесерн, попал под артиллерийский огонь. Упавшим в колонну снарядом был убит командир роты, убито и ранено около 40 нижних чинов. Орудийный обстрел прекратился только около двух часов ночи 27 августа.

Утром артобстрел возобновился и корректировался с авианаблюдениями сигналов сначала над расположением артиллерийских батарей, затем над окопами [432].

30 августа 302-й полк под давлением больших сил противника и ударов артиллерии был вынужден отступить по направлению к Вержболово, а 31 августа перешел границу и утром 1 сентября прибыл в Мариамполь. 4 сентября по приказанию главнокомандующего полк перешел в г. Олиту для посадки в железнодорожный эшелон, чтобы следовать в г. Гродно. Утром 6 сентября полк прибыл в г. Гродно и разместился в казармах 101-го Пермского полка. Затем распоряжением коменданта крепости батальон полка был направлен на форты «северной и восточной стороны крепостного обвода», где под командованием капитана Виноградского и штабс-капитана Писаревского его солдаты несли сторожевую службу, занимались укреплением фортов и опорных пунктов.

В бою под Летценом полк понес большие потери в личном составе: 29 офицеров, 2 чиновника и 1763 нижних чина, а также 20 лошадей [433]. «Все офицеры, бывшие в сражении под Летценом 26 и 27 августа, — отмечал в донесении штабу 2-го армейского корпуса командир полка полковник Буйвид, — проявили мужество и твердость в исполнении своих обязанностей и действительно служили примером нижним чинам своею неутомимостью, спокойствием и готовностью отдать свою жизнь за царя и Родину». Особо он выделял капитанов Виноградского и Пенского, штабс-капитана Писаревского, поручиков Дуванского, Исакова и Кременского, подпоручика Самсоны-Тодорова [433].

300-й пехотный Заславский полк, входивший в состав 75-й пехотной дивизии, боевое крещение получил, принимая участие в боях во время Галицийской и Варшавско-Ивангородской операций.

Получив «распоряжение о погрузке», три батальона 300-го Заславского полка утром 13 августа выступили из крепости Брест-Литовск к железнодорожной станции, погрузились в эшелоны и были отправлены на среднюю Вислу в крепость Ивангород. 4-й батальон полка был оставлен на месте для охраны железной дороги. Прибыв на место назначения, полк был включен в состав крепостного гарнизона, и уже 18 августа в со-

ставе отряда из 5 батальонов выступил в г. Ново-Александрию. Переход совершался в «очень тяжелых, особенно для артиллерии, условиях» по «грунтовой, песчаной дороге» в холмистой местности (18 верст были преодолены за 14 часов) [434].

Во время боев с австрийцами в конце августа — начале сентября 1914 г. 300-й Заславский полк также понес значительные потери: были убиты командиры 9-й роты поручик Жданович и 12-й роты штабс-капитан Никитин, взводный командир пулеметной команды прапорщик Кондратович, младший офицер 4-й роты прапорщик Жужаловский, поручик Устинович; ранены командир 4-й роты штабс-капитан Благодарный, младший офицер 9-й роты поручик Деревяго, прапорщик Берхольд, 11-й роты младший офицер прапорщик Катаржинский; убиты 48 нижних чинов, ранен 171 [435]. В сентябре-октябре 1914 г. полк принимал участие в боевых действиях у г. Радома, а после его оставления был направлен в крепость Ивангород. 10 октября 1914 г. приказом по 75-й дивизии полк был направлен для совместных действий с 3-м Кавказским корпусом» и «поступил в распоряжение начальника 21-й пехотной дивизии генерала Самед-бек Садах-бек оглы Мехмандарова» [436].

9 ноября 1914 г. бригада 76-й дивизии в составе 301-го Бобруйского и 302-го Суражского пехотных полков со ст. Гродно была отправлена на Запад и, проследовав через Варшаву, 11 ноября прибыла на ст. Сохачев и временно расположилась в д. Развязлов. Утром 17 ноября по получении сведений о переходе в наступление соседнего 11-го Сибирского стрелкового полка, 302-й пехотный Суражский полк около часа дня перешел в наступление, выбил противника из деревень Сержники, Голенска, Недвзвяды и приостановился на северной окраине д. Марьянка. При этом был отбит у противника взятый накануне в плен раненый поручик Кременский, было захвачено около 60 человек немцев и 6 зарядных ящиков от артиллерийских орудий, много винтовок [436]. В бою с германскими войсками 25 ноября 3-я Сибирская дивизия смогла удержаться только при содействии прибывшего 302-го Суражского полка [437].

301-й пехотный Бобруйский полк также принимал участие в боях в районе средней Вислы, у г. Лович в составе отрядов, возглавляемых генералами Постовским и Раухом [438].

Боевое крещение, участвуя в боях в местах крупных сражений (Восточно-Прусская, Галицийская, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции), получили и другие сформированные в дни мобилизации в белорусских губерниях пехотные полки. В сражениях «молодые» полки имели как успехи, так и неудачи. Сказывались перевес на стороне врага в боевых средствах, недостаточная боевая выучка, отсутствие надежной связи и взаимодействия подразделений при наступлении, «необстрелянность» личного состава.

В результате «большого отступления» 1915 г. фронтовые дороги привели 76-ю пехотную дивизию на территорию Беларуси.

С отступлением русских войск из Галиции, Польши и Восточной Пруссии к августу 1915 г. огненный смерч войны докатился до Беларуси. В июле-августе 1915 г. германцы захватили крепости Осовец, Брест, Гродно.

Боевые действия на территории Беларуси 1915–1916 гг.

16 августа 1915 г. Верховный главнокомандующий провел в Волковыске совещание высших должностных лиц Ставки и штаба Северо-Западного фронта. В целях совершенствования управления войсками было решено разделить Северо-Западный фронт на Северный фронт, который должен был прикрывать пути на Петроград, и Западный фронт — с задачей защищать пути на Москву. Армии Западного фронта [1-я (до апреля 1916 г.), 2-я (август 1915 — начало 1918 г.), 3-я (август 1915 — июнь 1916 г. и август 1916 — начало 1918 г.), 4-я (до декабря 1916 г.), 10-я (август 1915 — начало 1918 г.) и Особая (август-сентябрь 1916 г. и ноябрь 1916 — июль 1917 г.)], а также большая часть соединений 5-й армии Северного фронта до выхода России из войны дислоцировались на территории Беларуси. Штаб Западного фронта разместился в Минске.

8 (21) августа 1915 г. Ставка Верховного главнокомандующего была переведена в Могилев. 23 августа (5 сентября) 1915 г. царь Николай II отстранил великого князя Николая Николаевича от должности Верховного главнокомандующего и возложил обязанности на себя. Начальником штаба он на-

Николай II со свитой в Ставке. Апрель 1915 г.

значил генерала М. Алексеева, в руках которого фактически и сосредоточилось стратегическое руководство войсками.

Свенцянский прорыв. Удерживая в своих руках наступательную инициативу, немцы, воспользовавшись ситуацией разделения фронта и смены Верховного, начали новое наступление в обход Вильно с севера в стык Западного и Северного фронтов и 9 сентября 1915 г. прорвали фронт на 60 км участке в районе Свенцяны. В прорыв была введена кавалерийская группа дивизий ударных 6-го кавалерийского и 1-го армейского корпусов противника. Заняв 12 сентября ст. Ново-Свенцяны, германская конница устремилась от Свенцяны в юго-восточном направлении на Вилейку — Молодечно — Сморгонь. 14 сентября немцы заняли Вилейку. 19 сентября передовые германские кавалерийские разъезды перерезали железнодорожную линию Минск — Смоленск в районе ст. Смолевичи и повредили железнодорожное полотно.

Для ликвидации угрозы, создавшейся в результате Свенцянского прорыва, командование Западного фронта произвело перегруппировку и отвод войск на линию Михалишки — Ошмя-

ны — Новогрудок — Барановичи — оз. Выгоновское, одновременно выделив в резерв главнокомандующего фронтом шесть армейских и один кавалерийский корпус, из которых 16 сентября 1915 была развернута 2-я армия нового состава на линии Ошмяны — Молодечно для ликвидации прорыва. 18 сентября войска 2-й армии повели наступление в северном направлении для вытеснения германцев из района прорыва и восстановления положения на стыке фронтов. В результате двухдневных боев 2-я армия вышла на линию Верхняя Вилия — Молодечно — Сморгонь. Активное участие в ликвидации прорыва принимали в составе 27-го армейского корпуса 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии [439].

Важную роль в период операции сыграли 1-й конный корпус Орановского и Сводный корпус Туманова, составившие крупную конную группу из четырех дивизий общей численностью до 10 тыс. сабель, а также конные отряды Потапова и Казнакова [440].

21 сентября русские войска заняли Сморгонь, отбросив противника в район озер Свирь и Нарочь. Ко 2 октября 1915 г. Свенцянский прорыв был закрыт. Фронт стабилизировался на линии от Рижского залива до устья Дуная. На территории Беларуси линия фронта проходила по линии Двинск — Сморгонь — Барановичи — Пинск. На этой линии фронт стабилизировался почти на 2,5 года. В результате территория Беларуси была разделена на две части. Немецким войскам здесь противостояли российские войска, которые насчитывали более чем 1,5 млн человек.

Основная тяжесть войны в 1915 г. выпала на Россию. На русском фронте находилось 107 австро-германских дивизий против 52 в 1914 г. Германское командование не смогло выполнить поставленных задач, не добилось разгрома российских войск, поэтому было вынуждено воевать на два фронта, что значительно ухудшило положение Германии и Австро-Венгрии.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование стран Антанты все больше понимало необходимость согласованных действий своих армий. С этой целью дважды (в декабре 1915 и в феврале 1916 г.) в Шантильи, в Ставке французского главнокомандования, состоялись

межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Союзники договорились оказывать помощь той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил стран Тройственного союза.

21 февраля 1916 г. германские войска начали наступление на Верден и потеснили французов. Уже 3 марта французское Верховное командование потребовало от русских перейти в наступление с целью оттянуть часть германских сил на себя. И снова российское Верховное командование по своей славянской верности выполнению принятых договоренностей в очередной раз, в ущерб своим войскам, не подготовившись, в неподходящее для наступления время (весенняя распутица) и неподходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустарниками и лесами) развернуло на 60-километровом участке фронта наступление, получившее название Нарочской операции. За две недели боев наступавшие русские войска потеряли около 78,5 тыс. человек, не достигнув для себя почти никакого успеха. Германцам же пришлось на этот участок фронта в срочном порядке двинуть из резерва два армейских корпуса. Кроме того, в продолжение всей операции они вынуждены были перебрасывать сюда дополнительные подкрепления. Несмотря на потерю ими в этих боях 20 тыс. человек, силы их на этом участке фронта выросли на 30 тыс. штыков. Сюда же германцы дополнительно перебросили 82 тяжелых и 150 легких артиллерийских орудий, свыше 200 пулеметов и других боевых средств [441]. Русские проведением Нарочской операции спасли французов от разгрома и, возможно, Париж — от захвата германцами. В Нарочской операции приняли также участие полки 76-й пехотной дивизии [442].

Объединенное командование англо-французских войск, ссылаясь на принятые в Шантильи соглашения о координации военных действий, просило российское Верховное командование ускорить подготовку очередного наступления. В связи с этим 14 апреля 1916 г. на совещании в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве обсуждался план очередной операции. Согласно ему, войска Западного фронта должны были нанести главный удар в районе Молодечно в направле-

нии Вильно. Войскам Северного и Юго-Западного фронтов отводилась вспомогательная роль. К чести главнокомандующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта, он, реально оценив ситуацию и слабую подготовку операции, отложил наступление. С целью проверки германских позиций 15 июня 1916 г. силами гренадерского корпуса была предпринята атака вражеской стороны на участке фронта в районе Барановичей в направлении Новогрудок — Слоним с целью выхода на рубеж Лида — Гродно. Однако она оказалась неудачной, что явилось веским основанием для генерала Эверта в очередной раз потребовать отложить наступление и дать время на его подготовку. Неудачным было и наступление 3 июля с целью овладения Пинским районом и развития дальнейшего наступления на Кобрин — Пружаны. Оно привело к большим потерям и не оказало никакого влияния на наступательные действия войск Юго-Западного фронта, осуществлявших в это время знаменитый Брусиловский прорыв и которым нужна была поддержка. За девять дней боев под Барановичами 4-я армия Западного фронта потеряла убитыми, ранеными и пленными около 80 тыс. человек [443].

Общие потери российской армии с начала войны составили 2 млн 910 тыс. человек. Продолжение войны требовало новых мобилизаций и в 1916 г. в армию было призвано около 5 млн человек [444], а для подготовки к военным операциям в 1917 г. потребовалось дополнительно призвать еще 1 млн 900 тыс. человек. Из белорусских губерний было мобилизовано 50% трудоспособного мужского населения — 900 тыс. человек, а из Минской, Могилевской и Витебской к осени 1917 г. мобилизовали 634 400 человек [445].

2 декабря 1917 г. в Бресте между Советской Россией, с одной стороны, и Германией и ее союзниками — с другой, был заключен договор о перемирии на всем российском фронте. 9 декабря там начались переговоры о мире. В центре дискуссий оказался вопрос о судьбе оккупированных немцами Польши, Курляндии, Литвы, Лифляндии, Эстляндии, который рассматривался сквозь призму самоопределения наций. Белорусская проблема в качестве самостоятельной на переговорах не фигурировала, что таило в себе опасность международно-правового

закрепления произошедшего в ходе войны раздела этнической территории Беларуси. Данное обстоятельство вызывало обеспокоенность в кругах белорусского национального движения и ускорило принятие проходившим в Минске Всебелорусским съездом (декабрь 1917 г.) решения о конституировании Беларуси в качестве отдельной и неделимой административно-государственной единицы, имеющей право представительства на мирной конференции. Однако разгон съезда по приказу большевистского руководства Западной области и фронта и отказ советской делегации в Бресте признать полномочия направленных туда белорусских представителей не позволили Беларуси выступить субъектом переговоров и отстаивать свою территориальную целостность.

Тем временем переговоры на советско-германской мирной конференции в Бресте зашли в тупик, и в конце января 1918 г. они были прерваны советской стороной. Воспользовавшись ситуацией, Германия и Австро-Венгрия возобновили 18 февраля 1918 г. военные действия на всем фронте от Балтийского моря до Карпат, их войска быстрыми темпами продвигались на восток. По территории Беларуси в направлении Минск — Смоленск — Москва наступала 10-я германская армия, в направлении на Гомель — 21-й корпус. Деморализованные революцией остатки бывшей царской армии отходили, практически не оказывая сопротивления. 21 февраля 1918 г. немцы вступили в Минск. Командование Западного фронта и партийно-советские руководители Западной области и фронта в спешном порядке эвакуировались в Смоленск. До конца февраля 1918 г. немецкие войска заняли Борисов, Полоцк, Калинковичи, Жлобин, Рогачев, Речицу, 1 марта — Гомель, 3 марта — Оршу, 5 марта — Могилев. Большая часть Беларуси до линии Россоны — Полоцк — Сенно — Орша — Могилев — Жлобин — Новозыбков оказалась под оккупацией. Продвижение немцев в Россию продолжалось на петроградском и центральном направлениях до середины марта, на южном — до августа 1918 г.

Опасность, нависшая над жизненно важными центрами Советской России, заставила большевистское правительство подписать 3 марта 1918 г. Брестский мирный договор на условиях, продиктованных Германией. От России отторгалась террито-

Генерал фон Эйхгорн в оккупированном Минске. Февраль 1918 г.

рия около 1 млн кв. км с населением более 50 млн человек, она обязывалась демобилизовать армию и флот, а согласно подписанному позднее финансовому соглашению, должна была выплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок. Существование Беларуси как национально-территориальной целостности договор полностью игнорировал. Оправдались опасения относительно возможного ее дележа. В соответствии с договором, белорусская территория на запад от линии Двинск — Свеняны — Лида — Пружаны — Брест оставалась под юрисдикцией Германии, в дальнейшем предполагалось ее присоединение к Литве. Земли на юг от Полесской железной дороги передавались Украинской Народной Республике. Центральные и восточные районы (до Западной Двины, Днепра и Сожа) рассматривались как территория Советской России, временно оккупированная германскими войсками; фактически они использовались как залог под военную контрибуцию, которую должна была выплатить российская сторона. Белорусские земли на восток от указанной линии находились под

советским контролем. Если для России подписание Брестского мира означало формальный выход из Первой мировой войны, то Беларусь, на 4/5 оставшаяся под бременем иностранной оккупации, продолжала удерживаться в орбите мировой войны до поражения Германии осенью 1918 г.

Эвакуационные мероприятия

Германское наступление вызвало необходимость эвакуации на восток предприятий и учреждений. Она проходила неорганизованно, с большими потерями. Из западной части Беларуси в условиях быстрого приближения фронта удалось эвакуировать только отдельные фабрики и заводы. Несколько лучше была организована эвакуация предприятий оборонного значения из Минской, Витебской и Могилевской губерний. Всего за годы войны из Беларуси вывезено либо демонтировано 432 предприятия, в 1915 г. эвакуировано также 201 учебное заведение.

Одновременно с перемещением оборудования и имущества на восток двинулся огромный поток беженцев. По приблизительным данным, из Беларуси отправилось в беженство до 1,5 млн человек (свыше 400 тыс. беженцев не вернулись на родину). Больше всего белорусских беженцев обосновалось в Тамбовской, Самарской, Саратовской и Калужской губерниях, в Петрограде и Москве.

Следует отметить, что как только Верховному главнокомандующему 20 июня 1915 г. доложили об «унынии, озлобленности и смуте» среди населения, порождаемыми «бессистемностью эвакуационных распоряжений», «уничтожением целых селений на некоторых корпусных участках», пониманием населением этих мер как «репрессий, уничтожение частного имущества без оценки и без права сохранения его владельцами», он по прямому проводу «срочно, секретно» отдал распоряжение генералу Алексееву: «Прикажите все это немедленно устранить», то есть прекратить насильственную эвакуацию [446]. Однако к этому времени многие сотни тысяч мирных жителей, в основном стариков, женщин и детей, уже были сняты с насиженных мест, стали беженцами и двигались на Восток из Польши, Волыни, Литвы, западных уездов белорусских губерний. Например, 6 июля 1915 г. губернаторы Холмской, Плоцкой, Радомской

губерний сообщали Минскому губернатору о направлении в Минскую губернию большого количества беженцев этих губерний (только из Плоцкой губернии 150 тыс., не считая детей). О том же сообщал Варшавский генерал-губернатор. Сюда же 100 тыс. беженцев было отправлено из Волынской губернии [447].

Со стабилизацией линии фронта выселение местных жителей из полосы, прилегающей к передовым позициям, прекратилось, там стали оседать многие беженцы из западных уездов, что справедливо вызывало тревогу у командования дислоцировавшихся там частей и соединений. Так, командир 20-го армейского корпуса 7 декабря 1915 г. в рапорте начальнику штаба 2-й армии сообщил, что «расположенные в районе корпуса селения переполнены беженцами. В большинстве хат живет по несколько семейств. Такая скученность создает благоприятную обстановку для развития среди населения заразных эпидемических болезней». Особое его беспокойство вызывало «проживание в районе расположения войск большого количества беженцев, не имеющих документов, удостоверяющих их личность, затрудняющих точную регистрацию населения в целях борьбы со шпионством». Он считал «крайне желательным выселение всех некоренных, а также и коренных жителей как в целях боевых, так и по санитарным соображениям из полосы, непосредственно прилегающей к позициям» [448]. Такого же мнения было и командование 2-й армии. Главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт 13 декабря 1915 г. направил «для неуклонного руководства» командующим 1, 2, 3, 4 и 10-й армиями телеграмму, в которой, констатируя, что «вопреки его неоднократным указаниям некоторые войсковые начальники продолжают поднимать местное население и выселяют его, не войдя предварительно в надлежащее по сему сношение с «Северопомощью» и начальником военных сообщений, что ведет к ухудшению и без того бедственного положения выселяемых», категорически запрещал «впредь какое бы то ни было выселение местных жителей» без особого на то его разрешения, «так как это не только нарушает интерес местных жителей, но идет в разрез с интересами государства» [449].

Положение на неоккупированной территории Беларуси

Территория Беларуси на восток от немецко-российских окопов служила тыловой зоной российского Западного фронта, которая была объявлена на военном положении, с установлением жесткого военно-полицейского режима со всеми последствиями. Если поголовное выселение жителей было прекращено, то колонистов, всех заподозренных в шпионаже или «потенциальных неблагонадежных», склонных к действиям в пользу противника, этапом отправляли в Сибирь. Зачастую, как видно, необоснованно. Так, в ноябре 1915 г. тайный советник Управления Министерства внутренних дел Белецкий в письме начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву «доверительно» сообщил, что «заподозренных в шпионаже было принято решение высылать под надзор полиции в сибирские губернии: сначала в Томскую, затем Енисейскую и, наконец, Иркутскую. Вследствие этого в указанных местах скопилось свыше 4000 поднадзорных, высланных из местностей театра военных действий или объявленных на военном положении. Причем при ознакомлении с ходатайствами высланных с обстоятельствами, вызвавшими высылку, оказывается, что в числе выдворенных в отдаленных сибирских губерниях встречаются лица, деятельность которых является нетерпимой в районе военных действий и, вызывая необходимость высылки их из этого района, не требовала однако применения к ним столь суровой меры, как высылка в Сибирь» [450].

В заключение названный чиновник, предполагая, что «для командования армиями и главных начальников военных округов представляется безразличным, в какую именно губернию будет выдворено лицо... лишь бы только оно было быстро удалено», предлагал рекомендовать военным властям и тыловым начальникам военных округов более тщательное расследование совершенных проступков, чтобы заподозренных в шпионаже и «вообще в проступках более серьезного характера» выдворять в Сибирь, а остальных — под надзор полиции по месту жительства, но «вне местности, находящейся на театре военных действий или объявленной на военном положении» [450].

В условиях войны здесь быстрыми темпами развивались отрасли промышленности, ориентированные на нужды армии, а производство мирной продукции снизилось до 15–16% от довоенного уровня. В связи с наплывом военнослужащих и беженцев усугублялся продовольственный кризис, нарастал дефицит предметов первой необходимости, обострялась жилищная проблема.

Большой тяжестью для сельского населения прифронтовых губерний являлись военно-оборонительные работы: строительство мостов, дорог, рытье окопов и т.д. Большой вред наносили реквизиции скота, хлеба и фуража, которые систематически проводили как военные, так и гражданские власти. По причине нехватки рабочих рук и тягловой силы (на фронт было мобилизовано 2,5 млн лошадей) в 1916 г. имели место значительные сокращения посевных площадей основных культур, а выращенный урожай не был полностью и своевременно собран. Посевные площади в Витебской, Минской и Могилевской губерниях за 1914–1916 гг. сократились на 15,6%, поголовье скота — на 11,4% [451]. Все это привело к острому недостатку продовольствия и фуража, сокращению поголовья скота и в конечном счете к разорению деревни.

В прифронтовых белорусских губерниях, переполненных войсками и беженцами, почти повсеместно не хватало хлеба, соли, мяса. Истощались запасы, до минимума сократился подвоз из глубинных районов России. Достаточно сказать, что для нормального снабжения населения Витебской губернии в октябре-ноябре 1916 г. требовалось 1188 вагонов продовольствия, фактически же было завезено только 211. Из запланированных к поставке в Полоцк и Дриссу 506 вагонов муки и крупы было завезено только 84 [452].

Ухудшалось положение солдат на фронте. Даже при наличии продовольственных фондов в глубинных районах страны из-за развала на транспорте в ноябре 1916 г. было погружено для армии 73,7% вагонов продовольствия и фуража от положенного количества, а в декабре — только 67%. «Вместо того, чтобы иметь месячный запас, мы живем ежемесячным подвозом. У нас недовоз и недоед, что действует на дух и настроение... Раскладка сокращена так, что дальше идти нежелательно», —

Город Слоним в годы Первой мировой войны

докладывал на совещании в Ставке в Могилеве 17–18 декабря 1916 г. главнокомандующий Западным фронтом генерал А.Е. Эверт [453]. И с каждым днем положение со снабжением все ухудшалось, приближаясь к кризисному. В начале февраля 1917 г. интенданты на Западном фронте отмечали, что «за последнее время мяса прибывает только 25% суточной потребности. Если подвоз скота и мяса не будет усилен немедленно, то через 2–3 дня войска окажутся в крайне нежелательном положении в отношении снабжения мясом» [454].

В начале 1917 г. на Западном фронте катастрофически не хватало и других видов продовольствия. Так, в 20-х числах февраля, по донесениям интенданта фронта главнокомандующему фронтом, вместо крупы войска получали чечевицу, а вместо хлеба — сухари. Недопоставлялись чай, сахар, сушеные овощи. В первых числах марта «в наличии на фронте ни муки, ни сухарей почти не было» [455].

Командование делало попытки восполнить недостающее продовольствие путем реквизиций у местного населения. Но и оно (особенно в городах) голодало не меньше, чем солдаты на фронте. Например, в начале 1917 г. выдача продуктов по

карточкам жителям Минска и других городов неоккупированной части белорусских губерний сократилась до минимума и составила в Минске — 4 кг ржаной и до 2 кг пшеничной муки и по 400 г крупы, а в феврале — всего только 1 кг ржаной муки [456]. Тут, как и в крупнейших промышленных центрах страны — Петрограде, Москве, других городах, — разразился сильный продовольственный кризис. Надвигался голод.

С продолжением войны процесс недопоставок на фронт развивался с нарастающей силой. Солдаты переживали горечь поражений, огромные людские потери в сражениях, испытывали голод и тяготы лишений на фронте, достигшие к 1917 г. критической черты. Все это способствовало тому, чтобы российская армия — бывший оплот самодержавия стала ему мощной оппозицией и в феврале 1917 г. перешла на сторону восставшего народа.

Февральская буржуазно-демократическая революция и свержение царизма явились большим социальным потрясением как для страны в целом, так и для армии в частности. Введение демократических начал во взаимоотношения между начальником и подчиненным, политизация армейской жизни, межпартийная борьба за войско и за власть в стране подорвали дисциплину в армии и ее боеспособность, вызвали антиправительственные и антивоенные выступления солдат.

Пришедшее к власти Временное правительство должно было искать выход из глубокого политического кризиса. Однако оно еще больше, чем царизм, было зависимо от союзников по Антанте и под их давлением взяло курс на продолжение войны и настаивало перед Верховным командованием на ускоренную подготовку и проведение наступления на фронте. Генерал М.В. Алексеев, признавая «крайне тяжелое положение в продовольствии, транспорте, металле, кризис, переживаемый армией», разделял заключение главнокомандующего Западным фронтом В.И. Гурко и командующих армиями Юго-Западного фронта, высказавшихся «за решительные действия наступающим летом», чтобы «оказать содействие союзникам», «не ставить их в трудное положение» и в то же время «отвлечь войска от политических увлечений», то есть за наступление, что отвечало «настойчивым желанием союзников». Однако

к этому, считал генерал, необходима «в меру возможности» подготовка: «особенно нужны ружейные патроны... тяжелая артиллерия, снаряды для нее» [457]. Командные верхи, как это видно из переписки генерала М.В. Алексеева с Военным министром А.И. Гучковым и главнокомандующего Западным фронтом В.И. Гурко с генералом М.В. Алексеевым, высказали опасение, что союзники России по Антанте, «увидев нашу неспособность к активным действиям... будут считать себя свободными от принятых по отношению к нам обязательств... и могут заключить выгодный для себя сепаратный мир с немцами за наш счет» [458].

Назначенный Верховным главнокомандующим генерал М.В. Алексеев 30 марта 1917 г. отдал приказ о подготовке наступления, которое должно было состояться в начале мая. Нанесение главного удара намечалось войсками Юго-Западного фронта. Однако по морально-политическому и боевому состоянию войск, как отмечали на совещании главнокомандующие фронтами в Ставке 1 мая 1917 г., армия не была готова для успешного проведения боевых операций. По мнению участников совещания, наступление можно было осуществить не ранее июня 1917 г.

Временное правительство, Верховное командование, командование фронтов и армий приступили к подготовке наступления. 18 июня 1917 г. после двухдневной мощной артиллерийской подготовки войска Юго-Западного фронта силами 7-й и 11-й армий перешли в наступление. За весь период активных наступательных действий войск Юго-Западного фронта с 18 по 30 июня было взято в плен 36 643 человека, захвачено 93 артиллерийских орудия, 28 траншейных, 403 пулемета, 89 минометов и бомбометов, много винтовок, снарядов, патронов и другого имущества [459].

Австро-германское командование было чрезвычайно встревожено наступлением русских и срочно приступило к перегруппировке и усилению своих войск путем переброски с других фронтов. В связи с сильным сопротивлением противника в конце июня наступление российских войск прекратилось. Австро-германские войска перешли в контр наступление, прорвали фронт и до середины июля развивали наступление.

Наступление войск Юго-Западного фронта, несмотря на его тщательную подготовку, окончилось неудачей. Российские войска отошли к государственной границе. За весь период военных действий — с 18 июня по 21 июля — они понесли огромные потери — около 132, 5 тыс. человек [459].

Войскам Западного фронта отводилась роль нанесения вспомогательного удара силами 10-й армии из района Молодечно в сторону Вильно. По причине нежелания солдат воевать и неподготовленности сроки запланированного наступления неоднократно переносились. Начавшись 9 июля, оно провалилось, принеся тысячи новых жертв, вызвав новый прилив массового недовольства в стране и армии.

Попытки Временного правительства и Верховного командования восстановить дисциплину в войсках и поднять их боеспособность путем жестких мер, вплоть до применения смертной казни, успеха не имели. Попытка же военных верхов во главе с генералом Л.Г. Корниловым установить военную диктатуру в стране путем контрреволюционного переворота также провалилась, еще больше подхлестнув развитие революционных событий и приблизив вооруженное восстание рабочих и солдат в Петрограде.

Победа Октябрьской социалистической революции явилась новым, еще более мощным социальным потрясением для страны и армии, чем Февральская революция. Взяв власть, большевики, все время выступавшие за прекращение империалистической войны, в первый же день своего правления — 26 октября 1917 г. с трибуны II Всероссийского съезда Советов провозгласили составленный В.И. Лениным Декрет о мире, в котором было выдвинуто предложение «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» [460]. Правительства стран Антанты не ответили на мирные предложения советского правительства. Совнарком РСФСР, не получив ответа, 2 декабря 1917 г. в Брест-Литовске заключил перемирие с Германией.

Заключение перемирия в создавшейся к концу 1917 г. ситуации в стране и армии было жизненно необходимым. Однако большевики, не примирившись с враждебно настроенным к советской власти командно-офицерским составом старой армии,

еще не отказавшись от своей программной установки — замены армии всеобщим вооружением народа, заключив перемирие с немцами, приступили к слому старой армии путем ее полной демократизации и постепенной демобилизации. Кроме того, они вынуждены были снимать с фронта наиболее надежные части и направлять на борьбу с внутренней контрреволюцией, выступившей против советской власти. К февралю 1918 г., почти распустив старую армию и не успев создать новой, они, по сути, оставили страну незащищенной от нового вторжения германских войск.

В ходе переговоров о мире в Брест-Литовске уже в начале января 1918 г. стало ясно, что германское правительство не желало заключения мира на справедливых условиях и предъявило захватнические требования. Возглавлявший советскую делегацию Л.Г. Троцкий отказался принять ультимативные требования немецкой стороны, заявив в то же время, что Советская страна вести войну не будет и демобилизует армию. Такое поведение Троцкого было использовано немцами для возобновления военных действий.

18 февраля 1918 г. германские войска, нарушив условия перемирия, перешли в наступление на широком фронте от Рижского залива до устья Дуная. При отсутствии необходимых сил и вооружения российские войска начали беспорядочно отступать. В первые же часы штабы армий Западного фронта потеряли управление войсками. За несколько дней германские войска фактически без сопротивления захватили большую территорию. В ночь с 19 на 20 февраля 1918 г. штаб Западного фронта был эвакуирован в Смоленск. 21 февраля первый эшелон германских войск прибыл в Минск, а до конца февраля ими были оккупированы Двинск, Могилев, Полоцк, Гомель, угрожали Витебску, Орше и другим городам Беларуси.

На северном направлении немецкие войска создали угрозу захвата Петрограда. Нависла реальная угроза потери советской власти. 21 февраля 1918 г. Совнарком РСФСР обратился к народу с воззванием «Социалистическое отечество в опасности!», призывая к защите Советской республики. 23 февраля главнокомандующий Западным фронтом А. Ф. Мясников отдал приказ о мобилизации всех годных к военной службе мужчин для отпо-

Гродно: немецкие офицеры и местное население. 1918 г.

ра противнику и задержании его на линии Витебск — Орша — Могилев — Гомель. Уже в первые дни удалось мобилизовать до 10 тыс. человек, из которых поспешно формировались части Красной армии. Было организовано сопротивление германским войскам [461]. На отдельных участках их продвижение было приостановлено. На линии Могилев — Быхов — Рогачев действовали части Красной армии и красногвардейские отряды, в районе между Бобруйском и Жлобином — 3-я бригада латышских стрелков, подступы к Гомелю обороняли 1-й и 2-й Гомельские батальоны, 1-й и 2-й Клинецовские, Унечский и Московский боевые отряды. Германские войска были остановлены на линии Невель — Витебск — Орша — Гомель. Наступление противника и боевые действия были прекращены подписанием 3 марта 1918 г. в Бресте советско-германского договора.

Первая мировая война имела чрезвычайно разрушительный характер и явилась большой трагедией для многих народов мира. Белорусские губернии поставили на фронт не менее 900 тыс. человек, из которых около 100 тыс. погибло на фронтах войны [462]. Кроме того, война нанесла большой материальный ущерб, поставила экономику Беларуси на грань опустошения.

Недостаточная военно-техническая и экономическая мощь России в условиях противоборства на измор привела к краху Российской империи. Неизмеримые страдания и жертвы трудящихся масс и солдат на фронте вызвали такие мощные социальные потрясения, как Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая революции 1917 г., вызвавшие, в свою очередь, затем кровопролитную Гражданскую войну и иностранную военную интервенцию.

Планы Германии в отношении Беларуси.

Немецкий оккупационный режим

Германия в своем движении на восток стремилась осуществить давние планы и оторвать от Российской империи ее западные провинции. Необходимо отметить, что, начав в августе 1914 г. военную кампанию против России и Франции, Германия рассчитывала на быструю победу и поэтому не имела детально разработанной концепции о будущей судьбе территорий, которые будут захвачены в ходе войны. Ее разработка осуществлялась уже непосредственно в ходе военных действий — в конце 1914 — первой половине 1915 г. [463].

Германская политика в отношении Беларуси в годы войны осуществлялась в русле политической тактики, которую немецкие власти использовали в отношении оккупированных северо-западных губерний Российской империи. Спекулируя на межнациональных и конфессиональных различиях между народами, проживающими в регионе, немецкие власти стремились облегчить реализацию своей главной цели по отторжению от Российской империи Курляндии, Литвы, польского «пограничного пояса», а также северо-западных белорусских земель.

Территория Беларуси рассматривалась Берлином в качестве «разменной карты» при разрешении польского и прибалтийского вопросов в периоды активизации попыток мирных переговоров с Россией. Понимая, что Россия не согласится с отделением Западной Беларуси, последней отводилась роль своеобразного «залога», который будет возвращен в состав России в случае ее согласия с установлением германского контроля над Курляндией и Литвой. Буферное польское государ-

ство должно было служить для Германии защитным валом от русского вторжения, поэтому поддерживались предложения польских германофильских кругов о расширении Польши за счет белорусско-литовских территорий [464].

Профессор П. Рорбах, политик, близкий к Э. Людендорфу и министерству иностранных дел, «авторитетный» специалист по русским вопросам, видел главный вопрос в том, «кому будут принадлежать поляки — России или Срединной Европе и сколько людей войдет путем отделения Польши от России с русской на сторону «Срединной Европы» [465]. П. Рорбах активно выступал за включение Беларуси в состав Польского государства и рассматривал этот шаг как средство компенсации Польши за Познань. Так как поляков слишком мало, чтобы их отделение от России могло ее существенно ослабить, то, по мнению П. Рорбаха, необходимо присоединить к Польше белорусские области, и «чем больше, тем лучше». Это необходимо сделать по чисто политическим соображениям. В этом случае, писал Рорбах, «при определении выбора между Россией и Срединной Европой у поляков, надо полагать, чаша весов склонится ко второй альтернативе и, — что является решающим, — одновременно будет загнан политико-географический клин, который отделит Польшу от России и крепче «ее привяжет к будущей Срединной Европе» [466].

Однако финансовые и промышленные круги Германии, прусское юнкерство выступили против перспективы польской экспансии на Восток, против совершенно ненужного, с их точки зрения, посредничества польского чиновника или тем более польского фабриканта. «Курляндия, Литва, губерния Сувалкская и занятые части губерний Виленской, Гродненской и Минской должны составить особую область и быть присоединены к Германской империи. Они должны стать местом колонизации, столь нужной для населения Германии» [467]. В основе планов Военного министерства и особенно командования Восточным фронтом лежали военно-стратегические интересы Германии. Открытый сторонник расширения Германии в Восточной Европе генерал П. Гинденбург потребовал «до предела сузить коридор соприкосновения русских и польских границ путем создания прусской провинции от Бяловиц до

Брест-Литовска». По мнению П. Гинденбурга, присоединение белорусских земель к Пруссии должно было вбить «клин между аннексированной Литвой и новой Польшей» [468].

Политическими соображениями руководствовались немецкие власти при территориально-административном устройстве оккупированных областей, хотя попутно решались и хозяйственные задачи.

Первоначально белорусские земли вошли в округа («бецирки») «Гродно», «Белосток», частично в «Вильно» и «Сувалки» (Августовский уезд с преимущественно белорусским населением). Юго-западная часть Беларуси с Беловежской пущей, территория которой была занята войсками 12-й немецкой армии под командованием генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, также переходила в ведение главнокомандующего Восточным фронтом генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга. Особый статус был придан Брест-Литовску, где с середины 1916 г. до весны 1918 г. размещался штаб главнокомандования германским Восточным фронтом. Наиболее богатые лесными ресурсами территории были выделены в «военные лесные управления» Белосток, Гродно и Беловеж [469].

Оккупированная осенью 1915 г. западная часть Беларуси была включена немцами в военно-административные округа «Литва» (в составе Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний) и «Белосток — Гродно». Вместе с округом «Курляндия» они подчинялись Главному командованию Восточного фронта (Обер Ост). В октябре 1916 г. округа Гродно и Белосток были объединены в «Военное управление Белосток — Гродно» с административным центром в Белостоке. Такой округ напоминал о бывшей принадлежности этой территории после раздела Речи Посполитой (1796–1806) Восточной Пруссии. Объединение округов Гродно и Белосток ясно показывало полякам, что немцы не хотят их отдавать будущему Польскому государству и сохраняют здесь свой контроль. Неслучайно Э. Людендорф с восторгом называл Белосток «центром прекрасной прусской администрации Новой Восточной Пруссии в конце XVIII — начале XIX вв.» [470].

А.Э. Энгельгардт, работавший в политическом отделе «Обер-Оста», в своей книге написал о военном управлении округа

«Белосток — Гродно» как о «славном подвиге немецкой организации» [471].

Весной 1916 г. Сувалкская губерния была присоединена к Виленской губернии и составила с последней один административный округ «Военное управление Вильно — Сувалки» с центром в Вильно, который впоследствии, 15 марта 1917 г., был слит с округом «Литва». Сувалкские земли уже присоединялись к Пруссии после третьего раздела Речи Посполитой и вместе с Белостокским округом входили в состав «Новой Восточной Пруссии» [472].

Начальник штаба Восточного фронта генерал М. Гофман, оценивая политические последствия этих территориально-административных перестановок, сделал 11 ноября 1917 г. в своих дневниках следующую запись: «Объединение управления Литвы и Вильно — Сувалки с центром в Вильно давало понять полякам, что мы Сувалкскую губернию, которую Наполеон когда-то обещал присоединить к Польше, хотим отдать не Польше, а удержать для себя» [473].

Порядок управления оккупированными землями был нацелен на первоочередное удовлетворение интересов Германской империи и ее армии. Несмотря на разруху и обезлюдение края в результате боевых действий, оккупанты интенсивно эксплуатировали его хозяйственные и трудовые ресурсы. Этой цели служили массовые реквизиции продовольствия, скота, шерсти, металлов, система разнообразных налогов, пошлин, штрафов, доходов от государственных монополий. Для заготовки древесины массово вырубались леса, особенно в Беловежской пушце. На военных и хозяйственных объектах использовался принудительный труд местного населения. Несанкционированная политическая деятельность была запрещена. Исключительно строго контролировались передвижения жителей.

Национально-культурная политика оккупационных властей была направлена, с одной стороны, на возможно более отчетливое обособление края от России, с другой — на нейтрализацию здесь польского влияния, усилившегося после ухода в беженство значительной части белорусского православного населения. В этих целях оказывалась поддержка литовской, белорусской, еврейской культуре. В школах края обучение на

русском языке было запрещено, преподавание велось на немецком или на одном из местных языков. При этом подчеркивалось, что белорусский язык не идентичен русскому и допускается без ограничений. Наряду с другими языками он использовался в обращениях властей к населению, при оформлении паспортов, разрешалось открывать белорусские школы. Согласно официальным немецким данным, к марту 1918 г. на территории Обер-Ост действовали 89 белорусских начальных школ, а также белорусская учительская семинария в мест. Свислочь Гродненской губернии. С февраля 1916 г. до конца 1918 г. в Вильно на белорусском языке издавалась газета «Гоман».

Изменение в ходе военных событий геополитического положения Беларуси актуализировало вопрос о ее будущем государственном статусе. Оставшиеся на оккупированной территории деятели белорусского национального движения стремились использовать возникшую ситуацию для того, чтобы утвердить Беларусь в послевоенном мире в качестве самостоятельной национально-государственной единицы. Рассматривались проекты реализации идеи самоопределения путем восстановления многонационального государства в исторических границах бывшего Великого княжества Литовского. Для этого в конце 1915 г. организован блок литовских, белорусских, польских и еврейских политиков — Конфедерация Великого княжества Литовского. Однако руководители литовского движения вскоре отошли от этого проекта, выдвинув на первый план цель создания своего этнонационального государства. Поляки и евреи также не проявили заинтересованности в возрождении ВКЛ. В итоге в январе 1918 г. на Белорусской конференции в Вильно была образована Виленская белорусская рада как орган собственно белорусского представительства. Тем самым наметилась линия на создание национального государства в границах расселения белорусского этноса.

Неблагоприятный для Германии ход войны на Западе не позволил ей до конца определить свое отношение к провозглашенной в Минске в марте 1918 г. в условиях оккупации Белорусской Народной Республике (БНР). Данным шагом деятели белорусского национального движения надеялись исключить пагубные для Беларуси последствия Брестского мирного договора, рассчитывая в этом на международную поддержку, в пер-

вую очередь со стороны Германии. Однако несмотря на продемонстрированную местной оккупационной администрацией во главе с Э. Фалькенхайном заинтересованность в контактах с лидерами БНР, готовность уступить органам белорусского представительства часть управленческих функций, финансовую поддержку ряда белорусских культурных проектов — на правительственном уровне Германия воздержалась от официального признания независимости БНР, поскольку тем самым нарушались бы мирные договоренности с Советской Россией, избавившие Германию от войны на два фронта. Это обстоятельство было одной из причин запрета германским командованием на создание под эгидой БНР белорусских воинских частей и милицейских формирований. Не получив внешнего признания и оставшись беззащитной в военном плане, Беларусь (в отличие от Польши, Литвы, Финляндии, Латвии, Эстонии и других стран, ставших независимыми в результате мировой войны), не смогла тогда состояться в качестве суверенного государства.

В августе 1918 г. Германия, находясь на грани поражения в войне, подписала с РСФСР Добавочный договор, в соответствии с которым в сентябре-октябре начала выводить свои войска с территории Беларуси между Днепром и Березиной. На смену им из Советской России двигались части Красной армии, 31 октября они заняли Могилев.

Ноябрьская революция в Германии и ее капитуляция перед странами Антанты (11 ноября 1918 г.) ускорили процесс вывода германских войск из Восточной Европы. Советская Россия аннулировала Брестский договор, и ее войска после отхода немцев постепенно занимали территорию Беларуси.

10 декабря 1918 г. советская власть утвердилась в Минске, во 2-й половине декабря — в Молодечно, Лиде, Барановичах, 6 января 1919 г. — в Гомеле. К февралю 1919 г. Красная армия закрепились на линии Вильно — Лида — Слоним — р. Щара — Огинский канал — Сарны.

* * *

Первая мировая война была первой войной за предшествующие два столетия, которая коснулась судеб всего населения Беларуси.

Народный Секретариат Белорусской Народной Республики.

*Слева направо: сидят А. Бурбис, И. Серета, И. Воронко, В. Захарко;
стоят А. Смолч, П. Кречевский, К. Езовитов, А. Овсяник, Л. Заяц*

События Первой мировой войны коренным образом изменили устоявшийся веками государственный строй Российской империи, на обломках которой возникли новые государственные образования. Это обстоятельство коренным образом отразилось на судьбах населения и территории Беларуси.

Беларусь, оказавшись в силу своего географического положения на стыке военно-политических устремлений Германской и Российской империй, с конца 1915 и до конца 1918 г. была перерезана линией российско-германского фронта. Для обоих противников она играла роль театра военных действий, прифронтовой зоны и тылового района. За четыре года войны население Беларуси пережило чередование нескольких властных режимов: царского самодержавия, германских оккупантов, российского Временного правительства, советской власти.

В повседневность здесь вошли чрезвычайные законы военного времени, реквизиции, принудительные работы, разрушение сел и городов, постоянная опасность для жизни. Война

вызвала массовые миграции людей из Беларуси, через Беларусь и в Беларусь: беженцев, призывников, российских и германских солдат и офицеров, рабочих военных предприятий, чиновников различных тыловых учреждений, военнопленных и др.

Общие людские потери Беларуси за время мировой и последующей польско-советской войны (гибель военнослужащих на фронтах, повышенная смертность гражданского населения, уменьшение рождаемости, невозвращение из беженства) оцениваются демографами более чем в 1,5 млн человек.

Война разрушила устоявшиеся социальные институты, экономику, привела к деформированию структуры населения, серьезным изменениям в общественном сознании, духовных ценностях, морали людей. Вызванная войной социальная катастрофа породила небывалый революционный взрыв, вызвавший смену общественно-политического строя. Составным элементом этих кардинальных изменений явился рост национального самосознания белорусского народа, оформление идеи государственной независимости и попытка ее реализации в форме БНР и БССР, начало превращения Беларуси из объекта в самостоятельный субъект международного сообщества.

5.5. Молдавия

Роль Бессарабии в этой войне менялась: из глубокого тыла край превратился в прифронтовую полосу, а в самом ее конце изменилась и его государственная принадлежность. В 1914 г. он становится базой снабжения Сербии [474]. Однако в результате австро-германского наступления на Восточном фронте в 1915 г. по самому северному Хотинскому уезду прошла линия фронта. В 1916 г. русские войска заняли Луцк, Черновцы, Станислав, очистили от неприятеля север Бессарабии, форсировали Днестр, Прут. После вступления Румынии в войну вся Молдавия стала прифронтовым районом.

Бессарабия была сельскохозяйственным краем, и в 1916 г. для нужд армии государство закупило здесь зерна, фуража и скота на 181 млн рублей, что превысило аналогичные операции пяти вместе взятых губерний: Курской, Орловской,

Пензенской, Оренбургской, Рязанской. При этом средства производства были распределены крайне неравномерно между разными слоями населения. Так, в 1917 г. в крае было 1742 помещика, которым принадлежало 1,2 млн десятин земли, или 32,1% земельного фонда. Одновременно насчитывалось 98 тыс. безземельных крестьянских дворов (21,6% хозяйств), 90 тыс. (20,4%) — с наделом до 0,5 десятины и 130 тыс. (29%) — с наделом до 2,5 десятины [475].

В годы войны, в связи с широким строительством железных и шоссейных дорог в Бессарабии, резко увеличилось число железнодорожных и строительных рабочих, составив осенью 1917 г. более 17 тыс. человек. Однако в промышленности было занято немного рабочих — на 82 предприятиях, подчиненных фабричной инспекции, в январе 1917 г. их было 2 тыс. До войны таких предприятий было 128 [476].

За 1914–1917 гг. в русскую армию было призвано 300 тыс. бессарабцев. Кроме того, население выполняло «гужевую» повинность и участвовало в строительстве железных дорог. С апреля 1915 по февраль 1916 г. на окопные работы было мобилизовано 125 тыс. человек и 15 тыс. повозок. Бесконечные реквизиции скота для нужд армии привели к сокращению тягловой силы. До минимума уменьшился привоз сельскохозяйственных машин и инвентаря, что также способствовало упадку сельского хозяйства. Прежде всего это выразилось в сокращении к 1917 г. посевных площадей на 19% и валового сбора зерна на 27%. По сравнению с 1914 г. в 1916 г. в Тираспольском уезде посевные площади сократились на 28%, в Кишиневском — на 50%, а в Оргеевском — на 60%. В октябре 1916 г. земство сообщало: «В Болдурештской волости до сих пор вовсе не приступили к осеменению полей, а в остальных волостях до сих пор засеяно не более 10–20% общей площади» [477].

Параллельно росла инфляция. В марте 1917 г. по сравнению с 1913 г. цены на продовольствие выросли в 7–12 раз. Все это подогревало недовольство войной и вело к росту антиправительственных революционных настроений. Усиливается стачечное движение, а в селах участились случаи, когда новобранцы, чтобы не оставлять семью без хлеба, перед призывом в армию забирали урожай у помещиков. К этому движению

подключались и женщины-солдатки. В связи с призывом в армию кормильцев крестьяне повсеместно отказывались платить налоги, уклонялись от реквизиций скота, бежали с оборонных работ. В период с 1914 по 1916 г. протестные акции крестьян имели место в 75 селах Бессарабии.

Настроения городских и сельских трудящихся передавались и войскам, расквартированным в крае. Так, к примеру, лишь в первой половине января 1916 г. из 42-го пехотного батальона, расположенного в Бендерах, дезертировали 92 бессарабца. А в конце декабря солдаты 12-го Кавказского стрелкового полка, стоявшего в Аккермане, отказались выехать на фронт. В ходе силового подавления этой акции было убито 4 человека, 5 — приговорили к смертной казни, а 136 — к каторжным работам на срок от 3 до 20 лет [478].

Однако начавшаяся русская революция в корне изменила судьбу Молдовы. Провозглашенное право народов на самоопределение дало и молдаванам возможность самим решать свою судьбу. Вскоре после Февральской революции частью интеллигенции овладела идея автономии Бессарабии. Наиболее энергично выступали за нее активисты Молдавской национальной партии.

Правда, при этом следует иметь в виду, что с самого момента своего создания МНП не пользовалась поддержкой среди крестьян [479]. И если у лидеров данной партии и существовали прорумынские настроения, они их тщательно скрывали, повсеместно заявляя о необходимости сохранения Бессарабии в рамках обновленной России. Тем более не видели Бессарабию вне России члены других партий [480]. Данную мысль рельефно выразил румынский историк А. Болдур: «Идея отделения Бессарабии от России была полностью враждебна бессарабскому общественному мнению» [481].

Точно оценил настроения различных слоев населения Молдовы после Февральской революции К. Хиткинс: «Крестьяне приступили к захвату и разделу принадлежавших крупным помещикам земель, в то время как молдавские офицеры русской армии, священники, интеллигенты либеральных взглядов и консервативно настроенные собственники земли требовали политической автономии» [482].

Карта Бессарабской губернии Российской империи. 1914 г.

Как и по всей России, в Бессарабии также возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые активно включились в политическую борьбу за власть. От Молдавии на II Всероссийский съезд Советов с наказом голосовать за передачу власти Советам было направлено три делегата [483].

20 октября в Кишиневе собралось около 600 делегатов, в основном сторонников МНП, якобы представлявших соотечественников, мобилизованных на фронт. Правда, их никто не избирал, они были персонально приглашены [484]. Норма представительства на Первый Всероссийский Военно-Молдавский съезд была установлена по одному офицеру и два солдата от каждой сотни военнослужащих [485]. Исходя из нее, на съезд должны были прибыть около 9000 посланцев, а явилось не более 1/15 от необходимого.

Делегаты поддержали предложение о создании Сфатул Цэрий — высшего органа территориально-политической автоно-

мии края [486]. Примечателен и тот факт, что из 32 депутатов «Совета Страны», избранных на съезде, только 7 были солдатами и матросами [487]. Остальные являлись офицерами и военными чиновниками. В резолюции съезда отмечался временный характер Сфатул Цэрий, полномочия которого истекали с момента созыва Учредительного собрания Бессарабии [488].

Было создано Бюро, установившее численность этого органа в 160 человек, включая 10 мест для левобережных молдаван. Бессарабцам молдавской национальности выделили 105 мест [489]. Национальным меньшинствам, составлявшим более 50% населения края, выделили всего 36 мандатов. Рабочим не выделили ни одного, а крестьяне (80% населения) получили лишь 30% мандатов. До 22 января 1918 г. эти места оставались вакантными, и Сфатул Цэрий был образован без участия крестьянства. Политическим формированиям достались в Сфатул Цэрий места в зависимости от их политико-идеологической ориентации. Больше всего мест получили организации прорумынской ориентации, а наиболее влиятельной партии в Бессарабии — эсерам, за которых на выборах в Учредительное собрание проголосовало 31,2% участвовавших в выборах, было предоставлено всего одно место, в то время как за МНП, набравшей на этих выборах 2,2% голосов, было закреплено четыре места. По одному месту получили малоизвестные общества интеллигенции, Лига женщин, а Коллегия юристов и работники связи — даже по два места.

17 ноября в Молдове произошло событие, ускорившее начало работы Сфатул Цэрий: Кишиневский совет признал правительство Ленина [490]. Сложилась ситуация, при которой, опираясь на большевизированные части, коммунисты могли установить свою власть в городе и губернии.

В этих условиях раньше установленного времени, 21 ноября 1917 г., открылись заседания Сфатул Цэрий. В приглашениях указывалось, что он «является временным Верховным Краевым органом Автономной Бессарабии впредь до созыва Бессарабского Учредительного собрания» и признает «основной принцип устройства России как Федеративной Демократической республики [491]. Его «отцы-основатели» утверждали, что «если бы не было выступления большевиков, то с откры-

тием Сфатул Цэрий не спешили бы» [492], что большевизм, охвативший всю Россию, крайне заразителен, что его лозунги основательно привились повсюду, поэтому Сфатул Цэрий появился на свет с целью противодействия победе большевизма в Бессарабии [493].

2 декабря 1917 г. Сфатул Цэрий провозгласил Бессарабию Молдавской Демократической (Народной) Республикой, равной в правах частью единой Российской Демократической Федеративной Республики [494]. А. Болдур следующим образом оценил эту структуру: «Недостаточная выясненность состава, полная неопределенность компетенции — вот характерные черты органа» [495]. Того же мнения относительно законности Сфатул Цэрий был и тогдашний румынский министр Г. Арджетоану, называвший данный орган «бандой безумцев» и «советом ничтожеств, собранных с подворотни» [496].

Националисты отрицали свою приверженность румынизму. Так, И. Инкулец говорил: «Сепаратизма в Бессарабии нет, в особенности в сторону Румынии, и если кто-либо не сводит глаз с Прута, то это только кучка людей. Пути Бессарабии сходятся с путями России... Так смотрит на дело и бессарабское крестьянство» [497]. И такого рода заявления звучали из уст лидеров Сфатул Цэрий непрерывно [498], даже после оккупации края румынскими войсками, так как настроения народных масс были категорически за сохранение дальнейшего единства Молдовы с Россией [499].

Сфатул Цэрий требовал, чтобы ему подчинялись все учреждения и организации края. Но на власть претендовали и Советы. Признание ими СНК означало их готовность подчиняться большевистскому Петрограду [500]. По мере большевизации войск, дислоцированных в Бессарабии, шансы Советов завладеть властью в крае возрастали.

В ситуации, когда ни один из претендентов на власть не обладал подавляющим влиянием, результат борьбы в первую очередь зависел от поддержки со стороны воинских частей, находящихся в распоряжении оппонентов. Большевики и их сторонники в политическом плане опирались на Советы, а в военном — на большевизированные части. Они также надеялись на поддержку правительства Ленина.

Сфатул Цэрий рассчитывал на поддержку Антанты и Румынии, а внутри страны — на помощь молдавских воинских частей. Волна погромов, охватившая Бессарабию, послужила поводом для формирования молдавских частей с целью их борьбы с «анархией» и грабежами, а также для подавления крестьянских волнений. Из солдат — уроженцев Бессарабии было создано 16 когорт милиции, по 100 человек каждая [501].

Но они зачастую отказывались подавлять крестьянские бунты, а иногда сами присоединялись к крестьянам [502]. Так, на пленарном заседании Комитета 1-го Молдавского полка было решено «отказаться от отправки 800 человек», востребованных для подавления «анархии» в Сорокском уезде [503]. В обращении этого полка к исполкому Кишиневского совета, посланном 28 ноября, отмечалось: «Молдавский полк не признает национальных выступлений, пока не закончится классовая борьба, и, рассчитывая на дружескую товарищескую поддержку для борьбы и защиты интересов бессарабских крестьян и рабочих, просит товарищей из Исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов Кишинева прислать инструкции для согласования общих работ» [504].

Директор по военным делам Г. Пынтя с горечью признавал, что лозунги большевиков пустили глубокие корни среди молдавского населения и главным образом среди солдат. Он же отмечал, что солдаты-молдаване говорили, что Сфатул Цэрий «продался румынам» и народ попадет в новую кабалу к румынским боярам [505]. Идентично было и мнение его коллеги, В. Чижевского [506].

Таким образом, факты свидетельствуют, что солдаты-молдаване выдвигали на первый план решение социальных вопросов, а решение национального вопроса ставили в зависимость от первого. Тот же Чижевский свидетельствует: «Большевизм, нашедший себе приют и сердечный прием в молдавских полках, окончательно добил идею национализации частей» [507]. Об объединении с Румынией не было и речи.

В декабре авторитет лидеров Сфатул Цэрий стал стремительно падать. Убедительным примером этого являются выборы в Учредительное собрание России — МНП получила 2,2% голосов: из 600 тыс. бессарабских избирателей, принявших уча-

стие в голосовании, националистов поддержали всего 14 тыс. человек [508]. Поэтому утверждения, будто Сфатул Цэрий являлся в 1917–1918 гг. выразителем воли молдавского народа, являются ложными.

Под влиянием большевистской пропаганды усилилось разложение российских войск на Румынском фронте. 18/31 октября в телеграмме на имя А.Ф. Керенского Главковерх генерал Н.Н. Духонин отмечал, что «на Румынском фронте продолжается саботажное отношение ко всем распоряжениям Ставки по выделению войск для подавления большевистского движения» [509]. Более того, в течение ноября русские войска Румынского фронта под влиянием событий на других фронтах и вестей из Петрограда, а также сильно распропагандированные большевиками, фактически перестали подчиняться старому командованию [510]. «Генерал Щербачев заявил, что не может отвечать даже за собственных часовых» [511]. Брожением были охвачены и войска, дислоцированные в Бессарабии: «Обезумевшее стадо, зараженное болезнетворной фразеологией времени... — вот до чего докатились молдавские солдаты» [512].

Но основные события в крае происходили на селе. Наличие в Молдавии крупных помещичьих латифундий на фоне огромного количества малоземельных крестьянских хозяйств стимулировало распространение среди сельской бедноты революционных идей. Во множестве сел были расположены революционизировавшиеся части Румынского фронта. Через посредничество солдат требования раздела помещичьих земель быстро охватывали и крестьян [513]. «В действительности в декабре провинция находилась во власти абсолютной аграрной революции: крестьяне поджигали помещичьи усадьбы, опустошали амбары, делили землю и грабили леса» [514].

«К концу осени крестьянское движение, усиленное солдатскими агитацией, насилием и грабежами, достигает своего апогея... Отчаянное сопротивление властей и собственников вперемежку с жестоким подавлением аграрных движений вызывали колоссальный рост ненависти крестьян к тем, кого они считали... эксплуататорами» [515]. К концу 1917 г. немногие из помещиков осмеливались жить в имениях. Были случаи расправы с «боярами». Комментируя эти события, крупнейший

*Воззвание
Революционного штаба
по охране Бессарабии
на борьбу против
румынской агрессии*

румынский историк Н. Йорга писал: «Повсюду крестьяне — исконно молдавские — грабят поместья и поджигают усадьбы, чтобы боярам некуда было вернуться» [516].

Солдаты не только не выполняли приказы начальства о подавлении крестьянских волнений, но и сами присоединились к ним. Подобным образом повели себя и молдавские части, созданные для обеспечения «порядка» [517]. О. Гибу свидетельствовал, что «восстановить порядок в Республике было крайне сложно, так как отсутствовала необходимая военная сила. Более того, молдавские части большевизировались и выходили из-под контроля Сфатул Цэрий» [518].

В этих условиях военный комиссар попытался сформировать батальоны из немецких колонистов, «вооруженных пулеметами для борьбы с анархией и погромами — как в Кишиневе, так и в уездах» [519]. Председатель «правительства» П. Ерхан заявил 13 декабря: «Положение безвыходное» [520]. И далее: «Единственный выход — ввод иностранных войск» [521].

С таким заданием 21 декабря в Яссы отправились В. Кристи и И. Пеливан [522]. Д. Мырза вспоминал: «В ходе секретного ночного совещания было решено немедленно отправить в Яссы двух представителей Сфатул Цэрий, уполномоченных срочно потребовать от румынского правительства войска для оккупации Бессарабии» [523].

Обращение за помощью в Яссы поставило Румынию в сложное положение. Историк В.П. ван Мерс так оценивает сложившуюся ситуацию: «В декабре и в начале января молдавское руководство Сфатул Цэрий дважды обращалось в Яссы... за военной помощью... В обоих случаях Брэтиану отказал им, опасаясь возможных осложнений отношений Румынии с Центральными державами» [524]. К тому же необходимо было и согласие союзников по Антанте.

22 декабря 1917 г. (4 января 1918 г.) в Яссы на имя военного министра Румынии была послана секретная телеграмма с просьбой направить в распоряжение Сфатул Цэрий полк из бывших военнопленных трансильванцев, находившихся в то время в Киеве. Румынское правительство просьбу удовлетворило, отдав 24 декабря приказ о вводе войск в Бессарабию [525]. Богос признает, что «все наши приготовления осуществлялись тайно» [526]. Этот факт подтверждает антинациональную сущность политики прорумынских деятелей, более всего опасавшихся собственного народа. Когда население Кишинева узнало об этом, на улицах появились прокламации: «Сфатул Цэрий продал Бессарабию Румынии» [527].

23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) на совместном заседании Исполкома Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов Центрального Молдавского исполнительного комитета губернского Исполкома Совета крестьянских депутатов была принята резолюция протеста «против ввода в пределы края чужеземных войск», а также с требованием «установления немедленной связи с СНК» [528].

Националисты пытались отрицать факт секретных переговоров с Яским кабинетом. И. Инкулец заявил, что «Сфатул Цэрий, конечно, за самое тесное объединение с Российской Республикой» и «все слухи о какой-либо румынской ориентации абсурдны и не имеют под собой оснований». Опровергал

слухи о введении в Бессарабию вооруженных сил Румынии и П. Ерхан [529].

Как видим, эти лидеры, понимая, что большинство молдавского народа их не поддерживает, пытались ввести общественность в заблуждение. В обстановке, царившей тогда в Бессарабии, признает П. Казаку, было мало таких, кто осмелился бы открыто и публично высказаться за приглашение румынских войск [530]. А между тем 26 декабря (8 января) «правительство» предложило направить телеграмму румынским властям с просьбой прислать войска [531]. Поздно вечером 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) состоялось чрезвычайное заседание Сфатул Цэрий, на котором обсуждался вопрос о приглашении иностранных войск для подавления «анархии» [532].

В связи с массовыми протестами против введения румынских войск руководители Сфатул Цэрий были вынуждены публично подтвердить, что и в дальнейшем выступают за пребывание МДР в составе Федеративной России. Так, П. Халиппа сказал: «Ориентация на Россию — единственно приемлемая для нас». А «слухи о прорумынской ориентации» он назвал «очернительскими». Ерхан также отверг обвинения в том, что Совет генеральных директоров призвал румынские войска [533], заявив, что «русский и молдавский народы вместе строят свое благополучие» и что «для Молдавской Демократической Республики Прут должен стать... политической границей... Не за Прут, а за Днестр лежит наш путь» [534]. О том же 29 декабря говорил и И. Инкулец [535].

Все эти факты подтверждают неискренность лидеров Сфатул Цэрий и то, что большинство населения республики не поддерживало их, что между ними и молдавским народом стояла пропасть и они обманным путем пытались добиться своих целей.

Тем временем 1 (14) января Фронтотдел Румчерода объявил, что принимает «на себя всю полноту власти и командование над войсками Румынского фронта и прифронтовой полосы», то есть и в Бессарабии. В тот же день Фронтотдел и Кишиневский Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на верные им части, включая молдавские, установили контроль над кишиневским вокзалом, почтой, телеграфом. Занимавшийся

формированием войск Сфатул Цэрий полковник Худолей сообщил в штаб Одесского военного округа, что «станция Кишинев во власти большевиков с ночи вчерашнего дня», и подтвердил, что Совет генеральных директоров¹ бессилён [536].

В своем докладе Д.Г. Щербачеву начальник штаба 4-й русской армии генерал Н. Монкевиц пришел к выводу, что реальная власть в Бессарабии принадлежит большевизированным Советам [537]. Это признавал и И. Дука [538]. Российские белогвардейцы во главе с Д.Г. Щербачевым и румынское правительство поняли, что «правительство Молдавской Республики будет не в состоянии устоять перед большевиками». «Совет министров Румынии, с согласия союзников, после многочисленных обсуждений решил 30 декабря 1917 г. (12 января 1918 г.) послать войска в Бессарабию» [539].

Когда интервенция стала фактом, лидеры Сфатул Цэрий признали, что «вопрос о вводе румынских войск был решен совместно с союзниками» под предлогом «очищения железных дорог от большевиков» [540]. Касаясь событий того времени, вице-премьер Т. Ионеску говорил с трибуны парламента: «Сфатул Цэрий просил любой военной помощи, поскольку все остальные не хотели нашей армии... Вы думаете, что правительство направило войска в Бессарабию для охраны стога сена? Все знали, что части направлены в Бессарабию, чтобы осуществить заключительный акт ее объединения. Такова правда!» [541].

И германское командование пообещало не препятствовать отправке румынских фронтовых воинских частей для «подавления анархии в Бессарабии». В первых числах января румынские части оккупировали западные города Унгены, Кагул, Леово, Болград и ряд сел. В Унгенах 7 января были расстреляны 12 депутатов Совета [542].

В час ночи 6 января Кишиневский Совет получил информацию, что с востока к городу приближается эшелон трансильванцев. Для встречи «гостей» на станцию были направлены 5-й Заамурский кавалерийский полк и 1-й Молдавский пехотный полк. В результате трансильванцы были разоружены и взяты

---

¹ «Правительство».

в плен [543]. В связи с этим 8 января 1918 г. «депутат» Паскалуца сожалел: «Что делают наши молдаване. Они встречают своих братьев трансильванцев... ружьями и издевательством» [544].

Касаясь этих событий, И. Дука признавал: «Добровольцы трансильванцы из Киева были атакованы большевиками на ст. Кишинев, разоружены и избиты, а отряду из Ясс, как только он перешел Прут, пришлось вести еще более тяжелые бои с большевиками». Он был «полностью побежден, а румынские члены Межсоюзнической комиссии по снабжению были арестованы» [545].

В связи с провалом военной акции румынских войск против Советов Бессарабии многие националистические деятели попрятались или бежали в Яссы [546]. Но самое большое разочарование у лидеров Сфатул Цэрий вызвало поведение молдавских воинских частей [547]. Эти люди чувствовали себя комфортно только под охраной румынских штыков и не могли быть выразителями воли молдавского народа.

Анализируя данную ситуацию, А. Есауленко пришел к выводу, что фактически «Сфатул Цэрий перестал существовать» [548]. Практически к тому же сводится и заключение англичанина Р. Сетон-Ватсона: «Большевики уже установили в Кишиневе свой Совет... Заседания Сфатул Цэрий прекращены, правительство разогнано» [549]. А. Болдур, комментируя развитие этих событий, писал: «Ситуация была очень тяжелой... Активность большевиков становилась все более угрожающей... В день 13 января 1918 г. румынские войска под командованием генерала Броштяну подошли к Кишиневу и заняли его» [550].

Повсюду румынская армия встречала сопротивление, и везде ее путь был усеян трупами бессарабцев [551]. Однако одобрительно относятся к действиям румынских властей на территории МДР некоторые историки: «Румынские части двинулись вперед... большевистские остатки были отброшены за Днестр, оставив за собой 10 тысяч убитых» [552]. В своем «официальном коммюнике» генерал Е. Броштяну отметил, что лишь за три дня боев за Бендеры «было убито около 10 тысяч большевиков» [553].

Реальная картина отражена и в документах тайной полиции [554]. Вслед за Кишиневом на осадном положении были объявлены Бельцы, Бендеры и весь Бендерский уезд. В Бельцах оборону города и уезда возглавили А. Палади, Г. Галаган, В. Рудьев и А. Попа — руководители Совета крестьянских депутатов. Готовились к обороне и в Кишиневе. Был образован Революционный штаб по защите Республики, которому подчинились войска, расположенные в районе Кишинева: 1-й пехотный Молдавский полк, 1-й гусарский Бессарабский полк, 1-й гусарский Молдавский полк, 3-й и 5-й конные Заамурские полки, 2-я Молдавская батарея и другие части [555].

Однако соотношение сил было слишком неравным, поэтому защитники края отошли за Днестр и образовали в Тирасполе Революционный комитет спасения Молдавской республики, который связался с Высшей автономной коллегией по русско-румынским делам и планировал освобождение Бессарабии от интервентов [556].

18 (31) января открылся III съезд Советов крестьянских депутатов Бессарабии [557]. Но из-за боев, которые продолжались на территории края, на него явились делегаты только центральных уездов республики (из 1000 делегатов смогли приехать только 150 [558]), населенных в большинстве молдаванами. Мы подчеркиваем это обстоятельство, так как некоторые историки желают представить дело наоборот — будто бы по национальному составу большинство на нем составляли не молдаване [559]. Председателем съезда был избран В. Рудьев, выразивший протест против румынской интервенции [560].

Сразу после этого в зал вошел отряд жандармов с четырьмя пулеметами. Молдаван В. Рудьева, В. Прахницкого, И. Панцыря, Т. Котороса и украинца П. Чумаченко (ни один из них не был большевиком) арестовали и, «объявив врагами румынизма», на следующий день расстреляли. Были также расстреляны меньшевичка Н. Гринфельд и эсер Н. Ковсан. Все они являлись членами Сфатул Цэрий. Кроме них были расстреляны еще 40 делегатов съезда [561].

«Тем временем румынские войска, враждебно встречаемые крестьянами многих сел, продолжали продвижение вглубь Бессарабии» [562]. Данный вывод в полном объеме подтвержда-

ет генерал М. Скина, писавший в своих воспоминаниях, что жители с. Обрежа Бельцкого уезда, где он случайно оказался, «выражали ненависть к нам. Они кричали, что мы пришли восстановить помещиков в их правах и подчинить крестьян нашим земельным порядкам, при которых крестьянин обязан бесплатно работать на бояр» [563].

И. Цуркану пишет: «Сразу после своего установления в крае румынские власти принимают меры по реквизиции продовольствия и фуража» [564]. В заметках румынского премьер-министра А. Маргиломана читаем: «Я потрясен постоянным и все увеличивающимся грабежом! Из провинции изымается все; хотя за счет Бессарабии было поставлено 12 500 вагонов, при этом крестьянам было... оставлено по мешку на год» [565]. Это подтверждает и Н. Йорга: «Крестьяне ненавидят порядок. Даже и 10% населения не питает к нам должных чувств» [566].

Именно в атмосфере иностранной военной оккупации 24 января 1918 г. Сфатул Цэрий провозгласил «независимость МДР» [517]. Правда, Н. Йорга пишет без тени смущения, что «генерал Броштяну переправился через Прут, и провинция... превратилась, в соответствии с ожиданиями, в оккупированную военным путем территорию» [568].

По разным причинам румынские правящие круги не решались на немедленную аннексию Бессарабии. В этой связи Дука отмечал: «По определенным политическим соображениям... прошло еще два месяца, пока объединение было официально провозглашено; в действительности же с момента (вступления румынских войск. — Прим. С.Н.) оно стало свершившимся фактом» [569].

По свидетельству А. Маргиломана, 12 (25) марта 1918 г. на встрече с министром иностранных дел Германии Р. Кюльманом обсуждался и вопрос о Бессарабии. Германский министр «обещал свободу рук» Румынии при условии, что она, в свою очередь, «не будет создавать трудностей» Германии на Украине [570], что подразумевало пропуск через территорию Бессарабии австро-германских войск. Таким образом, немцы давали «зеленый свет» аннексии Бессарабии.

27 марта (9 апреля) 1918 г., нарушив все демократические нормы, 86 голосами «за», 3 «против» и 36 «воздержавшимися»

Сфатул Цэрий провозгласил «условное» объединение Бессарабии с Румынией [571]. Французский «Journal de Russie» писал 3 мая 1918 г., что «Румыния аннексировала Бессарабию... Румынские солдаты присутствовали при голосовании и угрожали штыками тем, кто протестовал» [572]. А протестов было много [573].

Резко отрицательной была и реакция российской стороны. 18 апреля 1918 г. советское правительство обратилось с нотой к румынскому, в которой заявило, что включение Пруто-Днестровской Молдовы в состав Румынии «является не только вызовом РСФСР, но и вопиющим нарушением заключенного... соглашения¹ с Россией об очищении в течение двух месяцев Бессарабии. Присоединение последней к Румынии является также насилием над бессарабским населением». В ноте также подчеркивалось, что эти действия румынских оккупантов и их пособников «лишены какой бы то ни было международной правовой силы» [574].

«Добровольное объединение» 1918 г. было фарсом. Появление в зале румынского премьера также оказало давление на «депутатов» [575]. На банкете, организованном после голосования, А. Маргиломан прямо заявил, что «объединение Бессарабии произошло в Бухаресте» [576]. Данную мысль подтвердили и его политические противники И. Дука и К. Арджетояну [577]. Румынские политики показали, что «объединение» было зачато внешними в отношении Бессарабии факторами, а «голосование» было фикцией.

23 ноября «депутаты» были приглашены к Генеральному комиссару Бессарабии генералу А. Войтояну, который в издательской форме потребовал от них проголосовать за ликвидацию даже пародийной «автономии», оставленной румынами бессарабцам [578]. 27 ноября (10 декабря) 1918 г. Сфатул Цэрий 39 голосами (из которых 17 были кооптированы накануне) «за» принял Декларацию, по которой отказался от условий, записанных в «Акте об объединении» от 27 марта [579].

Оценивая «объединение» с точки зрения международного права, следует отметить полное беззаконие данного акта.

---

¹ От 5–9 марта.

Архивные документы свидетельствуют, что крестьяне открыто проявляли несогласие с решением Сфатул Цэрий¹ [580]. Большинство населения края не приняло чужеземного господства и жило надеждой на его свержение.

Анализ законности «объединения» Бессарабии с Румынией можно завершить выводами юриста-международника А. Буриана: «Исходя из данности, что Сфатул Цэрий не был избран всеобщим голосованием населения Бессарабии, сто́ит ли вообще обсуждать вопрос, насколько законны решения незаконного органа, который, кроме того, явно превысил свои полномочия, ведь вопросы, связанные с передачей территорий, решаются либо на основе соглашения между общепризнанными субъектами международного права, либо посредством плебисцита» [581].

Таким образом, итоги войны для молдавского народа оказались трагичными, ведь в ее конце он оказался разделенным: меньшая его часть на левобережье Днестра сохранилась в составе Советского государства, а большая на 22 года оказалась против своей воли в составе королевской Румынии.

---

¹ Детально об этом см.: *Назария С. М.* Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинев, 2012. С. 199–206.

ГЛАВА 6

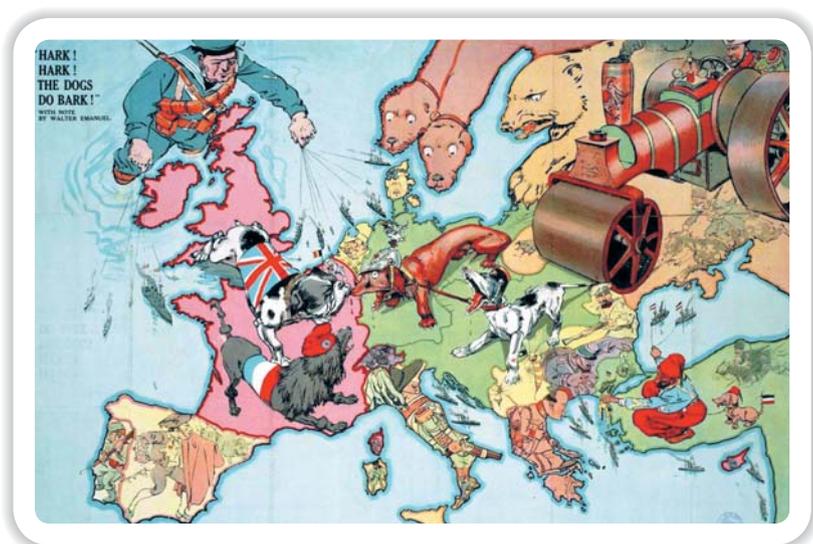

Патриотичная Великобритания

Участие Великобритании в Первой мировой войне вызвало значительные изменения в жизни английского общества. По мере затягивания войны потребовалась мобилизация всех ресурсов страны и все более активное вмешательство государства в экономическую и социальную сферу жизни общества [582]. Великобритания вступила в Первую мировую войну 4 августа 1914 г., однако вопрос о войне стал острым для британского общества еще за несколько недель до этого, а в некотором смысле идея о большой европейской войне зиждилась в умах англичан еще раньше. Тема большой войны занимала видное место в британской довоенной публицистике и литературе. Безусловно, почва для британского общества была хорошо подготовлена средствами массовой информации задолго до начала войны.

Чтобы понять то влияние, которое оказывалось британским правительством на экономическую и социальную жизнь страны накануне и на раннем этапе войны, нам необходимо понять психологию британского общества и его реакцию на политику государства, которую оно проводило начиная с конца XIX в.

Одной из основных черт довоенного британского общества в цивилизационном плане было преобладание традиции либерализма. Эта традиция выходила за рамки партийной идеологии и была неотъемлемой основой британской политической культуры, сильно влияющей и на практику британской политики. Она предполагала существование, с одной стороны,

Английская символическая карта мира. 1914 г.

маленького правительства с максимально ограниченной степенью вмешательства в социальную и экономическую жизнь страны, а с другой стороны, высокоразвитого активного гражданского общества. Ценности гражданского общества — личная ответственность, гражданская активность, патриотизм, неприкосновенность частной собственности и власть закона — формировали общий идеологический контекст, в рамках которого большинство элиты и рядового населения Великобритании будут воспринимать приведшие к войне события и саму войну. Этот идеологический контекст во многом повлияет и на то, как именно британский социум будет пытаться ответить на представленный ему вызов [583].

Общественное мнение было уникальным по важности среди стран — участниц войны фактором в британской политике в силу давно сложившихся демократических традиций начавшегося уже во второй половине XIX в. оформления современной массовой демократии, а также роста грамотности и политизированности всех слоев общества, особенно среднего клас-

са и «рабочей аристократии». Особую роль к началу Первой мировой войны стали играть средства массовой информации: это был золотой век массовой газеты, рассчитанной на уже упомянутую расширяющуюся прослойку образованного, политически активного населения.

Наиболее ярким представителем владельцев средств массовой информации был медиамагнат Альфред Хармсуорт, к этому моменту уже получивший титул барона Нортклиффа. В отличие от других изданий, в целом придерживающихся линии той или иной партии, газеты его империи — прежде всего «Дэйли Мэйл» (основанная в 1896 г., имела успех благодаря низкой цене и содержанию, понятному и интересному простому обывателю) и «Таймс» — следовали политическому курсу самого Нортклиффа, стремящегося быть самостоятельным субъектом в британской политике [584]. Хотя массовая печать, с одной стороны, и зародившиеся одновременно с массовой демократией разветвленные партийные аппараты, с другой, могли активно влиять на формирование общественного мнения в стране, для Великобритании продолжала быть характерной высокая степень политического плюрализма, ярко проявившего себя накануне и на раннем этапе войны.

Формирование в английском обществе образа войны и врага началось гораздо раньше 1914 г. Отправной точкой «газетной войны» между Германией и Англией можно считать 1899 г., когда началась англо-бурская война. Во время войны общественность многих стран была на стороне буров. Исключением не стала и Германия. Немецкое общество, особенно интеллектуальная элита и пресса, выступили с резкой критикой в адрес Великобритании. «Английская общественность настроена гораздо менее антинемецки, чем немецкая — антианглийски», — такими были слова канцлера Германии фон Бюлова во время посещения им Англии в 1899 г. [585].

В начале XX в. внешнеполитический приоритет Великобритании повернулся в сторону Германии как одного из главных соперников на мировой арене. Известный журналист Ф. Гиббз писал: «Германия завидовала морскому могуществу Англии. Страстное желание заполучить новые рынки было свойственно не только государственным деятелям, но и коммерсантам»

[586]. Имперские устремления Германии, а также засилье на рынке немецкой продукции вызывали раздражение жителей Великобритании [587].

Но не только промышленный рост пугал англичан. Более важным фактором был рост немецкой военно-морской мощи. Великобритания — «владычица морей» начала чувствовать угрозу своей морской мощи со стороны набирающей обороты немецкой машины. Такие шаткие позиции Великобритании не могли остаться незамеченными современниками: «Еще до войны Германия пугала Англию и своим промышленным ростом как соперница ее на всемирном рынке, и своим военным могуществом как угроза ее внешней свободе. Война соединила оба страха в один: промышленная сила Германии стала для Англии такой же «национальной опасностью», как и сила ее военного флота», — писал в разгар Первой мировой войны российский публицист и литературный критик И. Херасков [588].

Постепенно в английской прессе стали появляться тревожные статьи относительно возможной войны с Германией. Некоторые средства массовой информации охотно подхватили кампанию за введение в Британии призыва, начатую известным военачальником викторианской эпохи фельдмаршалом лордом Робертсом [589]. В 1906 г. в стране был основан Союз за всеобщую воинскую повинность. Робертс не надеялся, что он и его единомышленники смогут «пробудить народ», потому что народ «настолько упрям, что проснется только с началом войны» [590]. Как оказалось, Робертс был прав, его сограждане «проснулись» лишь с началом Великой войны.

В Британской прессе появлялись публикации, которые разжигали истерические настроения по поводу гонки вооружений с Германией. Пожалуй, самым радикальным изданием ультраправой ориентации был журнал «JohnBull», на его страницах можно было увидеть следующее: «Флот Германии должен быть немедленно уничтожен. Мы можем сделать это прямо сейчас. Поскольку Англия — природная владычица морей, росту немецкого флота нет и не может быть оправдания» [591]. Известный историк Э. Грегори в своей работе «Столкновение культур» называет «JohnBull», в котором собирались различные сплетни и сенсации, наследником радикального издания середины

XIX в. «TheNewsoftheWorld» и предвестником современных таблоидов [592]. Вряд ли можно утверждать, что им определялись общественные настроения тех лет, но оно определенно находило своего читателя [593].

Большая часть населения Британии не была настроена так радикально по отношению к немцам. Особенно дружелюбное отношение прослеживалось среди интеллектуальной элиты обеих стран. К тому же английские студенты считали почетным получать образование в лучших университетах Германии, например Гейдельбергском. Их сверстники из Германии, в свою очередь, с удовольствием ехали в Оксфорд и Кембридж. Английский журналист Ф. Гиббз писал: «В Англии не существовало традиционной ненависти к Германии, но в течение нескольких лет недоверия и подозрения, которые нашли отражение на страницах периодической печати и выливались в различные колкости и обвинения, задевали национальную гордость Германии» [594].

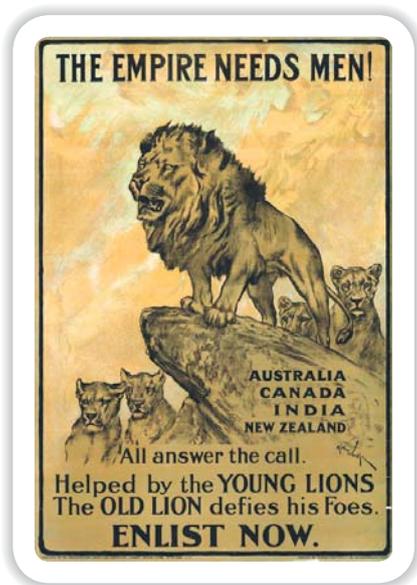
Влияние британских СМИ на общественное мнение оказывало слишком пагубное воздействие. Примером такого воздействия может служить распространившееся в прессе мнение о засилии немецких шпионов на территории Великобритании. «Сотни якобы британских компаний на самом деле руководятся немцами! Шпионы Германии внедрили в деловую сферу нашей страны с тем, чтобы подготовить наш крах», — такие высказывания можно было прочесть в английской прессе [595]. В английском обществе стал царить дух шпиономании. Шпионов стали видеть в официантах, гувернантках, цирюльниках, продавцах и т.п.

Именно такими настроениями было пропитано английское общество накануне большой войны. Английской прессе удалось подготовить определенную почву для того, чтобы в 1914 г., когда Великобритания вступила в войну, общество довольно легко смогло воспринимать антинемецкую пропаганду.

«Мысли и эмоции людей определенно могут измениться с помощью образования, прессы и настойчиво пропагандируемых доктрин. Такая перемена может произойти в короткие сроки», — писал Х. Файф, один из английских журналистов — свидетелей событий Первой мировой войны. Медиамагнат лорд

Нортклифф, как никто другой, прекрасно понимал, что, создавая с помощью прессы определенные стереотипы и образы в головах британцев, он сможет контролировать общественное мнение и управлять умами простых англичан. Нортклиффу принадлежит следующая фраза, произнесенная в июле 1918 г., которая очень ярко показывает его позицию в отношении манипуляции общественным мнением: «Бог научил людей читать для того, чтобы я мог наполнять их головы фактами, фактами, фактами, — а позже сказать им, кого любить, кого ненавидеть и о чем думать» [596]. Нортклифф осознавал, что любые скандалы продаются лучше, чем просто хорошие новости. И возникшие опасения в обществе о шпионах внутри Британской империи были прекрасным поводом напомнить британцам об их патриотических чувствах, о положении страны на мировой арене, о борьбе за колонии с Германией и, безусловно, о морском соперничестве двух стран. Попраание британских интересов: торгового, колониального и морского владычества в мире, безусловно, очень болезненно сказывалось на английском обществе и способствовало формированию военного менталитета.

Ярким показателем формирования военного менталитета можно считать эволюцию образа Германии в Великобритании в ранние годы войны. До войны господствовало представление о немцах как о культурном, цивилизованном народе; они ассоциировались с музыкой и философией, позже — с промышленностью и в глазах многих англичан выглядели достойнее, чем «легкомысленные латиняне» французы, и тем более, чем «полудикие» русские. Хотя в это время уже существовали определенные германофобские настроения, они были в первую очередь связаны с практической угрозой, исходящей от Германии в плане экономической конкуренции, военно-морской программы кайзера и его гиперактивной, непредсказуемой внешней политики. В начале войны во многих британских газетах легко можно было увидеть сообщения о «рыцарственном» поведении отдельных немцев (особенно морских капитанов, действующих «по правилам»), хорошо укладывавшихся как в представления об их культурности, так и в идеализированный образ военного кодекса чести, понимаемого британцами под спортивным термином «честная игра» (fairplay) [597].

«Австралия, Канада, Индия, Новая Зеландия — молодые львы, помогите старому льву (Британии) защититься от врагов (Германии)». Английский агитационный плакат

Однако по мере развития военных действий этот образ достойного противника все больше и больше дискредитировался. Вызвано это было в первую очередь самими действиями немцев, а также расхождениями в представлениях о военной чести немцев и англичан. Шаг за шагом немцы нарушали все правила английской честной игры [598].

Для массовой агитации общества на начальном этапе войны правительство Великобритании создало специальное учреждение, занимавшееся пропагандой общества — Wellington House (Веллингтон Хаус). Вступив в Первую мировую войну, Британская империя не имела каких-либо специальных пропагандистских учреждений, но по окончании войны британцы имели самую развитую среди стран-участниц организацию, способную влиять на общественное мнение.

В ходе войны организационная структура британской пропаганды менялась. В период 1914–1916 гг. она была сосредоточена в Бюро военной пропаганды — Веллингтон Хаус. Бюро было связано с новостным департаментом Форин-офис. Первоначально бюро находилось в штаб-квартире Национальной комиссии по страхо-

ванию и действовало под руководством министра иностранных дел. В августе 1914 г. британской разведкой было обнаружено, что у Германии имеется агентство пропаганды. Дэвиду Ллойд Джорджу, на тот момент министру финансов, была поставлена задача создать аналог немецкого агентства. Ллойд Джордж активно принялся за дело, и уже к осени 1914 года Бюро британской военной пропаганды (Wellington House) было создано. Руководителем был назначен молодой журналист Чарльз Мастерман.

Веллингтон Хаус первоначально производил брошюры и давал обзор прессы, но позже стал печатать пропагандистские газеты, выпускать фильмы и фотографии. К июню 1915 г. было произведено около 2,5 млн пропагандистской литературы на 17 языках. Год спустя бюро производило по 3 газеты и 4000 фотографий в неделю [599].

Происхождение бюро всегда скрывалось, и само его существование не было обнародовано до 1935 г. Секретный документ, написанный посвященным лицом, упоминал что: «Существование учреждения публикации Веллингтон Хаус и тем более связь Правительства с этим учреждением было тщательно скрыто. За исключением официальных публикаций, нигде в литературе не было подтверждения о действительном происхождении Веллингтон Хаус. Далее неофициальная литература была помещена в продажу, где это только было возможно, и в том случае, если она посылалась бесплатно, она являлась неофициальной, то есть посылалась от неопределенного человека... чьему личному патриотизму посылка этой литературы казалась обязательной» [600].

Мастерман завербовал на службу многих из людей, которые работали в Комиссии государственного страхования [601], а также членов британской литературной и журналистской элиты. 2 сентября 1914 г. он пригласил 25 известных литературных и общественных деятелей на встречу в Веллингтон Хаус. Среди них были: Артур Конан Дойл, Редьярд Киплинг, Герберт Уэллс, Форд Медокс, Уильям Арчер, Гилберт Паркер, Джон Бакен [602] и др. Несколько авторов согласились написать пропагандистские работы — якобы это их собственные. Они были напечатаны и опубликованы такими известными издательствами, как Hodder&Stoughton, Methuen, OxfordUniversityPress, Macmillan

и др. Неделей позже, 11 сентября, Мастерман провел другую встречу, на сей раз с ведущими газетными редакторами. Одним из результатов этой второй встречи было формирование так называемого Комитета нейтральной прессы под руководством бывшего главного редактора «Daily Chronicle» Г. Майра. Было решено, что Комитет будет содействовать британским газетам и журналам за рубежом, а также передачей новостей за границу с помощью телеграмм и радио — подразумевая, что новости будут транслироваться в США через радиопередатчики, принадлежавшие British Marconi (компания, которая после войны стала главным акционером в Би-Би-Си) [603].

Однако уже в феврале 1917 г. был образован Департамент информации с более разветвленной структурой, включавшей в себя отделы по работе с литературой, прессой, кино, национальные подсекции [604].

На завершающем этапе войны появилась новая пропагандистская структура, занимавшаяся пропагандой во враждебных странах, так называемый Crew House (Дом Крю), руководителем стал уже известный нам лорд Нортклифф. Однако возникло это учреждение не спонтанно. В начале 1918 г. британским правительством было решено, что высокопоставленный правительственный деятель должен взять на себя ответственность за пропаганду. 4 марта 1918 г. лорд Бивербрук, владелец Daily Express, стал министром информации, Мастерман был назначен директором публикаций, а Нортклифф — главой Crew House [605]. Под руководством Нортклиффа были такие известные люди того времени, как Г. Уэллс, Р. Сетон-Уотсон, Г. Уикхем. Тем не менее все пропагандистские учреждения, несмотря на протесты, были ликвидированы в конце 1918–1919 гг.

Давление на общественное мнение, которое оказывалось пропагандистскими учреждениями на начальном этапе войны, было очень велико. Англия вступила в войну 4 августа 1914 г., когда Германия не выполнила требование прекратить нарушение бельгийского нейтралитета. Исследователь Г. Хенек писал: «Если бы первого встречного на улице спросили, почему Англия воюет с Германией, он бы, наверное, ответил, что последняя нарушила нейтралитет Бельгии, поэтому Англия защищает слабых и борется за святую неприкосновенность норм между-

народного права. Если этот человек — любитель чтения газет, он мог бы сказать, что Великобритания пытается противостоять гегемонистским устремлениям Пруссии и сохранить для человечества демократические институты. Обладающий более изощренным умом человек предположил бы, что его страна воюет, чтобы сокрушить выраженные в девизе «Drang nach Osten» империалистические планы Германии. Он бы объяснил, что такие намерения — прямая «угроза могуществу Британской империи. Каким бы расплывчатым ни был ответ, каждый британец в уме четко осознавал, по каким причинам и с какими целями его страна воюет с Германией» [606].

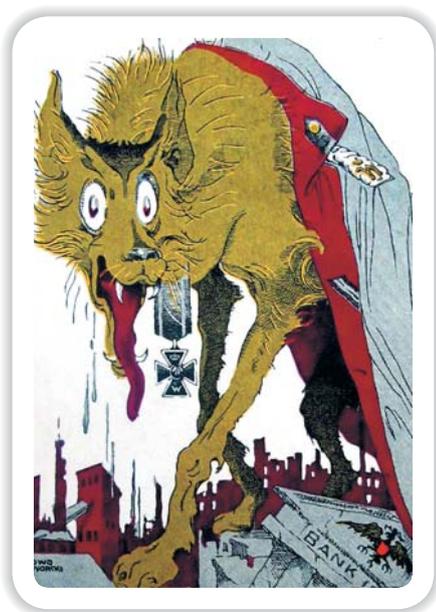
Как можно наблюдать, роль прессы в британском обществе как одного из эффективных инструментов давления на мнение масс резко возросла. «В период 1914–1918 гг. ложь стала более изощренной, чем в любые другие периоды до этого», — говорится в книге А. Понсонби «Ложь во время войны» [607]. Безусловно, многие не одобряли войну, но как граждане они считали недостойным не помочь своей стране в трудную минуту. В Англии набирала обороты пропаганда, которая, как и высказывания политиков, отвечала настроениям большинства населения, в предыдущее десятилетие привыкшего к историям о шпионах и вредителях [608].

Масла в огонь в разжигании антигерманских настроений подливали представители печатного мира. С подачи Нортклиффа в прессу попала история о канадском солдате, распятом на двери сарая и заколотом немецкими штыками [609]. А. Понсонби занес эту историю в список самых живучих мифов времен Первой мировой войны, отличавшихся наибольшей вариативностью. Батальон, в котором якобы служил этот легендарный замученный солдат, всю войну находился в Индии [610]. Как и послевоенные критики подобных пропагандистских методов, современные историки расценивают эту историю как одну из самых дискредитированных легенд военных лет [611].

Главная цель британской пропаганды состояла в том, чтобы сформировать благоприятное для Антанты общественное мнение в доминионах и нейтральных странах. Тратить особые усилия на собственных подданных не было нужды: в начальный период войны большая часть общества и так демонстрировала лояльность

и энтузиазм. Один из наиболее популярных мотивов — Бельгия в образе истерзанной женщины, молящая союзные армии о защите. В единичных случаях несчастную страну изображали в мужском обличе. Захваченные «гуннами» страны изображались в виде сирот или изнасилованных женщин. С целью показать, что война на континенте напрямую касается британцев и не стоит относиться к ней легкомысленно, людей запугивали возможностью высадки немецкого десанта на Британских островах [612]. Английский публицист У. ЛеКе приложил немало усилий, чтобы попытаться убедить соотечественников в возможности подобного развития событий: «Люди, которые полагают, что десант невозможен, уверены в том, что всякая попытка Германии провалится. Но даже если сама Германия думает также — это не значит, что она не станет предпринимать попыток» [613].

«Какими бы причинами ни вызвана Великая война, — писал Понсонби, — с уверенностью можно сказать, что это не немецкое вторжение в Бельгию. Оно стало всего лишь первым последствием войны. Не являлось оно и причиной нашего участия в войне. Но власти понимали, насколько сомнительной была возможность спровоцировать энтузиазм населения по поводу секретного договора с Францией. Они воспользовались роковой ошибкой Германии и представили нарушение бельгийского нейтралитета и Договора о нейтралитете в качестве объяснения нашего участия в войне» [614]. Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж в одной из своих речей назвал «бережливую и трудолюбивую» Бельгию «одним из самых безобидных и миролюбивых государств Европы», у которого в мыслях не было готовить какой-либо заговор против своего могущественного соседа [615]. В другом выступлении в 1914 г. министр в красках живописал «агонию маленького мужественного народа, страдающего за право», сравнив Бельгию с «бедной жертвой хищной птицы». Под «хищной птицей», «парящим коршуном» подразумевалась, разумеется, Германия [616]. Много лет спустя журналист Х. Файф прокомментировал заявления министра следующим образом: «Господин Ллойд Джордж, заявлявший о детально проработанных планах Германии по порабощению Европы, после окончания войны утверждал, что «никто не жаждал войны». Это был хаос, в который «мы попали по ошибке». Даже если немецкое руко-

*Кайзеровская Германия
в образе гиены. Английский
агитационный плакат*

водство и замышляло бы подобные безумства, все равно было бы глупо ненавидеть всех немцев» [617].

Тем временем в английских городах взбудораженные толпы громили магазины, лавки и рестораны, принадлежавшие немцам. По Лондону ползли слухи, будто кругом полно шпионов. Г. Боттомли, руководитель шовинистического издания «JohnBull», приложил максимум усилий, чтобы развить в своих соотечественниках ненависть к немцам [618]. «Если, сидя в ресторане, вы обнаружите, что обслуживающий вас официант — немец, — призывал своих соотечественников «лучший друг солдата» Боттомли, — выплесните суп прямо в его грязную рожу» [619]. Сообщалось, что клиенты цирюльников-немцев могли быть зарезаны, а покупатели в немецких лавках — отравлены. Хозяева кафе и магазинов спешно вывешивали «Юнион Джек» на окнах своих заведений, меняли их названия и даже собственные фамилии на английский манер [620].

Просвещенные британцы воспринимали войну и военнопленных в духе Женевской и Гаагской конвенций: войны ведутся

между государствами, а не между отдельными людьми. В том же ключе пытались подавать происходящее и некоторые представители власти, правда довольно быстро переходя к обобщениям [621]. «Мы воюем не с германским народом. Германский народ находится под пятой военной касты, — говорил в одной из своих первых речей, посвященных войне, Ллойд Джордж, бывший министром финансов в правительстве Г. Асквита. — Если старый британский дух жив в британских сердцах, этот буян [пруссский юнкер] должен быть сброшен со своего места. Немцам нравится думать, что мы — вырождающийся и приходящий в упадок народ, негероическая нация, которая прячется за конторками и прилавками, прикрываясь силой флота». «Немецкие крестьяне, — полагал министр, — обладают большим добродушием, но им внушено ложное представление о цивилизации» [622].

В связи с затягиванием войны рост негатива и злобы по отношению к врагу чувствовался не только в обществе. Речи министра принимали более жесткий характер: «Германцы — интеллигентный народ, народ, несомненно, культурный, это народ, давший миру великие идеи. Но победа Германии означает торжество и преобладание худших элементов германского народа. Не говорю о том, что кайзер будет восседать на троне Англии, если он одержит победу. Не говорю, что он, подобно Вильгельму Завоевателю, навяжет нам свои законы и язык. Я имею в виду, что если Германия выйдет победительницей из настоящей войны, она фактически станет диктатором мировой международной политики», — утверждал Ллойд Джордж в феврале 1915 г. [623].

Однако сама немецкая армия своими действиями давала различные поводы для антигерманской пропагандистской компании. Одним из таких случаев, получившим широкую огласку, стала трагедия британского лайнера «Лузитания», торпедированного немцами 7 мая 1915 г. (погибло 128 человек). Сама «Лузитания» была британским кораблем, но к моменту происшествия она была переведена с военной службы обратно в частное пользование на условии перевозки правительственных грузов наряду с пассажирами. С точки зрения британцев, немцы имели право потопить гражданское судно в военной зоне, но должны были предупредить ее экипаж и дать эвакуироваться пассажирам. Вместо этого немецкий капитан посчи-

тал «Лузитанию» полноценной военной целью и атаковал без предупреждения [624].

Гибель «Лузитании» привела к небывалому всплеску антигерманских настроений в Великобритании. В мае 1915 г. в ряде крупных городов произошли стихийные антигерманские беспорядки, в ходе которых группы людей (главным образом молодежь из трущоб) напали на дома и магазины, принадлежавшие немцам. Под особым ударом оказались немецкие бакалейщики. Мотивация мести за «Лузитанию» перемешалась с негодованием по поводу растущих потерь и с ненавистью населения к спекулянтам. Самые тяжелые беспорядки были в Ливерпуле — порте регистрации и цели плавания потопленного лайнера. Поскольку многие члены экипажа были выходцами из местной ирландской общины, ирландцы приняли наиболее активное участие в погромах. Схожие нападения на немцев и «подозрительных» иностранцев происходили и до, и после мая 1915 г., но этот месяц оказался своеобразным пиком стихийных волнений [625]. Хотя местные власти по мере возможного боролись с беспорядками и расследовали нападения на местных немцев, правительство в целом не пыталось остановить антигерманскую истерику. Более того, 13 мая 1915 г. было объявлено, что все лица мужского пола призывного возраста — выходцы из Германии — должны быть интегрированы, а женщины, дети и старики подлежат депортации, за исключением особых случаев.

Новый виток антинемецкой пропаганды вызвала в октябре 1915 г. казнь немецкими солдатами английской медсестры Эдит Кэвелл, ставшей иконой как для британского общества, так и для пропагандистов¹. Изображение погибшей медсестры сразу же попало на плакаты, где фотография сопровождалась надписью «Убита гуннами». Сцена убийства медсестры сразу же стала невероятно популярным сюжетом: иллюстрации на эту тему появились во многих журналах, как английских, так и французских².

Наиболее болезненным для британских обывателей оказалось нападение на саму Англию. Обстрел с моря Скарборо

¹ Эдит Кэвелл (1865–1915) — британская медсестра, расстрелянная немцами в Бельгии за помощь пленным в осуществлении побегов.

² См. иллюстрированное приложение к данному разделу.

(популярного туристического города), Хартлпула и Уитби в конце 1914 г. и начавшаяся в 1915 г. воздушная бомбардировка Лондона и юго-востока Англии нарушали неприкосновенность британского гражданского населения. Они приносили войну прямо в тыл и расценивались общественностью как покушение на английский домашний очаг. Все это действеннее любой пропаганды способствовало росту антигерманских настроений среди рядового населения. В свою очередь, растущие потери на фронте и нападения немцев на тыл подпитывали в британцах жажду мести, которая могла выражаться как в спонтанных антинемецких беспорядках, так и в поддержке населением войны до победного конца любыми средствами [626].

Британское правительство оказывало воздействие не только на социальную сферу путем антинемецкой пропаганды. С первых дней войны государство мобилизовало все ресурсы страны и все более активно вмешивалось в экономическую сферу.

После вступления в силу закона о защите королевства расширились полномочия исполнительной власти, Уайтхолл позволял государству «брать во владение» собственность граждан, вводить цензуру и приостанавливал действия акта о неприкосновенности личности [627].

После начала Первой мировой войны государство определило территории, куда не допускались иностранцы. Более того, был введен запрет на торговлю с врагом [628]. 28 августа 1914 г. правительству было предоставлено право контролировать военные фабрики и рабочих, занятых на предприятиях, производивших вооружение [629]. Уже с середины марта 1915 г. руководство страны получило полномочия принуждать владельцев предприятий выполнять государственные заказы при наличии у них необходимого оборудования [630]. В августе 1914 г. адмиралтейству разрешили ликвидировать частные транспортные и вспомогательные суда [631]. В это же время Уайтхолл поставил под свой контроль все железные дороги страны [629]. Продолжая гнуть свою жесткую линию, правительство приступило к регулированию импорта и распределению продовольствия внутри страны [632]. Такие меры были предприняты в связи с тем, что до войны многие товары, в частности сахар, поставлялись в Британию из Германии и Австро-Венгрии, а с началом войны страна

оказалась отрезанной от источников поступления этого продукта массового потребления [633]. Вследствие этого уже 20 августа 1914 г. правительство формирует социальную Королевскую комиссию, которая регулировала импорт и распределение сахара по всей Британии [634]. Одновременно с этим создавался резервный запас пшеницы. Правительство привлекало частные фирмы, которые осуществляли частные закупки зерна [635].

Для сохранения стабильной экономической ситуации Уайтхолл гарантировал платежеспособность банков. В 1915 г. руководство страны стало регулировать цены на уголь и ввело лицензирование его экспорта [636]. Опасаясь социального конфликта в угледобывающей промышленности, правительство взяло под контроль шахты Южного Уэльса, а уже к февралю 1917 г. под контролем государства находились все угольные разработки страны [637]. Многие экономические проблемы, с которыми сталкивалось государство в первые годы войны, решались лишь по мере их возникновения. Английский историк Р. Тауни назвал политику английского правительства на начальном этапе войны «импровизацией» [638].

С началом войны по всей стране наблюдался всплеск патриотического настроения. Уже в первые месяцы войны десятки тысяч британцев выстраивались в длинные очереди на призывных пунктах, чтобы добровольцами пойти на фронт. Закон о воинской обязанности вступил в силу лишь с января 1916 г. [639]. Одновременно с распространением патриотических настроений английское общество захлестнула волна антигерманской истерии, нередко звучали призывы «повесить кайзера» [639], а в прессе немцев стали изображать кровожадными чудовищами, которые уничтожают все вокруг. Безусловно, такому порыву англичан способствовала грамотная пропагандистская программа, которая подготовила массы к войне.

В связи с тяжелым положением в английском правительстве в мае 1915 г. был сформирован коалиционный кабинет министров во главе с премьер-министром Г.Г. Асквитом¹. В этот мо-

---

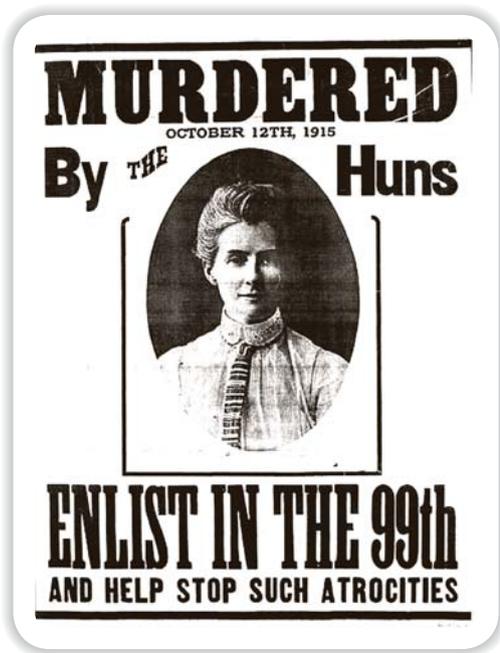
¹ Герберт Генри Асквит, 1-й граф Оксфорда и Асквита (12 сентября 1852 — 5 февраля 1928 г.) британский государственный и политический деятель, 52-й премьер-министр Великобритании от Либеральной партии с 1908 по 1916 г.

Лорд Китченер: «Ваша страна нуждается в Вас»

мент на первые роли выдвинулся Ллойд Джордж, который стал руководителем министерства вооружения. Первоочередной задачей Ллойда Джорджа стала «мобилизация национальных ресурсов производства военного снаряжения» [640]. В начале июля 1915 г. парламентом был принят Закон о производстве вооружения, по которому Ллойд Джорджу предоставлялись самые широкие полномочия в сфере организации выпуска всего необходимого для нужд фронта [641]. Министерство вооружений контролировало и налаживало работу многих фабрик и фирм, производивших оружие [641]. Министерство снабжало армию не только боеприпасами, но и транспортными средствами, траншейным оборудованием, оптическими приборами, отравляющими веществами, строительными материалами, нефтью и многим другим [642]. Начиная с лета 1916 г. установились твердые цены на шерсть и стало регулироваться ее распределение [643]. Уайтхолл контролировал также поставки кожевенного сырья для частных и государственных предприятий [644].

Ллойд Джордж реквизирует сырье для производства стали, и теперь государство поставило под свой жесткий контроль все

*Плакат с требованием
остановить
новые убийства
«гуннов» (немцев).
На фото — Эдит
Кэвелл (1865–1915),
британская медсестра,
расстрелянная по
решению немецкого
военно-полевого суда*

сталелитейные предприятия страны [645]. Как отмечает отечественный историк А.Ю. Прокопов, министерство вооружений стало одним из важнейших инструментов в системе государственного регулирования экономики страны [643].

В годы Первой мировой войны Уайтхолл стал активно использовать материальные и людские ресурсы многочисленных английских колоний. Среди них наиболее крупными и богатыми были Индия, Канада, Южно-Африканский Союз, Австралия, Новая Зеландия.

По мере затягивания войны в британском обществе все отчетливее ощущались тяготы военного времени [646]. В годы войны заработная плата рабочих несколько увеличилась, тем не менее в результате роста цен реальный жизненный уровень простых англичан заметно снизился [647]. В связи с этим наблюдавшийся в начале войны рост патриотического настроения к 1915 г. также заметно снизился. Нередкими стали социальные протесты в различных районах Великобритании.

Правительство столкнулось с продовольственными трудностями, вызванными в первую очередь тем, что сельское хозяйство страны лишь на одну треть обеспечивало потребности британцев в продуктах питания [648]. Остальные две трети продовольствия доставлялись на Британские острова по морю. В условиях проводимой немцами подводной войны небольшие потери английских транспортных судов способствовали обострению ситуации с продуктами питания в стране [649]. В 1917 г., когда Британия оказалась перед угрозой продовольственного кризиса, правительство мобилизовало все имеющиеся лайнеры для доставки зерна в страну через северную Атлантику [650]. Естественно, голод, трудности на фронтах не могли способствовать усилению патриотических настроений в британском обществе. Правительству необходимо было предпринимать меры по выводу страны из сложившейся кризисной ситуации.

Уайтхолл принимал различные меры по усилению влияния государства на экономику Великобритании. С середины весны 1917 г. правительство подчинило своему контролю практически весь импорт товаров. С конца марта 1917 г. без санкции одного из государственных комитетов в страну уже нельзя было ввезти большинство наименований товаров [651]. Контролируя закупку и распределение сырья между различными предприятиями, а также используя систему госзаказов, правительство в той или иной форме охватило своим влиянием все основные отрасли промышленности [652]. К концу войны под контролем государств находились судоходство, судостроение и транспорт, а также предприятия, производившие вооружение [653]. В годы Первой мировой войны влияние государства на все важнейшие сферы жизни общества приобрело доселе невиданный характер. У. Черчилль¹ так писал о полномочиях представителей правительства на последнем этапе войны: «Мы контролировали и реально управляли всеми самыми главными

---

¹ Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (30 ноября 1874 г., Бленхеймский дворец — 24 января 1965 г., Лондон) — британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.; военный, журналист, писатель, почетный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

ми отраслями промышленности. Мы регулировали поставки всего сырья для них. Мы организовали все распределение их конечной продукции. Около 5 млн человек находилось непосредственно под нашим командованием, и мы были тесно связаны со всеми другими сферами национальной экономической жизни» [654].

Первая Мировая войны велась Великобританией с использованием всех экономических, финансовых и людских ресурсов страны. Общие расходы государства за время войны составили более 10 млрд фунтов стерлингов. Британия потеряла треть национального богатства [655]. После войны экономический потенциал Великобритании заметно ослабел, также уменьшилась доля страны в мировом промышленном производстве и международной торговле.

Война оставила огромный след на всех отраслях жизни британского общества. Экономика, политика, социальные отношения — все это подверглось жесткой проверке в ходе Первой мировой войны. Благодаря усилиям британского правительства в годы войны удалось сплотить население для борьбы с опаснейшим врагом, с которым доселе Великобритания никогда в своей истории не сталкивалась. Первая мировая война показала все ужасы войны. И лишь при грамотной пропагандистской и экономической политике британцам удалось избежать массовых социальных столкновений и неповиновения властям (примером социального взрыва в годы Первой мировой войны могут служить Октябрьская революция и Гражданская война в России, а также последовавшие за этим события).

ГЛАВА 7

Французское общество в годы Первой мировой войны

Партийно-политическая система

Накануне войны Франция управлялась правительством, образованным в результате парламентских выборов 26 апреля — 10 мая 1914 г. В выборах участвовали девять левых, центристских и правых партий. На первое место — как и на предыдущих парламентских выборах 1910 г. — вышли радикалы (Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов), которые возглавляли французское правительство с 1906 г.

Радикалы считались левой партией, защитниками «простых людей» и «средних французов», противниками крупного капитала, сторонниками отделения церкви от государства и от школы. На выборах 1914 г. они получили более 1,5 млн голосов избирателей и 136 парламентских мандатов из 592. Этого не хватало для парламентского большинства, необходимого при формировании правительства, и радикалам, как и в прошлые годы, пришлось искать союза, с одной стороны, с республиканцами и демократами из центристских группировок, самой крупной из которых был «Демократический Альянс» (официально — «Республиканско-демократический Альянс»), а с другой стороны, с так называемыми независимыми социалистами.

«Демократический альянс» возглавляли политические деятели, которых во Франции называли «умеренными республи-

канцами». Они были сторонниками республики и демократических свобод, одобряли закон об отделении церкви от государства и от школы, но осуждали социализм.

«Независимые социалисты» представляли собой группу политиков социалистического толка, готовых — в отличие от официального руководства Французской социалистической партии — участвовать в буржуазных правительствах.

В результате было сформировано коалиционное левоцентристское правительство. Видный деятель «независимых социалистов» Рене Вивиани стал председателем Совета министров (премьер-министром), а президентом республики остался один из самых известных французских политиков, видный деятель «Демократического Альянса» Раймон Пуанкаре, избранный на этот пост еще в 1913 г.

Правую оппозицию правительству Пуанкаре — Вивиани составляли монархисты, главной силой которых являлась организация «Action française» («Французское действие») и близкие к ним правые националисты, объединившиеся в «Лигу патриотов». Левую оппозицию представляла Французская социалистическая партия. Она являлась секцией Второго Интернационала, и поэтому ее часто именовали СФИО (по первым буквам французского названия «Французская секция рабочего (то есть Второго) интернационала»).

На выборах 1914 г. СФИО собрала голоса 1,4 млн избирателей (почти на 300 тыс. больше, чем на предыдущих выборах) и завоевала 102 парламентских мандата. Вожди СФИО — Жюль Гед и Жан Жорес — считали себя марксистами и выразителями интересов рабочего класса. Они были уверены, что правительство Пуанкаре — Вивиани служит интересам крупной буржуазии, проводит милитаристскую политику и может вовлечь Францию в войну с Германией. Подобно всем партиям Второго Интернационала, они обещали руководствоваться принятой в 1907 г. на конгрессе Второго Интернационала в Штутгарте резолюцией, которая призывала социалистов бороться против милитаризма, национализма и войны, против капитализма и власти буржуазии.

«В случае возникновения войны социалисты обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекра-

тить, и всеми силами стремиться использовать порождаемый войной экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов», — говорилось в этой резолюции.

Одним из главных методов борьбы против войны французские социалисты считали всеобщую стачку. На чрезвычайном съезде Французской социалистической партии 14–15 июля 1914 г. (за две недели до войны) большинство делегатов проголосовало за предложенную Жоресом резолюцию, которая рекомендовала ответить на угрозу войны всеобщей стачкой рабочих всех воюющих стран. Правда, в устном выступлении Жорес сделал многозначительную оговорку: если мир не удастся сохранить, «социалисты выполняют свой долг».

Гед не согласился с резолюцией Жореса, утверждая, что войну нельзя предотвратить без свержения капитализма, порождающего войну. Он доказывал, что одновременная всеобщая стачка рабочих всех воюющих стран маловероятна, а попытка ее организовать может помешать мобилизации в той стране, где рабочее движение более развито и, следовательно, всеобщая стачка будет более успешной.

В недели, предшествующие войне, Жорес постоянно выступал с призывами к сотрудничеству с немецкими социалистами, за мирное улаживание разногласий с Германией. Националистические газеты называли его агентом Германии. Начитавшись этих газет, молодой роялист Рауль Виллен решил убить Жореса. 31 июля 1914 г., за день до объявления Германией войны России, он через открытое окно кафе «Круассан» застрелил Жореса, сидевшего там за столиком. Все политические партии выразили возмущение убийством Жореса. Убийца был схвачен и отправлен в тюрьму¹.

Горячими приверженцами всеобщей стачки были французские профсоюзы, объединившиеся в 1895 г. во Всеобщую Конфедерацию труда (ВКТ). Генеральный секретарь ВКТ Леон Жуо и другие лидеры ВКТ руководствовались доктриной анархо-

---

¹ В 1919 г. суд оправдал Виллена, утверждая, что он действовал из патриотических побуждений.

синдикализма, согласно которой профсоюзы являются высшей формой организации рабочего класса, а всеобщая стачка — самым действенным средством борьбы за освобождение рабочих от капиталистической эксплуатации. В программных документах ВКТ, особенно в так называемой Амьенской хартии 1907 г., указывалось, что ВКТ ведет классовую борьбу за «полное освобождение» трудящихся, за ликвидацию системы «наемного труда и предпринимательства», путем «экспроприации капитала». Анархо-синдикалисты отказывались участвовать в политической борьбе и в выборах, считая их только фарсом для обмана трудящихся. Они отдавали предпочтение «прямому действию»: бойкоту, саботажу, забастовкам и, как крайнему средству, — всеобщей стачке. Многие рядовые члены профсоюзов считали себя революционерами, борющимися с властью буржуазии. В ходе различных акций «прямого действия» они нередко вступали в столкновения с полицией и попадали в тюрьму.

Опасаясь, что в случае мобилизации или войны члены профсоюзов и социалисты могут организовать всеобщую стачку и парализовать действия правительства, власти заранее составили список около 3 тыс. активистов профсоюзного и антивоенного движения («Список Б»), подлежащих превентивному аресту в случае войны.

«Священное единение»

28 июля 1914 г., когда Австро-Венгрия объявила войну Сербии, военный министр потребовал немедленно приступить к арестам по «списку Б». Министр внутренних дел радикал Луи Мальви решительно возражал. Зная о настроениях руководства СФИО и ВКТ, он доказывал, что с лидерами профсоюзов и социалистов можно договориться, тогда как их арест чреват очень серьезными последствиями. Правительство согласилось с Мальви, и он тут же послал на места телеграмму с приказом никого не арестовывать по «списку Б».

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, и стало окончательно ясно, что Франция, связанная с Россией договором о взаимной помощи, будет неизбежно втянута в войну. Президент Пуанкаре отдал приказ о всеобщей мобилизации.

Был разгар полевых работ, крестьяне, составлявшие большинство населения Франции, часто не умели читать и не сразу узнали о мобилизации, но вопреки опасениям военных, никаких протестов она не вызвала. На сборные пункты не явились всего лишь 1,5–2% подлежащих мобилизации. Подавляющему большинству французов казалось совершенно естественным, что в случае войны надо защищать свою страну. Проблемы возникли только у социалистов и профсоюзных деятелей, потому что им приходилось выбирать между прежней антивоенной политикой и национальными чувствами. 1 августа 1914 г. в день объявления мобилизации Мальви встретился с Генеральным секретарем ВКТ Жуо и обещал ему освободить профсоюзных активистов, арестованных в довоенное время. Со своей стороны, Жуо сказал, что профсоюзы не будут создавать трудностей для правительства. 2 августа руководители СФИО собрали в Париже совещание для обсуждения вопроса о позиции социалистов в надвигающейся войне. Жореса уже не было в живых, Гед отсутствовал по болезни, а остальные руководители партии, несмотря на прежние обещания ответить на угрозу войны всеобщей стачкой, говорили, что продолжение антивоенной политики невозможно. «Печальная судьба насильно приводит нас к оборонительной войне», — сказал секретарь СФИО Гиацинт Дюбрель. Его поддержали все остальные руководители партии, в том числе зять Маркса Жан Лонге, участник Парижской коммуны Эдуард Вайян, лидер парламентской фракции СФИО Марсель Самба. К ним вскоре присоединился и Жюль Гед.

В тот же день, 2 августа, руководители ВКТ опубликовали призыв «К пролетариям Франции», где говорилось, что усилия по спасению мира оказались тщетными и надо считаться с фактом надвигающейся войны. Это означало, что о всеобщей антивоенной стачке не может быть и речи.

Вечером 3 августа Германия, лживо ссылаясь на то, что «французские отряды» будто бы перешли границу Германии, а французские летчики нарушили нейтралитет Бельгии, объявила войну Франции. Немецкие войска вторглись в Бельгию.

Известие об объявлении войны вызвало во Франции взрыв национальных чувств и готовность «защищать отечество». Во Франции, так же как в Германии и других воюющих странах,

Les Alsaciens et les Lorrains sont Français !

L'œuvre de la Française est de même excellentes. Imprimé par la Française, à Paris, 1914.
 Elle est de même à la Française à la même adresse que les Français, à Paris, 1914.
 En plus de la Française, les Français ont pu être la Française, à Paris, 1914.
 à la Française, les Français ont pu être la Française, à Paris, 1914.
 à la Française, les Français ont pu être la Française, à Paris, 1914.

«Эльзас и Лотарингия —
 французские земли».
 Французский плакат

люди искренне верили, что именно их страна стала жертвой агрессии, именно она ведет справедливую оборонительную войну, борется за правое дело и, несомненно, вскоре победит.

4 августа 1914 г., одновременно с заседанием немецкого рейхстага, в Париже открылась чрезвычайная сессия французского парламента. Депутаты, стоя в полном молчании, выслушали послание президента Пуанкаре, которое зачитал председатель Совета министров. Обвинив Германию и Австро-Венгрию в «грубой и преднамеренной агрессии», Пуанкаре призвал всех французов без различия партий к «священному единению» перед лицом врага. Так же, как депутаты немецкого рейхстага, депутаты французского парламента единогласно и без прений проголосовали за дополнительные военные кредиты и предоставили правительству чрезвычайные полномочия для ведения войны. По воспоминаниям современников, заседание проходило в обстановке небывалого энтузиазма. Все

депутаты — от монархистов до социалистов, демонстрировали готовность к «священному единению». Бывший коммунар социалист Вайян обнимался с бывшим версальцем, монархистом де Мэном.

На улицах Парижа толпы людей провожали солдат, отправлявшихся на фронт. Женщины бросали им цветы, кричали: «В бой на Берлин!»

Жуо, выступая 4 августа на похоронах Жореса, заявил, что профсоюзы будут поддерживать правительство в войне, которая для Франции «является войной за право и республиканскую свободу».

Через несколько дней социалисты по предложению Пуанкаре и Вивиани вошли в состав правительства. Марсель Самба стал министром общественных работ, а Жюль Гед, всю жизнь боровшийся против участия социалистов в буржуазных правительствах, — министром без портфеля. В марте 1915 г. еще один видный социалист, бывший ученик Жореса, Альбер Тома, инженер по образованию, был назначен заместителем военного министра по снабжению, а затем министром вооружения. Жуо вошел в правительственную комиссию по экономике.

Отказ социалистической партии от борьбы против войны и ее участие в буржуазном правительстве вызвали такое недоумение и недовольство рядовых социалистов, что руководству СФИО пришлось оправдываться. 28 августа 1914 г. в центральном печатном органе СФИО — газете «Юманите», которую после убийства Жореса возглавил один из самых рьяных сторонников сотрудничества с правительством Пьер Ренодель, был опубликован Манифест руководства Социалистической партии. Там говорилось: «Если бы речь шла об обыкновенном участии в буржуазном правительстве, то ни наши друзья (вступившие в правительство. — *Прим. В.С.*), ни мы не дали бы своего согласия. Речь идет о будущем нации, о жизни Франции. Партия не знала здесь никаких колебаний».

Во Франции, как и в других воюющих странах, с началом войны произошла перегруппировка политических сил, объединившихся на основе политики «священного единения» и «защиты отечества». Руководство Социалистической партии отrekлось от социалистических принципов, провозглашенных

в резолюциях Второго Интернационала, а сам интернационал распался на враждующие друг с другом партии.

Большевики во главе с Лениным расценили этот факт как измену лидеров Второго Интернационала и их переход на позиции социал-шовинизма.

Во французских газетах развернулась пропагандистская кампания по созданию «образа врага». Германию обвиняли в развязывании войны, в нападении на Бельгию, в разрушении памятников культуры на захваченных территориях, в зверствах по отношению к мирному населению. Публиковались рисунки, на которых немецкий солдат со зверским выражением лица готовится проткнуть штыком маленькую беззащитную девочку. Немцев представляли в виде диких варваров, кровожадных зверей. Постоянно ссылались на то, что немцы сожгли и разграбили богатейшую библиотеку католического университета города Лувен в оккупированной ими Бельгии, подвергли бомбардировке чудо средневекового искусства Реймский собор во Франции.

Особенное возмущение вызвало потопление немецкой подводной лодкой английского пассажирского парохода «Лузитания», в результате чего погибли все его 1196 пассажиров, включая женщин и детей, в том числе 139 граждан тогда еще нейтральной страны — США.

Деятельное участие в разжигании ненависти к врагу приняли виднейшие представители французской интеллигенции: ученые, писатели, артисты. В ответ на манифест 93 выдающихся немецких ученых, заявивших, что если бы Германия не вступила в войну, немецкая культура «была бы стерта с лица земли», ученые всех 5 французских Академий и 13 университетов тоже опубликовали обращение, в котором утверждали, что именно агрессия со стороны Германии угрожает мировой культуре. Знаменитые французские историки Эрнест Лависс и Альфонс Олар уличали Германию в агрессии, утверждали, что Франция должна вернуть себе утраченные после Франко-прусской войны Эльзас и Лотарингию, а заодно и земли по левому берегу Рейна, население которых в прошлом было связано с Францией.

Все это обеспечивало морально-политическое сплочение французского общества вокруг лозунгов «священного единения», защиты отечества и реванша за проигранную в 1870 г. войну.

Осадное положение

С началом войны во Франции были введены в действие старые законы об осадном положении, принятые еще в 1849 и 1878 гг. Согласно этим законам, поддержание общественного порядка возлагалось на военные власти. Они получили право запрещать собрания, демонстрации, забастовки и публикации, способные, согласно официальной терминологии, «нарушить общественный порядок». Военные трибуналы, заседавшие без участия адвокатов, могли судить не только военных, но и гражданских лиц. Была введена цензура печатных изданий. Газеты выходили с белыми пятнами, указывающими, что на их месте должен был находиться запрещенный цензурой текст.

Все выборы откладывались до окончания войны.

Парламент после заседания 4 августа 1914 г. разошелся, и было неясно, когда он вновь соберется.

Власть осуществляло правительство и военное командование, причем главнокомандующий французской армией генерал Жоффри руководил военными действиями самостоятельно, не слишком считаясь с правительством и тем более с парламентом.

Цензура не пропускала никаких сведений об успешном наступлении немецких войск, приближавшихся к Марне, но 30 августа 1914 г. немецкие самолеты впервые бомбардировали Париж, а 2 сентября ошеломленным французам объявили, что правительство переезжает из Парижа в Бордо — крупный город и порт на крайнем юго-западе Франции. Решение об эвакуации правительства было принято по рекомендации Жоффра, который опасался, что его войска не смогут удержать столицу. В ночь с 2 на 3 сентября в крайней спешке, забрав из банка золотой запас, а из архивов — секретные документы, правительство, президент и парламент перебрались в Бордо. Там они оставались почти 4 месяца, вплоть до 22 декабря, когда битва на Марне закончилась победой французов и фронт стабилизировался.

Вернувшись в Париж, парламент возобновил свои заседания и депутаты постарались вернуть ему основные функции: принятие бюджета, формирование правительства, контроль за действиями исполнительной власти и военного командования.

Постепенно в парламенте и в печати стала появляться сначала очень осторожная, а затем и более резкая критика правительства и военного командования — обычно в связи с неудачами на фронте и в тылу. С мая 1915 г. Палата депутатов и Сенат начали устраивать секретные заседания, где депутаты и сенаторы могли свободно критиковать правительство.

Самым яростным критиком был сенатор Жорж Клемансо, один из основателей радикальной партии, прозванный «тигром» за свою энергию, решительность и беспощадность к противникам. Председатель Совета министров в 1906–1909 гг., неутомимый проповедник реванша за поражение Франции во Франко-прусской войне, Клемансо был убежденным республиканцем и антиклерикалом, но в то же время противником революционного рабочего движения. В основанной им газете «Омм либр» («Свободный человек») Клемансо, не стесняясь в выражениях, поносил правительство за непредусмотрительность и неумелое ведение войны, а когда его газета была закрыта цензурой, переименовал ее в «Омм аншене» («Скованный человек») и продолжал свою критику.

Будучи председателем двух важнейших сенатских комиссий — комиссии по военным делам и комиссии по иностранным делам, Клемансо не упускал случая обрушиться на правительство, требуя ведения войны до победного конца, подавления антивоенной пропаганды, возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии и присоединения левого берега Рейна.

Хотя все партии проводили политику «священного единения», правительства были неустойчивыми. За три года — с 1914 по 1917 г. — во Франции сменилось шесть правительств. Дважды их возглавлял Вивиани и дважды его однопартиец, блестящий оратор и ловкий дипломат, «независимый социалист» Аристид Бриан — один из самых опытных французских политиков, который до этого уже успел четыре раза побывать премьер-министром¹.

---

¹ В последующие годы Бриан еще пять раз был премьер-министром. В общей сложности он возглавлял правительство 11 раз и 25 раз был министром, в том числе 14 раз министром иностранных дел — недостижимый рекорд даже для Франции.

Военно-государственный капитализм

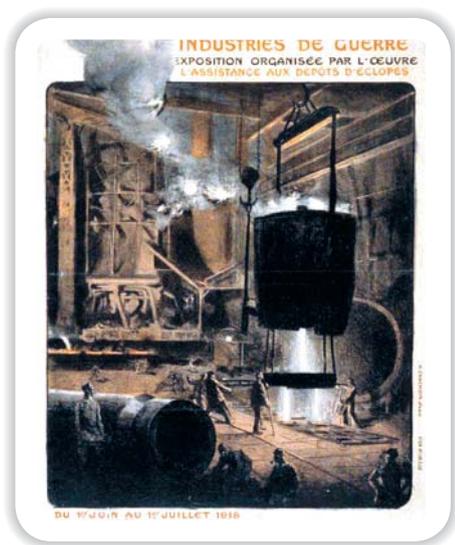
Ход событий опроверг довоенные представления о том, что война будет короткой и ее можно вести за счет довоенных запасов боеприпасов, сырья и продовольствия. Как и другим воюющим странам, Франции пришлось перестраивать свою экономику на военный лад при помощи государства.

Положение осложнялось тем, что уже в августе-сентябре 1914 г. Германия оккупировала 10 наиболее развитых в промышленном отношении северных и восточных департаментов Франции и удерживала их до конца войны. В довоенное время на их долю приходилось более 80% выплавки чугуна, свыше 60% выплавки стали, около 50% добычи каменного угля, 50% сбора сахарной свеклы, примерно 20% сбора пшеницы. В оккупированных департаментах находились крупные предприятия металлообрабатывающей, химической и текстильной промышленности.

Чтобы восполнить урон, причиненный немецкой оккупацией северо-восточных департаментов, правительство финансировало строительство новых промышленных предприятий и расширение посевов сельскохозяйственных культур в центральных и юго-западных районах Франции.

Потребности войны вынудили правительство ввести монополию на внешнюю торговлю и операции с иностранной валютой. Обмен бумажных денег на золото запретили. Железные дороги и торговый флот перешли под контроль государства. Оно в невиданных ранее размерах закупало у частных фирм сырье, продовольствие и другие товары по высоким «военным ценам», в массовом порядке импортировало их из США и Великобритании.

Правительство устанавливало цены и заработную плату, распоряжалось рабочей силой. Часть квалифицированных рабочих и техников была отозвана из армии и направлена в военную промышленность. Рабочий день увеличили до 10–12 часов. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины, старики, подростки. Были созданы государственные комитеты и комиссии из правительственных чиновников, крупнейших банкиров и предпринимателей, которые распределяли военные заказы, сырье, правительственные кредиты и субсидии. Их руководи-

*Военная промышленность.
Французский плакат*

телями обычно были финансисты и промышленники, имевшие связи в правительственных кругах. Так, собственник знаменитых предприятий по производству вооружения, «пушечный король» Евгений Шнейдер координировал производство вооружения, магнат электротехнической промышленности Эрнест Мерсье занимался заказами на электрооборудование, владелец автомобильных заводов Луи Ситроен ведал производством артиллерийских снарядов и распределением сырья для промышленности. Это в огромной степени усиливало роль и влияние крупнейших монополистических объединений и связанных с ними получателей крайне выгодных военных заказов.

Потребление продовольственных товаров, угля, бензина постепенно ограничивалось, хотя гораздо медленнее, чем в Германии, и другими методами. Только в январе 1917 г. были введены ограничения на покупку угля, сахара и картофеля. Кондитерские магазины были закрыты два дня в неделю, мясные лавки — два, потом три дня в неделю.

В январе 1918 г. ввели наконец карточки на хлеб — по 300 г в день на человека. Запретили продажу бензина для частных автомобилей.

Огромные государственные расходы покрывались повышением налогов, внутренними и внешними займами и выпуском ничем не обеспеченных бумажных денег. За годы войны количество бумажных денег увеличилось в 6 раз по сравнению с довоенным уровнем, задолженность государства по внутренним займам — в 2,5 раза, по внешним займам — еще больше.

Экономическое положение Франции было лучше, чем положение Германии, блокированной англо-французским флотом, но оно все же стало очень тяжелым. За годы войны цены выросли в 4 раза, далеко обогнав увеличение заработной платы. Снабжение продовольствием было недостаточным. Товары первой необходимости исчезли из продажи. Появились большие очереди. Возник «черный рынок», обогащавший спекулянтов.

Рабочее и антивоенное движение

Война и политика «священного единения» привели к упадку рабочего и антивоенного движения. Из-за мобилизации распались многие организации Социалистической партии и профсоюзов. Забастовки стали крайне редкими и только экономическими. С августа по декабрь 1914 г. произошли лишь 17 небольших стачек, в которых в общей сложности участвовало менее 1 тыс. рабочих.

Антивоенное движение почти прекратилось. Многие его участники считали, что во время войны надо защищать отечество; остальные не решались открыто высказывать антивоенные взгляды, опасаясь прослыть пораженцами.

В первые месяцы войны только писатель Ромен Роллан, поселившийся в Швейцарии, выступал там в печати со статьями (вошедшими в 1915 г. в книгу «Над схваткой»), призывая интеллигенцию Европы объединиться против войны. Однако непредвиденно длительная и тяжелая война с ее огромными потерями и бедствиями, которых раньше никто не ожидал, привела к возрождению антивоенных настроений. В некоторых профсоюзах и отдельных федерациях Социалистической партии постепенно сложилось антивоенное меньшинство, наиболее видными фигурами которого были руководители профсоюзов металлистов и бочаров Альфонс Мергейм и Альбер Бурдерон, а в Социалистической партии — зять Маркса Жан Лонге.

В сентябре 1915 г. Мергейм и Бурдерон вопреки руководству ВКТ отправились в Швейцарию для участия в Циммервальдской конференции, где — впервые за время войны — встретились социалисты и пацифисты из обеих воюющих коалиций. Мергейм и Бурдерон отказались присоединиться к представленной Лениным резолюции «циммервальдского меньшинства», которая называла войну империалистической, призывала к превращению ее в гражданскую и к революционному свержению власти буржуазии. Резолюция «циммервальдского меньшинства» клеймила «измену» лидеров Второго интернационала, обвиняла их в социал-шовинизме, предлагала порвать с ними и основать новый, революционный Третий интернационал.

Вместе с большинством участников Циммервальдской конференции Мергейм и Бурдерон подписали манифест «К пролетариату Европы» с призывом бороться за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций; не голосовать за военные кредиты и не участвовать в буржуазных правительствах.

Руководство Социалистической партии осудило «двух граждан», которые встретились с социалистами из вражеских государств. Руководимая Реноделем «Юматине» назвала их пораженцами, но Мергейм и Бурдерон продолжали антивоенную пропаганду. Мергейм по преимуществу действовал в профсоюзах, а Бурдерон, являвшийся членом Социалистической партии, еще и среди социалистов. Они написали брошюру «Почему мы поехали в Циммервальд» с изложением решений циммервальдского большинства. Мергейм напомнил их содержание в редактируемой им газете в форме «Письма к подписчикам». Бурдерон выступил на собрании федерации Социалистической партии в столичном департаменте Сены, требуя выхода социалистов из правительства и отказа от голосования за военные кредиты. Представленная им резолюция собрала всего 76 голосов, а резолюция в поддержку руководства СФИО — 2732 голоса, но это показывало, что в Социалистической партии, как и в ВКТ, складывается левое, пацифистское антивоенное меньшинство.

В январе 1916 г. Мергейм и Бурдерон основали «Комитет по восстановлению международных связей», который занял

ся установлением контактов с социалистами и пацифистами разных стран. Председателем комитета сначала был Мергейм, а потом революционно настроенный левый социалист Фернан Лорио — через несколько лет он стал одним из основателей французской компартии. В комитет входили разные люди, в том числе находившаяся в эмиграции во Франции большевичка Инесса Арманд, которая пропагандировала идеи Ленина.

В 1916 г. тяжелейшие сражения под Верденом и на Сомме привели к усилению антивоенных и антиправительственных настроений. В апреле 1916 г. в Швейцарии в местечке Кинталь собралась вторая Циммервальдская (Кинтальская) международная конференция социалистов, обсуждавшая вопрос об отношении пролетариата к проблеме мира. Мергейм и Бурдерон не смогли туда попасть, потому что правительство отказалось выдать им необходимые для такой поездки заграничные паспорта. Зато на Кинтальскую конференцию в частном порядке, не считаясь с руководством СФИО, приехали три депутата-социалиста: Пьер Бризон, Александр Блан и Раффарен Дюжан. Так же, как раньше Мергейм и Бурдерон, они отказались присоединиться к руководимому Лениным «Циммервальдскому меньшинству», но подписали принятое большинством делегатов обращение «К разоряемым и умерщвляемым народам», призывая социалистов Европы не участвовать в буржуазных правительствах и не голосовать за военные кредиты. Вернувшись во Францию, все трое «кинталцев» проголосовали против военных кредитов. Это первое за годы войны антивоенное голосование произошло в июне 1916 г. — через полтора года после аналогичного голосования Карла Либкнехта в немецком рейхстаге.

Лонге отмежевался от «кинталцев», заявив, что он по-прежнему будет голосовать за военные кредиты. В результате наметился разрыв между центристами, которые следовали за Лонге, и более левыми противниками правительства, самым видным деятелем которых был тогда Бризон.

Состоявшийся в августе 1916 г. съезд Социалистической партии осудил «опасный уклон к Кинталю», но резолюция, представленная «кинталцами» и сторонниками Лонге, собрала 1081 голос против 1850 голосов, поданных за резолюцию

руководства СФИО. Это было уже очень значительное меньшинство. По подсчетам русского посла в Париже, более трети делегатов съезда являлось сторонниками созыва международного социалистического конгресса для обсуждения вопроса о мире.

Бризон стал издавать еженедельную газету «Ля Ваг» («Волна»), которая популяризовала идеи кинтальского большинства и получила широкое распространение. Выступая в сентябре 1916 г. в парламенте, Бризон вызвал скандал, когда воскликнул: «Долой войну! Можно и должно начать переговоры!» (о мире с Германией. — *Прим. В.С.*). Бризону не дали продолжать речь, согнали с трибуны, исключили из парламента на несколько заседаний, но мысль о необходимости кончать войну все глубже проникала в сознание французов.

Большое воздействие на общественное мнение оказал антивоенный роман писателя-фронтовика Анри Барбюса «Огонь» с подзаголовком «Дневник взвода». Барбюс без прикрас показал тяжелую участь солдат в окопах, их ненависть к войне, цели которой им чужды и непонятны. Для них реальность войны — это «целые равнины мертвецов и реки крови».

Бесконечно продолжавшаяся кровопролитная война заставляла задуматься о том, каковы ее цели. Правительство отвечало на этот вопрос неохотно и уклончиво, не желая связывать себе руки на будущее.

Вивиани в декабре 1914 г. говорил, что целью Франции в войне является «восстановление оскорбленного права», возвращение «провинций, которые были вырваны силой» (то есть Эльзаса и Лотарингии. — *Прим. В.С.*), обезвреживание «прусского милитаризма». Многие правые националисты высказывались более определенно. Глава «Лиги патриотов», известный писатель, академик Морис Баррес с начала 1915 г. развернул кампанию в печати, доказывая, что безопасность Франции требует ее возвращения к «естественной границе» по Рейну, то есть присоединения к Франции не только Эльзаса и Лотарингии, но и всего левого берега Рейна. Генеральный секретарь «Комите де Форж» (объединения французских предпринимателей) Р. Пино предложил дополнительно передать Франции и богатый углем Саар.

Президент Пуанкаре в мае 1916 г. заявил, что нельзя удовлетворяться тем, чтобы добиться от Германии «мира, который оставил бы ей возможность возобновить войну и представлял бы вечную угрозу для Европы». Речь, следовательно, шла не только об аннексии, но и о расправе с побежденной Германией. Это вызвало протесты сторонников мира, прежде всего в Социалистической партии, где быстро росло влияние антивоенного меньшинства. В августе 1916 г. руководство Социалистической партии потребовало от правительства публичных заверений в том, что Франция не стремится к территориальным захватам, и война с ее стороны носит освободительный характер. Парламентская фракция СФИО обратилась с таким требованием лично к премьер-министру Бриану, но тот отделался общими фразами о демократических и гуманистических идеалах Франции.

Национальный съезд Социалистической партии, состоявшийся в декабре 1916 г., ознаменовался значительным усилением меньшинства. Его резолюция собрала 1348 голосов, тогда как резолюция большинства — 1602. Меньшинство обзавелось собственным печатным органом — газетой «Попюлер», которая выступала против захватнического мира и против участия социалистов в правительстве.

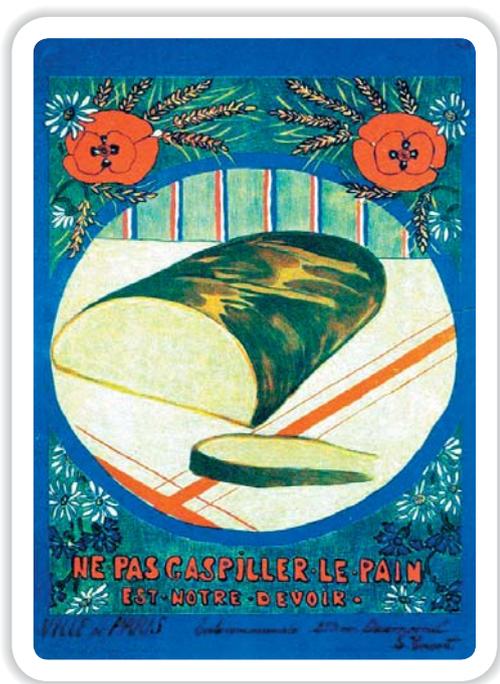
Часть буржуазных политиков, по преимуществу из левых радикалов, тоже желала закончить войну компромиссным миром — «без победителей и побежденных». Негласным лидером этой группы являлся давний соперник Пуанкаре, председатель радикальной партии, бывший премьер-министр и неоднократно министр финансов, влиятельный парламентарий Жозеф Кайо. Он был убежден, что продолжение войны чревато революцией, которая приведет к краху не только Францию, но и всю Европу, а потому необходим компромиссный мир с Германией и ее союзниками. В частных разговорах Кайо давал понять, что приветствовал бы заключение такого мира с Германией и последующее сотрудничество с ней. В течение 1915–1916 гг. вокруг Кайо сложилась группа единомышленников, в которую, в частности, входил министр внутренних дел Мальви. Ходили слухи, что им симпатизирует сам премьер-министр Бриан.

Антивоенные настроения еще более усилились после того, как Германия и ее союзники, разгромив вступившую в войну на стороне Антанты Румынию, 12 декабря 1916 г. объявили, что готовы приступить к мирным переговорам, а президент США Вудро Вильсон запросил правительства воюющих стран, на каких условиях они были бы согласны закончить войну. Правительства Антанты ответили Вильсону (но не Германии), что не намерены вступать в мирные переговоры с центральными державами. Тем не менее вопрос о мире был официально поставлен на межгосударственном уровне и стал главным вопросом французской и мировой политики. Во французских правящих кругах и во всем французском обществе начали складываться противостоящие друг другу группировки: группировка сторонников ведения войны до полной победы и группировка сторонников скорейшего окончания войны компромиссным миром.

Политический кризис

Подъем антивоенного движения, разногласия относительно ведения войны и условий мира привели к падению правительства Бриана. На секретном заседании Палаты депутатов 7 декабря 1916 г. депутаты разных партий внесли 18 резолюций с критикой правительства. Его упрекали в слабости, медлительности, непредусмотрительности. Против правительства проголосовали 160 депутатов, в том числе 43 социалиста, хотя Социалистическая партия все еще участвовала в правительстве. Правительство поддержали 344 депутата, и Бриан сохранил свой пост, но был вынужден реформировать правительство. Он оставил только 10 министров (вместо прежних 23). Гед и Самба потеряли свои министерства, однако Социалистическая партия осталась в правительственной левоцентристской коалиции. Бриан уволил излишне самостоятельного главнокомандующего французской армией генерала Жоффра (подставив отставку присвоением маршальского звания). Жоффра сменил ничем особенно не отличившийся, но пользовавшийся поддержкой Пуанкаре генерал Робер Нивельль.

Новое правительство Бриана существовало недолго. Когда на очередном секретном заседании Палаты депутатов 14 марта

«Экономь хлеб!»
Французский плакат

1917 г. обсуждался вопрос о состоянии военной авиации, военный министр генерал Лиотэ сказал, что он не будет касаться технических данных французских самолетов, потому что это рискованно. Такой намек на связь некоторых депутатов с немецкими шпионами вызвал бурное негодование парламентариев. Лиотэ сошел с трибуны и через 15 минут подал заявление об отставке. За его отставкой последовала отставка всего правительства. 20 марта 1917 г. председателем Совета министров вместо Бриана стал Александр Рибо — многоопытный политик, видный деятель Демократического альянса, который занимал пост министра финансов в правительстве Бриана, а до этого уже четыре раза был премьер-министром.

Правительство Рибо оставалось у власти меньше шести месяцев (с 20 марта по 7 сентября 1917 г.), но это были месяцы, насыщенные событиями большого исторического значения. В это время произошла Февральская революция в России, США

вступили в войну на стороне Антанты, окончилось провалом наступление англо-французских войск на Западном фронте, во Франции начались стихийные мятежи в армии и забастовки в тылу.

Прежде всего правительству Рибо пришлось столкнуться с проблемами, вызванными Февральской революцией в России. Приходившие во Францию во время переговоров о формировании правительства первые известия о свержении монархии, образовании Временного правительства, которое ввело в России все демократические свободы и объявило о своем стремлении к демократическому миру, а также сведения о создании Советов депутатов трудящихся и «братании» русских и немецких солдат вызвали энтузиазм левых организаций и революционно настроенных рабочих.

1 мая 1917 г. Всеобщая конфедерация труда выпустила воззвание, приветствовавшее русскую революцию. Федерация металлистов заявила: «Мы сумеем, если потребуется, объединиться с нашими русскими и немецкими товарищами, чтобы выступить единым фронтом с трудящимися всего мира против захватнической войны».

Комитет по восстановлению международных связей организовал митинг солидарности с русской революцией, где собралось около 10 тыс. человек. В принятой на митинге резолюции говорилось: «Революция в России — сигнал к мировой революции».

Руководство СФИО, как и внутрипартийное меньшинство, приветствовал Февральскую революцию, правда с разных позиций. Руководство выразило уверенность, что «союз России с западными демократиями стал еще теснее» и вместе они доведут войну «за освободительные идеалы» до победного конца. «Меньшинство» увидело в Февральской революции «стремление к возможно более скорому общему миру».

Учитывая общественные настроения и позицию социалистов, которых оно желало удержать в правительственном меньшинстве, правительство Рибо тоже приветствовало русскую революцию. Выступая 21 марта 1917 г. с правительственной декларацией, Рибо пожелал, чтобы революция в России послужила «примером для других» (очевидно, имея в виду Германию

и Австро-Венгрию). Поскольку Временное правительство России вслед за Советом рабочих и солдатских депутатов заявило, что его цель «не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов», Рибо счел нужным сказать, что и Франция отвергает «цели господства и захвата»; она намерена «подготовить длительный мир на основе уважения прав и свобод народов». При этом Рибо подчеркнул, что его правительство считает необходимыми «реституции, репарации и гарантии», то есть отказывается от мира «без аннексий и контрибуций». Социалисты потребовали, чтобы правительство присоединилось к тем условиям мира, которые были выдвинуты Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, но Рибо категорически отказался. Он говорил, что присоединение к Франции Эльзаса и Лотарингии не аннексия, а историческая «реституция», а уплату репараций побежденной Германией нельзя считать контрибуцией.

За доверие правительству высказалось 440 депутатов. Против никто не голосовал, но часть депутатов (в основном социалисты) воздержались.

Несмотря на приветствия в адрес русской революции, правительство Рибо было встревожено возникновением советов и фактом «братания» русских и немецких солдат. Оно опасалось, что Россия может заключить сепаратный мир с Германией, и тогда все силы немецкой армии двинутся на Францию. Только получив заверения Временного правительства о том, что оно намерено «довести войну до победного конца», «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнять заключенные союзниками соглашения», Франция, Великобритания и США признали Временное правительство России.

Не ожидая обещанного Временным правительством наступления на Восточном фронте и прибытия на Западный фронт американских войск, Франция и Великобритания решили предпринять наступление на Западном фронте, чтобы уничтожить главные силы немецкой армии и завершить войну победой. Англо-французское наступление под общим командованием Нивелля началось 7 апреля 1917 г. (на следующий день после

Атака французской пехоты во время наступления Нивелля

объявления войны Германии со стороны США) и, несмотря на большой перевес сил, через несколько дней окончилось неудачей. Понеся огромные потери в людях и технике, англо-французские войска не смогли прорвать немецкую оборону. Безуспешная «Бойня Нивелля», как ее окрестили солдаты, вызвала бурную реакцию во Франции. Несколько воинских частей взбунтовались. Они отказались идти на передовую линию фронта, потребовали дать им отдых, улучшить снабжение, прекратить придирки офицеров. Солдаты размахивали красными флагами, пели «Интернационал», кричали «Мир! Долой войну!», намеревались захватить поезд и двинуться на Париж, чтобы расправиться с виновниками войны.

Взбунтовались и солдаты находившегося во Франции русского экспедиционного корпуса, которые участвовали в наступлении Нивелля и понесли тяжелые потери, доходившие до 70% личного состава.

В общей сложности волнения охватили 75 пехотных и 12 артиллерийских полков; в них участвовало примерно 30–40 тыс. человек. В той или иной мере были затронуты до 2/3 дивизий французской армии.

На фронте и в тылу распространялись антивоенные листовки под названием «10 заповедей солдата». Главная, 10-я заповедь гласила: «Кончить войну до зимы. Немедленный мир без аннексий и контрибуций. Отправить на фронт депутатов, сенаторов и журналистов, проповедующих войну до победного конца».

Тираж издаваемой Бризоном пацифистской газеты «Ля Ваг» достиг 300 тыс. экземпляров. В газетах публиковались письма с протестами против «отвратительной бойни». В парламенте усилилось влияние сторонников компромиссного мира «без победителей и побежденных». Пуанкаре считал, что к осени 1917 г. «по крайней мере треть депутатов желала бы мира, хотя и не осмеливалась об этом сказать».

Одновременно с солдатскими мятежами поднялась волна забастовок и демонстраций, которых не было в первые годы войны. В 1917 г. бастовало около 300 тыс. рабочих — в 300 раз больше, чем в 1914 г. В Париже женщины вышли на демонстрацию, требуя вернуть солдат домой и отправить на фронт богачей и спекулянтов, нажившихся на военных поставках. Забастовки охватили многие города, в том числе Руан, Лион, Нант, Тулузу.

В правящих кругах были встревожены подъемом антивоенного и революционного движения, порой его даже преувеличивали. Так, например, видный политический деятель Абель Ферри в июле 1917 г. записал в своем дневнике: «В Париже начались восстания. Во многих крупных городах началось революционное движение. В поездах отпускники из армии поют «Интернационал». Это стихийно возникшая анархия. Мы придем к миру через революцию».

Военное командование предложило вывести на улицы войска, закрыть помещения профсоюзов, запретить собрания рабочих, но Мальви, остававшийся министром внутренних дел, отказался прибегнуть к таким мерам. Выступая 24 мая 1917 г. в парламенте, он заявил, что будет «оказывать доверие рабочим организациям», то есть руководителям ВКТ, которые пользовались авторитетом у стачечников. «Политике недоверия к миру труда я предпочел политику доверия к его руководителям», — вспоминал Мальви. Парламентская фракция радикалов, в ко-

тору входил Мальви, как и фракция социалистов, поддержали его действия.

На секретных заседаниях Палаты депутатов 1–4 июня 1917 г. социалисты заявили, что они не поддерживают политику репрессий против рабочих и их организаций. Зато Демократический альянс — другая часть левоцентристской коалиции — потребовал «сурового наказания» для организаторов забастовок и антивоенной пропаганды.

Таким образом, к разногласиям по проблемам войны и мира прибавились разногласия по отношению к рабочему и антивоенному движению.

Противоречия в левоцентристской коалиции еще более обострились в связи с казалась бы незначительным эпизодом. Некоторые социал-демократы нейтральных стран готовили международную конференцию социалистов в Стокгольме с целью обсуждения путей установления мира. Социалистическая партия хотела принять в ней участие, а правые партии, считавшие Стокгольмскую конференцию «крупной австро-германской пацифистской интригой», категорически возражали против каких-либо встреч с представителями вражеских государств.

Когда социалисты запросили необходимые для поездки в Стокгольм заграничные паспорта, Рибо отказался их выдать, заявив в Палате депутатов, что такая поездка грозит «дезорганизацией общественного мнения и армии». Тогда часть депутатов-социалистов проголосовала против резолюции доверия правительству Рибо. В политике «священного единения» появилась глубокая трещина. Сменивший Нивелля новый главнокомандующий французской армией генерал Филипп Петэн, прославившийся успешной обороной Вердена, сумел справиться с солдатскими мятежами, сочетая репрессии с уступками. Он отказался вести наступление, улучшил снабжение, сместил наиболее ненавистных офицеров, стал предоставлять фронтовикам регулярные отпуска для отдыха в тылу. В то же время Петэн предал суду военных трибуналов около 3,5 тыс. взбунтовавшихся солдат. 554 из них были приговорены к смертной казни, остальные — к разным срокам тюремного заключения.

К концу лета мятежи в армии прекратились, но разногласия в правящих кругах остались. Монархисты из «Аксьон фран-

сэз» и другие правые националисты упрекали правительство Рибо в неумении или нежелании покончить с забастовками и антивоенной пропагандой, которую они считали делом рук немецких агентов. Главной мишенью они избрали Мальви, обвиняя его в потакании забастовщикам и в пораженческих настроениях. К монархистам присоединился «твердый республиканец» и яростный сторонник войны до полной победы Жорж Клемансо. После секретных заседаний Палаты депутатов и Сената в июне-июле 1917 г. Клемансо выступил в Сенате публично, чтобы, как он сказал, «обратиться ко всей стране». Ссылаясь на многочисленные примеры антивоенной агитации, Клемансо заявил, что действия Мальви в качестве министра внутренних дел «совершенно недостаточны с точки зрения терпимости к вылазкам банды антипатриотов, подвергших Францию опасности». Клемансо добавил: «Я обвиняю вас в том, что вы предали интересы Франции». Последняя фраза не вошла в официальную публикацию речи Клемансо, но его выступление приобрело широкую известность и окончательно превратило Клемансо в вождя всех сторонников беспощадной войны до победы. Вскоре полиция обвинила редактора пацифистского журнала «Бонне руж» в получении денег из Германии и арестовала его. Ранее имевший с ним контакты, Мальви 31 августа 1917 г. подал в отставку. Подвергавшееся постоянной критике слева и справа, раздираемое внутренними противоречиями, правительство Рибо 7 сентября 1917 г. ушло в отставку.

12 сентября 1917 г. пост председателя Совета министров занял бывший военный министр в правительстве Рибо, известный ученый-математик, близкий к радикалам, Поль Пенлеве. Он считал, что нужно создать правительство, в котором «были бы представлены все партии — от крайне левых до наиболее передовых правых», но социалисты впервые с сентября 1914 г. отказались участвовать в правительстве. Левоцентристская коалиция распалась. Политике «священного единения» был нанесен серьезный удар.

Не имевшее прочного большинства в парламенте, правительство Пенлеве продержалось всего два месяца (с 19 сентября по 13 ноября 1917 г.). Неудачи на фронтах, особенно

разгром армии Италии — союзницы Франции, в сражении при Капоретто, а затем победа Октябрьской революции в России привели к его отставке.

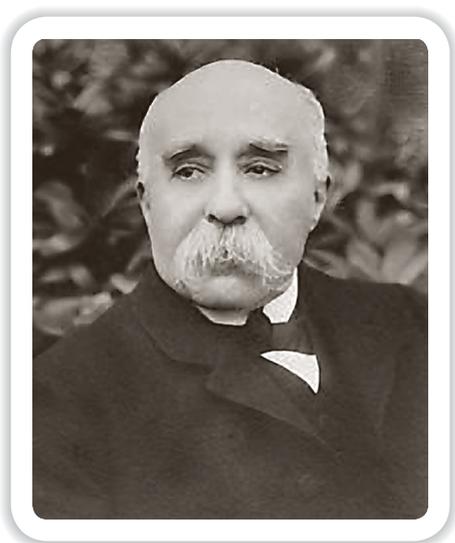
Правительство Клемансо

13 ноября 1917 г. — через неделю после победы Октябрьской революции в России — французское правительство возглавил 76-летний Жорж Клемансо. Представляя парламенту свое правительство, Клемансо сказал: «Я выступаю перед вами с единственным помышлением о ничем не ограниченной войне. Всех пораженцев — к военному суду. Никакой пацифистской кампании! Ни измены, ни полуизмены! Мой девиз: везде я веду войну, во внутренней политике я веду войну, во внешней политике я веду войну. Я продолжаю вести войну и буду продолжать вести ее до последних минут, которые будут принадлежать нам».

Клемансо отказался от обычной для его предшественников практики составлять правительство из самых заслуженных, хотя и не всегда согласных с премьером ведущих политиков. Он предоставил важнейшие министерские посты не очень известным, но безоговорочно принимавшим его руководство людям или просто своим друзьям. Являясь председателем Совета министров, Клемансо был одновременно военным министром. Министерством иностранных дел руководил его друг Стефан Пишон. Министром внутренних дел Клемансо назначил малоизвестного сенатора Жюля Памса, а сам направлял его деятельность через своих сотрудников. Кроме того, парламент предоставил Клемансо чрезвычайные полномочия в деле организации промышленности и торговли. Фактически в руках Клемансо оказались все важнейшие рычаги управления государством.

Социалисты отказались войти в правительство Клемансо, но он договорился с руководством СФИО, что три социалиста займут руководящие посты в министерствах сельского хозяйства, торгового флота и управления по набору колониальных войск в качестве специалистов. Многие депутаты-социалисты продолжали голосовать за правительство Клемансо в парламенте. Таким образом, было отчасти восстановлено «священ-

Жорж Клемансо
(1841–1929)

ное единение», которое стали называть «национальным единством».

Получив при формировании правительства прочное большинство — 418 голосов против 65 (в основном социалистов), Клемансо единолично принимал все главные решения. Заседания правительства стали редкими и по большей части формальными. Если в парламенте начинали проявлять недовольство, Клемансо ставил вопрос о доверии правительству, повторяя, что он ведет войну и готов нести полную ответственность за свои действия.

Большинство депутатов неизменно голосовало за доверие Клемансо, и его правительство оставалось у власти более двух лет, вплоть до конца войны и в первые послевоенные годы (до 18 января 1920 г.). Современники (а за ними многие историки) писали о «диктатуре Клемансо», но это преувеличение. Клемансо обладал властным характером, часто навязывал свою волю окружающим, но он не пытался ограничить полномочия парламента и деятельность оппозиционных партий. Клемансо руководил страной не как единоличный диктатор, а как авторитетный лидер военного времени, пользовавшийся поддержкой

не только парламента, но и большинства населения, которое видело в Клемансо вождя, способного привести Францию к победе.

Одним из первых — в значительной степени демонстративных — действий Клемансо было преследование высокопоставленных «пораженцев», к числу которых он относил в первую очередь Кайо и Мальви. Обвинив их в намерении заключить компромиссный мир с Германией, Клемансо добился от парламента согласия на их арест и предание суду. Обоим предъявили обвинение в сношениях с врагом, в подготовке сепаратного мира и в измене. Особых доказательств не требовали. В 1918 г. Мальви был приговорен к изгнанию из Франции сроком на пять лет. Суд над Кайо затянулся на несколько лет из-за слабости доказательств и желания Клемансо держать в тюрьме ненавидимого им Кайо. Только в апреле 1920 г. суд приговорил Кайо к 3 годам тюрьмы, 10 годам лишения гражданских прав, 5 годам изгнания из Франции¹.

Эти процессы и процессы менее значительных лиц, обвиненных в измене и шпионаже, привели к резкому сокращению антивоенной пропаганды, но пацифистские настроения все же не исчезли, а в профсоюзах и в Социалистической партии даже усилились. На заседании Национального Совета СФИО в июле 1918 г. прежнее руководство оказалось в меньшинстве, а на чрезвычайном съезде Социалистической партии 7 и 8 октября 1918 г. к руководству партией пришло прежнее центристское меньшинство во главе с Лонге. Оно призывало к миру, заявляло о своей солидарности с Советской Россией, но в то же время приветствовало президента Вильсона.

В области внешней политики правительства Клемансо, помимо укрепления связей с Великобританией, уделяло главное внимание отношениям с Советской Россией и Соединенными Штатами Америки.

После победы Октябрьской революции советское правительство обратилось к правительствам и народам воюющих стран с предложением немедленно заключить демократиче-

---

¹ В 1924–1925 гг. Мальви и Кайо вернулись во Францию по амнистии и были реабилитированы. Оба они стали сенаторами. Мальви еще раз был министром внутренних дел, а Кайо три раза — министром финансов.

ский мир без аннексий и контрибуций. Советские предложения настолько отвечали настроениям измученных войной народов, что вызвали симпатию во всех воюющих странах, в том числе и во Франции. Так, например, на национальной конференции ВКТ в декабре 1917 г. была внесена резолюция, в которой говорилось: «Эти предложения являются для всех стран — участников конфликта базой, на основе которой народы должны проводить политику мира, а в случае необходимости — заставить свои правительства следовать этой политике».

Английское и французское правительства даже не ответили на советское предложение, и тогда советское правительство 15 декабря 1917 г. подписало соглашение о перемирии с Германией и ее союзниками, а 3 марта 1918 г. заключило сепаратный мирный договор с Центральными державами.

С точки зрения Клемансо, это был удар в спину бывшим союзникам России потому, что Восточный фронт перестал существовать и Центральные державы могли сосредоточить свои силы на Западном фронте.

Франция и Англия отказались признать Советскую Россию. Они не признали Брест-Литовский мирный договор, так же как и Бухарестский мирный договор, заключенный 7 мая 1918 г. побежденной Румынией с Германией и ее союзниками. Правительство Клемансо стало одним из главных организаторов антисоветской интервенции.

Весной и летом 1918 г., когда Германия, заключив Брестский мир и перебросив свои главные силы на Запад, предприняла четыре мощных наступления на Западном фронте, Клемансо проявил большую стойкость и силу духа. В марте 1918 г., когда немецкие войска снова вышли к Марне и Петэн предложил правительству опять уехать из столицы, Клемансо решительно отказался. Часть депутатов потребовала сместить командующих французскими войсками генералов Петэна и Фоша, но Клемансо поддержал их и оставил командовать войсками, несмотря на неудачи.

Стремясь упрочить союз с США и обеспечить максимальное участие в войне американских войск, Клемансо тем не менее не разделял официальных американских целей войны, сформулированных президентом Вильсоном в его «14 пунктах».

Ни Франция, ни Англия не присоединились к ним, считая, что «14 пунктов» слишком напоминают советский декрет о мире и могут связать им руки на будущей мирной конференции. Действительно, «14 пунктов», опубликованные Вильсоном в январе 1918 г., содержали ряд пунктов, которые можно было истолковать как отказ от заключенных Англией и Францией тайных договоров и как признание мира без аннексий и контрибуций¹.

Приветствуя прибытие во Францию американских войск, численность которых летом 1918 г. достигла около 1 млн человек, Клемансо добился назначения Фоша главнокомандующим объединенными войсками Франции, Англии и США на Западном фронте. В августе 1918 г. войска союзников под командованием Фоша начали наступление, которое в конечном счете привело к поражению Германии.

4 октября 1918 г. правительство Германии обратилось к Вильсону с просьбой о немедленном перемирии и мире на основе «14 пунктов». Для согласования условий перемирия с союзниками Вильсон направил в Париж своего советника и личного друга полковника Эдварда Хауза.

Во время встречи с Хаузом Клемансо, Ллойд Джордж и премьер-министр Италии В. Орландо заявили, что «14 пунктов» с ними не согласовывались, их содержание неясно и они могут связать союзникам руки во время будущих мирных переговоров. В частности, Клемансо заметил, что дипломатические переговоры немыслимы без сохранения тайны, а один из 14 пунктов предполагает отказ от тайной дипломатии. По свидетельству Хауза, Клемансо, не скрывая иронии, сказал: «Я хочу знать, что это за 14 пунктов», — а министр иностранных дел Италии «не слишком приятным тоном» добавил: «И еще пять, и другие еще».

Даже представленный Хаузом подробный комментарий ко всем «14 пунктам», который переводил велеречивые пропаган-

---

¹ Так, первый пункт обещал «открытые договоры о мире, достигнутые открытым путем, после которых не должно быть никаких тайных международных соглашений, и дипломатия всегда должна будет действовать откровенно и гласно». В сопровождавших «14 пунктов» пяти условиях говорилось, что будущий мир не должен содержать «аннексий, контрибуций и карательных возмещений», а «народы и области не должны быть предметом размена между государствами, как скот или пешки в шахматной игре».

дистские фразы на язык реальной политики, не удовлетворил его собеседников. Только пригрозив выступить в Конгрессе США с публичным сообщением о разногласиях среди союзников, Вильсон добился их согласия на переговоры о перемирии. Оно было подписано 11 ноября 1918 г. в штабном вагоне маршала Фоша. «Я 47 лет (с момента капитуляции Франции в 1871 году. — Прим. В.С.) ждал этой минуты», — сказал Клемансо, получив от Фоша известие о подписании перемирия.

Когда в Париже узнали о перемирии, означавшем победу и конец войны, огромные толпы хлынули на улицы. Звонили колокола всех парижских церквей, гремели залпы артиллерийских салютов, играла музыка. Незнакомые люди обнимались, целовались, пели, плясали, порой плакали от радости.

Итоги войны оказались очень тяжелыми для Франции. По официальным данным, из 8660 тыс. человек мобилизованных в армию с 1914 по 1918 г. в боях участвовало около 5 млн человек, и 1 357 800 из них (27%) погибли. Около 3 млн было ранено. Кроме того, погибло более 200 тыс. мирных жителей и примерно 400 тыс. умерло от эпидемии вирусного гриппа («испанки»).

В абсолютных цифрах потери Германии были выше (около 2 млн человек), но поскольку ее население (почти 68 млн человек в 1914 г.) было значительно больше, чем население Франции (39 млн человек), количество погибших на тысячу жителей во Франции гораздо больше, чем в Германии, и больше, чем в любой другой великой державе, за исключением России.

ГЛАВА 8

Распропагандированная Америка

В начале XX в. средства массовой информации превратились в неотъемлемый элемент повседневной жизни всех европейских стран, порой определяющий их политику и экономику. Последние, в свою очередь, не могли функционировать без печатной, радио- и зарождавшейся телевизионной рекламы. Когда разразилась Первая мировая война, Соединенные Штаты имели уже опыт первых имиджевых и рекламных кампаний, а также хорошо развитую информационную сеть. Тем не менее начало Первой мировой войны явилось полной неожиданностью для американцев. Во многом причиной тому была их общая неосведомленность в европейских делах [656]. В августе 1914 г. они, как правило, говорили о том, что для боевых действий не было никаких причин, называя их бессмысленными. Это подтверждает анализ прессы. В большинстве провинциальных и весомой части центральных газет война была фоном для внутриамериканских проблем. По-настоящему близость и опасность войны страна ощутила лишь после затопления «Лузитании». На тот момент численность американской регулярной армии и Национальной гвардии не превосходила бельгийскую армию в начале войны и была в разы меньше войск на Западном фронте. Тем сильнее была (пока разрозненная) военная пропаганда [657]. Именно о ней немецкий посол в Вашингтоне Иоганн Генрих фон Берншторф телеграфировал на Вильгельмштрассе: «В американском характере соседствуют

две противоположные черты. Невозможно узнать спокойного и расчетливого бизнесмена, когда он находится в возбуждении, то есть когда он находится во власти, как говорят здесь, «эмоций». В подобные моменты его можно сравнить с истеричной женщиной, с которой бесполезно говорить» [658]. Господствовавшее с «эмоциональностью» непонимание европейских отношений вело к тому, что и рядовые, и высокопоставленные американцы без какой-либо критики воспринимали английскую трактовку причин и хода боевых действий. Вместе с тем они чрезвычайно скептически относились к любым словам, исходящим от противоположной стороны конфликта [659].

Ведущие периодические издания США «New York Herald Tribune», «New York Daily News», «Chicago Daily Tribune», «Wall Street Journal», «Washington Times-Herald», «Milwaukee Journal», «Pittsburgh Press», «Washington Post» в начале августа 1914 г. постоянно информировали своих читателей о ситуации в Европе, публиковали данные по соотношению сил сторон, сводки о сражениях [660].

Важно отметить, что наиболее политически активными с первых дней войны были американские диаспоры, представленные воюющими странами. В последней четверти XIX в. в США выехало около 1,5 млн высококвалифицированных немецких рабочих [661]. Их потомки — инженеры и профессора — положительно зарекомендовали себя лояльным характером и высокой организованностью. Ущерб от их действий, если бы имел место организованный саботаж, был бы велик. Летом 1914 г. по стране прокатилась волна националистических и сепаратистских манифестаций: польские и еврейские эмигранты желали поражения России, а ирландские — Великобритании; англо-саксонское население, испытывая пробританские симпатии, все же не спешило помогать делом. Страна оказалась расколотой. По мнению некоторых историков, чтобы сохранить единство многонациональных Соединенных Штатов [662], 4 августа 1914 г. Вильсон поспешил заявить о нейтралитете страны и подтвердить свою репутацию пацифиста в ходе президентской кампании 1916 г.

Хотя в начале 1917 г. американцы уже лучше разбирались в европейских делах и симпатизировали Антанте, они все же

не спешили вступать в войну. По стране прошел ряд выступлений пацифистов. 18 февраля в чикагском Колизее собрался 10-тысячный митинг. Присутствующие с негодованием потребовали от своего конгрессмена назвать имена «изменников» в Капитолии, толкающих их страну к войне. 2 апреля, когда Вильсон выдвинул на голосование в конгрессе вопрос о вступлении в войну, 1500 пацифистов устроили пикет у стен парламента [663].

Обстановка в Вашингтоне накалялась также и усилиями извне. После начала Первой мировой войны в Вашингтоне развернулась дипломатическая борьба вокруг вопроса о нейтралитете США. Вхождение последних в вооруженный конфликт на стороне Антанты делало поражение Четверного союза лишь вопросом времени. Поэтому военный атташе немецкого посольства капитан Франц фон Папен предупреждал свое руководство в Берлине: «Если вы не преуспеее в том, чтобы уберечь Соединенные Штаты от вступления в коалицию наших противников, вы проиграете войну; в этом можно не сомневаться. Колоссальные материальные и моральные ресурсы, которыми располагают Соединенные Штаты, совершенно недооценены, и я уверен, что общественное мнение сильно отличается от того, каким его наблюдали в недавнем прошлом» [664].

В развернувшейся «войне за умы и сердца» американцев Великобританию представлял известный писатель канадского происхождения Жильбер Паркер, а Германию — Бернгард Дербург. Их положение изначально было неравным. Если за первым была репутация и связи, то за вторым — английские обвинения в нарушении его страной норм международного права. Помимо того, на стороне Антанты «были все преимущества в средствах коммуникации и... преимущество в изобретательности» [665]. Жильбер Паркер ежедневно рассылал около 300 бюллетеней с материалами британской пропаганды американским газетам, организовывались поездки и встречи с общественностью [666]. В то же время (по мнению американских контрпропагандистов) немецкая спецпропаганда имела гарантированную аудиторию около 8 млн человек из 105-миллионного населения Соединенных Штатов: именно столько было в стране выходцев из Германии и их детей [667].

Он за тобой следит

Более того, Альфред Хамсуорт (бывший руководитель британского пропагандистского ведомства Веллингтон Хаус) имел возможность напрямую обратиться к американской публике в ходе путешествия по стране в качестве главы английской военной миссии летом 1917 г.¹ Количество пропагандистских материалов, предназначенных для США, неуклонно возрастало: с 200 наименований в 1916 г. до 400 — в 1917 г. [668]. «Британская пропагандистская организация действовала с такой интенсивностью, что ее враги едва имели возможность выступать. Она имела перед ними то громадное преимущество, что у нее была общность языка, она имела доступ в университеты и в другие педагогические заведения» [669].

Изначально в худших условиях, чем английская, находилась немецкая специальная пропаганда на США. Причина тому — испорченные ранее имперским руководством отношения между двумя странами. Если Белый дом с осторожностью «открывал для себя» клубок европейских противоречий, то кайзеровское

---

¹ Например, его обращение к американской молодежи 4 июля 1918 г. (см. Wilson R.M. Lord Northcliffe. London: Bouvere house, 1927. P. 261).

руководство было ориентировано на силовое разрешение любых противоречий. Отсюда понятно, почему Берлин стремился играть активную роль в отношениях с Вашингтоном, а порой и говорить от его имени в Латинской Америке, время от времени предлагая североамериканской республике в качестве компенсации «подарки» (например, очевидно, по аналогии со статуей Свободы, монумент Фридриху II).

Очевидно, что подобное положение не устраивало США. Более того, конфронтация с Германией вынуждала искать других европейских союзников. Например, Великобританию — страну общих языка и представлений о правах гражданина. Сближение Вашингтона с Лондоном началось с «самоанского кризиса», который разразился в 1889 г. Как отмечают современные исследователи, «именно в последней стадии «самоанского кризиса»¹ начали формироваться основы новой европейской политики США» [670], основанной на союзе с «владычицей морей».

Кайзеровское руководство же с конца XIX столетия и до объявления войны США не понимало американской дипломатии. Даже временное сближение интересов двух «новичков» на международной арене было обречено на провал из-за стремления Вильгельма II внести раскол в американо-английский диа-

---

¹ Самоанский кризис — противостояние Великобритании, США и Германии по поводу архипелага Самоа. Острова для Европы открыл Якоб Роггевен. В начале XIX в. на Самоа стали приезжать английские и американские миссионеры, а также немецкие, бельгийские и французские колонисты. Уже тогда самоанцы показали себя воинственным народом, который неоднократно нападал на европейских граждан, присутствовавших там. В 1880-е гг. островами начали открыто интересоваться Германия и США, Великобритания отправила туда свои войска. В 1881 г. три европейские страны договорились признать самоанским королем Малиетоа Лаупепу. В 1885 г. он вступил в открытый конфликт с немцами. Воспользовавшись отсутствием англо-американских войск, те свергли Лаупепу и провозгласили королем Тамасесе. Назначенный при нем премьер-министром немецкий капитан Брандейс начал жестоко подавлять освободительное движение, но его войска потерпели поражение от вождя Матаафы. Обеспокоенные событиями в Самоа, Лондон и Вашингтон отправили туда свои войска. Три европейские страны готовили свои войска к сражению друг с другом, когда 16 марта 1889 г. сильный шторм разметал их. Последовавшее соглашение установило над островами трехсторонний протекторат. В 1899 г. по Берлинскому соглашению острова были разделены на две части по 171° западной долготы на Германское Самоа на западе и Американское Самоа на востоке, Британия отказалась от претензий.

лог. Примером может служить Русско-японская война 1904–1905 гг. После того как Страна восходящего солнца к началу 1905 г. добилась решающих успехов, все державы, имеющие интересы в Китае (в том числе Британская империя и Соединенные Штаты), стремились ускорить мирные переговоры. Единственным, кто ратовал за продолжение боевых действий и соответственно усиление Токио, был Берлин, который всячески разжигал американо-японские противоречия, стремясь играть роль арбитра. Пришедший к власти в 1908 году кабинет У. Тафта объявил о неприятии активной внешней политики, что только усилило «силовой аргумент» Берлина в общении с Белым домом.

Наряду с дипломатическими разногласиями, важную роль играл внешнеторговый баланс Соединенных Штатов, о котором говорит следующая таблица:

Американская внешняя торговля, 1913–1919 гг., млн долларов*

Год	Экспорт	Импорт
1913	2466	1813
1914	2365	1894
1915	2769	1674
1916	5483	2392
1917	6234	2952
1918	6149	3031
1919	7920	3904

**Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Washington (D. C.) ington, 1975. P. 187.*

Немаловажный факт: вплоть до начала Первой мировой войны торговый флот США был ничтожно мал и для трансатлантических перевозок американцы нанимали английские суда. Таким образом, к началу Первой мировой войны американо-германские отношения имели противоположные векторы развития из-за стремления Берлина играть роль «старшего брата» Вашингтона. Данная негативная тенденция в дальнейшем

только усилилась, что отнюдь не способствовало успехам немецкой пропаганды в Соединенных Штатах.

Вскоре после начала Первой мировой войны для помощи в организации пронемецкой пропаганды из Берлина туда прибыл профессор филологии и американист Карл Оскар Бертлинг. Но незадолго до вступления Соединенных Штатов в войну он был арестован и интернирован. Согласно найденным в его квартире документам, он получал деньги от посольства для организации пропаганды из США на страны Латинской Америки и Китай [671]. Отметим также художественные киноленты, снятые в Германии и Австрии по инициативе посла Берншторфа.

Однако наиболее успешной была пропагандистская деятельность министра финансов и вице-канцлера Германии Бернгарда Дернбурга (1865–1937). Будучи интернированным английскими военными с парохода и таким образом став незванным гостем Нью-Йорка, он стал центром немецкой специальной пропаганды в США. Дернбург обладал умением ясно доводить до широких масс такие сложные вопросы, как причины начала Первой мировой войны или затопление «Лузитании». Его статьи нередко публиковались в нью-йоркских газетах по соседству с материалами пропагандистов Антанты.

Поскольку официальные контакты с посольством могли помешать его деятельности, Дернбург вместе с фон Папеном и военно-морским атташе К. Бой-Эдом создали полуофициальный «Центральный офис заграничной службы», где обменивались инструкциями, получаемыми из Берлина, и разрабатывали планы борьбы с Антантой на американском информационном поле от имени «Немецкой информационной службы». В редакции последней, согласно сведениям американской военной разведки, работал 31 человек [672]. Ограниченная в своих возможностях, «Немецкая информационная служба» тем не менее, издавала ежедневные бюллетени с переводами статей некоторых германских газет, а также комментариями к событиям и интервью с туристами, вернувшимися из Европы. Мозговым центром и автором большинства оригинальных материалов «Немецкой информационной службы» был Бернгард Дернбург, который также активно общался с американскими

и немецкими кругами в Нью-Йорке и за его пределами. Информацию о боевых действиях с немецкой стороны за океаном представляло весьма ограниченное число газет (прежде всего, ежедневная «Нью-Йорк штатцайтунг»¹ и еженедельная «Фатерланд»²), доверие к которым со стороны американской публики было очень слабым [673].

В состав последней (кроме Дернбурга) входили заграничный корреспондент информагентства «Гамбург — Америка» М.Б. Клауссен и бывший переводчик немецкого генерального консульства в Йокогаме Александр Фюр, имевший опыт общения с прессой и разбиравшийся во внутренних проблемах США. По вопросам пропаганды консультации предоставляли также Геррен Альберт, Мейер Герхард и некоторые бизнесмены, чьи встречи происходили один-два раза в месяц. В 1915 г. (по инициативе Дернбурга) к сотрудничеству был привлечен известный в США публицист и участник предвыборной кампании Вудро Вильсона Уильям Байяр Гейл. Им активно помогали несколько молодых журналистов немецкого происхождения в Соединенных Штатах, а также некоторые дипломаты в Японии.

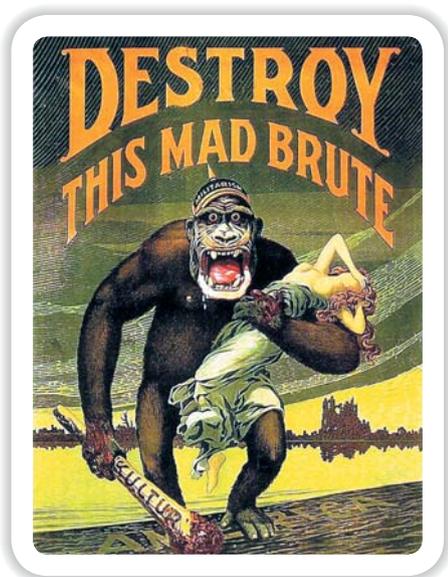
Распространение брошюр среди центральных и провинциальных газет было задачей Клауссена. В 1915 г. Уильям Гейл написал книгу «Американские права и претензии Британии на моря», которая вызвала у американцев негодование английской блокадой Германии. Эффект был настолько сильным, что от нее отреклось правительство, а изгнанный из страны автор после войны был вынужден жить в Европе.

19 августа 1914 г. Германия согласилась с американским предложением придерживаться Лондонской декларации о неприменении каких-либо военных действий по отношению к мирному населению воюющих стран. В то же время Велико-

---

¹ В октябре 1914 г. данное издание получило от Б. Дернбурга 20 тыс. долларов на ведение пронемецкой пропаганды (*Jones J.P., Hollister P.M. The German secret service in America. Boston: Small, Mayland and Co., 1918. P. 230*).

² Данное издание только в июне 1915 г. получило 1500 долларов от советника по экономическим вопросам немецкого посольства доктора Альберта (*Jones J.P., Hollister P.M. Op. cit. P. 230*).

*Уничтожь этого
дикого безумца!
Типичное изображение
германского агрессора
в виде Кинг-Конга,
похищающего свободу*

британия отказалась подписать этот документ и своим правительственным декретом от 20 августа 1914 г. фактически установила голодную блокаду Германии, представив себе самостоятельно решать, какое морское судно нарушает блокаду, а какое — нет. Объяснения, что все меры направлены лишь против немецкого правительства, взявшего на себя контроль над продуктами питания, а не против мирного населения, не выдерживали критики, ибо подобный контроль был введен лишь с 1915 г. в ответ на британскую голодную блокаду Германии [674]. Бесспорно, подобные действия представляли собой грубейшее нарушение международного права (например, Лондонской декларации) и прав человека.

Однако в американских средствах массовой информации война освещалась с точностью до наоборот. В период нейтралитета она приняла однозначно проанглийскую позицию, публикуя данные только британского министерства информации и его французских коллег. Под англо-французским давлением, которое отмечают даже американские исследователи [675], в прессе Соединенных Штатов с первых дней августа 1914 г.

рисовался исключительно отрицательный образ Германии, подпитываемый негативным описанием кайзеровского режима и шпионско-подрывных действий немецких дипломатов, которых обвиняли в:

1) помощи в снабжении немецких ВМС углем и продовольствием в портах Латинской Америки;

2) подделке паспортов для переправки немецких резервистов из Соединенных Штатов на родину;

3) подготовке диверсий в портах Канады немцами, которые должны были добраться туда с оружием на моторных лодках по Великим озерам;

4) террористических актах на территории Соединенных Штатов и Канады, включая пожары на американских судах зимой 1917/18 г., а также в организации саботажа на предприятиях, выполняющих военные заказы Антанты;

5) поддержке сепаратистских, военизированных и иных движений, угрожавших странам Антанты (заговоры с индийскими, ирландскими и мексиканскими националистами, а также с негритянским движением в США)¹.

В репортажах о боевых действиях говорилось только о поражении рейхсвера, о преступлениях немецких солдат в Бельгии и Франции. Когда американский историк Альберт Беверидж впервые увидел немецкие пресс-релизы, он был поражен: «Германские новости очень сильно отличаются от английской и французской их версии. Боюсь, что американцы очень плохо представляют себе, что происходит на самом деле» [676]. Эти слова были произнесены в первые месяцы войны, когда бельгийские и французские крепости сдавались одна за другой, а американская пресса вслед за Парижем и Лондоном говорила о крахе немецких вооруженных сил. Несмотря на это, американские репортеры выигрывали у своих политиков и европейских коллег тем, что не «приписывали» немецким дипломатам слов, которые те никогда не произносили. Среди факторов, которые помогли Лондону и Парижу завоевать пристрастия американцев, были следующие:

---

¹ *Jones J.P., Hollister P.M.* Op. cit. P. 60–63. Однако большинство из этих происшествий вряд ли можно связать с именами работников немецкого посольства (см. *Bernstorff J.H.* Ibid. P. 117–126).

1) непонимание Германией Соединенных Штатов и их национальной психологии, которое отражалось как на качестве пропагандистских материалов, так и на финансировании соответствующей деятельности за рубежом. Непонимание Берлином «интересной смеси политической смекалки, деловой хватки, настойчивого характера и сентиментальности» [677], составлявших ядро американского характера, вызывало существенные пробелы в немецкой спецпропаганде на США. Она к тому же не имела общего руководства в Берлине и отставала от агитации союзников по Антанте. Немецкое руководство долгое время не представляло вероятность присоединения к Антанте добровольно изолировавших себя от остального мира Соединенных Штатов. Примером может служить следующий факт. В начале конфликта Великобритания перерезала немецкий телеграфный кабель на дне Атлантического океана. В ответ на предложение Берншторфа создать новую телеграфную линию для передачи в Вашингтон немецких новостей с Вильгельмштрассе пришел отказ, мотивированный дороговизной;

2) идейно-языковая близость американской и европейских демократий, что предопределило преимущественное место последних;

3) большое количество английских военных заказов (треть от общего объема) американским предприятиям, что объяснялось общностью взглядов и симпатий влиятельных бизнесменов и политиков двух стран;

4) искусство англо-французских агитаторов, их знание и пристальное внимание к динамике американского общественного мнения.

Несмотря на возникшее невыгодное положение, немецкое руководство все же пыталось привлечь симпатии Соединенных Штатов. Кабинет Т. фон Бетмана-Гольвега, всесторонне занятый войной и снабжением, слишком мало использовал в целях агитации нарушения международного права своими противниками. Слабый протест от 10 октября 1914 г. о том, что Великобритания не имеет права своевольно определять, какое судно, идущее в Германию, везет военные грузы, не достиг цели. 29 октября в следующем правительственном декрете Лондон вновь подтвердил все вышеупомянутые меры.

Таким образом, Германия начала проигрывать информационную войну Британии. Положение усугублялось неумелыми действиями немецких дипломатов, спешивших парализовать производство заказов Антанты на американских военных заводах (загрузив их мощности не только немецкими заказами¹, но также саботажем). Вследствие подобных скандалов из Вашингтона был выслан австро-венгерский посол доктор Думба, а из Бразилии — граф Люксбург, предложение которого затопить транспортное судно с продовольствием для Антанты стало известно властям США [678].

Несмотря на объявление послов персонами нон-грата и активность немецких ВМС в Латинской Америке, вильсоновская администрация, со своей стороны, предпочитала поддерживать отношения со всеми воюющими державами. В ответ на объявление Берлином подводной войны из Вашингтона 22 февраля 1915 г. последовала нота с предложением впредь вести подводную войну по призовому праву² и взамен этого снять запрет на ввоз продовольствия и предметов первой необходимости в Германию. Последняя приняла предложение, но Лондон отклонил.

Единственным для Германии способом предотвратить поставку американских грузов своим противникам стало расширение подводной войны на американские корабли. Потопление немецкими подлодками в 1915 г. «Сассекса» и особенно лайнера «Лузитания» с представителями американской экономической элиты вызвало энергичные протесты США и поставило две страны на грань войны. Однако следует заметить, что германский посол Берншторф задолго до выхода «Лузитании» из гавани Нью-Йорка через газеты предупреждал пассажиров об опасности подобного морского путешествия, к тому же в списках кригсмарине корабль числился как вспомогательный крейсер

---

¹ Заказы на производство для Германии, которые заключил фон Папен, выполняли 4500 рабочих легкой промышленности (*Peterson H.C. Op. cit. P. 116*).

² Призовое право — совокупность международно-правовых норм, регулирующих порядок и основания захвата на море торговых судов как противника, так и нейтральных стран воюющими государствами (неприятельские суда и находящийся на их борту груз называются призом).

Адмиралтейства. На его борту одновременно с 2 тыс. пассажиров перевозился груз военного снаряжения и взрывчатых веществ. Предупреждение Берншторфа было воспринято как угроза, поэтому вскоре последовала нота от 15 мая. В ней были заявлены протест и требования возместить убытки и гарантировать неповторение таких случаев в будущем. Немецкий посол, учитывая серьезность положения, был вынужден нарушить инструкции и в устных переговорах согласился на возмещение убытков и принес официальные извинения. Берлин, пытаясь пресечь снабжение своих противников из-за океана, впредь действовал не только «пряником», но и «кнутом». Так, нотой от 31 января 1917 г. Вашингтон уведомлялся о начале неограниченной подводной войны, далее в том же документе содержались мирные предложения.

Столь же двусмысленными были шаги ближайших советников президента. Как известно, Вудро Вильсон выиграл президентские выборы 1915 г. с изоляционистскими лозунгами. Однако уже в апреле 1916 г. его окружение приступило к рассмотрению вариантов участия в войне [679]. Поэтому из опасения толкнуть США в ряды противников Германия ослабила подводную войну. Между тем в самой Америке сторонники вовлечения в войну возлагали на действия германских подводных лодок главные свои надежды. В 1915 и 1916 гг. Сенат дважды провалил законопроект, запрещавший американцам плавать на судах воюющих держав. Американский посол в Лондоне Уолтер Пейдж писал полковнику Хаузу, ближайшему советнику Вильсона: «Кажется странным, — писал он в 1915 г., — но единственным разрешением вопроса явилось бы новое оскорбление вроде «Лузитании», которое вынудило бы нас вступить в войну». Того же мнения осенью 1915 г. придерживался и его адресат [680].

Однако поводом для вступления в войну стала так называемая телеграмма Циммермана¹. В конце 1916 г. министр

¹ Долгое время оригинал телеграммы считался утерянным. Основная масса документов, касающихся Первой мировой войны, была уничтожена по приказу главы военно-морской разведки адмирала Уильяма Реджинальда Холла. В Национальном архиве Великобритании сохранилась только фотокопия, что впоследствии дало повод историкам считать, что «телеграмма Циммермана» была фальшивкой. 17 октября 2005 г. анонимный источник сообщил средствам массовой информации о том, что документ найден. Однако многие ис-

иностранных дел Германии А. Циммерман разработал план вовлечения Мексики в войну в случае вступления в нее США. В январе 1917 г. телеграмма с изложением деталей этого плана была направлена графу Берншторфу в Вашингтон¹. Он извещался, что Германия начнет повсеместную подводную войну против судов Антанты. Однако немецкие подводники должны будут не затоплять американские суда, чтобы у США не было повода нарушить свой нейтралитет. Но если Соединенные Штаты вступят в войну, то посол Германии в Мексике побудит руководство страны начать военные действия против США на стороне Четверного союза. Германия в случае своей победы гарантировала после войны передать Мексике штаты Техас и Аризону, ранее аннексированные Соединенными Штатами [681].

Телеграмма была перехвачена и расшифрована британскими криптографами, а затем опубликована в американской печати, вызвав бурное негодование. 3 марта 1917 г. Вудро Вильсон поставил перед конгрессом вопрос об объявлении войны Германии. Преодолев сопротивление прогрессистов со Среднего Запада, 6 апреля 1917 г. конгресс США объявил войну Германии. США незамедлительно расширили масштабы экономической и военно-морской помощи союзникам и начали подготовку экспедиционного корпуса для вступления в боевые действия

следователи и ныне считают, что телеграмма Циммермана скорее всего была фальшивкой, изготовленной британскими спецслужбами. Великобритания таким образом рассчитывала вовлечь США в войну. В военном отношении планы Германии, о которых сообщалось в телеграмме, были невозможны. Мексику раздирала гражданская война, ее экономика лежала в руинах, а армия не представляла серьезной военной силы, у нее не было даже достаточного количества патронов. Более того, части армии США фактически проводили операции на ее территории — они пытались поймать Панчо Вилья, который совершал набеги на американские фермы и города в Техасе.

¹ Оглашение телеграммы вряд ли можно считать неожиданностью. Еще в 1906 г. диктатор Диас и губернатор округа Мехико обратились к немецкому послу с просьбой помочь оружием и военными инструкторами. Вильгельм II, несмотря на резонные опасения посла Вангенхайма, положительно воспринял идею получить таким образом нового союзника. План был сорван из-за вспыхнувшей в Мексике революции. Однако весной 1914 г. немецкие судна «Юпириада» и «Дания» все же отправились в Мексику с грузом оружия. По пути они были задержаны американцами, которые позднее получили лишь формальные извинения от Берлина. Почва для «телеграммы Циммермана» была готова.

на Западном фронте. 10 мая 1917 г. генерал Джон Першинг был назначен главнокомандующим и энергично принялся за организацию вооруженных сил.

Его бурная деятельность резко контрастировала с настроениями американцев. Американское общество, и это показали результаты президентских выборов 1916 г., находилось под сильным влиянием изоляционистов. Как бы то ни было, разброд в настроениях американцев имел самые серьезные последствия. Вследствие его была сорвана кампания по набору добровольцев: романтика «опасного приключения» и мемуары ветеранов испано-американской войны привели на сборные пункты лишь 73 тыс. человек [682]. Чтобы «пробудить» сограждан, Вудро Вильсону пришлось отступить от демократических принципов. Через Конгресс были проведены законы о всеобщей воинской повинности¹, шпионаже (1917) и мятеже (1918), направленные на подавление антибританских, пацифистских и пронемецких настроений.

Создание, структура и деятельность Комитета общественной информации

Страна напоминала бурлящий котел. Не могло быть и речи о том, чтобы вести войну, имея такой тыл. Чтобы убедить американцев сражаться в Европе и сплотить народ в едином «интервенционистском» порыве, 13 апреля 1917 г. был создан Комитет общественной информации. По имени председателя Джорджа Крила, бывшего редактора и советника Вудро Вильсона по связям с общественностью [683], он вскоре получил название «комитет Крила». Целями его пропаганды, как отмечали исследователи, были:

- 1) мобилизация боевого духа американцев против врага;
- 2) сохранение дружеских чувств по отношению к союзникам;

---

¹ По нему страна была разбита на округа, в которых юношам призывного возраста присваивали номера. Затем, как в лото, запечатанные номерки перемешивались, и доставался один из них. Призыву подлежали только те, чей номер выпал. Несмотря на весьма демократичную процедуру, билль столкнулся с серьезным сопротивлением. В Палате представителей его поддержали 199 голосов против 178 (при 52 воздержавшихся), а в Сенате — 65 против 8 (при 23 воздержавшихся) (см. *Листиков С.В. Указ. соч. С. 328*).

*Один из самых ярких
американских плакатов
Первой мировой войны,
призывающий добровольцев
записываться для
отправки за океан*

3) сохранение хороших отношений и по возможности содействие кооперации с нейтральными странами [684].

Главной же задачей «комитета Крила» было объединить расколовшуюся по национальным диаспорам и политическим пристрастиям страну посредством благоприятного и яркого изображения реальных фактов, а также способствовать продвижению образа США за рубежом и деморализовать страны Четверного союза. Комитет, в который входили специалисты по рекламе, публицисты, художники и университетские интеллектуалы, выпускал статьи, пресс-релизы, фильмы, создавал рекламные сюжеты в кино, прессе и на радио, снабжал материалами ораторов-добровольцев для пропаганды военного участия по всей стране. Материалы Комитета распространялись среди работников различных профессий и национальностей, женщин, молодежи, фермеров и сельскохозяйственных рабочих, а также иммигрантов. Годичная подписка на такие бюллетени была доступной широким слоям населения, так как ее цена составляла всего 5 долларов [685].

Целью КОИ была «пропаганда не так, как ее понимают немцы, а пропаганда в истинном смысле этого слова, то есть про-

паганда убеждений» [686]. Предполагалось, что ее распространение будет вестись методами, аналогичными рекламе¹. На первой же пресс-конференции после назначения Джордж Крил лично заявил, что его комитет не будет заниматься цензурой, но будет демонстрировать стране и миру идеализм американских целей в войне (достижение мира, свободы и правосудия для всех людей) [687].

За два года своего существования Комитет создал 20 бюро (по средствам пропаганды: кино, пресса, плакаты и т.д.) для работы на территории США и за их пределами [688]. Примечательно, что в большинстве выступлений и публикаций, где бывшие члены «Комитета Крила» говорят о своей прежней работе, они предпочитают называть свою деятельность рекламой, а не пропагандой. Они умалчивают о взаимодействии с англо-французскими органами спецпропаганды, хотя очевидно заимствование сюжетов из материалов последней. Именно под их давлением Комитет вскоре стал заниматься «черной пропагандой», изображавшей немцев порождением зла. Основой стала откровенная ложь из «Белой книги» историка и политика Джеймса Брайса: о немецких солдатах, нанизывающих детей на штыки, о монополиях, производящих мыло из тел военнослужащих, погибших на фронте, о бельгийских детях, которым были отрублены руки².

Поскольку к моменту своего создания «Комитет Крила» не имел теоретически разработанных методов ведения пропаганды, очень важным здесь было английское влияние. Помимо дезинформации (также о колоссальных потерях Четверного союза) американские коллеги заимствовали у Веллингтон Хауса идею о необходимости привлечения к государственной пропаганде широкого круга интеллигенции. При этом американские

---

¹ Взгляд на пропаганду как на подобие рекламы отражает заголовок мемуаров Джорджа Крила «Как мы рекламировали Америку» и других работ деятелей Комитета.

² Данная информация вызвала огромный общественный резонанс: папа римский и многие рядовые американцы пожелали принять опекунство над искалеченными бельгийскими сиротами. Однако их запросы остались без ответа. Лишь в 1920-х гг. был проведен ряд слушаний, в ходе которых оказалось, что все сведения о преступлениях немецких военнослужащих были фальсифицированы.

пропагандисты вслед за их европейскими коллегами разводили по разные стороны немецкий народ и его руководство. Вудро Вильсон заявил: «У нас нет иных чувств к немецкому народу, кроме симпатии и дружбы. Они были вовлечены в войну по вине своих правителей» [689].

Взаимодействие с высшей и средней школой осуществляло бюро по взаимодействию с гражданскими и образовательными учреждениями Комитета общественной информации, которым руководил профессор истории из университета Миннесоты Гай Стентон Форд. По его инициативе с педагогами из университетов США были проведены 10 круглых столов на темы «Завоевание и культура», «Как война пришла в Америку». Их материалы были переработаны, опубликованы в виде брошюр тиражом более 100 тыс. экземпляров для школьных лекций о причинах и ходе войны [690], а также для распространения в вузах — более 35 млн [691]. Необходимость такой формы работы объясняется тем, что американское общество, в том числе политическая элита, накануне войны (как отмечают и современные исследователи) было «неправильно информировано» [692].

Еженедельно граждане США по адресной рассылке получали 20 млн экземпляров газет [693] и иного вида литературы¹. Среди статей была «Исповедь Германии», которая была опубликована отдельной брошюрой. Она включала в себя воспоминания бывшего директора оружейного завода Круппа доктора Малона и двух послов: американского в Берлине — Лиховского и немецкого в Лондоне — фон Ягова. Их высказывания доказывали тезис о виновности Германии в развязывании Первой мировой войны с целью завоевания себе «места под солнцем» [694]. Под свой личный контроль Д. Крил взял издание ново-

---

¹ Среди бесплатно полученных ими изданий были несколько миллионов «Военных энциклопедий» (War Encyclopedia./Ed. Paxson F.L. Washington (D.C.), Government printing office, 1918), которые объединяли под одной обложкой словарь военных терминов и персоналий, краткий обзор дипломатии США от «доктрины Монро» до вступления в Первую мировую войну, справочник государственных учреждений, имеющих отношение к войне, сборник патриотических стихов и прозы, а также хронологию войны. Следует отметить, что перечисленные материалы издавались и распространялись также в виде отдельных работ.

стей в правительственном «Официальном бюллетене» тиражом в 100 тыс. экземпляров. В среднем порядка 873 газет (включая все центральные) должно было публиковать информацию пресс-бюро КОИ [695].

К пропагандистской кампании присоединился Голливуд. Отражая растерянность американского общества, Томас Инс в 1916 г. снял пацифистскую киноленту «Цивилизация», которая бесследно «утонула» в море откровенно милитаристских картин. Последние прошли несколько этапов в развитии своих сюжетов. Так, в период нейтралитета «проявилась» мысль о том, что максимальная военная готовность — лучшая гарантия мира для США. Такими были созданные на средства оружейного треста Максима художественные фильмы «Беззащитная Америка» и снятые в 1915 г. кинокомпанией Уильяма Рэндольфа Херста «Отечество», прославлявшее оружейные заводы Дюпонов, и «История величайшей мировой войны». После вступления в войну были созданы пропагандистские киноленты самых разных жанров: еженедельные хроники («Официальное военное обозрение»), документальные («Крестonosцы Першинга») и художественные фильмы («В когтях гуннов», «Прусские невежи», «В ад вместе с кайзером»¹, «Кайзер — чудовище из Берлина» и др.), которые были показаны даже в самых дальних уголках страны. Основными темами были подвиги и нерушимость франко-англо-американских союзнических отношений, рассказывалось о злодеяниях противников. Немцы в них изображались бесчеловечными варварами, которые насилуют и убивают медсестер² и монахинь,

¹ Аналогичный лозунг использовался во времена испано-американской войны и во время операции вооруженных сил США «Иракская свобода» (2003), что наглядно демонстрирует преемственность в лозунгах американской пропаганды.

² Благодаря деятельности Веллингтон Хауса широко известным стал образ медицинской сестры Эдит Луизы Кэвелл (1865–1915). Дочь англиканского священника, она долгое время служила в Лондонском королевском госпитале имени мученицы Евы Лукес. Война застала ее в бельгийской школе для медсестер, где Кэвелл преподавала с 1910 г. Во время немецкой оккупации она прятала британских солдат и переправляла их в нейтральную Голландию. Летом 1915 г. она была арестована вместе с 200 английскими военнослужащими и приговорена к расстрелу. Несмотря на усилия по ее освобождению, предпринимавшиеся американским и испанским священниками, приговор

калечат детей, расстреливают взрослое мужское население. Их руководство было представлено психически больными людьми, заигравшимися в солдатики, а кайзер — неадекватным человеком, разбойником и порождением ада, использующим смертоносные достижения прогресса для того, чтобы ввергнуть мир в новые «темные века». В отличие от них бельгийские и англо-французские солдаты были доблестными, почти эпическими героями¹. Причем, как отмечают некоторые исследователи, коммерческие картины были зачастую более идеологизированными, чем созданные по заказу КОИ, поскольку целью последних было способствовать повышению морально-боевого духа призывников, информировать и просвещать граждан [646]. Несмотря на очевидность неглубоких сюжетов и стереотипность персонажей, картины пользовались успехом у публики: общий кассовый сбор от показа пропагандистских кинолент в США составил 878 215 долларов [697].

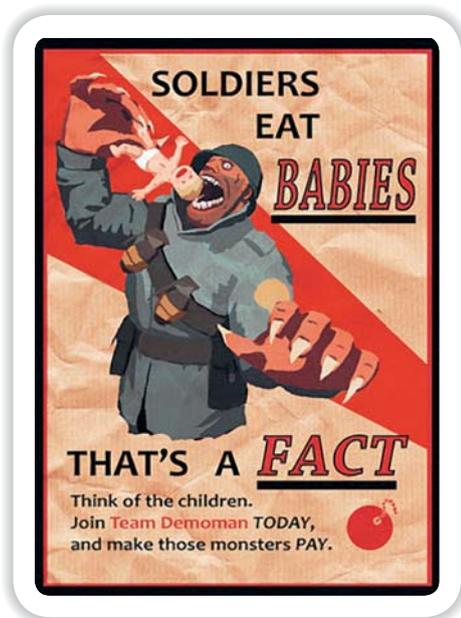
Но самым эффективным средством была устная пропаганда Комитета, проводники которой выступали на улицах и площадях, рассказывая о войне в пользу Антанты. Идея организовать ораторов для широкомасштабной агитации принадлежит председателю Чикагского промышленного клуба Дональду Раерсону, которого поддержал сенатор М. Маккормик, рассказавший о начинании чикагских активистов Вудро Вильсону. Вскоре сеть лекторов накрыла всю страну. Получая бюллетени с целевыми указаниями², они выступали в школах, церквях и клубах с четырехминутными докладами о ситуации на фронте и уси-

---

был приведен в исполнение 12 октября 1915 г. Тело Кэвелл было захоронено бельгийскими женщинами на территории тюрьмы Сен-Жиль, а после войны перезахоронено в центре Лондона. Слова Кэвелл: «Патриотизм — это еще не все», оставленные на полях ее тома «Подражания Христу», стали одной из ключевых фраз антигерманской пропаганды.

¹ Героизации Антанты способствовали также музыкальные произведения, распространявшиеся среди американского населения. В их числе песни, написанные лейтенантом канадской армии Глитцем Райсом после ранения: «Склоните ваши головы», «Мы били их на Марне» и др. Всего с середины 1914 по июнь 1919 г. объектом авторского права на территории США стало 35 600 музыкальных произведений (*Watkins G. Proof Through the Night: Music and the Great War. Berkley, CA: University of California Press, 2003. P. 265*).

² С 12 мая 1917 по 24 декабря 1918 г. вышло 46 номеров бюллетеней для ораторов-волонтеров (*Keller P.W. Op. cit. P. 18–19*).

Американский плакат с ложью о том, что немецкие солдаты поедают детей в оккупированных странах

лиях администрации Вильсона. Если в апреле 1917 г. число таких ораторов составляло 75 тыс. [698], то в конце войны их было уже около 400 тыс. [649]. Работавшие в 5200 графствах, они произвели 755 190 выступлений [698], аудитория которых превысила 315 млн человек [700]. Таким образом, каждый американец за два года услышал более трех их выступлений.

Работу лекторов дополняли плакаты бюро наглядной изобразительности, созданные под руководством одной из наиболее известных художниц своего времени Даны Гибсон. Ее подчиненный, Джеймс Монгомери Флэгг, стал автором самого знаменитого образа «дяди Сэма», который был создан в плакате, призывавшем добровольцев записываться на поля сражений Первой мировой войны. Тематами других плакатов становились незащищенные перед немецкими штыками матери и дети, жертвы немецких подлодок, а также добровольцы (военные и служащие различных вспомогательных подразделений). Общее количество плакатов, созданных художниками Комитета, составило 1438 экземпляров [698]. Аналогичного

содержания листовки «Комитета Крыла» призывали граждан быть бдительными из-за немецких диверсантов¹.

Совместно с художниками работал отдел мультипликации, который выпускал еженедельный «Бюллетень» с рекомендациями сценаристам о сюжетах: дети, помогающие своим родителям на фермах (в первом номере); отдавать объедки домашнему скоту (во втором номере); призывал женщин заменить на работе ушедших на фронт мужчин (в третьем номере); экономить уголь и ограничить потребление сахара тремя фунтами на одного человека ежемесячно (в четвертом номере); призыв женщинам записываться в медсестры (в пятом номере) и мысль о том, что хотя война закончилась, но американцы не вернутся домой, пока не будут восстановлены Франция и Бельгия (в последнем, двадцать третьем номере) [701].

Для тех, кто хотел помочь военным приготовлениям страны, была создана справочно-информационная служба. За два года она приняла 86 тыс. обращений [697].

20 января 1918 г. Вудро Вильсон подписал указ о создании бюро рекламы в рамках Комитета общественной информации. Его задачей являлось помещение в периодике платных объявлений о необходимой помощи для фронта. Информацию об успехах вильсоновской администрации на фронте и в тылу, о кампаниях по продаже военных займов размещалась в формате обычной рекламы в иллюстрированных журналах, деловой прессе и изданиях для фермеров — всего более 800 наименований, для чего из государственного бюджета только в 1918 г. было выделено около 2 млн долларов [702]. О масштабе рекламных акций бюро говорят следующие данные. Для рекламы только третьего «Займа свободы» (подписка была открыта 6 апреля 1918 г.) было потрачено более 53,5 тыс. долларов за рекламные места в 177 наименованиях периодики с охватом около 16 млн читателей. В кампанию по сбору средств для американского Красного Креста было потрачено около 177,4 тыс. долларов

---

¹ В отличие от американского Комитета общественной информации, британский Веллингтон Хаус в своей спецпропаганде старался избегать раскола американцев по национальному и иным признакам (*Taylor P.M. Op. cit. P. 185*).

на рекламу в 540 изданиях с общим тиражом более 60,6 млн экземпляров [703].

С помощью Джозефа Хитингера из министерства обороны были организованы выставки, чтобы показать американцам «европейскую войну». Хитингер собрал «винтовки всех видов, ручные гранаты, противогазные маски, глубинные бомбы, мины и сотни других вещей для того, чтобы показать людям, как тратятся их налоги». «Наша задача — работать, чтобы вызвать энтузиазм и бороться с пессимизмом», — говорил он. Первая такая экспозиция состоялась в Чикаго. После открытия посетителей было мало, однако после личного вмешательства Крила ее посетило 2 млн человек [704]. Сумма пожертвований, оставленных посетителями всех 20 выставок, приближалась к 1,5 млн долларов [698].

Кампанией по агитации неанглоговорящих американцев руководил заместитель председателя Комитета общественной информации Карл Роберт Бьор (1886–1957). Бывший редактор «Ватерлоо Таймс-Трибьюн», он был человеком, который «не зажжет пороха сам, но заставит других сделать это» [705]. Приглашенный в «комитет Крила» по ходатайству бывшего редактора журнала «Космополитан» Эдгара Сиссона, он хорошо знал новейшие работы в психологии. В школе права Колумбийского университета он познакомился с системой Монтессори, а также с разработками психологии групп, затем приобрел опыт совместных с Уильямом Херстом агрессивных рекламных кампаний на страницах упомянутого издания. Под руководством Бьора для немецких эмигрантов и их детей были выпущены «листки лояльности». В них, помимо прочих, содержались статьи «Прусская система» и «Добрые слова рожденным за границей». Их авторы разделяли кайзеровскую Германию и немцев, рожденных в США [706]. Как показатель итогов деятельности пропаганды на неанглоговорящих американцев можно рассматривать следующие факты. В результате работы на эмигрантов в число отправленных в Европу войск вступило 70 тыс. неанглоговорящих американских добровольцев [707].

Одновременно с деятельностью «Комитета Крила» в Соединенных Штатах проводилась широкомасштабная кампания по организации государственного «Займа свободы», возглавляе-

мая Ги Эмерсоном. Огромные усилия для мобилизации населения на сбор и консервирование продуктов питания прилагало министерство продовольствия. Стоит также отметить некоторые элементы цензуры, которые возникли в связи с контрпропагандистской деятельностью заместителя председателя Комитета общественной информации Харви О'Хиггинсса¹ и Центральной палаты сертификации кино, а также принятием закона «О шпионаже» 15 июня 1917 г. и вызвали широкую дискуссию в американском обществе и Конгрессе [708]. Неправильное толкование деятельности Комитета было настолько распространенным, что в течение нескольких недель лета 1918 г. года штаб-квартира Комитета была наводнена просьбами авторов отрецензировать их статьи и книги перед публикацией [709].

30 июня 1919 г. в связи с окончанием Первой мировой войны Комитет был распущен. Несмотря на краткий срок, итоги его деятельности впечатляют. За 1918–1919 гг. Комитет получил более 9,5 млн долларов государственных ассигнований, из которых 5,6 млн поступило из президентского Национального фонда защиты и обороны, а 1,25 млн — прямое финансирование из Конгресса и т.д. [710]. В результате использования этих средств, а также в силу законопослушности американских граждан пацифистские² и подчас настроенные против Антанты Соединенные Штаты³ уже 5 июня 1917 г. дали 9,6 млн призывников, из которых более полумиллиона отправилось на фронт. При этом общая численность Американского экспедиционного корпуса в Европе к концу войны превысила 4 млн 791 тыс. человек (из них 2,8 млн было призвано по закону о всеобщей воинской повинности). Во время второй

---

¹ Он вел в ряде ежедневных центральных газет контрпропагандистскую колонку «Немецкая ложь» (*Sweeney M.S. The Daily German Lie./American Journalism. Vol. 23, No. 3. P. 9–28.*)

² В секретном докладе Веллингтон Хауса, направленном британскому кабинету министров 7 марта 1917 г., отмечалось «значительное отсутствие... энтузиазма» к войне у американцев (особенно в западных штатах) (*Fleming T. Op. cit. P. 44.*)

³ Единственными штатами, стабильно поддерживавшим вступление в войну с лета 1914 г., были Нью-Йорк, чье мнение выражали воротилы финансового капитала, и Калифорния.

призывной кампании (12 сентября 1918 г.) было зарегистрировано 13,2 млн призывников [711]. Протестное движение не имело большого размаха и свелось к разрозненным акциям: пацифистский митинг 600 шахтеров в Миннесоте, манифестация сельскохозяйственных рабочих в Оклахоме (арестовано 460 человек), а также уклонение от несения воинской обязанности (340 тыс. человек). Под воздействием государственной пропаганды с весны до конца 1917 г. число владельцев госзайма выросло с 350 тыс. до 10 млн человек. Если в начале войны Красный Крест США насчитывал в своих рядах около полумиллиона членов, а фонды составляли 200 тыс. долларов, то к концу войны в нем уже состояло 20 млн человек, а поступления возросли до 400 млн долларов [712].

И это неудивительно, ведь «следы <интеллектуальной и эмоциональной> «бомбардировки» <Комитета общественной информации> окружали людей со всех сторон: в рекламе, новостях, речах добровольцев, на плакатах, в школах и театрах. Военные флаги были вывешены на миллионах американских домов. Война и ее идеалы постоянно доводились до «глаз и ушей населения» [713]. Выйдя из дома, каждый американец попадал в водоворот военной агитации: в почтовом ящике обязательно находилось какое-либо печатное издание «Комитета Крила» или его реклама в газете, проходя по увешанной флагами улице, он обязательно слышал нескольких ораторов и радиопередачи, на работе получал новую пропагандистскую брошюру¹, в кинотеатре смотрел разрекламированный фильм о злодеяниях немцев и героизме Антанты, а вернувшись домой, подвергался «обработке» детьми, посмотревшими патристические мультфильмы. К середине 1918 г. Америку накрыл «патристический смерч». Однако самое главное — был сделан решающий шаг к тому, чтобы американское сознание перестало быть провинциальным, отразив возросший статус страны как одной из ведущих мировых держав.

С деятельностью Комитета общественной информации связано появление государственного аппарата американской

---

¹ Материалы Комитета, помимо печати, направлялись в 9 тыс. библиотек, 17 тыс. отделений профсоюзов, 47 тыс. банков и других предприятий, 56 тыс. почтовых отделений (см.: *Волковский Н.П.* Указ. соч. С. 98).

*Свободе нужен
меч! Покупай
облигации третьего
государственного займа!*

пропаганды. Его создание стало во многом результатом «экономического втягивания» Соединенных Штатов в войну, которым (без сопротивления Белого дома) занимались обе противоборствующие стороны, а также специальной пропаганды последних. Как утверждают некоторые исследователи, именно британская пропагандистская кампания против американского нейтралитета, рисовавшая войну борьбой добра (Антанта) и зла (Тройственный союз), стала во многом причиной вступления Соединенных Штатов в Первую мировую войну [714]. Последнее было предопределено как идейным родством демократических моделей обеих стран, так и военными заказами.

Очень велико было воздействие на американскую аудиторию кинолент, снятых Голливудом совместно с Комитетом общественной информации. Здесь очень ярко видна перемена в тематике: от «периода готовности» до откровенно антигерманских фильмов, которые стали появляться с середины 1917 г. Их действие многократно усиливалось выступления-

ми добровольных ораторов, а также листовками и плакатами, в которых обыгрывались основные стереотипы американского общественного сознания. Комитет общественной информации с первых своих дней шел в русле идей, неоднократно повторенных англо-французской спецпропагандой:

- 1) враг несет угрозу нашей жизни;
- 2) противник нарушает моральные и правовые нормы;
- 3) мы ведем оборонительную войну;
- 4) мы защищаем в первую очередь союзников, а затем — себя;
- 5) мы воюем не столько за свои интересы, сколько за восстановление нравственности;
- 6) враг обязательно будет сокрушен [715].

Некоторые авторы выделяют следующие цели пропагандистской кампании «Комитета Крила»:

- 1) мобилизовать общественное сознание и формировать резко негативный образ врага;
- 2) доказать правоту действий Антанты;
- 3) культивировать дух дружбы с союзниками;
- 4) показать, что нейтральные страны — это также потенциальные союзники Америки [716].

Основными средствами пропаганды в США на данном периоде являлись листовки и четырехминутные лекции на площадях, в школах и церквях. Тем самым возродилась традиция устной агитации времен войны за независимость [717].

Экономическое развитие США в годы войны

Война оказала существенное влияние на экономику США, вызвав рост объемов производства в основополагающих отраслях. Но это спровоцировало с октября 1914 по март 1915 г. кризис перепроизводства, вызвав значительное сокращение добычи угля, производства металлов, тканей и иного сырья. Показатели промышленного производства в 1914 г. в сравнении с предыдущим годом упали на 15,5 пункта.

С середины 1915 г. ситуация в экономике США начала изменяться. Война в Европе приобретала затяжной характер и требовала от стран-участниц значительных денежных и материальных ресурсов, что серьезно увеличило значение США

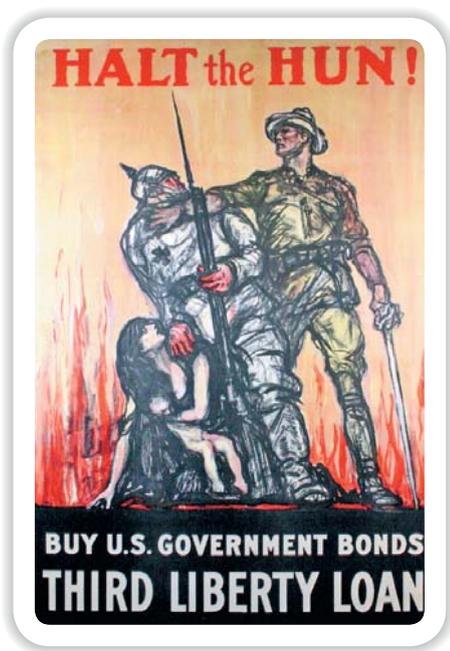
как поставщика военных материалов. Военные заказы становятся важнейшим источником дохода американских компаний [718].

Развитие международных отношений в начале XX в., а также морская блокада Германии предопределили участие США в войне на стороне Антанты, хотя в период 1914–1917 гг. данное участие ограничивалось экономическим фактором. Военные закупки Великобритании и Франции в период с августа 1914 по апрель 1917 г. равнялись 3–5 млрд долларов. Другим источником доходов для экономики США стали займы европейских держав, которые достигли к моменту вступления Штатов в войну 2 млрд долларов. Экспорт Соединенных Штатов в Великобританию и Францию в 1916 г. составил 80% общего экспорта (в начале войны — только 35%).

Военные заказы стали главным фактором в развитии экономики, способствовали быстрой ликвидации кризиса перепроизводства. Если индекс промышленного производства в 1915 г. превысил уровень 1913 г. всего на 3 пункта, то в 1916 г. — на 38 [719]. Производство ключевых видов промышленных товаров существенно возросло, особенно по сравнению с кризисным 1914 г. Золото держав Антанты стало пополнять хранилища американских банков. К периоду 1916–1917 гг. золотой запас Соединенных Штатов вырос до 2,7 млрд долларов, составив примерно треть мирового запаса.

В условиях войны американские предприниматели, пользуясь повышенным спросом на военные материалы в иностранных государствах, назначали любые цены, что вело к резкому повышению доходов и еще большему обогащению банкиров и хозяев монополий. Прибыли компаний — лидеров американского рынка достигали за каждый год войны 1,5 млрд долларов. А доходы акционерных обществ в США возросли к 1916 г. до 8,7 млрд долларов (в 1913 г. — 3,9 млрд) [720].

Но тенденция к повышению объемов производства была не единственной в американской экономике периода 1914–1918 гг. В итоге роста производства в важнейших отраслях, размещения военных заказов Великобритании и Франции место и роль США в мировой хозяйственной системе резко изменились. Штаты по финансово-экономическим показате-

Американский плакат, призывающий покупать облигации государственного займа, чтобы остановить вторжение в Европу «новых гуннов» — пруссаков

лям вышли на первое место в мире и стали вытеснять Великобританию, Францию, Россию из мировой торговли и с их традиционных рынков сбыта [721].

В период с 1914 по 1918 г. существенно возросло экономическое проникновение американского капитала в соседние регионы. Атлантическая и отчасти тихоокеанская торговля и перевозки попали под контроль американских компаний. К концу войны экспорт превышал импорт на 3,1 млрд долларов (в начале войны — только 600 млн долларов) [722]. Вместе с промышленными товарами увеличивается за четыре военных года и вывоз капиталов. В 1918 г. в США существовали иностранные вложения на сумму более 3 млрд долларов, тогда как в Европе, Китае и Южной Америке вложения США всех видов поднялись до 7 млрд долларов [723]. В октябре 1915 г. США предоставляли займы правительствам Антанты в сверхкрупном размере — до 1,5 млрд долларов, что знаменовало поворот в истории финансовых отношений США и стран Ев-

ропы. В бизнес-кругах открыто обсуждали идеи использования в будущей политике европейских и азиатских долгов, а также заменить фунт стерлингов долларом в международных операциях [724].

Ведущими направлениями и сферами приложения американских финансов оставались Центральная и Южная Америка, страны бассейна Карибского моря, а также Россия, Китай, Индия. Общий объем капиталовложений США и их торговли с этими регионами и странами значительно вырос за 1913–1918 гг. Но экономическая экспансия наталкивалась на сопротивление стран Латинской Америки, не желавших попасть в цепкие руки «старшего соседа», и противодействие империалистов европейских стран и Японии [725].

Во внутренних экономических делах правительство Вильсона начало вмешиваться в сферу материального производства, но лишь тогда, когда частный бизнес отказывался рисковать капиталами или не мог достичь общего согласия. Показательным проявлением усилившегося государственного вмешательства в сферу экономики стала деятельность Федеральной промышленной комиссии (ФПК), созданной по закону Ковингтона от 26 сентября 1914 г. Даная комиссия, основываясь на нескольких положениях известного антитрестовского закона Клейтона (15 октября 1914 г.), пыталась ослабить конкурентную борьбу, ограничить произвол монополий и этим обеспечить плавный ход хозяйственного механизма [726]. Работа правительства в области финансов и промышленности была чрезвычайно разнообразна и продуктивна, что дало основания американским газетам говорить о «новой эре взаимной полезности» в отношениях деловых кругов и государства, а некоторые реформаторы даже предлагали создать министерство общественных работ [727].

Значимое место в экономической программе и планах администрации В. Вильсона занимали меры по поддержке возросшей экспансии американского финансового капитала. В начале мировой войны Вильсон выступил с идеей усилить экспансию США в целях достижения «новой великой роли в новом веке мировой истории». Он предлагал ведущим финансистам отказаться от «отсталого, провинциально-мечтательного» под-

хода и предлагал «поднять глаза к горизонту». В тоне проповедника Вильсон восклицал: «Пусть ваши мысль и воображение бегут за наши границы, по всему свету... Идите же, продавайте товары, которые сделают мир более удобным и счастливым, и обращайтесь к принципам Америки!» [728].

С началом боевых действий в Европе Белый дом активизировал свою деятельность, подталкивая вывоз товаров и капиталов. Правительство США приняло также несколько законодательных мер для обеспечения экспансии, хотя часть из них вступала в противоречие с традиционными для демократов принципами свободы торговли и только что принятым законодательством против трестов.

Важную, определяющую роль играл закон о федеральном управлении судоходством (ФУС). Борьба за его принятие, длившаяся более двух лет, отразила сложный, противоречивый характер процесса вызревания государственно-монополистического капитализма, столкновения общих интересов класса буржуазии, защиту которых взяло на себя правительство, и частных интересов отдельных фракций, монополий и партийных клик. Проведение закона оказало значительное воздействие и на политическое будущее президента США и его партии [729].

Еще в середине 1916 г. администрация Вильсона предприняла несколько мер по мобилизации экономики. Вильсон одобрял так называемое движение «индустриальной готовности» и провел через конгресс законы, не только увеличившие военные расходы США, но и создавшие ряд органов мобилизации экономики на случай войны, в том числе Совет национальной обороны (СНО) и Совещательную комиссию при нем. В этих государственных органах члены правительства открыто сотрудничали с представителями крупного бизнеса. Администрация демократов попыталась собрать и необходимые для военных приготовлений средства. Однако вокруг вопроса о финансировании этих приготовлений в стране и конгрессе разгорелись острые споры. Большинство демократов традиционно избегало возрастания государственного долга через внутренние займы. Увеличение же налогов могло вызвать недовольство в стране.

Лидеры рабочих и фермерских организаций, мелких и средних предпринимателей, пацифистски настроенные избиратели, особенно в штатах Юга и Запада, предлагали увеличить налоги на промышленников, занятых военным производством, на предметы роскоши и при получении наследства. Крупный же бизнес требовал увеличения числа лиц, облагаемых налогами, и самих налогов, особенно косвенных. В итоге недолгого, но жесткого противостояния в конгрессе был принят закон, по ряду пунктов отвечавший требованиям большинства граждан. Вводились 8%-ный налог на прибыль корпораций и налог на так называемую военную сверхприбыль, а также федеральный налог на передачу наследства. Либерально-буржуазные круги одобрили закон, хотя он резко увеличивал также и косвенные налоги.

Таким образом, в период «нейтралитета» и войны администрация Вильсона совершила ряд важнейших экономических действий, направленных на завоевание США в мире совершенно новой роли. Начало войны и связанный с этим рост экономики, усилив в целом как промышленность и финансы США, так и в частности могущество ведущих компаний, выявили важный факт, что некоторые представители частного бизнеса оказались неготовыми, прежде всего в идеологическом плане, принять «широкий и патриотический взгляд». Поэтому администрация президента и правительство демократов были вынуждены взять регулирование экономических процессов на себя, частично вмешиваясь в сферу промышленности и финансов.

Развитие экономики США военных лет показывает, что государство все больше отходило от политики невмешательства в дела бизнеса и становилось активным субъектом ключевых экономических процессов, имея своей целью прежде всего защиту интересов крупнейших компаний. Все это было свидетельством не только усиления власти монополий, но и обострения противоречий американской экономической системы в годы мировой войны.

ГЛАВА 9

Таинственная Япония

Для понимания общего контекста развития Первой мировой войны необходимо изучение ее причин и хода конфликта не только в Европе, но и в других регионах, где переплетались интересы великих держав. Одним из таких «узловых» районов был Азиатско-Тихоокеанский регион, в котором к 1914 г. наблюдалось соперничество и противоречия как между Центральными державами и Антантой, так и внутри данных военно-политических блоков, в том числе противоречия, главным образом в Китае между Японией, с одной стороны, и Великобританией, Россией, США — с другой. На протяжении предвоенного периода борьба шла за контроль не только над сырьевыми, людскими и финансовыми ресурсами и рынками сбыта данного региона, но и над политическими, идеологическими процессами в Китае.

В подобной сложной политической и экономической ситуации на Дальнем Востоке и Тихом океане особая роль принадлежала Японии — сильнейшей в военном плане азиатской державе. От позиции японской правящей элиты и японского общества во многом зависело, какие очертания примет мировая война в Азии. От безопасности азиатских и тихоокеанских линий коммуникаций сильно зависело экономическое положение Британской империи, США, России. Победа или даже

свободные действия немецких рейдеров могли поставить всю торговлю в регионе под угрозу, сорвать графики доставки военных материалов для России, изменить цены на стратегические ресурсы. Ввиду слабости ВМС Антанты на Тихом океане особое значение приобретала помощь японского флота, который был способен склонить в нужную сторону военно-морское противоборство в регионе.

В современной историографии участие Японии в Первой мировой войне рассматривается, как правило, во внешнеполитическом или экономическом плане. Взаимоотношению Японии с Россией, Китаем и Западом посвящены публикации В.Э. Молодякова, А.А. Кошкина, В.А. Золотарева, Я.А. Шулатова, Э.А. Барышева, А.Н. Мещерякова и др. [730]. Важно, опираясь на эти работы, а также на документы из японских архивов и материалы периодической печати Японии, рассмотреть не только внешнеполитическую сторону участия Страны восходящего солнца в мировом конфликте, но и отношение общества Японии к войне, восприятие экономических и политических успехов 1914–1918 гг. японскими гражданами, прессой и политической элитой.

Предпосылки участия Японии в Первой мировой войне были заложены на предшествующем этапе исторического развития, когда после реставрации Мэйдзи (1868) началась модернизация как экономики, так и общественно-политического устройства Японии. Одним из существенных последствий правления Мэйдзи стал приход к власти новой политической элиты из бывших феодальных княжеств Сацума, Тоса, Тесю, которая монополизировала государственный аппарат [731]. Во внешнеполитическом плане новая элита была нацелена на установление контроля над архипелагом Рюкю, Тайванем и Кореей, что привело в 1894–1895 гг. к войне с Китаем, а по ее итогам стала практически неизбежной Русско-японская война. Победа 1905 г. поставила перед японским обществом и государством новые задачи: продолжение экономических и политических реформ, перевооружение армии и флота, а главное — борьба за сохранение достигнутых результатов в Корее, Маньчжурии и Китае, который становился центром переплетения противоречий великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

К началу Первой мировой войны японское общество и в экономическом, и в социально-политическом плане проходило развитие по «догоняющей модели» [732]. Официально, хотя и с большой долей японской специфики, шел процесс вестернизации общественной и политической жизни [733]. В 1912 г. со смертью императора эпоха Мэйдзи закончилась, и стал править его сын Есихито, принявший девиз правления — Тайсе. При этом как конфигурация правящих группировок, так и настроения в японском обществе остались без серьезных изменений. Как и при Мэйдзи, в период 1912–1927 гг. наибольшим влиянием пользовались гэнро (старейшины), которых к началу Первой мировой войны осталось пять: Ямагата Аритомо, Мацуката Масаеси, Иноуэ Каору, Ояма Ивао, Сайондзи Киммоти [734]. Все они, за исключением Сайондзи, были выходцами из княжеств Сацума и Тесю, и именно от них зависели все важнейшие решения во всех сферах жизни японского общества.

Вторым по влиянию органом, обязанности которого по Конституции 1889 г. были практически не определены, являлся Тайный совет из 24 человек, назначаемых императором [735]. Учитывая проблемы со здоровьем у императора Тайсе, реальная полнота всей власти принадлежала Тайному совету, который, в свою очередь, контролировался гэнро. Наиболее влиятельным гэнро, после убийства Ито Хиробуми, стал маршал Ямагата.

Власть премьер-министра и парламента в этих условиях была более чем скромной. Двухпалатный парламент Японии не мог назначать премьер-министра и членов его кабинета, не являлся высшим законодательным органом, а единственным правом парламентариев было обсуждение бюджета [736]. За места в нижней палате парламента традиционно боролись две партии — Риккэн Сэйюкай («Друзья политики конституционного правления») и Кэнсэйкай («Партия конституционной политики»), которые представляли собой не массовые политические партии в европейском понимании, а «подобие кланов, организованных на феодальных основаниях» [737]. В практически полной независимости от премьера и парламента существовали военное и военно-морское министерство, чье руководство, согласно Конституции 1889 г., напрямую подчинялось императору.

В этих специфических условиях вопросы, связанные как с внутривнутриполитической жизнью, так и с внешнеполитическим курсом, оказались в руках, с одной стороны, гэнро, продолжавших традиции эпохи Мэйдзи, с другой стороны, — высших чинов армии и флота, выступавших за активизацию политики в Китае. При этом позиции высшего армейского руководства (Тэраути Масатакэ, Кусуносэ Юкихико, Танака Гиити, Исимото Синроку) были более сильными из-за покровительства маршала Ямагата, который в 1873–1878 гг. был министром армии, а в 1878–1905 гг. (с перерывами) — начальником генерального штаба и в своей политической деятельности старался продвигать в премьер-министры своих бывших подчиненных (так премьерами стали Кацура Таро, Тэраути Масатакэ, Танака Гиити) [738]. Поэтому и решение о вступлении Японии в Первую мировую войну во многом зависело от расклада сил в Тайном совете и позиции каждого из гэнро.

Но кроме взглядов политической элиты, на итоговое решение о войне оказывало влияние и настроение общественности. Успешные войны 1894–1895 и 1904–1905 гг., а также победное участие в подавлении восстания ихэтуаней вызвали в Японии сильный патриотический подъем, который к 1914 г. стал не просто одним из постоянно действующих факторов внутривнутриполитической жизни, но и импульсом к развитию националистической и милитаристской кампаний в японской прессе: газеты «Taiwan Shimpō day Sun» [739], «Osaka Asahi Shimbun» [740] и «Kobe Matashin daily report» [741] перед войной часто публиковали аналитические статьи с экономическим положением стран Азии (особенно Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии), где доказывалась необходимость срочного вовлечения данных стран в сферу сначала экономических интересов Японии, а затем и политических.

Можно заключить, что японское общество к 1914 г. было подготовлено прессой в плане возможных причин войны: пропаганда с 1894 г. и особенно в период 1905–1914 гг. формировала образ не конкретного врага-государства, а «белого колонизатора» как главной угрозы безопасности и интересам империи.

Помимо прессы пропагандой паназиатизма занимались несколько общенациональных и региональных обществ, которые

уже в 1912–1914 гг. отстаивали идеи формирования «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», и данные теории становились все более популярными и известными в японском обществе периода Первой мировой войны [742].

Самые крупные подобные организации «Азия-гикай», «Кокурюкай», «Тайхей» создавались при поддержке крупных политических деятелей (как правило, выходцев из Сацумы и Тесю), генералов, а идеологической подготовкой и распространением теорий руководили профессор Токийского университета [743]. Через прессу японская общественность внимательно следила за эволюцией идеи паназиатизма, а к началу мировой войны эта идеология оказалась одной из ведущих: в период с 1894 по 1914 г. ведущие периодические издания Японии доказывали, что основная цель Страны восходящего солнца — укрепление позиций в Корее, Китае, Маньчжурии, Индокитае [744].

Руководство названных обществ и организаций после создания японских отделений распространило филиалы обществ в Китае, Корее, Таиланде, Индии, на Филиппинах [745]. Через идеологов паназиатизма к 1914 г. в японском обществе доминировала мысль, что Япония, ставшая за «великий период Мэй-дзи» самым развитым и сильным государством в Азии, должна объединить и возглавить другие азиатские страны в битве за их освобождение от господства белой расы [746]. В японской прессе в предвоенный период активно отстаивалась мысль, что все азиатские государства и народы должны ориентироваться на Японию, так как от ее действий на международной арене зависит «успех в их освобождении» [747]. Газеты «Asahi Shimbun», «Osaka Shimbun» и журнал «The Japan Magazine» писали, что Филиппины, Корея, Китай могут сохранить целостность, экономику и культуру только после перехода «в сферу сопроцветания Японии» [748].

Таким образом, длительная пропаганда идей паназиатизма создала в японском обществе уникальную ситуацию (в отличие от России и стран Запада [749]): к 1914 г. все западные державы воспринимались прессой и общественностью Японии как потенциальные враги, война против которых в глазах японских граждан выглядела закономерной, логичной и полностью отвечающей интересам государства и нации. Поэтому от прави-

Офицеры Германской Восточноазиатской крейсерской эскадры

тельства не потребовалось дополнительных, а главное долгих усилий для пропаганды причин и целей войны — они благодаря публикациям 1905–1914 гг. были хорошо известны в обществе. Но это же обстоятельство вызвало споры по другому вопросу: на стороне какого военно-политического блока должна выступить Страна восходящего солнца?

С конца июля 1914 г. в правительстве, среди гэнро и в прессе шла дискуссия о месте и роли Японии в разворачивающемся мировом конфликте. Сторонники недавно умершего премьера и гэнро Кацура Таро (генералы Танака, Тэраути) считали, что Япония должна поддержать Германию и выступить на Дальнем Востоке против Великобритании [750]. О серьезном обсуждении такого варианта действий говорит тот факт, что с 1910 по 1914 г. министерство иностранных дел Японии готовило аналитический обзор дальневосточных колоний Британской империи, где указывались не только их самые уязвимые места, но и прояпонские настроения местного населения [751].

Однако действующий премьер-министр Окума Сигэнобу доказывал необходимость воевать на стороне Антанты, захватив китайские и тихоокеанские владения Германии. Главным объектом премьер считал военно-морскую базу Циндао,

о чем не раз сообщал военному министру Ока Итиносукэ [752]. 1 августа 1914 г. (еще в разгар споров о стороне в конфликте) военное министерство Японии подготовило на имя императора запрос об экстренном увеличении финансирования в связи с подготовкой к войне, хотя противник определен еще не был [753]. Через две недели тот же вопрос был поднят на чрезвычайном заседании парламента, где быстро получил всеобщую поддержку [754]. Главное, что ни японские военные, ни политики не сомневались в основном вопросе — Япония обязана принять участие в надвигающейся войне.

Определяющей оказалась позиция ключевого гэнро — маршала Ямагата, который высказался за войну против Германии как наиболее перспективный вариант [755]. В первой половине августа 1914 г. японское правительство подготовило серию документов, где обосновывалось вступление в войну как необходимое действие в рамках юрисдикции лондонского договора 1902 г. [756]. Однако ни одно положение данных секретных документов до общественности и прессы не дошло. Специально для рядовых граждан было подготовлено заявление императора Тайсе, в котором указывалось на стремление Японии к миру в Азии, тогда как «базы Германии в Китае — угроза миру», кроме того, император подчеркивал, что Япония объявляет войну из-за верности союзническому долгу [757].

Итак, как видно, японское правительство в результате долговременного плана идеологической подготовки к войне чрезвычайно оперативно представило общественности официальную версию причин и целей Японии в данном конфликте. А письменное обращение императора должно было служить решающим, мобилизующим фактором для общественности. И действительно, уже 23 августа 1914 г. война и «императорский текст» стали главными новостями в прессе: его публикуют центральные токийские газеты «Токуо nichinichi shinbun», «Asahi Shimbun», а также издания других крупных городов «Osaka Asahi Shimbun», «Chugoku Shimbun», «Kobe Shimbun», сопровождаая патриотическими комментариями и даже клятвами [758].

Кроме того, другими важными темами в прессе в первый день вступления в войну были: 1) боевые действия в Европе

и возможные перспективы японских войск — такие публикации, как правило, занимали первые полосы японских газет; 2) разрыв дипломатических отношений между Германией и Японией, хотя объявление войны это подразумевало, но редакторы особо подчеркивали, что разрыв отношений и объявление войны 23 августа предшествовали началу активных боевых действий [759]. Логика поведения прессы здесь может быть следующая: журналистам было важно подчеркнуть, что новую войну Япония начинает при строгом соблюдении всех международных норм, так как это сильно переключалось с заявлением императора Тайсе о «моральном обосновании причин войны» [760].

Однако самой популярной темой в прессе, после сенсационной новости о войне, были прогнозы о социально-экономических последствиях участия Японии в конфликте. Газеты писали 23–24 августа 1914 г. о повышении тарифов морского страхования, что особенно важно было для японской торговли [761]; о возможных проблемах в поставке сырья для японских предприятий [762]; о затруднениях в товарообмене между Японией и Великобританией [763].

И в этих условиях тема возможных экономических трудностей была в прессе тесно связана с идеями паназиатизма: если Япония берет на себя миссию по защите Азии от Германии (со второй половины августа 1914 г. абстрактный «белый колонизатор» на страницах японских газет превратился в конкретного врага), то остальные азиатские государства, в особенности Китай, обязаны помочь Японии перенести материальное бремя конфликта. Важно подчеркнуть, что с началом осады Циндао (31 октября 1914 г.) данные идеи высказывались японскими журналистами строго после публикации хроники успешных боевых действий армии микадо в Китае [764].

Начало осады крепости Циндао вызывает в японском обществе новый патриотический подъем [765]. Первые победы отвлекают внимание японской общественности от негативных сторон войны: во внутренней политике кабинета Окумы прессы уже к ноябрю 1914 г. отметила рост недовольства населения высокими налогами, строгой цензурой, повышением цен [766]. Поэтому на протяжении всей кампании против Циндао

Гибель Германской Восточноазиатской эскадры. 8 декабря 1914 г.

подконтрольная премьеру пресса акцентировала внимание на военных успехах [767], а оппозиционные газеты — на негативных сторонах развития экономики.

Чтобы скорректировать общественное мнение на рубеже октября-ноября 1914 г., лояльные Окума периодические издания публикуют серию репортажей и очерков о мерах, принятых кабинетом министров для поддержки промышленности. Так, издание «Jijishinpo» (Токио) указывает на снижение налогов для сталелитейной промышленности, что, по мнению журналистов, должно способствовать увеличению производственных мощностей в судостроении [768]. «Chugai commercial Shimpo» подробно описывает действия Окума по спасению производства шелка [769], а редакционная статья во влиятельной газете «Kobe Shimbun» повествовала о «комплексных мерах по содействию промышленности» [770].

Другим важным способом отвлечения общественного внимания от внутренних проблем была публикация в прессе очерков о состоянии экономики как союзников по Антанте, так и противников, где неизменно подчеркивалось ухудшение

экономических показателей и сползание европейской экономики в кризис [771]. Однако преодолению определенного недовольства общественности способствовали, главным образом, не эти меры правительства, а очень быстрая победа под Циндао — крепость пала уже 7 ноября 1914 г.

8 ноября ведущие газеты Японии вышли с новостями на первой полосе о сенсационной победе. В редакционной статье «Osaka Asahi Shimbun» отмечается, что «падение Циндао было лишь вопросом времени, учитывая неукротимость и настойчивость подданных императора» [772]. Другие газеты также отмечали, что быстрое взятие крепости — это прежде всего заслуга императора, вдохновляющего солдат [773]. Подобные публикации оперативно сформировали в японском обществе чувство единения простого гражданина с солдатами и императором. Но в общем контексте патриотической информации и крайне скупого описания военной стороны операции в одной из газет — «Osaka Asahi Shimbun» — были напечатаны весьма любопытные сведения о захвате базы: «Атака наших войск 6 ноября производилась лишь на передовые укрепления, а не настоящий штурм, но благодаря хорошим тактическим действиям удалось захватить всю крепость» [774].

К такому же выводу годы спустя придут и советские военные историки, анализировавшие японскую операцию [775]. Тем не менее даже частичное признание газетой «Osaka Asahi Shimbun» случайного характера захвата базы не находит поддержки ни у других журналистов, ни у редакторов издания, которые — как отмечалось выше, в редакционном материале указывали, что японская победа была предопределена.

Но главное — падение Циндао сразу стало использоваться японскими журналистами для пропаганды идей паназиатизма. Так, издание «Osaka Asahi Shimbun» указывает: «Кайзер Вильгельм постоянно кричал о желтой опасности, но наша победа демонстрирует всему свободному миру принципы цивилизованности и гуманизма» [776]. «Токуо nichinichi shinbun» ту же идею доказывает через экономический фактор, предсказывая, что «порт Циндао и близлежащие территории, оккупацией которых занята наша армия, будут превращены в отличный и оборудованный центр торговли в Китае» [777]. А далее токийские

журналисты (и их коллеги из Осаки) высказали уверенность, что активное использование Циндао подорвет внешнеторговые позиции Шанхая, вследствие чего зависимость Китая от Великобритании значительно снизится и Поднебесная перейдет под протекторат Японии [778].

Видно, что захват Циндао напрямую повлиял на настроения японской прессы, избавив на некоторое время кабинет Окума от критики радикальных СМИ. Однако эйфория общественности и прессы по поводу победы быстро проходит, и появляются новые проблемы и вопросы, обсуждаемые как среди гэнро и министров, так и среди представителей периодической печати.

Уже 8 ноября 1914 г. на повестке дня оказались два наиболее сложных вопроса: 1) должна ли Япония расширить свое участие в войне, и если должна, то на каком фронте и какими силами; 2) дальнейшая политика в Китае должна строиться вокруг Циндао (развитие и укрепление только данной базы) или необходимо не ограничиваться провинцией Шаньдун, а распространить экономическое, а затем и политическое влияние на весь Северный Китай. Эти вопросы прошли многоэтапные обсуждения в Тайном совете и на совещаниях правительства [779].

Относительно первого вопроса японская пресса практически однозначно высказалась за расширение участия в войне. Так, «Токуо nichinichi shinbun» доказывала, что без привлечения японского флота война в Европе быстро не закончится, а надежды Великобритании на помощь США газета назвала «нелепым ожиданием чуда» [780]. Почти такой же прогноз сразу после падения Циндао дает и газета «Jijishinpro», сообщая о секретных переговорах Великобритании и Японии по поводу отправки на Западный фронт японского контингента в составе 500 тыс. солдат [781]. Причем журналисты расценивали данный шаг как совершенно логичный в условиях затягивающейся войны в Европе. Об этом же пишет 8 ноября 1914 г. и «Osaka mainichi shinbun», но издание выражает недовольство посылкой только 500 тыс. войска, редакторы считают, что «наша армия в Европе должна быть настолько большой, чтобы, быстро уничтожив сопротивление, внести свой вклад в мир во всем мире и чтобы японские требования в дальнейшем были учтены» [782].

Подобные идеи обсуждались в прессе с подачи премьер-министра Окума и маршала Ямагата, которые были наиболее заинтересованными в расширении военных возможностей Японии среди политической элиты Страны восходящего солнца [783]. Министр иностранных дел Японии Като также не возражал против отправки японских войск в Европу, но, в отличие от радикальных журналистов, доказывал, что 500 тыс. войска будет более чем достаточно. Однако другие гэнро и прежде всего принц Сайондзи отнеслись к такому плану более чем прохладно, всячески препятствуя премьер-министру в развитии его военных инициатив [784].

Причины блокирования предложений премьера Окума тесно связаны с обсуждением второго актуального внешнеполитического вопроса: политика Японии в Китае. Периодическая печать сразу после захвата Циндао стала активно обсуждать дальнейшую судьбу базы и всей провинции Шаньдун. Издания «Osaka Shimpō», «Tokyo nichinichi shinbun» и «Chugai commercial Shimpō» уже 7–8 ноября 1914 г. предрекали быстрое развитие внешней торговли через Циндао, удешевление японских товаров в Китае, а следовательно, повышенный спрос на них, вытеснение европейских конкурентов с китайского рынка и даже успешную борьбу с американскими компаниями [785]. Видно, что часть прессы Японии предлагала ограничиться занятием лишь одной, наиболее крупной в провинции Шаньдун базы, и, используя ее возможности, продолжать экономическое проникновение в Китай.

Другая группа периодических изданий Японии настаивала на совершенно ином варианте. Так, газета «Osaka mainichi shinbun» с 7 по 19 ноября 1914 г. опубликовала серию редакционных статей, где доказывалось, что Япония должна немедленно перенять у Германии всю систему управления концессиями, железными дорогами и экономикой провинции Шаньдун, чтобы в ближайшем будущем закрепить и политические права на данную часть Китая. В качестве очевидных и логичных, по мнению журналистов, причин такого решения указывалось не только право завоевателей, но и близость Шаньдуна к Корее, то есть в глазах редакторов «Osaka mainichi shinbun» присоединение Шаньдуна к японским колониям — совершенно

закономерный шаг [786]. Очень похожие идеи о политическом контроле над провинцией и создании японской системы управления в ней высказывались на страницах «Asahi Shimbun» и «Yamato» [787].

Эти идеи быстро увлекли и остальные газеты Японии, а главное, воспринимались общественностью как закономерное развитие военных успехов Японии, а также как еще одно подтверждение победы паназиатизма: общественно-политические круги Японии формировали у общества представление, что оккупация Северного Китая станет благом для самих китайцев. Видя перспективы китайского направления, премьер Окума и маршал Ямагата быстро прекращают дискуссии об отправке войск в Европу, и во второй половине ноября Шаньдун с населением более 30 млн человек был занят войсками микадо [788].

Пресса и общественность Японии восприняли это внешнеполитическое действие в полном соответствии с духом теории паназиатизма [789]. Но новый успех вызвал и в правительстве, и в обществе новые острые обсуждения, следует ли Японии остановиться только на Шаньдуне или необходимо использовать уникальную ситуацию для расширения экономического и политического влияния на весь Северный Китай. В этих условиях премьер Окума и глава МИД Като предлагают совершенно иной, более радикальный вариант [790].

Еще в ноябре 1914 г. были намечены первые контуры глобального плана внешнеполитического ведомства Японии по установлению не просто экономического, но и военно-политического контроля над провинцией Шаньдун [791]. Однако правительство Юань Шикая, видя в этом угрозу суверенитету Китая и стабильности пекинской власти, дважды обратилось к Като и Окума с просьбой вывести войска из Китая в связи с окончанием боевых действий. Подобное требование от 7 ноября 1915 г. было оглашено в японской печати и вызвало настоящую волну возмущения и антикитайской риторики [792]. Общественность, патриотические организации и парламент Японии требовали срочно наказать Китай и Юань Шикая за «оскорбительные заявления». Именно данная общественная кампания, спровоцированная Като и Окума вокруг ноты китайского правительства, решила старый спор в японских кругах

по поводу приоритетного направления в войне: уже 18 января 1915 г. японский посланник Хиоки вручил Юань Шикаю ультиматум «21 требование».

Детально разбирать общеизвестные условия и положения ультиматума [793] не входит в задачи настоящей работы. Важнее показать, как общество и пресса Японии отреагировали на это второе крупное международное действие Страны восходящего солнца с начала Первой мировой войны. Пять групп требований вызвали живейший интерес в японской прессе. Первая группа подразумевала передачу Японии прав Германии в Шаньдуне. Вторая группа расширяла японские права и касалась Маньчжурии и Внутренней Монголии. Като и Окума требовали в аренду Порт-Артур, Даляня, Южно-Маньчжурскую, Аньдун-Мукденскую и Цзилинь-Чанчуньскую железные дороги на 99 лет, а также предоставления права свободной торговли для японцев в указанном районе, свободной покупки земли и промышленных объектов, свободы проживания и передвижения, свободной добычи полезных ископаемых. Третья группа касалась Ханьепинского комплекса металлургических заводов, которые требовалось отдать в совместное японо-китайское управление. Четвертая группа лишала Китай права свободно распоряжаться гаванями, бухтами и островами китайского побережья. Пятая группа рекомендовала приглашение японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при правительстве Юань Шикая, а также широкие экономические возможности для Японии в Центральном и Южном Китае [794].

Сам факт подачи ультиматума остался практически незамеченным для японской прессы, так как конкретное содержание положений документа не было обнародовано до 25 января 1915 г. Тем не менее в период 18–25 января 1915 г. на страницах газет Японии активно обсуждались примерно те же вопросы, что и в «21 требовании». Так, издание «*Manchuria daily newspaper*» открывает дискуссию о несовершенстве китайской системы местного самоуправления, открыто призывая к японской помощи в этом вопросе [795]. Авторитетное издание «*Jijishinpro*» обращает внимание читателей на активность России в Монголии по созданию развитой железнодо-

рожной сети, на что Япония должна ответить расширением своей транспортной системы в Северном Китае [796]. «Токуо nichinichi shinbun» тоже пишет о железнодорожном вопросе, но уже в масштабах всего Китая [797].

Видно, что под влиянием премьера Окума и министра Като, при поддержке гэнро Сайондзи и Ямагата китайская тема становится одной из доминирующих на страницах японской прессы, причем с разных сторон обсуждается фактически один вопрос: по итогам первого этапа мировой войны правительство Юань Шикая обязано передать Японии большинство экономических и политических прав на территории Китая. Это воспринимается и правительством, и гражданами Японии как оправданный идеями паназиатизма закономерный шаг.

С 25 января 1915 г. ультиматум «21 требование» и его конкретные положения активно обсуждались в японской и китайской периодической печати [798]. Опасаясь международной и внутренней реакции, правительство Окума решило занять жесткую позицию, отрицая предъявление ультиматума. Но уже в начале февраля, когда полностью прояснился, благодаря публикациям в прессе, настрой японского общества, Окума изменяет свою позицию: 14 февраля японский посланник в Китае заявил представителям иностранных держав о «требованиях и пожеланиях Японской империи» [799]. Чуть позже полный текст первых четырех групп требований был опубликован ведущими газетами Японии, вызвав новую волну патриотических и паназиатских комментариев [800].

В итоге в мае 1915 г. японский ультиматум был принят правительством Юань Шикая, за исключением 5-й группы требований. Но больше всего прессу и общественность Японии возмутила позиция США: госдепартамент прямо заявил, что не признает никакого двухстороннего соглашения по Китаю, если оно будет идти в ущерб американским интересам [801]. Подобные заявления были расценены в японской прессе как прямая угроза достигнутому в ходе войны успехам, поэтому начинается кампания критики внешнеполитического курса США и Великобритании [802].

Одновременно с ней оппозиционные и прежде всего армейские круги критикуют действия премьера Окума в начальный

*Сайондзи Киммоти —
политический
деятель, гэнро*

период войны за недостаточно решительную политику по отношению к Китаю. В 1916 г. в отношении к войне в японском обществе и политической элите происходят важные перемены: во-первых, в Китае разворачивается глубокий политический кризис, который после смерти Юань Шикая перерастает в распад государства на отдельные военно-политические режимы и группировки, которые начинают гражданскую войну [803]. В данных новых условиях пресса и общественность Японии требуют от кабинета министров и парламента радикальной активизации действий в Китае [804]. Однако премьер-министр с большой осторожностью отнесся к изменениям политической ситуации в Поднебесной, предпочитая детально изучить новую обстановку [805].

Главным объектом внимания в данный период у премьера были переговоры с Россией, которые закончились подписанием 3 июля 1916 г. союзного договора (включал в себя открытую и секретную часть). Основная его суть состояла в том, чтобы сохранять в Китае главным образом интересы России и Японии и оградить Китай от «владычества какой-либо третьей держа-

вы», под которой имелись в виду либо США, либо Великобритания [806].

Содержание договора чрезвычайно интересовало японскую прессу и общественность, которые под влиянием идей паназиятизма продолжали воспринимать Россию как потенциального противника; данное соглашение часть периодических изданий восприняло как неожиданный и резкий поворот [807].

Однако заключение договора, за который очень давно выступал гэнро Ямагата, не спасло кабинет Окумы, обвиненный в нерешительной внешней политике. Это стало поводом для отставки кабинета и прихода к власти более радикально настроенного политика — генерала Тэраути. Прямую поддержку ему оказал маршал Ямагата, и он же повлиял на первые действия нового премьера в условиях войны: 1) изменение отношения к Китаю; 2) расширение возможностей русско-японского союза [808].

Распад Китая на милитаристские группировки Тэраути и Ямагата решили использовать в интересах Японии: оказывая военную и финансовую поддержку одному или нескольким режимам, увеличивать степень контроля над ситуацией в Китае. В первую очередь для оказания помощи были выбраны два китайских лидера — Дуань Цижуй и Чжан Цзолин, контролировавшие Пекин и Мукден [809].

Важнейшим механизмом подчинения как китайских компаний, так и отдельных лидеров милитаристов стали кредиты и займы от японских банков. Тэраути в данной политике опирался в Китае на разработанные правительством Окума методы и приемы, продолжал его политику по установлению финансового контроля. Только в новых исторических условиях гражданской войны в Китае Тэраути пришлось договариваться не с одним правительством, а сразу с несколькими. Поставки товаров, кредиты и денежные займы еще более усиливали экономическую зависимость Китая от Японии. Японские финансы являлись также одним из средств усиления гражданской войны в Поднебесной, так как факты получали и центральное правительство в Пекине, и всякого рода местные правители в провинциях, милитаристские клики и т.д. В конце 1916 г. «Йокогама банк» предоставил заем пекинскому правительству, Корейский банк — мукденскому, Тайваньский банк — южным

повстанцам. Только в течение первых восьми месяцев 1918 г. было предоставлено 29 всевозможных японских займов на сумму около 300 млн иен.

Революции в России способствовали формированию в политической элите и общественности Японии представлений о необходимости начать оккупацию Приморья, опираясь на военно-политические режимы Китая. В конце 1917 — начале 1918 г. новый конфликт с Россией — одна из наиболее обсуждаемых тем в японской прессе [810]. И только завершение Первой мировой войны отвлекает внимание общественности от «русской темы». В связи с будущими мирными конференциями общественно-политические силы Японии обсуждают две главные проблемы: 1) необходимость сохранить внешнеполитические достижения периода 1914–1918 гг.; 2) опасаясь, как в 1895 и отчасти 1905 г., давления США и европейских держав, японские лидеры санкционировали в прессе кампанию поддержки послевоенных требований Японии особого характера.

Завершение Первой мировой войны вызывает в японском обществе и прессе не такую бурную реакцию, как события августа 1914 г. В ноябре 1918 г. в центре обсуждаемых событий в газетах Японии находились несколько иные вопросы: продвижение в Китае, сохранение режима «военного правления в Корее», собственный экономический рост. Единственное, что активно дискутировалось в прессе, помимо новости о перемирии, — это планы будущего мирового устройства и варианты мирного договора. Так, «Osaka Asahi Shimbun» в ноябре 1918 г. высмеивала идею всеобщего разоружения как гарантию послевоенного мира. Издание, наоборот, призывало к созданию как международных полицейских сил (причем разных для каждого региона), так и наращивание военного потенциала великих держав [811]. «National newspaper» (Japan) преподнесла новость о мире как настоящую катастрофу для Японии, предсказывая прекращение военных заказов, снижение Европой расходов боеприпасов, падение спроса на морские перевозки, что приведет «японскую экономику, привыкшую к звонкой монете за эти годы, к серьезному кризису» [812].

«Osaka mainichi shinbun», анализируя особенности перемирия, приходит к выводу, что падение таких империй и держав,

Император Тайсё

как Россия, Германия, Китай, «вынуждает Японию оказать им помощь, чтобы внести свой вклад в мир во всем мире. Иначе мир ожидает новая война» [813]. Похожие мотивы озвучили после перемирия такие столичные издания, как «Asahi Shimbun» и «Тоkyo nichinichi shinbun», раскритиковав также и идею Лиги Наций [814]. Видно, что японскую прессу волновали не столько условия перемирия Антанты с Германией, сколько будущее Японии в свете данных условий. И почти все крупные и влиятельные газеты прямо или косвенно готовили читателей, что конфигурация данных условий делает (по крайней мере, для Японии) неизбежным новый конфликт.

Другим любопытным моментом являются многократные сравнения Китая и России. Причем враждебный тон, характерный для японской прессы начала XX в., практически исчезает, сменяясь призывами к дружбе и помощи. Очевидно, что японские правительство и пресса такими публикациями готовили общественность к тому, что Россия, согласно японским планам, повторит судьбу Китая: в ходе Гражданской войны образуется несколько военно-политических группировок, часть

из которых Япония будет поддерживать ради экономической и территориальной выгоды. В итоге уже в первые дни после подписания перемирия на Западе японская общественность активно обсуждала контуры будущих военных конфликтов.

Развитие японского общества в годы Первой мировой войны и влияние внешней политики на общественность показывают, что выработанные в 1905–1914 гг. основные принципы паназиатизма на протяжении всех военных лет оставались краеугольным камнем в японском обществе. Все внешнеполитические действия оценивались прессой и простыми гражданами именно с точки зрения данных теорий. Это позволило политикам Японии найти оправдание для любых шагов на международной арене и существенно усилить роль Страны восходящего солнца как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире.

Развитие японской экономики в годы войны

В социально-экономическом развитии Страны восходящего солнца в годы войны 1914–1918 гг. продолжали развиваться как тенденции, заложенные реформами Мэйдзи, так и новые, вызванные военными условиями. Две победоносные войны 1894–1895 и 1904–1905 гг. положительно сказались на укреплении японской промышленности: появились новые рынки сбыта в Китае, Корее и Маньчжурии, новые территории с полезными ископаемыми, новые возможности для японского капитала [815].

Первая мировая война также стала удачной в экономическом плане. Япония фактически подчинила китайскую провинцию Шаньдун с богатыми месторождениями каменного угля; захватила порт Циндао; приобрела чрезвычайно широкие экономические права в северном Китае. Кроме того, теперь у Японии был прямой доступ не только к корейской, но и к китайской рабочей силе — одной из самых дешевых в регионе. Захватив богатую и густонаселенную провинцию Шаньдун, японское правительство предприняло энергичные меры по созданию в ней экономической базы для реализации планов дальнейшего экономического проникновения в Китай. Уже в 1914 г. было выделено 2 млн иен на обустройство железных

дорог провинции. Это позволило начать быстрое освоение рынков Северного Китая компаниями Мицуи и Мицубиси.

Кроме Северного Китая первый год войны принес большие выгоды японским пароходным компаниям. Из-за войны сократилась в Азиатско-Тихоокеанском регионе деятельность английских транспортных предприятий. На их место с конца 1914 г. выходят японские пароходные линии. Наиболее важные линии контролировало правительство: Кобэ — Буэнос-Айрес (через Шанхай, Сингапур, Индийский океан), Ява — Бангкок, Шанхай — Кантон [816]. Эти изменения очень быстро и чутко уловила японская пресса. Очень влиятельные издания «Jijishinpo», «Asahi Shimbun», «Kobe Shimbun» уже в 1914 г. писали о резком расширении торговых маршрутов, для которых просто не хватает кораблей. Следовательно, по мнению журналистов данных изданий, — правительство должно быстро поддержать судостроительную отрасль и облегчить условия фрахтования судов [817]. Эту проблему правительство Окума решило увеличением заказов на существующих верфях и расширением производства.

Данные факторы способствовали увеличению иностранных заказов для японской промышленности, что, в свою очередь, привело к росту ключевых отраслей производства в Японии. С 1914 по 1918 г. существенно увеличились капиталовложения в военно-промышленный комплекс страны (с 1195 млн иен в 1914 г. до 4641 млн иен в 1919 г.). Японская пресса с самого начала войны взяла курс на пропаганду ускоренного развития приоритетных отраслей промышленности. Так, уже в сентябре 1914 г. издание «Chugai commercial Shimpo» опубликовало серию статей о химической промышленности, призывая кабинет Окумы срочно увеличить финансирование данного направления [818]. А редакторы обратились к общественности с призывом требовать от властей «создания Консультативного комитета химической промышленности» [819].

Такой же интерес у прессы вызывала в начале войны и электроэнергия. В этой сфере лидером по освещению проблемы в СМИ была газета «Osaka Asahi Shimbun». 27 сентября 1914 г. в издании опубликована статья инженера Ямакавы, где доказывалось, что в Германии, Великобритании, США электростанций

намного больше, чем в Японии, и соревноваться в условиях войны с ними тяжело, поэтому, по мнению автора, Япония должна задуматься о создании не угольных электростанций, а совершенно новых, с использованием новых энергоносителей — для полной энергетической независимости Японии [820].

Но наибольший интерес прессы вызывали самые интенсивно развивающиеся в период 1914–1918 гг. отрасли промышленного производства — те, которые непосредственно стимулировались военными заказами: машиностроение, судостроение, выплавка и обработка стали. За четыре военных года доля тяжелой промышленности выросла с 29 до 35%. Уже 10 сентября 1914 г. газета «Osaka mainichi shinbun» вышла с прогнозом, что война сделает «новую промышленную революцию в Японии» через развитие металлообрабатывающего производства [821].

Существенно увеличились военный и торговый флот, последний не только стал успешно конкурировать с западными перевозчиками, но и вытеснять их из Азиатско-Тихоокеанского региона. Вследствие того что производственные мощности в судостроении на начало войны не могли выполнить все заказы, было принято правительством и руководством концерна «Мицубиси» решение об увеличении возможностей судостроительной промышленности: к концу войны число крупных верфей увеличилось с 6 до 57. Тоннаж спущенных на воду кораблей увеличился с 65 тыс. т в 1913 г. до 612 тыс. т в 1919 г. К концу войны японское судостроение заняло третье место в мире [822].

Произошло ускоренное развитие индустриализации и увеличение спроса: товары промышленного производства к 1918 г. составили более половины экспорта (до войны — менее трети) [823]. Объем внешней торговли Японии с 1914 по 1918 г. вырос почти в 2,5 раза. Однако рост торговли происходил не только под влиянием продукции тяжелой промышленности. Как показывает исследование японской прессы 1914–1915 гг., особенно большую прибыль на азиатских (в основном китайском) рынках давала продукция легкой и обрабатывающей промышленности: сахарная промышленность (пресса отмечала, что за первую неделю войны цена поднялась на 60% и продолжает расти [824]); производство шелка (здесь японская пресса соз-

давала убедительную картину кризиса данной отрасли в Китае, следовательно, по мнению издания «Jijishinpo», Япония должна вытеснить Китай с рынка, прежде всего американского [825]); алкогольное производство (газета «Osaka Asahi Shimbun» указывала, что только за август потребление пива в Китае выросло с 50 до 80%, а немецкий импорт упал почти до нуля, поэтому издание призывало к срочному расширению алкогольного производства в Японии [826]). Но самый оригинальный способ завоевания китайского и европейского рынков предложила газета «China newspaper interpreting communications»: японские компании должны возродить производство опиума в Китае. Причем в Россию и Европу опиум будет продаваться для медицинских нужд, а в Китае — как наркотическое средство [827].

Большинство из этих проектов, обсуждавшихся в газетах, были рассмотрены японским парламентом и правительством и приняты к реализации. Это позволило в 1915 г. впервые за много лет сделать баланс внешней торговли активным. Это положение сохранялось на протяжении всей Первой мировой войны. С 1915 по 1918 г. актив во внешней торговле составил 1408 млн иен.

Эти успехи не ускользнули от внимания японской прессы, которая в течение 1915 г. по-прежнему отдавала предпочтение темам, связанным с развитием тяжелой и химической промышленности. Но появляется и новая, чрезвычайно востребованная в СМИ тема — обсуждение перспектив развития и эксплуатации железных дорог Северного Китая. Эта проблема напрямую связана с ультиматумом «21 требование» и захватом провинции Шаньдун. Так, японское издание «China newspaper interpreting communications» опубликовало в начале 1915 г. развернутый анализ железнодорожной системы Китая, предлагая поставить ее под контроль Японии [828]. К этому же выводу приходит газета «Jijishinpo», считая, что для обеспечения важных поставок в Россию китайские железные дороги должны быть переданы японским компаниям [829]. А газеты «Osaka Asahi Shimbun» и «Kyoto sunrise newspaper» в феврале 1915 г. убеждали читателей, что китайские железные дороги несут постоянные убытки и только японский опыт поможет справиться с кризисом [830].

*Окума Сигэнобу —
премьер-министр
Японии 1914–1916 гг.*

Таким образом, железнодорожная тема в японской прессе становится одним из факторов, доказывающих общественности необходимость, а главное, выгоду прямого захвата железных дорог Китая и эксплуатации их в целях Японской империи. В сумме успехи морского и железнодорожного транспорта преподносились обществу через газеты как уникальный рост транспортных возможностей Японии. И такой рост вызвал, как объясняли газеты, быстрое увеличение количества японских товаров не только на азиатских рынках, но и в Южной Америке, Африке, Европе. А это, в свою очередь, способствовало росту доходов японских компаний, главным образом монополий.

В ходе войны в японской экономике оформляются дзайбацу — финансово-промышленные компании, контролирующие целые отрасли производства. В лидеры в экономике вышли четыре сверхвлиятельных концерна: «Мицуи», «Мицубиси», «Ясуда», «Сумитомо». Их экономическая политика к 1918 г. была прочно связана с японскими интересами в Китае и Корее, и дальнейшее увеличение прибыли могло происходить только за счет расширения политических и экономических

возможностей Японии в данных странах. Поэтому лидеры четырех дзайбацу к концу войны стали одними из самых активных сторонников активизации внешней политики Страны восходящего солнца.

В годы войны в связи с возникновением в японских городах новых промышленных центров развивается процесс урбанизации. Население столицы составляет к 1918 г. почти 3,5 млн человек [831]. Население других крупных городов также быстро росло: Осака — почти 2 млн человек к концу войны, Нагоя — 900 тыс., Кобэ и Киото — по 400 тыс. [832]. Активно эволюционируют крупные порты Японии — Иокогама, Сасебо, Нагасаки.

Эти и другие успехи японской экономики хорошо прослеживаются по публикациям в прессе. К 1918 г. изменяется подача журналистами старых экономических проблем и вопросов, появляется ряд новых. Так, в числе приоритетной информации остаются новости химической и сталелитейной промышленности, судостроения. В изданиях «Osaka mainichi shinbun» и «Jijishinpo» в феврале-марте 1918 г. отмечалось, что резкое увеличение строительства торгового и военного флотов США вынуждает Японию приступить к реализации «Большого судостроительного плана». Как доказательство своей версии, журналисты данных изданий приводили цифры финансирования японских верфей [833]. А газета «Chugai commercial Shimpo» прямо написала, что концерн «Мицубиси» начинает выполнение плана по постройке новых кораблей «как ответ на угрозу США, ради будущего японского судостроения» [834]. Такие же настроения передаются и в публикациях на другие экономические темы — везде звучит мысль о достижении максимальной независимости в сфере производства и о подготовке к новым политическим и экономическим конфликтам с США, Великобританией.

Важно отметить, что очень большой интерес вызывает у японской прессы развитие новых отраслей промышленности. Так, «Jijishinpo» и «Osaka Asahi Shimbun» активно пишут в 1918 г. об автомобильной промышленности, указывая, что государство должно финансировать не только фирмы, производящие автотранспорт, но и заботиться о современной до-

рожной сети Японии [835]. Большое внимание пресса уделяла проблеме электрификации железнодорожной системы [836]. В рамках этого вопроса в 1918 г. многие газеты публиковали отчеты об успехах в создании в Японии метрополитена и муниципальных трамваев [837].

Но центральное место в газетных выпусках начала 1918 г. занимали прогнозы о перспективах и выгодах использования ресурсов и предприятий Маньчжурии, Китая, Монголии и Сибири. Здесь главной оставалась железнодорожная тема, вокруг которой строились почти все обозначенные публикации. Именно с этим вопросом журналисты связывали будущее Японии как ведущей азиатской державы. А главное, экономические успехи Японии и расширение контроля над экономикой Китая преподносились газетами общественности как самое важное доказательство верности идеям паназиатизма.

Однако несмотря на осознание японским обществом и политической элитой важности всех экономических успехов, оставались и нерешенные проблемы в экономике еще со времен Мэйдзи.

Во-первых, Япония все еще являлась аграрной страной. В деревнях на 1913 г. проживали 72% населения, но развитие хозяйства часто оставалось на уровне феодализма. Арендная плата и налоги были чрезмерно высокими. Негативно сказывалась и другая традиционная проблема японского сельского хозяйства — малоземелье крестьян: у 70% размер надела был около 1 га.

Из-за невнимания правительств Окума и Тэраути к проблемам сельского хозяйства кризисное положение начала XX в. усугубляется к 1918 г. Более того, подконтрольные правительству периодические издания даже не сообщали в течение четырех лет войны, что сельскохозяйственное производство переживало серьезный кризис. В 1917 г. в Японии случился неурожай риса. В крупных городах, население которых сильно увеличилось за годы войны, ощущалась серьезная нехватка основных продуктов питания. Тяжелое положение крестьян, страдавших от инфляции, усугубилось тем, что правительство ввело пошлины на импортный рис. Предвидя резкое повышение цен, часть землевладельцев и предпринимателей занялась массовой

закупкой риса. Одновременно правительство, готовясь к интервенции против Советской России, стало создавать запасы продовольствия для снабжения армии. В результате цены на рис росли с невероятной быстротой. Перед войной 1 се (1,5 кг) очищенного риса стоил 15 сэн, в июле 1918 г. — 30–40 сэн, в августе — 50 сэн, а кое-где даже 60 сэн. Данное удорожание риса и вызвало серьезные социальные протесты, получившие наименование «рисовые бунты» [838].

Во-вторых, со времен реформ Мэйдзи существовала диспропорция в экономическом развитии — явный приоритет отдавался военно-промышленному комплексу.

В-третьих, отсутствовала государственная поддержка для малых и средних предприятий. Установилось господство дзайбацу, где часто действовали нормы феодальной системы отношений между работодателем и рабочими. Из-за этого социальные проблемы и конфликты в период войны часто перерастали в открытое противостояние.

В-четвертых, война существенно осложнила экономическое положение японских крестьян. Увеличение налогов при одновременном повышении цен на удобрения и технику сделало проблематичным получение индивидуальным крестьянским хозяйством прибыли. Параллельно с общим ростом цен повышались и цена на землю, и арендная плата. Натуральная арендная плата за 1 тан поливной земли с 1912 по 1920 г. увеличилась с 1,027 до 1,097 коку риса. Росли долги мелких землевладельцев-крестьян, вследствие чего последние были вынуждены продавать свою землю. В военные годы усилился процесс размывания средних слоев крестьянства, что проявилось в росте крайних групп землевладельцев: с одной стороны, имевших менее 0,5 те, с другой — более 10 те. Например, число крупных землевладельцев, которым принадлежало более 10 те земли, выросло с 44 827 (9,2% общего числа землевладельцев) в 1914 г. до 51 307 (10,4%) в 1920 г. Обнищание крестьянства выразилось в увеличении абсолютного числа арендаторов и их доли в крестьянском населении [839].

Таким образом, с началом новой исторической эпохи Японии должна была решить данные проблемы для поддержания статуса великой державы и сохранения завоеванных позиций

в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одностороннее развитие экономики в сторону тяжелой промышленности и углубляющийся социальный кризис вынуждали японскую политическую элиту пойти по пути не просто отстаивания владений в Китае и Тихом океане, а их расширения, что неминуемо приводило к новой войне — либо с Советской Россией, либо с США и Великобританией. В это время были заложены основные векторы и присущие им особенности японской экспансии. Важнейшей геополитической задачей Японского государства являлось утверждение на континенте. Первая мировая война была логическим продолжением данной политики — в большинстве действий японского правительства четко прослеживается стремление к покорению Китая и дальнейшему продвижению на Север. Но в то же время Первая мировая война добавила новый вектор японской экспансии — «южный», ибо были получены Маршалловы, Марианские и Каролингские острова, что неминуемо вело к развитию тихоокеанской экспансии. Так образовались два ведущих направления японской внешней политики. Первое — «северное», или «континентальное», ориентированное, прежде всего на завоевание еще более прочных позиций в Китае (за счет использования военно-политических группировок); и второе — «южное», или «морское», осуществляющее продвижение в Тихом океане. Эта особенность наложила отпечаток на все военно-политические планы Японии и породила важный феномен — у одного государства практически независимо друг от друга существовали две военные стратегии. А главное — оба важнейших направления внешней политики, сформированные в ходе Первой мировой войны, неизбежно приводили Японию к новому масштабному конфликту.

ГЛАВА 10

Нейтралитет стран в годы Первой мировой войны

В годы войны внешнеполитическая линия целого ряда стран, не примкнувших к военно-политическим блокам, выразилась в объявленном нейтралитете. Международно-правовые нормы, касающиеся нейтралитета в военное время, содержались в 5-й и 13-й Гаагских конвенциях 1907 г.

Нейтральная внешнеполитическая линия скандинавских стран, нашедшая свое отражение в подписании еще накануне войны в декабре 1912 г. совместной декларации Дании, Норвегии, Швеции относительно прав и обязанностей нейтральных стран во время морской войны, в годы войны получила международно-правовую норму объявленного нейтралитета.

Политика нейтралитета предусматривала неучастие в военных операциях, недопущение на свою территорию иностранных войск, сохранение дипломатических и торговых отношений с обеими воюющими сторонами. Причем международно-правовая практика не допускала какого-то промежуточного состояния между положением воюющей стороны и нейтральным статусом. В течение всей войны шведский нейтралитет носил прогерманский характер, датчане под давлением немцев вынуждены были минировать свои проливы, а норвежская политика была традиционно ориентирована на Великобританию. Все три страны испытывали давление противоположных интересов воевавших коалиций. Торжественно признанные великими державами права нейтралов нарушались, особенно на море из-за блокады союзников Германии и подводной войны со стороны немцев.

Политика «гражданского мира», проводившаяся правительствами нейтральных стран в годы войны, заложила основы и способствовала созданию климата «общественного консен-

суса. Это означало, что в обществе, где продолжали существовать социальные противоречия и социальные конфликты, утверждалось широкое согласие относительно того, что противоречия должны преодолеваются в рамках существовавших общественно-политических структур, парламентским способом, путем компромиссов.

Несмотря на рост государственных расходов и постоянное повышение налогов, что было вызвано потребностями военного времени, национальный доход всех стран Северной Европы и Нидерландов был значительно выше, чем в довоенное время. Политика нейтралитета принесла ощутимые плоды экономике, частично перестроенной на основе государственного регулирования и подвергшейся структурным изменениям.

Политика нейтралитета способствовала не только экономическому подъему всех нейтральных стран Европы, но и в определенной мере спасла страну от социальных потрясений, революций, как это было в соседней Германии. Безусловно, не последнюю роль в быстром урегулировании внутривнутриполитического положения сыграло и то, что нейтральный статус этих государств в годы Первой мировой войны способствовал накоплению в стране достаточных средств, которые правительства смогли направить на проведение важных социальных реформ.

В 1915 г. в Дании была принята конституция, согласно которой избирательные права впервые были предоставлены женщинам и прислуге. В Швеции в 1918 г. проведена Третья парламентская реформа, означавшая демократизацию выборов, устранено имущественное неравенство. В 1919 г. в Дании была проведена судебная реформа, введен суд присяжных и принят закон о хусменах (бедняках). Во всех трех странах в 1919–1920 гг. был введен 8-часовой рабочий день, принят ряд социальных законов, в том числе о бедности, о поддержке стариков, по жилищному вопросу, о рынке труда, об учреждении больничных касс.

Таким образом, Первая мировая война оказала огромное влияние на экономическое и политическое развитие европейских стран, занимавших нейтральную позицию в годы войны. Война вызвала глубокие изменения в их социальной и поли-

тической структуре, общественных отношениях и внутривнутриполитическом развитии. Она поставила перед ними множество проблем, способствовала выработке новых взглядов и подходов к экономическим, социальным, политическим, национальным и межнациональным проблемам.

Несколько иначе обстояло дело на юге Европы в нейтральной Испании. Хотя в августе 1914 г. испанское правительство и объявило строгий нейтралитет, но он на протяжении всей войны был благожелательным по отношению к державам Антанты, но испанское общество оказалось разделено на сторонников «Сердечного Соглашения» и «Тройственного Союза».

Хотя под влиянием революционных событий в России и Германии возник политический кризис, начались революционные выступления, была создана «Парламентская Ассамблея», требовавшая широких реформ, правящим кругам, опиравшимся на армию, удалось подавить революционные выступления. Государственная система оказалась не способной к внутреннему реформированию. Таким образом, традиционный для XIX в. союз политической элиты с армией оказался логическим выходом из кризиса, но он, естественно, не удовлетворял оппозиционные силы Испании.

10.1. Скандинавские страны

Первая мировая война оказала огромное влияние на экономическое и политическое развитие скандинавских стран. Война вызвала глубокие изменения в их социальной и политической структуре, общественных отношениях и внутривнутриполитическом развитии. Она поставила перед скандинавами множество проблем, способствовала выработке новых взглядов и подходов к экономическим, социальным, политическим, национальным и межнациональным проблемам.

Первая мировая война подвергла нейтралитет стран Северной Европы серьезному испытанию. Торжественно признанные великими державами права нейтралов нарушались, особенно на море из-за блокады союзников Германии и подводной войны со стороны немцев.

Нейтральная внешнеполитическая линия скандинавских стран, нашедшая свое отражение в подписании еще накануне войны в декабре 1912 г. совместной декларации Дании, Норвегии, Швеции относительно прав и обязанностей нейтральных стран во время морской войны, в годы войны получила международно-правовую норму объявленного нейтралитета. Политика нейтралитета предусматривала неучастие в военных операциях, недопущение на свою территорию иностранных войск, сохранение дипломатических и торговых отношений с обеими воюющими сторонами. В течение всей войны шведский нейтралитет носил прогерманский характер, датчане под давлением немцев вынуждены были минировать свои проливы, а норвежская политика была традиционно ориентирована на Великобританию. Все три страны испытывали давление противоположных интересов воевавших коалиций.

С первых дней войны вопрос об ориентации внешнеполитического курса Швеции стал главным вопросом разногласий между шведскими политическими партиями. Разные мнения по этому вопросу наблюдались и в шведском правительстве. Представители правых кругов, включая и короля Густава V, были сторонниками выступления Швеции на стороне Германии. Они надеялись на присоединение к Швеции после войны Финляндии и Аландских островов. Движение шведских активистов, возникшее еще задолго до войны, консолидировалось в феврале 1914 г. 6 февраля во дворе Королевского дворца собралось 30 тыс. шведских куланов. Крестьянский поход был организован под лозунгом «С богом и шведским крестьянством за короля и отечество» [840]. Выдвинутые требования касались создания «обороны, отвечающей требованиям специалистов», то есть милитаристов из Генштаба. Король Густав V поддержал демонстрантов. Правительство Стаафа вынуждено было уйти в отставку.

В результате внеочередных парламентских выборов весной 1914 г. либералы понесли поражение, получив 57 мандатов в парламенте. Консерваторы увеличили свое представительство с 64 до 86, а социал-демократы получили 87 мандатов [841]. Лидер шведских социал-демократов Я. Брантинг стал лидером парламентской оппозиции.

Официальная позиция шведского правительства — проведение нейтралитета — находила поддержку в широких общественных кругах. На внеочередном заседании риксдага 1914 г. была почти единодушно принята военная программа правительства, одним из пунктов которой была служба в пехоте сроком 340 дней и пр. Программа была поддержана как либералами, так и социал-демократами [842].

Война вызвала глубокий кризис международного социалистического движения. Большинство социал-демократических партий оказалось во враждующих лагерях, связи между ними были нарушены. Перестали функционировать международные органы движения. Антивоенные резолюции Второго Интернационала более не отражали реальное состояние дел в большинстве европейских социал-демократий, в частности в скандинавской.

Как и значительная часть руководителей рабочих партий, сторонников доктрины «оборонительной» войны, лидеры социал-демократических партий Дании, Норвегии, Швеции с самого начала войны объявили о своей приверженности политике «гражданского» или «классового» мира, ибо считали, что она в полной мере отвечала запросам трудящихся, заинтересованных в сохранении нейтралитета. На третий день войны лидер датских социал-демократов Т. Стаунинг заявил: «Мысль о том, что всеобщая стачка остановит начавшуюся войну, — утопия. Если правительства, опираясь на силу, начали войну, то в их власти воспрепятствовать всему, что направлено против войны. Главная задача нынешнего момента состоит в том, чтобы сохранить наши организации» [843].

Лидер шведских социал-демократов Я. Брантинг также высказался за политику гражданского мира: «Перед лицом войны социальные конфликты всех народов, как бы сильны эти конфликты не были вследствие классовых противоречий, немедленно должны отступить на задний план» [844].

Норвегия не была подготовлена к войне. Хотя она имела достаточно обученный персонал военно-морского флота, но отсутствовали корабли больших и средних размеров, необходимые для патрулирования границ западного и северного побережья.

*Торвальд Стаунинг
(1873–1942),
государственный деятель
Дании, лидер Социал-
демократической партии*

Однако в распоряжении норвежской буржуазии были финансовые капиталы, сырьевые и товарные ресурсы, в результате чего она могла рассчитывать на получение в ходе войны больших сверхприбылей, так как страна вела активную торговлю с обеими воюющими группировками.

В письме, направленном директорами Национального Банка Нью-Йорка С. Макс Робертсом и В. Ричем президенту банка Ф. Вандерлину после беседы с норвежскими политиками Г. Кнудсенем и Н. Иленом, состоявшейся 6 мая 1916 г., говорилось: «В то время как их симпатии откровенно на стороне союзников, они открыто заявляют, что намерены отстаивать строгий нейтралитет и выжать из ситуации все деньги, которые только могут» [845].

Таким образом, и норвежская буржуазия поддерживала политику сохранения нейтралитета и опасалась, что или Англия, или Германия втянет Норвегию в войну.

В октябре 1911 г. норвежское правительство приняло постановление, которое запрещало подводным лодкам обеих воюющих сторон находиться в территориальных водах Норвегии (за исключением плохой погоды). В декабре 1916 г. ввиду

того, что поставки из Норвегии сырья в Германию продолжались, Англия пыталась приостановить экспорт английского угля в Норвегию. В августе 1916 г. англичане добились права преимущественной покупки ряда норвежских товаров — прежде всего рыбы, которая раньше шла в Германию, и запрета продажи немцам медной руды.

По мере развития военных действий все сложнее было отстаивать нейтралитет и вести торговлю с обеими воюющими группировками. Норвежские суда и моряки гибли как от немецких подводных лодок, так и от минных полей стран Антанты. За годы войны было потоплено 889 судов — половина довоенного торгового тоннажа и 2 тыс. моряков погибли.

Всемирно известный датский композитор К. Нильсен, являющийся национальной гордостью Дании, создавший в 1916 г., в разгар Первой мировой войны, знаменитую четвертую симфонию, в первые дни войны писал: «Мир словно раскололся. К чему это приведет? Государственные мужи Европы утратили разум... Национальное чувство, до сих пор считавшееся высоким и прекрасным, обесцещено... Что за бацилла опустошает головы воюющих наций?» [846].

В Дании еще в предвоенные годы внешнеполитический курс правительства на сохранение нейтралитета в предстоящем военном конфликте поддерживали почти все датские политические партии. Однако и среди них существовали разногласия относительно решения вопросов обороны. С 1905 по 1914 г. в Дании сменилось пять кабинетов, но ни один из них не имел единства взглядов на то, как укреплять Копенгаген — с моря или с суши [847].

Не было единства также и относительно того, что может служить гарантией нейтралитета. Если консерваторы и отчасти либералы считали, что гарантия нейтралитета — это вооруженные силы, то социал-демократы и радикалы понимали, что даже хорошо оснащенная армия такой маленькой страны, как Дания, не сможет противостоять агрессии любой великой державы, и выступали таким образом за сокращение вооруженных сил [848].

В течение 1915 г. правительство Швеции во главе с Хаммаршельдом не раз официально объявляло о своем беспристраст-

ном нейтралитете. Однако шведский внешнеполитический курс носил явно прогерманский характер. В это же время министр иностранных дел Валленберг и лидеры оппозиционных партий — либералы и социал-демократы — занимали проантантовскую позицию [849].

По мере развития событий на фронтах войны — после провала плана Шлиффена, битвы на Марне — настроения в политических кругах стран Северной Европы начали меняться. Круг шведских «активистов» в значительной степени сузился. Однако они пытались дважды развязать в печати кампанию с целью втянуть Швецию в войну. В первый раз летом 1915 г. в момент германских успехов на Восточном фронте, второй раз — летом 1916 г. Но в этот момент острие их выступления было направлено не против России, как раньше, а против Англии.

Царская Россия была заинтересована в сохранении мира на Скандинавском полуострове. С самого начала войны эти страны приобрели для России существенное значение и с точки зрения торговли с ними, и как перевалочный пункт. Через Швецию осуществлялся транзит важнейших грузов в Россию и обратно. Через Норвегию в Россию, в частности из Дании, шли гидравлические прессы, станки и машины для российских заводов. Российское внешнеполитическое ведомство отрицательно относилось к плану союзников блокировать германское побережье, и в блокадных мероприятиях союзников Россия играла второстепенную роль [850].

Против «активистов» за сохранение нейтралитета выступала парламентская оппозиция и лидеры шведских монополий. Но главным вопросом, вызывавшим дискуссию среди промышленников, либерально-реформистской оппозиции и консерваторов — помещиков и чиновников, был вопрос получения сверхприбыли, то есть наживы на войне.

Против политики вовлечения страны в войну и политики «гражданского мира» были шведские левые социал-демократы во главе с Ц. Хеглундом. На парламентских выборах 1914 г. они добились успехов. Будучи сторонниками массовых революционных действий, они поддерживали международное циммервальдское движение и вошли в состав циммервальдской левой

группировки. Ленин следующим образом оценил их позиции в письме А.М. Коллонтай в канун циммервальдской конференции: «Именно скандинавы впадают в мещанский... пацифизм, отрицая «войну» вообще» [851].

В начале 1916 г. Шведский союз молодежи организовал в Стокгольме Рабочий конгресс в защиту мира, главной целью которого был протест против вовлечения Швеции в войну.

Германия пыталась использовать торговлю с нейтральными странами и тем самым разрушить британское кольцо блокады. За 1914–1916 гг. товарооборот скандинавских стран возрос как с Германией, так и с Великобританией. Преобладающим был импорт из Британии и европейских стран и экспорт (ре-экспорт) в Германию. Швеция поставляла главным образом промышленное сырье для Германии, Дания — мясопродукты, а Норвегия — руду и рыбу.

Британия, присвоившая себе право на контроль и захват судов и грузов на море, старалась этому помешать, хотя международные правила торговли позволяли нейтралам вести беспрепятственную торговлю и судоходство. Англия стремилась извлечь из нейтралитета скандинавских стран максимальные выгоды. Но опасаясь, что эти страны могут перейти на сторону Германии, англичане стремились избегать конфликтов с ними.

В марте 1916 г. англичане ввели «систему сертификатов», то есть выдачу специальных удостоверений на право беспрепятственной перевозки товаров.

В начале 1916 г. в соответствии со специальным законом о запрещении торговли с неприятелем в Британии была введена система так называемых черных списков. С фирмами, которые попадали в эти списки, запрещалось вступать в торговлю или иные деловые отношения, что на практике означало бойкот.

Скандинавские страны выступали в марте-сентябре 1915 г., весной и осенью 1916 г. с протестами перед Германией — в связи с применением мер, нарушающих правила ведения морской войны, перед Великобританией — в связи с использованием «нейтрального флага» как меры, недопустимой с точки зрения международного права [852].

Объявление Германией неограниченной подводной войны и вступление США в мировой конфликт на стороне Антанты отразились на торговле и экономике скандинавских стран. Осенью 1917 г. США ввели эмбарго на ввоз всех товаров в скандинавские страны до заключения с каждой из них «особых соглашений».

В апреле 1917 г. норвежское правительство согласилось тайно передать свой торговый флот для обслуживания сравнительно безопасных линий Англии и Франции на условиях фрахта и реквизиции.

Британия, поддерживаемая США, требовала от скандинавских стран проанглийских выступлений. Норвегия пошла на новые ограничения в торговле с Германией и в октябре 1918 г. приняла требования минирования норвежских вод в Северном море в местах, расположенных вблизи минных заграждений стран Антанты. Ответной мерой англичан было увеличение поставок угля в Норвегию. Дания, вступив в соглашение с Антантой, компенсировала немцев кредитами.

На заключительном этапе войны Швеция, Дания и Норвегия уже почти открыто приспосабливали свой нейтралитет к интересам союзников, ориентируясь в первую очередь на США.

* * *

Уже в первые месяцы войны обе воюющие коалиции завалили все скандинавские страны заказами. Экономика этих стран довольно быстро приспособилась к кратковременной военной конъюнктуре. В Дании, например, во многих отраслях промышленности начался подъем, была погашена задолженность по иностранным займам, увеличились прибыли экспортеров и судовладельцев, поспешно создавались новые акционерные общества и предприятия.

В Швеции в результате роста объема и стоимости экспорта и фрахта быстро росли прибыли экспортеров и судовладельцев, что позволило предпринимателям значительно расширить производство.

Индекс промышленного производства в 1916 г. был равен 109 (1913 г. — 100). Наибольший рост был в экспортных отраслях. В горно-металлургической и машиностроительной

*Яльмар Брантинг
(1860–1925),
основатель Социал-
демократической
партии Швеции,
премьер-министр
страны в 1920-е гг.*

промышленности стоимость продукции за 1913–1916 гг. поднялась на 80% [853]. Быстро создавались новые общества, устанавливались государственные страховые премии на морское судоходство.

В Норвегии за период 1914–1916 гг. также резко увеличились доходы от фрахта — с 211,5 млн до 1062,7 млн крон. Также, как и в соседних Дании и Швеции, лихорадочно создавались новые акционерные общества. Только в 1915 г. было основано 1167 акционерных обществ с основным капиталом в 187 млн крон, в 1916 г. — 1597 млн, с основным капиталом в 1500 млн крон. В 1917 г. в стране насчитывалось уже 8795 акционерных обществ с общим капиталом 1686,5 млн крон. Прилив капиталов способствовал учреждению новых банков. С 1914 по 1918 г. их число увеличилось почти до 75.

Индекс промышленного производства в Норвегии в 1916 г. был равен 67,3 (1913 г. — 59,1) [854].

Хозяйственный подъем, военная спекуляция привели, с одной стороны, к огромному накоплению денег в руках так называемых гуляш-баронов — нуворишей, с другой — к ухудшению положения основной части населения.

Клету 1916 г. вследствие союзнической блокады Германии, негативно отразившейся на торговле трех северных стран, ситуация в экономике ухудшилась. В Норвегии, например, рост цен к концу года составил 125% против довоенного уровня, в то время как заработная плата выросла лишь на 77%.

Частный сектор не мог удовлетворить спрос на многие товары, их явно не хватало. Во всех скандинавских странах цены на продукты питания неуклонно росли. Так, в Дании индекс розничных цен в 1915 г. был равен 116 (1914 г. = 100%), а в 1916 г. — уже 136.

Проблема роста цен затронула широкие слои работавших по найму. Если до войны (июль 1914 г.) семья, состоящая из двух взрослых и трех детей, тратила 2000 крон, то в 1915 г. — 2326, в 1916 г. — 2718, в феврале 1917 г. — 2922, а в июле — 3094 крон. Таким образом, расходы семьи с 1914 по 1917 г. выросли на 1094 крон [855]. Повышение цен коснулось всех продуктов питания, одежды, топлива.

Обострилась жилищная проблема, что объяснялось, с одной стороны, сокращением строительства, с другой — повышением уровня занятости в городах. Обогащались так называемые гуляш-бароны, или спекулянты. Война была золотым временем для биржевых дельцов.

* * *

Проведение новой экономической политики регулирования всех сфер народного хозяйства требовало согласия между представителями всех политических партий и общественных сил и, кроме того, их поддержки и одобрения. Необходимо было принятие и проведение в жизнь чрезвычайных мер в виде государственного регулирования, что являлось определенной ломкой традиционной экономической политики. Государство в условиях войны резко усилило вмешательство в процесс производства и ценообразования, что делалось в интересах широких масс населения. В скандинавских странах такое регулирование осуществлялось через структуры под эгидой созданных в 1914 г. так называемых чрезвычайных комиссий. Центральные комиссии по регулированию цен опирались на деятельность аналогичных комиссий на местах. Они не обладали но-

минальной властью, но рекомендовали принятие тех или иных законов и мер. Их задача состояла в том, чтобы осуществлять связь между экономическими структурами и властью.

В 1915 г. в Дании были учреждены контрольные комиссии (по вопросам торговли, промышленности, судоходства), а позже — особые министерства (продовольствия, снабжения, промышленности). Государство постепенно расширяло вмешательство в экономику, сотрудничая одновременно с частнокапиталистическим сектором. Оно предоставляло субсидии, ссуды промышленным предприятиям и кредиты торговле. Немаловажную роль играли государственные заказы в промышленности и предоставление государственных лицензий в торговле и на транспорте. Принцип «справедливого возмещения» предпринимателям издержек, связанных с введением госконтроля, был положен в основу распределения. Специальные соглашения между предпринимателями и государством, в первую очередь в промышленности и на транспорте, определяли размер этих возмещений. Этим же целям служили политика твердой фиксации цен, в частности в сфере распределения, установление закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, введение железнодорожных тарифов. Расходы по «возмещению ущерба» покрывались за счет увеличения налогов и займов. Таким образом, были созданы условия для общественного контроля над всеми сферами экономики, в том числе над трестами и монополиями.

К началу 1918 г. система государственного контроля состояла из 40 комиссий и комитетов. Несмотря на то что этот разветвленный аппарат был создан в кратчайшие сроки, не имел опыта и постоянно подвергался давлению со стороны предпринимателей, работал он очень эффективно. Проблемы регулирования промышленности и сельского хозяйства тщательно изучались, а затем обсуждались как в правительстве, так и в Промышленном совете, Обществе оптовиков, Объединении датских хусменов и в тому подобных организациях.

Один из самых популярных датских политиков периода войны, министр внутренних дел радикал О. Роде, будучи активным сторонником политики государственного регулирования, полагал, что установление через нее новых отношений государ-

ственного и частного секторов является позитивным процессом для последующего экономического развития и в равной степени критически относился и к идеям социал-демократии, и к идеям либералов, которые считали, что после окончания войны следует немедленно вернуться к свободной нерегулируемой экономике. Роде был первым политиком, который пытался реализовать идею третьего пути в экономике в условиях военного времени, полагая, что сильное государство — это прежде всего более справедливо устроенное общество. В речи, произнесенной 26 октября 1916 г. в Гимле, Роде сказал: «Когда мир проанализирует опыт военных лет и изучит методы, которые применялись не только у нас в стране, но и во всем мире, этот опыт станет золотым запасом политики будущего. Это время будет понято и оценено по достоинству» [856].

Процесс государственного регулирования экономики захватил Швецию уже в первые годы войны. Государственным банком страны — Риксбанком — был прекращен обмен банкнот на золото. Был запрещен свободный (без лицензии) экспорт из страны продовольствия.

В октябре 1914 г. был принят закон, разрешающий правительству производить реквизицию частной собственности (за вознаграждение). Речь шла в первую очередь о продовольственных запасах на селе. Для получения лицензии на вывоз мясопродуктов и жиров из Швеции в Германию необходимо было выделить в распоряжение правительства определенную часть продуктов.

Строго фиксированным было количество сельскохозяйственных продуктов крестьянских хозяйств. Владельцам хозяйств разрешалось оставлять строго определенное количество продуктов исключительно для пропитания. Остальными запасами разрешалось пользоваться лишь с разрешения административных органов.

В 1915–1945 гг. был учрежден ряд комиссий, контролирующей экономику, созданы Комиссии по вопросам торговли, промышленности, безработицы и т.д.

В конце 1916 г. было введено нормирование продажи ряда продуктов питания, в первую очередь — сахара, а с начала 1917 г. — муки и хлеба.

Закон о торговле, принятый весной 1916 г., сильно ограничивал частную инициативу. Установление в 1915–1916 гг. максимальных цен на дефицитные товары способствовало появлению черного рынка на наиболее дефицитные товары.

В Норвегии уже в 1914 г. также был учрежден ряд комиссий по государственному регулированию. Были созданы Комиссия по торговле, Промышленная Комиссия, Комиссия по судоходству, Комиссия по сельскому хозяйству. В 1916 г. возникли особые Министерства продовольствия, а в 1917 г. — Министерства снабжения промышленности. Весной 1915 г. для контроля цен образования была введена государственная монополия на импорт зерна, а в 1917 г. — монополия на ввоз сахара. С 1 января 1915 г. было введено нормирование потребления всех продуктов, которое продолжалось до лета 1919 г.

* * *

Начавшийся во второй половине XIX в. процесс интенсивного формирования буржуазно-консервативных и буржуазно-либеральных партий — сначала как парламентских группировок, а затем как общенациональных политических организаций, продолжался в годы войны. В Дании, например, в 1915 г. возникла Консервативная партия, выражавшая интересы промышленного и финансового капитала. Главными пунктами программы партии были вопрос об обороне, сохранении частной собственности, о необходимости поддержки среднего сословия в городах и сельских местностях, о защите мелких предприятий.

5 июня 1915 г. была принята Конституция, согласно которой вводилось новое право выборов в обе палаты риксдага. Избирательное право было впервые предоставлено женщинам и прислуге. На выборах в нижнюю палату — фолькетинг — возрастной ценз был понижен с 30 до 25 лет. Одновременно на выборах в верхнюю палату — ландстинг — возрастной ценз повысился с 30 до 35 лет. Было отменено право короля на назначение 12 членов верхней палаты, а число членов фолькетинга увеличивалось со 114 до 140, ландстинга — с 66 до 72 [857]. Устранялись привилегии дворянства, лены и майорат. Особый косвенный и постепенный порядок избрания верхней палаты

гарантировал медленность его партийного обновления. Из 72 членов ландстинга 18 избирались из его прежнего состава. Остальные избирались голосованием в течение восьми лет. Половина состава ландстинга должна была меняться каждые четыре года. Фолькетинг избирался сроком на четыре года. Ни одно правительство не могло теперь удержать власть без поддержки фолькетинга. Согласно конституции, ландстинг мог парализовать инициативу фолькетинга.

Радикальная партия после выборов 1913 г. пошла на союз с социал-демократами, в результате в фолькетинге впервые образовалось радикал-социал-демократическое большинство. У обеих партий были сторонники среди хусменов (зажиточных крестьян), рабочих и служащих.

В 1916 г. после политического кризиса в правительство впервые вошел представитель от социал-демократической партии — Т. Стаунинг.

В Норвегии в разгар войны в 1915 г. были проведены выборы в стортинг (парламент), в которых впервые участвовали женщины, а также проведены коммунальные выборы. Выборы показали рост влияния социал-демократов, которые догнали правительственную партию Венстре. Однако несмотря на это, при мажоритарной системе они получили только 19 мандатов против 74 у Венстре (общее число 123).

Осенью 1918 г. на новых парламентских выборах правительственная либеральная партия понесла потери, НРП получила 18 мандатов, Венстре и рабочие демократы — 54, хейре и союзники — 50. У власти осталась партия Венстре [858].

* * *

Контраст между роскошью нуворишей и бедствиями недоедающих, мерзнующих, выстаивающих длинные очереди тружеников обострил классовые противоречия.

Развивавшийся параллельно революционный процесс в России и Европе оказал влияние на активизацию политической борьбы. В Дании, Швеции и Норвегии усилилось радикальное крыло рабочего движения. Летом 1917 г. в Норвегии прокатилась война демонстраций. 5 июня 1917 г. состоялась демонстрация рабочих в Стокгольме.

Революционные события в России в октябре 1917 г. были восприняты в северных европейских странах неоднозначно. В верхах общества революция вызвала негативную реакцию. Резко отрицательно восприняли революцию многие представители деловых кругов, особенно те, кто вложил инвестиции в экономику России и мог их потерять. Датская газета «Берлингске тиденде» писала, что события в России вряд ли можно расценивать как революцию. «Современные знатоки России, — отмечала газета, — придерживаются того мнения, что правительство А. Керенского не имеет крепкой опоры в стране и что петроградские события, по всей очевидности, всего лишь эпизод. Кончится тем, что максималистов отстранят от власти, а Ленин и Троцкий предстанут перед судом». По мере развития событий в России отношение прессы к ним менялось: все чаще на страницах газет мелькали такие выражения, как «Ленин и его банда», «немецкие агенты», «правительство масонов» и т.п.

По-иному воспринял известие об Октябрьской революции в Петрограде рабочий класс, особенно левое крыло социал-демократии. Датская газета «Социал-демократен» опубликовала тексты первых декретов большевиков и называла Октябрьскую революцию «революцией мира».

После разгона большевиками Учредительного собрания позиция скандинавских социал-демократов резко изменилась.

Довольно значительная ее часть отвергала большевизм, их пугал ленинский лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую». Большевицкая диктатура воспринималась как идеологическая и социальная угроза всему мировому порядку. «Отцы революции, — писала копенгагенская газета «Социал-демократен», — мечтают одним махом ввести русский народ в святая святых социализма, но они скоро окажутся в прихожей капитализма» [859].

6 июля 1917 г. состоялась первая в истории Норвегии всеобщая забастовка. В Осло прошли широкие демонстрации и собрания.

В 1918 г. в Норвегии буржуазное правительство поспешило с реформами: был введен 8-часовой рабочий день, произведено повышение заработной платы. Либеральное правительство вынуждено было образовать комиссию для рассмотрения вопро-

сов «социализации». Речь шла о том, чтобы, как писала газета норвежского Объединения предпринимателей, «дать рабочим почувствовать и понять, что работодатели охвачены решимостью создать наилучшие социальные условия».

В результате революционного подъема в Норвегии усилилось движение Рабочих советов. Его застрельщиками были металлисты столичных предприятий. Советы рабочих депутатов зимой 1917–1918 гг. были созданы в Христиании, Бергене, Тронхейме, Драммене, Ставангере и других городах. Советы требовали «передачи или контроля над промышленностью, сельским хозяйством, рыболовными предприятиями, транспортом, торговлей, а также всей общественной и административной власти» [860].

К весне 1918 г. численность Рабочего совета была равна 60–70 тыс. человек. В марте 1918 г. в Христиании состоялась общенациональная конференция.

В 1918 г. норвежская партия консерваторов «Хейре» выступила с лозунгом решения национальных задач, принятым против дороговизны, обеспечения «спокойного перехода к более равным условиям жизни и вытекающему из этого большому социальному довольству».

Ноябрьская революция в Германии способствовала дальнейшему обострению политической ситуации. В Копенгагене состоялась многотысячная демонстрация. Руководство социал-демократии выступило с воззванием, в котором подчеркивалась необходимость проведения реформ, политической и экономической демократизации общества. Число трудовых конфликтов нарастало и в Швеции: в 1917 г. их было 1777, в 1918 г. — 2378. В 1918 г. в Дании левыми, вышедшими из Социал-демократической партии, была образована Социалистическая рабочая партия (Г. Трир, Мария Нильсен, М. Андерсен-Нексе). В мае 1917 г. была учреждена Левая социал-демократическая партия Швеции.

* * *

Поворот от войны к миру, наметившийся в конце 1916 — начале 1917 г., способствовал распространению в воюющих и нейтральных странах антивоенных настроений.

Позиции антивоенных движений в скандинавских странах совпадали с политикой нейтралитета правительств этих стран. Об этом свидетельствуют документы: протоколы встреч королевских особ, премьер-министров и министров иностранных дел этих стран, протоколы совещаний руководителей финансовых, военных и морских ведомств за 1915–1918 гг. Начавшая складываться в годы войны концепция безопасности скандинавских стран предусматривала мирное разрешение конфликтов путем расширения системы международного права. Во внутренней политике, к примеру, в Дании эта концепция нашла прямое выражение в принятии 13 февраля 1917 г. закона о сокращении вооруженных сил, который, кроме того, предусматривал освобождение от воинской повинности по моральным соображениям и замену ее альтернативной службой.

17–18 января 1915 г. в Копенгагене состоялась IV конференция социалистов нейтральных стран (Дании, Норвегии, Швеции и Голландии), в ходе которой была принята резолюция, предлагавшая правительствам нейтральных стран обратиться к правительствам воюющих стран с призывом заключить мир.

Скандинавские социал-демократы, входившие в состав Голландско-скандинавского комитета, были в числе инициаторов созыва весной 1917 г. в Стокгольме общесоциалистической антивоенной конференции. Они намеревались добиться от правительств европейских стран скорейшего окончания войны на демократических условиях, а «кроме того, готовы были предложить конкретную программу переустройства будущего мира». Особая заслуга в организации конференции принадлежала председателю социал-демократической фракции в фолькетинге, редактору центрального органа СДПД «Социал-демократен» Ф. Боргбьергу и лидеру СДПД Т. Стаунингу.

Как Ф. Боргбьерг, так и Т. Стаунинг, находились в тесных связях с крупным международным финансовым дельцом, в прошлом немецким социалистом Александром Хельфандом (псевдоним Парвус), автором идеи перманентной революции, который имел тесные связи и с российской социал-демократической партией [861].

Для координации и подготовки Стокгольмской конференции был создан объединенный комитет трех скандинавских

*Первый лорд
Адмиралтейства
У. Черчилль и глава
Восточно-Азиатской
компании Х.Н. Андерсен
на борту парохода
«Зеландия». 1912 г.*

рабочих партий [862]. В марте-апреле 1917 г., выступая перед этим комитетом, Боргбьерг подробно изложил возможные, по его мнению, условия заключения мира (а по сути, программу): предоставление нациям права на самоопределение, создание международного третейского суда, постепенное разоружение, возвращение захваченных Германией и ее союзниками территорий, предоставление «русской Польше» независимости, а познанским полякам — культурно-национальной автономии, восстановление независимости Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии, присоединение к Болгарии Македонии, предоставление Сербии свободного выхода к Адриатическому морю. Боргбьерг считал, что лишь эльзас-лотарингскую проблему невозможно решить мирным путем. Программа эта была обречена остаться на бумаге по причине раскола в международном рабочем движении.

С антивоенными лозунгами выступали также Датское и Шведское общества за мир, Христианские союзы мира, Союзы социал-демократической молодежи и синдикалисты. В феврале 1917 г. по их инициативе в Гетеборге был учрежден

общескандинавский пацифистский Комитет северной молодежи, а в мае в Копенгагене состоялся съезд молодых пацифистов Скандинавии. В 1918 г. был образован Объединенный комитет, призванный координировать деятельность пацифистских организаций скандинавских стран.

Под лозунгами «всеобщего мира» функционировало Общество мира. Миротворческие акции, в частности отказ от воинской службы по моральным соображениям, нашли поддержку у женских и религиозных организаций. Усилилось межрегиональное церковное антивоенное движение северных стран.

Нередко представители деловых кругов северных стран, заинтересованные в скорейшем завершении войны, брали на себя функции посредников-миротворцев. Так, в марте 1915 г. директор Восточно-Азиатского пароходства, крупный датский финансист Х.Н. Андерсен посетил в Берлине германского императора Вильгельма II.

Затем Андерсен отправился в Петроград и был принят Николаем II, с матерью которого императрицей Марией Федоровной был лично знаком. Андерсен приехал в Петроград еще раз в конце июля 1916 г. Несмотря на серьезные поражения русских войск в Польше и Галиции, в Петрограде ничего не хотели слышать ни о всеобщем, ни о сепаратном мире [863].

В течение всей войны в Дании находили временное пристанище русские военнопленные, бежавшие, как правило, из Германии. Им оказывалась медицинская и другая помощь. В 1916 г. была создана специальная комиссия (во главе с принцем Вальдемаром), призванная заниматься устройством в Дании больных военнопленных.

В декабре 1916 г. Мария Федоровна, сообщая императору Николаю II о датском предложении переправить к себе находящихся в Германии больных русских военнопленных, писала: «Это делается из чувства христианского милосердия и не будет стоить ничего... Я надеюсь, что после твоего приказа военному министру дело наконец сдвинется с места» [864].

Большую работу миссии Датского и Шведского Красного Креста проводили с немецкими и австро-венгерскими военнопленными в России с первых дней войны [865]. В начале Датской миссией руководил Сальтофт, затем — молодой дат-

ский юрист Х.Л. Ланнунг. Миссии имели конторы в Петрограде и Москве, позже — в Киеве. Многие датские и шведские офицеры, врачи и медсестры работали в качестве добровольцев. Для этого в помещении Русской торговой компании было выделено специальное помещение для хранения продовольствия. В миссиях кормили значительное число детей, стариков и просто полуголодных людей. После революции работа миссии Красного Креста не была свернута, она оставалась в России вплоть до августа 1919 г. Она оказывала помощь, в том числе продовольствием, людям, оказавшимся в советских тюрьмах и лагерях.

Врач датского Института вакцины Т. Мадсен посетил лагеря для военнопленных в Туркестане и на Кавказе, где сделал много прививок против тифа. Сотрудники Особого отделения Б, созданного датским посольством в Петрограде, вели учет военнопленных, инспектировали лагеря почти на всей территории России, раздавали лекарства и продукты, посредничали в доставке корреспонденции.

* * *

Военно-политические итоги войны для всех скандинавских стран были в целом неплохими. Лучше они были для Норвегии и Дании, хуже — для Швеции. Германия и Россия были ослаблены и оттеснены от Балтики. Отношения между скандинавскими странами, их стремления к сотрудничеству были продемонстрированы на свидании трех королей в Христиании в 1917 г.

Согласно Парижскому договору, спицбергенский вопрос был решен в пользу Норвегии, которая установила суверенитет над о. Медвежий, но при условии, что архипелаг не мог использоваться в военных целях.

В результате решений Парижской мирной конференции 15 июня 1920 г. Северный Шлезвиг был признан за Данией. В итоге плебисцита в Среднем Шлезвиге в марте 1920 г. за присоединение к Германии высказался 27 081 голос, за принадлежность к Дании — 8944 голоса. Южноютландские земли с населением в 163 тыс. человек вошли в состав Дании.

Что касается Швеции, то по решению Лиги Наций Аландские острова, населенные шведами и принадлежащие Финляндии, в 1920 г. были оставлены за Финляндией.

Своеобразно были разрешены межнациональные проблемы. В 1918 г. был подписан договор между Данией и Исландией сроком на 25 лет о предоставлении последней независимости. Исландия провозглашалась постоянно нейтральным государством, однако с оговоркой, что ее внешняя политика по-прежнему будет определяться и осуществляться правительством Дании. Морская инспекция вдоль исландского побережья также оставалась за Данией. Таким образом, полной самостоятельности Исландия не получила [866]. Развивалось движение за самоуправление и на принадлежавших Дании Фарерских островах [867]. В начале Первой мировой войны Партия самоуправления получила большинство в фарерском легтинге. Она выступала не за отделение, а только за автономию в рамках королевства, за самоуправление — через легтинг, который должен был получить законодательную власть во внутренних фарерских делах. Позже в датской прессе отмечалось, что датчанам «потребовались колоссальные усилия для того, чтобы понять, что движение за самоуправление не было враждебным Дании, а лишь попыткой маленького народа найти свое место в мире». Партии самоуправления удалось добиться закона о преподавании в школах фарерского языка.

По окончании мировой войны под напором радикальных масс, в страхе перед «красной волной», двигавшейся с Востока, проведение демократических реформ во всех трех северных странах — Швеции, Норвегии, Дании — ускорилось.

Этому способствовала политика «гражданского мира», активно поддержанная как социал-демократами, так и буржуазными партиями.

Так, в Швеции в 1918–1919 гг. была проведена третья парламентская реформа, означавшая демократизацию выборов в обе палаты. При выборах в коммунальные органы устранялось имущественное неравенство.

К выборам во вторую палату теперь допускались как мужчины, так и женщины с 23 лет, за исключением лиц, получавших постоянное пособие по бедности. Для депутатов первой палаты имущественный ценз, однако, сохранялся, а возрастной ценз участников коммунальных выборов был повышен с 21 до 23 лет. В Норвегии в результате избирательной реформы 1919 г.

на парламентских выборах мажоритарная система была ограничена пропорциональной. Возрастной ценз для избирателей снизился с 25 до 23 лет [868].

Изменение роли социал-демократических партий в годы Первой мировой войны, с усилением роли партии в политической жизни в условиях кризиса политической системы дало им возможность выступить в 1919 г. с программами социализации. Программа социализации включала: частичное разоружение, рабочий контроль над производством, введение 8-часового рабочего дня (частично), пересмотры конституции, контроль за ценами, компенсацию дороговизны, улучшение социального обеспечения, аграрную реформу. Профсоюзы скандинавских стран поддержали социал-демократическую программу реформ.

В Дании в феврале 1919 г. судебная реформа отделила судебную власть от исполнительной, а также ввела гласность судопроизводства и суд присяжных для судебного разбирательства тяжких преступлений.

В феврале 1919 г. был принят Закон о хусменах (мелких сельских хозяевах). Государство предоставляло бесплатно землю безземельным для создания небольших хозяйств на условиях государственной аренды. При этом производилась конфискация части старинных родовых имений, ранее неотчуждаемых и неделимых, а также церковных земель.

Во всех странах Скандинавии был введен 8-часовой рабочий день. Новое законодательство дополнило принятые в годы войны законы, в том числе о бедности, о поддержке стариков, жилищный, об учреждении больничных касс, о рынке труда. Проведение реформ облегчилось тем, что в этих странах, благодаря выгодной экономической конъюнктуре, к моменту проведения реформ была создана солидная материальная база.

В годы войны в рамках «свободных переговоров» профсоюзов с предпринимателями получило развитие социально-экономическое партнерство в сфере отношений труда и капитала. Система социального маневрирования (или система мондизма) была направлена на нейтрализацию леворадикальных течений в рабочем движении, стабилизацию политической ситуации, введение элементов смешанной экономики. Уси-

*Женщины с благодарственным письмом королю
Кристиану X по случаю предоставления им
избирательных прав. Копенгаген, 5 июня 1915 г.*

лившееся взаимодействие профессиональных, политических и государственных институтов явилось результатом, с одной стороны, роста консолидации буржуазно-либеральных сил, с другой — начавшегося еще до войны процесса интеграции всего рабочего движения (прежде всего, в лице профсоюзов) в общественные структуры капиталистического общества.

Идея о социальном государстве политически укрепилась как в результате возросшего влияния социал-демократии, так и благодаря тому, что она нашла во время войны понимание и поддержку традиционных буржуазных партий — и либералов, и консерваторов.

Свой отрезок пути в этом направлении прошли и идеологические лидеры скандинавских социал-демократов. Размышления о развитии социализма, «вызревании» его в недрах капиталистического общества, прохождении им ряда промежуточных фаз постоянно присутствовали в их трудах периода войны. Например, датский историк социал-демократ Г. Банг незадолго до своей кончины в 1915 г. писал: «Победа социализма не последует сразу

после окончания войны. Потребуется переходный период, когда обострится решающая борьба между имущими и неимущими классами, когда прогрессивные и регрессивные процессы будут сменять друг друга, но когда, однако, определится конечный результат. Победа рабочего класса и падение капиталистического общества ранее будут предопределены. Многое указывает на то, что война дала начало этому периоду, который явится решающей фазой современной классовой борьбы» [869].

До Первой мировой войны не только левые, но и центристы выступали против парламентского пути к социализму. Эволюция же рабочего движения и либерализма в годы войны, усиление влияния социал-реформистского направления свидетельствовали, что «парламентский путь к социализму» приняли не только правые, но и центристы в рабочем движении Скандинавии.

Политика «гражданского мира» в годы войны заложила основы и способствовала созданию климата «общественного консенсуса». Это означало, что в обществе, где продолжали существовать социальные противоречия и социальные конфликты, утверждалось широкое согласие относительно того, что противоречия должны преодолеваются в рамках существовавших общественно-политических структур, парламентским способом, путем компромиссов.

Общественно-политическая обстановка в скандинавских странах в годы войны в значительной степени отличалась от ситуации в других европейских странах, например в соседней Германии, где кризис политической системы привел к революционной ситуации. Она характеризовалась прежде всего развитостью политических свобод и межклассовых отношений, готовностью ведущих политических сил к компромиссу, политической зрелостью пролетариата [870].

Благодаря достижению «гражданского мира» в годы войны стали складываться политические, институциональные, философские концепции скандинавской модели развития, при которой важную роль играло сочетание двух начал — капиталистического способа производства и социально ориентированной системы перераспределения при укреплении активной роли государства в деле социальной защиты народа.

10.2. Швейцария

Швейцария еще со времен Венского конгресса 1814–1815 гг. имела официальный статус нейтрального государства, гарантированный всеми великими державами. Правда, чего стоили эти гарантии, которые в любой момент могли превратиться в пресловутый «клочок бумаги», уже в первые дни войны показал печальный опыт двух других нейтральных государств — Бельгии и Люксембурга. Поэтому хотя декларацией от 3 августа 1914 г. швейцарское правительство заявило о своем намерении сохранять нейтралитет, одновременно в условиях вторжения германских войск в Бельгию швейцарцы провели всеобщую мобилизацию, начавшуюся еще 1 августа, в день национального праздника, и приступили к строительству пограничных укреплений и минированию горных проходов. Известный генерал Ульрих Вилле прекрасно понимал, на что способны швейцарские вооруженные силы. Он указывал позже в своем докладе парламенту, что при всей слаженности проведенной мобилизации не следует забывать, что «решение о ней было принято заранее и что ей не помешало вражеское нападение» [871]. Мобилизация позволила поставить под ружье около 250 тыс. человек в строевых и 200 тыс. человек — во вспомогательных частях. Это была по тем временам внушительная военная сила, учитывая традиционно высокий профессионализм швейцарских военных. С другой стороны, техническое оснащение швейцарской армии уступало ведущим армиям той поры.

В период войны стратегическое планирование швейцарской армии развивалось по двум направлениям. С одной стороны, предлагалось основное внимание уделять охране границ и в частности участкам наиболее вероятного вторжения. Наиболее боеспособные части концентрировались в регионе Юра [872]. С другой стороны, развивались планы укрепления горных местностей, прежде всего массива Сен-Готард, а также укрепленного района Сент-Морис в кантоне Вале, который предназначался для обороны от возможного вторжения французов с запада и итальянцев с юга [873].

Острым оказался вопрос о главнокомандующем. Основным и практически единственным претендентом на этот пост был

уже упомянутый генерал Вилле. Он был, несомненно, военным профессионалом, отличался авторитарным складом ума и активно модернизировал швейцарскую армию. Но в романской части Швейцарии он слыл германофилом и приверженцем прусских военных порядков. С точки же зрения «романдийцев» на этот пост лучше всего подходил аристократ из Граубюндена Теофил фон Шпрехер [874]. Только его добровольный отказ от претензий на пост главнокомандующего позволил избежать острого конфликта именно в тот момент, когда стране необходимо было продемонстрировать свое единство. После голосования в парламенте эту должность получил Вилле, заручившийся поддержкой 122 из 185 депутатов. Фон Шпрехера же назначили начальником Генерального штаба.

Война оказала большое влияние на политическое развитие страны. Самое главное, возникла угроза национальному единству Швейцарии. Территориально символическую границу, обозначающую культурные противоречия между немецкоязычной и франкоговорящей частями Германии, называли «картофельным рвом»¹. Он проходил по реке Зане. Конфликты между могущественными соседями всегда становились для Швейцарии «пробой на разрыв». Вот и теперь немецкоязычные швейцарцы, составлявшие примерно 70% населения, в основном симпатизировали Германии, а франкофоны — Франции. Последние открыто солидаризировались с Бельгией, нейтралитет которой был растоптан немцами. Французский писатель-пацифист Ромен Роллан, проведенный в Швейцарии военные годы, к своему ужасу обнаружил, что мирные франко-швейцарцы за годы войны проявили себя еще большими французскими националистами, чем сами французы [875]. Со своей стороны, немецкие швейцарцы обвиняли «романдийцев» в преднамеренном распространении выдумок, порожденных французской военной пропагандой. Особенно усердствовало «Немецко-швейцарское языковое объединение», являвшееся одной из ведущих германофильских организаций в Швейцарии. Его руководитель

---

¹ «Ров» назван по блюду решти, которое раньше было популярно в немецкой Швейцарии, но ныне считается национальным блюдом всей страны. Оно изготавливается из тертого картофеля с добавлением жиров и напоминает по вкусу картофельные оладьи или draniki.

пастор Эдуард Блохер с 1915 г. стал и председателем организации «Голоса во время шторма» («*Stimmen im Sturm*»), занимавшейся откровенной прогерманской пропагандой. Другим борцом за «германство» стал Эмиль Гарро. Во время войны он писал Блохеру: «О, если бы только мы смогли освободиться от «романдийцев» и стать пусть даже подданными Империи («*Reichsdeutsch*»)). Немного позже он добавил: «Выбросить их («романдийцев») вон мы не можем, ведь уходя, они забрали бы с собой страну, хотя я искренне не понимаю, почему Швейцария обязательно должна исчезнуть в случае отделения от нее франкоязычной части» [цит. по: 876].

Особенно сложной была ситуация в прессе. Между германофилами и франкофонами началась настоящая газетная война. Противоборствующие стороны получали информацию из разных информационных агентств, и часто она была взаимоисключающей. Так, наименование французского агентства новостей «Гавас» стало в немецких кантонах Швейцарии символом лжи и пропаганды. На стороне франкофонов выделялся публицист из Женевы Вильям Фогт. Он выпустил отдельный памфлет, в котором обвинил всех без разбора немецких швейцарцев в «преклонении перед Пруссией». С другой стороны, германские агентства были не лучше — судя по их сообщениям, армии рейха одерживали победу за победой, — и так до окончательного поражения [877]. После же реальных успехов армий Четверного союза на фронтах славословие в его адрес со стороны в общем-то спокойных и сдержанных швейцарцев вообще не знало границ. Так, например, в конце 1915 г. авторитетная «Нойе Цюрхер цайтунг» писала: «великое дело свершилось — от Остенде до Багдада широкой полосой пролегает огромная империя, которая в будущем, может быть весьма недалеко, еще прочнее сплотится в единую Четверную империю: Германию, Австро-Венгрию, Великую Болгарию и Оттоманскую Порту. В экономическом смысле этот новый союз государств захватит в свои руки гегемонию над Старым Светом» [878].

Впрочем, иногда раздавались трезвые, хотя и нетипичные для тогдашней Швейцарии голоса, которые с трудом пробивались к читающей публике. Так, после нападения Германии на Бельгию в «Нойе Цюрхер цайтунг» появилась статья вид-

ного публициста Эдуарда Фуэтера, выражавшая сочувствие Бельгии и Антанте в целом. Членом наблюдательного совета этого издания являлся профессор государственного, канонического и международного права университета в Цюрихе Макс Хубер, впоследствии ставший выдающимся дипломатом и председателем Международного Комитета Красного Креста. В ответ он резко раскритиковал Фуэтера в том смысле, что в такой сложной ситуации необходимо выдерживать подчеркнуто нейтральную позицию. Симпатизируя в целом Германии, Хубер все-таки осознавал, что «Нойе Цюрхер цайтунг» являлась тогда, пожалуй, единственной газетой, соединявшей немецкую и французскую части Швейцарии, и рисковать этим хрупким «мостиком» было бы просто преступно [879]. Также и немецко-швейцарский писатель Конрад Фальке выпустил брошюру, в которой пытался убедить сограждан в необходимости «преодоления картофельного рва» («Überbrückung des Röstigrabens») [880].

Опаснее были германо-романские «недопонимания» в армии, командование которой чем дальше, тем меньше скрывало своих симпатии к Германии. Так, в своем письменном приказе еще от 15 сентября 1914 г. генерал Вилле высказал мнение о том, что «пока Центральные державы одерживают победы, нейтралитет страны можно сохранять, однако в случае, если перевес окажется на стороне Антанты, Швейцария едва ли будет в состоянии держаться в стороне, и ей придется втянуться во всеобщую войну» [881]. Поэтому и граница с Германией была прикрыта войсками в наименьшей степени.

Когда по приказу Вилле командир бригады Риборди (родом из французской части кантона Вале) был замещен германоязычным Эмилем Зондерэггером из Аппенцеля [882], это вызвало неприятие среди солдат-франкофонов. Другой неприятный инцидент произошел в марте 1915 г. в двуязычном кантоне Фрибур, когда в народе распространились слухи о том, что швейцарское военное командование запретило якобы поездкам, перевозящим интернированных французских солдат, останавливаться на территории этого кантона. Дело дошло до антигерманских демонстраций и оскорблений в адрес немецких профессоров, преподававших в университете Фрибура,

а также немецко-швейцарских солдат (толпа на привокзальной площади обзывала их «грязными бошами») [883].

Но наибольший резонанс произвело так называемое дело полковников. С самого начала войны шеф швейцарской разведки Фридрих Мориц фон Ваттенвиль и полковник Карл Эгли снабжали военных атташе Германии и Австро-Венгрии разведывательными материалами исключительной ценности и секретности. В число таких материалов входили и дешифранты дипломатических депеш, раскодированные швейцарскими шифровальщиками. Это было грубым нарушением швейцарского нейтралитета. В декабре 1915 г. данный факт стал известен федеральному правительству. В стране, особенно в ее французской части, поднялась буря возмущения. Вилле, желая тихо замять дело, сместил обоих полковников с занимаемых постов. Но под давлением парламентариев, прессы и общественного мнения правительство 11 января 1916 г. назначило административное расследование. Предварительное следствие возглавил уже упомянутый Хубер. Для его совести это следствие стало огромным испытанием. С одной стороны, он видел, что все обвинения в адрес Ваттенвиля и Эгли абсолютно оправданны. Но Хубер не мог обнародовать источники своей информации и вынужден был дожидаться добровольного признания обвиняемых. Выбор был невелик — либо предать интересы государственной тайны, либо войти в конфликт с истиной и юстицией. Однако Хуберу все-таки удалось убедить полковника Эгли сделать частичное признание, после чего он мог спокойно продолжать следствие. 18 января Вилле против своего желания был вынужден отдать обоих офицеров под трибунал. Признавая их вину, главнокомандующий долго отказывался их осудить, мотивируя свою позицию заботой об имидже армии. В конечном итоге 28 февраля военный трибунал оправдал Ваттенвиля и Эгли, обязав, однако, военные власти наложить на них суровые меры дисциплинарного наказания. Вилле отдал полковников на 20 суток под строгий арест, а правительство уволило со службы. Во франкоязычной части Швейцарии мягкость наказания вызвала сильное разочарование, которое эхом отозвалось в прессе. Обыватели старались казаться примиренными, но их доверие к правительству было поколебле-

*Подразделение швейцарской армии
отрабатывает действия в обороне*

но, а к немецкоязычным швейцарцам вообще было сведено к минимуму. Социалисты были едины в критике армии и правящих кругов. Вскрылись и стали общественным достоянием глубокие противоречия между правительством и армейским руководством; на поверхность вышли неявные противоречия между регионами страны. Таким образом, проявились симптомы кризиса доверия в национальном масштабе. Это оживило общественную полемику среди интеллектуалов и политических деятелей о характере, сущности и пределах швейцарского нейтралитета в мировом конфликте, исход которого был еще очень туманным [884].

Война между тем продолжалась. Основным районом сосредоточения войск была граница с Францией. До поры до времени швейцарцы имели основание считать свои рубежи практически прикрытыми и не опасаться перенесения боевых действий на свою территорию. Но в феврале 1916 г. заработала на полную мощь «верденская мясорубка». Неудачи германских войск под Верденом принуждали их Верховное командование

искать неординарные решения. Будучи проинформированными о прогерманских настроениях Вилле, французы опасались, что под его давлением политическое руководство Швейцарской конфедерации примет решение пропустить немцев через свою территорию. Но этого не произошло. В мае 1916 г. президент Конфедерации Камиль Декоппе, опасаясь нарушения Германией границ своей страны, официально запросил Париж о возможности заключения двусторонней военной конвенции. В связи с этим президент Франции Раймон Пуанкаре даже записал в своем дневнике о «прекрасном» отношении к французам в Швейцарии, даже немецкой [885]. К ноябрю 1916 г. численность швейцарской армии заметно сократилась и составила 38 тыс. человек. Но на рубеже 1916–1917 гг. в связи с актуальной ситуацией на Западном фронте французское командование ввело в действие свой план «Н» («*Helvétie*»). В начале апреля 1917 г. в Берне состоялись тайные французско-швейцарские консультации. Начальник швейцарского Генштаба фон Шпрехер заверил французского партнера по переговорам, генерала Максима Вейгана, что германское наступление через Швейцарию маловероятно с учетом того, что неограниченная подводная война, которую начали немцы в Атлантике, а также Февральская революция и свержение царизма в России выглядели для Германии весьма обнадеживающе. Переговоры в Берне не привели ни к каким конкретным результатам, хотя и способствовали укреплению французско-швейцарского доверия [886].

Иначе выглядела ситуация на итальянской границе. После вступления Италии в войну на стороне Антанты в мае 1915 г. сюда было перебращено некоторое количество швейцарских войск. Именно здесь, в районе перевала Пассо Стельвио в Восточных Альпах, в ходе войны произошло больше всего инцидентов с пересечениями границы Швейцарии воюющими сторонами (около 1000 раз). Тут постоянно происходили столкновения между итальянскими и габсбургскими войсками. Однако в конце лета 1917 г. удалось все-таки заключить трехстороннее соглашение между Швейцарией, Италией и Австро-Венгрией, предполагавшее отсутствие боевых действий в непосредственной близости к швейцарской территории. К тому времени, по-

сле вступления в войну США в апреле того же 1917 г., военное давление на Швейцарию со стороны обеих воюющих коалиций резко упало.

В годы войны нейтральная Швейцария стала полем для мирных зондажей обеих воевавших коалиций и уникальным местом сбора разведывательной информации о противнике. Немецкий писатель Герман Гессе, который провел там военные годы, колоритно описал царившую в стране атмосферу. По его словам, люди жили «в мерзком переплетении политики, шпионажа, игр, подкупа и ухищрений спекуляции, замешанном так густо, что подобную концентрацию нелегко было отыскать на земле даже в те годы, в средоточии немецкой, нейтральной и неприятельской дипломатии». Гессе вспоминал, что этот альпийский оазис мира «в мгновение ока оказался перенаселен, и притом сплошь дипломатами, тайными агентами, шпионами, журналистами, скупщиками краденого и жуликами. Я жил среди послов и военщины, общался с людьми разных национальностей, в том числе и неприятельских, воздух вокруг меня являл собой одну огромную сеть шпионажа и антишпионажа, слежки, интриг, политического и приватного делячества...» [887]. Сама же швейцарская дипломатия неоднократно на протяжении войны пыталась играть посредническую роль. Но эти попытки всякий раз заканчивались грандиозными скандалами и ставили страну перед лицом серьезных последствий. Приведем лишь два примера.

Первый из них связан со швейцарским посланником в Вашингтоне Паулем Риттером. В феврале 1917 г., уже после официального разрыва американско-германских дипломатических отношений, он пытался предотвратить объявление американцами войны Германии в связи с тем, что последняя начала неограниченную подводную войну. По поручению Берлина Риттер проинформировал госдепартамент в Вашингтоне о том, что Германия-де готова вступить в переговоры с США [888]. В тот момент немцы уже готовились к тому, чтобы эвакуировать из Вашингтона свой дипломатический персонал и передать Швейцарии представительство своих интересов. Однако в день контакта с американскими дипломатами Риттер формально все еще представлял лишь интересы своей страны.

Вышло так, что Конфедерация опять встала на сторону Германии, нарушая тем самым принцип нейтралитета. Американцы решительно отклонили предложение Берлина о переговорах и передали всю информацию об этом в прессу. «Козлом отпущения» стал неловкий Риттер, в защиту которого госдепартамент не проронил ни слова, заняв формальную позицию [889].

Однако самое скандальное нарушение принципов нейтралитета было совершено федеральным советником Артуром Хоффманом в мае 1917 г. Руководя швейцарской дипломатией, он, опять-таки по просьбе Германии, решил прозондировать степень готовности революционной России к заключению сепаратного мира с Четверным союзом. Хоффман действовал на свой страх и риск, не проинформировав об этом остальных членов правительства. Предполагалось, что депутат Национального совета, председатель Социал-демократической партии Швейцарии (СДПШ) Роберт Гримм наладит контакты с членами Временного правительства в Петрограде. 27 мая из российской столицы Гримм запросил Хоффмана о германских условиях сепаратного мира. В ответной телеграмме Хоффман на основании переговоров с германскими «видными лицами» сообщил предварительные мирные условия Центральных держав [890]. Однако случилось так, что эта депеша была перехвачена и опубликована в шведской социал-демократической газете [891]. Разразился громкий скандал. Гримма выслали из России как агента германского правительства. Хоффман же оказался скомпрометирован, и, не дожидаясь, пока Федеральный совет исключит его из состава правительства, сам подал в отставку 18 июня [892]. Таким образом, провозглашая на протяжении долгих столетий принцип нейтралитета, Швейцария не обладала реальным опытом «нейтральной дипломатии». Приведенные два примера подтверждают, что, оказываясь на международной арене с самостоятельными миссиями, швейцарцы так или иначе начинали склоняться на сторону Германии.

Ожесточенное противоборство между Германией и Антантой происходило и в сфере швейцарской экономики. Как известно, война потребовала огромного напряжения промышленности и всех ресурсов не только воевавших, но и нейтральных стран, соответственно с этим возросла в финансирова-

нии войны роль международного кредита. Хотя Швейцария относилась к странам-рантье второй величины, швейцарские «гномы» продолжали на всем протяжении войны кредитовать обе воюющие стороны, причем большая часть кредитных обязательств Германии выписывалась в марках.

Одним из рычагов, который беззастенчиво применялся Германией для получения швейцарских кредитов, было непосредственное давление путем угроз военного и экономического характера. Много ярких примеров такого метода получения кредитов можно найти в книге швейцарского экономиста Х. Бланкара [893]. Так, в 1916 г. Германия заключила со Швейцарией компенсационный договор и при этом обязалась оплатить часть импорта своего угля экспортом определенных товаров (молочных продуктов, в частности сыра). Однако осуществление обещанных поставок германское правительство ставило в зависимость от предоставления ему широких кредитов. Более того, там, где немцы не имели конкурентов, они назначали на экспортируемые ими товары рваческие цены. Например, в октябре 1918 г. внутри Германии цена на сортовое железо составляла 200 марок за тонну. Швейцария же платила за импортируемое немецкое сортовое железо по 750 франков за тонну, то есть втридорога. 8 февраля 1917 г. в Германии был принят закон, ограничивавший право распоряжения заграничными авуарами, причем под эту категорию подводились не только краткосрочные активы, но и всякие иностранные ценные бумаги. Фирма, получившая из-за границы товары, не имела права употребить для их оплаты свои депозиты в заграничных банках без разрешения Рейхсбанка. На основании этого закона 22 мая 1917 г. последовало распоряжение рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега о передаче государству целого ряда швейцарских ценных бумаг, которые были использованы затем для получения займа [894].

Германия учредила в Швейцарии специальную валютную биржу (Devisenstellen), которая должна была путем любых махинаций поддерживать курс рейхсмарки [895]. Марка стала предметом интенсивной спекуляции на швейцарских биржах, причем каждая одержанная Германией частная победа и каждый слух о близости мира вызывали повышение курса марки.

Отделение швейцарской армии проходит маршем через деревню

В течение войны курс марки плавно понижался, сохранив еще в октябре 1918 г. свыше 60% паритета на цюрихской бирже. Большие запасы золота давали Германии возможность в необходимый момент поддержать курс валюты при помощи желтого металла. Германия прибегала к валютной интервенции для поддержания курса марки не только тогда, когда обстоятельства складывались для него благоприятно, но и в тех случаях, когда надо было усилить влияние благоприятных факторов. Так, в конце 1917 и в начале 1918 г., когда курс марки поднимался благодаря поражению итальянцев при Капоретто и выходу России из войны, Германия не ослабила, а усилила интервенцию на швейцарских биржах, вследствие чего курс марки тогда достиг без малого 80% паритета.

В экономическом давлении на Швейцарию от немцев не оставали и французы. Они ввели жесткий контроль поставок в страну продуктов питания и продукции промышленного производства. Этой цели служила созданная по настоянию Антанты организация «Société Suisse de surveillance économique» («S.S.S.»), которую в Швейцарии иронично называли

«Souveraineté Suisse suspendue» («приостановленный швейцарский суверенитет»). Поэтому с 1917 г. в Швейцарии пришлось ввести жесткое rationирование продовольствия [896]. В целом за время войны продукты питания вздорожали вдвое.

Тяжким бременем на экономику страны легла четырехлетняя военная мобилизация. В период войны все боеспособное мужское население Швейцарии было обязано нести военную службу на границах. Военная повинность не компенсировалась в денежной форме, что впоследствии приводило к окончательной потере работы. Государство прибегло к введению ряда военных налогов. Один из них был введен в июне 1915 г., правда, с согласия народа. Летом 1916 г. налогом были обложены прибыли промышленности. Ощущался дефицит промышленного сырья, росла безработица. Всеобщее недовольство вылилось в забастовки. Из-за них к концу войны швейцарская армия снизила количество призванных в свои ряды до 12,5 тыс. человек.

Другим дестабилизирующим фактором стало присутствие в стране целого ряда ведущих деятелей европейского революционного и социалистического движения, вынужденных бежать из воюющих стран и нашедших убежище в Швейцарии. Местные же социал-демократы, следуя общеевропейской тенденции, в начале войны выступили с патриотическими лозунгами. Правый социал-демократ Герман Грейлих, выступая в парламенте от имени всей фракции СДПШ, заявил, что она будет голосовать за мобилизацию для охраны нейтралитета и за чрезвычайные полномочия военных властей. Грейлиху же принадлежали слова: «Классовая борьба пока прекращается. Мы должны ее спрятать в угол» [цит. по: 897]. В годы войны в СДПШ шла борьба между представителями радикального и умеренного направлений. До организационного разрыва дело не дошло, и в этом значительная заслуга принадлежала председателю партии Гримму. Он придерживался центристских взглядов и «цементировал» партию силой личного авторитета, который был высок и в международном социалистическом движении. Гримм был председателем Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) международных социалистических конференций, официальным лидером Циммервальдского объединения. Он сыграл важную

роль в подготовке и проведении в апреле 1915 г. в Берне международной конференции пролетарской молодежи [898]. Левое крыло СДПШ во главе с Фридрихом Платтенем группировалось вокруг цюрихской организации партии. Оно находилось под сильным идейным воздействием лидера российских большевиков В.И. Ульянова (Ленина), жившего в Швейцарии с сентября 1914 по март 1917 г. В начале войны левые оставались на позициях пацифизма и выступали (впрочем, весьма нерешительно) против центристского руководства Гримма. 7 января 1917 г. он провел через ЦК СДПШ решение об отсрочке на неопределенное время чрезвычайного съезда этой партии, насчитывавшей более 30 тыс. человек. Съезд состоялся в Берне лишь летом 1917 г., и левые на нем выступили против предоставления армии новых кредитов. Октябрьский переворот в России пробудил среди швейцарских рабочих надежды на возможность революционно-насильственного создания более справедливого общественного устройства. Одновременно бюргерство и армейское командование резко выступило против любых социально-революционных перемен. 17 ноября 1917 г. в Цюрихе произошли первые крупные столкновения между рабочими и армией, 4 человека были убиты и около 100 ранено [899].

В январе 1918 г. левые силы обвинили правительство в стремлении превратить Швейцарию «в одну большую тюрьму». 4 февраля в городе Ольтен, юго-западнее Цюриха, был создан так называемый Ольтенский комитет с участием представителей СДПШ и профсоюзов. В стране возник своего рода «теневой кабинет», руководители которого грозили всеобщей забастовкой. 30 сентября 2 тыс. служащих цюрихских банков, недовольные своей заработной платой и отсутствием собственного профсоюза, призвали к генеральной стачке. Правительство кантона обратилось за помощью к армии, руководству которой уже давно не терпелось подавить революционное движение. Так, Вилле еще в июле цинично заявлял: «Пусть начинается стачка! Она даст нам возможность загнать этот сброд обратно в его берлогу» [900]. 7 ноября в Цюрихе были передислоцированы четыре пехотные и четыре кавалерийские дивизии под общим командованием уже упомянутого полковника Зондерэггера. По призыву «Ольтенского комитета» 11 ноября,

в день окончания мировой войны, в стране началась всеобщая забастовка. Бастующие требовали введения 48-часовой рабочей недели, пособий для инвалидов труда, пропорционального представительства в парламенте, предоставления избирательных прав женщинам, демократизации армии, погашения государственных долгов за счет имущих, выступали против анти-советской политики швейцарского правительства. Последнее обстоятельство послужило поводом к тому, что официальный Берн обвинил дипломатическую миссию РСФСР в подстрекательстве к этой стачке и в ее субсидировании. «По совету» победивших в мировой войне держав Антанты, швейцарцы выслали советских дипломатов из страны под вооруженным конвоем [901]. Однако впоследствии, в 1919 г., цюрихский судебный процесс членов «Ольтенского комитета» установил непричастность советской миссии к забастовке [902]. Против 250 тыс. забастовщиков были брошены 100 тыс. солдат. Воспользовавшись заключением Компьенского перемирия стран Антанты с Германией, Вилле снял с приграничной полосы ряд воинских частей, «не зараженных революцией», и перебросил их в индустриальные районы. Пролилась кровь... Под давлением правых социал-демократов, входивших в стачечный комитет, в ночь с 14 на 15 ноября стачка была прекращена [903].

Тем не менее после этой забастовки в стране обозначились первые социальные успехи: серьезно повысились зарплаты, сократилась продолжительность рабочего дня, была установлена 48-часовая рабочая неделя на промышленных предприятиях. Рабочие организации в целом приобрели репутацию структур, с которыми следует считаться. В соответствии с одним из требований «Ольтенского комитета», в октябре 1919 г. была введена пропорциональная избирательная система, облегчившая представителям левых партий доступ в парламент.

10.3. Албания

Первая мировая война застала Албанию в состоянии полного экономического хаоса и политической анархии. Князь Вильгельм Вид, посаженный на албанский престол по решению

великих держав и въехавший в страну в марте 1914 г., не пользовался здесь никаким влиянием [904]. Фактически его власть не распространялась дальше стен королевского дворца в Дурресе. В различных концах страны хозяйничали представители местной знати, паши, бывшие османские офицеры. Во Влёре пыталась сохранить видимость управления Международная контрольная комиссия, состоявшая из представителей великих держав. Южные области Албании, которые греки называли «Северным Эпиром», стали ареной военных действий между греческими отрядами и частями регулярной армии, сформированной правительством Турхан-паши Пермети. «Эпиротские дружины» жестоко расправлялись с мирными жителями албанских мусульманских деревень. Российский дипломат А.М. Петряев сообщал 25 июля 1914 г. из Влёры: «Все сведения, получаемые нами и основанные на рассказах очевидцев, рисуют картину систематического истребления и разорения мусульманского населения. Всюду, где прошли до сих пор эпироты, они оставили сожженные мусульманские села и перебитое население, которое не успело спастись бегством». В конце июля ведущие к Влёре дороги были забиты беженцами, число которых достигло почти 50 тыс. человек. С наступлением зимы большую часть беженцев, остававшихся под открытым небом в окрестностях Влёры, стали косить холод, голод и болезни [905].

События в Центральной Албании в еще большей степени, чем действия греческих сепаратистов, подорвали власть Вида. Там летом 1914 г. бушевало крестьянское восстание, которому исламское духовенство, туркофилы и панисламисты придали характер «борьбы за мусульманскую веру против монархиноверца». 1 сентября повстанцы вошли во Влёру. Король, окруженный в Дурресе и получивший в иностранной печати иронический титул «мэра Дураццо», напрасно просил у своих гарантов выделить международный контингент войск для личной защиты. Даже германский кайзер Вильгельм II стал склоняться к тому, чтобы заменить «тряпку» Вида на крепкого мусульманского правителя. Последней опорой князя оставалась Австро-Венгрия. Несмотря на относительный характер его власти в Албании, с самого начала европейской войны Вена

призывала князя «встать во главе албанцев и выступить против Сербии». Вид прекрасно осознавал, что даже для символического жеста у него не было ни сил, ни средств, и поэтому не внял увещаниям, исходящим от Габсбургской монархии. Тем самым он лишился единственной внешней опоры и 3 сентября был вынужден навсегда покинуть страну. Российская печать того времени, обыгрывая его фамилию и итальянскую транскрипцию города Дурреса (Дураццо), писала, что у князя был «дурацкий вид». Перед отъездом он выступил с обращением к албанцам. В нем говорилось об искренности его желания помочь «отважной и благородной нации» в ее патриотическом стремлении наладить жизнь в стране. Но началась война в Европе. «В этих обстоятельствах, — заключал он, — я решил уехать на какое-то время на Запад, дабы не оставить незавершенным дело, которому я готов посвятить все мои силы и всю мою жизнь. Но я хочу, чтобы вы знали, что и вдали, так же как и рядом с вами, я не перестану думать о прогрессе вашей благородной и родной вам страны» [906]. Вид не говорил об отречении, сохраняя за собой право когда-нибудь вернуться в Албанию [907]. Однако этого не произошло. С его бегством закончился краткий период албанской истории, когда впервые после провозглашения независимости в ноябре 1912 г. в стране существовало международно признанное правительство, являвшееся, хотя и номинально, общеалбанским.

Сразу после бегства Вида в Дуррес вступили отряды повстанцев, в городе подняли турецкий флаг. Туркофильские руководители восстания послали делегацию в Стамбул, желая видеть на вакантном албанском престоле турецкого принца Бурханэددина. Однако не все повстанцы разделяли установки руководителей на союз с Османской империей и «защиту ислама». Многие из них выступали за создание национального правительства и упрочение независимости Албании. Крестьян же больше всего заботил аграрный вопрос. Именно поэтому при занятии Дурреса рядовые повстанцы ворвались первым делом в здание земельного управления и уничтожили многие документы, имевшие отношение к собственности на землю [908]. Несколько в стороне от бурных событий в Центральной Албании держалась Шкодра, старейшины которой сформиро-

вали новый административный совет города. Фактическую независимость традиционно сохраняла область Мирдита, ее контролировал владетель Пренк Биб Дода.

Феодално-клерикальные круги решили навести порядок в стране с помощью «сильной личности» — Эсад-паши Топтани. Этот честолюбивый авантюрист, владеец огромных поместий в Центральной Албании, издавна мечтал об албанской королевской короне [909]. К началу мировой войны он находился в Италии, правительство которой хотело использовать его в своих интересах ради закрепления на Адриатическом побережье Албании. Но Эсад повел свою игру. Уже во второй половине августа 1914 г. он стал постепенно перебираться поближе к конечной цели — к Дурресу. Проезжая через временную сербскую столицу Ниш, он подписал 17 сентября с сербским премьер-министром Н. Пашичем договор «о вечном мире и дружбе». В соответствии с ним Сербия намеревалась помочь албанцам в создании правительства, органов законодательной и исполнительной власти и др. По окончании войны Албанское государство обязывалось установить тесные и привилегированные узы с Сербией. Между двумя странами создавался таможенный союз, общими становились оборона и дипломатическое представительство [910]. Таким образом, территориально урезанной Албании предстояло попасть после войны еще и под «опеку» Сербии. На выделенную сербами субсидию Эсад сумел нанять 10 тыс. наемников из Дибры, которым не могло противостоять крестьянское ополчение. 2 октября Эсад вступил в Дуррес.

Провозгласив себя председателем созданного повстанцами Генерального совета — правительственного органа и одновременно командующим армией, он сразу же объявил о своих симпатиях к Антанте. Но крестьяне, для которых Эсад-паша оставался символом феодального произвола и эксплуатации, не признавали его власть¹. Непрочным оказался и союз паши с протурецкой феодальной группировкой Центральной Албании. По мере того как вступление Османской империи в вой-

---

¹ О сложном переплетении различных классовых, национальных и конфессиональных интересов в ходе этого восстания см.: [911].

*Никола Пашич
(1845–1926), премьер-
министр Сербии в годы
Первой мировой войны*

ну на стороне Центральных держав становилось вероятнее, Топтани все более отходил от идеи приглашения в Албанию мусульманского монарха и превращался в ее противника. Точнее, единственным исламским кандидатом на роль правителя страны он видел только себя. Повстанцы, многое прощавшие ему лишь потому, что он выступал под мусульманскими лозунгами, в конце концов отвернулись от него. Сделав ставку исключительно на силу, Эсад перешел к открытому террору против своих недавних сторонников. Так, был казнен бывший главнокомандующий повстанцев Кямилль Хаджифеза [912].

Эсад занял дворец Вида в Дурресе, направил наместников в Эльбасан и Берат, начал переговоры с Пренком Биб Додой, установившим контроль над Шкодрой. «Он считает себя хозяином Албании, — докладывал в Рим итальянский консул в Дурресе, — но не является таковым. За ним молчаливо следят и враги, и друзья, выжидая дальнейшего развития событий. Он демонстрирует дружеские чувства в отношении Италии и надеется на нее» [913].

Между тем 2 ноября 1914 г. Османская империя вступила в войну на стороне Центральных держав, и султан провозгласил «священную войну против всех врагов ислама». В результате протурецкая группировка в Албании раскололась. Некоторые крупные землевладельцы, руководствуясь личными интересами, решили отказаться от панисламистских лозунгов и стали на сторону Эсад-паши. Другая же часть туркоманов предпочла действовать совместно с крестьянскими массами, которые получили дополнительный импульс для борьбы. В конце ноября в окрестностях Тираны началась вооруженная борьба против Эсада, которую возглавил зажиточный крестьянин Хаджи Кямили. В течение месяца администрация Эсад-паши была ликвидирована во всей Центральной Албании, за исключением Дурреса, осажденного крестьянскими отрядами. Эсад, как и за полгода до этого Вид, оказался запертым в Дурресе и в полной изоляции внутри страны. 16 декабря на заседании своего правительства — Нового совета — Хаджи Кямили объявил о свержении Эсада и об объединении с Османской империей. В освобожденных районах он запретил взимание помещиками трети урожая и начал делить их земли между крестьянами. Была конфискована также собственность некоторых мусульманских религиозных учреждений. В некоторых местах к восстанию примкнули крестьяне христианского вероисповедания. Попытки же турецких и габсбургских эмиссаров втянуть повстанцев в войну против Сербии оказались безуспешными: все их внимание поглощала борьба против Эсад-паши.

Последний же спешно искал поддержки извне — в самом начале декабря у Сербии, но, поскольку та сама находилась тогда в сложном положении, затем у Италии. После соответствующего согласования в столицах Антанты итальянское правительство приняло решение о высадке итальянских войск во Влэре, которую называли «Гибралтаром Адриатики». 20 декабря 1914 г. Эсад от имени сената Дурреса направил приглашение итальянцам, обещав поддержать их всеми имеющимися силами. 25 декабря высадка десанта во Влэре состоялась без каких-либо инцидентов [914]. Однако это не удовлетворило Эсада, и он продолжал настаивать на более весомых формах помощи, а именно на введении сухопутных войск непосред-

ственно в Дуррес. Тогда его спасал лишь тот факт, что в руководстве повстанцев возникли разногласия по поводу конечных целей и задач их движения. Часть вождей считала, что после изгнания Эсада необходимо реставрировать режим Вида. Другие же, которых было большинство, называли такие планы предательскими. Они видели будущее Албании в составе Османской империи. Сам Хаджи Кямили придерживался необходимости возвращения в лоно исламского государства, но как приверженец одной из нищенских мусульманских сет (мелами), проповедовал отказ от богатства и выступал за перераспределение «излишков» между бедняками, сиротами и калеками. Некоторые соотечественники называли его безумцем. Другие же, оценивая возможности всех крестьянских лидеров в целом, утверждали, как это делала, в частности, выходившая в Шкодре газета «Populli» («Народ»), «что с чабанами и деревенскими пастухами государства не построить» [915].

Еще ранее итальянских на албанской земле появились греческие оккупанты. 27 октября премьер-министр пока еще нейтральной Греции Э. Венизелос объявил в парламенте о вступлении регулярных греческих войск в «Северный Эпир». Он публично утверждал, что вступление греческой армии в соседнюю страну носит якобы временный характер, не преследует каких-либо завоевательных целей и продиктовано исключительно «соображениями гуманности и безопасности наших границ с Албанией», а также необходимостью «восстановить порядок в Северном Эпире» [916]. Более того, в беседах с иностранными дипломатами греческий премьер лицемерно мотивировал решение о вводе войск якобы необходимостью «защиты мусульман» от бесчинств, осуществляемых вооруженными формированиями греков из «Северного Эпира» [617].

Что же касается правительств Сербии и Черногории, с самого начала войны сражавшихся на стороне Антанты, то последней до поры до времени удавалось сдерживать их стремления осуществить экспансионистские планы в отношении северных и центральных районов Албании, на которые они претендовали. Но в мае 1915 г. угроза сербского вторжения стала реальностью [918]. В этих условиях политические разногласия между крестьянскими повстанцами отошли на второй план;

Хаджи Кямили избрали главнокомандующим повстанческой армии. Но было уже поздно. 2 июня сербские войска начали наступление в Центральной Албании под формальным предлогом уничтожения там австро-турецкого анклава. Сербы заняли Поградец, Эльбасан, Каваю, 11 июня вступили в Тирану, а еще через два дня подошли к Дурресу. Только резкий протест итальянского правительства спас город от оккупации. Сербы не ограничились вызволением своего союзника Эсада из полугодовой блокады, а вместе с его карателями учинили жестокую расправу над повстанцами. Хаджи Кямили и около 40 его сторонников чрезвычайный трибунал приговорил к публичной казни. Многие крестьяне были убиты вообще без суда и следствия [919].

В самый разгар сербского вторжения, 11 июня, албанскую границу перешли и черногорские войска. Несмотря на упорное вооруженное сопротивление албанских горцев, они окружили Шкодру и 27 июня заняли ее. Черногорская оккупация Северной Албании продолжалась шесть месяцев, и все это время в горах Великой Мальсии не стихало сопротивление оккупантам [920].

Но албанцы еще не знали, что за их спиной державы Антанты давно вступили между собой в тайный сговор об окончательном разделе Албании после войны. 26 апреля 1915 г. в Лондоне был подписан секретный договор между Италией и державами Тройственного соглашения. Одним из условий перехода в их стан стало содержащееся в 6-й статье договора обещание передать Италии «в полное суверенное владение Валону (Влёру), остров Сасено (Сазани) и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов (между Вьосой на севере и на востоке и приблизительно до северной границы округа Химара на юге)». В 7-й же статье было сказано, что в Центральной Албании будет создано «небольшое автономное нейтральное государство» под протекторатом Италии, которая будет представлять его интересы в международных делах. Предусматривалось, что Италия «не будет противиться тому, чтобы северные и южные части Албании, если таково будет желание Франции, Великобритании и России, были разделены между Черногорией, Сербией и Грецией» [921].

Глубокой осенью 1915 г. албанская земля стала ареной вооруженного противостояния между войсками двух враждующих коалиций. В октябре этого года Центральные державы и примкнувшая к ним Болгария нанесли мощный и концентрированный удар по Сербии. Под натиском противника сербская и черногорская армии отступали через территорию Албании к Адриатике. По пятам их шли и заменяли в роли оккупантов (Черногория капитулировала в январе 1916 г.) австро-венгерские войска. Спасаясь от них, бежал из Дурреса в начале февраля, то есть одновременно с сербами, и Эсад. В августе того же 1916 г. он объявился на Салоникском фронте, где на антантовские деньги сформировал батальон из албанских наемников во главе с Халитом Лэши, представителем влиятельного в Албании рода байрактаров из Дибры. В основном Эсад занимался подготовкой к возвращению в Албанию, сформировав из своих приверженцев в Салониках временное правительство [922].

Австро-венгерские войска оккупировали всю Центральную Албанию. Их командование старалось заигрывать с национальными чувствами албанцев, чтобы обеспечить свой тыл. Так, было разрешено вывешивать национальные флаги, открывались школы с преподаванием на албанском языке. Под жестким контролем оккупационных властей албанским чиновникам вверялись местные органы самоуправления. Центральный административный аппарат, включавший в себя управления по делам финансов, образования и юстиции, разместился в Шкодре. Здесь же была создана комиссия по кодификации албанского литературного языка [923]. Расширилась практика посылки албанской молодежи в австрийские учебные заведения. В Вене издавалась и распространялась по всей Албании газета «Vllaznia» («Братство»), которая пропагандировала якобы благотворную роль Габсбургской монархии в защите албанцев от враждебной деятельности итальянцев и сербов. Обратной стороной австро-венгерской оккупации была насильственная мобилизация албанской молодежи на дорожно-строительные работы и на военную службу. Все это вызывало сопротивление населения, выливавшееся в вооруженные стычки с австро-венгерскими гарнизонами. Оккупанты же отвечали поваль-

ными арестами, карательными экспедициями и массовыми казнями без суда и следствия.

В Южной Албании оккупационные власти стран Антанты также были движимы желанием создать зону спокойствия в тылу своих войск и поэтому тоже прибегали к методам поощрения национальных чувств албанцев, их стремления к независимости. Осенью 1916 г. французские войска вытеснили греков из Корчи и ее окрестностей. 10 декабря командующий округом полковник А. Декуэн подписал с представителями местного населения протокол. «В соответствии с желанием албанского народа... — говорилось в нем, — из казы Корица (Кора) и зависящих от нее округов Биклиста (Билишт), Колёня, Опар и Гора создается автономная область, управляемая албанскими должностными лицами, под покровительством французских военных властей». В автономной области государственным флагом объявлялся «традиционный штандарт Скандербег с лентой цветов Франции», а официальным языком — албанский¹. Управление автономией должен был осуществлять административный совет из 14 человек, в котором поровну были представлены христиане и мусульмане. Каждый из них в течение месяца по очереди выполнял функции главы республики. В пределах области создавались «мобильные отряды албанской жандармерии» «для защиты независимости территории и свободы ее жителей» [924]. Символом автономии области Корчи стали выпущенные французской военной администрацией почтовые марки с изображением албанского орла и надписью на албанском языке: «Корча — Албанская автономия».

В административном совете главную роль играл Темистокли Гермени, ранее руководивший местными повстанческими отрядами. Теперь он стал префектом полиции. Открылись упраздненные греческими оккупантами албанские школы; всего было открыто 60 начальных школ и одна средняя [925]. Учреждение албанской национальной администрации, хотя и на небольшой части оккупированной Албании, вызвало большой энтузиазм

---

¹ Скандербег, Георгий Кастриоти (около 1405 — 1468 г.) — национальный герой Албании, освободитель части территории страны от османского господства.

у всех албанских патриотов как внутри страны, так и за ее пределами. Они видели в «Корчинской республике» зародыш албанского национального государства [926]. Однако идиллия в албанско-французских отношениях длилась недолго. Под давлением Венизелоса по указанию из Парижа автономные права «Корчинской республики» стали урезаться, а ее непосредственный создатель полковник Декуэн в мае 1917 г. смещен и удален из Корчи¹. После же вступления в июне Греции в войну на стороне Антанты последняя стала еще больше прислушиваться к выдвигаемым Венизелосом притязаниям на южно-албанские территории. Заменявший Декуэна командующий французской оперативной зоной в Албании генерал А. Салль начал преследования против наиболее известных сторонников независимости. По сфабрикованному греческими секретными агентами обвинению в контактах с австро-венгерской и болгарской разведками 7 ноября 1917 г. был осужден, а через два дня расстрелян Гермени. 16 февраля следующего года Салль своим постановлением аннулировал протокол от 10 декабря 1916 г. Автономия была упразднена, а вся полнота власти переходила к французскому военному командованию [928]. Но уничтожить полностью следы албанской автономии французские военные власти не решились: над общественными зданиями Корчи продолжал реять албанский флаг, вселяя надежду в сердца албанских патриотов.

Помимо Франции на протяжении 1917 г. свои авансы албанцам наперебой раздавали главные соперники в борьбе за преобладание в стране — Габсбургская монархия и Италия. Первый ход в этой политической игре сделала Вена. 23 января главнокомандующий австро-венгерскими войсками в Албании генерал И. Трольман на митинге в Шкодре объявил о готовности оккупантов предоставить албанцам «автономию» после того, как они с помощью своих австро-венгерских друзей преодолеют экономическую и культурную отсталость. Авторы документа лживо заверяли албанцев, что «австро-венгерская монархия всегда стремилась сохранить единство албанского народа и неприкосновенность его территории» и что «за-

---

¹ О его активной деятельности на пользу албанского народа см.: [927].

В албанской деревне

щита албанской национальности издавна начертана на ее знаменах»¹. Но при этом они, естественно, умолчали о том, что в военно-политическом руководстве Габсбургской монархии к этому времени воцарилось поразительное единодушие в вопросе о передаче пока еще нейтральной и колеблющейся Греции «Северного Эпира» в виде вознаграждения за сохранение нейтралитета [929].

Ответом на этот документ явилось выступление главнокомандующего итальянских войск в Албании генерала Дж. Ферреро 3 июня 1917 г. в Гирокастре с воззванием, обращенным ко всем албанцам, «живущим ли свободно в своей стране, скитающимся ли по миру или еще находящимся под иностранным господством». Генерал напоминал об албано-итальянских культурных связях и общности интересов для того, чтобы дважды в своей краткой речи от имени короля Виктора Эммануила III торжественно провозгласить «единство и независимость всей Албании под защитой и покровительством Королевства

¹ Текст воззвания см.: Wilhelm, Fürst von Albanien, Prinz zu Wied. Op. cit. Anlage IX. S. 81–82.

Италии» [930]. Не был случайным и выбор места оглашения декларации о «независимости» Албании. Гирокастра являлась центром сепаратистского движения «Северного Эпира», и, избрав именно этот город, итальянцы намеревались подчеркнуть свою «приверженность» сохранению территориальной целостности Албании [931]. Но эта уловка не ввела в заблуждение ни союзников Италии по Антанте, ни албанцев. Влиятельная организация албанских эмигрантов в США «Vatra» («Очаг») выступила 17 июля с резким протестом против итальянских притязаний на протекторат над Албанией, что противоречит всем прежним договоренностям и открывает путь закулисным махинациям. «Ни албанцы, ни другие балканские народы не допустят такого решения», — говорилось в документе [932].

Образ Италии — «поборницы» неприкосновенности албанских земель, еще сильнее потускнел после того, как 28 ноября 1917 г. правительство Советской России опубликовало полностью текст Лондонского договора 1915 г. со всеми его секретными статьями. Тут же австро-венгерские власти перевели текст договора на албанский язык и постарались распространить как можно шире, по всей Албании, ту его часть, где речь шла о разделе страны. Это было сделано с очевидной целью скомпрометировать итальянцев. Тем же теперь пришлось изменить тональность своих выступлений в Албании. 21 февраля 1918 г. правящие круги Италии и ее военное командование развернули контрпропаганду, пустив при этом в ход «аргумент», что Лондонский договор якобы позднее претерпел изменения, которые большевики преднамеренно не опубликовали. И вообще, дескать, в силу изменившихся условий он утратил первоначальный смысл. Итальянское правительство не имело возможности игнорировать прогремевшие на весь мир 8 января «14 пунктов» президента США В. Вильсона и содержащийся в них призыв к предоставлению гарантий политической независимости большим и малым государствам. Поэтому официальный Рим был вынужден заявить 23 февраля 1918 г.: «Мы выступаем за независимость Албании в соответствии с общими принципами уважения прав и самоопределения наций» [933]. Эффект от публикации Лондонского договора оказался таким, каким его никак не ожидали увидеть габсбургские власти: усилилось

освободительное движение в Албании, направленное против всех оккупантов, в том числе и австро-венгерских. С очередным протестом 28 января выступило патриотическое общество «Vatra». Оно высказало твердое убеждение, что никакие сговоры не заставят албанцев прекратить борьбу за освобождение: «Великие державы серьезно ошибаются, если они полагают, что албанская проблема может быть решена посредством расчленения Албании. Оно никоим образом не помешает албанцам бороться за независимость и подстрекать их соперничающих господ биться друг с другом в надежде посредством этого добиться свободы для себя. Великие державы забывают про огромную жизнеспособность албанцев, которые столетиями сопротивлялись могучим империям, девизом которых всегда было: «Борьба за освобождение любой ценой, до победы» [934].

Однако вся логика событий последнего года войны подталкивала албанцев в сторону «главного оккупанта» — Италии. Когда осенью 1918 г. окончательно обозначился военный крах Четверного союза, итальянцы заместили ушедших с севера страны австрийцев и венгров. В Риме к тому времени осознали, что без уступок албанцам в их стремлении к самостоятельному политическому и культурному развитию утверждение итальянского влияния в регионе будет невозможно. Итальянские оккупационные власти при активной дипломатической поддержке приступили к сколачиванию группировки из италофильски настроенной верхушки общества. В нее входили Турхан Пермети, Мюфид Либохова, Мехди Фрашери, Мустафа Круя, Луидь Гуракучи. В свою очередь, албанские патриоты попытались сыграть на небескорыстном интересе итальянских политиков к Албании для достижения собственной цели — восстановления ее независимости. Ведь после завершения войны в Албанию вернулись из эмиграции многие национальные деятели. На протяжении всего 1918 г. прилагались усилия по проведению общенационального собрания то в Шкодре, то в Эльбасане, то в Леже. И все они терпели неудачу. Поэтому было решено воспользоваться покровительством Италии и получить от нее согласие на созыв конгресса. Итальянские власти согласились, но поставили условие, чтобы эта ассамблея

сформировала не правительство, а некий «национальный совет», который под неусыпной заботой итальянской делегации на предстоящей мирной конференции в Париже выразил бы чаяния албанского народа [935].

Национальный конгресс, на который было выбрано более 50 делегатов из всех районов оккупированной итальянцами Албании (кроме округа Влёры, где итальянские власти не разрешили провести выборы), открылся 25 декабря 1918 г. в Дурресе. Однако в результате давления со стороны патриотических сил работа конгресса отошла от заготовленного для него в Риме сценария. Делегаты не поддались нажиму и сформировали не «национальный совет», а правительство. В своем воззвании они высказались за восстановление национальной независимости и территориальной целостности государства, апеллируя при этом к «благородным принципам», провозглашенным Вильсоном, и к установлениям Лондонской конференции 1913 г., которая признала и провозгласила независимость Албании [936]. Однако выполнить эту задачу правительству, которое, как и при Виде, опять возглавил Турхан-паша, было очень трудно. Лично ему предстояло отстаивать албанские национальные требования на мирной конференции в Париже [937].

10.4. *Нейтральная Испания*

В начале XX в. Испания являлась второстепенной европейской державой, окончательно потерявшей свое бывшее могущество и международное влияние. Испано-американская война 1898 г., в результате которой Испания лишилась своих последних заморских владений (Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин), продемонстрировала всему миру военную слабость страны. Мадрид уже с середины XIX в. уклонялся от активного участия в военно-политических союзах и крупных европейских военных конфликтах. Эта тенденция к нейтралитету сохранялась и после 1898 г., хотя испанские политики начали осознавать необходимость поиска сильных союзников, способных гарантировать суверенитет Мадрида над оставшимися испанскими владениями. При

этом материковая Испания и принадлежавшие ей Балеарские и Канарские острова имели большое стратегическое значение в Западном Средиземноморье, Атлантике и зоне Гибралтарского пролива — крайне важном с торговой и военной точки зрения регионе, наибольший интерес к которому проявляли Великобритания и Франция. Сближению Испании с «Сердечным согласием» также способствовало создание в 1912 г. марокканского протектората, разделенного на две зоны влияния: французскую и испанскую. Тем не менее это сближение не вылилось в формальное присоединение страны к Антанте. Слабую в военном отношении Испанию основные будущие противники не рассматривали ни в качестве ценного союзника, ни в роли опасного противника. Поэтому Испания в надвигающейся «большой войне» должна была провозгласить нейтралитет.

Провозглашение нейтралитета и эволюция нейтрального курса

Сразу же после того, как Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 30 июля 1914 г. «Gaceta de Madrid» опубликовала декларацию о нейтралитете Испании в этом конфликте. В этот же день глава консервативного правительства Испании Э. Дато сказал министру иностранных дел маркизу де Лема, что война неминуема, добавив: «Декларацию о нейтралитете мы обнародуем немедленно, после того как последует объявление войны странами, вовлеченными в конфликт». Маркиз де Лема спросил, будут ли в декларации о нейтралитете отражены «особые» отношения Испании со странами Запада. Дато ответил, что существует только два положения: воюющая сторона или нейтральная [938]. Но хотя опубликованная впоследствии декларация провозглашала строгий нейтралитет, испанское правительство не забывало об «особых» отношениях, связывавших его с Францией и Великобританией. В Мадриде помнили о договоренности, достигнутой между испанским королем Альфонсом XIII и французским президентом Р. Пуанкаре в 1913 г. о том, что в случае начала европейской войны Испания должна провозгласить нейтралитет¹.

---

¹ О предвоенной внешней политике Мадрида подробнее см.: [939].

*Альфонс XIII
и Эдуардо Дато*

Еще до формального объявления нейтралитета Мадрид заверил французское правительство в том, что последнее может отозвать свои войска с пиренейской границы. Франция незамедлительно перебросила 18-й корпус, охранявший Пиренеи, в Эльзас. Испанские пограничные гарнизоны были отведены подальше от португальской границы, вглубь долины реки Тахо. Учитывая, что Португалия была тесно связана с Англией, Мадрид таким образом проявил свои симпатии и лояльность к Лондону.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну Российской империи. Вскоре основные участники Тройственного союза и Тройственного согласия разорвали дипломатические отношения и объявили войну друг другу. Европа стремительно погружалась в хаос всеобщей войны.

3 августа, когда Германия объявила войну Франции, Альфонс XIII и маркиз де Лема находились в Сан-Себастьяне. Король срочно вернулся в столицу и на заседании кабинета министров 5 августа заявил, что Испания может двигаться лишь по пути нейтралитета, благожелательного к странам Антанты [940]. Тем не менее в принятой испанским правительством и опубликованной 7 августа в «Gaceta de Madrid»

декларации испанцам предписывалось соблюдать «самый строгий нейтралитет»¹.

Несмотря на официально провозглашенный строгий нейтралитет, несколько сотен испанцев все же приняли участие в Первой мировой войне². В основном это были каталонцы, баски и арагонцы, записавшиеся во французский Иностраннный легион. Идти на войну их толкали экономические и идеологические мотивы. Они шли сражаться за «свободу» и «демократию», которые олицетворяли Англия и Франция. При этом уроженцы Страны басков и Каталонии видели в Антанте «заступника» и «покровителя» малых наций.

Иностраннный легион являлся элитным подразделением французской армии и участвовал во многих крупных сражениях Первой мировой войны. Вместе с ним испанцы сражались на Марне, при Вердене, на Сомме и т.д. Многие испанские добровольцы погибли. Некоторые были удостоены французских наград за проявленную отвагу и героизм. По окончании войны часть испанцев вернулись на родину. Остальные остались служить во французском Иностранном легионе.

Правительство Дато придерживалось строгого нейтралитета несмотря на усиленное давление Германии в первые месяцы войны. 15 октября 1914 г. германский посол М. фон Ратибор предложил Альфонсу XIII «свободу действий» в Португалии, но это предложение не было принято. Антанта знала об этих переговорах [943]. Обе враждующие стороны не стремились к вступлению Испании в войну, но хотели заручиться ее негласной поддержкой, важной со стратегической точки зрения. Когда в мае 1915 г. Италия вступила в войну на стороне Антанты, Испания во многом потеряла свое значение. Окруженная со всех сторон Союзниками, она не могла не только вступить в войну на стороне Германии, но и проводить прогерманский внешнеполитический курс, даже если бы испанское правительство и приняло такое решение. Двигаться можно было только в сторону Антанты.

К этому и стремился сменивший Дато либеральный премьер-министр А. де Фигероа-и-Торрес, граф де Романонес. Он был

¹ Gaceta de Madrid. 1914. 7 de agosto. Текст декларации о нейтралитете на рус. яз. см.: [941].

² Подробнее об испанцах, участвовавших в войне, см.: [942].

назначен председателем правительства 9 декабря 1915 г. и сразу же заявил журналистам, что Испания неуклонно будет соблюдать, как и до сих пор, строгий нейтралитет по отношению к воюющим державам [944]. Его правительство подтвердило строгий нейтралитет весной 1916 г., после вступления Португалии в войну на стороне Антанты. Тем не менее Романонес был известным франкофилом, и Альфонсу XIII приходилось сдерживать его, «заигрывая» с Германией.

В феврале 1916 г. испанский король попросил германского военного атташе А. Калле, чтобы рейх послал в Испанию специальную делегацию на субмарине, что могло бы произвести впечатление на испанскую общественность в пользу Германии [945]. Ранним утром 21 июня 1916 г. германская подводная лодка «U-35» прибыла в Картахену. Она привезла личное послание германского императора Вильгельма II Альфонсу XIII с благодарностью за хорошее обращение с германскими беженцами из Камеруна, которых приютили в Испании. Рейд «U-35» вызвал волну прогерманских публикаций в испанской прессе, что продемонстрировало Романонесу силу и масштаб германофильских настроений среди испанцев.

Последствия со стороны Антанты не заставили себя долго ждать. 3 июля Великобритания заявила Испании строгий протест против «нарушения» германской подводной лодкой испанского нейтралитета и потребовала, чтобы правительство Романонеса направило протест рейху. 23 августа Великобритания, Франция, Италия и Россия передали испанскому правительству совместный меморандум о полном недопущении в испанские порты подводных лодок воюющих держав [946]. Еще 15 июля Альфонс XIII под давлением союзников лично попросил Германию не посылать больше субмарин в Испанию. Статс-секретарь рейха Г. фон Ягов заверил испанского монарха через Ратибора, что история с «U-35» не повторится [947].

В августе 1916 г. давление Антанты на Испанию усилилось. Французы настаивали на разрыве испано-германских дипломатических отношений, англичане предполагали, что Испания может вступить в войну, но Альфонсу XIII удалось хотя бы формально сохранить строгий нейтралитет, тем более что его премьер-министр Романонес был известен своими симпатиями

к Антанте. Получив негласное разрешение из Берлина, Ратибор начал ожесточенную пропагандистскую войну против главы испанского правительства. Романонес предупредил немцев, что он будет настаивать на отзыве Ратибора, если тот не перестанет вмешиваться во внутренние дела Испании.

Романонес постоянно взывал к чувству национальной гордости Испании, ущемленному непрекращавшимися атаками германских подводных лодок на испанские торговые корабли. Решение Германии о начале с 1 февраля 1917 г. «неограниченной подводной войны» предоставляло Романонесу шанс изменить внешнюю политику Испании, направив ее в сторону более благожелательного нейтралитета к Антанте. Но, видимо, под давлением со стороны Альфонса XIII испанское правительство достаточно спокойно отреагировало на этот шаг рейха. 6 февраля король сказал послу США Д. Уилларду, что Испания не разорвет дипломатических отношений с Германией, даже если будет потоплено еще больше испанских кораблей [948].

Тем не менее отношения с рейхом стали заметно ухудшаться. В феврале 1917 г. испанская полиция при содействии французской разведки арестовала в Картахене германских агентов, у которых обнаружили не только пропагандистские материалы в поддержку Центральных держав, но и взрывчатые вещества, предназначенные для совершения диверсий и покушений во Франции. Правда, Альфонс XIII заверил Ратибора в том, что этот инцидент не повлияет на дружественное отношение Испании к Германии и что сам посол находится вне подозрений в связях с германскими шпионами [949].

В начале апреля 1917 г. Романонес направил Германии строгую ноту по поводу потопления испанских торговых кораблей. Она стала одной из причин его отставки. Вскоре было обнародовано письмо бывшего премьер-министра к королю с призывом разорвать дипломатические отношения с Германией. Падение Романонеса было воспринято Ратибором как его личная победа над «врагом» рейха. 19 апреля 1917 г. было сформировано новое правительство, которое возглавил другой лидер либералов М. Гарсиа Прието, подтвердивший намерение Испании оставаться нейтральной страной. Однако из-за внутривластного кризиса правительство не продержалось

и двух месяцев. 11 июня 1917 г. премьер-министром снова стал консерватор и сторонник строгого нейтралитета Э. Дато.

Осенью 1917 г. произошел еще один инцидент, осложнивший испано-германские отношения. 9 сентября 1917 г. поврежденная германская подводная лодка «UB-49» вошла в порт Кадиса и была интернирована испанскими властями в соответствии с королевским декретом, принятым в июне этого года. Однако 6 октября лодка скрылась в неизвестном направлении, что вызвало бурю протеста как в Испании, так и среди союзников. О возможности ее бегства испанцев предупреждал французский посол Л. Жоффри на основе своих агентурных сведений, но его предупреждения остались без внимания [950].

«Неограниченная подводная война», развязанная Германией, негативно сказывалась на испанской торговле. Немецкие подводные лодки топили в том числе испанские торговые суда. За годы войны Испания потеряла несколько десятков кораблей — приблизительно 20% своего торгового флота. Эти потери лишь частично были возмещены Германией. В 1918 г. она передала Испании шесть своих кораблей.

Вследствие атак на нейтральные испанские суда и корабли союзников погибло несколько десятков испанцев. Наибольший резонанс в испанском обществе вызвала трагическая гибель известного композитора Э. Гранадоса. Французский пассажирский корабль «Sussex», на котором Гранадос возвращался после триумфального турне по США, был торпедирован германской подводной лодкой 24 марта 1916 г. В тот день в водах Ла-Манша погибли 80 человек, в том числе Гранадос и его супруга.

Несмотря на потери испанского флота от германских подводных лодок Испания все же не разорвала дипломатических отношений с Германией и не объявила ей войну. Потопление испанских кораблей Берлин объяснял случайностью, ведь немцы не хотели давать повода для вступления Испании в войну. Испанцы же опасались еще больших потерь в случае объявления войны Германии. Нейтралитет Испании устраивал обе враждующие стороны и был выгоден самим испанцам. Сохраняя формально строгий нейтралитет, Испания все больше сближалась с Антантой.

Проантантовский курс был в целом характерен для нового правительства Гарсиа Прието, который сменил Дато 3 ноября

*Альфонс XIII,
король Испании*

1917 г. 6 декабря было ратифицировано торговое соглашение с Великобританией, переговоры о котором начались еще при Романонесе. Соглашение предусматривало ввоз в Испанию английского угля в обмен на испанскую железную руду, необходимую для военной промышленности Великобритании.

7 марта 1918 г. было подписано торговое соглашение с США, согласно которому Испания поставляла пириты, свинец, цинк, медь, а также продукты питания и другие товары для американских экспедиционных войск. В ответ США поставляли Испании хлопок, необходимый для текстильной промышленности Каталонии, нефть и другие товары. Также шли переговоры по заключению торгового соглашения с Францией. Под экономическим и дипломатическим давлением Антанты Испания превратилась к началу 1918 г. в ее «нейтрального союзника»¹ [951].

22 марта 1918 г. к власти вернулся лидер консерваторов А. Маура, возглавивший так называемое национальное правительство, в которое вошли и консерваторы, и либералы. Порт-

---

¹ Подробнее о внешней политике Испании в годы Первой мировой войны см.: [952].

фель министра иностранных дел достался стороннику нейтралитета Дато, но в правительство в качестве министра юстиции вошел Романонес, настаивавший на разрыве дипломатических отношений с Германией. 9 ноября 1918 г. Романонес был назначен министром иностранных дел в новом правительстве Гарсиа Прието. Через два дня в Компьенском лесу было подписано перемирие между Германией и Антантой. 5 декабря 1918 г. Романонес, сохранив свой министерский пост, вновь возглавил правительство, а 14 декабря посла побежденного рейха официально попросили покинуть Мадрид. 9 января 1919 г. весь кадровый состав германского посольства покинул Испанию. За полтора года до этого Ратибор способствовал отставке Романонеса, но именно Романонесу удалось избавиться от Ратибора в качестве германского посла в Испании.

Версальский мирный договор был подписан 28 июня 1919 г. без участия Испании, хотя во время войны Мадрид неоднократно предлагал посредничество в мирных переговорах. В «благодарность» за дружественное отношение к победившей Антанте Испания наравне с Бразилией, Грецией и Бельгией стала одним из четырех «непостоянных» членов Совета Лиги Наций, учрежденной согласно Версальскому миру.

Посредническая миссия Испании

С самого начала европейского конфликта Испания, как нейтральное государство, выступила посредником и защитником интересов воюющих держав в нескольких странах. Кроме того, наряду с Красным Крестом Мадрид развернул широкую посредническую деятельность и гуманитарную кампанию, активным участником которой стал король Альфонс XIII [953].

Испанское правительство и Альфонс XIII заботились и о военных, и о гражданских лицах, о тех, кто волею судеб оказался во вражеских странах без какой-либо связи с родиной. Сразу же после начала Первой мировой войны в королевском дворце была создана специальная канцелярия, которая в сотрудничестве с министерством иностранных дел и испанскими дипломатами, находившимися за рубежом, занималась сбором информации о пропавших без вести иностранных подданных и о положении военнопленных; помогала передавать деньги,

медикаменты, письма и различные вещи пленным и родственникам, оказавшимся по разные стороны фронтов; участвовала в обмене военнопленными и репатриации раненых военных и гражданского населения; ходатайствовала о смягчении приговоров и об отмене смертной казни для пленных, среди которых были и российские подданные. Благодаря во многом успешной гуманитарной деятельности этой канцелярии и самого Альфонса XIII в охваченной войной Европе мадридский королевский дворец стали называть «храмом милосердия».

Осенью 1914 г. при испанском посольстве в Петрограде было организовано справочное бюро с целью защиты интересов оставшихся в Германии и Австро-Венгрии русских. Работа бюро заключалась в сборе сведений и осуществлении денежных переводов российским подданным, оказавшимся во вражеских странах. Вскоре справочное бюро перенесли в здание российского министерства иностранных дел [954].

Через нейтральную Испанию и ее дипломатических представителей правительства воюющих держав вели переговоры по обмену военнопленными. К тому же испанские дипломаты в воюющих странах следили за положением военнопленных и инспектировали лагеря и тюрьмы, в которых они содержались. Например, зимой 1914–1915 гг. испанскому послу в Вене А. де Кастро было поручено осмотреть концентрационные пункты Австро-Венгрии, в которых содержались русские военнопленные. При этом Альфонс XIII через российского посла в Испании Ф.А. Будберга просил Петроград, чтобы американскому послу, защищавшему интересы Германии и Австро-Венгрии в Российской империи, разрешили увидеть пленных австрийцев [955]. Составленные испанскими делегатами отчеты о положении российских военнопленных в Германии и Австро-Венгрии регулярно направлялись в Петроград.

Альфонс XIII и его мать Мария-Кристина неоднократно обращались с личными просьбами об облегчении участи военнопленных и помиловании осужденных. Всего усилиями Альфонса XIII было отменено более 40 смертных приговоров. Гораздо сложнее подсчитать то количество военнопленных, которые вернулись на родину после успешного завершения переговоров по обмену, проходивших при участии испанских

дипломатов. И уж совсем не поддаются подсчету те тысячи людей, которые, оказавшись во вражеской стране, получали финансовую помощь из испанских посольств, и те, кто узнавал что-либо о своих пропавших без вести родственниках из справочных бюро, организованных испанцами.

Гуманитарная кампания, проводившаяся в годы Первой мировой войны под патронатом испанской короны, получила широкую известность и способствовала росту престижа Испании на международной арене. Лишь одна «миссия спасения» оставалась до недавних пор малоизвестной. Речь идет о попытках Альфонса XIII вывезти из России семью Николая II после Февральской революции [956].

Получив первые известия о Февральской революции в России, Альфонс XIII начал беспокоиться о судьбе Николая II и его семьи. В это время он рассчитывал на то, что Великобритания согласится предоставить убежище Романовым. Но когда в 20-х числах июля 1918 г. до Испании дошли известия о смерти бывшего российского царя, Альфонс XIII решил вывезти «оставшихся в живых» членов императорской семьи в Испанию. Тогда еще никто в Европе не знал, что они разделили участь Николая II. Испанский поверенный в делах в Петрограде Ф. Гомес Контрерас докладывал в Мадрид о том, что жена и дети Николая II якобы перевезены в безопасное место. Получив соответствующие инструкции, Гомес Контрерас прибыл в сентябре 1918 г. в Москву, куда к тому времени уже переехало правительство народных комиссаров. В гостинице «Метрополь», где располагался Народный комиссариат по иностранным делам, испанского дипломата принял нарком Г.В. Чичерин и его заместитель Л.М. Карахан. Чичерин требовал гарантий того, что царская семья не будет заниматься в Испании контрреволюционной деятельностью, и поднимал вопрос о признании испанским правительством Совета народных комиссаров [957]. Эта беседа ни к чему не привела. Вскоре Гомес Контрерас был вынужден уехать из России. Когда стало известно, что он пытался освободить и вывезти в Испанию «мертвые души» императорской семьи, эта «миссия спасения» потеряла свое значение и о ней предпочли забыть, не придавая ее огласке, тем более что дипломатические отношения с Россией вскоре прекратились.

Влияние войны на нейтральную Испанию и кризис 1917 г.

Большинство испанцев почти не интересовались европейскими событиями. Крестьянство было индифферентно к политике, тем более — к международным делам. Даже жители городов зачастую не желали знать, что происходит за Пиренеями. Однако многие испанцы разделились на яростных сторонников Антанты (антантофилов) и поклонников Центральных держав (германофилов) [958]. Истоки этого раскола уходят еще в XIX столетие, когда затянувшаяся модернизация страны породила феномен «двух Испаний»: одной — либеральной, прогрессивной, настроенной на европеизацию, второй — традиционной, консервативной, католической, ревностно охраняющей национальные ценности и культуру.

Расхождение мнений наблюдалось и в испанской королевской семье. Супруга Альфонса XIII, британская принцесса Виктория-Евгения Баттенберг, естественно, симпатизировала Англии и Антанте. Мать Альфонса XIII Мария-Кристина, до замужества эрцгерцогиня австрийская, сохранила любовь к Вене, хотя и недолюбливала Германию. Выяснить же истинные симпатии самого Альфонса XIII гораздо сложнее. Испанские социалисты, республиканцы и левые интеллигенты упрекали короля в скрытом германофильстве, утверждая, что политика строгого нейтралитета в действительности была выгодна Центральным державам. Однако испанский король все-таки больше симпатизировал Антанте. Альфонс XIII неоднократно неодобрительно отзывался о Германии, особенно после объявления ею «неограниченной подводной войны». Тем не менее он оставался главой нейтрального государства и стремился в своих публичных заявлениях и официальной переписке не давать повода к обвинению в симпатиях к той или иной стороне.

Значительная часть испанской политической элиты выражала свои симпатии к Германии. Это происходило не только под влиянием побед германского оружия осенью 1914 г., но и из-за подогреваемой исторической памятью неприязни испанцев к французам и англичанам. Объясняя свои симпатии к Германии, многие испанцы говорили: «Мы не столько гер-

манофилы, сколько франкофобы» [959]. Далекая Германия никогда не угрожала Испании и привлекала своей мощью и кажущейся непобедимостью.

Успешная германская пропаганда и историческая неприязнь испанцев к французам и англичанам создали напряженную атмосферу в испанском обществе. Американский историк Д. Микер назвал споры испанских антантофилов с германофилами «гражданской войной слов», которая, по его мнению, являлась предзнаменованием настоящей гражданской войны, разразившейся в Испании в 1936 г. [960] Это заметили еще современники событий. Французский журналист Ж. Брето, побывавший в Испании в мае 1917 г., задавался вопросом: «не стала бы однажды гражданская война, о которой все так много говорят, реальностью для Испании» [961].

Большинство испанцев поддерживали политику нейтралитета и не испытывали желания воевать. Их приверженность тому или другому лагерю отражала суть их мировоззрения и их отношение к внутренним проблемам Испании. В разразившейся информационной войне Великобритания и Франция предстали оплотом свободы и демократии, борцами против тирании, а Центральные державы — защитниками порядка, дисциплины, социальной иерархии и традиционных ценностей. С идеологической точки зрения, противоборствовавшие союзы олицетворяли собой два возможных пути развития всей Европы, и раз уж в 1914 г. началась схватка «двух Европ», то «две Испании» хотя и не участвовали в конфликте, сразу же определились в своих симпатиях.

Германофильство господствовало в испанской армии, восхищавшейся военной мощью Пруссии еще с 1870-х гг. Церковь, как и армия, большей частью была на стороне рейха, что само по себе парадоксально, поскольку Германия являлась протестантской страной и напала на католическую Бельгию, а Франция и Италия тоже были католическими нациями. Крайними германофилами были испанские карлисты, главный идеолог которых Х. Васкес де Мелья даже настаивал на военной интервенции Испании на стороне Центральных держав. Правда, карлистский претендент на испанский престол дон Хайме открыто симпатизировал Антанте.

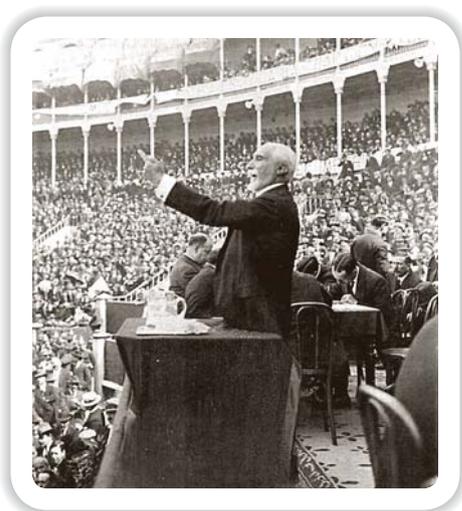
Многие испанские интеллектуалы учились в германских университетах, восхищались успехами научной мысли и глубокой немецкой классической философией. Но германофильство среди них стало скорее исключением, чем правилом. Из известных интеллектуалов германофилами были лишь П. Бароха и Х. Бенавенте. Большинство интеллигенции было настроено в пользу Антанты. Среди наиболее знаменитых антантофилов можно назвать историка Р. Альтамиру, философов М. де Унамуно и Х. Ортега-и-Гассета, писателей и поэтов Б. Переса Гальдоса, В. Бласко Ибаньеса, Э. Пардо Басан, Асорина, А. Мачадо, Р. де Маэсту, Р. дель Валье-Инклана и др. В годы войны родилось «поколение 1914 года», мечтавшее о «европеизации» и демократизации Испании.

Испанские политические организации также разделились на сторонников Антанты и Центральных держав. Единственными настоящими нейтралами были анархо-синдикалисты из Национальной конфедерации труда (НКТ), убежденные в том, что классовая борьба гораздо важнее «столкновения наций». Социалисты и республиканцы открыто симпатизировали Антанте. Либералы в основном выступали за союзников, а консерваторы оказались на стороне Центральных держав.

Однако обе династические партии не были едины в своих симпатиях. Либералы разделились: сторонники Гарсиа Прието защищали политику нейтралитета, а поклонники Романонеса выступали за Антанту. В статье «Нейтралитеты, которые убивают», опубликованной в газете «El Diario Universal» 19 августа 1914 г., Романонес настаивал на необходимости открыто заявить об испанской поддержке Англии и Франции [962]. Статья Романонеса и открыла широкую дискуссию между антантофилами и германофилами.

Большинство консерваторов симпатизировали Германии. Сторонники Дато выступали за строгий нейтралитет. В начале войны Маура, казалось, симпатизировал Германии, но его позиция со временем изменилась. 29 апреля 1917 г. на Пласа де торос в Мадриде состоялся митинг консерваторов, собравший около 15 тыс. человек. Маура выступил за строгий нейтралитет и заявил, что «Испания не должна, не хочет и не может вступить в войну» [963].

*Антонио Маура
на митинге. Мадрид,
29 апреля 1917 г.*

27 мая 1917 г., почти через месяц после выступления Мауры, на той же Пласа де торос, чтобы ответить лидеру консерваторов, собрались представители левых политических партий Испании — республиканцы, часть левых либералов, интеллектуалы, профессора, журналисты и т. д. — всего около 25 тыс. человек. Этот митинг стал кульминацией движения против строгого нейтралитета. Выступавшие поддержали Антанту и Февральскую революцию в России, подвергли критике правительство за строгий нейтралитет, осудили «неограниченную подводную войну» Германии. Критика режима достигла апогея в заявлении М. де Унамуну: «От короля зависит, провозгласят или нет многие из нас, кто не является республиканцами, себя таковыми. Я, до сих пор слабо веривший в монархию, прекращу верить в нее, если она будет во что бы то ни стало настаивать на нейтралитете. Король может быть полезен, но он не является необходимым, тем более — незаменимым». Свое выступление Унамуну завершил призывом: «Если государственная власть не хочет проводить революцию сверху, как говорит об этом Антонио Маура, мы должны совершить ее снизу» [964].

В начале 1917 г. в Испании все чаще звучали разговоры о революции, но события на Пиренейском полуострове стали

развиваться по другому сценарию, нежели в России, во многом из-за того, что Испания не участвовала в конфликте. Тем не менее война оказала огромное влияние на экономику нейтральной Испании, а социально-экономические изменения, в свою очередь, привели к политическому кризису 1917 г.¹

Война имела неоднозначные последствия для сельского хозяйства Испании. Резко сократился экспорт апельсинов (они не были товаром первой необходимости), что вызвало рост безработицы в Леванте. Производство и экспорт вина и оливкового масла, напротив, возросли. Что касается пшеницы, то хотя наблюдался незначительный рост собранного урожая, цены на нее росли еще быстрее: в конце войны она стоила в 1,5 раза дороже, чем в 1914 г. Параллельно поднимались цены на хлеб, которого к тому же стало не хватать на внутреннем рынке.

Испанская промышленность в годы войны оказалась в более выгодном положении, чем сельское хозяйство. Постоянно рос спрос воюющих держав на сырье, необходимое для нужд военной промышленности. За ростом спроса следовал рост цен на вывозимые товары. Инфляция стимулировала расширение объемов производства, и Испания, богатая залежами полезных ископаемых, пережила в годы войны настоящий экономический бум. Резко возросли добыча угля, производство железа и стали. Экономический рост наблюдался в текстильной и бумажной промышленности. Помимо расширения объемов производства в традиционных отраслях, в годы войны в Испании развивались и новые отрасли промышленности: машиностроение и гидроэнергетика.

До начала Первой мировой войны Испания испытывала хронический дефицит торгового баланса. Однако в военное время импорт в Испанию значительно сократился при росте цен на предметы экспорта, что обусловило положительный торговый баланс и беспрецедентное накопление капиталов. Можно сказать, в Испанию хлынул настоящий «золотой поток». Вдвое увеличился национальный доход Испании, что позволило ей частично избавиться от внешнего долга и выкупить почти все

---

¹ О влиянии войны на нейтральную Испанию и о кризисе 1917 г. подробнее см.: [965].

железные дороги страны, находившиеся в собственности иностранных компаний.

Экономический бум военного времени имел и обратную сторону. Рост экспорта продуктов питания и постоянная инфляция привели к тому, что сельскохозяйственной продукции, в том числе товаров первой необходимости, стало не хватать не только в городах, но и в деревне. Нехватка хлеба и других продуктов вызвала недовольство широких слоев населения. Преимущества военного времени обогащали предпринимателей, торговцев и финансистов, но практически не коснулись большей части населения. Хотя номинальные заработные платы рабочих постепенно увеличивались, этот рост не поспевал за темпами инфляции. Реальная зарплата рабочих разных специальностей и регионов упала на 20–30%. В стране, где, по утверждению испанского историка М. Туньона де Лара, «богатые становились еще богаче, а бедные — еще беднее» [966], социальные конфликты были неизбежны.

В результате летом 1917 г. Испания столкнулась с серьезным политическим кризисом. Первыми выступили военные.

Еще в ноябре 1916 г. под председательством полковника Б. Маркеса возникли первые «хунты защиты». Это были офицерские союзы, объединявшие в основном пехотинцев, недовольных ухудшением своего материального положения и фаворитизмом, царившим в элитных войсках испанской армии. Движение «хунт защиты» расширялось. Опасаясь роста оппозиционных настроений в армии, Альфонс XIII решил распустить хунты. Военное министерство приказало хунтистам прекратить их деятельность, но те отказались. 26 мая 1917 г. члены барселонской «хунты защиты», возглавляемой Маркесом, были арестованы.

Арестантов сразу же поддержали артиллерийские, инженерные войска и гражданская гвардия. Когда стало очевидно, что большая часть армии солидарна с арестованными хунтистами, правительство Гарсиа Прието пошло на уступки — 1 июня узники были отпущены на свободу. Правительство признало офицерский союз, Гарсиа Прието сразу же подал в отставку, а новый премьер-министр Дато признал устав «хунт защиты», увеличил жалование солдатам и младшим чинам, принял меры против фаворитизма.

Быстрота, с которой были удовлетворены требования военных, и открытый союз политической власти с армией (в ней многие испанские левые видели оплот реакции) вызвали широкий общественный резонанс. 25 июня 1917 г. был издан королевский декрет о приостановлении конституционных гарантий и введении военного положения, но это уже не могло остановить разбушевавшуюся оппозицию.

1 июля каталонская партия Регионалистская Лига созвала местных парламентариев, которые, ввиду того что правительство не собиралось созывать кортесы, распущенные весной 1917 г., решили провести в Барселоне неофициальную ассамблею парламента. Несмотря на предупреждения правительства, 19 июля 1917 г. в столицу Каталонии прибыли 15 сенаторов и 63 депутата. Большинство из них были каталонцами, представлявшими Регионалистскую Лигу. Из других провинций Испании приехали всего два сенатора и 21 депутат, среди них были баскские националисты, республиканцы, левые либералы и социалисты. Однако в самом начале заседания «Парламентская ассамблея» была распущена гражданской гвардией. По одной из версий, парламентарии угрожали организовать всеобщую забастовку в Испании, если правительство не выполнит их требований. В августе 1917 г. эта угроза превратилась в реальность.

Экономическое положение рабочих ухудшалось с каждым годом войны, ярким доказательством чего являлся угрожающий рост количества забастовок: в 1915 г. прошло 169 официально зарегистрированных стачек, в 1916 г. — 237, в 1917 г. — 306 [967]. На радикализацию пролетарского движения повлияли четыре фактора: ухудшение материального положения рабочих, известия о Февральской революции в России, растущий приток бывших крестьян в города и на рудники, а также политическая деятельность ведущих профсоюзных организаций страны: анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда (НКТ) и социалистического Всеобщего союза трудящихся (ВСТ). Их лидеры решили совместно отстаивать интересы рабочих и 18 декабря 1916 г. провели первую совместную всеобщую 24-часовую забастовку национального масштаба. Они требовали, чтобы правительство предприняло меры против инфляции, но в условиях политического кризиса лета 1917 г. уже слабо контролировали самих рабочих.

В первых числах июля 1917 г. республиканец и депутат кортесов М. Доминго проезжал по Валенсии, направляясь на «Парламентскую ассамблею» в Барселоне. Обращаясь к железнодорожникам, работавшим на «Compañía de los Caminos de Hierro del Norte de España», он заявил, что открытие ассамблеи является сигналом для объявления революционной забастовки. Рабочие вняли его призыву и объявили всеобщую стачку на железных дорогах от Валенсии до Барселоны. Забастовка расширялась, и социалистам пришлось возглавить слабо организованное движение, чтобы не выглядеть «предателями» дела рабочего класса. В стачечный комитет вошли представители Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) Х. Бестейро и А. Саборит и представители ВСТ Ф. Ларго Кабальеро и Д. Ангиано. Комитет требовал образования Временного правительства, которое подготовило бы честные выборы в Учредительные кортесы. Всеобщая революционная забастовка была назначена на 13 августа 1917 г.

В намеченный день забастовка охватила Мадрид, Барселону, Овьедо, Бильбао, другие крупные города Испании, а также промышленные зоны Валенсии, Каталонии, Арагона и Андалусию. Железнодорожники, пекари, типографские рабочие, строители, водители трамваев и рабочие других профессий прекратили работу. Правительство Дато в очередной раз приостановило действие конституционных гарантий и ввело военное положение по всей стране.

Вместе с гражданской гвардией на подавление забастовки была брошена армия, еще недавно угрожавшая режиму. Так, полковник Маркес вывел свой полк против бастующих Сабаделя. Согласно официальной статистике во время забастовки, с 13 по 18 августа, погибло около 80 и были ранены 150 человек по всей Испании. К 20 августа в тюрьмах оказалось около 2 тыс. арестованных. В действительности жертв было больше. Только в Барселоне, по опубликованным позднее официальным сведениям, погибли 38 человек, а в Бильбао — 20. По неофициальным данным, погибло около 500 человек [968].

Хотя августовская забастовка 1917 г. была подавлена, она дала новый импульс развитию рабочего движения Испании. Арестованные 15 августа члены стачечного комитета были отпущены на свободу по амнистии после того, как их избрали

депутатами кортесов в феврале 1918 г.: Бестейро — от Мадрида, Саборита — от Овьедо, Ангиано — от Валенсии и Ларго Кабальеро — от Барселоны.

Кстати, в результате этих выборов в кортесы прошли 21 депутат от Регионалистской Лиги и почти 30 депутатов от различных республиканских группировок. Эти пусть и достаточно скромные успехи социалистов, республиканцев и регионалистов на выборах демонстрировали растущую слабость режима, все менее способного контролировать избирательный процесс. Политическая стабильность монархии Альфонса XIII во многом основывалась на мирном чередовании монархических партий: Консервативной и Либеральной. В этом контексте рост влияния внесистемных политических сил, наблюдавшийся в конце Первой мировой войны, являлся опасным симптомом для режима.

Взрыв социального недовольства в 1917 г. отражал социально-экономические изменения, вызревавшие в недрах испанского общества. Крепнущее рабочее движение еще проявит себя в послевоенные годы. Среди военных распространялось убеждение, что единственным средством прекратить царящий в общественной жизни Испании хаос была военная диктатура. Внесистемные силы продолжали стремиться к политической власти, а режим в очередной раз проявил жесткость и неспособность к эволюции в сторону демократизации. Тем не менее не стоит преувеличивать значение кризиса 1917 г., ведь политический режим устоял, оппозиция оставалась раздробленной и разобщенной, а до наступающей социальной революции дело не дошло.

Нейтралитет во многом негативно повлиял на развитие социальных, экономических и политических процессов в Испании, и в этом плане она разительно отличалась от тех европейских стран, которые эффективнее использовали преимущества военного времени, особенно скандинавских государств. Если в Дании, Норвегии и Швеции нейтралитет создал основы дальнейшего развития и процветания, то в Испании он усилил социальное расслоение, углубил идеологическое размежевание и обострил общественные противоречия, что в значительной степени негативно сказалось на трагических поворотах испанской истории всего XX столетия.

ЭПИЛОГ

Мир, который не дал мира

11 ноября 1918 г. в штабном вагоне маршала Ф. Фоша близ станции Ретонд в Компьенском лесу было подписано перемирие, остановившее кровопролитие между Антантой и (пока еще) Германской империей. Условия соглашения содержали статьи об эвакуации немецких войск по состоянию на 1 августа 1914 г., о передаче союзникам отдельных наименований военного и железнодорожного имущества, о расторжении Брест-Литовского и Бухарестского мирных договоров и ряд других пунктов. По данному соглашению Германия лишалась только территории Эльзаса и Лотарингии.

Куда более серьезные ограничения были наложены на Германию Версальским мирным договором. Он был подписан 28 июня 1919 г., ровно через пять лет после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда. Версаль, запечатлевший унижение Франции и рождение второй, кайзеровской Германской империи, теперь стал свидетелем отмщения. За свой «рывок к мировому господству» Германия расплачивалась отторжением территорий в пользу Франции, Дании, Бельгии, Чехословакии, Польши, Литвы, а также приданием статуса вольного города Данцигу. Если два первых государства немецкие националисты могли понять, то другие народы и страны, только сейчас обретавшие суверенитет, не воспринимались немецким обществом как равные. Условия договора включали уголовное преследование кайзера, культ которого сопровождал немцев последние три десятилетия, уничтожение флота и резкое сокращение армии — двух оплотов имперско-милитаристской пропаганды, поразившей всех немцев в начале XX в. Неисполнение его по-

ложений привело в 1923 г. к франко-бельгийской оккупации Рура — промышленного сердца и гордости немцев...

Казалось, мщение союзников свершилось и Первая мировая война закончилась. В действительности же эти и многие другие, более конкретные причины привели к новому глобальному конфликту. Кстати, его творцы проходили свои «первые университеты» в окопах Первой мировой и затем всю жизнь тесно чувствовали связь с тем временем, за поражение в котором они пришли отомстить. Перемирие между гитлеровской Германией и Францией будет подписано в том же вагоне в Компьенском лесу, который будет уничтожен специальным отрядом эсэсовцев во время агонии третьего (после второго, кайзеровского) рейха.

Первая мировая война завершилась, но не миром. Вооруженная борьба продолжилась в России, где высадились ее вчерашние союзники. Клубок противоречий, копившийся в Российской империи и на ее национальных окраинах, привел к вооруженному противостоянию на территории современных Белоруссии, Украины, Польши, Прибалтики. Причем нередко в этих странах противостояли друг другу три-четыре силы. Но даже там, где не было борьбы против иностранных войск — в Финляндии и Германии, гражданский мир также установился лишь по прошествии нескольких лет. Не было спокойно и в странах-победительницах: в 1919 г. разгорелась война за независимость Ирландии, а группа итальянских националистов захватила город-порт Фиуме.

Новый миропорядок рождался не за столом переговоров, а сквозь пороховую гарь. Но уже тогда в его фундамент были заложены мины замедленного действия: территориально-пограничные споры, попытки построить этнократически «чистые» государства (особенно остро эта проблема проступила в Прибалтике и на Балканах), общая экономическая разруха и эмоциональная усталость в странах-победительницах (любой ценой, предательством своих союзников умиловить, «умиротворить» агрессоров), неоправданная жестокость к потерпевшим поражение и неудовлетворенность последних своим положением, русофобия. Окончание Первой мировой войны не избавило мир от новых глобальных конфликтов. Почти никто из стран-победительниц не мог поверить в то, что такой

ужас, какой они испытали в 1914–1918 гг., может повториться. Едва созданная Лига Наций стала не инструментом мира (инструментом принуждения к миру, увы, не стала и Организация Объединенных Наций), но инструментом для решения технических проблем, вызванных послевоенным урегулированием.

Уже через два десятилетия мир разделится на пресытившихся местью, потускневших от социально-экономических неурядиц победителей и неудовлетворенных своим положением «на вторых ролях», сплотившихся для отмщения за 1919 год побежденных. Их идея о превосходстве государства над личностью и одной расы над другой покажется очень соблазнительной для других, и в ряду агрессоров 1939–1941 гг. будет уже около 10 стран (не считая «нейтральных»). Они поставят вопрос уже не о доминировании в Европе и колониях, как было в 1914 г. Агрессоры 1939–1941 гг. своими силами и руками предателей будут проводить политику уничтожения «лишних народов» и построения своей «зоны экономического процветания» на спинах оставшихся, низведенных до положения полуграмотных рабов. Поэтому с первых же дней борьба на китайско-японском и советско-германском фронтах решала для Китая и Советского Союза задачу физического выживания и суверенного развития.

Несмотря на понесенные жертвы и лишения, победители 1945 года оказались мудрее и милостивее, чем победители 1919-го. Возможно, поэтому до сих пор удается избежать нового всемирного вооруженного конфликта. Но избежать противостояния Евроатлантика — Евразия не удалось. Антироссийские постулаты оказались чрезвычайно живучими, и Большая игра продолжилась. Редьярд Киплинг сказал: «Когда все умрут, только тогда закончится Большая игра», а значит, России предстоит снова и снова доказывать свое право на самостоятельное развитие. И события последнего времени подтверждают, что нам нельзя ни на минуту отступить от духа и памяти наших великих предков.

*Д. В. Суржик, кандидат исторических наук, Ph. D. (im Geschichte),
руководитель авторского коллектива
труда «Россия и Европа в огне Первой
мировой войны», 28 августа 2014 г.*

ЛИТЕРАТУРА

ЧАСТЬ 1. Геополитика Первой мировой войны

Главы 1–4

1. *Craig G.A.* Deutsche Geschichte 1866–1945: vom Norddeutschen Bund bis zum Ende des Dritten Reiches. München, 1993. S. 80–83.

2. *Hildebrand K.* Das vergangene Reich: deutsche Außenpolitik von Bismarck bis Hitler. B., 1997. S. 31.

3. *Чубинский В.В.* Бисмарк: политическая биография. М., 1988. С. 312.

4. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Historisch-kritische Gesamtausgabe, besorg von H. Kohl. 13 Bde. Stuttgart, 1905. Bd. 7. S. 94.

5. *Eyck E.* Bismarck: Leben und Werk. 3 Bde. Erlenbach; Zürich, 1944. Bd. 3. S. 264.

6. *Hillgruber A.* Bismarcks Aussenpolitik. Freiburg, 1972. S. 143.

7. *Hildebrand K.* Op. cit. S. 102.

8. Ibid. S. 110.

9. *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe: Die Vorgeschichte des ersten Weltkriegs. 1815–1914. München; Zürich, 1991. S. 191–192.

10. *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. 1890–1939. Wiesbaden, 1954. S. 88–110.

11. *Ratzel F.* Politische Geographie. München; Leipzig, 1897. S. 7.

12. Ibid. S. 19, 7.

13. Ibid. S. 1, 6.

14. Ibid. S. 4, 129.

15. Ibid. S. 191–232.

16. Ibid. S. 159, 262.
17. Ibid. S. 1.
18. *Kelly A.* The Descent of Darwin. The Popularization of Darwinism in Germany. 1860–1914. Chapel Hill, 1981. P. 102.
19. *Артамошин С.В.* Идеиные истоки национал-социализма. Брянск, 2002. С. 27–70.
20. *Lohalm U.* Völkischer Radikalismus. Die Geschichte des Deutschvölkischen Schutz- und Trutz-Bund. 1919–1923. Hamburg, 1970. S. 55.
21. *Frymann D.* Wenn ich der Kaiser war. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig, 1912. S. 32, 72, 129, 135.
22. *Geiss I.* Op. cit. S. 209–210.
23. Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 39.
24. *Вебер М.* Национальное государство и народнохозяйственная политика/В кн.: *Вебер М.* Политические работы. 1895–1919/Пер. с нем. М., 2003. С. 37–39.
25. *Макдоно Дж.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый/Пер. с англ. М., 2004. С. 370.
26. *Туполев Б.М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX в. М., 1991. С. 53–55.
27. *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan: Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf, 1971. S. 90–91.
28. *Лухарев Д.В.* Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993.
29. *Kaulisch B.* Alfred von Tirpitz und die imperialistische deutsche Flottenpolitik. В., 1982. S. 135–136.
30. *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны/Пер. с англ. М., 1961. С. 276.
31. *Hildebrand K.* Op. cit. S. 270–273.
32. *Geiss I.* Op. cit. S. 244.
33. Мировые войны XX века. Т. 1. С. 56.
34. *Hildebrand K.* Op. cit. S. 285.

35. *Schulte B.F.* Europäische Krise und Erster Weltkrieg. Beiträge zur Militärpolitik des Kaiserreichs, 1871–1914. Frankfurt. M.; Bern, 1983. S. 23–28.

36. *Hildebrand K.* Op. cit. S. 326–329.

37. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969. S. 227–228.

38. *Ерусалимский А. С.* Бисмарк как дипломат (Вступительная статья) // *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 1. Манфред А.З. Образование русско-французского союза. М., 1975; *Рыбачёнок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993; *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974.

39. *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность. Исследования, публицистика. М.: Наука, 1964. С. 124.

40. *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974. С. 17.

41. *Нарочницкая Л.И.* Россия и отмена нейтрализации Черного моря 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 28–29.

42. *Орлов А.В.* Внешняя политика и международные отношения России в середине XIX века и до 1918 года. СПб., 2011. С. 30.

43. *Орлов А.В.* Указ. соч. С. 96.

44. Там же. С. 96.

45. *Хвостов В.М.* Проблемы истории внешней политики России и международных отношений в конце XIX — начале XX в. // *Избранные труды.* М., 1977. С. 282–283.

46. История внешней политики России... С. 94.

47. *Зайончковский А.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 89–90.

48. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 106–108.

49. *Туполев Б.М.* Образование военно-политических блоков. Предвоенные международные кризисы // *Мировые войны XX века: В 4 кн. /Ин-т всеобщей истории.* Кн. 1. Первая мировая война. М., 2002. С. 38.

50. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 198.
51. *Williamson S.R.* Politics of Grand Strategy. British and France Prepare for War 1904–1914. Cambridge (Mass.), 1969. P. 55.
52. *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 538.
53. Там же. С. 539.
54. *Williamson S.R.* Op. cit. P. 67.
55. *Туполев Б.М.* Указ. соч. С. 45.
56. *ГейдORN Г.* Монополии — Пресса — Война: Исследование внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке Первой мировой войны. М., 1964. С. 192–197.
57. *Туполев Б.М.* Указ. соч. С. 46.
58. *Фрей С.* Происхождение мировой войны. М., Л., 1934. Т. 1. С. 45–46.
59. История дипломатии/Под ред. А.А. Громыко и др. Т. 2. М., 1963. С. 554.
60. *Антюхина-Московченко В.И.* Третья республика во Франции 1870–1918. М., 1986. С. 377.
61. *ГейдORN Г.* Указ. соч. С. 198–200.
62. *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М., Л., 1960. С. 519–521.
63. *Фей С.* Указ. соч. С. 114–115.
64. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма. М., 1927. С. 127–128.
65. *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 129–130.
66. *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 558.
67. *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 271.
68. Там же. С. 272.
69. *Туполев Б.М.* Указ. соч. С. 39–41.
70. *Лихарев Д.В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны/В кн.: Первая мировая война: пролог XX века/Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 537–554.
71. *Лихарев Д.В.* Указ. соч. С. 537.
72. *Ерофеев Н.А.* Английская колониальная политика и закон о флоте 1889 г. // Проблемы британской истории. М., 1972. С. 169.
73. *Kennedy P.M.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. London, 1976. P. 205.
74. The Times. 1897. June 26.

75. *Kennedy P.M.* Op. cit. P. 205–206.
76. *Лухарев Д.В.* Указ. соч. С. 539.
77. Там же. С. 539–540.
78. Там же. С. 540.
79. *Лухарев Д.В.* Указ. соч. С. 541.
80. *Williamson S.R.* Op. cit. P. 17.
81. *Naval and Military Record.* 1905. June 22.
82. *Hurd A.* The British Fleet and the Balance of Sea Power // The Nineteenth Century and After. 1907. March. Vol. LXI. № 361. P. 384.
83. *Spender J.A.* Life, Journalism and Politics. Vol. 1–2. London, 1927. Vol. 2. P. 67.
84. *Williamson S.R.* Op. cit. P. 89.
85. *Лухарев Д.В.* Указ. соч. С. 543.
86. *Fisher J.A.* Fear God and Dread Nought. Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone // Ed. by F.J. Marder. Vol. 1–3. London, 1952. Фишер — Эдуарду VII. 4. X.1907.
87. *Marder A.J.* From Dreadnought to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era 1905–1919. Vol. 1–5. London, 1961–1970. Vol. 1. 1961. P. 113–114.
88. *Лухарев Д.В.* Указ. соч. С. 544.
89. *Churhill W.S.* The World Crisis 1911–1918. Vol. 1–4. London, 1923–1928. Vol. 1. 1923. P. 122.
90. *Vercoe G.A.* Britain's Fighting Fleets. London, 1935. P. 30.
91. *Vercoe G.A.* Op. cit. P. 31.
92. *Лухарев Д.В.* Указ. соч. С. 551.
93. *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 276.
94. *Лухарев Д.В.* Указ. соч. С. 551–552.
95. *Туполев Б.М.* Указ. соч. С. 44.
96. *Williamson S.R.* Op. cit. P. 115.
97. *Туполев Б.М.* Указ. соч. С. 52.
98. *Williamson S.R.* Op. cit. P. 130.
99. *Дусинский И.И.* Цели нашей внешней политики // *Дусинский И.И.* Геополитика России. М., 2003. С. 121.
100. Там же. С. 250.
101. Там же. С. 260.
102. *Аксаков И.С.* Где границы государственному росту России // *Русский геополитический сборник.* 1998. № 3. С. 25.

103. *Снесарев А.Е.* Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. Он же. Афганистан // Русский геополитический сборник. 1996. № 1. С. 35–43.

104. *Савицкий П.Н.* Степь и оседлость // *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М., 1997. С. 339.

105. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5783. Оп. 1. Д. 298. Л. 4.

106. *Вандам А.Е.* Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии) // *Вандам Е.А.* Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 184.

107. *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 2003. С. 41.

108. *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. М., 2003. С. 209.

109. *Вандам А.Е.* Указ. соч. С. 165.

110. Там же. С. 166.

111. *Бубнов А.* В царской ставке. Воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955.

112. *Савицкий П.Н.* Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Русская мысль. Москва и Петроград. 1915. № 2. С. 65.

113. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа // Россия и Европа: хрестоматия по русской геополитике / Сост. Л.Н. Шишелина. М. 2007. С. 151.

114. *Керсновский А.А.* История русской армии: В 4 т. М., 1994. Т.4. С. 124–125.

115. *Бутаков Я.* Брестский мир. Ловушка Ленина для кайзеровской Германии. М., 2012. С. 29.

116. Константинополь и Проливы: по секретным документам бывшего министерства иностранных дел. Т. 1. М., 1925. С. 59.

117. *Савицкий П.Н.* Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Там же. С. 67.

118. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 251.

119. *Хэлфорд Джордж Макиндер.* Географическая ось истории // Элементы. Евразийское обозрение. 1995. № 7. С. 26–31.

120. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1999. С. 52.

121. *Лунева Ю.В.* Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1907–1914). М., 2011. С. 99.

122. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 145.

123. *Кокошин А.А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. О его жизни, трудах и наследии для настоящего и будущего. М., 2012. С. 165.

124. *Бовыкин В.И.* Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны. Исторические записки / Отв. ред. А.Л. Сидоров. М., 1957. С. 84.

125. *Вандам А.Е.* Наше положение // *Вандам Е.А.* Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 88.

126. Там же. С. 91, 166.

127. *Южаков С.Н.* Англо-русская распря: небольшое предисловие к большим событиям: Полит. этюд. СПб., 1885.

128. Профессор Байов Алексей Константинович. М., 2002. С. 216–217.

129. Там же. С. 233.

130. *Вандам А.Е.* Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии) // Указ. соч. С. 174, 181; *Дусинский И.И.* Цели нашей внешней политики // *Дусинский И.И.* Геополитика России. М.: Москва, 2003. С. 31.

131. Профессор Байов Алексей Константинович. Указ. соч. С. 301.

132. *Вандам А.Е.* Величайшее из искусств... Указ. соч. С. 172–174.

133. *Нарочницкая Н.А.* Война, смертельно опасная для России // *Забытая война и преданные герои.* М., 2011. С. 12.

134. *Дурново П.Н.* Записка Дурново. Февраль 1914. // *Красная Новь.* 1922. № 6. URL: <http://on-island.net/History/Durnovo.htm>

135. *Авдеев В.А.* Первая мировая война глазами Русского Зарубежья // *Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов.* М., 2006. С. 46–47.

136. *Дусинский И.И.* Цели нашей внешней политики. Указ. соч. С. 197, 201.

137. *Савицкий П.Н.* Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // *Русская мысль*. 1915. Москва и Петроград. № 1. С. 65.

138. *Савицкий П.Н.* Борьба за империю (империализм в политике и экономике) // Там же. С. 67.

139. Профессор Байов Алексей Константинович. Указ. соч. С. 217.

140. *Вандам А.Е.* Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии) // Указ. соч. С. 179.

141. *Снесарев А.Е.* Афганистан // *Русский геополитический сборник*. 1996. № 1. С. 45.

142. *Шишков Ю.В.* Восточный шанс: Русско-японская война 1904–1905 гг. в ретроспективе исторического выбора. М., 2005. С. 264.

143. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1948.

144. *Нарочницкая Н.А.* Война, смертельно опасная для России // Указ. соч. С. 9.

145. *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947. С. 20–21.

146. *Теодорович И.М.* Разработка правительством Германии программы завоеваний на Востоке в 1914–1915 гг. Первая мировая война. М., 1968. С. 116–118.

147. *Науманн Ф.* Срединная Европа // *Геополитика: Хрестоматия*/Сост. Б. А. Исаев. СПб., 2007. С. 60.

148. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 231–32.

149. *Соколов Д.В.* Эволюция немецкой геополитики // *Геополитика: теория и практика*. Сб. ст./Ин-т Мировой экономики и международных отношений/Под. ред. Э.А. Позднякова. М., 1993. С. 127.

150. *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М., 1993. С. 175.

151. *Дурново П.Н.* Записка Дурново. Февраль 1914 // *Красная Новь*. 1922. № 6. URL: <http://on-island.net/History/Durnovo.htm>

152. *Вандам А.Е.* Величайшее из искусств. Указ. соч. С. 182.

153. Там же. С. 183.
154. *Савицкий П.Н.* Очерки международных отношений // *П.Н. Савицкий.* Континент Евразия. М., 1997. С. 384.
155. Там же. С. 390.
156. Там же. С. 397–398.
157. Там же. С. 396.
158. Там же. С. 397.
159. *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Центральная Европа, Евразия, Япония // *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 374–375.
160. *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Центральная Европа, Евразия, Япония // Указ. соч. С. 375.
161. *Червенков Н.Н., Шкундин Г.Д.* Провозглашение независимости и объявление Болгарии царством // *Болгария в XX веке: Очерки политической истории* / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. С. 29–35.
162. *Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreichisch-Ungarischen Ministeriums des Äussern* (далее — ÖUA). Bd. 1. Wien; Leipzig, 1930. Nr. 182, 183. S. 155–157.
163. *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 гг. Пролог Первой мировой войны. Л., 1964. С. 145–147.
164. *Милюков П.Н.* Балканский кризис и политика А.П. Извольского. СПб., 1910; *Кострикова Е.Г.* Боснийское фиаско А.П. Извольского и русское общество. 1908–1909 гг. // *Труды Института российской истории.* 2008. Вып. 9. М., 2010. С. 425–451.
165. *Силин А.С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 1976.
166. *Аветян А.С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. С. 247–248.
167. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 402–404; *Яхимович З.П.* Русско-итальянские отношения в преддверии Первой мировой войны // *Россия и Европа.* Вып. 4. М., 2007. С. 77–118.
168. ÖUA. Bd. 1. Nr. 62. S. 67.

169. Сборник договоров России... Приложение. С. 458–460.

170. Там же. С. 460–463.

171. *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България. 1878–1925. Договори, конвенции спогодби, протоколи и други съглашения и дипломатически актове с кратки обяснителни бележки. София, 1925. № 13. С. 39–42.

172. Там же. № 19. С. 48–49.

173. *British Documents on the Origins of the War. 1898–1914 / Ed. G. P. Gooch and H. Temperley. Vol. IX. Part I. L., 1933. NN 525, 543, 555; Steed H. Through thirty years 1892–1922. Vol. 1. L., 1924. P. 360.*

174. *Соколовская О.В.* Греция в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. М., 1990. С. 9–10; *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010. С. 474–475.

175. Восточный вопрос во внешней политике России (конец XVIII — начало XX в.). М., 1978. С. 348. См. также: *Агансон О.И.* Балканский вопрос во внешней политике Великобритании (1908–1912) // Новая и новейшая история. 2011. № 1. С. 93–106.

176. *Documents diplomatiques français relatifs aux origines de la guerre de 1914. Sér. 3 (1911–1914) (далее — DDF). Т. II. P., 1930. P. 39.*

177. *Ibid.* № 48, 93, 193, 202, 250, 284, 297, 310; *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 62–64, 74–75.

178. DDF. Т. II. N 304; *Poincaré R.* Les Balkans en feu. 1912. P., 1926. P. 36.

179. *Ракочевић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. Цетиње, 1981. С. 164.

180. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 60–63.

181. *Гришина Р.П.* К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 года // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2010. С. 155.

182. ÖUA. Bd. 4. Wien, 1930. S. 195.

183. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 280.

184. Там же. С. 281–282; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 67–68, 73–74, 76, 80–81.

185. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 102.

186. DDF. T. IV. P., 1935. № 240. P. 249; *Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes/Hrsg. J. Lepsius, A. Mendelssohn Bartholdy, Fr. Thimme* (далее — GP). Bd. XXXIII. Berlin, 1927. N 12297. S. 253; *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 82; *Марков Г.* България в Балканския съюз срещу Османската империя 1912–1913. София, 1989. С. 61–62, 77–79; *Растович А.* Британская пресса о Балканских войнах // Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. С. 422–423.

187. *Moukhtar Pacha.* La Turquie, l'Allemagne et l'Europe. P., 1924. P. 174. О политике Германии в период Балканских войн см. подробно: *Жогов П.В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912–1913 гг. М., 1969; *Бирман М.А.* Дипломатия Германии и Балканский союз в 1912 г. // Исследования по славяно-германским отношениям/Отв. ред. В.Д. Королюк. М., 1971. С. 101–133; *Loulos K.* Die deutsche Griechenlandpolitik von der Jahrhundertwende bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt/M.; Bern; N. Y., 1986. S. 239–302; *Topor C.-L.* Germania, România și războaiele balcanice (1912–1913). Iași, 2010.

188. *Bobroff R.* Behind the Balkan Wars: Russian Policy towards Bulgaria and the Turkish Straits, 1912–13 // *The Russian Review.* № 59 (January, 2000). P. 76–95.

189. Константинополь и Проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. Т. I. М., 1925. С. 29.

190. Восточный вопрос... С. 351. См. также: *Macfie A.L.* The Straits Question 1908–36. Thessaloniki, 1993. P. 38.

191. *Ismail Kemalî (Përmbledhje dokumentesh).* 1888–1919/*Përg. T. Hoxha.* Tiranë, 2002. Nr. 200, 201. F. 257–259; *The Memoirs of Ismail Kemal Bey.* L., 1920. P. 371–373.

192. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 85–86, 91.

193. *Conrad von Hötendorf F.* Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918. Bd. III. Wien; Leipzig; München, 1922. S. 11.

194. ÖUA. Bd. 4. Nr. 4559, 4571, 4572; GP. Bd. XXXIII. N 12397. S. 361.
195. GP. Bd. XXXIII. N 12405. S. 373–374.
196. Ibid. N 12349. S. 303–304.
197. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991. С. 97.
198. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 86–87, 94–98.
199. *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 122–123; *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 56.
200. *Писарев Ю.А.* Указ. соч. С. 129.
201. Там же. С. 138.
202. Восточный вопрос... С. 358–359.
203. Çështja shqiptare në aktet ndërkombëtare të periudhës së imperializmit. Vëll. II. (1912–1918). Tiranë, 1987. Dok. № 1. F. 187–190; DDF. T.V. № 78. P. 94–96.
204. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 99–100.
205. GP. Bd. XXXIV. T. I. № 12866, 12869, 12872, 12876.
206. Ibid. T. II. № 13002, 13003.
207. *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.
208. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 87–89; 104–107; *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. С. 123–127; *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 100–101. *Хлебникова В.Б.* Скутари 1913 г.: проверка российско-черногорского союза на прочность // Модернизация vs война... С. 170–174.
209. История дипломатии. Т. II. М., 1945. С. 230.
210. *Hantsch H.* Leopold Graf Berchtold. Graz; Wien, Koeln, 1963. Bd.I. S. 420.
211. ÖUA. Bd. 5. S. 366.
212. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 102–103; *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 102.
213. Восточный вопрос... С. 362–363.
214. *Бьюкенен Дж.* Указ. соч. С. 102; *Марков Г.* Указ. соч. С. 365–371.
215. *Боев Ю.Б.* Ближний Восток во внешней политике Франции (1898–1914 гг.). Киев, 1964. С. 336.
216. *Кесяков Б.* Указ. соч. № 22. С. 53–55.
217. Там же. № 21. С. 51–52.

218. *Жебокряцкий В.А.* Болгария во время Балканских войн 1912–1913 гг. Киев, 1961. С. 166–167.
219. GP. Bd. XXXIII. № 12402. S. 371.
220. ÖUA. Bd. 4. № 4259, 4428, 4429, 4621, 4713, 4714, 4929. S. 765, 879, 880, 1013, 1076–1078, 1087–1088; Bd. 5. № 4825, 4983, 5001, 5117. S. 66–67, 175, 189, 271.
221. Красный архив. Т. 3 (16). М., 1926. № 44. С. 14.
222. GP. Bd. XXXV. № 13475, 13483, 13490.
223. История дипломатии... С. 195.
224. Материалы по истории русско-французских отношений... С. 399–400. См. также: *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 116, 119.
225. *Могилевич А.А., Айрапетян М.Э.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 194–197.
226. Материалы по истории русско-французских отношений... С. 408.
227. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 122–137; *Iorga N.* Comment la Roumanie s'est détachée de la Triple. București, 1933. Кросс Б.Б. Румыния между Тройственным союзом и Антантой: Очерки по истории дипломатической борьбы за Румынию и ее внешней политики 1908–1914 гг. Псков, 1996; *Shkundin G.* The Foreign Policy of Ionel Ion C. Brătianu in the Vision of the Foreign Diplomats (January — February 1914) // Romanian and European Diplomacy: From Cabinet Diplomacy to the 21st Century Challenges / Ed. by Gh. Cliveti, A.-B. Ceobanu, A. Vițălaru, I. Nistor. Iași, 2012. P. 277–298.
228. ÖUA. Bd. 6. № 7793; Bd. 7. Nr. 8781, 8786, 8789, 8792, 8804, 8807, 8969, 8981.
229. Ibid. Bd. 7. № 8626, 8628, 8630, 8632, 8643, 8645, 8647, 8660, 8676, 8677, 8685, 8788, 8801.
230. *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 120.
231. DDF. T. VIII. № 352. P. 442–443.

ЧАСТЬ 2. Подготовка основных стран-участниц и организация внутриблокового взаимодействия

Главы 1–4

1. Маниковский А.А. Боевое снабжение Русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. М.: 1-я гос. типогр., 1920. С. 9.

2. Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военнотехническим имуществом в Мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 г. М.: Воениздат, 1926. С. 7–8.

3. Там же. С. 9.

4. О введении военно-автомобильной повинности во всех местностях империи, за исключением великого княжества Финляндского. № 58. Особый журнал Совета министров. 17 июля 1914 года // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг./1914 год. М.: РОССПЭН, 2006. С. 205.

5. Козлов Н. Указ. соч. С. 22.

6. Авербах О.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1917 гг. Законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, Военного и Адмиралтейств Советов, распоряжения и постановления министров и др. Пг.: Лештукская паровая скоропечатня «Свобода», 1918. С. 44.

7. Ширшов Г.М. «Нельзя допустить, чтобы нефтяная промышленность... оставалась в руках кучки лиц на правах частной, ничем не ограниченной собственности» // ВИЖ. 2004. № 8. С. 20.

8. Там же. С. 24.

9. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 565. Оп. 1. Д. 4234. Л. 20.

10. Дякин В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л.: Лениздат, 1971. С. 214.

11. Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Сб. статей. Пг., 1915. С. 316.

12. Касаров Г.Г. Московские рабочие в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. — февраль 1917 г.). М.: Изд-во МАДИ, 1996. С. 24.

13. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1515. Л. 1–13.
14. Там же. Ф. 1158. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–8.
15. Там же. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 311. Л. 1–24.
16. Там же. Оп. 9. Д. 211. Л. 1–7.
17. Китанина Т.М. Россия в Первой мировой войне. 1914–1917 гг.: Экономика и экономическая политика. Ч. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 73.
18. РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 108. Л. 1.
19. Маниковский А.А. Указ. соч. С. 26–29.
20. Там же. С. 32.
21. Там же. С. 38.
22. РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1809. Л. 1–161.
23. Там же. Ф. 23. Оп. 15. Д. 458. Л. 8 об-9.
24. Маниковский А.А. Указ. соч. С. 17.
25. Китанина Т.М. Указ. соч. С. 66.
26. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 2644. Л. 1.
27. Там же. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1175. Л. 75об.
28. Китанина Т.М. Указ. соч. С. 65.
29. Об установлении надзора за деятельностью промышленных заведений, исполняющих заказы военного и морского ведомств. № 157. Особый журнал Совета министров. 7 октября 1914 года // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М.: РОССПЭН, 2006. С. 423.
30. Китанина Т.М. Указ. соч. С. 66.
31. Маниковский А.А. Указ. соч. С. 45.
32. Касаров Г.Г. Указ. соч. С. 25–26.
33. По вопросу об обеспечении правильной деятельности казенных заводов, изготовляющих предметы, необходимые для государственной обороны. № 36. Особый журнал Совета министров. 27 февраля 1915 года // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М.: РОССПЭН, 2008. С. 97–98.
34. Козлов Н. Указ. соч. С. 73.
35. Там же. С. 69–70.
36. Там же. С. 73–75.
37. Там же. С. 92.
38. О некоторых мерах к обеспечению топливом учреждений армии и флота и путей сообщения, а равно частных пред-

приятый, работающих для целей государственной обороны. № 55. Особый журнал Совета министров. 17 марта 1915 года // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1915 год. М.: РОССПЭН, 2008. С. 145.

39. Там же. С. 148.

40. О некоторых дополнительных мерах к обеспечению топливом учреждений армии, флота и путей сообщения, а равно учреждений и предприятий, имеющих особо важное значение или непосредственное отношение к государственной обороне. № 96. Особый журнал Совета министров. 19 мая 1915 года // Там же. С. 259.

41. Козлов. Н. Указ. соч. С. 132.

42. Задачи комитета военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций. СПб.: Тип. Р.Г. Шредера, 1915. С. 1.

43. Китанина Т.М. Указ. соч. С. 135–137.

44. Там же. С. 94.

45. Положение об Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства // Вестник инженеров. 1915. № 19. С. 3.

46. РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 124. Л. 1–3.

47. Там же. Оп. 28. Д. 3111. Л. 22–27.

48. РГИА. Ф. 23. Оп. 15. Д. 458. Л. 9.

49. РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 319. Л. 1–9.

50. Касаров Г.Г. Указ. соч. С. 31.

51. Козлов Н. Указ. соч. С. 77.

52. Там же. С. 63.

53. Там же. С. 12–13.

54. Там же. С. 24.

55. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2. 1917–1945 гг. СПб.: Иван Федоров, 1997. С. 10.

56. Строков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 586.

57. Сосунова И.А. Заключительное слово // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 533.

58. British documents on the origins of the war (BD). L., 1928. Vol. 4. P. 183.
59. Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 537–538.
60. BD. L., 1928. Vol. 4. P. 183.
61. Извольский А.П. Воспоминания. П. — М., 1924. С. 30–32.
62. Рыбаченок И.С. Указ. соч. С. 139.
63. Емец В.А. Извольский: министр-неудачник или реформатор? // Новая и новейшая история. М., 1993. № 1. С. 135.
64. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны. М., 2010. С. 18.
65. Там же. С. 9.
66. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 282
67. Edward Grey Twenty-five years 1892–1916. N-Y., 1925. Vol. 1. P. 134.
68. BD. L., 1928. Vol. 4. P. 254.
69. Ibid. P. 60.
70. Лунева Ю.В. Указ. соч. С. 25.
71. BD. L., 1928. Vol. 4. P. 278.
72. Лунева Ю.В. Указ. соч. С. 43.
73. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 386.
74. Там же. С. 387–389.
75. Edward Grey. Op. cit. P. 144.
76. Ibid. P. 139.
77. Ibid. P. 135.
78. BD. L., 1928. Vol. 5. P. 238–241.
79. Лихарев Д.В. Эра адмирала Фишера. Политическая биография реформатора британского флота. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1993.
80. Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале века. М., 2008. С. 288.
81. Лихарев Д.В. Указ. соч. С. 152.
82. BD. Vol. 5. P. 243.
83. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. С. 408.

84. *Игнатъев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. М., 1962. С. 127.
85. *Пуанкаре Р.* На службе Франции 1914–1915. М., 2002. С. 708.
86. *Лунева Ю.В.* Указ. соч. С. 155.
87. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991, С. 121.
88. Международные отношения в эпоху империализма. (МОЭИ). Сер. 3. М.; Л., 1934. Т. 3. С. 188–189.
89. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 211.
90. *Лунева Ю.В.* Указ. соч. С. 229.
91. *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 207.
92. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 42.
93. *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М., 1977. С. 27.
94. *Лукомский А.С.* Воспоминания генерала А.С. Лукомского. Б., 1922. С. 36–37.
95. *Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 345–353.
96. *Игнатъев А.В.* Указ. соч. С. 41.
97. Там же. С. 43.
98. *Джолл Д.* Истоки первой мировой войны. Ростов-на-Дону, 1998.
99. *Валентинов Н.В.* Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920; *Емец В.А.* Указ. соч.
100. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. М., 1975. С. 68.
101. *Емец В.А.* Указ. соч. С. 183.
102. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. С. 147.
103. *Емец В.А.* Указ. соч. С. 240.
104. Там же. С. 258–259.
105. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. С. 149.
106. *Емец В.А.* Указ. соч. С. 262.
107. Там же. С. 323.
108. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 2. С. 288.
109. Там же. С. 289.

110. МОЭИ. Сер. 3. Т. 6. Ч. 2. С. 299–300.
111. Там же. С. 300.
112. *Лукомский А. С.* Указ. соч. С. 37.
113. *Емец В. А.* Указ. соч. С. 207.
114. РГВИА. Ф. 369. Оп. 18. Д. 157. Л. 8.
115. Там же. Ф. 369. Оп. 19. Д. 2. Л. 63.
116. Ф. 369. Оп. 18. Д. 157. Л. 139.
117. *Емец В. А.* Указ. соч. С. 203.
118. РГВИА. Ф. 369. Оп. 18. Д. 158. Л. 68.
119. *Лукомский А. С.* Указ. соч. С. 70.
120. РГВИА. Ф. 369. Оп. 18. Д. 157. Л. 24.
121. Там же. Ф. 369. Оп. 18. Д. 157. Л. 67.
122. Там же. Ф. 369. Оп. 18. Д. 157. Л. 146.
123. Там же. Ф. 369. Оп. 19. Д. 10. Л. 1.
124. *Емец В. А.* Указ. соч. С. 341.
125. Там же. С. 342.
126. *Бьюкенен Дж.* Указ соч. С. 163.
127. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 8–9.
128. *Гринберг С. Ш.* Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне Первой мировой войны (1912–1914 гг.) // Славянский сборник. М., 1947. С. 314–330; *Марков Г.* Голямата война и българският ключ за европейския погреб 1914–1916. София, 1995. С. 23–42.
129. *Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 1976. С. 211–218, 229–247.
130. Докладная записка министра иностранных дел Сазонова от 23 ноября 1913 г. // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 7.
131. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 139–148; *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 173–184; *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. С. 225–232.
132. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк/Науч. рук. В. Л. Мальков. Отв. ред. Г. Д. Шкундин. М., 2005. С. 74.

133. Соколовская О.В. Греция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1990. С. 14.

134. DDF. Sér. 3 (1911–1914). T. VIII. P., 1930. P. 175.

135. Leon G. Greece and the Great Powers 1914–1917. Thessaloniki, 1974. P. 166; Loulos K. Die deutsche Griechenlandpolitik von der Jahrhundertwende bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt/M.; Bern; N. Y., 1986. S. 343–363.

136. Семенов К.Н. Элефтериос Венизелос — в погоне за «Великой Грецией» // До и после Версаля: Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 169–170.

137. Черчилль У. Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 245.

138. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. М., 1926. С. 8–9.

139. ÖUA. Bd. VIII. Wien; Leipzig, 1930. № 10628. S. 650.

140. Лалков М. Балканската политика на Австро-Унгария (1914–1917). София, 1983. С. 100.

141. Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Bd. III. Berlin, 1927. N 673. S. 133–134.

142. Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. Т. I. Потеря Союзниками Балканского полуострова. М.; Л., 1947. С. 9.

143. Радославов В. България и световната криза. София, 1923. С. 91.

144. Михайловский Г.Н. Записки из истории российско-го внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. I. Август 1914 — октябрь 1917. С. 67.

145. Илчев И. България и Антантата през Първата световна война. София, 1990. С. 55–209; Bulei I. Arcul aşteptării. 1914. 1915. 1916. Bucureşti, 1981.

146. Виноградов В.Н. К оценке дипломатии Ионела Брэтиану // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994. С. 84–89.

147. Burian S. Drei Jahre aus der Zeit meiner Amtsführung, im Kriege. Berlin, 1923. S. 108; Mach R. von. Aus bewegter Balkanzeit, 1879–1918. Berlin, 1928.

148. Grey of Fallodon, Lord. Twenty-Five Years, 1892–1916. Vol. II. L., 1925. P. 198.

149. Попов Ч. Европска ратишта у вријеме Мојковачке битке 1916. // Историјски записи. Подгорица, 1996. № 1. С. 75.

150. Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М., 2010. С. 500–503.

151. Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 47.

152. Германский империализм и милитаризм: Сборник статей. М., 1965. С. 159.

153. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 1. Berlin, 1925. S. 7.

154. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 2. Berlin, 1925. S. 22.

155. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 1. S. 9–10, 54.

156. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 1. S. 54.

157. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 1. S. 61.

158. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 1. S. 62.

159. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 1. S. 23.

160. Pummer X. Критика мировой войны. С. 57.

161. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 2. S. 24.

162. Гроос О. Война на море 1914–1918 гг. Т. I. Военные действия в Северном море от возникновения войны до начала сентября 1914 г. / Пер. с нем. Пг., 1921. С. 60.

163. Ritter G. Der Schlieffenplan. Kritik eines Mythos. S. 186.

164. Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 14.

165. Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 6.

ЧАСТЬ 3. Боевые действия**Главы 1–5**

1. *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969. S. 566–567.
2. *Ibid.* S. 569.
3. *Шацилло В.К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 96.
4. *Ребольд Ж.* Крепостная война в 1914–1918 гг./Пер. с франц. М., 1938. С. 25–26.
5. Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. С. 134.
6. История Первой мировой войны 1914–1918/Отв. ред. И.И. Ростунов. М., 1975. Т. 1. С. 275–277.
7. *Жоффр Ж.* Подготовка войны и ведение операций. М., 1923. С. 13–14.
8. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 114.
9. Там же. С. 128.
10. История Первой мировой войны. Т. 1. С. 52–53; *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 121–130.
11. *Жоффр Ж.* Указ. соч. С. 18.
12. *Галактионов М.* Париж 1914. Темпы операций. М.; СПб., 2001. С. 61–62.
13. *Такман Б.* Первый блицкриг. Август 1914/Пер. с англ. М.; СПб., 1999. С. 405–408.
14. *Галактионов М.* Указ. соч. С. 64.
15. Там же. С. 67.
16. *Жоффр Ж.* Указ. соч. С. 50.
17. *Галактионов М.* Указ. соч. С. 24.
18. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 215–222.
19. Там же. С. 231.
20. История Первой мировой войны. Т. 1. С. 297.
21. Мировые войны XX века. Кн.1. С. 143.
22. *Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen 1914–1918. Berlin, 1920. S. 36.
23. История Первой мировой войны. Т. 1. С. 322–323.
24. *Такман Б.* Указ. соч. С. 345–354.

25. *Зайончковский А. М.* Указ. соч. С. 189–190.
26. Там же. С. 241–252.
27. История Первой мировой войны. Т. 1. С. 349.
28. *Massie R.* Dreadnought: Britain, Germany, and the Coming of the Great War. New York, 1991. P. 32.
29. *Кооп Е.* Die Marine in Wilhelmshaven. Bonn, 1997. S. 38; Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes/Hrsg. von J. Lepsius u. a. Bd. 1–40. Berlin, 1922–1927.
30. *Heathcote T.* The British Admirals of the Fleet 1734–1995. London, 2002. P. 130.
31. *Корбетт Дж.* Операции английского флота в Первую мировую войну. Минск, 2003. С. 47.
32. *Kemp P.* Die deutschen und österreichischen U-Boot Verluste in beiden Weltkriegen. München, 1998. P. 36.
33. *Gröner E.* German Warships: 1815–1945. Annapolis, 1990. P. 109; *Трубицын С. Б.* Легкие крейсера Германии (1914–1918 гг.). СПб., 1997. С. 20.
34. *Keyes R.* Adventures Ashore and Afloat. London, 1939. P. 35–47.
35. *Мужеников В. Б.* Линейные крейсера Германии. СПб., 1998. С. 78.
36. *Massie R.* Castles of Steel: Britain, Germany and the winning of the Great War at sea. London, 2004. P. 90–99.
37. *Лихарев Д. В.* Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб., 1997. P. 110.
38. *Лихарев Д. В.* Эра адмирала Фишера. Владивосток, 1993; *Лихарев Д. В.* Адмирал Дэвид Битти. СПб.; Усурийск, 1997; *Лихарев Д. В.* Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
39. *Шеер Р.* Германский флот в Мировую войну 1914–1918 гг. М., 2002. С. 86–90; *Tirpitz A.* My Memoirs. Vol. II. N.Y., 1919. P. 91.
40. *Massie R.* Castles of Steel: Britain, Germany and the winning of the Great War at sea. P. 102–103.
41. *Шеер Р.* Указ. соч. С. 83.

42. *Osborne E.* The Battle of Heligoland Bight. N.Y., 2006. P. 80–82.
43. *Massie R.* Castles of Steel: Britain, Germany and the winning of the Great War at sea. P. 105.
44. *Корбетт Дж.* Операции английского флота в первую мировую войну. Минск, 2003. С. 127–129.
45. *Massie R.* Castles of Steel: Britain, Germany and the winning of the Great War at sea. P. 112–114.
46. *Gröner E.* German Warships: 1815–1945. Annapolis, 1990. P. 106–107.
47. Daily Express. 1914.08.29; Guardian. 1914.08.29; The Times. 1914.08.29.
48. *Schroeder J.* Die U-Boote des Kaisers. Bonn, 2002.
49. *Massie R.* Castles of Steel: Britain, Germany and the winning of the Great War at sea. P. 133–136.
50. *Breyer S.* Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1905–1970. München, 1970. S. 119; Conway's All the World's Fighting Ships 1906–1921. London, 1986. P. 30.
51. *Breyer S.* Battleships and Battlecruisers of the World. London, 1973. P. 172; *Mackay R.F.* Fisher of Kilverstone. London, 1973. P. 120.
52. *Lambert N.* Sir John Fisher's Naval Revolution. Columbia, 1999. P. 99; *Lambert N.* Admiral Sir John Fisher and Concept of Flotilla Defence. 1904–1909 // Journal of Military History. 1995. (59). P. 630–660.
53. Fear God and Dread Nought: Correspondence of Admiral of the Fleet Lord Fisher of Kilverstone. Vol. 2. London, 1956. P. 205.
54. *Penn G.* Fisher, Churchill and the Dardanelles. London, 1999. P. 87.
55. *McNally M.* Coronel and Falklands 1914. London, 2012. P. 36.
56. *Больных А.Г.* Морские битвы Первой мировой: Схватка гигантов. М., 2003. С. 137–139.
57. *Berngardt Fr.* Denkwürdigkeiten aus meinem Leben. Berlin, 1927. S. 48; *Einem K.* Erinnerungen eines Soldaten. Leipzig, 1933. S. 102.
58. *Мужеников В.Б.* Указ. соч. С. 79–80.
59. *Tirpitz A.* My Memoirs. Vol. II. N.Y., 1919. P. 285.

60. *Шеер Р.* Гибель крейсера «Блюхер». СПб., 1995. С. 6–10.
61. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II. С. 327.
62. *Мировые войны XX века. Кн.1. Исторический очерк.* М., 2005. С. 166.
63. *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 264.
64. *Михалев С.Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 79.
65. *Ардашев А.Н.* Великая Окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. М., 2009. С. 56–57.
66. *История первой мировой войны 1914–1918 гг.* М., 1975. С. 56.
67. Там же. С. 60.
68. *Мировые войны XX века. Кн. 1. Исторический очерк.* М., 2005. С. 167.
69. *Де-Лазари А.Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг. М., 1935. С. 15–18.
70. *Фрайс А., Вест К.* Химическая война. М., 1924. С. 21.
71. *Генслиан Р., Бергендорф Ф.* Химическое нападение и оборона. М., 1925. С. 67.
72. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 428.
73. *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. London, 1998. P. 185.
74. *История первой мировой войны 1914–1918 гг.* М., 1975. С. 78.
75. *Виллари Л.* Война на итальянском фронте 1915–1918 гг. / Пер. с англ. М., 1936. С. 41–44.
76. *Мировые войны XX века. Кн. 1. Исторический очерк.* М., 2005. С. 170.
77. *Нотович Ф.И.* Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М., Л., 1947. Т. 1. С. 660–661.
78. *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968. С. 137.
79. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 454–455.
80. *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. С. 16–17.

81. Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С.173–174.
82. Шаццлло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты и документы. М., 2003. С. 102.
83. Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 64.
84. Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 340–341.
85. Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 289–290.
86. Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964. С. 109.
87. Каменский М.П. Гибель XX корпуса. П., 1921.
88. Коленковский А.К. Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г. М.; Л., 1927. С.36–46.
89. Борисов А. Праснышская операция // Военно-исторический журнал. 1941. № 3. С. 26–35.
90. Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 360.
91. Там же. С. 364.
92. Бонч-Бруевич М. Потеря нами Галиции в 1915 г. Часть II. Катастрофа в 3-й армии. М.; Л., 1926. С. 244.
93. История первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. С. 21.
94. Бубнов А.Д. В царской ставке. М., 2008. С. 67.
95. Горлицкая операция: Сб. док. М., 1941. С. 12.
96. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. С. 155–156.
97. Мировые войны XX века. Кн.1. Исторический очерк. М., 2005. С. 161.
98. Горлицкая операция: Сб. док. М., 1941. С. 360–366.
99. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т.I. С. 118–119.
100. Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 103.
101. Уткин А.И. Первая Мировая война. М., 2001. С. 93–194.
102. Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. London, 1998. P. 177–178.
103. Ibid. P. 176.
104. Уткин А.И. Указ. соч. С. 194.

105. Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1994. Т. 1. С. 320.
106. Ардашев А.Н. Великая Окопная война. Позиционная бойня Первой мировой. М., 2009. С. 154–159.
107. Корольков Г.К. Несбывшиеся Канны (Неудавшийся разгром русских летом 1915 г.). М., 1926. С. 29.
108. Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 265.
109. Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 121.
110. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 381–382.
111. Лазарев М.С. Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914–1918 гг.). М., 1960. С. 13, 27.
112. Staff G. Battle on the Seven Seas. Barnsley, 2011. P. 84–86.
113. Вильсон Х. Линкоры в бою. 1914–1918 гг. М., 2002. С. 100.
114. National Archives, Kew. ADM 137/4156; *Matti E.* Das Geheimnis der «Magdeburg». Berlin, 1984. S. 96.
115. Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Том 2. М., Л., 1941. С. 110.
116. *Harper J.* The Truth about Jutland. London, 1927. P. 12.
117. *Burt R.A.* British Battleships 1889–1904. Annapolis, 1988. P. 246–255.
118. *Шеер Р.* Гибель крейсера «Блюхер». СПб., 1995. С. 17.
119. *Massie R.* Castles of Steel: Britain, Germany and the winning of the Great War at sea. London, 2004. P. 150.
120. Вильсон Х. Указ. соч. С. 101.
121. Мужеников В.Б. Линейные крейсера Германии. СПб., 1998. С. 80–81.
122. Мужеников В.Б. Линейные крейсера Англии. Ч. II. СПб., 2000. С. 19.
123. *Roskill S.* Admiral of the Fleet Earl Beatty, the last naval hero. London, 1980. P. 115–20.
124. Мужеников В.Б. Указ. соч. С. 20.
125. Корбетт Ю. Операции английского флота в мировую войну. Т. 2. М., Л., 1941. С. 122.

126. *Gröner E.* Die deutschen Kriegsschiffe 1815–1945. Band 1. Berlin, 1982. S. 80.
127. *Campbell N.J.M.* Battlecruisers. London, 1978. P. 9.
128. *Dennis P.* The Oxford Companion to Australian Military History. Melbourne, 2008. P. 224.
129. *Aspinall-Oglander C.* Military Operations Gallipoli. Vol. I. London, 1929. P. 51–53.
130. *Travers T.* Gallipoli 1915. Stroud, 2001. P. 20.
131. *Broadbent H.* Gallipoli. Camberwell, 2005. P. 38–40.
132. *Hart P.* The Day It All Went Wrong // Wartime 2013. № 62. P. 8–13.
133. *Broadbent H.* Ibid. P. 40.
134. *Hart P.* The Day It All Went Wrong // Wartime 2013. № 62. P. 9.
135. *Baldwin H.* World War I: An Outline History. London, 1962. P. 60.
136. *Fromkin D.* A Peace to End All Peace. New York, 1989. P. 135.
137. *James R.* Gallipoli: A British Historian's View. Parkville, 1995. P. 61.
138. *Hart P.* The Day It All Went Wrong // Wartime 2013. № 62. P. 13.
139. *Fromkin D.* A Peace to End All Peace. New York, 1989. P. 151.
140. *Holmes R.* The Oxford Companion to Military History. Oxford, 2001. P. 343; *James R.* Gallipoli: A British Historian's View. Parkville, 1995. P. 75; *Kinross P.* Ataturk: The Rebirth of a Nation. London, 1995. P. 74.
141. *Carlyon L.* Gallipoli. Sydney, 2001. P. 183.
142. *Коленковский А.К.* Дарданелльская операция. СПб., 2001. С. 89.
143. *Erickson E.* Ordered to Die: A History of the Ottoman Army in the First World War. Westport, 2001. P. 94.
144. *Haythornthwaite P.* Gallipoli 1915. London, 2004. P. 90; *Keegan J.* The First World War. London, 1998. P. 82.
145. *Шугалин Г.И.* Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956. С. 91–92.

146. История первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. С. 142–143.
147. *Уткин А.И.* Первая Мировая война. М., 2001. С. 253.
148. Мировые войны XX века. Кн. 1. Исторический очерк. М., 2005. С. 175.
149. Там же. С. 177.
150. *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2002. С. 484–485.
151. Там же. С. 491–493.
152. *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 200.
153. История первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 153–155.
154. Там же. С. 156.
155. *Петен А.Ф.* Оборона Вердена. М., 1937. С. 23.
156. Там же. С. 33.
157. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 503–504.
158. Мировые войны XX века. Кн. 1. Исторический очерк. М., 2005. С. 180.
159. *Колэн Х.* Высота 304 и Морт-омм. М., 1936. С. 77.
160. *Уткин А.И.* Первая Мировая война. С. 254.
161. Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 180.
162. История первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 164.
163. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974. С. 363–364.
164. *Петен А.Ф.* Оборона Вердена. С. 85.
165. Там же. С. 45–46.
166. Наступательный бой мелких частей. Иностранцы наставления для боя. Вып. VI. Пг., 1916. С. 5.
167. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 369, 371.
168. *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 240.
169. История первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 179.
170. *Митчел Ф.* Танки на войне. М., 1935. С. 25.
171. Там же. С. 23–24.
172. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 182.
173. *Виллари Л.* Война на Итальянском фронте 1916–1918 гг. М., 1936. С. 78.

174. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 511.
175. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г.: Сборник документов. М., 1940. С. 45.
176. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 536.
177. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. С. 81.
178. *Уткин А.И.* Первая Мировая война. С. 275.
179. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 395.
180. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. С. 185.
181. Там же. С. 179.
182. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 399.
183. Наступление Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г. С. 328–329.
184. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. V. С. 73.
185. *Залесский К.А.* Первая мировая война. Правители и военачальники. М., 2000. С. 239–240.
186. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. I. С. 182.
187. *Зайончковский А.М.* Указ. соч. С. 559, 561.
188. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 2013. С. 238.
189. Мировые войны XX века. Кн. 1. Исторический очерк. М., 2005. С. 186.
190. *Stone N.* The Eastern Front. London, 1975. P. 247
191. Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 186.
192. *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 634.
193. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. I. С. 198.
194. *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 326.
195. *Данилов Ю.Н.* Русские отряды на французском и македонском фронтах. 1916–1918 гг. Париж, 1933. С. 44–45.
196. Мировые войны XX века. Кн. 1. С. 188.
197. История первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 220.
198. *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946. С. 51.

199. Корсун Н.Г. Эрзерумская операция. М., 1938. С. 32.
200. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте... С. 52, 54, 55.
201. Корсун Н.Г. Эрзерумская операция. С. 145.
202. История первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 226–227.
203. Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 585.
204. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте... С. 77.
205. Готовцев А.И. Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914–1918 гг. М., 1941. С. 87.
206. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж, 1939. С. 425.
207. Лухарев Д.В. Адмирал Дэвид Битти и британский флот в первой половине XX века. СПб., 1997. С. 69.
208. Holloway F. Grand Fleet und Hochseeflotte im Weltkrieg. Berlin, 1938. S. 15.
209. Tarrant V. Jutland: The German Perspective. London, 1990. P. 56–57.
210. Campbell J. Jutland: An Analysis of the Fighting. London, 1998. P. 2.
211. Groos K. Der Krieg zur See, 1914–1918. Vol. 5. Berlin, 1925. S. 466–470.
212. The National Archives, Kew, Richmond. ADM 137/4805.
213. Battle of Jutland, 30th May to 1st June 1916: Official Despatches with Appendices. London, 1920. P. 228–230.
214. Frost H. The Battle of Jutland. Annapolis, 1936. P. 533–538.
215. Battle of Jutland, 30th May to 1st June 1916: Official Despatches with Appendices. London, 1920. P. 30–47.
216. Tarrant V. Jutland: The German Perspective. P. 70.
217. Geoffrey B. Die Skagerrakschlacht. Heyne, München 1976. S. 81–85.
218. Holloway F. Grand Fleet und Hochseeflotte im Weltkrieg. Berlin, 1938. S. 68.
219. Marder A.J. Jutland and after, May 1916 — December 1916. Oxford, 1966. P. 55.

220. *Brooks J.* Dreadnought Gunnery at the Battle of Jutland. London, 2005. P. 238.
221. *Campbell J.* Jutland: An Analysis of the Fighting. P. 39.
222. *Ibid.* P. 66.
223. *Roberts J.* Battlecruisers. Annapolis, 1997. P. 116.
224. *Halpern P.* A Naval History of World War I. Annapolis, 1995. P. 318.
225. *Tarrant V.* Jutland: The German Perspective. P. 100.
226. *Philbin T.* Admiral von Hipper. London, 1982. P. 60.
227. *Brooks J.* Dreadnought Gunnery at the Battle of Jutland. London, 2005. P. 246; *Parkes O.* British Battleships Annapolis, 1990. P. 540.
228. *Tarrant V.* Jutland: The German Perspective. P. 101–110.
229. *Campbell J.* Jutland: An Analysis of the Fighting. P. 90.
230. *Gordon A.* The Rules of the Game: Jutland and British Naval Command. London, 1996. P. 80–82.
231. *Massie R.* Castles of Steel. London, 2003. P. 600.
232. *Campbell J.* Jutland: An Analysis of the Fighting. P. 120.
233. The Annual Register: A Review of Public Events at Home and Abroad for the Year 1920. London, 1921. P. 111–112.
234. *Campbell J.* Jutland: An Analysis of the Fighting. London, 1998. P. 187.
235. *Tarrant V.* Jutland: The German Perspective. P. 137.
236. *Staff G.* German Battlecruisers: 1914–1918. Oxford, 2006. P. 98.
237. *Campbell J.* Jutland: An Analysis of the Fighting. P. 220.
238. *Massie R.* Castles of Steel. P. 627.
239. *Bennett G.* Naval Battles of the First World War. London, 2005. P. 130.
240. *Marder A.J.* Jutland and after, May 1916 — December 1916. Oxford, 1966. P. 148–150.
241. *Ibid.* P. 218.
242. *Kennedy P.M.* The Rise and Fall of British Naval Mastery. London, 1983. P. 302.
243. *Евдокимова Н.П.* Между Востоком и Западом: Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. С. 123.
244. Там же. С. 135.

245. Там же. С. 156.
246. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 441.
247. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб.: Петрополь, 1991. С. 623.
248. Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1992. С. 618–625.
249. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1917 год. М.: РОССПЭН, 2009. С. 7–8.
250. Там же. С. 14–16.
251. Там же. С. 17.
252. Там же. С. 18–19.
253. Там же. С. 30.
254. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 444.
255. *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы Первой мировой войны. М.: Воениздат, 1966. С. 144.
256. *Михайлов В.В.* Противостояние Британии и России с Османской империей на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. С. 169.
257. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 445–446.
258. *Яковлев В.В.* Зигфридовская позиция 1916–1918 гг. // Известия Военно-технической академии РККА им. Ф.Э. Дзержинского. 1930. Т. 3. С. 29–54.
259. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 453–454.
260. *Полторац С.Н.* Генерал Верховский: СПб.: Остров, 2014. 346 с.
261. *Медвецкий А.Ф.* Генерал от инфантерии Н.Н. Юденич в годы общенационального кризиса в России (1914–1920 гг.). Самара: Изд-во «НТЦ», 2005. С. 183.
262. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 495–500.
263. *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 4. 1915–1917 гг. М.: Голос, 1994. С. 162.
264. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 470–478.
265. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 498–499.
266. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: Воениздат, 1963. С. 263.
267. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 460–462.

268. *Верховский А.И.* Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 гг.) // Воен.-ист. журнал. 1993. № 7. С. 60.
269. Армия и флот свободной России. 1917. № 205. 5 сент.
270. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 465.
271. История международных отношений и внешней политики СССР (1870–1957 гг.). М., б.и., 1957. С. 77.
272. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 496.
273. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полковника. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 188–189.
274. Там же. С. 189–190.
275. Там же. С. 190.
276. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 510.
277. История дипломатии. Т.3. М., 1965. С. 72.
278. *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. С. 287.
279. *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 191.
280. Там же. С. 237.
281. *Schroeder J.* Die U-Boote des Kaisers. Bonn, 2002. S. 52.
282. Von Holtzendorff's Memo, 22 December 1916 // Source Records of the Great War, Vol.V. London, 1923. P. 94.
283. *Schmidt D.* The Folly of War: American foreign policy 1898–2005. New York, 2005. P. 83.
284. *Morrow J.* The Great War: An Imperial History. Oxford, 2005. P. 202.
285. National Archives, Kew. ADM 137/3129.
286. *Grey E.* The Killing Time Seeley. London, 1972. P. 160–165.
287. *Tarrant V.* The U-Boat Offensive 1914–1945. P. 10.
288. *Morrow J.* The Great War: An Imperial History. Oxford, 2005. P. 202.
289. National Archives, Kew. ADM 137/4817.
290. Encyclopedia of World War I: A Political, Social and Military History. Volume 1. Santa Barbara, 2005. P. 312–314.
291. *Abbatiello J.* Anti-submarine Warfare in World War I. Oxford, 2006. P. 109–111.

292. The National Archives, Kew, Richmond. ADM 137/4152; Preston D. *Wilful Murder. The Sinking of the Lusitania*. London, 2003. P. 497; *Beesly P.* Room 40. London, 1982. P. 101–117; *Layton J.* *Lusitania: an illustrated biography*. New York, 2002. P. 194.

293. The National Archives, Kew, Richmond. ADM 137/3962.

294. The National Archives, Kew, Richmond. HW 7/8.

295. National Archives and Records Administration. Record Group 59: General Records of the Department of State, 1756–1979; *Spencer S.* *Decision for War, 1917: The Laconia Sinking and the Zimmermann Telegram*. New York, 1953. P. 108; *Katz F.* *The Secret War in Mexico: Europe, the United States and the Mexican Revolution*. Chicago, 1981. P. 50; *Doerries R.* *Imperial Challenge: Ambassador Count Bernstorff and German-American Relations, 1908–1917*. Chapel Hill, 1989. P. 225.

296. U.S. Bureau of Yards and Docks. *Activities of the Bureau of Yards and Docks, Navy Department, World War, 1917–1918*. Washington, 1921. P. 3.

297. *Hearings Before Committee on Naval Affairs of the House of Representatives on Sundry Legislation Affecting the Naval Establishment, 1927–1928*. 70th Cong., 1st Session. Washington, 1928. P. 101; O.N. I. Publication № 42. Washington, 1918. P. 2–4.

298. *Grant R.M.* *U-Boats Destroyed: The Effect of Anti-Submarine Warfare, 1914–1918*. London, 1964. P. 165.

299. *Gibson R.* *The German Submarine War 1914–1918*. London, 2002. P. 308.

300. *Falls C.* *The Great War*. New York, 1961. P. 295.

301. *Roessler E.* *Die Unterseeboote der Kaiserlichen Marine*. Bonn, 1997. P. 238.

302. *Messimer D.* *Find and Destroy*. Annapolis, 2001. P. 140–150.

303. *Редер Э.* Гросс-адмирал. М., 2004. С. 117.

304. *Вильсон Х.* Линкоры в бою. 1914–1918 гг. М., 1938. С. 287.

305. *Шеер Р.* Германский флот в Мировую войну. М., 2002. С. 517–518.

306. *Вильсон Х.* Линкоры в бою. 1914–1918 гг. С. 287.

307. *Halpern P.* *A Naval History of World War I*. Annapolis, 1994. P. 420.

308. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 434–435.

309. Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.): Сб. документов/Под общ. ред. В.М. Ковальчука и др. Л.: Наука, 1982. С. 149.

310. *Ильин Ю.В.* Вклад России в создание военно-промышленного комплекса США. Указ. соч. С. 436.

311. *Романов В.В.* Версальский миропорядок: Американские подходы в контексте дебатов между президентом В. Вильсоном и сенатором Г.К. Лоджем // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: доклады и выступления участников Международной конференции «Первая мировая война и современный мир». М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 488.

312. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полковника. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. С. 240.

313. Там же. С. 240–241.

314. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 250.

315. Там же. С. 254.

316. Там же. С. 251.

317. *Вильямс А.Р.* Путешествия в революцию. С. 249.

318. *Зиновьев Г.Е.* Соч. Т. 7. Ч. 1. С. 529.

319. *Базанов С.Н.* «Немецкие солдаты стали ... переползать к русским «товарищам» и брататься с ними» // Военно-ист. журн. 2002. №6. С. 49.

320. *Строков А.А.* Указ. соч. С. 516.

321. *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 247–248.

322. Там же. С. 250–251.

323. Там же. С. 251.

324. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 248.

325. *Николаев П.А.* На псковские позиции, на защиту Петрограда. Л.: Лениздат, 1980. С. 16, 48, 73.

326. РГВА. Ф. 40808 (Личный фонд П.Е. Дыбенко).

327. *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. С. 292–293.

328. Там же. С. 320.

329. Архив управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Уголовное дело П-33407. Л. 12об.

330. *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 114–115.

331. *Строков А. А.* Указ. соч. С. 537.

332. Вторжение войск Антанты в Советскую Россию. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookcudaba.com/voennaya-istoriya/vtorjenie-voysk-antanty-sovetskuyu-14995.html>

333. *Мерников А. Г., Спектор А. А.* Всемирная история войн. Минск: Харвест, 2004. С. 362.

334. Там же. С. 364.

335. *Строков А. А.* Указ. соч. С. 567.

336. *Амерханов Л. И.* Морские пушки на железной дороге. СПб.: Иванов и Лещинский, 1994. С. 11.

337. *Строков А. А.* Указ. соч. С. 579.

338. Там же. С. 580–581.

339. *Кириллов В. А., Журавель В. П.* Радиоэлектронное противоборство влияло на ход Первой мировой войны // Воен.-ист. журн. 2004. № 8. С. 49.

340. *Самохин К. В.* Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. С. 98.

341. *Иминов В. Т.* Военно-политические итоги и уроки Первой мировой войны // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23). С. 12.

342. Государственный архив Житомирской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 8.

343. РГВА. Ф. 190. Оп. 2. Д. 392. Л. 12, 15, 19, 20; Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 645. Л. 10; Государственный архив Полтавской области. Ф. Р-1505. Оп. 31. Д. 34. Л. 9; Государственный архив в Автономной Республике Крым. Ф. 150. Оп. 1. Д. 66. Л. 23.

344. Поворот мирового значения: Воспоминания немцев — участников Великой Октябрьской социалистической революции и борьбы против интервентов и контрреволюционеров в 1917–1920 гг.: Сб. М.: Прогресс, 1964. С. 84–87.

345. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917–1922) / Под ред. Г.В. Шумейко. М.: Советская Россия, 1957. С. 178.

346. Рандаццо Ф. Россия, Кавказ и Италия в период заключения Версальского мирного договора // Клио. 2014. № 3. С. 35.

347. Строков А.А. Указ. соч. С. 587.

348. Ширшов Г.М. «Если у вас нет нефти... все ваши преимущества мало чего стоят» // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 39.

349. Вараксина Т.А. «Старая Русская армия в этой войне дала весьма много поучительного...» // Там же. 2002. № 7. С. 78.

350. Там же.

ЧАСТЬ 4. Общество и война

Главы 1–10

1. Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Darmstadt, 1991. S. 49.

2. Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / Пер. с нем. М., 2013. С. 19.

3. Там же. С. 20.

4. Война и общество в XX веке. В 3 кн. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. С. 400.

5. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933 / Пер. с англ. М., 2009. С. 221.

6. Там же. С. 228.

7. Schwierskott H.-J. Arthur Moeller van den Bruck und der revolutionäre Nationalismus in der Weimarer Republik. Göttingen, 1962. S. 19.

8. Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. 3. Auf., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 222.

9. Ibid. S. 25.

10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность/Пер. с нем. М., 1993. С. 163–165.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы/Пер. с нем. М., 1998. С. 92.
12. Шпенглер О. Годы решений/Пер. с нем. В.В. Афанасьева. М., 2006. С. 92–93.
13. Шпенглер О. Пруссачество и социализм/Пер. с нем. М., 2002. С. 85.
14. Spengler O. Der Mensch und die Technik. Beitrag zu einer Philosophie des Lebens. München, 1931. S. 26.
15. Kocktanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München, 1968. S. 166.
16. Шпенглер О. Годы решений... С. 28, 36.
17. Fichtes Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1912.
18. Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли/Пер. с нем. А.В. Михайловского. СПб., 2000. С. 20.
19. Юнгер Э. В стальных грозах/Пер. с нем. СПб., 2000. С. 329.
20. Солонин Ю.Н. Эрнст Юнгер: образ жизни и духа... С. 22.
21. Юнгер Э. В стальных грозах... С. 35.
22. Там же. С. 36–37.
23. Там же. С. 35, 37.
24. Schwarz H.-P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik Ernst Jüngers. Freiburg im Breisgau, 1962. S. 65.
25. Hietala M. Der neue Nationalismus: In der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn. 1920–1933. Helsinki, 1975. S. 43.
26. Jünger F.G. Krieg und Krieger // Krieg und Krieger, hrsg. v. E. Jünger. Berlin, 1930. S. 64–65.
27. Юнгер Э. В стальных грозах... С. 211.
28. Там же. С. 54, 56.
29. Salomon E. v. Der verlorene Haufe // Krieg und Krieger... S. 109.

30. *Hietala M.* Op. cit. S. 45.
31. *Schramm W.* v. Schöpferische Kritik des Krieges. Ein Versuch// Krieg und Krieger... S. 41.
32. *Best W.* Der Krieg und das Recht // Krieg und Krieger... S. 150.
33. *Jünger F.G.* Krieg und Krieger... S. 55–56.
34. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1922. S. 7–8.
35. *Юнгер Э.* В стальных грозах... С. 53.
36. Там же. С. 161.
37. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis... S. 28–29.
38. *Юнгер Э.* В стальных грозах... С. 279.
39. Там же. С. 56.
40. Там же. С. 90.
41. Там же. С. 38.
42. Там же. С. 83–84.
43. Там же. С. 39.
44. Там же. С. 40–41.
45. Там же. С. 176.
46. Там же. С. 182.
47. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis... S. 25.
48. *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт // *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли/Пер. с нем. СПб., 2000. С. 90.
49. Там же. С. 231.
50. *Юнгер Э.* В стальных грозах... С. 42.
51. *Jünger E.* Der Kampf als inneres Erlebnis... S. 33.
52. *Юнгер Э.* В стальных грозах... С. 43.
53. Там же. С. 256.
54. *Jünger F.G.* Krieg und Krieger... S. 65.
55. *Юнгер Э.* В стальных грозах... С. 64.
56. *Sontheimer K.* Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. Die politische Ideen des deutschen Nationalismus zwischen 1918 und 1933. 2. Aufl. München, 1964. S. 115.
57. *Jünger E.* Vorwort // *Jünger F.G.* Aufmarsch der Nationalismus, hrsg. v.E Jünger. Berlin, 192_. S. XI.
58. *Brenner W.* Walter Rathenau: Deutscher und Jude. 2. Aufl. Muenchen, 2006. S. 315–316.

59. *Feldman G.D.* Kriegswirtschaft und Zwangswirtschaft: die Diskreditierung des «Sozialismus» in Deutschland während des Ersten Weltkrieges//Der Erste Weltkrieg; Wirkung, Wahrnehmung, Analyse, hrsg. W. Michalka. München; Zürich, 1994. S. 461–463.

60. *Michalka W.* Kriegsrohstoffbewirtschaftung, Walter Rathenau und die «kommende Wirtschaft» // Der Erste Weltkrieg... S. 488.

61. *Ullrich V.* Kriegsalltag. Zur inneren Revolutionierung der Wilhelminischen Gesellschaft// Der Erste Weltkrieg... S. 604–606, 613.

62. *Brenner W.* Op. cit. S. 347–349.

63. *Патрушев А.И.* Германская история: через тернии двух тысячелетий. М., 2007. С. 355–356.

64. *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14.

65. *Исламов Т.М.* Указ. соч. С. 15.

66. *Исламов Т.М.* Указ. соч. С. 20.

67. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 177.

68. Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М.: Наука, 2008. С. 428.

69. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. С. 531.

70. *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М.: Воениздат НКО СССР, 1939.

71. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 60.

72. Там же.

73. История первой мировой войны 1914–1918 гг. С. 294.

74. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов войны. М., 1926. С. 31.

75. *Шапошников Б.* Мозг армии. М.-Л., 1927. С. 272.

76. *Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в первой мировой войне // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 30.

77. Гире А.А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира. Пг.: Издательство «Огни», 1917. С. 27.

78. *Francel E.* Sudetendeutsche Geschichte. Mannheim, 1990. S. 261–262.

79. *Топлица М.* Война Австро-Венгрии против собственных подданных. Пг., 1915. С. 7.

80. *Прудников О.Е.* О законодательных гарантиях установления новой формы государственного правления Австрийской монархии периода конституционных реформ 1860–1867 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 66.

81. *Погодин А.Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915. С. 83.

82. *Maly K. et al.* Djiny Ceskeho a Ceskoslovenskeho pravo do roku 1945. Praha. 2003. S. 261–262.

83. *Топлица М.* Война Австро-Венгрии... С. 52–66.

84. *Dejiny Jihoslovanskych zemf.* Praha. 1998. S. 372.

85. *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2003. С. 186–187.

86. *Теодорович И.* Повстанческая акция и австро-германская «польская» политика (внешний и внутренний факторы восстановления независимой Польши) // Первая мировая война: страницы истории. Черновцы, 1994. С. 20.

87. *Дыбковская Алиция, Жарын Малгожата, Жарын Ян.* История Польши с древнейших времен до наших дней. Варшава, 1995. С. 216–217.

88. *Garlicki A.* Geneza Legionow. Warchawa, 1958. S. 11–51.

89. *L'Allemagne et les problem de la paix pendent la premiere querre mondiale.* P., 1962. Dok. № 134–181.

90. *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 131.

91. Война и общество в XX веке... С. 465.

92. Война и общество... С. 467.

93. *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 172–173.

94. *Топлица М.* Указ. соч. С. 70.

95. *Filandra S.* Bosnjačka politika u XX stoliecu. Sarajevo, 1998. S. 43–53.

96. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2 кн. Кн. 1. М.: АСТ, 2004. С. 612.

97. Олейник А. Первая мировая война: причины и результаты // Обозреватель — Observer. 2004. № 7. С. 102–114.

98. Исламов Т.М. Указ. соч. С. 45.

99. Травин Д., Маргания О. Указ. соч. С. 615.

100. Олейник А. Указ. соч. С. 102–114.

101. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. М.: Воениздат, 1938. С. 56.

102. Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года — 10 мая 1914 г. Пг., 1915; Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 162–163, 169–175; Mandelstam A.N. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne; Paris, 1917. P. 236–242.

103. Раздел Азиатской Турции. По секретным документам б. Министерства иностранных дел/Под ред. Е. А. Адамова. М., 1924. С. 59.

104. Там же.

105. Армянский вопрос. Энциклопедия/Под ред. К. Худавердяна. Ереван, 1991. С. 285.

106. Марукян А. Армянский вопрос и политика России (1915–1917 гг.). Ереван, 2003. С. 63–64.

107. Цит. по: Притязания армян и исторические факты. Б.м., б.г. С. 21–22.

108. 108. Uras E. Tarihte Ermeniler ve Ermeni Meselesi. Istanbul, 1976. S. 604.

109. Einstein L. Inside Constantinople. Former minister Plenipotentiary of United States diplomatic service. N. Y., 1918. P. 219.

110. Цит. по: Киракосян Дж. С. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989. С. 186.

111. Притязания армян и исторические факты. С. 22.

112. Там же. С. 23; Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. События и факты. Б.м., б.г. С. 2, 8. См. подробнее: Dasnabedian H. Histoire de la Fédération Révolutionnaire Arménienne Dachnaksoutioun 1890–1924. Milano, 1988. P. 110–116.

113. Talaat Pasa. Talat pasanın hatiralari. Istanbul, 1946. S. 31–32.

114. *Toynbee A. Armenian Atrocities. The Murder of a Nation.* L.; N. Y., 1915. P. 44.
115. Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. С. 5.
116. *Nansen F. Armenia and Near East.* L., 1928. P. 299.
117. За балканскими фронтами Первой мировой войны / Отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2002. С. 207.
118. *Population Arménienne de la Turquie avant la guerre. Statistiques établies par le Patriarcat Arménien de Constantinople.* P., 1920. P. 150–151.
119. *Киракосян Дж. С. Указ. соч. С. 190.*
120. *Растерзанная Армения: история Авроры Мартиканян.* Ереван, 2013.
121. Притязания армян и исторические факты. С. 39; Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. С. 5.
122. *Миллер А.Ф. Краткая история Турции.* М., 1948. С. 155; *Киракосян Дж. С. Указ. соч. С. 185.*
123. Армянский вопрос... С. 201.
124. *Duckett F. The Young Turks and the Truth about the Holocaust at Adana in Asia Minor, during April, 1909.* Yerevan, 2009.
125. *Gunner G. Genocide of Armenians through Swedish Eyes.* Yerevan, 2013.
126. *Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story.* N.Y., 1926. P. 342.
127. *Киракосян Дж.С. Указ. соч. С. 188.*
128. Предмет обсуждения: обвинение в геноциде армян. С. 5.
129. Притязания армян и исторические факты. С. 24, 39.
130. *Эрцбергер М. Германия и Антанта.* М., 1923. С. 74, 80–84.
131. *Вдовиченко Д.И. Энвер-паша // Вопросы истории, 1997. № 8. С. 46.*
132. *Работнически вестник. София, 1915. 15 авг.; Айастан. Пловдив, 1915. 15 юни; България. София, 1915. 13 авг.*
133. См.: *Lepsius J. Deutschland und Armenien 1914–1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke.* Potsdam, 1919.
134. Притязания армян и исторические факты. С. 24, 30.

135. *Вдовиченко Д.И.* Указ. соч. С. 46.
136. *Les Grandes Puissances, l'Empire Ottoman et les Arméniens dans les Archives Françaises (1914–1918).* Paris, 1983. № 22, 28, 29, 34, 36, 37, 40. P. 17–18, 22–23, 26–27, 29.
137. Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915–1916 гг. / Сост. Г.А. Абрамян, Т.Г. Севан-Хачатрян. Ереван, 1995. С. 21.
138. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913–1919). Архив МИД кайзеровской Германии / Сост. В. Микаелян. Ереван, 1995. С. 215–216.
139. Русские источники... № 28. С. 33–34.
140. *Марукян А.* Указ. соч. С. 100–115.
141. Раздел Азиатской Турции... С. 185–186.
142. Там же. С. 200.
143. *Марукян А.* Указ. соч. С. 115.
144. Там же. С. 327.
145. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий / Сост. Ю. Барсегов. Т. 1. М., 2002. С. 299.
146. Накануне Октябрьского переворота. Вопрос о войне и мире. Отчеты о секретных заседаниях комиссий Временного Совета Российской Республики // *Былое.* 1918. № 12. Кн. 6. С. 20–21.
147. *Пипия Г.В.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. С. 101.
148. Цит. по: *Демоян Г.* Внешняя политика Турции и карабахский конфликт. Историко-сравнительный анализ. Ереван, 2013. С. 52–53.
149. *Лудшувейт Е.Ф.* Турция в годы Первой мировой войны. М., 1966. С. 192.
150. *Lepsius J.* Op. cit. N 426.
151. Цит. по: *Демоян Г.* Указ. соч. С. 5.
152. *Кузнецов Д.В.* Взаимодействие внешней политики и общественного мнения в США: Некоторые актуальные вопросы. М., 2010. С. 58–59; *Буранок С.О.* Пёрл-Харбор в оценках военно-политических деятелей США 1941–1945 гг. Самара, 2009. С. 4–8.

153. *Грушин Б.А.* Мнение о мире и мир мнений: Проблемы методологии и исследования общественного мнения. М., 1967. Цит по: *Кузнецов Д.В.* Указ. соч. С. 14.

154. *Егорова-Гантман Е., Плешаков К.* Концепция образа и стереотипы в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения.* 1988. № 2.

155. *История первой мировой войны 1914–1918 гг.* М., 1975. С. 70.

156. *Сергеев Е.Ю.* Представленческие модели российской военной элиты начала XX в. // *Военно-историческая антропология: Ежегодник.* М., 2002.

157. *Алексеев А.* Россия в 1914–1915 годах. Война на два фронта // *Наука и жизнь.* 2007. № 8–9. URL: http://ricolor.org/history/voen/bitv/xx/1_world_war/6/

158. *Волковский Н.Л.* История информационных войн: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 10–23.

159. *Волковский Н.Л.* Указ. соч. С. 3–10.

160. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция: 1914 — февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2007.

161. Назревание революционного кризиса в России. Февральская революция 1917 г. // *История России XX — начала XXI века.* М., 2002. С. 82.

162. *Степанов С.А.* Распад черносотенного движения // *Политические партии России: история и современность.* М., 2000. С. 94.

163. *Сыпченко А.В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 140–141.

164. *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914). М., 1992. С. 322–329.

165. Назревание революционного кризиса в России. Февральская революция 1917 г. // *История России XX — начала XXI века.* М., 2002. С. 120.

166. *Терешина Е.П.* Отношение населения Поволжья к первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. С. 20.

167. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 121.

168. История политических партий России. М., 1994. С. 109–110.

169. Сыпченко А.В. Указ. соч. С. 140–142.

170. Миллюков П.Н. Территориальные приобретения России // Чего ждет Россия от войны. Пг., 1915. С. 50–62.

171. Думова Н.Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 32; Шелохаев В.В. Российские либералы в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 27–39.

172. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 147.

173. Буранок А.О. Информационное обеспечение Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): монография. Самара, 2011.

174. Чагадаева О.А. «Сухой закон» в Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам Петрограда и Москвы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

175. Белова И.Б. Указ. соч.

176. Плеханов Г.В. О войне. Пг., 1917. С. 108.

177. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 199.

178. Лельчук В.С., Тютюкин С.В. Между двумя революциями // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 254.

179. Русанов Н.С. Обзорение иностранной жизни // Русское богатство. 1914. № 9. С. 254–288. Цит. по: Сыпченко А.В. Указ. соч. С. 145.

180. Пешехонов А.В. На очередные темы. Единая Россия // Русское богатство. 1914. № 9. С. 293–323.

181. Мякотин В.А. Борьба с «германизмом» и национальный вопрос // Русское богатство. 1914. № 9. С. 323–338.

182. Шелохаев В.В. В годы войны и Февральской революции // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 147.

183. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 121.

184. Там же. С. 239.

185. Ленин В.И. Социализм и война (отношение РСДРП к войне) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. С. 307–350.

186. Мировая война и ситуация на Дальнем Востоке. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=11418>

187. Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2013. С. 35–36.

188. Белова И.Б. Указ. соч.

189. Кушниц Е.Н. Изменения повседневной жизни городского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны. URL: <http://www.newlocalhistory.com/content/kushnir-en>

190. Назревание революционного кризиса в России. Февральская революция 1917 г. // История России XX — начала XXI века. М., 2002. С. 118.

191. Казаковцев С.В. Первая мировая война в письмах вятчей. URL: <http://maxpark.com/community/14/content/1968935>

192. Nelipa M. The Murder of Grigorii Rasputin. A Conspiracy That Brought Down the Russian Empire. N.Y., 2010. P. 201.

193. Шелохаев В.В. Кадеты и первая мировая война // Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 165–166.

194. Назревание революционного кризиса в России. Февральская революция 1917 г. // История России XX — начала XXI века. URL: <http://lib.rus.ec/b/364232/read>

195. Tames R. Last of the Tsars. London, 1972. P. 251.

196. Очерки экономических реформ. М., 1993. С. 20–21.

197. Терешина Е.П. Указ. соч. С. 92–93.

198. Тюхина Людмила Геннадьевна Художественная интеллигенция Санкт-Петербурга — Петрограда и начало первой мировой войны (июль 1914 — май 1915 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

199. Андреев Л. Война // Отечество. 1914. № 1. С. 1.

200. Терешина Е.П. Указ. соч. С. 104.

201. Политические партии России: история и современность. М., 2000. С. 207.

202. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 31. С. 113–118.

203. Базанов С. Кистории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. М., 1999. С. 51–76.

204. Блок А. Из записных книжек и дневников (19 июня 1917) // Блок А.А. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1971. Т. 6. С. 293.

205. Независимый социалист. 1917. 24 июля.

206. Мировые войны XX век: в 4 кн. Кн. I. М., 2002. С. 395–403.

207. Базанов С.Н. Разложение русской армии в 1917 году (К вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат) // Военно-историческая антропология: Ежегодник. М., 2002. С. 282–290.

208. Декреты Советской власти. Т. I. М, 1957. С. 25.

209. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920. М., 1993. С. 87.

210. Ксенофонтов И.Н. Выход Советской России из империалистической войны. М., 1989. С. 11–12.

211. Акты патриарха Тихона. М., 1994. С. 112.

212. Ленин В.И. Письмо к американским рабочим // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 37. С. 50.

213. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. Октябрь 1917 — ноябрь 1920. М., 1993. С. 87.

214. Буранок А.О. Информационное обеспечение Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2009; Буранок А.О. Информационное обеспечение Русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): монография. Самара, 2011; Терешина Е.П. Указ. соч.; Белова И.Б. Указ. соч.; Семенова Е.Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 —

начало 1918 г.): социальный, экономический и политический аспекты: монография. Самара, 2012; Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2013.

215. Корнилов В.А. К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки МГПИ. 1971. Т. 439. С. 180.

216. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 565. Оп. 15. Д. 283. Л. 1.

217. *Krusius-Ahrenberg L.* Finnischer Separatismus und Russischer Imperialismus im vorigen Jahrhundert // *Historische Zeitschrift*. 1959. Bd. 187. H. 2. S. 273.

218. Кан А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России (о русском издании книги В.В. Похлебкина) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 122–124; *Тейстре У.В.* Вопрос об общегосударственном законодательстве и наступление царизма на финляндскую автономию в 1907–1910 гг. // Скандинавский сборник. Таллин, 1972. Вып. 17. С. 94–96; *Venäläisten sortokausi Suomessa.* Porvoo-Hels., 1960. S. 19–23; *Ошеров Е.Б., Суни Л.В.* Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986. С. 40–67.

219. Суни Л.В. Великое княжество Финляндское // Большая Российская энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 52.

220. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 499. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 43.

221. Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 99, 101, 196.

222. *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2 кн. М., 1993. С. 67.

223. *Lackman M.* Suomen vai Saksan puolesta? Jääkäreiden tunteiden historia. Keuruu, 2000. S. 50.

224. *Ibid.* S. 52.

225. *Hoppu T.* Historian unohtamat. Suomalaiset vapaetoiset Venäjän armeijassa I. Maailmansodassa 1914–1918. Helsinki, 2005. S. 31.

226. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3284. Л. 6; РГА ВМФ. Ф. 449. Оп. 4. Д. 35. Л. 1. План операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны, 1914 г.

227. *Соломец И.М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914— февраль 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 20; *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki, 1997. S. 290–295.

228. РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 26. Материалы об оперативных задачах 42-го армейского корпуса в Финляндии, 1–28.01.1916; *Venäläissurmat Suomessa, 1914–1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–1922/Toim.* Westerlund, L. Helsinki, 2004. S. 95.

229. *Venäläissurmat Suomessa, 1914–1922. Osa 1. S. 95.*

230. *Virtanen K.* Ahdistettu kansakunta. 1890–1917 // *Kansakunnan historia.* Porvoo; Helsinki, 1974. Vol. 5. S. 493.

231. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 15. Д. 517. Л. 29.

232. Экономическое положение Финляндии в годы войны. Петроград, 1915. С. 15.

233. *Luntinen P.* Sotilasmiljoonat. Hels., 1984. S. 147.

234. *Harmaja Leo.* Maailmansodan vaikutus Suomen taloudelliseen kehitykseen. Porvoo, Helsinki, 1940. S. 486.

235. *Pihkala E.* Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. S. 136.

236. *Ibid.* S. 138, 142.

237. *Новикова И.Н.* Роль Швеции в транзитной торговле Антанты в годы Первой мировой войны // *Клио.* 2013. № 7. С. 54–63

238. *Luntinen P.* Sotilasmiljoonat. S. 147.

239. *Hoppu T.* Historian unohtamat. S. 31.

240. *Ikonen K.* Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Hels., 1990. S. 48.

241. *Holsti K.J.* Suomen ulkopolitiikka suuntaansa etsimässä vuosina 1918–1922. Hels., 1963. S. 13; *Polvinen T., Heikkila H., Jmmonen H.J.* K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. I. Porvoo; Hels.; Juvä, 1989. S. 267–268.

242. *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пахьянсе: Германия и проблема финляндской независимо-

сти в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002. С. 83–85.

243. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA, Berlin). Weltkrieg 11 c. Bd. 3. Bl. 40–41. Lucius an Bethmann Hollweg vom 11.12.1915.

244. Ibid. Bd 4. Bl 45–47. Ergebnis der Besprechung bez. Ausbildung von jungen Finnländer in Deutschland vom 26.01.1915.

245. Suomen jääkärien elämäkerrasto. Helsinki; 1975. S. 17.

246. *Lackman M.* Saksassa ja Saksan joulukoissa menehtyneet // Suomalaiset ensimmäisessä maailmansodassa. Toim.L. Westerlund. Helsinki, 2004. S. 43.

247. *Lackman M.* Suomen vai Saksan puolesta; Suomalaiset ensimmäisessä maailmansodassa. /Toim. Lars Westerlund. Helsinki, 2004. S. 35.

248. *Lackman M.* Sotavankien pako. Helsinki, 2012. S. 138–139.

249. Kansallisarkisto, Helsinki. Kenraalikuvernöörinkanslia (далее — КА. ККК). Fb 1176. As 2:158. Ф. Зейн — А.И. Непенину от 3.12.1916, МВД — Ф. Зейну от 18.02.1917.

250. *Hoppu T.* Historian unohtamat. S. 344, 346.

251. *Öhqvist J.* Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit. Berlin, 1923. S. 122.

252. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 427–428.

253. *Старцев В.И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Россия и Финляндия в XX веке. СПб, Liechtenstein, 1997. С. 6–33; *Черняев В.Ю.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45.

254. *Idman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. Porvoo; Helsinki, 1953. S. 127.

255. *Полвинен Т.* Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1980. С. 13.

256. *Старцев В.И.* Указ. Соч. С. 15–16.

257. Suomi 75. Itsenäisen Suomen historia. Vol. 1. S. 178.

258. РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 116. Л. 622.
259. *Дубровская Е. Ю.* Русские военнослужащие в Финляндии и вопрос о финляндской независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб, Liechtenstein, 1997. С. 47–48.
260. Hufvudstadsbladet. 16.06.1917.
261. *Soikkanen H.* Kansalaissota Dokumentteina. I. Helsinki, 1967. S. 71–73.
262. РГА ВМФ Ф. 418. Оп.1. Д. 549. Л. 35-35об. Садовский В. в Генеральный морской штаб от 26.09.1917.
263. *Soikkanen H.* Op. Cit. S. 71.
264. *Manninen O.* Kansannoususta armeijaksi. Hels., 1974. S. 25.
265. *Luntinen P.* Saksan keisarillinen laivasto Jtämerella. Hels., 1987. S. 130.
266. РА АА. GrHq. Finnland. Bd. 1. Zimmermann an Lersner vom 4.08.1917.
267. Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Dok. № 153.
268. РГА ВМФ. Ф.418. Оп.1. Д. 549. Л. 67.
269. *Nadolny R.* Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschaftes des Deutschen Reiches. Köln, 1985. S. 109.
270. *Hjelt E.* Vaiherikkailta vuosilta. Muistelmia. II. Helsinki, 1919. S. 72.
271. *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Hels., 1957. S. 11; *Hubatsch W.* Unruhe des Nordens. Studien zur deutschskandinavischen Geschichte. Göttingen, 1956. S. 111.
272. Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma. /Toim. A. Pakaslahti. Helsinki, 1937. S. 4.
273. *Ketola E.* Die Anerkennung der finnischen Unabhängigkeit durch Sowjet-Russland im Jahre 1918 // Jahrbücher für Ost-europas. Wiesbaden; Stuttgart, 1989. № 37. S. 54.
274. *Маннергейм Карл Густав.* Мемуары. М., 2003. С. 92; *Невалайнен П.* Исход. Финская эмиграция из России 1917–1939 гг. /Пер. с финского. СПб., 2005. С. 102.
275. РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 38. Л. 16. Телеграмма командира 42-го армейского корпуса в Штаб сухопутных войск от 31.01.1918.
276. *Маннергейм К. Г.* Указ. соч. С. 96, 99.

277. *Холодковский В.М.* Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. М: Наука, 1967. С. 78–114; *Волобуев П.В.* Историческое место Финляндской революции 1918 г. // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 15–24.

278. *Arajarvi J.* Vaasan hallituksen toiminta // Suomen Vaupussota. IV. Yväskylä, 1924. S. 13.

279. *Venäläissurmat Suomessa, 1914–1922. Osa 1. Sotatarahumat 1914–1922.* Helsinki, 2004. S. 95.

280. Российский государственный архив Санкт-Петербурга (РГА СПб). Ф. 7384. Оп. 7. Д. 7. Л. 51. Приказ № 19 по 42 армейскому корпусу от 16 (29). 01.1918.

281. РГА МФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 32. Л. 108, 108об.

282. *Дубровская Е.Ю.* Указ. соч. С. 50.

283. РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 32. Л. 91–91об.

284. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 122–123.

285. *Свечников М.С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918. М.; Пг., 1923. С. 81.

286. *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 193.

287. *Новикова И.Н.* Между молотом и наковальней. С. 64–370.

288. Там же. С. 373.

289. RA AA. Finland 1. Bd 1. Bl. 24–25.

290. *Mannerheim G.* Op. cit. S. 227.

291. *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 268.

292. *Arimo R.* Saksalaisten sotilaallinen toiminta. Suomessa 1918. Rovaniemi, 1991. S. 24.

293. *Cornelia Rauth-Kühne.* Gelegentlich wurde auch genossen: zum Kriegerlebnis eines deutschen Offiziers auf dem Balkan und Finnland // Kriegererfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte. Essen, 1997. S. 165.

294. Bakhmeteff Archive (BAR). Vittenberg. Box V (2). VI.

295. *Свечников М.С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918. М.; Пг., 1923. С. 101

296. *Маннергейм К.Г.* Указ. соч. С. 141.

297. Bakhmeteff Archive. Vittenberg's collection.

298. *Vahtola J.* Suomen Historia. Keutruu: Otava, 2003. S. 295.

299. *Невалайнен П.* Изгой: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Нева, 2003; *Venäläissurmat Suomessa, 1914–1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914–1922./Toim. Westerlund, L.* Helsinki, 2004. S. 283.

300. Ulla-Maija Peltonen. Punakapinan muistot. Tutkimus työväen muistelukerronnan muotoutumisesta vuoden 1918 jälkeen. Helsinki, 1996. Suomalaisen kirjallisuuden seura, 657. S. 236.

301. *Ikonen K.J.K.* Paasikiven polittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Helsinki, 1990. S. 356.

302. *Kallenauttio J.* Suomi katsoi eteensä. Jtsenäinen Suomen valtion sunty Juvä, 1987. S 39–42; *Jääskeläinen M.* Die Ostkarelische Frage. Helsinki, 1988. S. 58–61.

303. Håstad Elis. Sveriges historia under 1900-talet. Stockholm, 1958. S. 25.

304. PA AA. Finnland 1. Allgemeine Angelegenheiten. Bd. 1. Lucius an das AA vom 9.03.1918.

305. *Невалайнен П.* Изгой. С. 62.

306. Bakhmeteff Archive. Vittenberg's collection.

307. *Невалайнен П.* Изгой. С. 17–18; *Новикова И.Н.* Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001. С. 47–51.

308. *Вериков Б.* В Тампере с 1913 года // Вестник. Русский журнал в Финляндии. 1994. № 1. С. 8.

309. *Энгман М.* После России // Север. 1992. № 11–12. С. 131–132.

310. *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе. С. 245–246.

311. Helsingin Sanomat. 1.05.1918.

312. *Hulden A.* Kuningasseikkailu Suomessa 1918. Helsinki, 1988. S. 210.

313. *Холодковский В.М.* Указ. соч. С. 327.

314. PA AA. GrHq. Bd 3. L 084800/02. Hertling an Grünau vom 15.07.1918.

315. *Polvinen T., Heikkilä H., Immonen K.J. K.* Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. 1870–1918. I. Porvoo; Helsinki; Juva, 1989. S. 408.

316. Eesti ajalugu. V, Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani. Tartu: Ilmamaa, 2010; История Латвии: XX век. С. 120–135.

317. *Krīgere I.* Latviešu strēlnieki — internacionālisti vai nacionālisti // Latvijas Kara muzeja gadagrāmata. IX. Rīga, 2008. 11.–19. lpp.

318. «Pulcējaties zem latviešu karogiem!» Rīga, 2013.

319. *Граф М.* Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007. С. 22.

320. *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Москва: РОССПЭН, 2004.

321. *Ojalo H.* Saaremaa sõjatules. Sügis 1917. (Saaremaa Muuseumi toimetised. 4.) Kuressaare, 2008, 226 lk.

322. *Новиков П.А.* Несостоявшаяся десантная операция русской армии в Курляндии летом 1916 года // *Baltfort*. № 3 (20), 2012. С. 24–34.

323. *Граф М.* Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007.

324. *Eesti ajalugu. V, Pärissorjuse kaotamisest Vabadussõjani.* Tartu: Ilmamaa, 2010.

325. *Harjula M.* Eesti 1914–1922: maailmasõda, revolutsioonid, iseseisvumine ja Vabadussõda / Tallinn: Tänapäev, 2011.

326. *Paléologue M.* Tsaaririik maailmasõjas. Tallinn: Kunst, 2010.

327. *Eensalu M., Orro O.* Rohuküla: Vene impeeriumi unustatud sõjasadam ja selle säilinud arhitektuuripärlid. Tallinn: Eesti Arhitektuurimuuseum, 2013.

328. *Tõrvand J.* Võitlustest Esimeses maailmasõjas ja kindral Kornilovi väes: päevaraamat. Tallinn: Grenader, 2009.

329. *Encapsulated voices: Estonian sound recordings from the German Prisoner-of-War camps in 1916–1918 / edited by Jaan Ross Köln [etc.]: Böhlau, 2012.*

330. *Oun M., Ojalo H.* Võitlused Läänemerel 1914–1918: Esimene maailmasõda koduvetes. Tallinn: Olion, 2011.

331. *Ojalo H.* Varjud meres: allveesõda Läänemerel 1914–1919 ja 1939–1945. Tallinn: Grenader / Astlandia, 2007.

332. *Tuna / Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Национальный архив, Тарту; Таллин, 2006. С. 66–91 (на рус. яз.).*

333. *Граф М.* Эстония и Россия. 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007.

334. *Граф М.* Эстония и Россия. 1917–1991... С. 320–321.

335. *Lietuva Didžiajame kare.* Vilniaus, 1939.

336. *Gintneris A.* Lietuva Caro ir Kaizerio Naguose Atsiminimai is I Pasaulinio Karo Laiku 1914–1918 m. Chicago, 1970.

337. *Поцюнас А.* Ад войны: У Ковенской крепости. 1915 год. Историческая реконструкция событий. Вильнюс: Институт военного наследия, 2012.

338. *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. Рига, 2010. С. 68.

339. *Блейере Д., Бутулис И., Зунда А. Фелдманис И.* История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 70.

340. *Воробьева Л. М.* История Латвии: от Российской империи к СССР. Кн. 1. / Фонд «Историческая память»: Российский институт стратегических исследований. М., 2009. С. 88.

341. Занимательная история латвийских русских — 2. (1914–1920 гг.) Рига, 2009. С. 166.

342. *Пухляк О. Н.* Прибалтийские губернии летом-осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 164–180.

343. *Бутулис И., Зунда А.* История Латвии. Рига: Jumava, 2010. С. 69.

344. Великая забытая война. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 93, 94.

345. *Блейере Д., Бутулис И., Зунда А., Фелдманис И.* История Латвии. XX век. Рига: Jumava, 2005. С. 74.

346. *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008. С. 130.

347. *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. Рига: ZvaigzneABC, 2002, С. 54.

348. *Мишке В.* Кто такие латышские буржуазные националисты. Рига, 1956. С. 40–41.

349. *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. С. 52–54.

350. *Курлович Г., Томашунс А.* История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 172.

351. *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии. Учебное пособие. С. 54.

352. *Курлович Г., Томашунс А.* История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 176, 177.

353. *Balodis A.* Latvijas un latviešu tautas vēsture. Rīga: Kabata, 1991. 165. lpp.

354. *Гайворонский К. С.* Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война: опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 47–54.

355. *Баумерт И., Курлович Г., Томашунс А.* Основные вопросы истории Латвии: Учебное пособие. С. 57.

356. *Goldmane S., Klišāne J., Kļaviņa A, Misāne I., Straube L.* Vēsture pamatskolai. Latvija 20. gadsimtā. Mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2006. 26. lpp.

357. *Lismanis J.* Kauju un kritušo karavīru piemiņai. Rīga: N.I. M. S., 1999. XV. lpp.

358. *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007, 28. lpp.

359. *Курлович Г., Томашунс А.* История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 187.

360. *Воробьева Л. М.* История Латвии: от Российской империи к СССР. Кн. 1 / Фонд «Историческая память»; Российский институт стратегических исследований. М., 2009. С. 97.

361. *Курлович Г., Томашунс А.* История Латвии для основной школы. Рига: Zvaigzne ABC, 2002. С. 189, 190.

362. *Kurlovičs G., Tomašūns A.* Latvijas vēsture vidusskolai. 2. daļa. Eksperimentāla mācību grāmata. Rīga: Zvaigzne ABC, 2007, 28. lpp.

363. *Фоменко А. В.* Прибалтийский вопрос в отношениях США с Советской Россией: 1918–1940. От появления неза-

висимых прибалтийских режимов до включения их в состав СССР. М.: ЛЕНАНД. 2009. С. 60.

364. Военно-статистическое описание. Главное Управление Генерального Штаба (Издание отдела генерал-квартирмейстера). Пгр., 1915. Ч. 1. Восточно-Галицийский район. С. 151.

365. *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 32.

366. Русский инвалид. 18 сент. 1914. № 205. С. 5.

367. *Баринов И.И.* Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма // История и современность. Вып. 1 (15)/2012. С. 79.

368. Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях. М., 1873. С. 105.

369. *Snyder T.D.* The Red Prince: The Secret Lives of a Habsburg Archduke. Basic Books/RandomHouse, 2008. P. 51.

370. *Zahradnicek T.* Jakvyhrat cizivalku. Cesi, Polacia a Ukrajinici 1914–1918. Praha, 2000. S. 70.

371. *Magocsi P.R.* The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto — London — Buffalo, 2002. P. 47.

372. *Миллер А.И.* Россия — Украина: история взаимоотношений // РАН, Институт славяноведения. М., 1997. С. 83.

373. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930-е годы: цели, методы, результаты. М., 2006. С. 69, 115.

374. *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. С.-Петербургъ: Товарищество «Просвещение», 1912.

375. *Ukrainische Phantasien.* 1918. № 2.

376. *Ukrainische Rundschau.* 1908. № 9.

377. *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців, 1848–1914. Львів, 1924. Ч. II. С. 634.

378. Австро-Венгрия. Военная подготовка в Галиции // Сборник Главного Управления Генерального штаба. 1914. Вып. 62. С. 26–27.

379. Австро-Венгрия. Военная подготовка населения // Сборник Главного Управления Генерального штаба. 1914. Вып. 58. С. 44–45.

380. *Cornwall M.* The Undermining of Austria-Hungary. Battle for Hearts and Minds. N. Y., 2000. P. 20; «Украинцы... могут

сделаться честными австрийцами» // Военно-исторический журнал. 1997. № 3. С. 60.

381. *Клопова М.* Защита на Днестре и Сане. «Русское движение» и его судьба накануне Первой мировой войны // Родина. 2010. № 3. С. 90–91.

382. Русская Галиция и «мазепинство». М., 2005. С. 213.

383. *Сергиевский Б.В.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1975. С. 19.

384. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 28.

385. *Баринов И.И.* Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма // История и современность. Вып. 1 (15)/2012. С. 79.

386. *Der Weltkrieg und das ukrainische Problem: ein Beitrag zur Aufklarung der gegen wartigen politischen Lage.* Berlin, 1915. P. 12.

387. *Donzow D.* Die ukrainische Staatsidee und der Krieg gegen Rusland. Berlin, 1915. P. 8.

388. *Barwinskyj A.* Die Rolitischen und kulturellen Beziehungen der ukrainer zu Westeuropa. In: Die Ukraine. Kriegspolitische Einzelschriften. H.12. Berlin, 1916. P. 8–12.

389. *Ukraine: Land, Volk, Geschichte, Kultur, Wirtschaft, Politik.* Berlin, 1938. P. 8.

390. *Рудницький С.Л.* Коротка географія України. Львів, 1914. С. 61–121.

391. ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4с. Д. 287. Л. 2.

392. *Кулінич І.М.* Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914 рр.). Київ, 1963. С. 67.

393. *Ostwald P.* Die Ukraine... P. 37.

394. *Vavrik V.R.* Terezin and Talerhof. New York, 1966. P. 184; *Cervinka V.* Mojerakouskezalare. Praha, 1928. S. 92; *Kwilecki A.* Lemkowie: Zagadnienie Migracji Asymilacji. Warszawa, 1974. S. 137.

395. *Ронге М.* Разведка и контрразведка. М., 1939. С. 126–127.

396. *Левицький К.* Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни. Львів, 1929. С. 67.

397. *Abbot P., Pinak F.* Ukrainian Armies 1914–1955. P. 7–8.

398. Без права на реабілітацію. Сборник публикацій и документів, раскрываючих антинародную фашистскую

сущность украинского национализма и его апологетов. В 2 кн. Кн. 1. Киев, 2006. С. 195.

399. *Цегельский Л.* Самостиіна Україна // Видень. 1915. С. 4, 9.

400. *Abbot P., Pinak F.* Ukrainian Armies 1914–1955. Oxford, 2004. P. 7–8.

401. *Zahradnicek T.* Jakvyhrat cizivalku. Cesi, Polacia a Ukrajinici 1914–1918. Praha, 2000. S. 61.

402. Без права на реабилитацию. С. 16.

403. Республика Беларусь: Энциклопедия: В 6 т. Т. 1. /Редкол.: Г.П. Пашков и др. Мн., БелЭн, 2005. С. 232.

404. Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый)/Центральный Статистический Комитет МВД. СПб., 1914. С. 33–39.

405. Там же. С. 35, 39.

406. Обзор Минской губернии за 1913 год/Минский губернский статистический комитет. Минск: Губернская типография, 1914. С. 72.

407. Там же. С. 65.

408. Гісторыя Беларусі: у 6 т./рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2000–2008. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.)/М. Біч [і інш.]. С. 413.

409. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

410. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 85916. Л. 1.

411. НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 19–20.

412. НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 24, 30–49.

413. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 127, 130, 176, 204.

414. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069. Л. 9.

415. НИАБ. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 636. Л. 1, 2.

416. РГВИА. Ф. 1932. Оп. 8. Д. 6. Л. 88, 201, 276; Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1917. Л. 127, 146.

417. НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 63. Л. 23, 30.

418. НИАБ. Ф. 1416. Оп. 1. Д. 2359.

419. НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 31. Л. 9.

420. *Черепица В.Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны. Гродно, 2006. С. 45, 56.
421. НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49069. Л. 9.
422. НИАБ. Ф. 2795. Оп. 1. Д. 636. Л. 1, 2.
423. РГВИА. Ф. 1915. Оп. 4. Д. 3. Л. 208, 611; НИАБ. Ф. 2537.1. Д. 250. Л. 29, 94.
424. *Савицкий Э.М.* Революционное движение в Белоруссии (август 1914 — февраль 1917 г.). Минск, 1981. С. 95.
425. Документы и материалы по истории Белоруссии. Т. 3. Минск, 1953. С. 759–761.
426. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1836. Л. 120–192.
427. РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6.
428. РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
429. Там же. Л. 3–6.
430. РГВИА. Ф. 2911. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
431. РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 335. Л. 218.
432. РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 335. Л. 221.
433. РГВИА. Ф. 2183. Оп. 1. Д. 355. Л. 223.
434. Там же. Л. 13.
435. РГВИА. Ф. 2909. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.
436. Там же. Л. 24.
437. *Корольков Г.К.* Лодзинская операция. 2 ноября — 12 декабря 1914 г. М., 1934. С. 183.
438. РГВИА. Ф. 2910. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
439. *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 г. на фронте мировой войны. М., 1938. С. 113.
440. *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 272.
441. *Подорожный Н.Е.* Указ. соч. С. 152.
442. Там же. С. 140.
443. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 295. Л. 537.
444. *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России (1914 — октябрь 1917 г.)). Л., 1985. С. 47.
445. Республика Беларусь. Энциклопедия. Т. 6. Мн., 2008. С. 17; Победа Советской власти в Белоруссии. Мн., 1967. С. 62.
446. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1453. Л. 22.
447. РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 67. Л. 10, 34.

448. Там же. Л.12.
449. РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 67. Л. 29.
450. РГВИА. Ф. 2110. Оп. 3. Д. 67. Л. 38.
451. Экономическая история Беларуси. Мн., 1993. С. 133.
452. Победа Советской власти в Белоруссии. Мн., 1967. С. 64; Полоцк. Исторический очерк. Мн., 1987. С. 122.
453. *Смольянинов М.М.* Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году. Мн., 2007. С. 26.
454. Там же. С. 27.
455. *Смольянинов М.М.* Великому Октябрю — 90 лет // Новая экономика. 2007. № 11–12. С. 93.
456. Победа Советской власти в Белоруссии. С. 64.
457. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 65. Л. 138.
458. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 430.
459. Там же. С. 76.
460. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.
461. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 1. Мн., 1968. С. 54.
462. Беларусь: Народ. Государство. Время. Мн., 2009. С. 221.
463. *Ціхаміраў А.В.* Міжнародныя аспекты фарміравання беларускай дзяржаўнасці ў 1914–1921 гг. / Внешняя политика России в исторической перспективе: Материалы междунар. науч. конф. Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2002. С. 109.
464. *Бабков А.М.* Беларусь в польской политике Германии (1915–1916 гг.) / Беларусь у гады Першай сусветнай вайны: Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць.: матэр. Міжнар.наук.-практыч. канф. (Смаргонь, 18–19 мая 2007) / навуц. Рэд. А.М.Літвін, У.В.Ляхоўскі. Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. С. 544.
465. *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918. М., 1947. С. 39.
466. Там же. С. 40.
467. Новая жизнь. 1917, 29 марта.
468. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 (Ред. колл.: В.К. Волков, Л.И. Гинцберг, И.Н. Поп и др.). М., 1977. С. 207, 547.
469. *Бабков А.М.* Германский оккупационный режим в Беларуси в Первую мировую войну // Республика Беларусь: Энциклопедия. Мн., 2006. Т. 3. С. 9.

470. Людendorф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 1923. Т. 1. С. 127.
471. Engelhardt E. Weißruthenien. Land und Volk. В., 1943. S. 10.
472. Нoman. 1916, 5 мая.
473. Гофман М. Записки и дневники 1914–1918 гг. Л., 1929. С. 225.
474. Вельможко А. Первая мировая война и Бессарабия. URL: <http://topor.od.ua/pervaya-mirovaya-voyna-i-bessarabiya/>
475. История народного хозяйства Молдавской ССР. 1917–1958. Кишинев, 1974. С. 9, 10; История Молдавской ССР. Т. 1. Кишинев, 1965. С. 604.
476. История народного хозяйства Молдавской ССР. С. 10; Moraru A. Istoria Românilor. Basarabia și Transnistria (1812–1993). Chișinău, 1995. P. 102.
477. История Молдавской ССР. Т. 1. С. 604, 606; Dragnev D., Varta I. Istoria românilor. Epoca modernă. Chișinău, 2000. P. 191; Moraru A. Istoria Românilor. P. 102.
478. История Молдавской ССР. Т. 1. С. 606, 608, 610.
479. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 8. Л. 140–141; Bogos D. Basarabia de la 1812 până la 1938. Chișinău, 1938. P. 81.
480. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 4, 134 об., 135, 136–136 об., 141 об., 142; Д. 8. Л. 5–6, 8–13; Бессарабская жизнь. 1917, 28.05, 19.11; Левит И. Э. Движение за автономию Бессарабии в 1917 г. Кишинев, 1997. С. 77–93, 110–130, 232, 236–237.
481. Boldur A. Arabescuri revoluționare. // Viața Basarabiei. 1935. № 3. P. 69–70.
482. Vărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ș., Teodor P. Istoria României. Вuc., 1998.
483. Антонюк Д. И. и др. «Сфатул Цэрий» — антинародный орган. Кишинев, 1986. С. 40–41.
484. Виноградов В. Н. и др. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 174.
485. Афтенюк С. Я. и др. Революционное движение в 1917 году и установление Советской власти в Молдавии. Кишинев, 1964. С. 335.
486. Unirea Basarabiei și a Bucovinei de Nord cu România. 1917–1918. Documente. Chișinău, 1995. P. 47–55.

487. *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești în actul unirii Basarabiei. Chișinău, 1932. P. 46–47.

488. *Bobeică A.* Sfatul Țării — stindard al renașterii naționale. Chișinău, 1993. P. 63–64.

489. *Bogos D.* La răspântie. Moldova de la Nistru în anii 1917–1918. Chișinău, 1998. P. 115.

490. *Левит И.Э.* Молдавская республика (ноябрь 1917 — ноябрь 1918). Кишинев, 2000. С. 14–17, 21–22.

491. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 3. Л. 27.

492. Сфатул Цэрий. 1917, 24.11; Свободная Бессарабия. 1917, 23.11, 8.12; Голос революции. 1917, 29.11.

493. *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești. P. 56–57.

494. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 57. Л. 36–36об., 40–40об., 129–130; Д. 21, Часть 1. Л. 61–68, 69–70, 74–75.

495. Свободная Бессарабия. 1917, 10.12.

496. *Argetoianu C.* Memorii. Buc., 1995. Vol. 5. P. 28, 54, 56.

497. Сфатул Цэрий. 1917, 24.12.

498. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 3. Л. 27; Д. 21. Л. 141, 178об., 192; Д. 22. Л. 141–142; Кувынт Молдовенеск. 1917, 14.05, 6.12; Свободная Бессарабия. 1917, 23.11, 5.12; Бессарабская жизнь. 1917, 25.11; Сфатул Цэрий. 1917. 24.12; 1918. 11.01.

499. Известия Кишиневского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 28.11; 12.12; 17.12; 23.12.

500. Известия Кишиневского Совета. 1917. 24.11, 26.11, 29.11, 1.12; Бессарабская жизнь. 1917, 24.11, 29.11, 1.12 и др.

501. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 12. Л. 230.

502. *Ciobanu Șt.* Basarabia. Chișinău, 1993. P. 146; *Haniș V.V.* Amintiri din anul Unirii în Basarabia. // *Viața Basarabiei.* 1932. № 6. P. 6.

503. Известия Кишиневского Совета. 1917. 3.12; Бессарабская жизнь. 1917, 3.12.

504. Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 — март 1918): Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957. С. 90.

505. *Pântea Gh.* Rolul organizațiilor militare moldovenești. P. 72, 73.

506. Сфатул Цэрий. 1918, 25.02.

507. Ibid.

508. *Нотович Ф.И.* Бухарестский мир, 1918. М., 1959. С. 99; *Левит И.Э.* Молдавская республика. С. 48–49, 50–51.

509. *Истрати Е.Н.* Демократическое движение за мир на Румынском фронте в 1917 году. Кишинев, 1973. С. 95–96, 98.

510. Большевики Молдавии и Румынского фронта в борьбе за власть Советов. Документы и материалы. Кишинев, 1967. С. 162, 196; *Iorga N.* Memorii. Vol. 1. Buc., 1939. P. 174; *Averescu A.* Notițe zilnice din război (1916–1918). Buc., 1935. P. 248, 249.

511. *Duca I.G.* Memorii. Vol. 3. Buc., 1994. P. 273; Vol. 4. Războiul (1917–1919). P. 39.

512. *Bogos D.* La răspântie. P. 108.

513. НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 211. Л. 12; Д. 629. Л. 2–8; Д. 798, 799, 805, 807. Л. 7–9; Д. 860. Л. 1; Д. 861. Л. 1–4, 38, 159; Д. 868. Л. 1–2; Д. 869. Л. 15; Ф. 727. Оп. 2. Д. 12. Л. 24; Д. 57 (I). Л. 73 об.-75; Ф. 919. Оп. 2. Д. 2. Л. 72, 73, 74, 108, 118, 182–185, 197, 199, 201, 202, 216, 220, 222, 251, 284, 297–297 об., 304, 380; Ф. 677. Оп. 1. Д. 15. Л. 1; Д. 29. Л. 1, 11; Ф. 812. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3, 10, 14–15, 28–29; Голос Кишинева. 1917, 25.10, 8.11; Свободная Бессарабия. 1917, 21.09, 1.10; Известия Кишиневского Совета. 1917. 5.12; Бессарабская жизнь. 1917, 27.10, 7.11, 8.12, 21.12.

514. *Duca I.G.* Memorii. Vol. 4. P. 60.

515. *Turcanu I.* Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940. Chișinău, 1991. P. 11 (ссылаясь на следующие архивные материалы: Ф. 39. Оп. 1. Д. 793, 794, 795, 797, 861–870, 2134; Ф. 677. Оп. 1. Д. 15, 20; Ф. 361. Оп. 1. Д. 1; Ф. 1417. Оп. 1. Д. 35, 38; Ф. 919. Оп. 2. Д. 2; Ф. 727. Оп. 1. Д. 17).

516. *Iorga N.* Memorii. Vol. 1. P. 203.

517. НАРМ. Ф. 39. Оп. 1. Д. 629. Л. 1–3, 8; Д. 799. Л. 8, 10; Ф. 736. Оп. 1. Д. 6. Л. 8, 13, 92, 94; Ф. 812. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3, 10, 14–15, 28–29; Бессарабская жизнь. 1917, 3.12; Известия Кишиневского Совета. 1917, 3.12; Свободная Бессарабия. 1917, 31.10, 29.12; Иткис М.В. Крестьянское движение в Молдавии в 1917 году и претворение в жизнь ленинского декрета о земле. Кишинев, 1970. С. 214–215, 218.

518. *Ghibu O.* Pe baricadele vieții. În Basarabia revoluționară (1917–1918). Amintiri. Chișinău, 1992. P. 436.
519. Свободная Бессарабия. 1917, 12.12.
520. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 166 об.
521. *Антонюк Д.И. и др.* Предательская роль «Сфатул Цэрий». С. 110.
522. *Hitchins K.* România. 1866–1947. București, 1998. P. 274.
523. *Stratan V., Gorun A.* Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». Chișinău-Iași, 2003. P. 42.
524. *Meurs W.P. von.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău, 1996. P. 83.
525. НАРМ. Ф. 792. Оп. 1. Д. 18. Л. 63; Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente. Buc., 1929. P. 183.
526. *Bogos D.* La răspântie. P. 135.
527. Сфатул Цэрий. 1917. 24.12.
528. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.
529. Сфатул Цэрий. 1917, 24.12, 25.12.
530. *Cazacu P.* Moldova dintre Prut și Nistru. 1812–1918. Iași, 1920. P. 268.
531. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării: Itinerar. Chișinău, 1998. P. 67.
532. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 134 об.–137.
533. Ibid. Л. 136–136об., 141 об., 142.
534. Сфатул Цэрий. 1918, 3.01.
535. *Антонюк Д.И. и др.* Предательская роль «Сфатул Цэрий». С. 153.
536. Борьба за власть Советов в Молдавии. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1957. С. 264; *Антонюк Д.И. и др.* Победа Советской власти в Молдавии. С. 247–248.
537. *Левит И.Э.* Молдавская республика. С. 217–218.
538. *Duca I.G.* Amintiri politice. Vol. 3. P. 49; *Duca I.G.* Memoirii. Vol. 4. P. 61.
539. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării. P. 68.
540. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 185, 187 об.
541. Dezbaterile Adunării deputaților. Sesiunea ordinară. 1920–1921. Nr. 27. P. 617.
542. За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов. Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970. С. 29.

543. Левензон Ф. Из истории захвата Бессарабии // Красная Бессарабия. 1928. № 1. С. 26–27; *Ghibu O. Pe baricadele vieții*. P. 506.

544. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 167.

545. *Duca I. G. Amintiri politice*. Vol. 3. P. 49; *Duca I. G. Memorii*. Vol. 4. P. 61.

546. Сфатул Цэрий. 1918, 13.01; *Cazacu P. Moldova dintre Prut și Nistru*, 1920. P. 270.

547. НАРМ. Ф. 727. Оп. 2. Д. 21. Л. 166 об., 168; *Bogos D. La răspântie*. P. 144.

548. *Есауленко А. С. Социалистическая революция в Молдавии и политический крах буржуазного национализма (1917–1918)*. Кишинь, 1977. С. 175.

549. *Seton-Watson R. W. The History of the Rumanians*. London, 1934. P. 511.

550. *Boldur A. Istoria Basarabiei*. Бус., 1992. P. 504.

551. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов и материалов. С. 29–140; *Дембо В. Захват Бессарабии и сопротивление населения // Красная Бессарабия*. 1932, № 1. С. 14–16; *Vicol T. Orheiul în ianuarie 1918 // Viața Basarabiei*. 1933. Nr. 8. P. 41.

552. *Negrei I., Poștarencu D. O pagină din istoria Basarabiei. Sfatul Țării (1917–1918)*. Chișinău, 2004. P. 240, 248.

553. *Ciobanu Șt. Unirea Basarabiei. Studii și documente*. 1993. P. 231.

554. *Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea»*. P. 58.

555. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции. Сборник документов. С. 33–34, 36.

556. Борьба за власть Советов в Молдавии: Сборник документов. С. 290, 321.

557. Кувынт Молдовенеск. 1918, 24.01, 31.01; Голос революции. 1917, 26.01.

558. Красная Бессарабия. 1926, № 1. С. 58.

559. *Cojocaru Gh. Integrarea Basarabiei în cadrul României (1918–1923)*. Бус., 1997. P. 32.

560. АОПОРМ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 376. Л. 5.

561. Голос революции. 1917, 26.01; *Бантке С.* 10 лет борьбы против румынских бояр. М.-Л., 1928. С. 30–36.
562. *Левит И.Э.* Молдавская республика. С. 268.
563. *Schina M.C.* Basarabia. Ianuarie 1918 — iunie 1919. Buc., 1939. P. 15–16.
564. *Turcanu I.* Relații agrare din Basarabia în anii 1918–1940. P. 56.
565. *Marghiloman A.* Note politice. Vol. 3. P. 493.
566. История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964. С. 155.
567. *Cojocaru Gh.* Sfatul Țării. P. 75, 168–169.
568. *Iorga N.* Neamul românesc în Basarabia. Vol. 2 Buc., 1997. P. 221.
569. *Duca I.G.* Amintiri politice. Vol. 3. P. 50; *Duca I.G.* Memorii. Vol. 4. P. 62.
570. *Marghiloman A.* Note politice. Vol. 3. P. 426–427.
571. Documente privind istoria României între anii 1918–1944. București, 1995. P. 7–8.
572. *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. С. 151.
573. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 221, 224, 225.
574. Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. Buc., 1999. P. 35–36.
575. *King Ch.* Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. Chișinău, 2002. P. 33.
576. *Schina M.C.* Basarabia. P. 33.
577. *Duca I.G.* Memorii. Vol. 4. P. 106; *Argetoianu C.* Memorii. Vol. 5. P. 53.
578. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. С. 233.
579. *Ciobanu Șt.* Unirea Basarabiei. Studii și documente. 1993. P. 299–300.
580. НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 4803; Ф. 727. Оп. 2. Д. 45; Д. 55, 73; Д. 73. Л. 29–29 об., 33–33 об., 34, 37–37 об.; Ф. 742. Оп. 1. Д. 45, 51; Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции: Сборник документов и ма-

териалов. С. 172; Stratan V., Gorun A. Moș Ion Roată, Siguranța și «Unirea». P. 141.

581. *Burian A.* Geopolitica lumii contemporane. Chișinău, 2003. P. 341.

582. *Прокопов А.Ю.* Британская империя: общество и вызовы войны. // Мировые войны XX века: В 4 кн./Ин-т всеобщей истории. Кн. 1. Первая мировая война. М., 2002. С. 297.

583. *Gregory A.* Op. cit. P. 131.

584. *Taylor A.J.P.* English History 1914–1945. London: Pelican, 1970. P. 55–56.

585. German Diplomatic Documents, 1871–19146 in 4 vols. Vol. 3. The Growing Antagonism, 1898–1910. New York, 1930. P. 28.

586. *Gibbs Ph.* Now I Can Be Told. London, 1920. P. 23.

587. *Забелина Н.Ю.* Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03/Забелина Н.Ю. [место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.]. Москва, 2011. С. 63.

588. *Херасков И.* Англия до и во время войны/Под. ред. М.Н. Покровского. Пг., 1918.

589. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 69.

590. *Le Queux W.* Britain's Deadly Peril. London, 1915. P. 140.

591. *Playne C.* Society at War. P. 139.

592. *Gregory A.A.* Clash of Cultures // A call to Arms. Propaganda, Public Opinion, and Newspapers in the Great War/Ed. by T. Paddock. London, 2004. P. 26.

593. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 70.

594. *Gibbs Ph.* Op. cit. P. 5.

595. *Le Queux W.* The Invasion of England. London, 1914. P. 157.

596. Cited in Hugh Cudlipp. The Prerogative of the Harlot. London, 1980. P. 82.

597. *Gregory A.A.* the Last Great War... P. 57–58.

598. *Хмелевская Ю.Ю.* Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии (1914–1918). Дисс. канд. ист. наук. Пермь, Пермский государственный университет им. М. Горького, 2000. С. 115–116.

599. *Taylor P.M.* Op. cit. P. 38.
600. Milton Richard Propaganda and the Ethics of Persuasion. Broadview Press, 2002. P. 64.
601. *Taylor P.M.* Op. cit. P. 35–36.
602. *Milton R.* Best of Enemies: Britain and Germany — 100 Years of Truth and Lies, Icon Books Ltd, 2007. P. 26–27.
603. *Milton R.* Best of... P. 27–28.
604. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 76.
605. *Sanders, M. L.; Taylor, Philip M.* British Propaganda During the First World War, 1914–1918. London, 1982. P. 127.
606. *Hanak H.* Great Britain and Austro-Hungary during the First World War: A Study in the Formation of Public Opinion. London, 1962. P. 10.
607. *Ponsonby A.* Falsehood in War-time: Containing an Assortment of Lies Circulated throughout the Nations during the Great War. London, 1928. P. 134.
608. *Gibbs Ph.* Now it Can Be Told. P. 44.
609. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 76.
610. *Ponsonby A.* Op. cit. P. 68.
611. Alleged German «War Crimes». URL: <http://v.national-archives.gov.uk/pathways/firstworldwar/spotlights/alleged.htm>
612. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 77.
613. *Le Queux.* Op. cit. P. 142.
614. *Ponsonby A.* Op. cit. P. 50.
615. *Ллойд Джордж Д.* Через ужасы к победе: речи, произнесенные во время войны. Пг., 1916. С. 13.
616. Там же. С. 62.
617. *Fyfe H.* The Illusion of National Character. P. 11.
618. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 78.
619. Horatio Bottomley — the Soldier's Friend. URL: <http://www.afterrnathwwl.com/horatiol.asp.htm> 11.02.07. P. 1.
620. *McDonagh M.* In London during the Great War. The Diary of a Journalist. London, 1935. P. 16.
621. *Забелина Н.Ю.* Указ. соч. С. 79–80.
622. *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 21–22.
623. *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч. С. 99.
624. *Gregory A.* Op. cit. P. 61–62.

625. *Gregory A.* Op. cit. P. 235–238.
626. *Gregory A.* Op. cit. P. 50–64.
627. *Соловьев С.А.* Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы Первой мировой войны. М., 1985. С. 75.
628. *Taylor A.* English History 1914–1945. Oxford, 1992. P. 3.
629. *Прокопов А.Ю.* Указ. соч. С. 297.
630. *Woodward L.* Great Britain and War of 1914–1918. London, 1967. P. 464.
631. *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 57.
632. *Woodward.* Op. cit. P. 455.
633. *Ibid.* P. 456.
634. *Taylor A.* Op. cit. P. 5.
635. *Pollard S.* The Development of the British Economy 1914–1967. London, 1969. P. 60.
636. *Kirby M.W.* The British Coalmining Industry. London, 1970. P. 25.
637. *Ibid.* P. 29.
638. *Tawney R.* The Abolition of Economic Controls, 1918–1921 // *Economic History Review.* Vol. XIII. 1943. № 1–2. P. 4.
639. *Прокопов А.Ю.* Указ. соч. С. 299.
640. *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1934. Т. I–II. С. 181.
641. *Прокопов А.Ю.* Указ. соч. С. 300.
642. Там же. С. 300; *Ллойд Джордж.* Указ. соч. С. 201.
643. *Прокопов А.Ю.* Указ. соч. С. 301.
644. *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 62–63.
645. *Taylor A.* Op. cit. P. 35.
646. Там же. С. 305.
647. *Britain and the First World War.* London, 1988. P. 89.
648. *Vourne J.M.* Britain and the Great War 1914–1918. London, 1989. P. 179.
649. *Прокопов А.Ю.* Указ. соч. С. 307.
650. *Pollard S.* Op. cit. P. 52.
651. *Соловьев С.А.* Указ. соч. С. 60.
652. Там же. С. 65.
653. *Ерофеев Н.А.* Указ. соч. С. 248. Очерки по истории Англии 1815–1917. М., 1959, С. 227.

654. *Churchill W.* The Aftermath. New York, 1929. P. 18.
655. Экономическая история зарубежных стран. С. 276.
656. *Jones J.P., Hollister P.M.* Op. cit. P. 227.
657. *Листиков С.В.* Американское общество в годы войны: на пути к консолидации. / Война и общество в XX веке. М., 2009. С. 315.
658. *Bernstorff J.H.* Op. cit. P. 31.
659. *Peterson H.C.* Propaganda for War. University of Oklahoma Press, 1939. P. 180.
660. Chicago Daily Tribune. 1914.08.01; Washington Post. 1914.08.02; Milwaukee Journal. 1914.08.01.
661. *Шацилло В.К.* Расчет и безрассудство. М., 1998. С. 31.
662. *Листиков С.В.* Ук. соч. С. 307.
663. *Fleming T.* George Creel: forgotten genius. // The Army, 1972. P. 44.
664. *Peterson H.C.* Op. cit. P. 134.
665. *Папен Ф.* Вице-канцлер третьего рейха. М., 2005. С. 33.
666. *Зильбер И.* Тайные средства борьбы. М., 1948. С. 62.
667. *McKernan L.* Propaganda, patriotism and profit/History. Vol. 14. P. 369.
668. *Peterson H.C.* Op. cit. P. 229.
669. *Зильбер И.* Указ. соч. С. 63.
670. *Шацилло В.К.* Расчет и безрассудство. М.: ИВИ РАН, 1998. С. 31.
671. Dr. Bertling at Embassy/New York Times. 1916. March 17.
672. *Bernstorff J.H.* Op. cit. P. 42–49.
673. *Bernstorff J.H.* Op. cit. P. 39.
674. *Михельсен А.* Подводная война 1914–1918 гг. М.-Л.: Военмориздат НКВМФ СССР, 1940. С. 11.
675. *Keller P.W.* The four-minute men. University of Wisconsin, 1940. P. 7.
676. *Peterson H.C.* Op. cit. P. 159.
677. Ibid. P. 18.
678. См. *Зильбер И.* Ук. соч. С. 66–67, 91.
679. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы / Под ред. В.К. Шацилло. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 321.
680. История дипломатии / Под ред. В.М. Хвостова. М.: ИПЛ, 1965. С. 39.

681. Teaching With Documents: The Zimmermann Telegram. — The National Archives and Records Administration. URL: <http://www.archives.gov/education/lessons/zimmermann/#top> (дата обращения: 3.03.2009).
682. Лустиков С.В. Указ. соч. С. 328.
683. *Annuziata F.* The Progressive as conservative. // Wisconsin magazine of history. Vol. 57. № 3, spring, 1974. P. 220–231.
684. *Mock J.R., Larson C.* Op. cit. P. IX.
685. A war message to the farmer. // Loyalty leaflet № 4. Washington (D. C.). Committee on public information, 1918.
686. *Jackall R. and Hirota J.M.* Image makers. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 13.
687. *Creel G.* How we advertized America. Harper and Brothers Publishers, 1920. P. 4.
688. American Loyalty. Washington (D. C.). Committee on Public Information, 1917.
689. *Taylor P.M.* Munitions of the mind. Manchester University Press, 2003. P. 193.
690. National school service. Washington (D. C.). Committee on Public Information, 1918.
691. *Ford G.S.* America's fight for public opinion // Minnesota historical magazine. Vol. 3, 1919. P. 23.
692. Цит. по: *Ржешевский О.А.* Война и история. С. 81, 117.
693. *Mock J.R., Larson C.* Op. cit. P. 68.
694. Germa New York confession. Washington (D. C.) ington (D. C.), 1918.
695. Лустиков С.В. Указ. соч. С. 327.
696. *Taylor P.M.* Op. cit. P. 186.
697. *Creel G.* Op. cit. P. 8.
698. *Creel G.* Op. cit. P. 7.
699. *Королько В.Г.* Ук. соч.
700. The four minute men of Chicago. Chicago: History Committee of the Four Minute Men of Chicago, 1919. P. 7.
701. *Jackall R., Hirota J.M.* Op. cit. P. 19.
702. Government war advertising. Report of the Division of advertising, Committee on public information. Washington (D. C.). Committee on public information, 1918. P. 2.
703. Ibid. P. 6, 10.

704. *Fleming T.* Op.cit. P. 47.
705. *CARL R. BYOIR.* The museum of public relations. URL: <http://www.prmuseum.com/byoir/cbintro.html> (дата обращения: 14.01.2010).
706. *Jackall R., Hirota J.M.* Op. cit. P. 14.
707. *Heath R.L.* Encyclopedia of Public Relations. University of Houston Press, 2005. P. 106.
708. *Mock J.R., Larson C.* Op. cit. С. 19–47.
709. *Ford G.S.* Op. cit. P. 9.
710. *Mock J.R., Larson C.* Op. cit. P. 67.
711. *Листиков С.В.* Указ. соч. С. 329.
712. *Королько В.Г.* Указ. соч.
713. *Харрисон Ш.* Указ. соч. С. 60.
714. *Peterson H.C.* Op. cit. P. 326.
715. *Kegan P.* Methods of propaganda in World war. N.Y., 1927. P. 201.
716. *Brown J.A. C.* Techniques of persuasion. From propaganda to brain Washington (D. C.) ing. Harmondsworth, 1963. P. 82.
717. *Jowett G.S., O'Donell V.* Propaganda and persuasion. Newbury park, 1993. P. 166.
718. *Kennedy D.* Over Here: The First World War and American Society. N.Y., 2004. P. 201.
719. Historical Statistics of the United States 1789–1945. Wash., 1949. P. 179.
720. *Link A. Wilson:* The Struggle for Neutrality: 1914–1915. New York, 1960. P. 34.
721. *Zieger R.* America's Great War: World War I and the American Experience. Wash., 2000. P. 70.
722. Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Wash., 1975. P. 884.
723. *Перло В.* Американский империализм. М., 1951. С. 32.
724. Вестник русско-американской торговой палаты. 1915, № 8. С. 275.
725. *Гершов З. М.* «Нейтралитет» США в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 112.
726. *Белявская И.А.* Внутренняя экономическая политика США (1917–1918). М., 1956. С. 33–35.

727. *Schaffer R.* America in the Great War. Oxford, 1991. P. 45.

728. Commercial and Financial Chronicle. 1916. July 15. P. 195.

729. Люмер Х. Военная экономика и кризис. М., 1955. С. 11–14.

730. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений 1899–1929. М., 2005; Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование. М., 2006; Молодяков В.Э. Россия и Япония: Золотой век (1905–1916). М., 2008; Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007; Кошкин А.А. Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010; Кошкин А.А. Первая мировая война и Восток // Новая и новейшая история. 1998. № 5; Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск, М., 2008; Барышев Э.А. Русско-японская политическая конвенция 1916 г. и ее международно-политическое значение // Япония, 2006: ежегодник. М., 2006; Иконникова Т.Я. Российско-китайские отношения 1914–1917 гг. и проблема выдачи бежавших военнопленных // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI в. Хабаровск, 2002; Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009; Золотарев В.А., Козлов И.А. Русский флот в Первой мировой войне. М., 2002; Мировые войны XX века / Рук. проекта О.А. Ржешевский: В 4 т. М., 2002.

731. *Iwata M.* Okubo Toshimichi: The Bismarck of Japan. Berkeley, 1964. P. 19–23.

732. Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э.В. Молодякова. М., 2011. С. 56.

733. *Jansen M.B.* The Making of Modern Japan. Harvard, 2002. P. 368–370.

734. *Hackett R.F.* Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan 1838–1922. Harvard, 1971. P. 308.

735. Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. С. 38.

736. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 43–45.

737. Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. С. 42.

738. Dickinson F. War and National Reinvention: Japan in the Great War, 1914–1919. Harvard, 1999. P. 7–17.

739. Taiwan Shimpō day Sun. 1914.5.16.

740. Osaka Asahi Shimbun. 1913.8.26.

741. Kobe Matashin daily report. 1913.10.23.

742. Rhodes A. Propaganda: The art of persuasion: World War II. New York, 1976. P. 252.

743. Lone S. Army, empire and politics in Meiji Japan: the three careers of General Katsura Taro. New York, 2000. P. 435; Jacob F. Die Thule-Gesellschaft und die Kokuryūkai. Würzburg, 2012. S. 110–113.

744. Asian Review. 1914.08.23; Keijo Daily. 1914.08.24; Osaka Shimpō. 1914.8.29.

745. Верисоцкая Е.В. Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX — начале XX в. М., 1990. Ч. 2. С. 199–200.

746. Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 3–7.

747. Griffis W. Okuma and the New Era in Japan // The North American Review. 1916. Vol. 204, No. 732. P. 681–690.

748. Asahi Shimbun. 1914.08.14.

749. Суржик Д.В. Пропагандистский фронт Первой мировой войны в США // Военно-исторический журнал. 2012. № 12. С. 38–43.

750. Lone S. Army, Empire, and Politics in Meiji Japan: The Three Careers of General Katsura Taro. London, 2000. P. 341.

751. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. British Oriental Colonies, Vol. 1. B-1-6-3-055.

752. Japan Center for Asian Historical Records. Ref. A01200098200. Deciding to install Chingtao garrison commander in occupied zone in Chingtao area.

753. National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense (Japan). Document Files of the Ministry of the Army. T3-1-24.

754. Бедняк И.Я., Гальперин А.Л. Очерки новой истории Японии 1640–1917. М., 1958. С. 470.

755. Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. С. 46–48; Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. М., 2005. С. 143–146.

756. Japan Center for Asian Historical Records. Ref. A01200106600. Enforcing mutatis mutandis maritime capturing rule in accordance with provisions of London Declaration while Japan and Germany are at war; Japan Center for Asian Historical Records. Ref. A01200106700. Deciding military administration of occupied areas in South Sea.

757. National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense (Japan). Document Files of the Ministry of the Navy. 1914–1920 Taisho War Documents Attachment Japan-Germany war Pacification preparatory committee Minutes. T3-241-698.

758. Tokyo nichinichi shinbun. 1914.08.23; Asahi Shimbun. 1914.08.23–1914.08.24; Osaka Asahi Shimbun. 1914.08.23; Chugoku Shimbun. 1914.08.23; Kobe Shimbun. 1914.08.23.

759. Chugai commercial Shimpo. 1914.08.24; Hebei Shimpo. 1914.08.24.

760. National Institute for Defense Studies, Ministry of Defense (Japan). Document Files of the Ministry of the Navy. 1914–1920 Taisho War Documents Attachment Japan-Germany war Pacification preparatory committee Minutes. T3-241-698.

761. Chugai commercial Shimpo. 1914.8.23; Jijishinpo. 1914.8.23.

762. Taiwan Shimpo day Sun. 1914.8.23; Osaka Asahi Shimbun. 1914.8.23.

763. Chugai commercial Shimpo. 1914.8.23; Asahi Shimbun. 1914.8.24.

764. Asahi Shimbun. 1914.10.31; Osaka Asahi Shimbun. 1914.10.31.

765. *Burdick C.B.* The Japanese Siege of Tsingtao: World War I in Asia. Hamden, 1976. P. 34; 1914 in Japan: Siege of Tsingtao. London, 2010. P. 18.

766. Jijishinpo. 1914.10.31; Fukuoka daily newspaper. 1914.10.31.

767. Asahi Shimbun. 1914.11.1; Yamato Shimbun. 1914.11.7.

768. Jijishinpo. 1914.10.31.
769. Chugai commercial Shimpo. 1914.10.31.
770. Kobe Shimbun. 1914.11.1.
771. Fukuoka daily newspaper. 1914.10.31; Jijishinpo. 1914.10.31; Osaka mainichi shinbun. 1914.10.31.
772. Osaka Asahi Shimbun. 1914.11.8.
773. Kobe Shimbun. 1914.11.8; Taiwan Shimpo day Sun. 1914.11.8.
774. Osaka Asahi Shimbun. 1914.11.8.
775. *Исаков И. С.* Операция японцев против Циндао в 1914 г. М., 2002. С. 140–41.
776. Osaka Asahi Shimbun. 1914.11.8.
777. Tokyo nichinichi shinbun. 1914.11.7.
778. Osaka Shimpo. 1914.11.8.
779. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. British Oriental Colonies. Vol. 1. B-1-6-3-055.
780. Tokyo nichinichi shinbun. 1914.11.7.
781. Jijishinpo. 1914.11.8.
782. Osaka mainichi shinbun. 1914.11.8.
783. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. C-5-2-2-51.
784. *Пестушко Ю. С.* Почему японские войска не попали на европейский фронт // Япония: ежегодник. 2007. № 36. С. 270.
785. Osaka Shimpo. 1914.11.8; Tokyo nichinichi shinbun. 1914.11.7; Chugai commercial Shimpo. 1914.11.7.
786. Osaka mainichi shinbun. 1914.11.07–1914.11.19.
787. Asahi Shimbun. 1914.11.10; Yamato Shimbun. 1914.11.11.
788. *Кошкин А. А.* Первая мировая война и Восток // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 43.
789. Fukuoka daily newspaper. 1914.12.1; Jijishinpo. 1914.12.2; Chugai commercial Shimpo. 1914.11.30.
790. *Toyoda J.* Kato Takaaki to Taisho demokurashi. Kodansha, 2000. P. 224.
791. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs. Records of the Ministry of Foreign Affairs. Series 1. 1-7-3-126.

792. Jijishinpo. 1915.1.7; Yokohama trade Shimpo. 1915.1.8; Keijo Daily. 1915.1.9; Fukuoka daily newspaper. 1915.1.9.

793. Hsu I. The Rise of Modern China. Oxford, 1970. P. 494; Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. М., 2005. С. 147; Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2009. С. 51.

794. Kawamura N. Turbulence in the Pacific: Japanese-U. S. Relations During World War I. N.Y., 2000. P. 35–38.

795. Manchuria daily newspaper. 1915.01.19.

796. Jijishinpo. 1915.01.18.

797. Tokyo nichinichi shinbun. 1915.01.20.

798. Asahi Shimbun. 1915.01.25; Yamato Shimbun. 1915.01.26.

799. Иссу К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С. 73.

800. Chugai commercial Shimpo. 1915.02.20; Jijishinpo. 1915.02.21; Taiwan Shimpo day Sun. 1915.02.20; Osaka Asahi Shimbun. 1915.02.21; Jijishinpo. 1915.02.21.

801. China and the World War. Stanford, 1937. P. 48; Saturday Evening Post. 1915.05.25.

802. Takeuchi T. War and diplomacy in the Japanese empire. Chicago, 1935. P. 285; Guoqi Xu. China and the Great War: China's Pursuit of a New National Identity and Internationalization. Cambridge, 2005. P. 95–101.

803. McCord E. A. The Power of the Gun: The Emergence of Modern Chinese Warlordism, Berkeley, 1993. P. 30.

804. Jijishinpo. 1916.06.5; Tokyo nichinichi shinbun. 1916.06.6.

805. Diplomatic Archives of the Ministry of Foreign Affairs (Japan). Records of the Ministry of Foreign Affairs. B-1-6-1-486.

806. Кошкин А.А. Первая мировая война и Восток // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 45.

807. Manchuria daily newspaper. 1916.07.5; Jijishinpo. 1916.07.4.

808. Барышев Э.А. Японские винтовки на русском фронте во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.): малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Япония. Ежегодник. 2011. С. 238–245; Барышев Э.А. Роль князя Ямагата в подготовке русско-японского союза 1916 г.: За кулисами визита

великого князя Георгия Михайловича в Японию // Япония. Ежегодник. 2007. С. 265.

809. Международные отношения на Дальнем Востоке 1840–1949. М., 1956. С. 278–280.

810. Tokyo nichinichi shinbun. 1918.01.28; Kobe Shimbun. 1918.01.29; Osaka Asahi Shimbun. 1918.01.25.

811. Osaka Asahi Shimbun. 1918.11.13.

812. National newspaper (Japan). 1918.11.11.

813. Osaka mainichi shinbun. 1918.11.13.

814. Asahi Shimbun. 1918.11.13; Tokyo nichinichi shinbun. 1918.11.13.

815. *Uyehara S.* The industry and trade of Japan. London, 1936. P. 241.

816. Jijishinpo. 1914.09.7.

817. Jijishinpo. 1914.09.18; Asahi Shimbun. 1914.9.15; Kobe Shimbun. 1914.09.14.

818. Chugai commercial Shimpo. 1914.09.18–1914.09.23.

819. Chugai commercial Shimpo. 1914.09.23.

820. Osaka Asahi Shimbun. 1914.09.27.

821. Osaka mainichi shinbun. 1914.09.10.

822. *Young M.* Japan Under Taisho Tenno. New York, 2010. P. 71–80.

823. *Yamasaki O.* The effect of the world war upon the commerce and industry of Japan/London, 1929. P. 18.

824. Osaka Asahi Shimbun. 1914.09.11.

825. Jijishinpo. 1914.09.19; Tokyo nichinichi shinbun. 1914.09.4.

826. Osaka Asahi Shimbun. 1914.09.10.

827. China newspaper interpreting communications. 1914.09.18.

828. China newspaper Interpreting communications. 1915.02.03.

829. Jijishinpo. 1915.02.05.

830. Osaka Asahi Shimbun. 1915.02.09; Kyoto sunrise newspaper. 1915.02.07.

831. Tokyo Metropolitan Government. Statistics Division, Bureau of General Affairs. Tokyo Statostical Year Book, 1920.

832. *Karan P., Kristin E.* The Japanese City. Lexington, 1990. P. 124; Population and Number of Households as of 1 December, Heisei 22. Nagoya City. 2010. 20 December.

833. Osaka mainichi shinbun. 1918.02.27; Jijishinpo. 1918.03.12.
834. Chugai commercial Shimpo. 1918.02.24.
835. Jijishinpo. 1918.02.16; Osaka Asahi Shimbun. 1918.03.29.
836. Osakamainichishinbun. 1918.02.20; Kobe Matashin Daily. 1918.02.1; Kyoto sunrise newspaper. 1918.02.23.
837. Yomiuri Shimbun. 1918.02.7; Kyoto sunrise newspaper. 1918.03.15.
838. *Crump J.* The Anarchist Movement in Japan, 1906–1996. New York, 1996.
839. *Бедняк И.Я., Гальперин А.Л.* Очерки новой истории Японии. 1640–1917. М., 1958. С. 479.
840. *Frykberg R.* Bondetåget. 1914. Stockholm, 1959. S. 26–27.
841. Samhälle och riksdag. D. III. Stockholm, 1966. S. 65.
842. *Carlgrén W.M.* Neutralität oder Allianz. Sthlm, 1962. S. 33 etc.
843. *Sonne H.* Stauning eller kaos. Kbhvn, 1973. S. 13.
844. *Бекстрем К.* История рабочего движения в Швеции (1902–1917). М., 1966. С. 25–30.
845. История Норвегии. М.: Наука, 1980. С. 330.
846. *Nielsen C.* Udvalgte breve. Kbhvn, 1954. S. 71.
847. *Scavenius E.* Dansk udenrigspolitik under den første verdenskrig. Kbhvn, 1959. S. 113.
848. *Kårsted T.* Hvad skal det nytte? Århus, 1969. S. 230.
849. *Riste O.* The Neutral Ally. Norway's Relations with Belligerent Powers in the First World War/Oslo, 1965; *Carlgrén W.M.* Neutralitat oder Allianz. Sthlm, 1962. S. 30–43.
850. *Бацис П.Э.* Россия и нейтральная Норвегия (1914–1917) // Новая и новейшая история. 1972. № 6. С. 25.
851. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 49. С. 22.
852. *Консетт М.* Триумф невооруженных сил (1914–1918). М., Л., 1941. С. 354.
853. *Montgomery A.* Svensk och internationell ekonomi. Lund s.a.I., 1960. S. 4.
854. Historisk statistikk. 1968. S. 212.
855. Gyldendal og Politikens: Danmarks historie. Kbhvn, 1988. Bd. 7. S. 89–93.

856. Dansk social historie. Bd. 6. S. 26–27; O. Rode I krigens vendetegn. Kbhvn, 1972. S. 27.

857. *Kårsted T.* Grundloven med et rids af dens historie gennem 125 år, 1849–1974. Kbhvn, 1975. S. 24–26.

858. История Норвегии. М., 1980. С. 344.

859. Ruslands Diktator døde I Mandags // Social Demokraten. 1924. 23 Jan.

860. *Левлиен Э.* Рабочий класс Норвегии и Октябрьская революция // Международная жизнь. 1957. № 10. С. 64–68.

861. *Fluger H.* Den Socialdemokratiske partiledelse. Alexander Helphand og den II Internationales fredsbeftrebelsler 1914–1917. Bd. 2. Kbhvn, 1974. S. 9.

862. *Grass M.* Friedensaktivität und Neutralität. Die skandinavische Socialdemokratie und die neutrale Zusammenarbeit im Krieg. August 1914 bis Februar 1917. Bonn; Bad-Godesberg, 1975. S. 25, etc.

863. *Lange O.* Jorden er ikke større H.N. Andersen ØK og storpolitiken, 1914–1937. Kbhvn, 1988. S. 280. Записка-резюме Х.Н. Андерсена (дат. яз.). ГА РФ. Ф. 601. 1915. Оп. 1. Д. 602. Л. 1–9.

864. *Кудрина Ю.В.* Императрица Мария Федоровна. Дневник. Письма. Воспоминания. 1847–1928. М., 2001. С. 120.

865. *Davis Gerald H.* National Red Cross Societies and Prisoners of War in Russia, 1914–18 // Journal of Contemporary History. 1993. Vol. 28. S. 31–52; A. H. Brun. Blandt krigsfanger I Turkestan. Kbhvn, 1930.

866. *Кудрина Ю.В.* Рец. на кн. П. Сундбёл «Политика Дании в отношении Исландии. 1917–1918» // Вопросы истории. 1982. № 6.

867. *Кудрина Ю.В.* Дания в первой мировой войне // История Дании в отношении Исландии. 1917–1918 // Вопросы истории. 1882. № 6. С. 28.

868. *Gjerløw O.* Norges politiske historie. Oslo, 1936. Bd. 3. S. 28.

869. *Rode O.* J krigens vendetegn. Kbhvn, 1972. S. 110.

870. *Кудрина Ю.В.* Первая мировая война и Дания // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 42–45.

871. *Wille U.* Bericht an die Bundesversammlung über den Aktivdienst 1914–1918. Bern, 1926. S. 8.

872. *Fuhrer H.R.* Die Schweizer Armee im Ersten Weltkrieg: Bedrohung, Landesverteidigung und Landesbefestigung. Zürich, 1999. S. 105–141.

873. *Петров И.А.* Очерки истории Швейцарии. М., 2006. С. 553.

874. *Sprecher D.* Generalstabchef Theophil Sprecher von Bernegg: Eine kritische Biographie. Zürich, 2000.

875. *Ревякин А.В.* Война и интеллигенция во Франции // Первая мировая война: Пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 491.

876. *Shilling Ch.* Blocher. Zürich, 1994.

877. *Петров И.А.* Указ. соч. С. 554.

878. *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. М., 1990. С. 199.

879. *Huber M.* Denkwürdigkeiten 1907–1924. Zürich, 1974. S. 252.

880. *Falke K.* Der schweizerische Kulturwelle: Ein wort an die Gebildeten des Landes. Zürich, 1914.

881. *Kurz H.R.* Dokumente der Grenzbesetzung 1914–1918. Frauenfeld, 1970. S. 60.

882. *Zeller R.* Emil Sonderegger: Vom Generalstabchef zum Frontenführer. Zürich, 1999. S. 40.

883. *Петров И.А.* Указ. соч. С. 555.

884. *Schoch J.* Die Oberstenaffäre: Eine innenpolitische Krise 1915–1916. Bern, 1972.

885. *Пуанкаре Р.* На службе Франции. М., 1936. Кн. II. С. 330.

886. *Петров И.А.* Указ. соч. С. 555; *Singer B.* Maxime Weygand: a biography of the French general in two World wars. Jefferson (NC), 2008. P. 27.

887. *Гессе Г.* Избранное. М., 1977. С. 35.

888. Documents Diplomatiques Suisses. Vol. 6. (1914–1918) / Dir. J. Freymond. Genève, 1981. № 268, 269, 279. P. 494, 509.

889. История США. Т. 2. М., 1985. С. 356; *Петров И.А.* Указ. соч. С. 576.

890. Documents Diplomatiques Suisses... N 316. P. 563; Berner Tagwacht. 1917. 28 Juni.

891. Documents Diplomatiques. Suisses... № 318, 319. P. 566–567.

892. Ibid. N 322. P. 569.

893. *Blancart Ch.* Die Devisenpolitik während des Weltkrieges. Aug. 1914 — Nov. 1918. Zürich, 1919.

894. *Михалевский Ф.И.* Золото в период мировых войн. М., 1945. С. 22, 26.

895. *Knauss R.* Die deutsche, englische und französische Kriegsfinanzierung. В.; Leipzig, 1923. S. 73.

896. *Петров А.И.* Указ. соч. С. 563.

897. *Темкин Я.Г.* Ленин и международная социал-демократия 1914–1917. М., 1968. С. 36.

898. О роли Гримма в Циммервальдском движении см. подробнее: История II Интернационала. М., 1966. Т. II. С. 449, 452–456, 499, 501.

899. *Драгунов Г.П.* Швейцария: история и современность (Очерк новейшей истории). М., 1978. С. 22–23.

900. Там же. С. 27.

901. *Schmid-Ammann P.* Die Wahrheit über den Generalstreik von 1918. Zürich, 1968. S. 204–209, 423–424.

902. Der Landesstreik-Prozess gegen die Mitglieder des Oltener Aktionkomitees vor dem Militärgericht 3. 2 Bde. Bern, 1919.

903. *Фарнер К.* Рабочий класс Швейцарии до и после Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958; *Домнич М.Я.* Первая всеобщая политическая забастовка в Швейцарии // Новая и новейшая история. М., 1959. № 1. С. 47–63.

904. Международные отношения в эпоху империализма Сер. III (далее — МОЭИ). Т. 5. М.; Л., 1934. № 70. С. 81–83.

905. Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 260.

906. Çështja shqiptare në aktet ndërkombëtare të periudhës së imperializmit. Vëll. II (1912–1918). Tiranë, 1987. Dok. № 156. F. 617–618.

907. Wilhelm, Fürst von Albanien, Prinz zu Wied. Denkschrift über Albanien. Berlin, 1917; *Искендеров П.А.* Вильгельм Вид // Вопросы истории. 2012. № 12. С. 29–43.

908. Краткая история Албании... С. 264.

909. *Kolgjini T. Esat Pasha, tradhtar apo patriot. Tiranë, 2003; Искендеров П.А. Эсад-паша Топтани // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 49–66.*

910. *Çështja shqiptare në aktet ndërkombëtare... Dok. № 159. S. 629–633.*

911. *Sami M. Mbi aleancat politike e klasore në shoqërinë shqiptare gjatë viteve 1912–1921 // Studime historike. Tiranë, 1985. Nr. 1. F. 157–160; Shpuza G. Kryengritja fshatare e Shqipërisë së Mesme 1914–1915. Tiranë, 1987.*

912. *Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 71–72.*

913. Там же. С. 72.

914. *МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. М.; Л., 1935. № 695; Sami M. Shqipëria në rrjedhat e historisë: Përmbledhje studimesh, 1912–1924. Tiranë, 2007. F. 38–58.*

915. *Смирнова Н.Д. Указ. соч. С. 73.*

916. *Paradakis B. Histoire diplomatique de la question nord-épirote. Athenes, 1958. P. 43–45.*

917. *За балканскими фронтами Первой мировой войны/Отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2002. С. 131.*

918. *Fiçorri R. Ushtritë e huaja në Shqipëri 1912–1922. Tiranë, 2002. F. 146.*

919. *Shala Xh. Marrëdhëniet shqiptaro-serbe 1912–1918. Prishtinë, 1990. F. 248–249.*

920. *Fiçorri R. Op. cit. F. 79–80.*

921. *МОЭИ. Т. VI. Ч. 2. С. 261; Çështja shqiptare... Dok. № 161. F. 638.*

922. *Смирнова Н.Д. Указ. соч. С. 75.*

923. *Ostani T. Komisia letrare shqipe në Shkodër (1916–1918). Shkodër, 2004.*

924. *Çështja shqiptare... Dok. nr. 162. F. 643–645.*

925. *Краткая история Албании... С. 274.*

926. *Çami M. Shiptarët dhe francezët në Korçë (1916–1920). Tiranë, 1999. F. 54–70.*

927. *Çështja shqiptare... Dok. nr. 163. F. 645–656; Général Descoins. Six mois d'histoire de l'Albanie (novembre 1916-mai 1917) // Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale (Extrait des numeros d'octobre 1929 et janvier 1930). P., 1930. P. 13, 29–36.*

928. Çështja shqiptare... Dok. № 169. F. 664–665.
929. За балканскими фронтами... С. 331.
930. Çështja shqiptare... Dok. № 165. F. 658–659.
931. Краткая история Албании... С. 275.
932. Çështja shqiptare... Dok. № 166. F. 659.
933. *Смирнова Н.Д.* Указ. соч. С. 79–80.
934. Çështja shqiptare... Dok. № 168. F. 663.
935. *Libohova M.* Politika ime në Shqipëri 1916–1920. Tiranë, 2004. F. 9–20.
936. Çështja shqiptare... Dok. № 170. F. 666.
937. Turhan Pashë Përmeti. Shqipëria përballë Konferencës së Paqes Paris, 1919. Tiranë, 2007. F. 14–33.
938. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: исторический очерк. М., 2002. С. 472.
939. *Robles Muñoz C.* La política exterior de España. En 2 vol. Vol. 1: Una política mediterránea, occidental y de paz (1899–1905). Vol. 2: Junto a las naciones occidentales (1905–1914). Madrid, 2006; *Niño A.* Política de alianzas y compromisos coloniales para la «Regeneración» internacional de España, 1898–1914 // La política exterior de España en el siglo XX/Eds. J. Tusell, J. Avilés, R. Pardo. Madrid, 2000. P. 31–94; *Медников И.Ю.* Глава 6. На рубеже веков (1898–1914) // *Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П.* История внешней политики Испании. М., 2013. С. 155–180; и др.
940. *Carden R.M.* German policy toward neutral Spain, 1914–1918. N. Y.; L., 1987. P. 39.
941. *Медников И.Ю.* Между двух огней: внешняя политика Испании в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 2006. М., 2007. С. 26.
942. *Hernández Garvi J.L.* Españoles en la Primera Guerra Mundial: una historia desconocida y asombrosa // Historia de Iberia vieja: revista de historia de España. № 77. P. 20–28.
943. *Carden R.M.* Op. cit. P. 92–93.
944. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1915. Д. 102. Л. 7.
945. *Carden R.M.* Op. cit. P. 111–112.
946. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1916. Д. 27. Л. 65, 66, 68.

947. *Carden R.M.* Op. cit. P. 124–125.

948. *Ibid.* P. 166.

949. *Ibid.* P. 170.

950. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1917. Д. 32. Л. 148.

951. *Carden R.M.* Op. cit. P. 192.

952. *Espadas Burgos M.* España y la Primera Guerra Mundial // La política exterior de España en el siglo XX/Eds. J. Tusell, J. Avilés, R. Pardo. Madrid, 2000. P. 95–116; *Ponce Marrero F.J.* Canarias en la Gran Guerra, 1914–1918: estrategia y diplomacia (un estudio sobre la política exterior de España). Las Palmas, 2006; *Медников И.Ю.* Испания в годы Первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 2007. № 4. С. 51–66; *Он же.* Между двух огней: внешняя политика Испании в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 2006. М., 2007. С. 24–39; *Он же.* Глава 7. Испания и Первая мировая война (1914–1918) // *Аникеева Н.Е., Ведущкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П.* История внешней политики Испании. М., 2013. С. 181–209; и др.

953. *Cortés-Cavanillas J.* Alfonso XIII y la Guerra del 14: una documentación inédita y sensacional del archivo privado de Alfonso XIII en el Palacio Real de Madrid. Madrid, 1976; *Pando J.* Un Rey para la esperanza: la España humanitaria de Alfonso XIII en la Gran Guerra. Madrid, 2002.

954. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 257–259.

955. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1915. Д. 33. Л. 2.

956. *Cortés-Cavanillas J.* Op. cit. P. 261–268; *Seco Serrano C.* Alfonso XIII y los Romanov // *Arbor.* Madrid, 1977. № 378. P. 17–25; *Idem.* Viñetas históricas. Madrid, 1983. P. 288–312; *Médnikov Í.* Alfonso XIII y Nicolás II. Destinos cruzados // *Garrido M., Vallejo G.* De la Monarquía Hispánica a la Unión Europea: relaciones internacionales, comercio e imaginarios colectivos (Colección: «Vestigios de un mismo mundo». № 6). Murcia, 2013. P. 121–136; *Олано-Эренья А.* Испанский король и попытки спасения Николая II // Новая и новейшая история. М., 1993. № 5. С. 152–165; *Медников И.Ю.* Миссия спасения:

Альфонс XIII и российская императорская семья // Вестник РУДН. Серия: «Всеобщая история». М., 2011. № 1. С. 65–75; *Он же*. Альфонсо XIII и Романовы // Россия — Испания — Иberoамерика: перекрестный год сотрудничества: Сб. научн. трудов. М., 2011. С. 137–147.

957. *Seco Serrano C.* Alfonso XIII y los Romanov... P. 24.

958. *Díaz-Plaja F.* Francófilos y germanófilos. Madrid, 1981; *Кудрина Ю.В., Медников И.Ю., Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Глава 14. Нейтральные страны: политика нейтралитета и построения в обществе // Война и общество в XX веке. В 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 472–514.

959. *Соловьев Ю.Я.* Указ. соч. С. 251.

960. *Meaker G.H.* A civil war of words: the ideological impact of the First World War on Spain, 1914–1918 // *Neutral Europe between War and Revolution, 1917–1923* / Ed. by H.A. Schmitt. Charlottesville, 1988. P. 2.

961. *Ibid.* P. 1.

962. *Díaz-Plaja F.* La historia de España en sus documentaciones. Nueva serie: El siglo XX. Madrid, 1960. P. 320–321.

963. *Ibid.* P. 344–350.

964. *Ibid.* P. 353–364.

965. *Lacomba J.A.* Ensayos sobre el siglo XX español. Madrid, 1972; *Медников И.Ю.* Кризис 1917 года в Испании // Испанский альманах. Вып. 1: Власть, общество и личность в истории. М., 2008. С. 245–269; *Он же*. «Нейтралитеты, которые убивают» // Испанский альманах. Вып. 2: История и современность. М., 2010. С. 61–85.

966. *Tuñón de Lara M.* La España del siglo XX. 1914–1939. 2 ed. P., 1973. P. 29.

967. *Idem.* El movimiento obrero en la historia de España. Madrid, 1972. P. 511, 643.

968. *Padilla Bolivar A.* El movimiento socialista español. Barcelona, 1977. P. 198.

ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СОВЕТ

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА

А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Ю.Ф. Зарудин**, генерал-полковник в/о, Герой Советского Союза; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.А. Кокошин**, д.и.н., академик РАН; **В.Н. Лобов**, генерал армии, д.в.н., профессор, академик РАЕН; **В.И. Марченков**, генерал-полковник, д.п.н., профессор; **В.М. Михалкин**, маршал артиллерии, академик РАН; **В.В. Панов**, д.т.н., профессор, академик РАН; **С.Л. Тихвинский**, академик РАН, почетный президент Национального комитета российских историков; **С.С. Турунов**, адмирал; **В.В. Шикерин**, академик ЕАЕН; **Д.Т. Язов**, Маршал Советского Союза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

В.А. Золотарев, действительный государственный советник РФ I класса, д.и.н., д.ю.н., профессор, вице-президент РАЕН, член-корреспондент РАН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Н.В. Абросимов, д.э.н., профессор; **В.П. Баранов**, д.и.н., профессор; **И.И. Белоусов**, д.и.н., **Л.А. Буланов**, действительный член МАНПО, член-корреспондент МААНОИ; **М.М. Журавлев**, магистр (военная история), **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ; **В.П. Зимонин**, д.и.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН; **Н.В. Илиевский**, академик ЕАЕН, доктор философии Европейского университета; **А.В. Кирилин**, к.и.н., действительный член МАНПО; **А.А. Крылов**, почетный профессор РАЕН; **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., академик РАЕН; **Г.А. Куманев**, д.и.н., академик РАН, РАЕН, заслуженный деятель науки РФ; **А.А. Логинов**; **И.И. Максимов**; **А.И. Миренков**, к.и.н., профессор РАЕН, действительный член МААНОИ; **Н.М. Москаленко**, почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **Н.А. Петухов**, д.ю.н., профессор, доктор права Европейского университета; **Е.Г. Никитенко**, к.и.н., профессор; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, почетный президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **А.М. Соколов**, к.и.н., академик РАЕН, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны; **П.В. Стегний**, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол; **В.Г. Стрекозов**, д.ю.н., профессор; **А.А. Трубецкой**, почетный профессор и лауреат РАЕН; **Н.В. Усенко**, Герой Советского Союза, к.и.н., профессор РАЕН; **Б.П. Фролов**, к.и.н., член-корреспондент МАНПО; **Е.П. Чельшев**, академик РАН; **А.А. Чурилин**, д.и.н., профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол; **П.А. Шашкин**, к.ф.н.; **А.Б. Шевчук**, д.т.н., профессор; **И.А. Шермет**, д.т.н., профессор, академик РАЕН, ЕАЕН и МААНОИ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный Военно-исторический Совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ЕВРОПА И РОССИЯ В ОГНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ К 100-летию начала войны

Общественно-патриотические проекты
Клуба православных предпринимателей (КПП)
Руководитель, советник президента КПП *М.Р. Прокопюк*
Члены КПП *А.А. Маркин, Ю.В. Смыслов, Р.К. Шарифов,*
И.В. Березин, Е.П. Яценко, Я.Ю. Сеницкая

Ответственный за выпуск
член-корреспондент МАНПО *О.П. Ермилина*
Научно-контрольное редактирование
к.и.н., Ph. D. (im Geschichte) *Д.В. Суржик*
Редактор *Т.Ф. Зарецкая*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*
Корректор *Ю.В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru; info@profiok.com
www.inesnet.ru; www.profiok.com

Русский биографический институт
E-mail: whoiswho@whoiswho.ru
www.whoiswho.ru

РПП ИНЭС Р1401

Тираж 3000 экз.